РУССКОЕ СЛОВО

1861.

СЕНТЯБРЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.
Вас. Остр., 8 лин., № 25.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

РУССКОЕ СЛОВО

НА 1862 ГОДЪ.

Начиная четвертый годъ своего изданія, РУССКОЕ СЛОВО заявляетъ тѣмъ твердую увѣренность въ сочувствіи къ нему публики и въ своемъ возрастающемъ успѣхѣ. Этотъ успѣхъ, въ послѣдніе мѣсяцы, превзошелъ наши ожиданія; ему отвѣчало и будетъ отвѣчать искреннее желаніе Редакціи оправдать довѣріе нашихъ читателей; ихъ голосъ, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, есть единственный голосъ, которымъ мы дорожимъ.

Редакція «РУССКАГО СЛОВА» остается въ прежнемъ составѣ, и потому направленіе журнала не измѣняетъ своей главной цѣли. Вѣроятно, наши воззрѣнія на различные вопросы жизни, науки и искуства, наши симпатіи и антипатіи обозначились довольно ясно; полное же выясненіе ихъ будетъ зависѣть отъ времени. Къ наукѣ мы относились не

для самой науки, а съ серьезными и практическими требованіями, составляющими отличительную черту современной эпохи; за общественнымъ движеніемъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, мы слѣдили съ любовью и тревожнымъ ожиданіемъ, сосредоточивая особенное вниманіе не столько на внѣшнихъ явленіяхъ, сколько на внутреннемъ ихъ смыслѣ и значеніи; отъ произведеній искуства, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, мы требовали идеи и художественной правды, безъ которыхъ нѣтъ истиннаго искуства. Во всѣхъ сферахъ умственной и эстетической дѣятельности мы искали общечеловѣческихъ началъ и отъ нихъ старались перейдти къ сближенію съ тѣмъ народомъ, среди котораго живемъ и дѣйствуемъ; къ его интересамъ была направлена наша основная мысль; мы раздѣляли и будемъ раздѣлять его радости, смѣяться его смѣхомъ и горячо сочувствовать его горю.

Всякая односторонность, рутина и праздная игра въ отвлеченныя теоріи, задерживающія наше социальное развитіе, не найдутъ въ РУССКОМЪ СЛОВѢ ни одобрѣнія, ни сочувствія. Авторитеты, системы и отдѣльныя личности, какъ бы высоко они ни были поставлены, для насъ имѣютъ цѣну только тогда, когда они содѣйствуютъ своимъ талантомъ и трудами общему дѣлу. Въ наше время, внѣ общественныхъ интересовъ почти не возмоно представить себѣ поэта или ученаго, потому что только одно холодное равнодушіе, несовмѣстное съ истиннымъ дарованіемъ, духъ касты и партіи могутъ отдѣлять умственную дѣятельность отъ самой жизни общества.

Объяснивъ нашимъ читателямъ основной характеръ РУССКАГО СЛОВА, мы надѣемся остаться ему вѣрны, и не пренебречь ничѣмъ, что можетъ улучшить второстепенныя достоинства журнала. Главные отдѣлы его—*беллетристическій* и *ученый*, *политика*, *критика*, *иностранная литература*, *внутреннее обозрѣніе* и *дневникъ темнаго человѣка*—сохранятъ свой прежній видъ, но обогатятся новыми дѣятелями, на которыхъ мы имѣемъ основаніе расчитыватъ.

Шахматный листокъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ постоянно прилагаться къ РУССКОМУ СЛОВУ.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 12-ти книжекъ, отъ 25—35 листовъ каждая. Цѣна за годовое изданіе «РУССКАГО СЛОВА» — 12 р. 50 к. безъ пересылки, а съ пересылкой 14 р. Главная подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ РУССКАГО СЛОВА, что на Гагаринской пристани, въ домѣ графа Г. А. Кушелева-Безбородко и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, что на Страстномъ бульварѣ; затѣмъ — у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и Петербурга.

Изъ старыхъ и новыхъ подписчиковъ на «РУССКОЕ СЛОВО» тѣ, которые подпишутся *не позже пятнадцатаго декабря*, получатъ премію—третій выпускъ «ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», изданныхъ подъ редакціей Н. И. Костомарова и А. Н. Пыпина, или вмѣсто Памятниковъ полное собраніе сочиненій Л. А. Мея (въ 3 томахъ), смотря по желанію каждаго подписчика. При этомъ редакція проситъ покорнѣйше означать ясно, какую изъ двухъ премій избираетъ подписавшійся. Кромѣ того, подписчики «РУССКАГО СЛОВА» всегда пользуются уступкой 20% на всѣ сочиненія, изданныя редакціей впродолженіи трехъ лѣтъ (*).

Желая облегчить доступъ къ подпискѣ на «РУССКОЕ СЛОВО» небогатымъ читателямъ, редакція допускаетъ разсрочку въ уплатѣ денегъ — для служащихъ—по третямъ черезъ ихъ казначеевъ,—для всѣхъ прочихъ—по личному или письменному объясненію съ редакціей.

(*) Изданія эти слѣдующія:

Сочиненія А. МАЙКОВА. Въ 2 томахъ. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 75 к. Сочиненія А. ОСТРОВСКАГО. Въ 2 томахъ. Цѣна 3 р. съ перес. 3 р. 75 к. Сочиненія И. ПАНАЕВА. Въ 4 томахъ. Цѣна 3 р. Съ перес. 4 р. 50 к. Разсказы Я. ПОЛОНСКАГО. Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. ВЪ ПРОВИНЦІИ. М. МИХАЙЛОВА. Въ 2 томахъ. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 40 к. ГРАЦІЯ-ЛИ (романъ Джули Кавана, перев. съ англійскаго, въ 2 част.) Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 40 к. ПОЛЬ ФЕРРОЛЬ. (Перев. съ англійскаго). Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. Очеркъ англійскихъ нравовъ ТЕККЕРЕЯ. (Перев. съ англійскаго). Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. Рисунки БОКЛЕВСКАГО. Сцены и типы изъ сочиненій ОСТРОВСКАГО, въ 6 выпускахъ. Цѣна за каждый выпускъ 1 р. съ перес. 1 р. 50 к.

Примѣч. 1. Редакція считаетъ долгомъ предупредить, что въ случаѣ жалобъ на недоставку книжекъ РУССКАГО СЛОВА, она строго отвѣчаетъ за исправность только передъ тѣми, кто подписался въ конторѣ РУССКАГО СЛОВА.

Примѣч. 2. Редакція съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на запросы и требованія своихъ подписчиковъ и, насколько будетъ зависѣть отъ нея, исполнять ихъ просьбы безотлагательно.

Редакторъ-Издатель **графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко.**

Печатать позволяется. Санктпетербургъ 24 сентября 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

въ типографіи н. тиблена и комп. (на В. О., 8 л., № 25).

РУССКОЕ СЛОВО.

IX.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

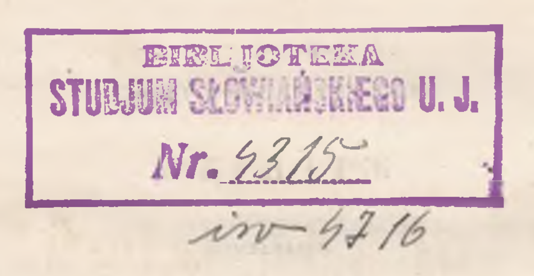
1861.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. ТИБЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 26 сентября 1861 года.

Цензоръ *Е. Волковъ.*

БѢГЛЯНКА.

РОМАНЪ.

(*Окончаніе.*)

XII.

..... Только грѣетъ ее миленькой дружочекъ
Молодецкою, сердечною любовью...
(Русская пѣсня).

Быстро смѣнялись окрестные виды. Вотъ уже кончилась луговая равнина и залило ее всю густымъ туманомъ, волны котораго, — видно, не къ вёдру, — поднялись въ иныхъ мѣстахъ высоко и заволокли часть неба. Дорога пошла въ гору; начались поля подъ хлѣбами и подъ паромъ; замелькали по обѣимъ сторонамъ деревушки съ плакучими ивами и кудрявыми березами; дальше, — стали попадаться зыбкіе, гремучіе мостики черезъ рѣчки и овраги да тряскія гати черезъ болотца. Но на все это бѣглянка не обращала вниманія. Крѣпко прильнула она къ груди Алексѣя Алексѣича. Разгорѣвшаяся голова ея нѣсколько кружилась, отъ быстраго ли бѣга тройки, или отъ внезапно-нахлынувшихъ на душу ея новыхъ впечатлѣній; сердце замирало-замирало, но не отъ горя, не отъ предчувствія бѣды какой-нибудь, оно было полно такой радостью, какой никогда еще, во всю жизнь

свою, она не знала. Невольно слезы набѣгали ей на глаза, но слезы счастья и свободы... — И позабылась она подъ вліяніемъ одного глубокаго, тёплаго, радостнаго, умиляющаго чувства, чувства, которое удерживало ее на груди молодаго барина, ея заступника, человѣка, уже милаго ей больше всего на свѣтѣ.

А барину весело, очень весело.

— Эхъ!...—покрикиваетъ онъ на лошадей: эхъ, дружки-соколики!.. Поскорѣй бы добраться домой!.. Ну, ну, Андрюшка!.. пошолъ да пошолъ!..

И въ то же время онъ крѣпко и нѣжно прижимаетъ Марью къ груди своей, да изрѣдка заглядываетъ ей въ лицо.

— Не спишь ли, милая моя?..—спрашиваетъ онъ.

— Нѣту, не сплю... отвѣчаетъ она шопотомъ, и тихая, нѣжная улыбка освѣщаетъ лицо ея чуднымъ свѣтомъ.

— Ну, вотъ и Подберезники... наконецъ-таки доѣхали,— сказалъ баринъ.

Марья приподняла голову и съ любопытствомъ взглянула впередъ.

На самой дорогѣ показалось небольшое селеніе; дворовъ съ-тридцать было раскидано по отлогому, песчаному берегу рѣчки. Дома крестьянскіе всѣ были новенькіе, съ-иголочки, а у многихъ изъ нихъ дворы еще не были обгорожены и крыши даже не покрыты. Вся улица была запружена обгорѣлыми бревнами, балками, столбами, кучами угольевъ, расколотыми воротами, опрокинутыми скамьями, всякимъ разбитымъ и поломаннымъ имуществомъ крестьянскимъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ—новыми досками и лѣсомъ, все больше вершинникомъ, да кучами моху и соломы. Посередь деревушки, въ трехъ-четырехъ мѣстахъ, копошился и гомонилъ людъ православный,—тамъ только-что еще ставили новые срубы.

— Видно пожаръ былъ недавнышко... — тихо молвила Марья, и на сердцѣ у ней защемило, словно дѣло шло о родимой деревушкѣ; погорѣли-то какъ, горемышные, — вишь, всю деревню выхватило...

— Бабёнка проклятая спалила, — вынесла золу подъ навѣсъ... — отвѣчалъ баринъ; слава Богу, усадьба моя уцѣлѣла... Эй, Андрюшка! пошолъ-ко лучше задами...

Гасподская усадьба была расположена за деревней, на отлогомъ пригоркѣ. Посреди многихъ, невзрачныхъ на видъ, надворныхъ построекъ занималъ мѣсто большой, одноэтажный домъ, съ бельведеромъ. По одну сторону дома стоялъ высокой, темнозеленой стѣною старинный садъ. Обширно-занесенная усадьба, огромный фасадъ дома, съ толстыми колоннами, балкономъ и широкой террасой, спускавшейся въ цвѣтникъ, видимо поразили Марью.

— Экой домина!.. невольно вымолвила она.

— Строилъ дѣдушка–бояринъ, — отозвался Алексѣй Алексѣичъ; а у него было нѣсколько тысячъ душъ...

Кучеръ шибко подкатилъ къ крыльцу. Выскочивъ изъ тарантаса, баринъ помогъ выдти и Марьѣ.

На крыльцѣ уже дожидалась прислуга. Прежде всѣхъ выбѣжалъ навстрѣчу старикъ-лакей, легкій еще на ногу, съ виду благообразный, хотя съ лукавымъ и льстивымъ нѣсколько выраженіемъ въ глазахъ. За нимъ, и словно прячась за спиной его, держался молодой малый, въ изодранномъ, испачканномъ сертучишкѣ, съ заспаннымъ, измятымъ и пьянымъ лицомъ. Сзади всѣхъ выплывала важной поступью высокая, сухощавая старуха, въ темномъ ситцевомъ платьѣ, съ платкомъ на головѣ, повязаннымъ по–купечески. Ядовитымъ взглядомъ окинула она Марью и поджала какъ-то особенно тонкія губы.

— Готова моя комната? — спросилъ на-скоро Алексѣй Алексѣичъ.

— Готова-съ... пожалуйте, батюшка Алексѣй Алексѣичъ... Благополучно ли съѣздить изволили?.. проговорилъ старикъ–лакей, цѣлуя барина въ локоть.

— А мы васъ, батюшка, совсѣмъ заждались... начала старуха и хотѣла–было тоже приложиться къ барину.

Но баринъ не удостоилъ своихъ вѣрныхъ домочадцевъ ни словечкомъ, ни даже взглядомъ; держа крѣпко Марью за руку, онъ чуть-не-бѣгомъ пустился по длинному и темному корридору. А Марья не смѣла глазъ поднять, не смѣла взглянуть на сторону. Она шла за Алексѣемъ Алексѣичемъ, дрожма-дрожа; въ головѣ у ней звѣнѣло; передъ глазами бѣгали красныя искорки; сердце хотѣло выскочить изъ гру-

ди. Не видала и не слыхала она, какъ вошли въ большую комнату, окнами въ садъ.

Баринъ задернулъ окны гардинами, сѣлъ на постель и притянулъ къ себѣ Марью. Обнялъ онъ ее, цѣловалъ, ласкалъ...

Ни жива, ни мертва, блѣдная, какъ полотно, сидѣла она возлѣ него. Глаза у ней остановились, — она трудно дышала, не могла слова выговорить.

— Чтó съ тобой, милая моя Маша?.. — шепнулъ баринъ, выпей водицы... постой... я подамъ тебѣ...

И онъ далъ ей напиться и лицо вспрыснулъ. Она вся вздрогнула — и нѣсколько опамятовалась...

— Не бойся... ангелъ мой, — говорилъ онъ, осыпая ее поцѣлуями; ты полюбилась мнѣ. . тебѣ хорошо будетъ жить у меня...

Вдругъ она выскользнула изъ его объятій и обхватила его ноги.

— Родимый мой... касатикъ, ненаглядный... — шептала она, сквозь рыданія, не погуби меня... а я тебѣ покорилась...

— Не бойся... никого не бойся... — говорилъ онъ, поднимая ее; я полюбилъ тебя... я твой заступникъ...

Вся объятая огнемъ страсти, она вскинула руки вокругъ его шеи и замерла...

Баринъ заснулъ крѣпко и сладко; Марья же не спала и не могла заснуть. Въ душѣ ея неслись игривыя мысли, летучія, какъ весеннія облака. Полная свѣтлаго счастья, она была бодра и бодро прислушивалась и приглядывалась ко всему, что было вокругъ. Вотъ слышитъ она: дробный дождикъ журчитъ на дворѣ, листья деревьевъ тихо лепечутъ. Но скоро замолкли это журчанье и лепетъ, зато гдѣ-то, — должно быть на деревнѣ, — пѣтухи стали громко перекликаться. И все то были — знакомые, отрадные звуки.

Сквозь темныя занавѣски оконъ лучъ свѣта дневнаго пробрался будто-украдкой. Сначала проложилъ онъ себѣ ломанную, блестящую дорожку поверхъ баночекъ, скляночекъ, ящичковъ и разныхъ бездѣлушекъ, которыми былъ заваленъ столъ, стоявшій въ простѣнкѣ, а потомъ ударился въ одинъ

изъ угловъ комнаты, засвѣтилъ тамъ радужнымъ свѣтомъ слоистый столбъ легкой пыли и разыгрался на мѣдныхъ пуговкахъ по краямъ диванчика, на серебряной оковкѣ сѣделъ, лежавшихъ на полу, да на ярко-красныхъ узорахъ небольшаго ковра, висѣвшаго на стѣнѣ. Но Марья могла разглядѣть не одни тѣ предметы, на которыхъ весело разыгрывался лучъ свѣта, ей были видны на стѣнахъ ружья, пистолеты, кривыя турецкія сабли, рога охотничьи, узды и уздечки. Все это привлекало къ себѣ полное ея вниманіе, а особенно заглядѣлась она на одну странную фигуру, стоявшую тоже въ углу: то былъ словно человѣкъ, одѣтый въ какую-то рубашку изъ колечекъ, съ чудной шапкой на головѣ, съ лицомъ, закрытымъ рѣшоткою. И не утерпѣла Марья, встала потихоньку съ постели и, оглянувшись съ любовью на спящаго барина, подкралась къ этому человѣку въ кольчатой рубашкѣ и чудной шапкѣ. Подошла она къ нему смѣло и близёхонько, потрогала рукой его одёжу и хотѣла было приподнять съ лица рѣшотку, только не смогла этого сдѣлать.

— Вишь, какое чучело поставлено... прошептала она, почти съ досадою; ну, зачѣмъ оно тутъ понадобилось?..

Вдругъ, въ стѣнѣ, у которой стоялъ человѣкъ-чучело, замѣтила она маленькую дверь, толкнула ее полегоньку и дверь отворилась. Передъ Марьей была длинная, высокая, свѣтлая комната, съ большими окнами, передъ которыми росли огромныя деревья стараго сада.

Марья вошла въ эту комнату и притворила дверь за собою. Женское любопытство ея сильно разыгралось; ей захотѣлось познакомиться съ жилищемъ ея милаго барина.

«Экія просторныя горницы!... молвила она про себя, весело оглядывая комнату; вотъ ужъ точно барскія палаты... а садъ-то... а садъ-то... словно лѣсъ густой стоитъ!»...

Вдоль стѣнъ тянулись огромные дубовые шкафы съ книгами; только не въ большомъ порядкѣ была библіотека Алексѣя Алексѣевича. Шкафы эти были расперты, у иныхъ дверцы висѣли на одной петлѣ, а стекла во всѣхъ почти дверцахъ были перебиты. Книги, —все больше въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ и съ краснымъ обрѣзомъ по краямъ,

лежали и стояли на полкахъ въ самомъ странномъ безпорядкѣ; многія же изъ нихъ и на полу валялись.

Посерединѣ комнаты стоялъ большой билліардъ, покрытый пожелтѣлою парусиною. Марья съ негодованіемъ взглянула на него: ей вдругъ вспомнился трактиръ, гдѣ пировалъ ея Кузька.

«Чортово игрище!.. промолвила она довольно громко: и сюда-то его угораздило... а кажись, не слѣдъ бы ему тутъ быть»...

И нѣсколько сурово оглянула она опять всю комнату. На этотъ разъ какъ-то не понравился ей весь видъ ея, а особенно было ей не-по-сердцу, что всѣ эти книги разбросаны да и вся комната такъ не въ приборѣ. Но она не захотѣла остановиться на чувствѣ недовольства, нечаянно шевельнувшемся въ душѣ ея,—и проворно вышла изъ комнаты.

Она вошла въ длинный и темный корридоръ. При входѣ въ него, она остановилась минуты на двѣ, на три. Какъ-то непріятно было ей смотрѣть въ глубь этого корридора и она пошла впередъ потихоньку, словно ощупью. Въ концѣ корридора была большая, грязная передняя, въ которой на ту пору никого не было. Высокія двери вели изъ нея въ огромную комнату: то была зала.

Мрачный видъ этой комнаты поразилъ Марью. Большія окна освѣщали залу съ двухъ сторонъ, но въ ней было почти темно. Иныя окна притворены были ставнями, для того, должно быть, что въ нихъ стекла были перебиты, и во всѣхъ окнахъ, плотно-затворенныхъ, стекла не были мыты, казалось, съ незапамятнаго времени. Въ одномъ углу лежало много кусковъ отпавшей съ потолка штукатурки, и возлѣ этой кучи мусора стояло корыто, вполовину наполненное водою: тутъ свободно пробиралась капѣль черезъ ветхую крышу дома. Болѣзненно сжалось сердце Марьи, при видѣ этого запустѣнія, и на мгновеніе она закрыла глаза рукою.

Но открывъ снова глаза, съ жаднымъ любопытствомъ стала она оглядывать все, что было вокругъ. Сначала пристально смотрѣла на толстыя колонны у входа въ залу, надъ которыми были устроены хоры для музыкантовъ, на высо-

кій, темный потолокъ, на стѣны, покрытыя грязно–сѣроватымъ цвѣтомъ съ прозеленью; потомъ начала она переходить съ мѣста на мѣсто, словно хотѣла найдти такое мѣстечко, съ котораго вся комната могла бы представиться ей въ лучшемъ видѣ. Разщелившійся паркетный полъ трещалъ и скрипѣлъ подъ ея черевиками; гулко отдавалась походка ея въ пустой, огромной залѣ и стало Марьѣ въ ней холодно, душно и жутко.

Наконецъ подошла она къ окну. Изъ него была видна большая часть полисадника. Дорожки въ немъ заросли; отъ мѣстъ, гдѣ были клумбы съ цвѣтами, остались едва примѣтные признаки, но смотрѣть на него было весело; весь онъ обратился въ сплошной зеленый лугъ, посреди котораго три, случайно уцѣлѣвшіе, розовые куста были усыпаны роскошными цвѣтами; а по краямъ полисадника густо разрослись акаціи, сирень и другія кустовыя растенія. Кругомъ виднѣлись слѣды ограды, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее замѣнялъ простой плетень, и–то недодѣланный. Видъ этого мѣста, покрытаго свѣжей, густою зеленью, живительно подѣйствовалъ на Марью.

Изъ окна видѣнъ былъ уголъ терассы, выходившей въ полисадникъ. Марья смекнула, что выходъ на терассу долженъ быть изъ слѣдующей комнаты. Любопытство нашей бѣглянки еще не утомилось; оно поманило ее заглянуть и въ эту комнату.

То была гостиная, огромная тоже комната, и видъ ея былъ несравненно лучше залы, въ ней нисколько не замѣчалось запустѣнія. Тутъ находилось много старинной, великолѣпной мебели, чинно стояли кресла и диваны, обитые малиновымъ штофомъ, огромныя зеркала занимали простѣнки у балконной двери, на другихъ стѣнахъ висѣли большія картины въ позолоченныхъ рамахъ, на подзеркальникахъ стояли прекрасные часы и большіе, бронзовые подсвѣчники; вездѣ, несмотря на густую пыль, просвѣчивала позолота. Марья нѣсколько смутилась, при видѣ этой роскоши, и хотѣла-было выйдти изъ комнаты, но не удержалась и взглянула въ зеркало. Покрытое густымъ слоемъ пыли, оно тускло отразило ея фигуру. Марья оглянулась, никого за ней

и передъ ней не было, осторожно смахнула она пыль съ зеркала и невольно засмотрѣлась на себя.

Странно было ей видѣть себя въ чужомъ, цыганскомъ нарядѣ, съ непокрытой головой, съ распущенными косами, странны даже показались ей черты собственнаго лица. Разнообразныя впечатлѣнія отражались на немъ и словно боролись между собою, а глубокій взглядъ ея черныхъ глазъ былъ полонъ какого-то недоумѣнія.

Все глядя въ зеркало, задумалась она глубоко. Мысли бѣгло смѣнялись—смѣнялись и, незамѣтно для ней самой, вдругъ остановились на томъ человѣкѣ, котораго внезапно и такъ сильно она полюбила.

«Полюбилася я ему... думала она, полюбилася... касатикъ мой, ненаглядный, ласковый!...»

Въ эту минуту дверь гостиной шибко распахнулась и вошелъ баринъ подберезниковскій. Онъ былъ совсѣмъ по-домашнему: въ бѣломъ, полотняномъ пальто на-распашку, въ красной, шелковой рубашкѣ, косной воротъ которой былъ отстегнутъ, въ широчайшихъ, полосатыхъ шараварахъ, завязанныхъ толстымъ шнуркомъ съ кистями, да въ шитыхъ золотомъ торжковскихъ туфляхъ на босую ногу. Лицо барина было свѣжо и весело, но въ движеніяхъ отражалась какая-то лѣнь и истома. Глаза его нѣсколько щурились. Волосы на головѣ были всклокочены.

— А!... вотъ гдѣ ты обрѣтаешься!... сказалъ баринъ, подойдя къ Марьѣ и обнимая ее; стоитъ себѣ, моя красавица, передъ зеркаломъ, стоитъ да любуется на себя.

Марья крѣпко застыдилась и закрылась рукавомъ.

— Ну, вотъ это ужь не хорошо, молвилъ онъ, смѣясь: чего жъ ты стыдишься и закрываешься, словно вотъ мои... и онъ рукой махнулъ въ ту сторону, гдѣ была деревня. Тебѣ это вовсе не къ лицу, ты вѣдь разбитная, бѣдовая, да и важная персона... какъ-бишь тебя?.. Ахъ, да... вспомнилъ... Марья Трентебулаевна...

Марья тоже засмѣялась.

— Какая там Трентебулаевна... возразила она, вишь что старый бѣсъ выдумалъ!.. Зовутъ меня взаправду Марьей, только по отцу-то Ефимовна я была.

— Была,—а теперь какъ стала?

— Да и теперича все также.

— Ну, и прекрасно!.. Ефимовна такъ Ефимовна... А поди-ка сюда, садись ко мнѣ поближе... Любовалась ты на себя тутъ вдоволь, дай же мнѣ теперь полюбоваться...

Обнялъ онъ ее и насильно усадилъ на диванъ, и самъ сѣлъ тутъ же, какъ могъ поудобнѣе. Опять жаркимъ полымемъ обхватило Марью и она опустила на грудь помутившуюся голову.

— Чтожъ... и поцѣловать-то меня не хочешь?.. сказалъ онъ.

Марья взглянула на него, глаза ея засвѣтились мягкимъ, нѣжно-ласкающимъ блескомъ и сама она поцѣловала барина долгимъ-долгимъ поцѣлуемъ...

И ласкалъ онъ ее нѣжно, то осыпая жаркими поцѣлуями, то смотря ей прямо въ глаза и гладя по головѣ, какъ любимаго ребенка...

— Ахъ ты прелесть моя, чудная Маша!.. — проговорилъ онъ. И гдѣ ты такая родилась?.. а?.. ну, скажи же мнѣ....

— Чай, неподалечку отсюдова... — отвѣчала она полушепотомъ и словно въ раздумьи.

— А ты мнѣ скажи, кто ты и откудова?...

— Ненаглядный мой!.. — сказала она и хотѣла-было встать, но онъ не пустилъ ее. Не спрашивай меня... Дай ты мнѣ какую нинаесть работу — въ полѣ, аль въ саду работáть, за птицей, чтоль, за коровами ли ходить... каменья ворочать заставь — все я смогу... Не прогоняй только меня, горькую!...

Алексѣй Алексѣичъ съ безпокойствомъ, даже подозрительно, поглядѣлъ на нее и призадумался.

— Да ты бѣдъ какихъ не надѣлала ли? — тихо промолвилъ онъ наконецъ; ради Бога, лучше скажи... Можетъ, и большихъ бѣдъ ты натворила?.. Становые, исправники!.. стряпчій у насъ лихой такой... — привяжутся, пожалуй... И такъ не мало возни мнѣ съ ними...

Она поглядѣла на него пристально и задумчиво.

— Нѣту, баринъ, не опасайся,—твердо молвила она,—никакихъ бѣдъ я не надѣлала. Изъ дому только ушла и ушла-

то самой не въ-домёкъ... не-въ-моготу стало—жила-жила, терпѣла-терпѣла... А вотъ же тебѣ право-слово и сама не знаю, какъ это ушла... И не украла я синя-пороха, ничего ихняго мнѣ ненадобно, — пропадай они пропадомъ!.. Нѣту, касатикъ, нѣту, родимый!.. не положила я грѣха на душу...

— И то сказать, — возразилъ баринъ вдругъ развеселившись,—такая ты красавица, взглядъ у тебя свѣтлый и нѣжный... Нѣтъ! быть не можетъ, чтобы ты была способна на что-нибудь такое!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Ну, да и полно же объ этомъ... Теперь вотъ-что лучше: ѣсть, пить мнѣ хочется...

Онъ вскочилъ съ дивана, засвисталъ, въ ладоши захлопалъ и сталъ звать громогласно: «эй вы!.. люди!.. человѣки!.. Прошка!.. Антонъ!.. Мотька!.. чаю давай на террасу!. »

Сильный голосъ барина звонко раздавался по всему дому; но «люди-человѣки» не скоро-таки явились. Алексѣй Алексѣичъ самъ наконецъ изволилъ отправиться на крыльцо и уже оттуда докликался. Прежде всѣхъ прибѣжалъ старикъ Антонъ, и баринъ, выбранивъ его порядкомъ, отдалъ приказанія о чаѣ.

Между-тѣмъ Марья стояла у дивана, угрюмо потупясь въ землю. Ей было неловко и жутко; даже робость какая-то напала на нее. Думала она и передумывала все о вопросѣ, сдѣланномъ бариномъ, а особенно о томъ вопросѣ — не надѣлала ли она какихъ-нибудь важныхъ бѣдъ.—«Вишь, чего опасается!.. а говорилъ, что полюбилася ему...»—размышляла она про себя. И стало ей такъ горько, обидно и ужъ Богъ знаетъ на кого досадно, — а досада сильная кипѣла у ней на сердцѣ.

Баринъ опять разлегся-себѣ на диванѣ. Онъ хотѣлъ-было усадить Марью возлѣ себя, но она не сѣла и съ силою выдернула руку свою изъ его рукъ.

— Видишь, какая сильная. . замѣтилъ баринъ разсмѣявшись, потомъ сталъ барабанить по столу и насвистывать какую-то пѣсенку.

Старикъ-Антонъ скорёхонько приготовилъ столъ для чаю, да поглядѣвъ, нѣсколько съ раздумьемъ, на Марью, вдругъ

догадался, барину самъ поставилъ кресло, а Мотькѣ приказалъ принести на террасу еще стулъ изъ залы. Наконецъ выплыла и Кузминична, съ связкой ключей въ одной рукѣ и большою чашкой въ другой. За нею Прошка несъ огромный самоваръ; за Прошкой шелъ Антонъ съ корзинкой для хлѣба и бутылкой рома; шествіе замыкалъ Мотька съ ящикомъ для чаю и сахару.

— Анфиса Кузьминична!..—сказалъ Антонъ полушепотомъ, другую бы чашку еще надоть...

— Вотъ еще!..—отвѣчала она, сквозь зубы,—пускай *самъ* прикажетъ.

— Пойдемъ, Маша, чаи китайскіе распивать... сказалъ баринъ, лѣниво приподнимаясь съ дивана, — и, взявъ ее за плечи, ввелъ на террасу. Онъ сѣлъ на свое кресло и указалъ Марьѣ на стулъ. Въ эту минуту Кузьминична не утерпѣла и окинула ее опять недобрымъ взглядомъ, но Марья сама такъ взлянула на нее, что та какъ-разъ потупилась въ землю. Сердито всполохнулось сердце бѣглянки; она не сѣла на указанное ей мѣсто и отошла на другой конецъ террасы.

Передъ домомъ была большая луговина, посередь которой росъ только одинъ огромный, развѣсистый вязъ. За луговиной тянулась извилинами проселочная дорога, а дальше раскидывалась бугристая полевая мѣстность, съ двумя неказистыми рощами да съ малыми кой-гдѣ кустиками по лощинкамъ. Вправо, за обширнымъ прудомъ, съ нѣсколькими островками, заросшими ивами и вётлами, виднѣлись два ряда строющихся избъ погорѣлой деревни. Взоръ Марьи бѣгло окинулъ всю окрестность и остановился на деревнѣ: слышенъ былъ тамъ стукъ топоровъ и шумъ народа за работою.

Этотъ, видимо, спѣшный трудъ, передъ самой *страдной* порою, этотъ трудъ, для поправки большой бѣды, занялъ все вниманіе бѣглянки. Тамъ, на деревнѣ, было вдоволь дѣла и старому и малому. Дѣло это не чужимъ показалось ей. Призадумалась она о причинѣ пожара и зло взяло ее на бабёнку, вынесшую золу съ горячими угольями подъ навѣсъ. А то и самый пожаръ живо представлялся ея воображенію.

Захотѣлось ей на деревнѣ побывать, посмотрѣть на работу. «И помочь можно было бы кому нинаесть...». думала она.

Но ни работа на деревнѣ, ни поля и луга, освѣженные утреннимъ дождемъ, не занимали барина. Бѣловатый свѣтъ солнца, лившійся сквозь тонкія облачка, словно мѣшалъ ему смотрѣть на окрестность,—Алексѣй Алексѣичъ все щурился да позѣвывалъ. Зато взоры его съ полнымъ вниманіемъ перенеслись на чашку чаю, которую налила ему Кузминична. Чашка эта оказалась, по его обзору, черезчуръ полна; онъ отлилъ изъ ней половину чаю и долилъ ромомъ. Опершись головою на бѣлую руку, онъ позабылъ, казалось, все, что̀ было вокругъ, весь предался любимому бездѣлью и впалъ въ сладкую дремоту, которая не отрывала его, однако, отъ крѣпкаго напитка;—онъ, и сквозь дремоту, частенько прихлёбывалъ изъ чашки...

Такъ прошло не мало времени. Марья, мысли которой стали спокойны, хоть и не веселы, все глядѣла на деревню. Баринъ словно дремалъ, но и усердно потягивалъ пуншикъ. Кузминична поглядывала изподлобья то на барина, то на Марью, да изрѣдка пожевывала губами.

— Эй, Мотька!... крикнулъ вдругъ Алексѣй Алексѣичъ,— трубку!.. трубку, разбойникъ!.. самъ бы долженъ былъ догадаться, что барину угодно трубку курить...

Мотька мигомъ явился съ трубкою.

Возгласъ барина заставилъ Марью оглянуться, и опять засмотрѣлась она на него съ любовью. Что-то молодцеватое, хоть и беззаботное, выражалось въ оживившейся внезапно физіономіи Алексѣя Алексѣича; глаза его ярко сверкали,— онъ недаромъ допивалъ уже четвертый стаканъ пуншу.

— Но ты, кажется, чаю не пила?... замѣтилъ Алексѣй Алексѣичъ; да тебѣ и чашки-то не подали!.. Кузьминична! ты чегожъ смотрѣла?... Могла бы догадаться... Ну, живо!.. изволька сама теперь принести для ней чашку...

Подвыпивши, много ли, мало ли, баринъ всегда говорилъ съ разстановкою и очень серьёзно. И трезвый, и пьяный, онъ бывалъ тихъ, не боекъ на руку и даже не бранчивъ, однако, лишь только подвыпьетъ, что̀ бывало частенько,— всѣ нѣсколько побаивались его, можетъ-быть оттого, что

любилъ онъ тогда силу свою показывать, а сила у него была такая, что не стыдно было бы употребить ее и на хорошее трудовое дѣло...

Кузьминична, хоть и съ крайней неохотою, однако же очень скоро исполнила приказаніе барина.

«Вотъ еще какой барынѣ привелъ Богъ служить!..» злобно подумала она и трусливо покосилась на Марью.

— И мнѣ тоже стаканчикъ налей, — сказалъ Алексѣй Алексѣичъ Кузьминичнѣ; лишній будетъ,—да ныньче можно... По старой, гусарской привычкѣ... добавилъ онъ, обращаясь къ Марьѣ, какъ-будто въ извиненіе себѣ.

Марьину чашку старуха налила неполною и должно быть сдѣлала это съ такого расчету: «чтобы жить-то тебѣ, дескать, во-вѣки-вѣковъ, неполнымъ домомъ!».. Какъ ни бойка была бѣглянка, а ей стало какъ-то неловко: она не рѣшилась даже достать себѣ кусокъ сахару изъ сахарницы, которую подвинула ей Кузминична; не-по-нутру ей былъ чай, пила она его черезъ-силу,—и блюдечко дрожало у ней въ рукѣ.—«Вишь, старая колдовка, все торчитъ тутъ передъ глазами...» думала она о Кузминичнѣ, не оставаясь, какъ видно, у ней въ долгу.

Выпивъ чашку, Марья обернула ее вверхъ-дномъ, въ знакъ того, что не хочетъ больше. Кузьминична тотчасъ же ушла съ террасы.

— Ну, Маша... чернобровая, пригожая моя... заговарилъ баринъ, растягивая слова еще длиннѣе, — чтожъ мы дѣлать теперь станемъ?.. Ужъ нечего сказать, скучновато у насъ жить... А не хочешь ли, покажу тебѣ мое хозяйство... мое житье-бытье?.. Да, да, точно, надо тебѣ показать... Псарня у меня новёхонькая, лучшая псарня въ цѣломъ околоткѣ!.. Несчастье только мое, чума недавно была, многихъ собакъ лишился....

Марья, молча, поднялась съ мѣста. Онъ тоже всталъ, подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ и, осмотрѣвъ ее съ ногъ до головы, молвилъ, къ великому ея смущенію:

— Ну, Маша, чортъ знаетъ, что̀ за негодное тряпье виситъ на тебѣ!.. Нѣтъ ли у тебя во что̀ нибудь другое переодѣться?

— Гдѣ жъ мнѣ взять?—отвѣчала она,—Цыгане-то до-чиста́ обобрали всю мою одёжу... Вотъ дослать бы къ нимъ,—отдадутъ, авось...

— Какъ же! что́ къ нимъ попало, пиши—пропало... Но, голубка моя, ты не печалься: сошью я тебѣ такихъ нарядовъ, всѣмъ на заглядѣнье...

— Ничего мнѣ не надобно...

— Какъ ничего?.. вотъ пустяки!.. надо и... надо!.. разодѣну я тебя, моя голубка, на славу! — Хочу, чтобы ни объ чемъ ты не тужила...

— Что́ мнѣ тужить?... не тужу я.... Что́ ужъ теперича тужить?—возразила она задумчиво.

— Значитъ, ты довольна, что ко мнѣ попала?

— Чтожъ... довольна... тихо промолвила она наконецъ, а сердце у ней вдругъ защемило.

О чемъ бы такъ? Кажись, все теперь есть у ней чего душа желала: и воля, и покой, и любовь.....

Баринъ, конечно, не замѣтилъ грустнаго настроенія Марьи. Обнялъ онъ ее и пошелъ съ нею съ террасы.

— Пойдемъ-ка, посмотримъ что́ есть у меня лучшаго,—сказалъ онъ; а тамъ, покажу тебѣ, пожалуй, и весь домъ... кромѣ одной только комнаты... добавилъ онъ, понизивъ нѣсколько голосъ.

Въ залѣ Марья увидала, что корыто уже прибрано, но мокрые слѣды отъ него еще оставались, да и штукатурка съ потолка все лежала на полу. Алексѣю Алексѣичу словно и дѣла нѣтъ ни до чего, онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на безпорядки въ залѣ; но Марью это опять заняло. «Какой полъ-то хорошій, узорчатый,—какъ бы не пожалѣть такого добра!».. подумала она.

Черезъ переднюю прошли на широкое крыльцо. Ступени на лѣстницѣ подгнили и перекосились; Алексѣй Алексѣичъ велѣлъ Марьѣ осторожнѣе переступить черезъ одну ступень, видно, не совсѣмъ-то надежную.

— Починить бы надо... промолвила Марья.

— Мало-ль тутъ надо починить,—отвѣчалъ онъ,—да такъ, все вотъ времени нѣтъ... Да и когда мнѣ заниматься разными пустяками?...

Дворъ, большой и широкій, но страшно засоренный, былъ обнесенъ съ трехъ сторонъ людскими избами, сараями, погребами, конюшнями, да разными мелкими строеніями, и все это было ветхо и въ высшей степени запущено. У въѣзда на дворъ держались кой-гдѣ остатки забора; подгнившіе столбы его нагнулись въ разныя стороны и грозили паденіемъ; а отъ рѣшетчатыхъ воротъ оставалась одна только половинка, другая же совсѣмъ исчезла. Въ углу двора, за дрянными хлѣвушками, высилась новенькая, обширная и нарядная псарня самой фантастической формы.

Алексѣй Алексѣичъ направился прямо къ псарнѣ, но Марья отстала отъ него и остановилась посередь двора.

Непріятно ей было смотрѣть на полуразрушенныя надворныя службы; но барскій домъ, съ его обширнымъ фасадомъ, казался ей почтеннымъ и величавымъ. Привлекали тоже все ея вниманіе: какая-то стеклянная будка надъ домомъ, до сихъ поръ никогда еще невиданная ею и объ которой не знала она что̀ и подумать, да сѣнистыя верхушки деревьевъ сада, примыкавшаго съ одной стороны вплоть къ дому. А какія большія окна! жаль только, что много стеколъ повыбито, а иныя и совсѣмъ заколочены досками. Тонкая рѣзьба надъ окнами во многихъ мѣстахъ обвалилась. Тесовая обшивка стѣнъ тоже кой-гдѣ, какъ будто нарочно, отодрана.

Баринъ спѣшно дошелъ до любимой своей псарни. Съ прыжками и ласковымъ визгомъ выбѣжали къ нему пять-шесть борзыхъ собакъ крупной породы. Онъ прищелкивалъ пальцами; собаки вились около него, лизали его руки, прыгали ему на грудь и на плеча. Алексѣй Алексѣичъ былъ очень веселъ и отъ всей души потѣшался любимыми псами.

Наконецъ онъ замѣтилъ, что Марьи нѣтъ съ нимъ, и вышелъ опять на дворъ.

— Чтожъ ты?—крикнулъ онъ Марьѣ, которая, стоя посередь двора, все смотрѣла на домъ;—поди-ка сюда!.. Вотъ полюбуйся собаками-то... не бойся, онѣ не кусаются.

— Ну, чего бояться?..—отвѣчала она; да нѣтъ, не пойду... Что̀ мнѣ на собакъ смотрѣть?..

— Какъ-же такъ?—я зову тебя, а ты и нейдешь?...

— А зачѣмъ я пойду? возразила она нѣсколько сурово, ты вотъ лучше приказалъ бы починить кое-что... Право-слово, жалостно...

Онъ подошелъ и посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Вѣдь какія важныя хоромы-то! замѣтила она опять.

— Какой-важныя... отвѣчалъ онъ, смѣючись,—плоховаты стали, больно плоховаты, ну, и пускай ихъ догниваютъ... Вотъ, погоди, новый домъ выстрою... я ужъ думалъ объ этомъ... право, выстрою, если только... Авось, какъ-нибудь и сберуся... Да ты странная бабёнка, добавилъ онъ: каприза ты, что-ль, или же... ужъ Богъ тебя знаетъ...

— Ахъ, жалостно смотрѣть!.. повторяла она, хоромы такія, что въ нихъ надо бы вѣкъ изживать...

— Да, точно... сказалъ онъ нѣсколько грустно, славный былъ домъ... матушка какъ его любила!.. Вонъ, крыша вся худа, потолокъ обваливается, полы, печи... да и все, все... А ты знаешь-ли сколько денегъ надо, чтобы все это исправить?..

Съ минуту онъ стоялъ, потупившись въ землю, потомъ тряхнулъ головою, явно отгоняя докучную мысль, и сказалъ какъ-то очень не весело:

— Эхъ, чортъ возьми! надо вотъ было заговорить обо всемъ этомъ... ты, пожалуй, хандру на меня такъ-то нагонишь...

И подхвативъ ее на руки, онъ поднялъ ее какъ малаго ребенка. Она отбивалась изо всей мочи, но видя, что силъ не хватаетъ, засмѣялась и обвила руками его шею.

Но у крыльца онъ выпустилъ Марью,—тутъ невзначай онъ натолкнулся на троихъ мужиковъ.

— Что надо?... зачѣмъ опять?... спросилъ онъ ихъ довольно сердито.

— Къ вашей милости, батюшка... отвѣчали они въ одинъ голосъ.

— Ну, говорите же скорѣе!...

— Да лѣску, батюшка, нехватаетъ... началъ одинъ мужичокъ, старикъ дряхлый и слабый.

— Такъ и есть,—сказалъ баринъ, съ досадою: такъ и есть... а я-то гдѣ возьму для васъ лѣсу?... И такъ давалъ-давалъ...

— Какъ же быть-то, батюшка?... молвилъ другой мужикъ, съ виду крѣпкій и пасмурный: вонъ въ Озерецкомъ лѣсу больно строго стали смотрѣть... А силъ нашихъ нехватаетъ... купить, знамо, не на что...

— Планида господня захватила... печально сказалъ старикъ, вѣдь все до тла, батюшка, погорѣло, совсѣмъ-таки отощали... Безъ вашей милости хоть ложись да и умирай...

Старикъ повалился барину въ ноги; двое другихъ сдѣлали то же. Въ это мгновеніе Алексѣй Алексѣичъ невзначай взглянулъ на Марью. Въ глазахъ ея бѣгали слезы и у него самого сердце какъ-то особенно вдругъ встрепенулось.

— Вставай, ребята!.. тихо промолвилъ онъ; вставай, что валяться-то въ ногахъ... Такъ и быть, еще разъ дамъ вамъ лѣску... Вѣдь вотъ въ чемъ дѣло-то, ребята: сами знаете, лѣсу у меня небольно много осталось... а я на него, въ случаѣ особенной крайности, расчитываю...

— Батюшка, на вашу долю Господь пошлетъ... отозвался старикъ, а мы-то вѣчно будемъ Бога молить за вашу милость...

— Ну, хорошо, хорошо... берите, сколько кому еще нужно, только смотрите, пожалѣйте и меня...

Съ этими словами, баринъ проворно, чуть не бѣгомъ, ушелъ въ домъ.

Отраднымъ, сладкимъ чувствомъ переполнилось сердце бѣглянки. Она спѣшно тоже пошла въ комнаты и ей такъ хотѣлось броситься на грудь къ этому доброму, къ этому любимому ею барину.

Она нашла его въ библіотекѣ. Онъ доставалъ изъ шкафовъ билліардные шары и кіи, хранившіеся наряду съ произведеніями человѣческаго ума.

— А, Маша милая, Маша ягодка моя,—сказалъ баринъ: поиграемъ-ко вотъ на билліардѣ...

— Да я не умѣю... отвѣчала она, улыбаясь.

— А ты учись и выучишься.

Онъ сорвалъ парусину, разставилъ шары и прицѣлился.

— Смотри,—говорилъ онъ, вотъ концомъ этой палки надо ударить въ шаръ такъ, чтобы онъ могъ вогнать другой шаръ въ какую нибудь лузу.

— Видать-то я видала, замѣтила Марья.

— А гдѣ?

— Въ нашемъ трактирѣ.

— Э, да ты и по трактирамъ хаживала...

— Не по своей охотѣ, отвѣчала она, понахмурившись.

Но Алексѣю Алексѣичу скоро надоѣло играть въ-одиночку; онъ бросилъ кій, потянулся, зѣвнулъ и сказалъ Марьѣ:

— Обѣдать еще рано, пойдемъ-ко въ садъ...

— Сюда вотъ идти? спросила Марья, указывая на дверь, противуположную той, которая вела въ залу.

— Нѣтъ... эта дверь всегда заперта... торопливо отвѣчалъ Алексѣй Алексѣичъ.

— А что тамъ?

— Тамъ спальня моей матери... отвѣчалъ онъ, и лицо его вдругъ приняло особенно серьёзное выраженіе.

И пошли они въ садъ. Лучезарно сіяло надъ ними уже совсѣмъ безоблачное, ярко-голубое небо. Ладно были настроены ихъ молодыя сердца, «идутъ они словно голубь съ голубкою», сказалъ бы, глядя на нихъ, простой человѣкъ, у кого есть способность сочувствовать молодой любви, у кого взоръ незавидливо смотритъ на чужое счастье.

Въ эти минуты Марья забыла все прежнее, всѣ тревоги, всѣ маленькія разочарованія, уже испытанныя ею въ домѣ любимаго человѣка. Опять предалась она полному чувству любви. Опять упивалась имъ, не уставая, ся бодрая душа. И баринъ тоже все позабылъ, кромѣ милой ему простой крестьянки... Что жъ онъ?—нашелъ ли забаву потѣшнѣе всѣхъ старыхъ забавъ, понадоѣвшихъ ему, или же чувство его настолько еще бодро и свѣжо, чтобы и не дѣлать изъ любви потѣхи?... Нѣтъ, и его любовь хороша въ эту минуту. Добрыя, свѣтлыя мысли вьются вокругъ его беззаботной головушки; отрадная тишина наполняетъ его душу.

Обширный, старый садъ принялъ ихъ привѣтнымъ, тихимъ лепетомъ, переливавшимся по вершинамъ деревьевъ, онъ словно заманивалъ въ свою темную чащу. Въ этой ча-

щѣ, подъ вѣтвями огромныхъ липъ и кленовъ, лежали прохладныя тѣни, лежали, тихо дрожа и качаясь, когда западали къ нимъ лучи солнца, стоявшаго на-полдняхъ. За прохладными аллеями, на малыхъ полянкахъ, заросшихъ высокой травою, ярко и свободно разъигрывался солнечный свѣтъ. Хорошо и привольно было въ саду! Богъ послалъ такую благодатную теплынь, что всѣ растенія шли шибко въ ростъ. Зеленымъ покровомъ разостлались ползучія травы по кучамъ хворосту на полянкахъ, и тутъ, бойко чиликая, весело прыгали воробьи. А стрекозамъ какое было раздолье въ густой травѣ! трещали они во всю мочь и безъ-умолку. На сторонѣ аллей, освѣщенной полнымъ сіяніемъ солнца, жужжали рои пчелъ за работою. А чуть гдѣ просвѣтъ въ аллеяхъ, и лучи свѣта играли тамъ искристо—толклись въ тѣхъ мѣстахъ золотистыя мошки. Въ этомъ старомъ, запущенномъ саду чудно слаживались тогда тѣни и свѣтъ, глубокая тишь и жизнь, полная движенья да звуковъ.

Алексѣй Алексѣичъ приказалъ разостлать коверъ подъ тѣнью огромной липы, одиноко росшей на одной изъ полянокъ. Тутъ онъ разлегся и Марья сѣла возлѣ него. Полузажмурясь, онъ глядѣлъ на свою подругу и чему-то тихо улыбался; улыбкою же и она отвѣчала ему. И долго не говорили они ничего.

— Маша... промолвилъ онъ наконецъ, любишь ты меня?..

— Полюбила... отвѣчала шепотомъ бѣглянка.

— Ахъ, Маша! надивиться не могу... ты ничего не боишься,—прямо, какъ-то твердо говоришь... Ты какъ-будто не крестьянка...

— Что же бояться-то?—спросила она съ удивленіемъ.

— Да вонъ другія изъ васъ боятся чего-то, кобенятся, слова путнаго отъ нихъ не добьешься...

— А я-то, развѣ умѣю я говорить?.. Спросишь ты,—я и отвѣчу по-просту, только по-правдѣ... А то гдѣ жъ мнѣ самой рѣчь начинать?—я и словъ то не приберу...

— Нѣтъ, ты не такъ это говоришь... Ну, попробуй, начни сама рѣчь,—скажи мнѣ что-нибудь...

— Чтожъ мнѣ сказать теперича?.. молвила она, безъ смущенія, глядя ему прямо въ глаза; да, вотъ что: милѣй

ты мнѣ роду-племени... Добрый ты, ласковый, ненаглядный мой баринъ!...

— Не называй меня бариномъ, Маша. Какой для тебя я баринъ? Зови меня просто, по имени: Алексѣемъ, Алёшой, пожалуй...

— Какъ же такъ? словно не приходится... отвѣчала она, засмѣявшись; ты вѣдь взаправду баринъ, а я—что̀?... я простая мужичка.

— И, вздоръ какой! Помни только, что я люблю тебя...

— Вправду ты это говоришь?... спросила она, глядя на него задумчиво и пристально.

— Да я говорю тебѣ вправду...

— Право слово—великое дѣло... тихо сказала она и призадумалась.

И опять они замолчали. Мысль Марьи продолжала трудно работать надъ послѣдними рѣчами ея милаго, а онъ, положивъ голову ей на колѣни, предался сладкой дремотѣ.

Такъ прошло часа два. Наконецъ Марья устала думать да и проголодалась порядочно; она рѣшилась разбудить барина.

— Алёша... сказала она несовсѣмъ твердо и остановилась на этомъ словѣ.

— Что̀, милая?—спросилъ съ улыбкой проснувшійся баринъ.

— Ѣсть хочется....

Изъ—за обѣда баринъ хлопоталъ очень усердно: самъ бѣгалъ въ домъ раза два съ разными приказаніями. За столомъ, накрытымъ въ саду подъ липою же, онъ ухаживалъ за Марьей, какъ—будто за барыней—гостьей, хотя и подсмѣивался надъ тѣмъ, что она, съ—непривычки, обожгла себѣ ротъ серебряной ложкой. И странное дѣло: онъ не подпилъ за обѣдомъ, какъ это прежде случалось, и даже почти не притронулся до любимаго своего хереса.

Незамѣтно прошло время до вечера; еще незамѣтнѣй миновалъ вечеръ. Баринъ и Марья весело и радостно провели все это время, то бродя по саду, то болтая, на коврѣ, подъ липою о всякой всячинѣ. Полный ладъ былъ между ними.

Настала ночь. Весь садъ одѣлся мрачною тѣнью. Тревожно стали перелетывать летучія мыши. И наконецъ наши влюбленные ушли въ домъ.

XIII.

Скорёхонько наша Марья Ефимовна освоилась съ новымъ бытомъ. Въ первые же дни этотъ барскій домъ, обширный, старый и мрачный, сталъ казаться ей уже не чужимъ домомъ. Взоръ ея какъ-то сразу привыкъ къ огромнымъ комнатамъ съ высокими потолками и большими, какъ двери, окнами. Къ одному только не могла она привыкнуть, это—къ безпорядку, къ запустѣнію, къ нечистотѣ, ко мраку въ домѣ. И тутъ не сидѣла она, сложивши руки. Въ кабинетѣ Алексѣя Алексѣича, служившемъ ему и спальнею, она сама все убрала: пыль обмела вездѣ, перетерла баночки, сткляночки и всякія бездѣлушки,—и все здѣсь приняло новый, щеголеватый видъ. При уборкѣ въ кабинетѣ, смѣло касалась рука Марьи даже къ уздамъ, пистолетамъ и саблямъ,—только бумаги и книги опасалась она трогать, и тутъ ужъ просила самого Алексѣя Алексѣича помочь ей привести и эту часть въ порядокъ. Онъ смѣялся, но слушался ея. И не одинъ кабинетъ захотѣла Марья привести въ порядокъ. Во всемъ дому полы были вычищены, стекла перемыты и двойныя рамы выставлены; двери и ставни поправлялись, даже худая часть крыши надъ залой чинилась. Съ указанія Марьи и самъ Алексѣй Алексѣичъ началъ видѣть необходимость и возможность исправленій. Онъ уже толково сталъ приказывать, что̀ и какъ дѣлать. Закипѣла работа, и барской, лежебокой дворнѣ вдругъ нашлось много дѣла.

И крѣпко не-по-нутру пришлись дворнѣ всѣ эти новые порядки. Сразу догадались, кто затѣялъ такія новости—и всѣ не взлюбили Марью, а особенно старуха Кузьминична, у которой сердце словно почуяло что-то неладное, когда еще въ самый первый разъ окинула она эту пришелицу своимъ

недобрымъ взглядомъ. Однако, дворовые, и не взлюбивъ Марью, тѣмъ не менѣе всѣ, кромѣ Кузминичны, сами напрашивались къ ней на услугу. Первый примѣръ въ этомъ подалъ лакей. Антонъ–старикъ былъ умница и какъ–разъ догадался, что этой простой крестьянкѣ суждено было имѣть въ ихъ домѣ большое значеніе. Глядя на Антона, и каждый спрашивалъ Марью по своему дѣлу: «Марья Ефимовна, дескать, какъ вы приказать изволите?»... Даже поваръ приходилъ–было къ ней за приказаніями насчетъ стола, но она весьма благоразумно отклонила отъ себя эту честь. А впрочемъ она распоряжалась и приказывала такъ, какъ-будто весь вѣкъ только и дѣлала, что̀ приказывала.

А ужъ какъ доставалось Марьѣ за глаза отъ этой дворни! Всѣ ее бранили, ругали, называли «бѣглою», «цыганкою», подозрѣвали, что околдовала барина, проклинали ее подчасъ всячески, но никогда не смѣялись насчетъ ея,—знать не было въ ней ничего, вызывающаго на насмѣшку. Но вышелъ скоро такой случай, что и сама Кузьминична должна была покориться передъ Марьей Ефимовной, а отъ этого и заглазное возстаніе противъ послѣдней значительно попритихло.

Сталось это вотъ изъ–за чего:

Какъ–то Кузьминична разливала квасъ, то есть, разливала–то его толстая Нимфодора, дворовая дѣвка, находившаяся у нея подъ–рукою, а сама старуха только присматривала за дѣломъ. Она сидѣла при входѣ въ погребъ; около нея вертѣлся внучекъ ея, Моська, и, кривляясь, приставалъ, чтобы она достала ему вареньица. Въ эту минуту подошла къ нимъ Марья.

Увидавъ ее, мальчишка перевернулся на одной ножкѣ и убѣжалъ, а Нимфодора, поставивъ мѣдную яндову на опрокинутую кадку, зазѣвалась во всѣ глаза на Марью.

— Ну, ты! прикрикнула на дѣвку Кузьминична, не вставая съ мѣста и едва кивнувъ головою Марьѣ, чего стала?.. Нешто спрашиваютъ тебя, разиню?..

— Я пришла спросить, гдѣ шелковый спорокъ съ халата Алексѣя Алексѣича? сказала Марья.

— Какой тамъ спорокъ?—возразила Кузьминична, никакого спорка я не видала.

— Алексѣй Алексѣичъ приказалъ спросить, да велѣлъ мнѣ тоже, вмѣстѣ съ тобою, бабушка, въ кладовой поприбрать...

Лицо Кузьминичны перекосилось, а глазами она словно съѣсть хотѣла Марью.

— Чего тамъ еще прибирать? сказала она глухимъ голосомъ, да вотъ квасъ еще у меня не разлитъ...

— Я подожду, пожалуй, молвила Марья, опираясь на притолоку, и заглядывая внутрь погреба, а Кузьминична, отвернувшись къ ней спиною, принялась ворчать себѣ что-то подъ-носъ.

— Вишь, у васъ много-таки припасено всякой всячины, замѣтила Марья.

— Да, матушка, припасено, отвѣчала Кузьминична, вставши съ мѣста и запирая погребъ, слава тебѣ, Господи,— всего вдоволь! только вотъ наша бѣда, станетъ такое добро уходить не за своихъ домашнихъ, а тоже за пришлыхъ... Ну, пойдемте же, что-ль, добавила она грубымъ голосомъ и повела Марью къ кладовой.

Охъ, какъ трудно было Кузьминичнѣ отпирать для «цыганки» эту дубовую, окованную желѣзомъ, дверь, въ которую она одна входила вотъ уже столько лѣтъ!

«Дай срокъ,—твердила она себѣ на умѣ,—отважу я тебя отъ охоты совать носъ куда не спрашиваютъ!»..

Спорокъ не отыскался, онъ уже давно перешелъ во владѣніе одной изъ дочерей Кузьминичны, зато Марья увидала много вещей, о которыхъ, конечно, Алексѣй Алексѣичъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Сундуки были завалены полотномъ, холстиною, скатертями, а баринъ всегда нуждался въ бѣльѣ.

— Вотъ бы Алексѣю Алексѣичу рубашекъ нашить, сказала Марья.

— Господа носятъ сорочки, а не рубашки, строго замѣтила Кузьминична.

— Ну, хоть сорочекъ, по-вашему, отвѣчала Марья, улыбнувшись, только сшить-то надо безпремѣнно.

— Извѣстно, сошьются сорочки, вымолвила старуха, а сама подумала: вишь тебѣ, чортовой колдовкѣ, до всего дѣло есть!...

— Но Марья не унималась, ей все хотѣлось знать, все видѣть. Напрасно Кузьминична старалась припрятать отъ ней и то и другое.

— Нѣтъ, покажи-ко, покажи-ко, твердила Марья и до всего доходила подробно. Но наконецъ Кузьминична окончательно взбелѣнилась.

— И, матушка! злобно сказала она, чего еще тутъ смотрѣть? Лихой болѣсти, что ли, отыскивать?.. Цѣлый вѣкъ мы господамъ служили, а ужъ вдругъ и вѣры намъ не стало—Богъ вѣсть отъ кого!.. Тьфу, ты пропасть! срамота какая! Да эдакъ и жить нельзя... Нѣтъ ужъ, воля твоя, голубушка, мнѣ некогда больше возиться: вонъ повару провизію надо отпускать... Что жъ это, въ самомъ дѣлѣ, прости Господи!.. Пойдемте-ко, пойдемте-ко отсюдова...

Съ тѣмъ и выпроводила она Марью изъ кладовой.

— Залетѣла ворона въ высокія хоромы, говорила старуха въ полголоса (и Марья слышала эти слова), вишь ты, вороньи глаза, проклятые!..

Но Марья и сама наконецъ расходилась. Досадила ей старуха нестолько злобными рѣчами, сколько недопущеніемъ осмотрѣть и прибрать все въ кладовой.

— Коли такъ, сказала она Кузьминичнѣ, пускай я ворона, а пойдемъ-ко ты со мною теперича же къ барину! Не отпущу я тебя, не отцѣплюся, коли не пойдешь со мною...

Дѣлать было нечего, и старуха должна была явиться на барскій судъ. Марья разсказала Алексѣю Алексѣичу обо всѣхъ безпорядкахъ въ его кладовой и о томъ, что Кузьминична не хотѣла показать ей всѣ вещи, нетолько-что прибрать ихъ вмѣстѣ съ нею; не потаила также и про то, что старуха выбранила ее «вороной» и «вороньими глазами».

Откуда прыть взялась у Алексѣя Алексѣича! Грозно накинулся онъ на старуху и напустилъ на нее такого страха, какого она отродясь не видала. Марья принуждена была даже унимать расходившійся черезчуръ барскій гнѣвъ, но и тутъ Кузьминичнѣ стало не легче: къ довершенію ея горя,

онъ отнялъ ключи у ней ото всего и передалъ ихъ въ распоряженіе Марьѣ. Напрасно старуха жалобно твердила передъ бариномъ «гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость», онъ лишилъ ее вдругъ всѣхъ своихъ милостей.

Съ этаго разу значеніе Марьи Ефимовны въ глазахъ всѣхъ домочадцевъ усилилось чрезвычайно; они стали бояться ее. Они перестали заговаривать съ нею и уже смотрѣли на нее пуще, чѣмъ на настоящую барыню. «Тутъ ничего не подѣлаешь! толковали они промежъ себя, заворожила совсѣмъ барина цыганская колдовка!.. Вотъ, колибъ нашелся добрый человѣкъ, да отворожилъ бы... только гдѣ найдешь такого человѣчка?...

Марья какъ разъ смекнула, что дворовые не долюбливаютъ ее, но ей было довольно и того, что они ее побаиваются.

«Мнѣ что на нихъ глядѣть? думала она. Вишь они, дармоѣды, имъ бы только на печи день-деньской лежать, да пить-ѣсть до-отвалу, а отъ дѣла-то все отлыниваютъ... У эдакаго барина не умѣютъ жить!»..

Пожаловалъ къ ней наконецъ самъ староста подберезниковскій, Селифонтъ Максимычъ, мужикъ пахмурый и вздорливый, недаромъ прозванный отъ крестьянъ своихъ «завидущими глазами»,—пожаловалъ и сталъ просить Марью Ефимовну, чтобы передъ бариномъ потянула ему на руку, а надо, дискать, и ему лѣску на исправку. Чтобы задобрить Марью, пришелъ онъ не съ пустыми руками, принесъ ей на поклонъ большую чашку сотоваго меду. Но Марьѣ это крѣпко не полюбилось, не приняла она приносу, однако сказала Алексѣю Алексѣичу о просьбѣ старосты.

— Вотъ шельма Селифонтъ! отвѣчалъ баринъ, радъ случаю что-нибудь выканючить себѣ. Только не дамъ я ему и хворостинки...

— А что жъ такъ?.. спросила Марья.

— Да вѣдь я ужъ два раза давалъ ему лѣсу, и давалъ-то больше, чѣмъ всѣмъ другимъ... А онъ, каналья, какой мнѣ слуга: наровитъ всячески обмануть! Мало ли ловилъ я его на воровствѣ!..

— Такъ зачѣмъ же ты держишь его старостою? другаго бы поставилъ.

— Ну, вотъ еще!... Онъ тѣмъ хорошъ, что мужикамъ не потакаетъ, они боятся его пуще чѣмъ меня...

Марью не удовлетворилъ этотъ отвѣтъ, ей вздумалось самой повѣрить старосту, и разъ пошла она на гумно. Шла она туда и думала, что скирдовъ на гумнѣ должно быть не мало, анъ пришла и видитъ: на всемъ гумнѣ хоть шаромъ покати.

— «Что жъ бы такое это значило? спрашиваетъ она себя, неужли таки весь хлѣбъ прошлогоднiй обмолоченъ и проданъ?... Имѣнье не маленькое, а хлѣба ровнёшенько ничего нѣту... Да и диковина, право: и соломы-то не видать...

На ту пору шелъ мимо гумна мужичокъ.

— Здорово, Марья Ефимовна! молвилъ онъ, снимая шляпенку и низко кланяясь.

— Здравствуй, касатикъ, отвѣчала она, а почемъ ты знаешь, какъ меня звать по имени, по отчеству?

— Какъ не знать?... Мы, вѣдь, здѣшнiе... А ты, то-ись, у нашего барина...

Мужикъ не докончилъ рѣчи, ухмыляясь и лукаво поглядывая на Марью, а ей стало очень неловко и она хотѣла уйдти, да вспомнила опять про гумно и остановилась.

— Я, вотъ, дивуюсь, молвила она, какъ это вамъ Богъ въ работѣ помогаетъ?

— А что̀?

— Да какъ-же: у иныхъ прочихъ господъ, чай, и половина прошлогодняго хлѣба не обмолочена, а у васъ подикося все чисто и соломенки нигдѣ не валяется...

— Баринъ, что-ли, сдогадался прислать тебя приглядѣть на гумнѣ? спросилъ мужикъ, подозрительно понахмурившись.

— Нѣту, не баринъ... Я такъ, сама по себѣ, шла да и заглянула.

— Я тѣ вотъ что̀ скажу, касатка: шла бы ты въ садъ, али въ лѣсъ по ягоды, а сюда, на гумно, да въ амбары, да въ кладовыя, я чай, тоже лучше бы тебѣ не заглядывать, не-то староста и Анфиса Кузьминична поѣдомъ съѣдятъ...

— Наплевать мнѣ на нихъ! баринъ не дастъ меня никому въ обиду...

— Подикося, надѣйся ты на барина!.. Вѣдь они у насъ больно лихи, такіе, то-ись, люди, что коли ненавиствуютъ кому нинаесть, такъ тотъ человѣкъ не живи лучше на свѣтѣ...

Марья не повѣрила этимъ рѣчамъ словоохотливаго мужичка, но съ той поры особенно не взлюбила старосту. И ужъ какъ жалѣла она о баринѣ, котораго всѣ обманываютъ да обкрадываютъ! Но не приходило ей въ голову, что баринъ вѣдь не малолѣтокъ же, что у него и время и всѣ средства есть подъ рукою для того, чтобы самому позаботиться о своемъ добрѣ. Любовь сбивала съ толку здоровый, твердый смыслъ Марьи. Она видѣла только доброту барина и преувеличивала ее, а многія плохія его качества если и чувствовала иной разъ невольно, то не сознавала ихъ какъ слѣдуетъ. Вообще, кромѣ старосты и Кузьминичны, не любила она всѣхъ дворовыхъ, не исключая старика Антона, который всячески старался подслужиться къ ней; не любила за ихъ плохую службу барину, за то, что они, по ея понятію, были просто-напросто дармоѣды. Она не скрывала этого отъ дворовыхъ, а тѣ, въ свою очередь, платили ей темной ненавистью. Зато она непрочь была помогать мужикамъ всѣмъ, чѣмъ могла; они знали про это и поминали ее добромъ зачастую.

— Погорѣлымъ своимъ крестьянамъ ужъ какъ не помочь!.. твердила она Алексѣю Алексѣичу при всякомъ случаѣ; добрые люди, при эдакомъ разѣ не то, что̀ своимъ, а и чужимъ помогаютъ... Вѣдь проситъ-то, докучаетъ ихъ кровная нужда!...

— Маша, милая ты моя, возражалъ баринъ, радъ бы я имъ во всемъ помочь, да деньжонокъ у меня маловато. Дѣла мои не то, чтобы хороши, малоль на что̀ нужно... Вотъ въ опекунскій совѣтъ надо взнести, а то становой покою не даетъ насчетъ описи... Всякій день сбираюсь въ городъ ѣхать, чтобы отправить деньги по почтѣ, да все не хочется съ тобой разставаться...

— А зачѣмъ деньги взносить?

— Имѣнье заложено, ну и накопилась недоимка таки-порядочная; хорошо еще, что поправился недавно: выигралъ, хлѣбъ запродалъ, а то просто бѣда...

Эти слова встревожили Марью, хоть она и не поняла хорошенько въ чемъ дѣло. Она стала, настаивать, чтобы Алексѣй Алексѣичъ немедленно ѣхалъ въ городъ. Онъ почти обрадовался случаю къ поѣздкѣ,—засѣла ему въ голову мысль порадовать Марью.

Послѣ этого разговора, онъ на другой же день поѣхалъ въ городъ. На этотъ разъ онъ остановился не у исправника, большаго своего пріятеля по картамъ и кутежамъ, а на постояломъ дворѣ. Ему не хотѣлось попасться на глаза исправнику и подобнымъ же пріятелямъ: бѣднякъ не надѣялся на себя. «На грѣхъ мастера нѣтъ», думалъ онъ: обдуютъ, пожалуй, до-чиста.. Нѣтъ ужъ, надо скрѣпиться...

И онъ скрѣпился. Конечно, этой благой рѣшимости больше всего помогла мысль накупить для Марьи нарядовъ.

Впрочемъ, онъ отправилъ въ опекунскій совѣтъ не всю недоимку, а только ту часть ея, уплата которой могла задержать опись имѣнія еще на четыре мѣсяца. Онъ расчитывалъ, что между тѣмъ и пожаръ деревни ему поможетъ: основываясь на немъ, можно будетъ испросить отсрочку и въ остальной недоимкѣ.

Затѣмъ онъ обходилъ всѣ лавки съ красными товарами и чего-чего ни накупилъ для своей любезной! На счастье его, исправника не было въ городѣ, да и съ другими *пріятелями* не довелось ему встрѣтиться, всѣ они были на имянинахъ у одного изъ подгородныхъ помѣщиковъ, котораго, въ другой разъ, никакъ не миновалъ бы и Алексѣй Алексѣичъ.

На возвратномъ пути изъ города, проѣзжая уже подъ вечеръ, мимо гостепріимной усадьбы Мотовилова, опять пришелъ ему въ голову соблазнъ, да такой сильный, что баринъ не утерпѣлъ и заговорилъ съ кучеромъ:

— Андрюшка, сказалъ онъ, вѣдь Василій Семенычъ врядъ ли поѣхалъ на имянины къ Петру Никанорычу?..

— Извѣстно, сударь, отвѣчалъ Андрюшка, они весь вѣкъ въ ссорѣ пребываютъ...

— Значитъ, онъ теперь дома, какъ думаешь? не заѣхать ли?

— Какъ прикажете. Отчего-жъ, сударь, не заѣхать!.. Василій Семенычъ очепно рады будутъ...

Но Алексѣй Алексѣичъ и тутъ крѣпился. Зажмурился онъ вдругъ, какъ будто для того, чтобы не видѣть соблазна, представлявшагося въ мотовиловской усадьбѣ, привсталъ въ тарантасѣ и гаркнулъ во весь голосъ:

— Пошелъ мимо!.. Эхъ, вы, дружки-соколики!..

Въ первую минуту Марья обрадовалась подаркамъ, но тотчасъ же стало ей неловко и какъ-то тоскливо посмотрѣла она на нихъ. Алексѣй Алексѣичъ подмѣтилъ это не безъ досады: ему такъ хотѣлось вмѣстѣ съ нею порадоваться, а она вотъ не радуется!

— Что жъ ты, Маша, сказалъ онъ съ упрекомъ, развѣ не рада моимъ подаркамъ?

— На сердцѣ что-то... отвѣтила она.

— Ахъ ты, мудреная бабёнка!.. не придумаю, право...

— Нѣту, не придумывай... я сама не знаю, съ-чего... а то бы сказала...

И онъ не добился отъ ней отвѣту. Во весь этотъ вечеръ была она безпокойна и печальна, но на другой же день все какъ рукой сняло. По приказанію Алексѣя Алексѣича, дворовые дѣвки засѣли за шитье сарафановъ, тонкаго бѣлья, кисейныхъ пышныхъ рукавовъ для Марьи, и сама она усердно и весело помогала имъ въ работѣ.

Появились у Марьи наряды отличные: сарафанъ не сарафанъ, шубка не шубка! Любила она рядиться въ нихъ, и любо ей было, что Алексѣй Алексѣичъ не нарадуется на нее нарядную. Невольно и ее самоё тянетъ къ зеркалу, тому большому зеркалу, въ которомъ можетъ она видѣть себя съ головы до ногъ. Какъ хороша она была въ пышномъ шелковомъ сарафанѣ, подпоясанномъ золотымъ торжковскимъ поясомъ, въ тонкой, полотняной рубашкѣ, сквозь которую соблазнительно сквозили ея плечи полныя и бѣлыя, какъ кипѣнь!..

Но наряжаясь по-праздничному, и любуясь собою, не забывала она и о дѣлѣ: безъ-устали хлопотала по дому

дому все для того, чтобы завести порядокъ, все для того, чтобы сдѣлать для милаго друга жизнь попокойнѣе. Сначала онъ и самъ хлопоталъ вмѣстѣ съ нею, по-крайней-мѣрѣ подсматривалъ за тѣмъ, какъ идутъ разныя поправки въ домѣ и вокругъ дома; но скоро понадоѣли ему всѣ эти заботы. Онъ даже началъ скучать, что и Марья частенько отрывается отъ него для хозяйственныхъ распоряженій. Особенно тяжело было ему видѣть часто-озабоченное ея лицо. И такъ, по характеру своему, бывала она большею-частію серьёзна,—значитъ не пріучила его къ своей веселости; но тѣмъ больше дорожилъ онъ немногими проблесками ея веселости, тѣмъ больше желалъ ихъ видѣть,—и приписывалъ домашнимъ хлопотамъ то, что она не часто весела.

— Ну, что̀ ты все хлопочешь?—говорилъ онъ ей, есть изъ-за чего мыкаться да тревожить себя! Надо жить весело, а ты изъ-за разныхъ пустяковъ не даешь себѣ покою... Что̀ въ этомъ толку?..

— Какъ же такъ, Алексѣй Алексѣичъ?—возражала она, вѣдь надобно дѣло дѣлать...

— Говорю тебѣ, надо весело жить!.. Посмотри-ка вокругъ: намъ съ тобой просторно, нѣту надъ нами барина никакого... молоды мы, здоровы, любимъ другъ-друга... Пить-ѣсть, что-ли, не чего?.. Эхъ, Маша! проживемъ же какъ-нибудь: только надобно намъ самимъ-то жить весело...

— Не могу я съ тобой сговорить,—молвила она нѣсколько печально; право-слово, рѣчей не найду... а все стою на своемъ: надо жить дѣло-дѣлаючи; вѣдь пословица-то говоритъ: жизнь прожить-то не поле перейдти...

Съ той поры она, словно въ первый разъ, почувствовала, что для Алексѣя Алексѣича всего нужнѣе—ея любовь и ласка. Какъ-то жалчѣе сдѣлался онъ для нея и стала она голубить его больше прежняго.

Любила она быть съ нимъ въ саду: тамъ она чувствовала больше простора, больше свободы.

— Отчего тебѣ такъ домъ не взмилился?—однажды спросилъ ее Алексѣй Алексѣичъ.

— Невпримѣръ лучше въ саду,—отвѣчала она,—тутъ мы одни-одинёхоньки...

— Люди, чтоль, тебѣ надоѣдаютъ?

— Знамо, они...

— Отчего жъ такъ?.. Ты ничего не скрывай отъ меня. Можетъ, плохо слушаются?

— Какъ не слушатся?—слушаються! съ-виду-то они на ручку мнѣ порхаютъ... Да не обмануть имъ меня!..

— Ты только скажи мнѣ, кто тебѣ сгрубитъ, или же... Ты только скажи, расправа будетъ короткая: какъ-разъ со двора сгоню!

— Нѣту, молвила Марья, подумавъ, никого не прогоняй, не хочу я, чтобы на меня плакались... А коли вздумаешь ты изъ-за меня какое-нинаесть зло имъ сдѣлать— уйду отъ тебя—и поминай какъ звали!..

Алексѣй Алексѣичъ заспорилъ-было съ нею, но Марья наотрѣзъ объявила, что сказала она такія рѣчи подумавши; а потомъ жарко-жарко обняла его и не дала больше говорить. Не спокойно было на сердцѣ у барина; но онъ уже привыкъ слушаться Марьи.

— Маша, другъ мой,—сказалъ онъ,—мнѣ что-то грустно стало отъ твоихъ словъ... Развесели меня, пожалуйста... Вотъ еслибы ты мнѣ пѣсенку спѣла...

— Я все съ бабами и дѣвками пѣвала, отвѣчала Марья, а одной-то словно неловко пѣть... Наши пѣсни вѣдь простыя, деревенскія добавила она.

— Что за дѣло, я люблю простыя пѣсни.

— Какую же пѣсню бы спѣть?, молвила Марья, въ раздумьи, развѣ «во саду ли, во садикѣ, во зеленомъ винаградикѣ...» Да это пѣсня свадбишная.

— Ну, хоть свадбишную...

— Нѣтъ, свадбишную не стану, да и вовсе не могу пѣть, когда нибудь послѣ...

Упряма была наша бѣглянка, и какъ ни просилъ ее Алексѣй Алексѣичъ спѣть хоть какую-нибудь пѣсенку, она наотрѣзъ отказалась. Онъ было-понасупился, но она стала ластиться къ нему и онъ опять повеселѣлъ.

— Руки у тебя бѣлыя, говорила она, гладя его руки, словно изъ крупитчатой муки испечены, а у меня-то какія черныя да жесткія...

— Поживешь здѣсь годокъ–другой, и у тебя будутъ бѣлыя...

— Невпримѣръ ты лучше меня!..

— Нѣтъ, Маша, ты красивѣе. Черты лица у тебя правильныя, носикъ прямой, а глаза–то, глаза!..

— Утебя жъ глаза, словно васильки въ полѣ... Постойко, взаправду, что–ль, какъ шла я сюда, все видѣла васильки во ржахъ, аль это сонъ такой мнѣ припомнился?..

И она задумалась. Но вдругъ тяжелая мысль мелькнула у ней въ головѣ.

— Цыганка мнѣ сказывала, молвила она, Цыганка сказывала, что надо мнѣ опасаться свѣтлыхъ глазъ... А у тебя глаза свѣтлые... Ну, да вретъ же, проклятая Цыганка!.. добавила она рѣшительнымъ голосомъ.

— Развѣ можно вѣрить цыганскимъ предсказаніямъ? произнесъ онъ наставительно.—А вотъ что, Маша, пойдемъ–ко лучше въ комнаты. Не хотѣла ты пѣть, такъ я спою тебѣ, пожалуй...

Онъ взялъ гитару и началъ наигрывать какую–то заунывную мелодію. Марья внимательно слѣдила за его игрою.

— Больно хорошо ты играешь, — замѣтила она, когда онъ кончилъ играть.

Это наивное замѣчаніе разсмѣшило Алексѣя Алексѣича. Онъ сдѣлалъ Марьѣ преуморительную гримасу и вдругъ заигралъ веселую, плясовую пѣсню.

— Ну же, ну!.. Маша! говорилъ онъ, пой скорѣе, а я буду тебѣ подъигрывать.

— Не умѣю, нѣсколько угрюмо отвѣчала она.

— Ты попробуй, авось съумѣешь. Вотъ слушай меня, я стану пѣть, а ты за мною.

У Алексѣя Алексѣича былъ голосъ не дурной, хоть испорченный цыганскимъ порывистымъ напѣвомъ. Марья стала–было подпѣвать ему, но какъ–разъ пошолъ у нихъ разладъ. Тотчасъ–же напалъ на нее упрямый «стихъ», отошла она отъ барина и усѣлась въ уголъ.

— Ну, чтожъ ты перестала? спросилъ Алексѣй Алексѣичъ.

— Гдѣ ужъ тутъ! отвѣчала она, вишь, пѣсни-то ваши не подъ ладъ нашимъ пѣснямъ...

Онъ подошелъ къ ней и сталъ подсмѣиваться.

— Такъ какъ же? твердилъ онъ, не подъ ладъ ваши пѣсни нашимъ?

Марья все молчала; но вдругъ лицо ея побледнѣло, губы вздрогнули и глаза потускли.

— И въ пѣсняхъ-то не ладится, молвила она глухимъ голосомъ; вотъ, словно не пара я тебѣ.

Она встала и пошла вонъ изъ комнаты.

— Кудажъ ты, куда, Маша? спросилъ баринъ торопливо.

— Сейчасъ приду, отвѣчала она и проворно ушла.

Больно сжалось сердце у Марьи, ужъ Богъ знаетъ отчего такого. Тяжко, душно ей было. Войдя въ кабинетъ барина, она сѣла подъ открытое окно и жадно стала впивать въ себя прохладный вечерній воздухъ. Тихій говоръ листьевъ подъ окномъ началъ-было успокоивать ея взволнованную душу. Но вдругъ послышалось изъ дома: гонитъ пастухъ стадо, хлопая изрѣдка кнутомъ и наигрывая на рожкѣ короткія пѣсенки, мычатъ коровы, блеятъ овцы,—и эти знакомые звуки опять расшевелили тоску въ душѣ бѣглянки. Она шопотомъ начала причитать про мать свою старуху, про свою головушку бѣдную, про родимую сторону. Заплакала она горько, навзрыдъ; но слезы облегчили ея печаль. Она стала прислушиваться къ отдаленному гулу засыпающей заботы деревенской, и глубоко задумалась. Слезы все еще текли полегоньку изъ глазъ, а душа уже не покорялась печали, рвалась только изъ ней какая-то жалоба, и невольно Марья запѣла, вполголоса, про чужедальнюю сторонушку:

«Я сама знаю чужую сторонушку,
Чужедальнюю, незнакомую...
Ужъ какъ чужая-то сторонушка
Горемъ вся изнасѣяна.
Горемъ изнасѣяна,
Слезами поливана...
Слезами поливана,
Печалью огорожена...»

За этой грустной пѣсней, не слыхала она, какъ дверь отворилась и вошелъ Алексѣй Алексѣичъ. Онъ съ-разу замѣтилъ, что Марья плачетъ. Мягкое сердце его было поражено печалью любимой женщины. Онъ обнималъ, цѣловалъ ее, цѣловалъ ея жесткія руки; онъ распрашивалъ ее, утѣшалъ не впопадъ и не зналъ, что̀ дѣлать. Она же была блѣдна и безотвѣтна. На ласки его она не могла отвѣчать.

— Маша, ужъ не соскучилась ли ты со мною? спросилъ онъ ее, съ безпокойствомъ.

— Нѣту, не соскучилась, отвѣчала она, отирая слезы, а такъ, вотъ, не знаю съ чего...

— Ради Бога, скажи, отчего же сгрустнулось тебѣ?

— Жалко мнѣ стало, отвѣчала она, сперва-наперво словно матушку, родимую сторону, а опосля стало жалко... тебя...

— Кого?.. кого стало жалко?.. переспросилъ Алексѣй Алексѣичъ.

— Тебя... сказала она нерѣшительно.

— Ахъ, Маша, заговорилъ Алексѣй Алексѣичъ, не подъ-стать ему, умилительно: коли-бъ ты жалѣла, то не стала бы огорчать, тревожить меня своею печалью... Вѣдь я люблю тебя... ужъ не знаю какъ и выразить! я люблю тебя, ну, просто люблю всей душою!... Дружокъ мой, слезы твои прискорбнѣй мнѣ видѣть... чѣмъ... чѣмъ... Да вотъ что̀, Маша: когда я служилъ въ гусарахъ, я былъ ужасно... ахъ! какъ бы это найдти понятное для тебя выраженіе?... однимъ словомъ, я былъ ужасно впечатлителенъ, то есть, обидчивъ... чуть, бывало, что нибудь такое со стороны товарищей, я тотчасъ же прихожу въ пассію, то есть, разогорчаюсь и, изъ-за огорченія, готовъ хоть сію же минуту выходить на дуель!... Говорю тебѣ, Маша, твои теперешнія слезы пуще для меня всякой горькой минуты! Ну, скажи, чѣмъ досадилъ я тебѣ? чѣмъ ты огорчилась? Чтожъ мнѣ дѣлать теперь?

Положивъ руку на плечо Алексѣю Алексѣичу и глядя ему прямо въ глаза, Марья, казалось, чрезвычайно внимательно слушала полупонятныя его рѣчи, но мысль ея, между тѣмъ, далеко летала. Вилась эта мысль, словно ласточка, вокругъ родимой крыши. Видѣлась Марьѣ, какъ сквозь ту-

манъ какой-то, совсѣмъ на бокъ покачнувшаяся избёнка матери. Чудился ей тихій вечеръ, съ синими сумерками, съ алой зарёю. Чудилось, что вотъ мать выходитъ къ околицѣ, одна-одинёхонька, выходитъ и садится тамъ, за околицею, приклонивъ къ сырой землѣ свою старую голову, а вдругъ встаетъ и какъ-будто прислушивается... Марья тоже прислушивается и слышитъ: льются рѣкою несовсѣмъ понятныя ей, но утѣшающія рѣчи ея милаго друга. Отрадно ей слышать ровный и мягкій голосъ его, и, успокоенная, она прильнула къ его груди...

То была словно первая размолвка, но она миновала, какъ вешній дождикъ на солнцѣ. И снова мирно потекла жизнь барина и Марьи. Съ каждымъ днемъ онъ все больше привязывался къ своей подругѣ. Сдѣлалась она ему необходимѣе, чѣмъ была въ недавнее еще время бесѣда разгульныхъ пріятелей, шумный кутежъ, съ цыганскимъ пѣньемъ и пляскою, даже псовая охота въ просторномъ полѣ. Онъ пересталъ ѣздить къ сосѣдямъ; не манило его ни къ игрѣ, ни къ охотѣ, ни къ кутежу; обо всемъ этомъ только изрѣдка просыпались въ немъ однѣ воспоминанія; но уже вовсе не соблазняло его желаніе опять потѣшиться прежними потѣхами. Сталъ онъ рѣдко заглядывать на псарню еще рѣже бывалъ на-веселѣ, подмѣтилъ онъ, что все это не по нраву Марьѣ, и легко преодолѣлъ свои старыя привычки. Правда, дѣломъ-то онъ все-таки не занимался, да и то сказать, развѣ легко было его натурѣ окунуться въ трудовую жизнь? развѣ легко тоже и всякому человѣку найти себѣ трудъ по сердцу и по силамъ?.. И вотъ, нашъ баринъ, съ утра, пускается въ обходъ вокругъ дома, надворныхъ построекъ, да по деревнѣ (лишь на гумно не заглядываетъ, потому что на гумно нечего и заглядывать: весь хлѣбъ на корню ужъ запроданъ); затѣмъ, если погода дозволяетъ, уходитъ въ садъ и остается тамъ вплоть до тёмной ночи. Въ саду, коли Марья не съ нимъ, а хозяйничаетъ по домашнему дѣлу, онъ лежитъ растянувшись на коврѣ, подъ любимою своею липою, да предается лѣнивымъ и легкимъ мыслямъ: вообще о томъ, что вотъ же пріятно, спокойно, славно живется ему теперь на бѣломъ свѣту, а въ

частности о томъ, что какъ нибудь надо будетъ опять съѣздить въ городъ и купить Марьѣ новыхъ нарядовъ; и какъ, дескать, хороша она будетъ тогда... и долго, долго думается ему все въ томъ же родѣ. А коли придутъ ему въ голову неважныя думы про что нибудь другое, онъ какъ разъ догадывается и скорехонько ихъ прогоняетъ. Тутъ-то иногда беретъ онъ книжку и читаетъ тоже, для развлеченія, или, лучше сказать, для усыпленія себя.

Марья, съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ, смотритъ на Алексѣя Алексѣича, когда застаетъ его съ книжкой въ рукахъ.

— Вотъ, колибъ я умѣла читать, проговорилась она однажды, всѣ бы книжки, что̀ есть на свѣтѣ, перечитала!

— Для чего жъ такого? спросилъ ее, смѣясь, баринъ.

— А не знаю, право... Только, чай, въ книжкахъ про все, про все на свѣтѣ писано?

Этотъ разговоръ вдругъ навелъ барина на мысль. Онъ тотчасъ же отправилъ въ городъ нарочнаго купить азбуку и самъ изволилъ обучать Марью грамотѣ. Дѣло пошло на ладъ съ перваго же раза: ученица оказалась понятлива чрезвычайно. Какъ радовался Алексѣй Алексѣичъ ея быстрымъ успѣхамъ! Какъ радъ тоже бывалъ онъ, когда ему доводилось поправить какую нибудь ея ошибку!

Съ этихъ поръ, увидавъ въ рукахъ Алексѣя Алексѣича книгу, она уже всегда спрашивала, о чемъ въ ней написано? а онъ охотно пускается въ разсказы. Изъ того немногаго, что̀ онъ зналъ, про что когда-то читывалъ, все было невѣдомо Марьѣ; значитъ, было что̀ пересказать. Не всегда, даже довольно рѣдко, понимала она вполнѣ разсказы барина, но зато слушала всегда съ величайшимъ вниманіемъ.

И съ тѣхъ поръ повеселѣла Марья Ефимовна. Какъ рукой сняло съ нея нетолько грусть-тоску, но даже раздумье о прошлой жизни и о теперишнемъ житьѣ-бытьѣ. Въ домѣ и надворѣ поубралось все замѣтно; домашнее дѣло пошло по порядку; оттого прибавилось досуга у Марьи и стала она чаще бывать съ Алексѣемъ Алексѣичемъ, какъ будто больше заниматься имъ самимъ, стала вообще разговорчивѣе и уже отъ пѣсенъ теперь не отказывалась. Въ ея живой и

твердой рѣчи, въ ея ровной, тихой веселости было что-то особенное, недопускавшее барина до жалкаго сна, возбуждавшее къ чему-то его умъ и волю. Смѣло и охотно говорила она съ нимъ; ей все какъ-будто хотѣлось договориться до чего-то. Оттого, коли не договоритъ она чего нибудь словами, старается допѣть пѣснею. Но мало были развиты жизненныя силы бѣглянки,—вотъ въ чемъ была бѣда ея. Гдѣжъ было ей, бѣдной, подѣйствовать тутъ, хоть она и приложила къ дѣлу весь разумъ свой, все свое чувство? Темная мысль безотвязно шептала ей, что ей надо какъ-то особенно потрудиться, чтобы подсобить своему милому другу, но какъ тутъ быть и что̀ дѣлать — она не знала и не догадывалась. И не напрасно ли она хлопотала? Полно, можно ли было сладить съ бариномъ, имѣя у себя и большія средства для борьбы безпощадной со всѣмъ, что̀ съ-измальства и глубоко въѣлось въ его лѣнивую натуру?..

Но какъ любитъ онъ марьину пѣсню, рѣдко бойкую и звонко-голосистую, но чаще-тихую, протяжную, иной-разъ больно за сердце хватающую! И что̀ бы не сталося съ Марьей, — пѣсня ея навсегда съ нимъ останется, такъ глубоко она врѣзалась въ его сердце... Слушая пѣсни марьины, онъ всякій разъ какъ-то особенно призадумывался, а разъ испугала его внезапно мысль, что Марья вдругъ исчезнетъ, какъ улетѣлъ изъ саду соловей, спугнутый въ прошломъ году дворовыми ребятишками...

Онъ ходитъ за нею словно малый ребенокъ за мамкою. И всѣ мысли его тянутся къ ненаглядной Машѣ. Любо ему думать про молодую красу ея: «ахъ, что̀, дескать, за щечки у ней, что за глазки,—и губки алыя и зубы, что̀ твой жемчугъ... Вотъ бы позавидовали Мотовиловъ, Бѣлобрысовъ, Охапкинъ, колибъ увидали такую красавицу!.. Ну-да нѣтъ! лучше не добиваться ихъ зависти,—вѣдь, тепло, уютно, нескучно нисколько, чего жъ еще надо?»..

Молодецъ былъ на ту пору Алексѣй Алексѣичъ — не допустилъ онъ себя соблазниться желаніемъ похвастать своей любезною передъ старыми пріятелями-холостяками и гуляками. Напротивъ, онъ наказалъ всей своей дворнѣ строго-на-

строго — отказывать всѣмъ и каждому, кто бы къ нему ни заѣхалъ.

Э, ну ихъ къ чорту!.. заканчивалъ онъ свои размышленія на этотъ счетъ: еще пріѣдутъ, пожалуй... И по правдѣ сказать, скучно съ ними, иной-разъ невыносимо... Глупыя ссоры чортъ знаетъ изъ-за-чего затѣваютъ... Нѣтъ, нѣтъ! ни самъ къ нимъ долго не поѣду, ни ихъ покуда принимать къ себѣ не буду.»..

XIV.

Чужедальняя сторонушка
Безъ вѣтру сушитъ,
Безъ вѣтру сушитъ —
Безъ мороза знобитъ..
Русская пѣсня.

Жили наши влюбленные такимъ образомъ недѣль семь или восемь. А между-тѣмъ миновала «страдная пора», убрались съ озимымъ и яровымъ хлѣбами.

Урожай въ Подберезникахъ вышелъ очень порядочный. Только ни Алексѣй Алексѣичъ, ни Марья не радуются на него. Баринъ, когда пришелъ къ нему староста, при началѣ жнитва, съ докладомъ про то, сколько копенъ становится на десятинѣ,—лишь рукою махнулъ, свистнулъ и прочь пошолъ, не дослушавъ доклада; Марья же, какъ узнала, что Алексѣй Алексѣичъ еще на корню запродалъ весь свой хлѣбъ, уже не заглядывала на гумно, даже мимо его не хотѣлось ей пройдти. Много горевала она про-себя объ этомъ хозяйственномъ распоряженіи, а разъ даже попеняла и Алексѣю Алексѣичу, но онъ возразилъ, что дѣло это совсѣмъ поконченное, что ужъ по этому одному и поминать о немъ не стоитъ.

Злобно взглянула Марья на купца Макара Огурѣева, купившаго весь хлѣбъ подберезниковской *экономіи*, когда онъ пріѣхалъ справиться о результатахъ уборки. Алексѣй Алек-

сѣичъ принялъ его очень ласково, пригласилъ чай пить и поподчивалъ пуншикомъ.

Марья сидѣла за самоваромъ и плохо исполняла свою обязанность разливанія чаю. Сначала ей было какъ-будто стыдно посторонняго человѣка, а потомъ страшная досада закипѣла въ ней, когда она услыхала, что Макаръ Огурѣевъ, съ шуточками да прибауточками, отказываетъ Алексѣю Алексѣичу въ деньгахъ.

— Макаръ Огурѣичъ, пріятель дорогой, говорилъ баринъ, ну, что тебѣ стоитъ дать мнѣ теперь же сотняжку-другую? вѣдь не взаймы прошу, вѣдь въ счетъ же пойдетъ? мѣсяца черезъ два, черезъ три долженъ же ты будешь разомъ отдать мнѣ всю договорную цѣну... За мной не пропадетъ, росписку тебѣ дамъ...

— Нѣтъ-съ, ужъ помилуйте! возражалъ Макаръ Огурѣевъ, ухмыляясь, поглаживая бородку и подмигивая то тѣмъ, то другимъ глазкомъ,—никакъ эвто невозможно... Мы люди-съ коммерческіе, расчитываемъ тоже. Вотъ, колибъ мы были дворяне-помѣщики,—а извѣстно-съ, этой чести не имѣемъ...

— Не понимаю, къ чему ты припутываешь тутъ дворянъ-помѣщиковъ?—молвилъ баринъ, съ досадою.

— А какъ-же-съ, сударь!.. помѣщики деньги легко добываютъ, просто лопатами гребутъ... Земли, луговъ, лѣсовъ пропасть у нихъ, ужастенное дѣло-съ! Крестьяне тоже даромъ на нихъ работаютъ и послать они могутъ ихъ хоть за тридевять земель!.. А мы что! мы всякаго работника найми, да ему, шельмецу, заплати что онъ хочетъ... Вонъ, недавнесь, Алексѣй Иванычъ, Герасимъ Иванычъ, Давыдъ Иванычъ—можетъ, слышали, сударь?—обдѣлали-было важную статью: откупили у разныхъ помѣщиковъ крестьянъ да и приписали ловкимъ манеромъ къ фабрикѣ, —оно и на благодѣяньице походило, и лучше было крѣпости, можно бы, то есть... анъ нѣтъ! не пришлось и эдакимъ тузамъ попользоваться... Я къ тому, сударь, рѣчь веду, что мы сами себѣ крестьяне, что выторгуемъ, то и наше-съ...

— Эхъ, Макаръ Огурѣичъ!.. что ты мнѣ лазаря поешь?

Говори дѣло, даешь или не даешь впередъ деньжонокъ малую-толику? Я въ честь прошу...

— Да извольте-съ, можемъ сдѣлать уваженіе... только и безъ эвтого нельзя-съ, чтобы не было выгодишки: извольте скостить въ нашу пользу изъ главной-то суммы-съ... Вѣрьте Богу, безъ эвтого невозможно-съ... торговое дѣло-съ ..

— Ахъ ты жидоморъ!.. какъ!.. еще скостить?.. Что жъ,—развѣ дорого купилъ ты у меня?.. Побойся Бога!..

— Торговое дѣло-съ... На томъ торговля стоитъ-съ...

— Знаемъ мы вашу торговлю: «купилъ-облупилъ, продалъ-ободралъ»—вотъ на чемъ стоитъ ваша торговля!..

— Какъ угодно говорите, а по нашему торговля таковское дѣло: никакъ нельзя-съ безъ выгоды... Такъ испоконъ-вѣку ведется...

Баринъ надѣялся было смягчить купца-кулака пуншикомъ, но куда! тотъ чѣмъ больше пилъ, тѣмъ крѣпче становился. Съ величайшимъ негодованіемъ слушала Марья рѣчи Макара Огурѣича, когда онъ, ухмыляясь лукаво и нѣсколько небрежно, подавалъ ей пустую чашку, она сердито взглядывала на него и глаза ея словно искры метали. Возненавидѣла она этого человѣка, съ козлиной бородкой; уморительныя ужимки его казались ей не смѣшными, а чрезвычайно обидными и для Алексѣя Алексѣича и для ней самой. Возненавидѣла она его съ-разу, и это подмѣтилъ купецъ.

«Злющая какая бабёнка!.. думалъ онъ про себя, поглядывая на нее искоса:—жалко ей, что-ли, чаю-сахару про меня?.. Глядитъ, словно съѣсть хочетъ!.. Эвто мудрёная оказія! ну, съ чего такого взъѣлася?..»

Алексѣй Алексѣичъ не рѣшился покончить дѣло съ купцомъ о деньгахъ, безъ совѣта съ Марьей. Она наотрѣзъ ему объявила, что не слѣдуетъ денегъ брать на такомъ договорѣ, и что лучше прогнать купчишку скорёхонько, чтобы и духу его не было въ домѣ. Баринъ послушался, весьма сухо простился съ Макаромъ Огурѣичемъ, но въ душу его проникло при этомъ нѣкоторое уныніе. Дѣло въ томъ, что, прося деньжонокъ у Макара Огурѣича, онъ имѣлъ особенные виды: хотѣлось ему угодить Марьѣ опять обновами и,

что грѣха таить!—стало ему тоже думаться, что, при поѣздкѣ въ городъ за обновами, можно рискнуть нѣсколько, — можно, эдакъ, съ «фараономъ» возобновить знакомство: понтирнуть съ выдержкою, аккуратно, zievlich-mannevlich», а коли удачно пойдетъ, то и «брандера» пустить молодецки. Онъ вспоминалъ съ нѣкоторымъ самоуслажденіемъ, — что понтировкой «брандеромъ» пріобрѣлъ онъ въ околоткѣ заслуженную извѣстность, что на игру его подходили смотрѣть заклятые «ералашники» и «преферанщики», что не разъ случалось ему видать, какъ у банкомета противъ него «манжетки трясутся».

Алексѣй Алексѣичъ, бывшій гусаръ и герой «брандеровъ», крѣпко было-обжился въ безмятежномъ и сладострастномъ теперешнемъ бездѣльи, но съ самаго посѣщенія Макара Огурѣича, взманившаго его чутье возможностью добыть деньжонокъ душа его безсознательно — и слегка покуда — стала уже порываться къ прежней дѣятельности. Правда, въ мысляхъ объ этой дѣятельности на первомъ планѣ все-таки была Марья съ своими обновами, но въ глубинѣ-то сцены заманчиво рисовались и банчикъ, и «брандеры», и веселая компанія старыхъ пріятелей... Впрочемъ все это еще были досужныя, блажныя мечтанія, — денегъ у него не было — и, можетъ быть, долгонько бы еще оставался онъ въ своей идиллической апатіи, еслибы сама судьба не вызвала его на поле дѣйствія.

Надо сказать здѣсь, что двѣ простыя причины много способствовали устройству романическаго уединенія Алексѣя Алексѣича: во-первыхъ, закадычные его пріятели, Мотовиловъ, Бѣлобрысовъ и Охапкинъ, не навѣщали его все это время; первый изъ нихъ все еще былъ болѣнъ, а другіе двое «странствовали далече»; то-есть, ѣздили по сосѣднимъ ярмаркамъ, для игры и прочихъ удовольствій; во-вторыхъ, у Алексѣя Алексѣича не было, кромѣ Мотовилова, Бѣлобрысова и Охапкина, близкихъ сосѣдей; всѣ остальные помѣщики жили отъ него верстахъ въ пятнадцати и въ двадцати, а эти разстоянія не допускали подберезниковскихъ дворовыхъ передавать дворовымъ другихъ помѣщиковъ вѣсти о Марьѣ и объ уединеніи своего барина.

Поэтому заѣзжавшіе къ нему изрѣдка помѣщики думали, что не застаютъ его дома по самой простой причинѣ:—«уѣхалъ, дескать, на ярмарку, или такъ куда-нибудь отлучился». И вотъ чѣмъ спасено было до-поры-до-времени уединеніе Алексѣя Алексѣича.

Конецъ идилліи насталъ самымъ естественнымъ образомъ.

Макаръ Огурѣевъ имѣлъ торговыя сношенія не съ однимъ подберезниковскимъ бариномъ. Вотъ и заѣхалъ онъ отъ Алексѣя Алексѣича къ тому, къ другому, къ третьему помѣщику, и, конечно, между разными новостями, всѣмъ поразсказалъ, что, дескать, Алексѣй Алексѣичъ все сидитъ дома и никого не принимаетъ по той причинѣ, что няньчится да прохлаждается съ какой-то цыганкой-бѣглянкой, которую досталъ себѣ въ таборѣ.

— Что-то, эдакъ, худенька, а то бы ничего, изъ лица пригожая,—прибавлялъ купецъ къ своему разсказу о нашемъ баринѣ и Марьѣ,—зато ужъ,—сказываютъ ихніе дворовые,—презлющая, то есть, эхидная бабёнка... и на меня тоже за что-то озлилася...

Это извѣстіе страшно заинтересовало помѣщиковъ, женатыхъ и холостыхъ, крупныхъ и мелкихъ. И сколько было тутъ смѣху, оханья, пересудовъ, толковъ всяческихъ!

«Нашъ Алексѣй Алексѣичъ,—говорилъ одинъ, — настоящій Иванъ-царевичъ: вотъ досталъ-таки себѣ Елену-прекрасную...»

«Да не досталъ ли онъ себѣ и жаръ-птицу»?.. спрашивалъ другой.

«Нѣтъ-съ, толковалъ третій, Цыганка эта и есть сама жаръ-птица...»

«Ха, ха, ха! Жаръ-птицу досталъ!»

«Какъ-бы узнать, кто она такая?»

«Да, просто, какая-нибудь воровка и потаскушка...»

«А не худо бы становому справиться о ея званіи, ну и о прочемъ... Можетъ, преступница какая...»

«Нѣтъ, господа, погодить нѣсколько надобно: вотъ, пріѣдутъ Бѣлобрысовъ и Охапкинъ, имъ надо сказать;—мы имъ предоставимъ дѣйствовать...»

«Въ самомъ дѣлѣ, господа, это срамъ: нашъ братъ

дворянинъ связывается чортъ знаетъ съ кѣмъ!.. Ну, извѣстно, многіе изъ насъ, кто не женатъ, напримѣръ, имѣютъ у себя въ домѣ эдакое развлеченіе, только это дѣло домашнее, выбираемое изъ домашнихъ же средствъ...»

«Еще какъ бы не женился на этой потаскушкѣ!»

«Ну вотъ еще!.. а обокрадетъ она его, такъ это навѣрное...»

Многіе помѣщики, послѣ того, нарочно ѣздили въ Подберезники,—но не добились толку. Прислуга Алексѣя Алексѣича всѣмъ объявляла, что баринъ изволили, дескать выѣхать въ губернскій городъ по важному дѣлу и скоро ли воротятся, неизвѣстно.

— Да какъ же это, братецъ, говорили гости Антону лакею или кучеру Андрюшкѣ, да какъ же это?.. Мы слышали навѣрное, что Алексѣй Алексѣичъ дома...

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Чортъ знаетъ что̀ такое!.. Ну, скажи же ты ему, что такъ не дѣлаютъ хорошіе люди, добрые сосѣди... Надо быть совершеннымъ... Хорошо, хорошо!.. мы еще это припомнимъ ему!..

И непрошенные гости удалялись съ крайнимъ неудовольствіемъ. Впрочемъ, обидчивость ихъ не простиралась до той степени, чтобы ужъ и не знаться съ Алексѣемъ Алексѣичемъ, чтобы прекратить съ нимъ всякія и навсегда отношенія. Нѣтъ, помѣщики никакъ не хотѣли оставить его въ покоѣ. Они посылали къ нему безпрестанно узнавать о пріѣздѣ, о здоровьѣ, не жалѣя своихъ барскихъ трудовъ, писали часто записки, письма, цѣлыя посланія, и никогда, кажется, во всемъ этомъ околоткѣ, не ломались такъ много барскія головы сочинительствомъ, какъ въ описываемую нами минуту. Но Алексѣй Алексѣичъ, хоть и много надоѣдали ему каверзы сосѣдскаго любопытства, положилъ твердо держаться своего рѣшенія—не принимать къ себѣ никого, даже самыхъ близкихъ своихъ пріятелей.

Наконецъ воротились во-свояси Бѣлобрысовъ и Охапкинъ; къ этому же времени выздоровѣлъ окончательно и Мотовиловъ. Всѣ они трое были люди на свой ладъ находчивые, предпріимчивые. Они рѣшились во что бы то ни стало хи-

тростью или насильно пробиться съ перваго же разу къ Алексѣю Алексѣичу. На этотъ счетъ подержали они даже пари съ своими сосѣдями, а коварный Охапкинъ обѣщалъ сманить отъ Алексѣя Алексѣича его бѣглянку.

— Ну, а коли не удастся?.. спрашивали нѣкоторые скептики-помѣщики; ну, а коли все-таки не добьетесь вы толку,—что́ тогда?

— Что тогда?—отвѣчалъ Охапкинъ, тогда мы напустимъ на этихъ голубковъ лихаго ястреба, въ лицѣ становаго Семена Маркелыча!..

Прежде, чѣмъ дальше разсказывать, мы должны познакомить, хоть нѣсколько, нашихъ читателей съ господами Мотовиловымъ, Бѣлобрысовымъ и Охапкинымъ.

Это были коренные, столбовые, истые помѣщики и притомъ закадычные друзья между собою. По наружности они нисколько не походили другъ на друга, но тѣмъ не менѣе въ нихъ была бездна общаго,—недаромъ говорили про нихъ сосѣди и знакомые, что чортъ связалъ ихъ веревочкою. Весь образъ жизни, занятія, привычки, вкусы, предразсудки, — были у этихъ друзей совершенно одинаковыя. Понятіе о людяхъ, о вещахъ, объ общихъ и о собственныхъ своихъ интересахъ ничуть тоже не разнились у нихъ. Мы было-хотѣли передать кое-что объ этихъ понятіяхъ; да нѣтъ! какъ то ужъ очень неловко становится на душѣ при мысли обо всемъ такомъ, и лучше, на этотъ разъ, станемъ мы разсказывать о внѣшнихъ общихъ чертахъ господъ Мотовилова, Бѣлобрысова и Охапкина.—Даже во всѣхъ ихъ ухваткахъ, а особенно въ разговорѣ и хохотѣ (всѣ они трое были страшные хохотуны) сказывался широкими чертами общій типъ. Мотовиловъ, напримѣръ, говорилъ басомъ и отрывисто; хохоталъ же словно дрова рубилъ, и физіономія его при этомъ оставалась совершенно-неподвижною; Бѣлобрысовъ молотилъ языкомъ, точно барабанилъ, — онъ былъ, что́ называется, бормотунъ, — а когда смѣялся, то размахивалъ руками будто вѣтряная мельница крыльями; а Охапкинъ, коварный Охапкинъ говорилъ быстро, но плавно, хотя голосомъ хриплымъ, а иногда визгливымъ, и разливался всегда мелкимъ хохотомъ. Вотъ, кажется, большая разница въ рѣчи и смѣ-

хѣ этихъ людей, а между-тѣмъ и тутъ сходство было изумительное. Дѣло въ томъ, что напередъ можно было знать, какъ, при извѣстномъ случаѣ, выскажутся они и порознь и вмѣстѣ: что̀ именно заинтересуетъ ихъ, чему они обрадуются, что̀ имъ покажется страннымъ, надъ чѣмъ станутъ смѣяться. Вотъ почему они были правы, говоря, что «всегда другъ другу въ тонъ попадаютъ» — хотя и часто они спорили, вздорили и даже ссорились между собою. Они были друзья неразрывные, такъ, по крайней мѣрѣ, думали про нихъ всѣ ихъ знакомые да и сами они. И въ-самомъ-дѣлѣ, эта дружба была даже испытанная: при всякой нуждѣ они усердно помогали одинъ другому, выручая другъ-друга всѣми способами. Впрочемъ, тутъ надо намъ оговориться, ибо мы никакъ не желаемъ, чтобы могли возникнуть какія-нибудь сомнѣнія насчетъ размѣра этихъ жертвъ для дружбы. Начать съ того, что нужды нашихъ друзей, въ которыхъ они могли помогать одинъ-другому, были самаго незамысловатаго свойства: дѣло шло только о взаимной помощи въ картахъ, о снабженіи другъ-друга деньжонками для устройства разныхъ общихъ потѣхъ, о пособіи при доставаньи кому-нибудь изъ трехъ друзей новой сожительницы, либо собаки, а то и борзаго щенка знаменитой породы, и наконецъ о заступничествѣ другъ за друга, хоть кулаками, хоть зубомъ, при ссорахъ за разные пустяки съ лицами, непринадлежащими къ ихъ шайкѣ. Дальше этого жертвы дружбы не простирались и не могли простираться; дальше этого могла начаться уже не помощь, а, пожалуй, полная вражда, со всѣми ея, у насъ, послѣдствіями...

О наружности нашихъ трехъ друзей мы скажемъ еще нѣсколько словъ, для того, чтобы читатели сохранили о нихъ нѣкоторое воспоминаніе.

Мотовиловъ, при большомъ ростѣ, былъ богатырски сложенъ и глядѣлъ бы вполнѣ молодцомъ, еслибъ физіономія-то его — что̀ называется — не подгуляла. Голова его, коротко остриженная, шла клиномъ къ верху; лобъ былъ низенькій и узкій; большіе, блѣдно-голубые глаза смотрѣли крайне тупо. Въ добавокъ къ этому отвислыя, красныя щеки, толстый, нѣсколько вздернутый носъ, пухлыя губы,

осѣненныя рыжими, торчащими усами, — значитъ, физіономія г. Мотовилова была куда-неказиста! въ ней было что-то необыкновенно пошлое и тупое.

Охапкинъ смотрѣлъ еще хуже. Это былъ человѣкъ малаго роста, очень толстый и неуклюжій, но, несмотря на это, чрезвычайно подвижной и суетливый въ движеніяхъ; огромное брюхо его всегда совалось впередъ. Онъ былъ еще молодъ, но дряблъ и старобразъ; его большая голова съ сильно-развитымъ затылкомъ была украшена огромной лысиной. Широкое и плоское лицо его окаймлялось рамкой жиденькихъ, мышинаго цвѣта, бакенбардъ, а посреди его красовался носъ въ видѣ печеной луковицы. Въ маленькихъ, свиныхъ глазкахъ этого господина постоянно отражалось плутовское, трусливое, пакосно-сладострастное выраженіе. Вообще Охапкинъ на видъ былъ особенно-гадокъ, хотя онъ былъ несравненно умнѣе своихъ товарищей и владѣлъ гораздо-большими, чѣмъ Мотовиловъ и Бѣлобрысовъ, средствами играть нѣкоторую роль въ томъ обществѣ, гдѣ они всегда вращались: онъ получилъ образованіе въ университетѣ и нѣкоторое время терся въ такъ-называемомъ хорошемъ обществѣ, откуда онъ вынесъ легкую способность любезничать съ женщинами, способность, доставившую ему, какъ было слышно, не одну побѣду надъ ними... Впрочемъ, несмотря на все это, г. Охапкинъ какъ нельзя болѣе подлаживался во всемъ къ Мотовилову и Бѣлобрысову.

По нашему мнѣнію, лучшій изъ всѣхъ трехъ друзей былъ Бѣлобрысовъ. Въ его худощавомъ, скулистомъ лицѣ, въ его карихъ глазахъ на выкатѣ, выражалась какая-то рѣшимость и даже твердость. Онъ былъ очень задорнаго нраву, и когда задорился, то уже не было ему удержу... а это намъ нравится до нѣкоторой степени... Впрочемъ, Бѣлобрысовъ былъ простъ на-чистоту — ну, и слава Богу...

Таковы были пріятели Алексѣя Алексѣича. Кстати объ этой пріязни. Странное дѣло, что Алексѣй Алексѣичъ былъ на такой короткой ногѣ съ Мотовиловымъ, Бѣлобрысовымъ и Охапкинымъ. Правда, онъ самъ сильно смахивалъ на нихъ, «убивалъ» время и силы не лучше каждаго изъ нихъ, — но у него были свои, особен-

ныя черты, не общія съ чертами описанныхъ нами трехъ друзей: нравъ у него былъ мягкій, сердце доброе и нѣжное, душа доступная для хорошихъ впечатлѣній; онъ недаромъ свято помнилъ про мать свою, загубленную отцомъ его... Но мы не станемъ останавливаться на объясненіи причинъ сближенія нашего героя съ помѣщиками Мотовиловымъ, Бѣлобрысовымъ и Охапкинымъ, одно только скажемъ: въ той средѣ, гдѣ жилъ и развивался Алексѣй Алексѣичъ, не мудрено дойдти до всякаго нравственнаго паденія...

Разъ, часу въ пятомъ послѣ обѣда, въ августовскій свѣтлый, но не жаркій день Алексѣй Алексѣичъ и Марья сидѣли въ саду, на любимомъ своемъ мѣстечкѣ; сидѣли попрежнему, тихо и мирно. Марья читала вслухъ, нѣсколько еще не твердо, какую-то мудрёную для ней книжку, а Алексѣй Алексѣичъ покуривалъ трубку да позѣвывалъ.

Вдругъ, по дорогѣ изъ деревни къ господской усадьбѣ, раздались дробные перекаты нѣсколькихъ колокольчиковъ.

— Опять нелегкая несетъ кого-то! молвилъ баринъ съ непритводной досадою.

Только-что проговорилъ онъ эти слова, какъ Мотька прибѣжалъ благимъ матомъ въ садъ, крича еще издали:

— Гости ѣдутъ-съ!.. Мотовиловъ съ Охапкинымъ!.. да еще кто-то-съ!..

— Отказать!.. отказать!.. доложить, что уѣхалъ надолго изъ дому!.. поспѣшно крикнулъ Алексѣй Алексѣичъ, вскочивъ съ мѣста отъ волненія.

Мотька убѣжалъ, а вслѣдъ за тѣмъ влетѣли на дворъ три лихія тройки. Слышно было, что у крыльца завязался горячій споръ: гости кричали и хохотали во все горло. Наконецъ тройки тронулись шагомъ со двора. Чей-то голосъ затянулъ-было протяжную пѣсню, но ее вдругъ перервалъ раскатистый хохотъ.

— Ну, слава Богу, уѣхали! произнесъ баринъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

Явился старикъ Антонъ и доложилъ, что пріѣзжали Василій Семенычъ Мотовиловъ, Иванъ Лаврентьичъ Бѣлобрысовъ и Андрей Филипычъ Охапкинъ; долго съ нимъ спорить

изволили, не хотѣли вѣрить, что барина нѣтъ дома; и наконецъ уѣхали, «надо быть, въ неудовольствіи-съ»—добавилъ Антонъ, смиренно улыбнувшись.

— Ну тебя къ чорту!.. пошелъ прочь, старый дуракъ!.. ни-съ-того, ни-съ-сего, прикрикнулъ Алексѣй Алексѣичъ. Потомъ неспокойно сталъ онъ расхаживать взадъ и впередъ. Въ недоумѣніи смотрѣла на него Марья и какой-то невольный страхъ мѣшалъ ей заговорить съ нимъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ, покуда все слышался тихо-звякающій звонъ колокольчиковъ. Наконецъ не стало слышно этого звона и Алексѣй Алексѣичъ вздохнулъ свободно. Онъ усѣлся опять возлѣ Марьи и положилъ на плечо ея свою голову.

— Ну, Маша, читай дальше, сказалъ онъ, потягиваясь; скучная, дрянная книжонка,—да, можетъ, тамъ позанимательнѣе пойдетъ...

Въ это мгновеніе раздались за ними громкія рукоплесканія и неистовый хохотъ. Баринъ и Марья съ испугомъ оглянулись и увидали, что изъ-за деревьевъ выглядываютъ трое господъ,—незнакомыхъ Марьѣ и очень знакомыхъ Алексѣю Алексѣичу.

То были помѣщики Мотовиловъ, Бѣлобрысовъ и Охапкинъ, которые рѣшились, во что бы то ни стало, пробраться къ своему старому пріятелю, «съ-дуру» какъ они выражались, полюбившему уединеніе. Имъ было не трудно исполнить это намѣреніе: оставивъ тарантасы свои за деревней, они дошли, крадучись, до саду, перелѣзли черезъ канаву и валъ,—и такимъ образомъ очутились передъ нашими влюбленными.

— Браво!.. браво!..—кричали въ одинъ голосъ трое друзей. Здравствуй, Иванъ-царевичь!..

— Я всегда былъ увѣренъ, что нашъ Алексѣй Алексѣичъ особенно способенъ достать себѣ Елену-прекрасную... —говорилъ Охапкинъ, разливаясь своимъ мелкимъ хохотомъ.

— Нѣтъ, братецъ, тутъ сама жаръ-птица,—басилъ Мотовиловъ, да вотъ она и на-лицо.

— Ну, братъ, удралъ ты штуку!.. удралъ штуку!.. право, удралъ штуку!.. барабанилъ Бѣлобрысовъ.

Алексѣй Алексѣичъ былъ пораженъ до-нельзя нечаяннымъ появленіемъ своихъ пріятелей, и стоялъ передъ ними какъ преступникъ, пойманный на дѣлѣ. Нѣсколько минутъ онъ былъ не въ состояніи даже слова вымолвить—и этимъ возпользовались назойливые гости. Они кричали и хохотали во всю мочь, наперебой другъ передъ другомъ; видимое же смущеніе Алексѣя Алексѣича еще больше тѣшило и подзадоривало ихъ къ шумной веселости.

Марью тоже ошеломило появленіе этихъ господъ. Но этотъ безконечный хохотъ ихъ, эти рѣчи про Елену-прекрасную, про жаръ-птицу, которыя, — какъ она тотчасъ поняла, — прямо къ ней относились, разомъ возвратили ей сознаніе. Тоскливо всполохнулось ея сердце, но и такое зло ее взяло, что она на-силу удерживалась отъ того, чтобы не крикнуть на нихъ: «что вы, дескать разоралиcь? чему зубы скалите?» Блѣдная и взволнованная, она неподвижно сидѣла на своемъ мѣстѣ, отвернувъ лицо въ сторону, такъ-что его не было видно нашимъ помѣщикамъ.

— Полноте, господа... оглушили совсѣмъ... — промолвилъ наконецъ глухимъ голосомъ Алексѣй Алексѣичъ.

— Ты не сердись... дай же еще похохотать... — возразилъ Мотовиловъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, постой Василій Семенычъ, — сказалъ Охапкинъ, вдругъ состроивъ серьёзную мину, а вмѣстѣ съ тѣмъ подмигивая глазкомъ,—надо теперь дѣльно заняться самымъ дѣломъ... Я принимаю на себя не малый трудъ сказать рѣчь, — слушайте-же всѣ!.. Видимъ мы, возлюбленный нашъ Алексѣй Алексѣичъ, видимъ мы, что дѣйствительно ты имѣлъ нѣкоторую причину поступать на основаніи слезной пѣсни: «Я въ пустыню удаляюсь...» Завелся ты Плѣнирой, ну и нельзя же было не уединиться!.. Но знай: наше дружеское великодушіе равняется твоему настушескому мягкосердечію — и мы даемъ тебѣ торжественное разрѣшеніе во всѣхъ твоихъ уединенныхъ прегрѣшеніяхъ. Такъ, что ли, господа?—добавилъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ.

Мотовиловъ и Бѣлобрысовъ разразились громовымъ хохотомъ.

— Тсъ! тсъ!.. — прикрикнулъ на нихъ Охапкинъ: эхъ, братцы! никакъ нельзя вести съ вами важное дѣло... Слушайте же смирно, ради купидона и всѣхъ блажныхъ дѣлъ его!.. Итакъ, Алексѣй Алексѣичъ, къ тебѣ опять обращаю рѣчь мою: мы разрѣшаемъ тебя отъ прегрѣшенiй, совершенныхъ въ непроизвольномъ, надѣемся, уединенiи, но разрѣшаемъ съ слѣдующимъ условiемъ: ты долженъ показать намъ Плѣниру!.. Безъ твоего согласiя, мы не смѣемъ приблизиться къ ней, а она, посмотри, отвернула въ сторону свою прекрасную голову: дика, что-ль, она у тебя, «какъ дикая газель», по выраженiю поэта?

— Покажи намъ ее! покажи, Алексѣй Алексѣичъ!..—сказали Мотовиловъ и Бѣлобрысовъ, едва удерживаясь отъ смѣха.

Но Марья встала въ это мгновенiе и пошла къ дому.

— Боже! какой станъ! какая походка!.. Воля твоя, Алексѣй Алексѣичъ, а я не могу не привѣтствовать прекрасную Плѣниру!.. — вскричалъ съ торжественной важностью Охапкинъ, и кинулся догонять Марью.

Догнать ее было не трудно, она шла очень тихо, словно сбираясь обернуться зачѣмъ-то. И точно, когда Охапкинъ догналъ ее, она вдругъ обернулась.

— Ну, что ты, лѣшiй эдакой, гонишься за мною?.. — сказала она громко и твердо, оглядывая его суровыми, грозно-горящими глазами.

Какъ ни былъ нахаленъ Охапкинъ, но это неожиданное привѣтствiе разомъ осадило его. Изумленный, сконфуженный, онъ остановился и не нашелся даже что сказать, а Марья пошла себѣ дальше. Мотовиловъ и Бѣлобрысовъ, слышавшiе слова Марьи, хохотали какъ сумасшедшiе, смѣялся тоже и Алексѣй Алексѣичъ.

— Да, братцы,—молвилъ Охапкинъ, подходя къ нимъ и принужденно усмѣхаясь: это, чортъ-знаетъ какая суровая Плѣнира!.. Того и гляди, въ физiономiю съѣздитъ... Алексѣй Алексѣичъ! я посовѣтую тебѣ заказать картину, въ которой Плѣнира твоя была бы изображена въ видѣ Медеи или Клетемнестры... Повѣрьте, господа, это просто ужасная женщина!..

Все еще смущенный, Алексѣй Алексѣичъ добродушно улыбался.

— А какъ зовутъ ее?.. кто она такая?.. Правда ли, что ты досталъ ее изъ цыганскаго табора?..—стали осыпать его вопросамм всѣ трое.

— Зовутъ ее Марьей, отвѣчалъ Алексѣй Алексѣичъ, не глядя на гостей своихъ, а о прочемъ, господа, начтó вамъ знать?.. Пожалуйста, прошу васъ, если любите меня, если вы истинные друзья мнѣ, не спрашивайте дальше и оставьте ее въ покоѣ.

— Чудеса, право! молвилъ Охапкинъ, да ужъ ты не влюбился ли въ самомъ дѣлѣ?

— Ну, говори, говори, влюбился, что ли?..—стали приставать Мотовиловъ и Бѣлобрысовъ.

— Хоть бы и такъ, господа...—несовсѣмъ твердо отвѣчалъ Алексѣй Алексѣичъ, приподнимая опущенную голову, хоть бы и такъ... Только я скажу вамъ: ради Бога, не мѣшайтесь во все это... а то... а то придется мнѣ... придется имѣть дѣло съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ старыхъ друзей...

— Ого! ага. эге!..—завопили пріятели, и Мотовиловъ съ Бѣлобрысовымъ принялись-было хохотать, но Охапкинъ былъ смышлёнѣе ихъ: замѣтивъ, что влюбленный пріятель крѣпко понасупился, онъ унялъ ихъ и сталъ говорить Алексѣю Алексѣичу, чтобы не сердился на пріятелей за шутку, что они любятъ его какъ душу, и прочее, все въ такомъ же родѣ.

Алексѣй Алексѣичъ нѣсколько успокоился и, какъ гостепріимный хозяинъ, пригласилъ своихъ гостей отправиться въ домъ.

— Ахъ, кстати, молвилъ Охапкинъ, лукаво подмигивая глазомъ, ты братъ, Алексѣй Алексѣичъ, жениться не собираешься ли? Домъ твой что-то глядитъ не по-старому, по-крайней-мѣрѣ снаружи: и на крышѣ новыя заплаты, и ворота навѣшены, и заборъ поправленъ за ново, и дворъ чисто-на чисто подметенъ... Право, что-то праздничное, эдакъ, проглядываетъ!

— Ого!. вотъ она, штука-то!.. провозгласили въ одинъ голосъ Мотовиловъ и Бѣлобрысовъ.

— Полноте, господа, опять за старое... Право, скучно... противно становится... сказалъ съ выразительной досадою Алексѣй Алексѣичъ.

На этотъ разъ нетолько Охапкинъ, но и друзья его какъ-то поняли, что не слѣдуетъ больше приставать къ хозяину съ назойливыми шутками и разомъ унялись.

Прежде всего, конечно, сдѣлали визитъ на псарню. Тутъ гости остались очень недовольны хозяиномъ: по ихъ осмотру оказалось, что онъ вовсе не занимается этой важной частію своего *хозяйства*, которая и точно была, съ нѣкоторыхъ поръ, въ большомъ упадкѣ. Они рѣзко попрекнули его за это; впрочемъ, въ дальнѣйшія объясненія не пускались, по особенной, причинѣ.

— Вотъ что́, Алексѣй Алексѣичъ, сказалъ Мотовиловъ: мы, братъ, ѣдучи къ тебѣ, большую глупость сдѣлали, заѣзжали къ жидомору Аксютину... вѣдь честь ему оказали, а онъ накормилъ насъ мерзѣйшимъ обѣдомъ, да и выпить ровно ничего не далъ... такъ ты, братъ, распорядись-ка на этотъ счетъ.

Хозяинъ, конечно, какъ разъ распорядился. Хозяйская кухня оказалась запаслива насчетъ разныхъ съѣдомыхъ вещей; гости какъ голодные волки накинулись на нихъ. Вслѣдъ затѣмъ поданъ былъ чай, какъ водится, съ ромомъ, а тутъ же пошли въ ходъ и всякія старыя наливки да вина, которыми былъ снабженъ довольно исправно погребъ Алексѣя Алексѣича.

Поработавъ «надъ замореніемъ червячка», гости пришли въ прекрасное, добродушно-веселое расположеніе духа и начали усердно упрашивать хозяина, чтобы онъ познакомилъ ихъ съ его возлюбленной. Эхъ, братъ! веселье съ нею намъ всѣмъ будетъ!.. говорили они и увѣряли притомъ честнымъ словомъ, что никакъ не станутъ смѣяться и трунить, что, въ отношеніи къ Марьѣ, будутъ вести себя вполнѣ благоприлично. Долго отбивался Алексѣй Алексѣичъ, но наконецъ уступилъ ихъ просьбамъ и отправился уговаривать Марью, чтобы она показалась его пріятелямъ.

Онъ нашелъ ее въ своемъ кабинетѣ. Она стояла у окна, прислонясь головою къ стѣнѣ. Лицо ея было блѣдно, губы

крѣпко сжаты. Крупныя слезы катились изъ ея потускнѣвшихъ глазъ. Алексѣя Алексѣича чрезвычайно смутили эти слезы, эта печаль Марьи и онъ совсѣмъ позабылъ о порученіи своихъ товарищей.

— Маша!.. Маша!.. говорилъ онъ ей тихимъ голосомъ: что ты это?.. о чемъ плачешь?..

Она не отвѣчала и все продолжала плакать. Алексѣй Алексѣичъ не находилъ словъ чѣмъ ее утѣшить. А между тѣмъ какой-то ѣдкій упрекъ жегъ его душу. Но и зло мало-помалу начало разбирать его, зло то на самого себя, то на своихъ назойливыхъ пріятелей, то наконецъ и на Марью. Слезы ея, которыхъ причину не могъ онъ никакъ объяснить, волновали и гнѣвили его.

— Да послушай же, ради Бога,—вымолвилъ онъ наконецъ, съ особенной суровостію, какъ никогда еще съ ней не говорилъ: ну, о чемъ ты плачешь?.. ну, о чемъ?.. Это ни на что не похоже!.. ты мучить меня хочешь, мучить, мучить!.. Будто ты несчастная какая!..

— А то счастье, что-ли, начинается?.... отвѣчала она глухимъ голосомъ.

— Господи!.. Господи!.. да что жъ это такое?.. да что жъ это такое?.. твердилъ баринъ, то размахивая руками, то схватывая себя за волосы. Онъ гнѣвался, словно взбалмошный ребенокъ.

Въ это мгновеніе за дверью кабинета послышались возня и шушуканье. И вотъ дверь немного отворилась, изъ-за нея выглянула клинообразная голова Мотовилова.

— Алексѣй Алексѣичъ!.. кроткій голубокъ нашъ!.. произнесъ онъ, фыркая отъ сдержаннаго смѣха: мы къ тебѣ, братъ, на помощь пришли...

Баринъ нашъ стиснулъ зубы, съ отчаяннымъ видомъ махнулъ рукою и кинулся опрометью вонъ изъ комнаты. Размахнувъ дверью, онъ такъ сильно толкнулъ ею Мотовилова, что тотъ чуть-было не упалъ.

— Чортъ возьми, господа!.. вскричалъ онъ; вы меня, просто, преслѣдуете... Вѣдь, говорилъ я вамъ... просилъ... Пойдемте!.. пойдемте!...

И схвативши за плеча Охапкина, онъ съ силою сталъ

выталкивать имъ изъ корридора Мотовилова и Бѣлобрысова. Друзья были порядкомъ озадачены поступками хозяина, и, пожалуй, въ претензію вошли бы, да только некогда было. Втолкнувъ ихъ всѣхъ въ гостиную, Алексѣй Алексѣичъ прямо бросился къ столу, на которомъ стояло еще много недопитаго вина, налилъ себѣ цѣлый стаканъ хересу и, приподнявъ его высоко, сказалъ пріятелямъ дрожащимъ голосомъ:

— Господа!.. еще разъ, и въ послѣдній... говорю вамъ... не приставайте ко мнѣ насчетъ Марьи!.. не приставайте, ради Бога!.. Худо... худо можетъ выдти... А я лучше готовъ съ вами кутить всю ночь; пожалуй, нарѣжусь какъ сапожникъ!.. Ну, что съ вами дѣлать! давайте въ карты играть; я готовъ хоть сейчасъ же!.. Антонъ! Мотька! картъ скорѣе! картъ!...

Баринъ нашъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи, и пріятели не могли этого не замѣтить. Слова его особенно произвели впечатлѣніе на Охапкина, у котораго Богъ знаетъ съ чего какъ-то трусливо ёкнуло сердце. Охапкинъ потихоньку толкнулъ Мотовилова и Бѣлобрысова; тѣ, какъ ни просты были, догадались однакоже, что надо непремѣнно, изъ нѣкоторой предосторожности, сдержать порывы своей веселости и не раздражать больше хозяина.

Друзья почли за лучшее послѣдовать примѣру Алексѣя Алексѣича и принялись усердно за хересъ.

Тотчасъ же потомъ началась игра. Какъ водится, сначала засѣли въ преферансъ; Мотовиловъ и Охапкинъ проигрались нѣсколько, понадобилось имъ отыгрываться и вотъ перешли къ «фараону», любимой игрѣ помѣщиковъ. Само-собою разумѣется, игра сопровождалась обильными возліяніями въ честь Бахусу и на пользу уѣзднаго виноторговца, снабжавшаго погребъ Алесѣя Алексѣича разными винами мудренаго, хоть и незатѣйливаго своего издѣлья. Понатянулись порядкомъ господа Мотовиловъ, Бѣлобрысовъ и Охапкинъ, и, что грѣха таить! всѣхъ больше натянулся нашъ мягкосердечный баринъ.

Много было шуму, спору и вздору между игравшими. Тутъ особенно отличился Бѣлобрысовъ, извѣстный спорщикъ

въ игрѣ, съ которымъ даже пріятели его закаявались иногда играть.

Но объ игрѣ въ «фараонъ,» мы хотимъ разсказать по порядку.

Банкъ метали поочередно Мотовиловъ и Охапкинъ, опытные, расчетливые, записные банкометы. Смертельно хотѣлось «прометнуть» и Бѣлобрысову, особенно противъ Алексѣя Алексѣича.

— Вѣдь я почему хочу метать? почему хочу?.. бормоталъ Бѣлобрысовъ: а потому, что онъ не «жмотикъ»!... Онъ любитъ брандера иной разъ пустить!.. ну, и я люблю! и я люблю!..

Мотовиловъ и Охапкинъ соглашались на то, чтобы металъ Бѣлобрысовъ, но хозяинъ ни зачто не хотѣлъ допустить этого.

— Нѣтъ, братъ, говорилъ онъ Бѣлобрысову: ты вообще славный малый, а въ игрѣ съ тобой терпѣнья нѣтъ, придираешься хуже старой бабы и за каждымъ абцугомъ приходится съ тобой вздорить.

Неугомонный Бѣлобрысовъ спорилъ, кричалъ, сердился, но ничто не помогало, и онъ поневолѣ принужденъ былъ довольствоваться скромной ролью понтёра.

Игра все больше разгоралась. Алексѣю Алексѣичу страшно не везло. Онъ проигралъ Мотовилову росписку его въ трехъ стахъ рубляхъ, а Охапкину спустилъ остальныя чистыя деньжонки, всѣхъ своихъ собакъ, кромѣ одной любимой, и вдобавокъ еще довольно круглую сумму, на полученіе которой далъ тутъ же записку къ Макару Огурѣеву, которому затѣмъ приходилось доплатить за хлѣбъ нашему барину уже очень немного. Винные пары и игра отуманили совсѣмъ голову Алексѣя Алексѣича. Никогда еще не бывалъ онъ въ такомъ раздраженіи. Онъ понтировалъ въ высшей степени безтолково и оттого такъ распроигрался. Во время игры не сидѣлось ему на мѣстѣ, онъ безпрестанно вскакивалъ, бѣгалъ по комнатѣ, проклиналъ судьбу и самого себя, часто спорилъ изъ-за пустяковъ съ банкометами, и однимъ словомъ, бѣсновался пуще Бѣлобрысова.

Мотовиловъ и Охапкинъ, несмотря на то, что порядкомъ

подпили, вели игру сдержанно и во́-время забастовали. Алексѣй Алексѣичъ уже не упрашивалъ ихъ продолжать игру, онъ вдругъ почувствовалъ совершенное изнеможеніе и усѣлся въ уголъ дивана, опустивъ голову на грудь.

— Господа, забормоталъ торопливо Бѣлобрысовъ, вы ужъ больше не станете метать? не станете, а? не станете?

— Конечно, не станемъ, отвѣчалъ Охапкинъ: на сей день довольно, курочка по зернышку клюетъ... да вонъ и хозяинъ усталъ. Вотъ, завтра съѣдемся всѣ у Василья Семеныча, ну и дадимъ ему тамъ реванжикъ.

— А я теперь хочу метать, кричалъ Бѣлобрысовъ, хочу, непремѣнно хочу! Что́ жъ это въ самомъ дѣлѣ, вы метали, а я нѣтъ?.. Это обидно, обидно!.. Какіе же вы мнѣ, послѣ того, друзья? Алексѣй Алексѣичъ, ну давай скорѣе, давай, голубчикъ!.. Штосикъ тебѣ помечу.. Господа, и вы тоже понтерните... Отвѣтный мечу, отвѣтный!..

Тотчасъ же принялся онъ самъ счищать со стола и не пожалѣлъ носоваго своего платка для того, чтобы обмахнуть мѣловую пыль; потомъ самъ же пододвинулъ столъ къ дивану, приготовилъ понтёрки для Алексѣя Алексѣича, положилъ ему мѣлокъ да щёточку, припасъ и себѣ тоже, стасовалъ карты наскоро и срѣзалъ. Держа колоду въ одной рукѣ, онъ то гладилъ ласково другою по плечу нашего барина, то трясъ его за рукавъ, да при этомъ смотрѣлъ ему въ глаза съ томительнымъ ожиданіемъ.

— Ну же, голубчикъ, ну же!.. повторялъ онъ безпрестанно. Алёша, другъ, потѣшь меня!.. ну, потѣшь же, хоть немножко...

Охапкинъ и Матовиловъ хохотали во все горло, при видѣ всѣхъ этихъ усилій Бѣлобрысова затянуть хозяина въ игру.

Однако, на этотъ разъ, такія жаркія усилія не пропали даромъ. Алексѣй Алексѣичъ приподнялъ съ нѣкоторымъ усиліемъ отяжелѣвшую свою голову и наконецъ, къ восхищенію новаго банкомета, взялся за понтёрки. Но прежде чѣмъ пуститься въ игру, онъ попросилъ знакомъ Охапкина налить ему стаканъ вина, разомъ осушилъ его—и молча сталъ понтировать.

— Я деньгами, Алёша, отвѣчаю, сказалъ очень мягкимъ голосомъ Бѣлобрысовъ, а ты на свою тройку играй... Начнемъ съ правой пристяжной... принимаю ее во сто цѣлковыхъ... Вѣдь, безобидно для тебя, Алёша, безобидно?.. Такъ что ли, голубчикъ?..

Алексѣй Алексѣичъ молча кивнулъ головою въ знакъ согласія—и игра началась.

Но мы, кажется, слишкомъ уже увлеклись разсказомъ о баринѣ и его пріятеляхъ, надо взглянуть и на то, что̀ дѣлала тѣмъ временемъ наша бѣглянка.

Послѣ ухода Алексѣя Алексѣича, она довольно-долго оставалась въ кабинетѣ. Сердце у ней было не на мѣстѣ, не то отъ страха, не то отъ тоски; ныло оно подъ какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ. Скоро стемнѣло въ комнатѣ. Усталая отъ сильнаго волненія, Марья прилегла на постель. Мысли ея совсѣмъ спутались и стала она позабываться тяжелымъ сномъ... Но какой-то шумный возгласъ Бѣлобрысова, раздавшійся по всему дому, вдругъ пробудилъ ее. Въ страшномъ испугѣ она вбѣжала въ комнату, сосѣднюю съ гостиной, гдѣ происходила попойка и игра.

Долго прислушивалась она къ отрывистымъ рѣчамъ игроковъ и ничего не могла разобрать изъ нихъ. Но слыша, что Алексѣй Алексѣичъ безпрестанно вскакиваетъ и бѣгаетъ по комнатѣ, слыша его отчаянныя проклятія, она догадалась, что его дѣло плохо, что онъ проигрывается. И сильный страхъ ее бралъ за милаго друга, — словно сидитъ онъ тамъ съ разбойниками, которые, того-и-гляди, пырнутъ его ножомъ! Тоска и зло попеременно волновали ее. Подмывало ее вбѣжать въ гостиную, увести милаго къ себѣ, а непрошенныхъ гостей выгнать изъ дому. Раза два, когда Алексѣй Алексѣичъ особенно жалобно проклиналъ свое несчастье, чуть-было не ворвалась она туда, но ее удержала-таки мысль, что опять эти ненавистные гости кинутся къ ней съ своими докучливыми рѣчами и грубымъ хохотомъ, опять станутъ приставать къ ней и къ Алексѣю Алексѣичу. Между тѣмъ тоска ея все усиливалась, она не знала что̀ дѣлать и что̀ начать...

Но вотъ старикъ Антонъ, нахмуренный и видимо не въ

духѣ, вошелъ къ ней на цыпочкахъ и сказалъ шопотомъ, что надо еще достать вина и наливокъ.

— Антонъ.. родимый... спросила она, дрожа отъ волненія, не потай отъ меня... Что̀ они тамъ дѣлаютъ?

— Да что̀ дѣлаютъ?—возразилъ сурово Антонъ, который, несмотря на льстивость свою, все-таки былъ привязанъ къ барину за его доброту, извѣстно—балуются: въ карты играютъ да пьютъ. Дѣло плоховатое-съ, Марья Ефимовна: опять повадятся эти господа жаловать... А вѣдь черезъ нихъ-то больше и непорядки пошли...

— Какъ же быть-то, Антонъ?.. Какъ бы отдѣлаться отъ нихъ?.. Можетъ, какъ я войду да скажу...

— А что̀ вы скажете?.. сказать нечего!.. Нѣту, не ходите, только на смѣхъ-съ подымутъ и барину станетъ за зло... Тутъ-съ теперича ничего не подѣлаешь...

— Отчего онъ такъ... словно кручинится? про несчастье все поминаетъ?..

— Знамо, отчего-съ: проигрываетъ...

— Ужъ когда-то унесетъ ихъ отъ насъ!

— Да вотъ-съ, когда обдерутъ барина какъ липку-съ. Безъ того не отстанутъ,—благо, онъ охмѣлѣлъ... А то, коли бъ не охмѣлѣлъ, баринъ самъ справился бы съ ними, онъ играть-то молодецъ!

Марья горько заплакала. Антону стало жаль ее. На этотъ разъ, онъ сошелся съ нею въ чувствахъ къ барину.

— Вы не плачьте-съ, Марья Ефимовна, сказалъ онъ ей; подите-ко отсюдова въ кабинетъ, а я постараюсь какъ-нибудь вызвать его къ вамъ; можетъ онъ и самъ выйдетъ изъ гостиной, такъ я провожу его въ кабинетъ, ну, вы и удержите.

Марья послушалась, но напрасно ожидала Алексѣя Алексѣича. Антону никакъ не пришлось вызвать барина, гости помѣшали ему въ этомъ; замѣтивъ, что старикъ увивается все вокругъ барина, они прикрикнули на него и выслали вонъ.

Наконецъ Марья не утерпѣла и опять отправилась въ ту комнату, откуда наблюдала уже за игрою. Она вошла ту-

да въ ту самую минуту, когда между Алексѣемъ Алексѣичемъ и Бѣлобрысовымъ завязалась жаркая ссора.

Баринъ началъ послѣднюю игру подневольно, у него недостало силъ отказаться отъ нея. И стаканъ хересу не одушевилъ его. Съ посоловѣлыми глазами, подперши голову рукою, онъ игралъ машинально, ставилъ карту за картой, едва различая, какая выиграла, какая проиграла, и ни разу не прибѣгнулъ къ брандеру. Однако, и тутъ видимо не везло Алексѣю Алексѣичу,—ужъ такой денекъ ему выдался! Между-тѣмъ Бѣлобрысовъ, несмотря на то, что выигрывалъ, былъ крайне недоволенъ подобной игрою.

— Что жъ ты, братъ, — жмотикомъ, чтоли становишься?.. говорилъ онъ: брандера, брандера пусти!.. А то метать скучно!.. Да вотъ постой, надо немножко подогрѣть тебя, подогрѣть...

Бѣлобрысовъ вскочилъ, налилъ полный стаканъ вина и подалъ Алексѣю Алексѣичу, но у того и на вино пропала охота: онъ уже не «хватилъ на лобъ» стакана, а сталъ прихлёбывать понемножку. Опьянѣніе, усталость, сонливость совсѣмъ доконали его.

— Баста! пробормоталъ онъ, не хочу больше играть..

— Какъ не хочешь? вскричалъ съ негодованіемъ Бѣлобрысовъ, да вѣдь мы на лошадь играемъ! А ты только половину ея проигралъ. Нѣтъ, я не позволю! нѣтъ, ни зачто не позволю!.. Играй до конца!..

— Баста! протяжно повторилъ Алексѣй Алексѣичъ и всталъ, сильно покачиваясь.

Бѣлобрысовъ взбѣленился. Онъ топалъ ногами, стучалъ кулакомъ по столу, на чемъ свѣтъ стоитъ бранилъ Алексѣя Алексѣича, бранилъ и товарищей своихъ за то, что они стали между нимъ и хозяиномъ и не допускали его до рукопашной.

Въ эту минуту дверь съ шумомъ распахнулась и вбѣжала Марья. Она прямо кинулась къ Алексѣю Алексѣичу, да схватила его подъ руку—и во-время: онъ чуть-было не пустилъ шандаломъ въ Бѣлобрысова.

— Маша... Маша... говорилъ онъ, плача навзрыдъ съ пьяныхъ глазъ, это, это, это... разбойники!.. обыграли меня!..

зарѣзать, зарѣзать хотѣли. Ты пустишь меня или нѣтъ? Я на дуэль, на дуэль съ ними, подлецами, пойду!..

При видѣ Марьи, Мотовиловъ, Охапкинъ, и даже Бѣлобрысовъ перестали кричать. Молча повела она Алексѣя Алексѣича вонъ изъ комнаты, но сердце ея не вытерпѣло: въ самыхъ дверяхъ она обернулась къ гостямъ и сказала имъ твердымъ, суровымъ голосомъ:

— Бога вы не боитесь, а еще господа!.. Въ гости пріѣхали, пили—ѣли, да за-хлѣбъ-за-соль ограбить вздумали... Словно разбойники! А еще господа!..

И она захлопнула дверь.

— Что́, братъ, грибъ съѣлъ! — сказалъ Охапкинъ Бѣлобрысову; вотъ тебѣ и правая пристяжная!.

— Ну, чтожъ такое? — замѣтилъ Мотовиловъ, вишь, онъ больно опьянѣлъ, самъ себя не помнитъ.

— Нѣтъ, вотъ что́, господа, — молвилъ въ какомъ-то раздумьи Бѣлобрысовъ: на меня эта жаръ-птица словно ушатъ холодной воды вылила... Я, точно, черезчуръ ужъ погорячился, черезчуръ... А она,—вотъ такъ бабёнка!.. выручила дружка своего, выручила!..

— Насъ-то вотъ, шельма, обругала, замѣтилъ сердито Охапкинъ; да погоди еще, я на эту курицу-насѣдку ястреба напущу.

На другой день у барина голова смертельно болѣла и сердце ныло отъ неясныхъ упрековъ совѣсти. Стыдно было ему и взглянуть на Марью. А Марья жалѣла, очень жалѣла его, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ что-то такое и отталкивало ее отъ него. Раза два баринъ робко заговаривалъ съ нею о какихъ-то пустякахъ, но она отвѣчала только «да или нѣтъ» и морщилась да вздыхала. Тяжело было обоимъ; имъ хотѣлось бы и разойтись въ разныя комнаты, но, по непонятному чувству, они оставались все вмѣстѣ. Горькія минуты настали для барина и для Марьи. То ужъ не размолвка была, а что-то гораздо похуже: начиналось недовѣріе другъ къ другу, недовѣріе, за которымъ всегда почти настаетъ охлажденіе даже и самой горячей любви.

Алексѣй Алексѣичъ озирался все вокругъ себя, — если хотѣлось найти хоть какое-нибудь занятіе, чтобы развлечь

свои тяжелыя мысли о вчерашнемъ проигрышѣ и кутежѣ,— но чтожъ было тутъ дѣлать, за что приняться? А надо же было пріободриться, а то все тяжелѣй становилось ему при видѣ тревожнаго и печальнаго лица Марьи. Ужъ какъ желалъ онъ узнать что у ней на душѣ, какъ она думаетъ теперь о немъ? Чего бы ни далъ онъ, чтобы она хоть сколько-нибудь повеселѣла, хоть бы разокъ улыбнулась! И вотъ пришла ему въ голову блажная мысль—разсмѣшить ее и за смѣхомъ уладить мировую. Схватилъ онъ въ обѣ руки гитару и съ разными ужимками да гримасами подошелъ къ Марьѣ, напѣвая какую-то шутовскую пѣсенку. Но Марья нетолько не разсмѣялась, а отвернула голову и потупилась въ землю.

«Чортъ знаетъ, какая капризная!» — подумалъ онъ про себя, съ досадою, и съ сердцовъ швырнулъ гитару на столъ.

Марья вовсе не капризничала; она даже не понимала какъ это можно капризничать, она была вѣдь не барыня. Ей и не думалось дуться на своего друга милаго. Колибъ сердита была она на него,—попросту, безъ затѣй, она посчиталась бы съ нимъ, или даже и побранилась бы. А тутъ и сердиться она не могла,—такъ печальна была на ту пору дума ея, и мало того: такъ надорваны были всѣ душевныя ея силы. Она ужъ не вѣрила въ свое счастье, ей ужъ страшно было думать о своей любви...

Пришелъ Антонъ спросить о чемъ-то — и она обрадовалась, что могла уйдти хлопотать по хозяйству.

Алексѣй Алексѣичъ улегся на диванѣ, да зѣвая, лѣниво потягивалъ дымокъ изъ длиннѣйшаго чубука. Неодолимая скука, какъ черная туча, висѣла надъ нимъ. Онъ начиналъ хандрить—и гораздо сильнѣе, чѣмъ бывало это прежде. Съ маленькой злостью на судьбу и съ великой жалостью къ себѣ, онъ принялся пересчитывать всѣ свои несчастія.

«Все удачи нѣтъ, нѣтъ-таки удачи ни въ чемъ!—думалъ онъ. Отецъ оставилъ растроенное состояніе... ну, и самъ я покутилъ-таки въ гусарахъ... а чтожъ? вѣдь нельзя же было — товарищество того требовало, у товарищества свои законы есть... Однако, чортъ ихъ возьми, эти законы!.. Вотъ

поправиться бы надо — да какъ?.. Не въ исправники же идти!.. А тутъ—гдѣ тонко, тамъ и рвется,—проигрался еще этимъ пріятелямъ... Нечего сказать, хороши пріятели! чортъ ихъ принесъ!.. Марья разсердилась, можетъ, и печалится, а можетъ просто капризничаетъ... а того не знаетъ, не хочетъ сообразить, что не я же тутъ виноватъ... насильно, проклятые, ворвались!.. А все дуракъ Антонъ — не умѣлъ выпроводить ихъ, какъ слѣдуетъ... Эхъ, эта Маша! больно ужъ сердита она—пошла теперь дуться... не знаешь, какъ и приступиться къ ней... Ей, должно быть, досадно и прискорбно, что я подпилъ такъ и распроигрался... чтожъ дѣлать-то! Такое это ужъ мое несчастье!.. Все не ладится, ни въ чемъ ни везетъ...»

За обѣдомъ и послѣ обѣда, никакъ не удалось ему поладить съ Марьей. Она все молчала, не потому, что хотѣла какъ-бы отплатить ему за вчерашнюю гулянку, а потому что словъ не находила. Да и въ-самомъ-дѣлѣ, о чемъ было говорить? Вчерашняго дня не воротишь, а этотъ день много радостей, много счастья унесъ съ собою!.

Вдругъ опять блажная мысль—и ужъ другаго свойства—озарила голову Алексѣя Алексѣича.

Вышелъ онъ въ переднюю и гаркнулъ во весь голосъ:

— Эй, вы! сейчасъ же! сію минуту лошадей закладывать для меня!.. Да поворачиваться!..

На этотъ разъ слуги поворотились скорёхонько: черезъ какихъ-нибудь полчаса лихая тройка, запряженная въ тарантасъ, стояла уже у подъѣзда.

Но охота ѣхать было не очень-то сильна у нашего барина, хоть и частенько приходило ему на мысль, что непремѣнно надо попытать отыграться. Онъ былъ уже не радъ, что такъ распорядился насчетъ поѣздки. Онъ былъ готовъ даже велѣть, чтобы отложили лошадей, — «но чтожъ было дѣлать дома-то? Марья — такая насмурная, не ласкается, не говоритъ даже, а за что́, въ-самомъ-дѣлѣ? Чѣмъ такимъ провинился онъ передъ нею?.. Да и чтожъ это она?.. Вздоръ! Не для чего баловать бабёнку... надо же, чтобъ и честь наконецъ знала!..

Онъ подошелъ къ ней бойко и рѣшительно.

— Маша! я ѣду...—сказалъ онъ, стараясь заглянуть ей прямо въ глаза.

— Чтожъ... ступай, съ Богомъ...—отвѣчала она, не поднимая опущенной головы.

— Ну да... таки—ѣду...—продолжалъ, съ гораздо меньшей увѣренностью, Алексѣй Алексѣичъ.

Марья молчала.

— Тьфу ты пропасть!—сказалъ онъ, опять начиная кипятиться; говорятъ тебѣ: ѣду я... можетъ быть, въ городъ—такъ не велишь ли чего купить?..

Марья отрицательно покачала головой.

«Вотъ упрямая! вотъ взбалмошная!.. подумалъ онъ. Да кланяться, чтоли, ей?.. просить прощенья?.. А пускай дуется!..»

Поворотившись на каблукахъ, онъ проворно вышелъ на крыльцо и ужъ занесъ—было ногу садиться въ тарантасъ, какъ вдругъ одумался и воротился къ Марьѣ.

На этотъ разъ онъ подступилъ къ ней тише и ласковѣе.

— Маша, милый другъ,—молвилъ онъ, обнявши ее, не сердись, пожалуйста... право, я по дѣлу долженъ ѣхать.. Вѣдь, у меня тоже дѣло есть, милая моя... А не хочешь ли со мной?.. Мы тогда въ городъ прямо...

— Нѣтъ... не хочу ѣхать...—сухо отвѣчала она.

— Отчего?..

— Тамъ пріятели къ тебѣ пристанутъ... а мнѣ что́ дѣлать?

— Да нѣтъ же, клянусь честью, нѣтъ!.. Ну, ихъ, этихъ пріятелей!.. Поѣдемъ, Маша!..

— Нѣтъ не поѣду.

— Экая ты упрямая!.. ну, по—крайней—мѣрѣ, поцѣлуй же меня на дорогу.

Марья очень холодно поцѣловала его. Онъ ушелъ, нето разсерженный, нето смущенный. Впрыгнувъ въ тарантасъ, замахалъ онъ руками и неистово крикнулъ кучеру:

— Валяй, Андрюшка!

Тройка разомъ рванулась и мгновенно скрылась за густымъ облакомъ пыли.

— Кузька!.. Кузька!..—съ невыразимымъ горемъ шепта-

ла бѣглянка, глядя на облако пыли и вдругъ почему-то вспомнивъ про своего дурака-мужа.

Какъ тѣнь, стала бродить она по опустѣвшему дому,— не находя никакихъ занятій да и не желаяихъ найдти. Любовь опять шевельнулась въ душѣ ея, но не та горячая и радостная любовь, которая такъ не давно еще свѣтилась яркимъ пламенемъ, но любовь унылая, уже знакомая съ печалью и сожалѣньями.

«Бросить онъ пить,—аль не броситъ?.. Будетъ ли водиться съ этими пріятелями?—спрашивала она самоё-себя. Ахъ, зачѣмъ я съ нимъ не поѣхала!..»

Но не въ натурѣ Марьи было колебаться долго или жалѣть о прошломъ. Что́ сдѣлано, то сдѣлано, и ѣхать ей съ нимъ совсѣмъ не приходилось. Во-первыхъ, свидится онъ безпремѣнно съ товарищами своими, съ этими барами непутёвыми; а ей что̀ при нихъ дѣлать? Во-вторыхъ, онъ сказалъ, что по дѣлу ѣдетъ, такъ и тутъ ей совсѣмъ не мѣсто...

«Лучше, молвила она про себя, пойду разгуляться, авось, разгоню печаль-тоску...»

А ужъ тутъ стерегла ее Анфиса Кузьминична.

— Марья Ефимовна, сказала ей старуха, слегка вздыхаючи, проводить барина изволили?

— По дѣлу... въ городъ поѣхалъ, отвѣчала Марья съ такимъ смущеніемъ, какъ-будто бы налгала ни вѣсть что̀ на свою голову.

— Ну, нѣтъ-съ, худо замѣтили вы это, Марья Ефимовна, возразила старуха, насмѣшливо улыбаясь: баринъ изволили поѣхать дорогою-то не въ городъ... Должно быть, проѣдутъ они сперва-наперво къ Василью Семенычу Мотовилову... А не приказывали вамъ баринъ ничего насчетъ домашняго?

— Ничего, какъ есть, не приказывалъ, отвѣчала Марья, и хотѣла уйдти.

— Позвольте-съ, Марья Ефимовна, на минуточку, сказала Кузьминична, желательно бы узнать, скоро-ль баринъ обѣщали воротиться... Чай, вамъ все извѣстно?

— Про то не сказывалъ; хотѣлъ онъ меня взять съ собою, да я не поѣхала...

— Не поѣхали-съ? Да какъ же это баринъ-то хотѣли взять васъ съ собою? замѣтила протяжно и какъ-бы въ раздумьи Кузьминична, лукаво прищуривая ядовитые свои глазки и подмѣчая каждое движеніе Марьи.

— А отчего жъ бы не льзя было барину взять меня съ собою? спросила Марья, подозрительно взглянувъ на Кузьминичну.

Старуха пожевала губами: злобный смѣхъ, что-ли, хотѣла она скрыть.

— Я вотъ почему, матушка Марья Ефимовна, сказала такъ-то, отвѣчала Кузьминична съ видомъ глубокаго смиренія, вѣдь, къ пріѣзду барина приготовить, поприбрать въ дому надобно... а вы у насъ на все мастерица, безъ васъ мы всѣ безъ рукъ словно... такъ-то!..

— Да что жъ такое прибрать да приготовлять тутъ надобно? опять спросила Марья.

— А какъ же-съ!.. мало-ль что теперича... Неровно, и житье барина перемѣнится... Слышала я мелькомъ, люди мотовиловскіе поговаривали, что отъ Василья Семеныча баринъ, вмѣстѣ съ нимъ, изволятъ проѣхать къ ихней, то есть, Василья Семеныча, къ двоюродной сестрицѣ... молодая она вдовушка, богатая-съ, да и оченно хороша изъ себя, сказываютъ... такъ-то, матушка Марья Ефимовна!...

Словно острымъ ножомъ кольнуло вдругъ въ сердце Марью, едва удержалась она отъ громкаго стона.

— Жениться онъ собирается!.. вскричала она и лицо ея покрылось смертной блѣдностью.

— Ахъ, Марья Ефимовна, что вы это? Да развѣ баринъ женится, не спросившись васъ?.. лукаво замѣтила Кузьминична.

— Нельзя статься тому!.. возразила какъ-будто про себя Марья. Нѣтъ!.. нѣтъ, онъ не женится!..

— На то ихъ господская воля-съ... промолвила старуха, и, восхищенная дѣйствіемъ злобнаго намека на ненавистную ей бѣглянку, шмыгнула въ растворенную балконную дверь и скрылась въ густыхъ аллеяхъ сада.

А Марья неподвижна осталась посередь комнаты. Это но-

вое горе, словно громовой ударъ изъ незамѣченной тучи, нежданно упало на ея бѣдную голову.

— Покинуть хочетъ!.. покинуть!.. шептала она, тяжко рыдая безъ слезъ; за что жъ онъ такъ-то?.. я-ль его не любила?...

Вышла она въ садъ наконецъ, забралась въ самый глухой уголокъ его и тамъ залилась горькими слезами. Некому было утѣшить ее, сердечную, плакала она, плакала, и лишь вѣтеръ осушалъ ея слезы.

Три дня, три ночи не спала она, не ѣла и не говорила ни съ кѣмъ. Жутко было ей взглянуть на людей, словно боялась ихъ. Съ ранняго утра уходила она въ садъ, сидѣла тамъ гдѣ нибудь, прислонившись больною головой къ дереву и плакала, разливалась да шептала про то, зачѣмъ она, безталанная, на свѣтѣ зародилась, да упрекала себя за то, что спозналась съ молодцомъ съ бариномъ, и еще за то, что на свѣтѣ жила и теперь на немъ мается, лишь за то себя не попрекала, что домъ и родимую сторону покинула... А то часто напѣвала она вполголоса горькую пѣсню:

Ахъ, и полно, красна дѣвица, тужити!
Не наполнишь ты синя моря слезами,
Не воротишь друга милаго словами...
Говорила я милому, говорила,
Я въ упросъ ли друга милаго просила:
Не женися, мой любезный, не женися!..
Не послушался, душа моя, женился.
Онъ присыпалъ ко бѣдну сердцу печали,
И онъ налилъ очи ясныя слезами —
Припечаталъ уста алыя онъ кровью!...

Такъ горевала наша бѣглянка; а въ это самое время баринъ подберезниковскiй много тѣшился, забавлялся, и была ему удача во всемъ.

Съ досады и отъ душевной тревоги уѣхалъ онъ изъ дому, и такъ не по душѣ была ему эта поѣздка, что онъ чуть-было не вернулся къ себѣ уже тогда, какъ показалась усадьба Мотовилова. По-крайней-мѣрѣ мысль о возвращенiи вер-

тѣлась у него въ головѣ и, можетъ быть, осилила бы всѣ другія предположенія, еслибы вдругъ не попалась ему навстрѣчу тройка неугомонныхъ друзей его.

— А мы опять къ тебѣ!.. закричалъ Метовиловъ.

— Чтобъ чортъ васъ побралъ!.. молвилъ отъ всей души Алексѣй Алексѣичъ.

Друзья нисколько не обидѣлись этимъ привѣтствіемъ, а залились громогласнымъ хохотомъ.

— Тамъ ты какъ хочешь посылай насъ къ чорту, а ворота настежъ растворяй... молвилъ Охапкинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа!.. торопливо возразилъ Алексѣй Алексѣичъ, видя, что невозможно отъ нихъ отдѣлаться, недаромъ же я изъ дому выѣхалъ... Лучше къ тебѣ, Василій Семенычъ, поѣдемъ.

— Милости просимъ! отвѣчалъ привѣтно, насколько могъ, Мотовиловъ. Ко мнѣ, такъ ко мнѣ... Ворочай домой, Ермошка!

— Постой, закричалъ Бѣлобрысовъ, дай мнѣ пересѣсть къ Алексѣю Алексѣичу.

Черезъ минуту онъ уже душилъ его въ объятіяхъ и, бормоча больше обыкновеннаго, усовѣщевалъ, извинялся, даже плакалъ отъ непритворнаго умиленія. Алексѣй Алексѣичъ, худо помнившій про вчерашнюю ссору свою съ Бѣлобрысовымъ, какъ разъ помирился съ нимъ.

— Алёша!.. Алёшка!.. бормоталъ Бѣлобрысовъ, болванъ ты, скотина эдакая!.. Развѣ я могъ тебя обидѣть, развѣ могъ!.. Ну, ты пьянъ былъ и я тоже!.. Вотъ отчего и весь вздоръ вышелъ... Изъ пустяковъ вышелъ, изъ пустяковъ!.. А ты, дуракъ эдакой, обними меня!.. Я, ей Богу, люблю тебя, какъ душу...

Алексѣй Алексѣичъ отвѣчалъ Бѣлобрысову подобными же нѣжностями. Мировая, какъ видите, легко была заключена.

Конечно, не теряли даромъ времени у Мотовилова и тотчасъ же по пріѣздѣ принялись трудиться на зеленомъ полѣ. На этотъ разъ, сильно везло Алексѣю Алексѣичу, который металъ банкъ на свою тройку; онъ на славу обработалъ хозяина дома, Бѣлобрысова, и даже Охапкина.

*

Но мы не станемъ описывать подвиги нашего героя на зеленомъ полѣ, ни того, какъ судьба ему благопріятствовала, можетъ быть, оттого больше, что онъ пилъ очень воздержно; скажемъ только, что жгучія впечатлѣнія удачной игры у Мотовилова разохотили его и еще играть. Друзья, проигравшись до-чиста, легко уговорили его пользоваться «счастливой полосою» и ѣхать въ городъ. Тамъ, у исправника, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ сутокъ, шла ожесточенная игра, въ которой «оборвали» юнаго господина, недавно наслѣдовавшаго довольно большое состояніе. . Алексѣй Алексѣичъ всѣхъ больше зацѣпилъ его...

Алексѣй Алексѣичъ окончилъ игру во-время. Когда онъ свелъ счеты по выигрышу, оказалось, что судьба послала ему довольно значительную сумму, изъ которой можно было уплатить всю уже недоимку въ опекунскій совѣтъ да накупить нарядовъ для Марьи, разныхъ винъ и всякихъ запасовъ, потребныхъ для барскаго дома. Но и за всѣмъ этимъ, осталось у нашего барина въ распоряженіи еще тысячи полторы рублей. Значитъ, тужить было не о чемъ...

На четвертый день послѣ отлучки своей баринъ воротился домой. Лишь заслышала колокольчикъ, Марья побѣжала встрѣчать Алексѣя Алексѣича: подмывало ее узнать поскорѣе отъ него самого про свою участь. Дико и робко глядѣла она на него, когда онъ шумливо здоровался съ нею. Онъ почти не обратилъ вниманія на ея блѣдность и унылый видъ, онъ весь находился подъ вліяніемъ веселыхъ воспоминаній, онъ радовался своей радости. Въ головѣ у него только и вертѣлась мысль, какъ будетъ онъ показывать Марьѣ и деньги, и все, что̀ накупилъ онъ для ней и для дома.

— Смотри, Маша, смотри!.. говорилъ онъ, съ веселымъ смѣхомъ. Да-съ, мы таки-разбогатѣли!.. Съ недоимкой въ совѣтъ раздѣлался; вотъ накупилъ тебѣ, моей голубкѣ, коечего хорошаго, да еще столько денегъ осталось, что̀ и дѣвать некуда!.. Такъ-то, милая моя! А ты, дурочка, дулась еще на меня за то, что я отправился на добычу!.. Ну да и поработалъ же я, Маша! три дня, три ночи почти не отходилъ отъ стола—все на твое счастье игралъ, ангелъ мой!..

И въ порывѣ веселой нѣжности, онъ обнималъ и цѣловалъ крѣпко Марью.

— Однако, вотъ что́, Машенька, — сказалъ онъ вдругъ, посмотрѣвъ на нее попристальнѣе, ты похудѣла очень, глаза у тебя красны... ужъ не плакала-ль безъ меня?.. Эхъ, ты, дурочка, дурочка!.. Ну, да это пройдетъ... Ужъ, Маша, какъ весело заживемъ мы съ тобою!..

Марья съ робостью слушала всѣ его рѣчи, а между тѣмъ веселость Алексѣя Алексѣича стала понемногу сообщаться и ей; сквозь набѣгавшія ей на глаза слезы, она уже улыбалась слегка.

Баринъ разстилался, какъ школьникъ, вырвавшійся на волю, и строилъ проказы надъ всѣми, кто попадался ему на глаза. Моткѣ онъ взъерошилъ волоса такъ, что голова его стала овинъ-овиномъ, Антона перевернулъ нѣсколько разъ, а съ Кузминичной до тѣхъ поръ кружился по залѣ, покуда она не присѣла на полъ.

— Охъ, батюшка, пустите душу на покаяніе!.. визжала старуха, поправляя свалившійся съ головы платокъ. О-охъ, все-то вы такіе же проказники, какіе были еще при покойникѣ папенькѣ... Помните, батюшка, какъ...

— Ну, ну, ну!.. не поминай! не поминай!.. Что́ ужъ тутъ поминать?.. возразилъ Алексѣй Алексѣичъ, затыкая себѣ уши.

— Вотъ то-то-съ, не поминай! молвила старуха, лукаво посмѣиваясь: строгой человѣкъ были вашъ папенька, царство ему небесное!..

— Эхъ, да пошла же ты вонъ, старая болтунья, нетерпѣливо крикнулъ баринъ; на вотъ тебѣ ситцу на платьишко да и убирайся вонъ!..

А тутъ опять принялся онъ ласкать и тормошить Марью. Онъ навѣшалъ на нее все, что́ попадалось ему подъ руки изъ покупокъ: платки, куски матерій, серги, кольца, браслеты, и отъ всей души смѣялся надъ своей возлюбленной, которая съ какимъ-то ребяческимъ недоумѣніемъ глядѣла и на себя и на него.

— Вотъ, Машенька, будетъ тебѣ въ чемъ пощеголять! говорилъ онъ; что́ ни есть въ городѣ лучшаго, все выта-

щилъ... Ужъ какъ будутъ сердиться на меня уѣздныя барыни!..

При словѣ «барыни» Марья опять понахмурилась.

— Больно хороша, сказываютъ.. молвила она прерывающимся отъ волненія голосомъ; сродственница вонъ того барина, Мотовиловъ, что-ль онъ прозывается...

— Разбитная вдовушка-то?.. Анна Яковлевна?.. возразилъ баринъ, засмѣявшись: ну, что въ ней хорошаго?.. Да ты съ какой стати о ней спрашиваешь?..

— Богата, хороша, сказываютъ... отвѣчала Марья, опустивъ голову, а потомъ спросила его шепотомъ: Алексѣй Алексѣичъ... вѣдь не женишься ты на ней?.. не женишься?..

Баринъ расхохотался.

— Да съ чего это пришло тебѣ въ голову? сказалъ онъ. Умора да и только!.. Полно вздоръ городить!.. Чѣмъ пустяки-то болтать, цѣлуй меня, цѣлуй крѣпче!..

Эти слова несовсѣмъ успокоили Марью: она перестала вѣрить разсказамъ Кузминичны, но еще не вѣрила Алексѣю Алексѣичу. Радость и тоскливая тревога поочередно волновали ее.

Она все еще любила барина, любила много и искренно. Вдругъ обхватила она обѣими руками его голову.

— Касатикъ мой, желанный, ненаглядный!.. говорила она, заливаясь горькими слезами: не покидай ты меня!.. Не пусти сиротою по бѣлу свѣту!

Это былъ слабый, словно послѣдній порывъ ея недавней тоски, и скоро онъ разсѣялся подъ жаркими ласками барина.

XV.

Черезъ три поля
Своего дружка видѣла;
Черезъ рѣчушку
Съ нимъ здоровалась, —
Что здоровалась,
Низко кланялась.
Низко кланялась,
Слезно плакала....
Русская пѣсня.

Послѣ описанныхъ нами происшествій, нѣсколько дней прошло безмятежно въ усадьбѣ подберезниковскаго помѣщика: и къ нему никто не заѣзжалъ, и самъ онъ никуда не ѣздилъ. Марья начала было успокоиваться, но, разъ поутру, Алесѣй Алексѣичъ объявилъ ей, что послѣ завтра должны съѣхаться къ нему гости, праздновать день его рожденія, и что для празднества этого надобно то и то приготовить.

Каждогодно и про весь міръ праздновалъ нашъ баринъ день своего рожденія. Объ этомъ днѣ знали и твердо помнили помѣщики всего уѣзда. Званые и незваные, они непремѣнно являлись въ Подберезники попировать и «убить» время; являлись тѣмъ охотнѣе, что угощенье гостепріимнаго хозяина не стѣснялось присутствіемъ жеманныхъ уѣздныхъ помѣщицъ, ни зачто не рѣшавшихся посѣщать домъ молодаго холостяка.

Больно было Марьѣ услышать, что затѣвается новая пирушка, но она ничего не могла возразить въ этомъ случаѣ. Ей даже казалось, что невозможно не отпраздновать дня рожденія Алексѣя Алексѣича, такъ какъ господа всегда и непремѣнно празднуютъ такіе дни. Затаивъ печальную тревогу въ душѣ, она усердно принялась хлопотать, чтобы всего было вдоволь про многихъ гостей.

Наконецъ настала этотъ вожделѣнный для многихъ праздникъ; гости-помѣщики нагрянули со всѣхъ концовъ. И разомъ, въ цѣлой усадьбѣ Алексѣя Алексѣича, исчезла чистота и порядокъ, на-время возстановленные Марьей.

Дворъ былъ заставленъ разнокалиберными экипажами: колясками, тарантасами, бричками, дрожками, долгушами и простыми телѣгами. Для лошадей не было мѣста въ конюшняхъ, имъ задали корму на дворѣ и мигомъ засорили его кучами соломы и сѣна.

Кучера и лакеи могли разгуляться только къ вечеру, а до тѣхъ поръ толкались они около лошадей, у крыльца да у воротъ. Зѣвая и порастягивая члены, они негромко болтали промежъ себя.

На дворѣ, на крыльцѣ и въ сѣняхъ лежало много собакъ гостинныхъ (нѣкоторые изъ помѣщиковъ никогда не разставались съ милыми своими псами); одна изъ этихъ собакъ сидѣла на заднихъ ногахъ и вчастую жалобно завывала. Худой бы то было примѣтой, да къ-счастью, собака выла потихоньку: она была изъ благовоспитанныхъ.

Между тѣмъ, въ гостиной и залѣ раздавался нестройный говоръ хрипло-басистыхъ голосовъ, изъ котораго иногда вырывались какія-то неистовыя восклицанія.

Особенно людно было въ гостиной. Тутъ еще не всѣ гости сидѣли за дѣломъ; нѣкоторые изъ нихъ расхаживали медленно по комнатѣ и за ними вился легкими клубами синеватый табачный дымъ. Сквозь этотъ дымъ еле-еле просвѣчивали двѣ засоренныя табакомъ и оплывшія свѣчи. На окнахъ лежали большія кучи пеплу изъ трубокъ и сигарныхъ окурковъ, еще кое-гдѣ непотухшихъ и тлѣвшихъ смрадно.

Мы чувствуемъ себя неспособными, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, изобразить подробно нашимъ слабымъ перомъ благородное собраніе, а поэтому ограничимся только легкими очерками.

Въ гостиной спозаранку, еще до обѣда, «не теряли» драгоцѣннаго времени. По серединѣ этой обширной комнаты, на главномъ мѣстѣ, за раскрытымъ ломбернымъ столомъ, сидѣлъ господинъ толстый, курносый, съ краснымъ лицомъ, съ взъерошенными рыжими волосами и съ рыжими же жиденькими усиками. То былъ патріархъ всѣхъ уѣздныхъ кутилъ и игроковъ, Яковъ Кузьмичъ Краснопятовъ, выразительно прозванный отъ своихъ товарищей «бариномъ»,

ва то, что всѣхъ потѣшалъ «фараономъ», частенько пощипывалъ и въ «решпектѣ» всегдашнемъ держалъ. Мохнатыми, жилистыми руками металъ онъ банкъ и дѣйствовалъ не безъ ловкости; любо было смотрѣть, какъ онъ толстыми пальцами протягивалъ «абцугъ». Передъ «бариномъ» лежала большая кипа ассигнацій, прикрытая огромной серебряной табатеркой, и, кромѣ того, (дѣло было десятокъ лѣтъ тому назадъ) много золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Съ правой стороны банкомета стоялъ недопитый стаканъ шампанскаго (гостепріимный хозяинъ уже съ закуски началъ подчивать шампанскимъ); съ лѣвой лежало нѣсколько колодъ нераспечатанныхъ картъ. Кромѣ знакомыхъ уже намъ, хозяина дома, Мотовилова, Охапкина и Бѣлобрысова, вокругъ стола сидѣли, кто прямо, кто бокомъ, кто верхомъ на стулѣ, нѣсколько человѣкъ понтёровъ, всѣ почти съ озабоченными лицами, съ взъерошенными волосами. Тутъ бѣсновался и бормоталъ Бѣлобрысовъ, осторожно и ловко понтировалъ Охапкинъ, мурлыкая какую-то пѣсенку, и отличался удалымъ «брандеромъ» нашъ Алексѣй Алексѣичъ. Тутъ были и сѣдоволосые старики, и люди среднихъ лѣтъ, въ полномъ цвѣтѣ силъ, и двое юныхъ помѣщиковъ, у которыхъ усъ только–еще начиналъ пробиваться. На одного изъ послѣднихъ особенно жаль было взглянуть: это былъ юноша, съ лица котораго не успѣло еще слетѣть бойкое и беззаботное выраженіе дѣтства. Видно было, что онъ проигрывалъ: онъ понтировалъ неравнодушно. Темноголубые глаза его ярко блестѣли; нѣжное лицо поминутно вспыхивало; онъ кусалъ иногда губы, схватывалъ себя за свѣтлорусые вьющіеся волосы, рвалъ карты; всѣ движенія его были рѣзки и порывисты.

Въ углу гостиной, на большомъ кругломъ столѣ, красовались огромные, безъ пробокъ, графины съ водками, а вокругъ графиновъ — нѣсколько пустыхъ бутылокъ хересу и другихъ винъ, да много рюмокъ и стакановъ. Тутъ же, на нѣсколькихъ тарелкахъ, валялись обломанные и огрызанные куски пирога, хлѣба, селедки, сыру, колбасы и ветчины.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ играющихъ потѣшалъ гостей своими разсказами записной бонмотистъ уѣзда, исправникъ Сидоръ Павлычъ Логововъ, господинъ лѣтъ тридцати съ

чѣмъ-нибудь, довольно-толстый, съ румянымъ и веселымъ лицомъ, съ смѣющимися глазками и съ большою головою, на которой волосы стояли вверхъ, завиваясь мелкими кудряшками, отчего голова эта походила не на голову, а на шапку. Манеры исправника были черезчуръ даже развязны; онъ имѣлъ нѣкоторую претензію на свѣтскость и слылъ по всему уѣзду за величайшаго остряка и умницу — а эта слава его такъ была велика, что даже въ сосѣдніе уѣзды заходила. Сидоръ Павлычъ тоже любилъ поставить карточку; но слишкомъ поворотливый языкъ его не могъ долго выдерживать напряженнаго вниманія, требуемаго картами. Поэтому исправникъ часто оставлялъ игру, становился обыкновенно посередь комнаты, — и вокругъ его тотчасъ же собиралась толпа слушателей, помиравшихъ со-смѣху отъ его анекдотовъ и прибаутокъ.

— Слышали вы, господа,—разсказывалъ теперь исправникъ, что̀ на-дняхъ приключилось съ нашимъ Ѳирсомъ Иванычемъ?

Ѳирсъ Иванычъ Бureломовъ, котораго подъ шутливый часъ звали Дуроломовымъ, а за что̀, про что̀—стоило взглянуть и ужъ нельзя было не догадаться, — сидѣлъ въ это время у стола банкомета и понтировалъ преспокойно; но услышавъ свое имя, онъ повернулъ къ Логовову свое красное, лоснящееся лицо и прохрипѣлъ басомъ довольно сердито:

— Да перестань, побойся Бога, Сидоръ Павлычъ!.. Ну, какъ тебѣ не стыдно?

— Ну, чтожъ? — значитъ, не выдавать пріятеля? — сказалъ жалобнымъ голосомъ Логововъ, подмигивая своимъ слушателямъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. разскажи, Сидоръ Павлычъ!.. заговорили хоромъ всѣ слушатели.

— Ѳирсъ Иванычъ, голубчикъ! — молвилъ исправникъ, подбѣгая къ Буреломову и строя передъ нимъ уморительныя гримасы: вѣдь они просятъ разсказать... вѣдь общество проситъ, а я—человѣкъ общественный... ну, какъ же быть-то мнѣ теперь?.. Научи, голубчикъ, уму-разуму...

Но Буреломовъ ничего не отвѣчалъ на выходку Логовова,

онъ только взглянулъ на него пахмуро да просопѣлъ на всю комнату.

— Ну, такъ слушайте же, господа!—возгласилъ исправникъ: я просилъ его разрѣшить мои недоумѣнія, а онъ молчитъ да сопитъ — это сопѣнье я принимаю за знакъ согласія... и начинаю мой разсказъ. Третьяго дня, мечетъ банкъ Ѳирсъ Иванычъ; заложилъ узаконенные свои сто рубликовъ, ну, мы и понтируемъ. . Понтировалъ тоже и Левъ Евтѣичъ: ставитъ да ставитъ свои полтинки и все дожидается, чтобы дали ему сряду семь картъ. Конечно, и не безъ выпивки было... Только Ѳирсъ Иванычъ нынче слабъ что-то сталъ на выпивку, мы это по одной статьѣ подмѣтили... Такъ, что-ли, господа?..

— Правда! правда! ха, ха, ха, ха!.. отвѣчали хоромъ слушатели.

— Ну, ужъ ты разскажешь... прорычалъ Буреломовъ и рукою махнулъ.

— Заигрались мы, — продолжалъ Логововъ, посылая поцѣлуй по воздуху Буреломову,—заигрались опять далеко заполночь. Шло дѣло къ разсвѣту, — подали намъ чайку, чтобы поосвѣжиться; всѣ почти отстали покуда отъ игры, — только и остались понтировать — вотъ они (онъ указалъ на юношу съ привлекательнымъ лицомъ) да Левъ Евтѣичъ—оба они въ «подмазочкѣ» таки-были. Вдругъ слышимъ: споръ у нихъ вышелъ—и изъ–за чего, какъ-бы вы думали? Ѳирсъ Иванычъ «семпеля» далъ Льву Евтѣичу, да вдругъ показалось ему, что, напротивъ, онъ убилъ карту, — онъ и давай записывать. Левъ Евтѣичъ — въ споръ, и говоритъ между-прочимъ, указывая на лѣвую сторону: «Ѳирсъ Иванычъ! вѣдь чья это сторона–то?..» А на ту пору Ѳирса Иваныча постигло умопомраченіе. — «Чья?—отвѣчаетъ онъ: извѣстно, моя.» Левъ Евтѣичъ остолбенѣлъ–было,—помолчалъ, эдакъ съ минутку, да и говоритъ нѣжно и нѣсколько робко: «Ну-съ, хорошо, Ѳирсъ Иванычъ, а вотъ ужъ правая-то сторона чья?» — Ѳирсъ Иванычъ подумалъ–подумалъ, да и отвѣтилъ: «какъ чья правая?.. моя!..»—«И лѣвая и правая стороны ваши, — промолвилъ съ уныніемъ Левъ Евтѣичъ: да какую же мнѣ-то вы назначаете–съ?..» — «Нѣтъ тебѣ, грибу эдакому, ни

одной стороны!..»—провозгласилъ торжественно Ѳирсъ Иванычъ. Мы такъ и покатились со-смѣху.

Всѣ присутствующіе,—кромѣ Буреломова и Льва Евтѣича,—расхохотались до-упаду.

— Но, вѣдь, что́ особенно смѣшно, — сказалъ исправникъ: — Левъ-то Евтѣичъ чуть не возрыдалъ отъ такого отвѣта!..

— Да помилуйте-съ!—вскричалъ писклившмъ голоскомъ Левъ Евтѣичъ, старичокъ сѣденькій, маленькій, сладко улыбающійся, какъ-будто робкій въ манерахъ, но на видъ весьма-плутоватый: вамъ оно ничего-съ, а я не зналъ что́ и подумать-съ...

— Ну, чтожъ такое!..—промолвилъ протяжно самъ Буреломовъ: заигрались... память-то и поотшибло... Чего тутъ смѣяться? — ничего нѣтъ смѣшнаго...

Такъ-то пировали, рѣчь вели, убивали время неугомонные гости нашего гостепріимнаго хозяина. Весело-ль было имъ всѣмъ? а пожалуй и весело! Между ними часто слышался громогласный хохотъ, — но веселость ихъ имѣла странный характеръ. Они шутили другъ надъ другомъ, шутками грубыми и тяжелыми; они поминали одинъ другому про такія вещи, за которыя всѣмъ надо бы краснѣть... За шутками слѣдовали вздорливые споры...

Мы не станемъ разсказывать про обѣдъ, за которымъ выпито пропасть всякихъ винъ, изъ-за котораго всѣ почти встали съ отуманенными головами, съ посоловѣлыми глазами...

Послѣ обѣда опять принялись за прежнія занятія, то-есть за карты. Винные пары свое взяли,—игра стала крупнѣе и оживленнѣе, лица играющихъ приняли особенно-озабоченное, задорное, а у многихъ—и ожесточенное выраженіе.

Алексѣй Алексѣичъ уже не игралъ послѣ обѣда. Онъ остался отъ утренней понтировки въ небольшомъ выигрышѣ—и удовольствовался имъ. Онъ былъ въ блаженномъ расположеніи духа; ему было такъ весело, какъ давно уже не бывало; его разнимало задорное, шумливое, нѣсколько пьяное веселье: угощая другихъ, онъ и самъ порядочно наугостился. Расхаживая отъ стола къ столу, онъ заговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ гостемъ, смѣялся и другихъ смѣшилъ;

анекдоты и прибаутки онъ разсказывалъ, когда былъ въ ударѣ, не хуже самого Сидора Павлыча Логовова. Но и при всемъ этомъ, мысль, потѣшить гостей вдоволь, не покидала его—и вотъ, для удовлетворенія гостепріимныхъ своихъ попеченій о весельи гостей, послалъ онъ за всѣмъ цыганскимъ таборомъ кучера Андрюшку, да всеобщаго прихвостня мелкопомѣстнаго дворянчика, всегда готоваго на всяческія послуги.

А тѣмъ временемъ въ хлопотливомъ умѣ исправника возникъ тонкій замыселъ относительно домашнихъ дѣлъ хозяина. Охапкинъ успѣлъ уже сообщить ему о Марьѣ, о красотѣ ея, о разныхъ предположеніяхъ на ея счетъ, о «крутомъ» обращеніи ея съ нашимъ бариномъ, о томъ наконецъ, что она весь домъ забрала въ руки и—того-гляди—передѣлаетъ добраго малаго Алексѣя Алексѣича такъ, что онъ никуда не будетъ годенъ въ ихъ обществѣ.

Сидоръ Павлычъ отвелъ Алексѣя Алексѣича въ-сторону и сказалъ ему очень серьёзнымъ тономъ:

— Ну, другъ любезный, хоть и некстати бы толковать теперь о дѣлѣ, — а ты ужъ не взыщи... я обязанъ поговорить съ тобою...

— Чтó такое?—спросилъ весело Алексѣй Алексѣичъ, — затѣялъ что-нибудь потѣшное?..

— Ну, нѣтъ, братъ, дѣло не о потѣхѣ идетъ... Я долженъ говорить съ тобой, какъ исправникъ!.. Не смѣйся, не смѣйся!—право, я не шучу... Пожалуйста, выслушай серьёзно. Вѣдь экой ты кутила-мученикъ! говорятъ, проживаетъ у тебя какая-то бѣглая женщина... Смотри, любезный, можетъ очень худо выдти...

Алексѣй Алексѣичъ страшно переконфузился и не зналъ чтó отвѣчать.

— Дай-ка мнѣ посмотрѣть на нее,—продолжалъ исправникъ, да надо будетъ сдѣлать это теперь же — нечего откладывать-то .. Чтó грѣха таить? слышно вездѣ, что она забрала тебя въ руки—эхъ ты! а еще старый гусаръ!.. Но я, какъ пріятель тебѣ, не могу не принять нѣкоторыхъ мѣръ: я, братъ, намётанный звѣрь,—лишь взгляну — скажу какъ разъ тебѣ, чтó она за птица... А знаешь ли, что изъ

безразсуднаго увлеченія своего къ какой-то побродягѣ подвергаешься ты великой опасности?..

— Помилуй...—лепеталъ нашъ баринъ, да какая же тутъ опасность?

— Вотъ толкуй больной съ аптекаремъ!.. Во-первыхъ, обокрасть можетъ тебя до-чиста̀, да и подожжетъ, пожалуй...

— Что̀ ты, что̀ ты!.. Клянусь тебѣ... ручаюсь честнымъ, благороднымъ словомъ... что она... невиннѣй меня самого...

— Эхъ, ты невинность!.. Оно и видно, что невинный!.. Ну, можно ли такъ увлекаться?.. Нѣтъ у тебя, любезный другъ, ни на грошъ драгоцѣнной этой способности—нюха полицейскаго... Говорю, покажи мнѣ ее!.. По-правдѣ сказать, голубчикъ,—ты хоть сердись-не-сердись,—а я имѣю право посмотрѣть на эту, въ нѣкоторомъ родѣ, сирену и даже дознать,—понимаешь ли?—дознать, кто она такая?..

— Помилуй, Сидоръ Павлычъ, это... это ужасно встревожитъ бѣдняжку... ты и со мной поступаешь какъ-будто враждебно...

— Обязанность, мой другъ, обязанность!.. Впрочемъ, Алексѣй Алексѣичъ, ты вникни хорошенько въ слова мои: я въ твоихъ же видахъ хочу теперь дѣйствовать... Слушай—дѣло нешуточное: говорятъ, что твои люди крайне недовольны ею... вѣдь, тутъ чортъ знаетъ что̀ можетъ произойдти!.. На первыхъ порахъ, ты только покажи мнѣ ее,—а я сообщу тебѣ безпристрастное мнѣніе о ней... Ужъ повѣрь, у меня вѣрный взглядъ на людей!..

У Алексѣя Алеѣсѣича даже слезы показались отъ душевнаго волненія.

— А даешь ли ты мнѣ, Сидоръ Павлычъ,—проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—даешь ли мнѣ слово, что ни въ какомъ случаѣ не станешь придираться къ ней?.. Я долженъ признаться тебѣ, какъ другу... тутъ дѣло идетъ о моей жизни.

Исправникъ чуть-было не расхохотался, однако превозмогъ себя, и, пожавъ крѣпко руку нашему слабосердому барину, сказалъ торжественно:

— Честное, благородное слово!

Марья въ отдаленной комнатѣ разливала чай гостямъ.

По наружности, она была спокойна, но сердце ея цѣлый день ныло отчего-то. Увидавъ входящаго Алексѣя Алексѣича, она было-обрадовалась, — а онъ подошелъ къ ней, окончательно смущенный. Минуты съ двѣ онъ не могъ глазъ поднять на нее — и шепотомъ выслалъ людей изъ комнаты.

— Маша .. — сказалъ онъ наконецъ, нѣсколько заикаясь, я пришелъ сюда... я долженъ сообщить тебѣ... объ очень-важномъ дѣлѣ..

Въ глазахъ Марьи выразилось сосредоточенное вниманіе.

— Маша, ангелъ мой... — продолжалъ жалобно Алексѣй Алексѣичъ. Еслибъ ты знала, какъ это непріятно... тяжело для меня... просто бѣда!.. Исправникъ, Сидоръ Павлычъ хочетъ... непремѣнно требуетъ, чтобы ты показалась ему...

— Какъ-же вотъ! — возразила, съ сердцемъ, бѣглянка: что̀ ему отъ меня тамъ надоть?..

— Нельзя, милая, никакъ нельзя!.. онъ — исправникъ... можетъ взять тебя...

Странное движеніе, что-то въ родѣ улыбки, промелькнуло по лицу Марьи. Ея огненные глаза такъ и впились въ барина.

— Чтожъ ты... — и выдашь меня?.. — спросила она его.

— Ахъ, Маша!.. — проговорилъ онъ, уже съ досадою; ты ничего понять не хочешь!.. Ну кто тебя выдаетъ?.. ну, развѣ выдамъ я тебя?.. Повторяю: нельзя же не исполнить его желанія—нельзя не показаться ему... Да и что̀ тутъ за бѣда, съѣстъ онъ тебя что-ли?.. А главное, Маша, онъ—начальникъ уѣзда, въ рукахъ его много средствъ навредить... Но, впрочемъ, онъ отличный малый, весельчакъ, истинный пріятель мнѣ—и, конечно, ничего дурнаго не сдѣлаетъ намъ.

— Пріятель... пріятели.. — прошептала Марья, покачивая головою.

Алексѣй Алексѣичъ, въ большомъ волненіи, сталъ ходить по комнатѣ. Онъ какъ-будто считалъ себя обиженнымъ. Опустивъ голову, Марья что-то обдумывала — и скоро надумалась.

— Невдомекъ мнѣ—сказала она твердо: зачѣмъ понадобилось ему смотрѣть на меня... Ну, да коли нельзя, такъ

тому дѣлу и быть... Только туда я не пойду, пускай самъ придетъ...

Алексѣй Алексѣичъ хотѣлъ-было пуститься въ какія-то объясненія, но Марья принялась за разливаніе чая, не говоря ни слова и даже не глядя на него. Баринъ опять нѣсколько разобидѣлся и, махнувъ сердито рукою, ушелъ къ исправнику.

Онъ скоро воротился въ комнату Марьи, и вмѣстѣ съ нимъ пожаловалъ исправникъ.

Марья стояла у стола. Лицо ея было блѣдно, но на немъ не было видно ни испуга, ни даже смущенія. Голова была смѣло приподнята, брови нѣсколько сдвинуты и наморщены, а глаза сіяли, какъ звѣзды на темно-голубомъ небѣ въ безлунную ночь.

Сидоръ Павлычъ вошелъ въ комнату, посмѣиваясь, но, при видѣ Марьи, вдругъ перересталъ смѣяться. Въ эту минуту онъ такъ позабылъ свое исправничье достоинство, что чуть-было не поклонился бѣглянкѣ.

— Вотъ и Маша...— началъ опять-таки дрожащимъ голосомъ Алексѣй Алексѣичъ; она предобрая, отличная женщина, Сидоръ Павлычъ...

— О, я увѣренъ,—сказалъ исправникъ, но красавица она, такъ ужъ точно-красавица! Это дѣлаетъ честь твоему вкусу, Алексѣй Алексѣичъ... Однако, извини, любезный другъ, да и красавицу прошу не взыскать... а долженъ я предложить ей нѣсколько вопросцевъ.

— Выдти мнѣ, чтоль, надобно? — робко спросилъ нашъ баринъ.

— Какъ хочешь,—отвѣчалъ исправникъ, конечно, лучше...

— Зачѣмъ ему выходить?—рѣзко возразила Марья.—Я и при немъ тоже скажу, что́ и безъ него.

— Ого! да она — рѣчистая красавица...—произнесъ исправникъ, покачивая головою.

Алексѣй Алексѣичъ совсѣмъ растерялся отъ отвѣта Марьи. — «Господи! — думалъ онъ, погубитъ она и себя и меня!..»

— Сидоръ Павлычъ!.. голубчикъ!..— сталъ онъ жалобно упрашивать исправника: кончи, ради Бога, — вѣдь не слѣд-

ствіе же ты производишь... Пойдемъ къ гостямъ... дожидаются... Скоро Цыгане должны явиться... Можетъ, они уже и здѣсь...

— Ну, нѣтъ, братъ, погоди, — сказалъ исправникъ, насилу удерживаясь отъ смѣху: надо же мнѣ потолковать съ драгоцѣнной твоей красавицей... Ну, голубушка, скажи-ка мнѣ, кто ты такая?

— Мужнина жена,—отвѣчала она; зовутъ меня Марьей Ефимовой...

— Но,—грѣха таить нечего,—говорятъ, ты бѣглая, безпаспортная?

— Ушла я отъ мужа — это точно... и паспорта у меня нѣту... Только я ужъ сказывала Алексѣю Алексѣичу, что нигдѣ ничего не своровала... никакого худа не сдѣлала...

— Отчего жъ ты ушла отъ мужа?..

— Извѣстно, отчего... отъ хорошей жизни не уходятъ...

— Молодецъ Марья Ефимовна!.. — воскликнулъ исправникъ, потирая руки отъ удовольствія; вотъ люблю, когда такъ отвѣчаютъ... Что́ называется — на-чистоту рѣжетъ... Ну, теперь скажи мнѣ, изъ какой ты деревни, изъ господской или государевой?.. Да смотри, отвѣчай тоже сущую правду.

Этотъ вопросъ взволновалъ видимо Марью.

— Зачѣмъ это онъ меня распрашиваетъ?—сказала она Алексѣю Алексѣичу, что́ ему еще надо отъ меня?

— Ахъ, какая ты, Марья Ефимовна!.. — замѣтилъ, со смѣхомъ, Сидоръ Павлычъ а, можетъ, тебя разыскиваютъ?..

— Да пускай разыскиваютъ, — возразила Марья: я-то, вѣдь, никого не разыскиваю, — ну и до меня никому дѣла нѣтъ...

Исправникъ расхохотался.

Алексѣй Алексѣичъ довольно-ловко воспользовался этою веселостью Сидора Павлыча.

— Голубчикъ! Сидоръ Павлычъ!.. — говорилъ онъ ему умильнымъ тономъ,—оставь наконецъ ее въ покоѣ... Ну, видѣлъ, распросилъ кой-о-чемъ—и будетъ... Тамъ насъ ждутъ теперь... Вѣдь, ты—душа всей компаніи... Если любишь меня... ну, для дня моего рожденья!..

— Такъ и быть...—молвилъ смягчившійся начальникъ уѣзда, такъ и быть—уйду, уйду... Однако, я, вѣдь,—исправникъ, надо же мнѣ хоть чѣмъ-нибудь попользоваться... Какъ хочешь, Алексѣй Алексѣичъ, а она должна поцѣловать меня...

— Какъ же вотъ!.. сказала съ сердцемъ Марья.

— Алексѣй Алексѣичъ! а ты не будешь моимъ ходатаемъ передъ гордой красавицей?..

— Голубчикъ! голубчикъ!.. — твердилъ Алексѣй Алексѣичъ, пойдемъ отсюда... Я угощу тебя шампанскимъ... хочешь, зайдемъ теперь же въ кабинетъ и разопьемъ тамъ бутылочку?

— Ну, ну,—нечего дѣлать съ тобою...—отвѣчалъ исправникъ, а самъ, между тѣмъ, началъ уже раздумывать, какъ-бы отбить у нашего барина прекрасную его Марью.

Скоро нагрянулъ и весь таборъ цыганскій.

Давно Алексѣй Алексѣичъ не видался съ любезными своими Цыганами и старикъ-набольшій думалъ, что большаго маху далъ, познакомивъ его съ какой-то бѣглянкой, послѣ увоза которой баринъ нашъ совсѣмъ пересталъ наѣзжать въ таборъ. Но вотъ судьба привела-таки свидѣться старымъ пріятелямъ.

И всѣ гости Алексѣя Алексѣича были рады-радёхоньки Цыганамъ. Даже проигравшіеся съ увлеченіемъ кинулись къ нимъ навстрѣчу. Всѣ тотчасъ же оставили игру, говоря, что «наиграться до-сыта еще и завтра можно,—вѣдь, у добраго хозяина до трехъ дней пируютъ».

Хоръ цыганскій, на ту пору, былъ удовлетворителенъ по своему составу: всѣ почти запѣвалы и главные плясуны находились на-лицо.

Времени и тутъ даромъ не тратили. Живо хоръ грянулъ; въ перемежку съ пѣснями и пляска пошла. Старый нашъ знакомый, бравый Цыганъ Василій плясалъ безъ-устали и со всѣмъ усердіемъ выдѣлывалъ ногами мудреные вензеля. Любаша запѣвала тоже отлично. А кума Матрена расплясалась на-диво: и дергаетъ неистово плечами, и поводитъ рукою да мчится, пуще всякой молодой, по залѣ, хлопая въ ладоши, закинувъ голову съ растрепавшимися изъ-подъ головнаго платка сѣдыми волосами, и дико вскрикивая

отрывистымъ, отъ одышки, хриплымъ голосомъ; а то вдругъ на-минутку остановится посередь круга, дрожмя-дрожитъ и поводитъ огненными глазами, а тамъ опять въ плясъ пойдетъ, да такъ пойдетъ, что, глядя на удалую старуху, всѣхъ помѣщиковъ, пожилыхъ и молодыхъ, толстыхъ и сухопарыхъ, сильнѣйшій задоръ разбираетъ, у всѣхъ ноги такъ и просятся плясать да подплясывать.

— Ай, жги, жги, жги! говори!.. восклицаютъ помѣщики и хлопаютъ въ ладоши, ногами притопываютъ.

Ходитъ Саша, ходитъ Маша,
Ходитъ милая моя!..

протяжно и дикимъ басомъ поетъ Буреломовъ и, не безъ достоинства, пускаетъ въ плясъ свою громадную, осанистую персону. За нимъ являются на сцену Охапкинъ и Бѣлобрысовъ, пляшущіе нѣсколько по-козлиному, а тамъ и другіе, и много, много другихъ.

Да и какъ тутъ всѣмъ не разгуляться? Удалыя, голосистыя пѣсни, бѣшеная пляска кипятятъ благородную кровь. Притомъ же вина у хозяина припасено вдоволь и про Цыганъ и про гостей; вино льется рѣкою: простячекъ, шампанское и всякое, кто какое любитъ. И всѣ пьютъ, пьютъ-себѣ безъ-устали и иные дотого натянулись, что сидятъ уже на полу, но движенье плясовое и тутъ одолѣваетъ ихъ: ёрзаютъ они по полу, словно тоже пляшутъ.

Собрались смотрѣть на цыганскую пляску, на барское пированье домашніе дворовые, кучера и лакеи гостинные, старый и малый, мужчины, женщины, дѣвушки, дѣти; людъ дворовый биткомъ-набитъ въ передней, а кто побойчѣе, тѣ протѣснились даже въ залу и жмутся у дверей. И всѣмъ, кажется, любо глядѣть, какъ гуляютъ господа.

На хорахъ тоже есть зрители: туда забрались большею частію старухи, дворовыя женщины. Тамъ присутствуетъ Кузьминична, которую, повидимому, много веселитъ господская забава. Оттуда смотритъ на эту забаву и Марья-бѣглянка.

Душа бѣглянки вся потрясена этимъ бѣшенымъ, сата-

нинскимъ весельемъ. Голова ея горитъ, сердце бьется, выскочить хочетъ. Страшное зло беретъ ее, и ужъ Богъ знаетъ на кого, но такое зло, что гнѣвное слово такъ бы и кинула она въ лицо всѣмъ этимъ поющимъ, пляшущимъ, пьющимъ и безъ-умолку болтающимъ людямъ. Но какъ кинуть его, это горькое слово? Загреми труба теперь надъ ихъ головами— и ее не услышали бы они сразу. И вотъ шепчутъ губы Марьины что-то недоброе, шепчутъ не въ ладъ пѣснямъ, которыя поются внизу. Но не броситься ли съ высокихъ хоръ внизъ бѣдной головою?.. свѣтъ ей такъ опостылѣлъ... Душно, охъ, душно, невыносимо становится ей здѣсь; а она, можетъ, бросились бы, да въ душѣ ея звѣздочкою мерцаетъ бѣглая мысль, что міръ-то божій широкъ еще и для ней...

Но изъ всѣхъ господъ, потѣшающихся цыганскими пѣснями и плясаньемъ, лишь одинъ Алексѣй Алексѣичъ что-то несовсѣмъ увлекается ими. Его тоже иной-разъ пронимаетъ задоръ: онъ притопываетъ, подкрикиваетъ и посвистываетъ, но зато вдругъ находитъ на него плохой стихъ, понасупится и даже отходитъ въ сторону, словно не на мѣстѣ его сердце, отчего-то скучно становится ему, отчего-то ноетъ душа его барская. Онъ отмахивается отъ невеселой думы, головою потряхиваетъ, чтобы отогнать эту думу, да не удается! Съ весельемъ его что-то неладное подѣялось...

Кума Матрена скорёхонько это подмѣтила. Вотъ подлетаетъ она къ нему бочкомъ, прихлопывая въ ладоши и напѣвая:

Ужъ совсѣмъ ты не такой,
Какъ, бывало, холостой!...

Пѣсня Матрены словно по-сердцу пришла нашему барину, онъ развеселился и сталъ смѣяться. Гостямъ тоже понравилась коротенькая пѣсенка, они, съ хохотомъ, гиканьемъ и топаньемъ, повторили пьянымъ хоромъ:

Ужъ совсѣмъ ты не такой,
Какъ, бывало, холостой!..

Слова задорной пѣсенки не пропали даромъ и для на-

пряженнаго слуха бѣглянки. Они возбудили въ душѣ ея цѣлую бурю.

«Такъ вотъ что!.. твердила она про-себя, знать, онъ, точно, жениться задумалъ... И Цыганка проклятая знаетъ, и пьяницы-гости знаютъ, всѣ знаютъ, я только не знала, не вѣдала... Вонъ, онъ смѣется, посмѣивается!.. Весело ему, весело ему мое горе лютое!.. Веселится онъ, холостую жизнь провожаетъ и нѣтъ ему нужды, что мой вѣкъ загубилъ!.. А пускай женится!.. пускай женится!..

На этотъ разъ слезы ея, горючія слезы, наружу не вылились, но лежали на сердцѣ тяжелымъ камнемъ.

«Чего еще ждать-то? подумала она, чѣмъ еще тутъ любоваться?. Пойте, пляшите, веселитеся!..

И мелькнула-было у ней грозная мысль: «А что, дескать, стали бы дѣлать эти веселые баре, колибъ вдругъ ударилось имъ въ пьяные глаза красное полымя пожара?.. Ну, да пускай себѣ тѣшутся, потѣшаются!..»

Насмотрѣлась она вдоволь на господскую потѣху и пошла съ хоръ.

— Куда жъ это вы, матушка Марья Ефимовна? прошипѣла Кузьминична, а вы бы еще посмотрѣли... Вѣдь, какъ занятно глядѣть на веселье эдакое. Слава тебѣ, Господи! опять баринъ нашъ изволили развеселиться.

Марья ничего не отвѣчала, но только такъ поглядѣла на старуху, что та какъ-разъ язычекъ прикусила.

Сойдя съ хоръ, Марья ушла въ ту отдаленную комнату, гдѣ разливала чай гостямъ, и пріютилась тутъ подъ открытымъ окномъ, выходящимъ въ садъ, впивая жадною грудью свѣжій воздухъ захолодавшей ночи, и все прислушиваясь къ неясному, почти стройному шуму пированья. Этотъ шумъ мутилъ ея воображеніе, тревожилъ сильно душу, а все она не могла его не слушать, не могла уйдти отъ него въ какое нибудь глухое мѣстечко сада.

Между тѣмъ, Алексѣя Алексѣича не надолго развеселила пѣсня кумы-Матрены. Его все подмывало уйдти отъ пьяной ватаги гостей, и наконецъ онъ успѣлъ кое-какъ увернуться изъ залы. Непреодолимо тянуло его къ Марьѣ. Хотѣлось ему посмотрѣть, что она дѣлаетъ, хотѣлось перемол-

виться съ нею сердечнымъ словомъ, прилечь къ ея плечу и отдохнуть. Онъ пилъ вмѣстѣ съ гостями, и пилъ много, но хмѣль не разобралъ его нисколько, онъ лишь усталъ, измучился не на шутку. И какъ противно стало ему смотрѣть на всю эту безобразную ватагу гостей! Охъ, какъ былъ онъ не радъ, что затѣялъ этотъ безумный праздникъ! Онъ, почти съ ужасомъ, вспоминалъ, что завтра, а, можетъ, и послѣзавтра все будетъ продолжаться такой же пиръ...

Найдя Марью, онъ прямо кинулся къ ней и хотѣлъ-было поцѣловать ее, но она отвернула лицо и какъ-будто глядѣть на него не хотѣла.

— Ахъ, Маша!.. сказалъ онъ печально, ужъ ты и глядѣть-то на меня не хочешь!.. А чѣмъ такимъ провинился я передъ тобою? Право, не знаю, какъ и угодить тебѣ...

Она все молчала, а онъ, разогорченный и нѣсколько раздосадованный, сталъ пѣнять и на нее и на судьбу свою: судьба, вишь, виновата, все какія-то несчастья ему посылаетъ! Говорилъ онъ много въ этомъ родѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ позабылъ совершенно о томъ, что хотѣлъ отдохнуть при ней, да и ужъ Богъ знаетъ, какъ пришла ему наконецъ въ голову блажная мысль: вдругъ онъ сталъ упрашивать Марью, чтобы она пошла съ нимъ, хоть на одну минутку, къ гостямъ.

— Презабавную картину ты въ залѣ увидишь, говорилъ онъ; на одну минутку пойдемъ, на одну только минутку...

Съ видимымъ отвращеніемъ, она покачала головой.

— Ахъ, Маша! продолжалъ онъ, ну, зачѣмъ ты отъ людей прячешься?..

— Отъ какихъ это людей?.. отъ тѣхъ-то, отъ тѣхъ-то? сурово возразила она и какъ-то особенно засмѣялась.

— Ну, чѣмъ ты недовольна?.. на что такое сердишься? Это даже скучно становится... Ахъ, Господи! что я только вытерпливаю!..

— Мнѣ что ужъ сердиться!.. прошептала она.

— Полно, полно капризничать!.. продолжалъ онъ, насильственно развеселяясь: что за вздоръ! есть изъ-за чего упрямиться!.. Я хочу, непремѣнно хочу, чтобы всѣ были веселы, вѣдь, нынче день моего рожденья... Пойдемъ-ко со

мной, милая, голубушка Маша... Тамъ есть и знакомые тебѣ цыга-цыга-цыганята... Они, пожалуй, и рады будутъ увидѣть тебя... А Любаша, ну, эта изорвется отъ зависти, когда увидитъ твой шолковый сарафанъ, твои хорошіе наряды.

Марья быстро посмотрѣла на него. Ей показалось, что онъ издѣвается надъ нею. Но баринъ нашъ былъ совершенно невиненъ въ этомъ и даже для предубѣжденнаго глаза Марьи было замѣтно, что въ его словахъ и тѣни нѣтъ коварнаго намёка.

Между-тѣмъ, она ничего не отвѣчала на предложеніе Алексѣя Алексѣича. Выраженіе лица ея въ эту минуту было такъ болѣзненно, что баринъ перепугался.

— Маша!.. голубушка!.. родная!.. не заболѣла ль ты?..— сталъ онъ спрашивать ее.

— Нѣтъ, ничего...—отвѣчала она.

Потомъ, съ какимъ-то отчаяніемъ, и глядя ему пристально въ глаза, она спросила его въ свою очередь:

— А когда господа разъѣдутся?.. скоро?.. сейчасъ?..

— Право, не знаю, какъ сказать... Глупый этотъ обычай у насъ — до трехъ дней праздновать... Я вовсе не желалъ бы, чтобъ они остались на завтра—да, вѣдь, сами навязываются... Впрочемъ, — даю честное слово — что постараюсь отдѣлаться... Охъ, Маша! ты должна пожалѣть меня... Еслибъ ты знала, какъ надоѣло мнѣ это пированье!.. голова разболѣлась... хандра напала...

И онъ опять разсыпался въ жалобахъ. Казалось, Марья слушала ихъ очень внимательно.

— Нѣтъ ужъ тебѣ не слѣдъ выживать ихъ изъ дому...— сказала она: съ ними, вѣдь, не-въ-примѣръ, веселѣе...

— Ахъ, Маша! — жалобно воскликнулъ онъ: вотъ ты и попрекать мнѣ стала, а напротивъ,—пожалѣть бы должна... Однако, вотъ что, мой другъ: схожу я къ нимъ на-минутку, только провѣдаю—Цыганъ тоже прогоню... Да нѣтъ!.. и не пойду даже—пора тебѣ спать, к мнѣ пора...

— Ночь-то ужъ прошла, возразила Марья. Я не лягу спать—дѣла много для завтрева... Мало-ль что нужно?..

Не успѣлъ онъ сказать что-нибудь на это, какъ вдругъ

въ сосѣднихъ комнатахъ и по корридору раздались громкіе крики гостей:

— Алексѣй Алексѣичъ!.. хозяинъ!.. Алеша!.. гдѣ ты?.. куда запропастился?..

Не желая, чтобы буйная ватага застала его съ Марьей, онъ благимъ матомъ кинулся къ нимъ навстрѣчу.

Но ему скоро удалось опять урваться отъ гостей, да и многіе изъ нихъ уже спать разошлись при помощи своихъ лакеевъ. Алексѣй Алексѣичъ отправился въ кабинетъ. Онъ не нашелъ тамъ Марьи и не сталъ искать: онъ вспомнилъ, что она не хотѣла вовсе ложиться спать изъ-за хлопотъ для завтрашняго для. Между-тѣмъ, усталость, нравственная и физическая, совсѣмъ одолѣла его — и онъ очень скоро заснулъ...

На дворѣ уже свѣтло. Небо обложено густыми тучами— и мелкій дождикъ, предвѣстникъ осеннихъ, плакучихъ дождей, сѣетъ да сѣетъ на землю. Уныло смотритъ сѣренькое, ненастное утро...

Марья, какъ-только ушелъ отъ ней Алексѣй Алексѣичъ, пробралась тотчасъ же въ садъ. Нипочёмъ ей было, что на дворѣ холодно, что всю ее измочило дождемъ. Она вездѣ въ саду побывала, всѣ дорожки исходила. Посидѣла она и подъ липой, гдѣ, бывало, въ счастливые дни, такъ хорошо катилось времечко, подлѣ сердечнаго друга. Поглядѣла тоже и на поздніе цвѣтики, что она какъ-то лѣтомъ посѣяла—не разцвѣли эти цвѣтики, съ чего-то поблекли и подъ холоднымъ дождемъ опустили свои головки. «Вотъ въ одинъ-таки денечекъ, словно цвѣтики эти, всѣ мои радости пропали...»—подумала Марья.

И много-много печальныхъ мыслей перебывало тогда въ головѣ горемычной бѣглянки. Но всего больше тяжка была ей мысль о томъ, что «безпремѣнно задумалъ жениться ея милъ-сердечный другъ.»

Сначала эта мысль волновала ее страшно.

— «Ой, не хочу... ой, не допущу его жениться!..—говорила она самой себѣ. Я пойду прямо-таки къ его невѣстѣ, разлучницѣ моей, разскажу ей про все... Я скажу: такъ и такъ, молъ, была я его полюбовница... Любилъ онъ меня,

миловалъ-ласкалъ—и я во всемъ ему вѣрила... Охъ, одна душа моя знаетъ-вѣдаетъ, какъ онъ любъ мнѣ былъ...»

Но она не остановилась на этой мысли.

«Нѣтъ, нѣтъ! не годится, эдакъ,—продолжала она думать: коли женится, — значитъ пересталъ любить.... Колибъ любилъ, не сталъ бы звать на пированье безчинныхъ гостей такихъ — Цыганъ скаредныхъ:.. Колибъ любилъ, — не выдавалъ бы меня на-потѣху, какъ хотѣлъ выдать, своимъ гостямъ проклятымъ!.. А то, вишь, понадобилося показывать меня исправнику...

«А Господь съ нимъ! пускай его женится, пускай живетъ да тѣшится!.. Помню, говорилъ онъ мнѣ, что, дескать, надобно жить припѣваючи... а мнѣ гдѣ ужъ такъ жить, какъ господа привыкли жить да тѣшиться... Я простая крестьянка, не умѣю по-ихнему... Вишь, ему все надобно веселье— и веселье-то ихъ, видѣла я теперь, какое!.. Надоѣла я тутъ всякому... А зачѣмъ мнѣ быть имъ помѣхою?..»

Въ домѣ, на дворѣ, и даже въ людскихъ избахъ, никого не было видно на ногахъ, всѣ еще спали-отсыпались отъ вечорашняго пированья: вся дворня Алексѣя Алексѣича, всѣ кучера и лакеи гостинные подгуляли и умаялись не меньше господъ. Марья прошла изъ сада во дворъ — и никто тутъ не замѣтилъ ее. Но не долго гуляла она по двору и за вороты заглянула.

За воротами было также тихо. Долгонько-таки простояла тутъ Марья, все вдаль посматривая. Дождь мочилъ ее, а она все какъ-будто и не чувствовала этого.

Она задумала сама съ собою уйдти отсюда, — покинуть этотъ господскій домъ, который совсѣмъ чужимъ уже сдѣлался для ней; она твердо знала, что непремѣнно уйдетъ— только не хватало еще воли, чтобы тронуться съ мѣста. Память ея спуталась, — она все хотѣла припомнить что-то такое, да ни какъ не могла сообразить свои распуганныя горемъ мысли.

Вдругъ передъ нею очутился, словно изъ земли выросъ, сѣденькой старичекъ, въ плохомъ армячишкѣ, безъ шапки, въ изтоптанныхъ лаптяхъ, съ котомкой за плечами, и съ длинною палкою въ рукахъ.

— Не подашь ли, касатка, — сказалъ онъ; не подашь ли, Христа-ради, на дорогу... на богомолье, къ святымъ мѣстамъ, иду–пробираюсь... Да вотъ — божья воля — захворалъ на дорогѣ и отъ артели–то своей отбился...

Марья сильно обрадовалась: внезапная мысль словно освѣтила ей голову.

— Подать–то я тебѣ, дѣдушка, безпремѣнно подамъ, — отвѣчала она старику: погоди здѣсь — сейчасъ вынесу... Только вотъ–что, родимый: возьмешь ли ты меня съ собою?..

— И–и, касатка, вѣдь, я больно–далече бреду...

— А чтожъ такое?.. и я хочу далече идти...

— Да, вѣдь, ты въ барскомъ домѣ живешь?.. Никакъ, въ кормилицахъ... аль въ нянюшкахъ какихъ?..

— Нѣтъ, не въ кормилицахъ и не въ нянюшкахъ... — глухо проговорила она и, застыдившись, опустила голову.

— Ахти, касатка, — молвилъ тихо старикъ: жалко, право–слово, жалко... Ну, да ты въ дѣлѣ, ты и въ отвѣтѣ... Только — гдѣ ужъ тутъ на богомолье идти... чай, и не пустятъ, касатка, не пустятъ!..

— Это ужъ мое дѣло... Ты вотъ толкомъ скажи — возьмешь ли меня съ собою?..

— О–охъ, ужъ и не вѣдаю, какія рѣчи говорить... Да ты никакъ, голубка, шутку со мной шутишь?..

Марья слегка улыбнулась.

— Ну, постой же здѣсь, дѣдушка, — сказала она ему торопливо, — погоди, безпремѣнно... Я, вотъ, въ минуту сбѣгаю и вынесу тебѣ...

— Спасибо, касатка, спасибо, — молвилъ старикъ, и усѣлся у воротъ на лавочкѣ, а Марья опрометью кинулась въ домъ...

Прежде всего, сняла она свой нарядный сарафанъ и всю праздничную одежду, а взамѣнъ того, одѣлась во все что было у ней поплоше; потомъ разулась и тутъ уже босыми ногами пробралась въ кабинетъ, гдѣ спалъ Алексѣй Алексѣичъ.

Спалъ онъ безпокойнымъ сномъ: видно было, по сбитой простынѣ, по скомканнымъ подушкамъ, что онъ не одинъ разъ метался во снѣ. Онъ лежалъ навзничь; голова была за-

кинута—и прекрасные, свѣтлорусые волосы разсыпались по подушкѣ. Правая рука его поддерживала голову, лѣвая, крѣпко сжатая въ кулакъ, лежала на-отмашъ, поверхъ одѣяла.

Нѣсколько времени она стояла неподвижно, все смотрѣла на него, въ послѣднiй разъ хотѣла насмотрѣться и глотала слезы. Онъ бредилъ про что-то—и выраженiе лица его показалось ей очень тревожнымъ и печальнымъ.

— Касатикъ мой!..—думала она: знать, тоскуетъ о чемъ-то... Слышитъ его душенька, что пришло намъ разставанье... Свѣтъ ты мой!.. ненаглядный!.. охъ, не разъ соскучишься ты обо мнѣ!..

Она нагнулась надъ нимъ — и горячая слеза канула на его лицо. Онъ повернулся, сквозь сонъ, и руками словно искалъ чего-то. Марья перепугалась, присѣла за кроватью и задернулась пологомъ. Но испугъ ея былъ понапрасну: баринъ прошепталъ только ея имя въ-просоньяхъ и сонъ его не прервался.

Марья опять наклонилась надъ нимъ.

— Никогда-то, въ жизнь, не увижу я тебя!..— шептала она; родной ты мой!.. вотъ разлучили-таки насъ, а ужъ какъ любила тебя, какъ любила!.. Господи! сохрани его!.. помоги ему!..

Приподняла она тонкiе усы его и поцѣловала прямо въ губы.

— Прощай. . прощай!.. твердила она шепотомъ: прощай, добрый, ласковый баринъ!.. не пришлось намъ жить-свѣковать съ тобою... За грѣхи наши, видно, Господь насъ наказываетъ... Прощай! не поминай меня лихомъ, а я — всегда буду помнить тебя добромъ...

Еще разъ взглянула она на спящаго, крѣпко сжала губы, чтобы не вырвалось рыданье — и ушла такъ же тихо, какъ и приходила...

Старичекъ стоялъ, опершись на свою палку. Онъ было-соскучился дожидаться молодицы, обѣщавшей ему вынести подаянiе—и уже собирался уйдти.

— На, вотъ, дѣдушка... — сказала ему, прерывистымъ голосомъ, Марья, подавая новенькiй целковый, подаренный ей когда-то Алексѣемъ Алексѣичемъ.

— Ахъ, родимая,—молвилъ изумленный старикъ, создай тебѣ Господи за щедрую милостыню!..

— Ну, пойдемъ теперь, дѣдушка, пойдемъ скорѣе!..

— Неужели-таки, дитятко, ты взаправду хочешь идти?

— Да, да!.. пойдемъ же, пойдемъ!..

— Какъ же это, молодка?.. да тебѣ можно ли?.. ну, какъ хватятся...

— Слушай, дѣдушка, — сурово возразила она: самъ Господь вразумилъ меня уйдти отсюдова!.. Коли ты не возьмешь меня — можетъ бѣда приключиться, можетъ, придется мнѣ и руки наложить на себя!..

— Господи помилуй!.. Господи помилуй!.. коли такъ,—что̀ ужъ тутъ допытываться... пойдемъ скорѣе!..

И старикъ проворно тронулся съ мѣста.

Дорогою, онъ раза два заговаривалъ съ Марьей, но она ни словечка не вымолвила въ отвѣтъ. Показалось ему это обиднымъ, да и смекалъ онъ тоже, что бабёнка, ни вѣсть съ чего, больно-назойливо навязалась ему въ сопутницы,—старичокъ не-на-шутку распѣнялся на самого себя за то, что согласился взять ее съ собою.

«Нѣту, голубка,—думалъ онъ: надоть безпремѣнно развязаться съ тобою... Вѣдь, пожалуй, и бѣда какая выйдетъ... Не снесла ль еще чего?.. А то и такъ: баринъ тамъ по ней хватится—полюбовница со двора сбѣжала,—кинется въ погоню... А нагонитъ—Господи помилуй!—дымъ коромысломъ пойдетъ... ни-за-что̀, ни-про-что̀ бѣды наживешь...»

Такъ прошли наши путники версты три-четыре—и пришлось имъ взбираться на довольно-высокую, крутую гору. Глинистая почва по ней размокла сильно отъ дождя — и Марьѣ было труднёхонько подниматься въ гору, босыя ноги ея вязли и скользили.

— Ахъ, касатка,—замѣтилъ старикъ, да ты это босикомъ идешь!.. Ну, какъ же эдакъ-то?.. На, вотъ, тебѣ лаптишки—про запасъ съ собой несу...

— Спасибо, дѣдушка—сказала она, садясь обуваться — и тутъ впервой оглянулась назадъ.

Сквозь мелкій дождикъ, сѣявшій на окрестность, все еще видна была господская усадьба и садъ въ Подберезникахъ.

Марья какъ-только взглянула въ ту сторонку, не могла уже удержать своего горя. Упала она лицомъ къ сырой землѣ и долго-долго рыдала.

Доброе сердце старика почуяло, что горе его сопутницы — большое горе. Онъ усердно принялся уговаривать и утѣшать,—но чѣмъ и какъ онъ могъ ее утѣшить?.. Она даже не слыхала его добрыхъ словъ.

До-сыта наплакалась и нагоревалась тутъ бѣглянка. И встала она съ земли, шатаясь, какъ былинка въ полѣ отъ вѣтру.

Съ этой поры стало жалко старичку смотрѣть на нее. Онъ пересталъ уже сомнѣваться насчетъ ея и много уговаривалъ, чтобы не сокрушалась больше.

— Погоди, сердечная, —говорилъ онъ ей: вотъ сходишь поклониться святымъ угодникамъ и легче тебѣ будетъ. Коли и грѣхъ на тебѣ есть—не сокрушайся. Господь и грѣшниковъ прощаетъ и милуетъ... А невзгоду послалъ Господь Милосердный—надоть терпѣть, дѣла добрыя дѣлать да молиться усердно... Такъ-то, касатка! Вотъ я на свѣтѣ пожилъ-таки и много горя видѣлъ: семья вся, почитай, извелася, разорили домишко мой лихіе люди, измывались надо мною всячески,—а все бѣлый свѣтъ не опостылѣлъ мнѣ... Вотъ схожу — помолюсь угодникамъ да воротившись домой, примусь за работишку...

Охотно слушала Марья всѣ такія рѣчи, но часто дума ея летѣла сирой кукушечкой вкругъ дома, гдѣ такъ скоро ея счастье прокатилось. И чѣмъ дальше отходила она отъ этого дома, тѣмъ жалче становился ей Алексѣй Алексѣичъ.

«Что-то дѣлаетъ онъ теперича?.. — думала она: не тоскуетъ ли также, какъ я, вотъ, тоскую?..»

И ни-разу не помянула она его лихомъ. Ни-разу тоже не пришло ей на мысль вернуться въ Подберезники. Она на-вѣкъ простилась съ бариномъ—и никакъ ей не думалось свидѣться съ нимъ опять...

Тѣмъ временемъ все дальше и дальше подвигались наши путники—и шли они въ большомъ ладу между собою. Марья была во всемъ послушна старику и ухаживала за

нимъ какъ за отцомъ. Старикъ тоже сталъ смотрѣть на нее мало-по-малу какъ на близкую сродницу.

На первомъ же ночлегѣ кто-то спросилъ его про Марью:

— А что, дѣдушка, дочку, аль сноху это ведешь съ собою?

— Да, родную... дочку... — отвѣчалъ онъ — и не тяжело было ему сказать эту неправду.

XVI.

На другой день нашимъ странникамъ уже легче было идти. Погода разведрилась; солнце свѣтило во весь свой свѣтъ, а въ полдни даже было жарко, чуть не какъ посередь лѣта; на вѣтру и на солнцѣ дорога скорёхонько провянула и обсохла. По воздуху стали носиться легкія нити паутинки,—признакъ красной, теплой осени.

По обѣ стороны дороги, которою шли Марья и дѣдушка Терентій (такъ звали ея спутника), разстилались широкія равнины, засѣянныя озимымъ хлѣбомъ; молоденькая, только-что выбившаяся изъ «краски» озимь одѣвала ихъ зеленымъ, съ серебристымъ отливомъ, ковромъ. Съ лѣвой стороны, синѣли въ отдаленіи, на самомъ концу небосклона, темные лѣса, и отъ нихъ разбѣгались по равнинѣ небольшіе перелѣски да рощицы, на ту пору уже запестрѣвшія многоцвѣтными оттѣнками осени. Промежъ этихъ перелѣсковъ и рощицъ, по берегамъ мелкихъ рѣчекъ, лѣпились сѣренькія деревушки, вокругъ которыхъ, по лугамъ и по жнивью, бродили стада. Справа, равнина была шире и неоглянѣе и тутъ имѣла бы она однообразный, пустынный видъ, еслибъ не оживляли ее огромныя, широко разметанныя селенія. Посередь неказистыхъ, низенькихъ, часто кривобокихъ и крытыхъ соломою избъ поднимались церкви съ высокими колокольнями, да чванно выступали передъ бѣдными крестьянскими поселками господскія усадьбы... Вкругъ этихъ селеній, словно часовые на сторожевыхъ постахъ,

разбросаны были вѣтряныя мельницы, шибко размахивавшія сквозистыми крыльями. Сторона эта была людная; издавна заселилъ ее русскій народъ и обсидѣлся тутъ, словно корни пустилъ въ родную кормилицу-землю.

Въ ту осень не тяжело было проходить черезъ села и деревни, расположенныя по большой дорогѣ. Прошлое лѣто, съ частыми, въ пору перепадавшими дождями и тепломъ благодатнымъ, принесло обильный урожай. Много скирдовъ понаставилъ на гумнахъ людъ деревенскій и много заботы поотлегло у него; недаромъ, вечерами, на улицахъ, раздавались веселыя пѣсни.

— Слава тебѣ, Господи,—говорилъ Терентій, съ любовью поглядывая на полныя гумна: въ-чуже сердце радуется!.. Урожай Богъ послалъ—отдохнетъ теперь народъ православный.

Радовали тоже добраго старика хорошія озими.

— Вотъ, посмотрика, касатка, частенько говаривалъ онъ Марьѣ, указывая на озимыя поля,—корешокъ-то въ самую пору дождикомъ обмыло, оттого засѣла такая частая зелень. Экую благодать Господь посылаетъ!

Но тоскуетъ душа Марьи. И гдѣ ужъ ей радоваться чужой радостью! Опостылѣлъ ей весь бѣлый свѣтъ. Идутъ ей въ голову лишь печальныя мысли, и не разгоняетъ ихъ видъ привольныхъ, богатыхъ полей и яснаго, синяго неба. Она помнитъ и думаетъ только о покинутомъ ею полюбовникѣ. Какъ желалось бы ей узнать, помнитъ ли онъ объ ней, или ужъ забылъ совсѣмъ на-досугѣ.

Въ этотъ день горесть ея особенно усилилась. Старикъ видѣлъ это и жалѣлъ объ ней отъ всего сердца.

«Хоть бы поплакала опять, авось легче бы стало», думалъ онъ, замѣчая, что ни на какія рѣчи его она не отвѣчаетъ, а идетъ, все потупившись въ землю и тяжко вздыхаючи.

Сталъ онъ придумывать, какъ-бы утѣшить ее—и очень обрадовался, когда, послѣ полдёнъ, сошлись съ ними десятка два богомольцевъ.

«На людяхъ-то и смерть красна — подумалъ старикъ:

вотъ побредемъ всѣ вмѣстѣ — разговоры пойдутъ... авось и затихнетъ тоска-то ея...»

Изъ новыхъ богомольцевъ только двое было мужчинъ, а остальные—все женщины.

— Здорово, добрые люди, — заговорили они съ Терентьемъ и съ Марьей. Вы куда путь держите?

— Въ Воронежъ, родимые, — отвѣчалъ Терентій; а вы куда?

— И мы туда же...—Пойдемъ-ка, дѣдушка, вмѣстѣ.

Марья дернула старика за рукавъ и шепнула ему:

— Ну, зачѣмъ, дѣдушка, съ чужими людьми идти?.. Пойдемъ лучше сторонкой...

— И, что ты, голубка, — отвѣчалъ онъ, да развѣ они намъ помѣха? Вѣдь, они тоже Богу молиться идутъ...

И потянулись они всѣ длинной вереницею по узенькой тропинкѣ, пробитой между ветелъ: впереди въ одиночку — мужики, съ толстыми посохами въ рукахъ, сзади—женщины, большею частію попарно. Идутъ всѣ, не спѣша, нога за ногу, переваливаясь по-утиному. Путь-длинный и не легкій. Не одинъ разъ промочитъ ихъ дождемъ такъ, что сухой нитки не останется; не одинъ разъ продуетъ до костей рѣзкимъ, холоднымъ вѣтромъ. А одёжа и обувь у нихъ не очень-то ладно приспособлена и къ пути и къ погодѣ въ осеннюю пору: на ногахъ у всѣхъ лаптишки истоптанныя; мужики въ стареньких, худеньких свиткахъ, бабы—въ короткихъ бѣлыхъ шушунахъ, подпоясанныхъ красными поясами; за плечами — котомочки, у пояса — узелки да бурачки. Но не въ тягость имъ дальній путь, сырость и холодъ; идутъ по своей охотѣ, по великой душевной нуждѣ.

Мужики бредутъ все молча, все раздумывая про дѣло домашнее, а бабы и тутъ тараторятъ промежъ себя о всякой всячинѣ, переливаютъ изъ пустаго въ порожнее.

Марья шла-было сзади и поодаль отъ всѣхъ, но вскорѣ присосѣдилась къ ней одна изъ богомолокъ, баба уже старая, но здоровая и бойкая въ рѣчахъ.

— Ты, касатка, отколя?—спросила она Марью.

— Издалеча,—отвѣчала неохотно бѣглянка.

— А, издалеча!..—повторила богомолка; изъ какой стороны-то, родимая?..

— Да на что̀ тебѣ знать понадобилося — изъ какой я стороны?..

— И-и, молодка, ужъ какая ты, право! словно и спросить-то нельзя! такъ вотъ къ слову молвится... Вѣдь, не убудетъ же тебя, коли отвѣтишь... А я, вотъ, про себя ничего не потаю: зовутъ меня Ненилой Семеновой, иду-жъ я съ Пронюхалова—вишь, есть село Пронюхалово подъ самымъ подъ городомъ... Ну, скажи же, касатка, изъ какой ты деревни-то?

— Изъ Касимовки...—наобумъ отвѣчала Марья.

— То-то-же, изъ Касимовки!.. чай, далеко отселя-то?

— Знамо, далеко...

— О-охъ, голубушка! и такой-то трудъ приняла ты на себя!.. Ну, да что̀ и баить—душѣ будетъ во-спасенье... А дома-то у тебя ктожъ остался?.. старша̀я, чтоль, какая?

— Вѣстимо—старша̀я.

— Сноха аль свекровь?

—Свекровь...—крикнула, съ досадою, Марья и пустилась обгонять другихъ бабъ, чтобы только отвязаться отъ болтливой Ненилы,—но баба никакъ отъ ней не отставала.

— Чтой-то, касатка, бѣгомъ-бѣжишь!.. Нешто такъ ходятъ на богомолье!.. какъ-разъ ноги собьешь.

Видя, что не отдѣлаешься отъ Ненилы, — вѣдь, не браниться же стать съ нею,—Марья убавила шагу.

— Ты впервой, чтоли, идешь на богомолье?—стала Ненила опять приставать съ своими распросами.

— Впервой...—сквозь зубы, отвѣчала Марья.

— Такъ, такъ, голубка, —оно и видно, что въ первой... А ты, вотъ смекай да замѣчай въ дорогѣ-то, —для другаго разу тебѣ больно пригодится... О-охъ я-то, грѣшница, ужъ годовъ съ десятокъ будетъ — брожу по святымъ мѣстамъ... ребятишки все не стоятъ, мрутъ да и мрутъ, касатка... вотъ и хожу, все Богу молюся...

И Ненила заплакала. На этотъ разъ Марья внимательно и заботливо посмотрѣла на неотвязчивую свою спутницу.

— Нѣтъ у меня дѣтокъ и не было, молвила Марья, а

все я знаю, что горе твое не малое... Съ чего жъ такого мрутъ они, твои дѣтки?

— Знать, за грѣхи Господь насылаетъ, отвѣчала Ненила, отирая слезы, такъ-то, сердечная!.. вотъ и брожу по святымъ мѣстамъ; привыкла ходить-то на богомолье, и ужъ сколько мѣстовъ исходила!.. Хошь, касатка, поразскажу тебѣ про то, что̀ довелося мнѣ видѣть?..

— Ну, разскажи, молвила ласково Марья.

— Вотъ, однова̀, начала Ненила, переправлялись мы на досчаникѣ черезъ Днѣпръ-рѣку, а было насъ человѣкъ тридцать, а, можетъ, и больше, все, почитай, богомольцы. Всплыли мы, эдакъ, на середину рѣки, анъ, откуда ни возьмись, набѣжала страшенная туча, вихорь поднялся и мечетъ нашъ досчаникъ во всѣ стороны, словно перышко!.. Всѣ-то мы перепужалися, кто плачетъ-рыдаетъ, кто Богу молится вслухъ, кто ужъ сродниковъ поминаетъ, прощается, ровно передъ смертнымъ концомъ. А тутъ начало насъ нести къ каменнымъ порогамъ, ну, конецъ, значитъ, пришолъ, смерть неминучая!.. Въ тѣ-поры, отъ страха, всѣ пали на колѣни, у всѣхъ языкъ отнялся, молчатъ, да ждутъ смертнаго часа... Только вдругъ приподнялась какая-то женщина, въ темномъ платьѣ, встала на самый край досчаника, да и говоритъ громко: «Народъ православный! за грѣхи наши послалъ Господь бурю страшную, а я всѣхъ грѣшнѣе—мнѣ и умирать за всѣхъ! Помолитесь о душѣ моей окаянной!».. Да съ этими словами бухъ въ воду! И чтожъ, касатка? словно камень, ко дну пошла, ни на единую-то минуту не вынырнула!.. А тѣмъ временемъ, и буря постихла, гребцы-то какъ разъ справились, ну, и спасъ насъ Господь отъ погибели!..

Марья содрогнулась при этомъ разсказѣ. Мысль, что и она грѣшница, наполнила душу ея тяжелымъ чувствомъ. А на ту пору шли наши странники опушкой густаго лѣса, съ обѣихъ сторонъ прилегавшаго вплоть къ дорогѣ. На небѣ стало опять наволочно и сумерки понадвинули разомъ. Ненила замѣтила, что Марья все пугливо озирается.

— Что̀ ты все это озираешься? — спросила ее Ненила, аль что̀ померещилось?

— Словно жутко стало... отвѣчала Марья, дрожмя-дрожа.

— И–и, касатка, есть чего пужаться! Да по такимъ ли мѣстамъ доводилось мнѣ проходить одной–одинёхонькой, не однова тоже ночевывала я въ чистомъ полѣ, подъ стогомъ на лугу и въ лѣсу дремучемъ. Вотъ, послушайко, что разъ приключилось со мной:—шла я, подъ осень, по запрошлымъ лѣтомъ, на богомолье въ Радовицы, да прихватила меня денька на три хворь, я и отстала отъ другихъ.... И пришлось мнѣ идти одной, да все лѣсомъ, по глухой дорогѣ. Оставалось пути верстъ, можетъ, съ дватцать не больше, а съ ночлега–то вышла я ранымъ–рано и мекала, эдакъ, къ вечеру безпремѣнно попасть въ монастырь. Только нѣту, сударка: хворь-то все еще во мнѣ стояла, и брела–брела я, а до мѣста, вижу, далече. И застигла меня, такъ-то, посередь бору, темная ночь. «Господи! думаю, доведется ночевать въ бору... Какъ бы звѣрь лѣсной не напалъ»!—а въ тамошнемъ бору и медвѣдей, касатка, много... Испужалась я, инда дрожь меня проняла, анъ, вдругъ вижу, близёхонько отъ дороги, огонекъ свѣтится. Ну, мекаю, угольщики тутъ проживаютъ, переночевать меня авось пустятъ, а обидѣть не обидятъ: что со старухи–то взять?.. Пошла я на огонь, смотрю, стоитъ избёночка крохотная, а у дверей старичокъ, съ длинной, бѣлой бородою, и одѣтъ какъ есть монахъ. Поклонилась я, подошла подъ благословеніе, да и говорю: «отецъ честной, а нельзяль мнѣ переночевать здѣсь, въ избёночкѣ–то?» Онъ ни словечка не промолвилъ въ отвѣтъ, а указалъ только на дверь; я вошла въ избушку, и онъ вошелъ. Гляжу, въ переднемъ углу образовъ много, передъ образами лампадка теплится, подъ ними стоитъ налой, и большая книга раскрыта, а во всей избеночкѣ ни стола, ни скамеекъ вовсе нѣту. Помолилась я на образа усердно, а старичокъ тѣмъ временемъ досталъ съ полки двѣ просвирки, одну мнѣ далъ, другую самъ тутъ же съѣлъ; да потомъ вышелъ изъ избушки, но скорехонько воротился, принесъ три изюминки и подалъ мнѣ: «на, говоритъ, съѣшь теперича же, да и ложись на печку, а я всю ночь простою на молитвѣ.» Тутъ и вышелъ старичокъ вонъ изъ избы. Съѣла я просвиру и изюминки—и ужъ какъ сладки онѣ мнѣ показалися!.. Да и скорехонько потомъ крѣпкимъ сномъ заснула; только, утромъ холодно

мнѣ стало. «Чтой-то, думаю сквозь просонья, какъ, за-ночь, печь-то простыла?..» Анъ, глядь! лежу я подъ сосною, какъ есть, на голой землѣ и мелкій дождикъ моросить надо мной, а избушка и старичокъ нивѣсть куда подѣвались... Но вотъ диво, касатка: какъ рукой, послѣ того, всю хворь съ меня сняло, и встала я съ земли словно встрепанная!..

Этотъ разсказъ богомолки словно подѣйствовалъ на воображеніе нашей бѣглянки. Новыя мысли быстрымъ потокомъ нахлынули въ ея печальную душу. Уже не пугала ее совсѣмъ понадвинувшая темная ночь. Чувствовала она бодрость и крѣпость и силу въ себѣ. Въ первый разъ проснулось въ ней страстное желаніе помолиться, со всѣмъ усердіемъ, Богу.

«Свѣтъ бѣлый великъ и широкъ! стала она думать: обойду всѣ святыя мѣста, потружусь и душу спасу!»..

Не высоко могла взлетѣть ея бѣдная мысль,—про трудъ и про волю не могла она надуматься.

Богомольцы прибавили шагу, пора имъ было и на ночлегъ. Вотъ мелькнулъ передъ ними огонекъ, а, по вѣтру, донесся до нихъ отдаленный лай собакъ на деревнѣ.

— Надо быть, Хохловка, проговорилъ одинъ изъ мужиковъ. Ну, бабы, скорѣй на ночлегъ!

— Великонекъ-таки переходъ мы нонѣча сдѣлали, замѣтилъ другой: чай, верстъ подъ пятьдесятъ, аль и поболѣе...

— Ничего, покрѣпче соснешь, молвилъ дѣдушка Терентій.

— А гдѣ жъ, въ Хохловкѣ-то, остановиться? спросила какая-то богомолка.

— Вѣстимо, у Василья Исаева, отвѣчалъ мужикъ, главный вожакъ всей толпы богомольцевъ.

— А мы гдѣ, дѣдушка, станемъ ночевать? — спросила Марья своего старичка—спутника.

— Да вотъ съ ними тоже, отвѣчалъ онъ: не отставать же намъ отъ добрыхъ людей...

Добрались наконецъ богомольцы и до постоялаго двора. Василій Исаевъ встрѣтилъ ихъ ласково. У него, какъ водится, припасенъ незатѣйливый ужинъ, у него можно найдти и винца таки-вдоволь. Богомольцы вплотную поужинали,

но къ винцу, какъ ни подчивалъ хозяинъ, низачто не хотѣли прикоснуться. Послѣ ужина, тотчасъ же всѣ улеглись спать, кто на печкѣ, кто на палатяхъ, кто на лавкахъ; Марьѣ досталось мѣсто невыгодное, близь двери съ надворья. Она тоже заснула, какъ и прочіе ея спутники, только у тѣхъ сонъ былъ крѣпокъ и совсѣмъ безъ грезъ, Марьѣ же худо спалось и много во снѣ видѣлось. Видѣлось ей, что она живетъ все еще въ Заовражьѣ; въ этихъ грезахъ повторялась, въ бѣглыхъ очеркахъ, вся ея жизнь съ полюбовникомъ, всѣ тогдашнія радости, тревоги и печали. Но скоро Марья и совсѣмъ не могла уже спать.

Съ полуночи, вдругъ понаѣхали къ Василью Исаеву пятеро бойкихъ молодцовъ, по виду мелкихъ торгашей-мѣщанъ, промышляющихъ на базарахъ и ярмаркахъ кулашничествомъ, перекупомъ и всякимъ мошенничествомъ. Вошли они въ избу съ крикомъ и бранью; съ крикомъ же и бранью стали требовать вина у хозяина.

— Нѣту вамъ вина! отвѣчалъ хозяинъ, съ видимымъ ожесточеніемъ. Вина еще понадобилося! — и такъ, вишь, понасосались...

— Ахъ, ты такой-сякой, заорали всѣ пятеро; да съ чего ты взялъ!... да какъ ты посмѣлъ-то, собака!..

— Что-о?.. ругаться еще стали?.. возразилъ хозяинъ хладнокровно: нѣтъ, у насъ буянить не приходится, мы, вѣдь, посередь села живемъ, да и становая квартира всего черезъ три двора... Вонъ отсюдова, сволочь!..

— Хозяинъ, хозяинъ!.. а, хозяинъ! заговорилъ тихими рѣчами и съ умильной улыбочкою кулакъ, съ виду постарше прочихъ, и человѣкъ, видно, бывалый въ передѣлкахъ: а ты не серчай... ты не серчай на нихъ-то, хозяинъ... Вишь, люди выпили маненько, да вотъ и взбрехнули... а коли взбрехнули, такъ тому дѣлу и быть... Эхъ, вы черти—дьяволы! въ ножки должны хозяину кланяться!.. А ужъ это, хозяинъ, словечко таково у нихъ съ языка сорвалось... Ну, хозяинъ, будь отцомъ роднымъ! отпусти винца намъ, вѣдь деньги заплатимъ...

— Вѣстимо, заплатите, отвѣчалъ сурово несговорчивый хозяинъ: да мнѣ вашихъ денегъ ненадобно... чортъ васъ но-

ситъ ко мнѣ!.. шли бы къ Терешкѣ Моргачову... У меня про васъ вина нѣту...

— Чтожъ, ребята, молвилъ самый задорный изъ всѣхъ, парень съ рыжей бородкой: вѣдь есть съ нами два полуштофика французской водки, для пунштика было-берегли, ну, да и такъ сойдетъ, благо, къ случаю попала... а вина его намъ и ненадобно...

— Какъ же вотъ! такъ и позволю я вамъ пьянствовать у меня... возразилъ Василій Исаевъ.

— Слушай ты, хозяинъ, молвилъ рыжебородый: сколько возьмешь съ насъ за ночлегъ да за ужинъ?

— Знамо, сколько: за ужинъ по полтинѣ съ брата, а за ночлегъ, особо тоже, хоть по двугривенному... съ васъ меньше брать не приходится....

— Ну, такъ тому дѣлу и быть... вотъ тебѣ деньги, а теперича ужъ не моги ты намъ мѣшать...

Хозяинъ взялъ деньги, постоялъ съ минутку на одномъ мѣстѣ, про что-то раздумывая, и наконецъ ушелъ къ себѣ за перегородку.

Молодцы свободно начали пьянствовать, и допились до того, что крѣпко перессорились между собою.

— Ты что?.. кричалъ одинъ.

— А ты что?

— Да я, малый... вотъ что...

— Знамо, ты, какъ есть, воръ-разбойникъ!..

— Ахъ, ты такой-сякой!..

И отъ попрековъ да гнусныхъ ругательствъ какъ-разъ перешло дѣло къ кулачной расправѣ. Зазвенѣла стеклянная посуда, полетѣвшая со стола на полъ; столъ и скамьи тоже не устояли на мѣстѣ. Между всѣми пятерыми гуляками началась ожесточенная драка.

— Ребята!.. молодцы!.. разбойники!.. милые вы люди!.. уговаривалъ ихъ хозяинъ, прибѣгая то къ ласковымъ словамъ, то къ угрозамъ и брани: побойтеся Бога, вѣдь становой близехонько живетъ!... неровенъ часъ, бѣда да и только!..

Рьяные ратоборцы не слушали хозяина. Сталъ-было онъ разнимать ихъ, такъ и ему попало нѣсколько тумаковъ: не

будь онъ хозяинъ, и ему, можетъ статься, пришла бы охота посчитаться на кулакахъ съ забіяками.

— Ахъ, вы черти проклятые! ровно собаки!.. вскричалъ онъ отчаянно, отскакивая наконецъ отъ дерущихся.

-- Свои собаки грызутся, чужая не приставай! гаркнулъ ему въ отвѣтъ одинъ изъ нихъ.

То была гнусная, бѣшеная свалка, хуже собачьей грызни. Она продолжалась не мало времени, наконецъ одинъ изъ пьяницъ выбилъ другому глазъ. Изувѣченный, съ страшнымъ стономъ упалъ на полъ. Этимъ прекратилась драка, но дѣло-то выходило нешуточное.

— Убилъ! убилъ! ахъ вы, разбойники эдакіе! раздались крики со всѣхъ сторонъ.

Богомольцы, давно уже разбуженные шумомъ попойки, а затѣмъ и драки, хотѣли-было бѣжать изъ избы, но хозяинъ и товарищъ изуродованнаго кинулись къ дверямъ и никого не пустили.

— Нѣтъ, стой, бабы! стой! кричали они: ужъ теперича не пустимъ... вишь, уголовщина вышла!.. Становой свидѣтелевъ потребуетъ...

Между-тѣмъ на становую квартиру кто-то далъ уже знать о дракѣ и оттуда былъ присланъ писарь съ разсыльнымъ и десятскими. Писарь этотъ забралъ всѣхъ буяновъ мѣщанъ, изуродованнаго ихъ товарища, всѣхъ богомольцевъ и самого хозяина забралъ, да и посадилъ ихъ подъ караулъ, впредь до разбора самимъ становымъ приставомъ. Это распоряженіе было всѣмъ не-по-нутру, встревожило, а особенно хозяина постоялаго двора. Василій Исаичъ твердо зналъ, что дѣльцо недаромъ ему обойдется: становой ужъ давненько, Богъ знаетъ за что, добирался до него.

Становой не очень рано любилъ вставать отъ сна. Онъ еще изволилъ опочивать, а яркое солнце уже довольно высоко стояло на безоблачномъ небѣ и подъ его теплыми лучами давно исчезла съ травы серебристая пелена, за-ночь наброшенная на нее морозомъ. День былъ чудный, свѣтлый, тихій и теплый.

Въ комнатѣ канцеляріи становаго пристава, съ ранняго утра, набилось много народу и духота въ ней была нестер-

нимая. Господинъ становой приставъ, Егоръ Аѳанасьичъ, человѣкъ тучный и невыносившій жару, какъ только вошелъ въ канцелярію, обругалъ всѣхъ-таки за духоту и тутъ же распорядился, чтобы судъ и расправа производились подъ открытымъ небомъ. Конечно, Егоръ Аѳанасьичъ не имѣлъ никакого поползновенія подражать нѣкоторымъ изъ древнихъ-древнихъ французскихъ королей, творившимъ также судъ подъ открытымъ небомъ, однако, во всякомъ случаѣ привычка его разбирать дѣла на лужайкѣ, въ проулкѣ передъ своей квартирою и въ тѣни двухъ развѣсистыхъ ивъ, доказывала присутствіе въ душѣ его идиллическихъ наклонностей. Мы сдѣлали указаніе на эту характеристическую черту недаромъ, а именно для того, чтобы уже не распространяться больше о личности Егора Аѳанасьича, во всемъ прочемъ совершенно отражавшей въ себѣ общій типъ, свойственный становымъ приставамъ.

Сцена для дѣйствія—обширная сцена. Правда, съ трехъ сторонъ обставлена она въ узенькомъ проулкѣ тѣснолѣпящимися крестьянскими избами да колодеземъ, что̀ стоитъ по самой серединѣ проулка,—тутъ-то и находятся актеры и зрители; но зато съ четвертой стороны, черезъ улицу, за низкимъ плетнёмъ, тянутся необозримою ширью поля и луга.

На первомъ планѣ самъ сановитый Егоръ Аѳанасьичъ. Наморщивъ лобъ, да покуривая коротенькую трубку, расхаживаетъ онъ мелкими шагами вокругъ стола, за которымъ сидитъ, сгорбившись надъ кипой бумагъ, испитой его писаришка. Въ глубинѣ сцены изувѣченный мѣщанинъ съ обвязанной грязною тряпицею головой и съ страшно распухшимъ, кровавымъ глазомъ, для пущей улики нарочно оставленнымъ снаружи; рядомъ съ этой жертвой вчерашней потасовки четверо другихъ мѣщанъ-забіякъ, съ подбитыми тоже скулами, съ растрепанными, полувыщипанными бородками; да и хозяинъ постоялаго двора тутъ же; стоитъ онъ, опустивъ низко голову, изрѣдка вздыхаетъ и все, эдакъ, пожимается: видно, предчувствуетъ, сердечный, что ему тошнѣе всѣхъ придется... За мѣщанами и Васильемъ Исаичемъ тѣснится плотно сжатая, безмолвная и видимо, съ чего-то, оробѣлая толпа богомольцевъ... А наконецъ замыкаютъ эту толпу смиренные

зрители, двое сотскихъ, невзрачныхъ мужичковъ, съ мѣдными бляхами на груди, нѣсколько десятскихъ съ суковатыми палками въ рукахъ, да десятка два-три бабъ и ребятишекъ, которые все перешептываются между собою, дивятся не дивятся, а такъ-себѣ глазѣютъ, покуда не отогнали ихъ, по приказу становаго, строгіе ревнители порядка—сотскіе и десятскіе. Можетъ, только того и ждутъ они, чтобъ на нихъ прикрикнули, а иначе чегобъ тутъ еще высматривать да дожидаться?—драка и судъ становаго дѣло знакомое и даромъ-что бабы и ребятишки, а, чай, и онѣ хорошо вѣдаютъ чѣмъ должно дѣло покончиться.

Судъ становаго начался чинъ-чиномъ, именно съ допроса виновныхъ въ дракѣ. Какъ водится, этотъ допросъ сопровождался все время энергическою оцѣнкою преступленія. Егоръ Аѳанасьичъ показалъ себя отличнымъ діалектикомъ, да и надо отдать ему справедливость: при эдакихъ случаяхъ не щадилъ онъ вообще своей широкой груди; и теперь, изъ нея безпрестанно вылѣтали могучіе звуки, крупныя слова. На этотъ разъ, нашъ становой былъ что называется въ ударѣ; правда, случай, подавшій поводъ къ теперешнему разбирательству, былъ самый обыкновенный случай, но кровавый глазъ изувѣченнаго мѣщанина и подбитыя скулы его товарищей какъ-то особенно вдохновляли Егора Аѳанасьича. Онъ доказалъ забіякамъ скорёхонько, что всѣ они, не исключая и изувѣченнаго, величайшіе мошенники и разбойники, «попросту сказать болваньё и свиньи», а виноваты они оттого еще болѣе, что затѣяли свою драку на томъ постояломъ дворѣ, который у него, становаго пристава, всегда подъ глазами!..

— Да чтожъ вы, разбойники, покончилъ онъ грозную рѣчь свою, властей-то предержащихъ, стало-быть, вы и знать не хотите?

— Батюшка... ваше высокоблагородіе... отвѣчали тихимъ голосомъ виноватые, поочередно и земно кланяясь, врагъ, тоись, попуталъ... выпили больно, тово... ужъ помилосердуйте!.. другу и недругу напредки закажемъ.

Кланялся тоже и изувѣченный и просилъ оставить дѣло на томъ основаніи, что онъ прощаетъ своихъ обидчиковъ.

Надо сказать, что они успѣли уже за ночь уговорить его помириться съ ними на двадцати-пяти цѣлковыхъ. Но для Егора Аѳанасьича было вовсе несподручно такъ вдругъ на-отрѣзъ и покончить дѣло мировою..

— Нѣтъ, погоди! молвилъ онъ, эдакъ-то нельзя дѣло ладить: набуянили про весь мiръ, у самой становой квартиры, да и хотите такъ ни-съ-чѣмъ отъѣхать!.. Шалишь, ребята, шалишь!.. ну, да еще дойдетъ опять до васъ чередъ... А вотъ теперича надо до главнаго разбойника добраться... Василiй Исаевъ! ты мнѣ всѣхъ больше отвѣтишь!.. да вѣдь въ твоемъ домѣ-то чуть человѣка не убили!..

— Помилуйте, ваше благородiе, возразилъ Василiй Исаевъ, замѣтно прiободрившiйся послѣ того, какъ изувѣченный мѣщанинъ объявилъ, что онъ ни въ какую претензiю не входитъ за разбитый глазъ свой,—уголовщины у меня ни-на-волосъ не вышло, подрались только съ-пьяну, а я ничѣмъ тутъ, какъ есть, непричиненъ... да вонъ же они и на мировую идутъ.

— Ахъ ты, мошенникъ! прикрикнулъ становой, въ разговоры со мной пустился! оправдываться вздумалъ!.. да вотъ постой!.. Пиши допросъ, Иванъ Спиридонычъ!.. пиши съ него, мошенника, допросъ построже!.. мы съ него и дѣло-то начнемъ.

Егоръ Аѳанасьичъ не на-шутку расходился. Онъ кидалъ грозные взоры вокругъ, и внезапно обратившись къ зрителямъ, бабамъ и ребятишкамъ, такъ неистово гаркнулъ на нихъ «чего вы тутъ, скоты, глазѣете?», что всѣ они, какъ дождь, разсыпались въ разныя стороны. Сердце у Василья Исаева опять заёкало, и недаромъ. Велѣвъ сотскимъ отодвинуть за колодезь мѣщанъ-забiякъ и богомольцевъ, становой принялся за допросъ въ-плотную. Сначала писаришка распросилъ Василья Исаева, какъ звать его, сколько ему лѣтъ отъ роду, бываетъ ли онъ на исповѣди и у святаго причастiя, а тамъ пошли распросы уже самого Егора Аѳанасьича, да такiе распросы, что Василья Исаича даже холодный потъ прошибъ.

— Ваше благородiе!.. взмолился онъ подконецъ, помилосердуйте... тоись, дѣло покончить; не извольте, батюшка, и

сами безпокоиться... Что ужъ тутъ! порядки эвто извѣстные! Мы ужъ не постоимъ за благодарностью.

И онъ что-то прибавилъ шепотомъ становому. Но тотъ былъ неумолимъ, а почему такъ, дѣло скоро объяснилось.

— Я, братъ, давненько до тебя добираюсь,—молвилъ онъ съ ожесточеніемъ; мнѣ такихъ разумниковъ да законниковъ, какъ ты, держать у себя подъ бокомъ не приходится, или ужъ такъ надо проучить, чтобы напредки не повадно было... Онамедни торговалъ я у тебя рыжаго жеребенка,—ты уважилъ меня, что ли?.. Изъ-за двѣнадцати цѣлковыхъ не хотѣлъ уважить, свинья ты эдакая!..

— Батюшка! мы завсегда съ нашимъ къ вамъ почтеніемъ, — а ужъ насчетъ жеребчика-то, — провалиться бы ему! — такъ-вотъ затмилось въ умѣ на ту пору... спросту, батюшка, спросту... вишь тогда показалося: дѣло-то словно неподходящее...

— Да вѣдь не въ томъ еще твои провинности! Вспомни, какъ Поликашкѣ похвалялся: что мнѣ, дескать, становой!.. я все по закону...

— Ваше благородіе! помилуйте... сбрехнулъ это Поликашка... а, точно, однова...

— Хорошо, хорошо... я ещё проберу тебя, друга любезнаго... Иванъ Никифорычъ! надо хорошенько посмотрѣть, что это за люди у него ночевали — эти богомольцы-то, свидѣтели... Смотришь, промежь ними бѣглые окажутся,—вѣдь станется отъ этого мошенника Василья Исаева, что онъ и бѣглымъ притонъ держитъ!..

Грозныя слова эти произвели сильное дѣйствіе на дворника: онъ увидѣлъ, что становой непутемъ добирается до него. Василій Исаевъ хоть и не былъ, что называется, — травленнымъ волкомъ, однако, не разъ доводилось ему видывать, какъ «измываются», при случаѣ, надъ простымъ человѣкомъ...—такъ тутъ не диво, что жутко стало. Бѣдный мужикъ совсѣмъ растерялся — и вмѣсто того, чтобы пораскинуть разумомъ, какъ и чѣмъ бѣдѣ помочь, онъ сталъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, прислушиваться къ отвѣтамъ богомолокъ, когда начался строгій переборъ ихъ.

Егоръ Аѳанасьичъ спрашивалъ богомольцевъ не о томъ, что́ они видѣли насчетъ вчерашней драки, а о томъ — кто они такіе. Впрочемъ, сначала дѣло шло хорошо для Василья Исаева: у всѣхъ, кого спрашивалъ становой, оказывались законные виды на отлучку. Дворникъ начиналъ оживать;— оставалось спросить только трехъ бабъ, между которыми была и наша бѣглянка.

— Ба, ба, ба! —вскричалъ Егоръ Аѳанасьичъ, вглядѣвшись въ бѣглянку, вотъ еще какая краля тутъ очутилась!.. Поди-ка сюда, поди-ка... Личико у тебя, право, премиловидное,—а то я ужъ усталъ отъ всѣхъ этихъ харь... Ну, теперича повѣдай мнѣ, кралечка, кто ты такая, и изъ какихъ тоже мѣстъ?..

Не успѣла Марья отвѣтить, какъ подошелъ къ ней на выручку дѣдушка Терентій.

— Авдотьей, батюшка, зовутъ ее, Авдотьей... она, вотъ, со мною...—началъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Пошелъ прочь, старый грибъ!..—весело заговорилъ становой, стукнувъ старика трубкой по лбу: ну, куда лѣзешь?—развѣ тебя спрашиваютъ?.. чай, и сама она говорить умѣетъ...

Старикъ отступилъ назадъ съ большой неохотою, а усердные сотскіе и десятскіе дернули его за рукава и за полы — и опять поставили въ глубинѣ сцены, за колодеземъ.

Марья одна осталась передъ становымъ, и стояла, угрюмо потупившись въ землю. Вопросъ не пугалъ ее, а такъ вотъ не хотѣлось ей глядѣть на все и на всѣхъ; спутанныя мысли не подсказывали никакихъ рѣчей; говорить съ кѣмъ ни-на-есть— было ей и тяжко и противно. Между-тѣмъ Егоръ Аѳанасьичъ любовался ею по-своему... «Славная бабёнка, думалъ онъ, перебирая своими толстыми губами: право, славная!.. Должно быть, дворовая,—что-то не крестьянкой смотритъ... Вотъ бы, тово...»

— А какъ тебя звать, голубушка? спросилъ онъ Марью, потонивъ до-нельзя свой повелительный голосъ.

— Дѣдушка Терентій ужъ сказывалъ... — отвѣчала она неохотно.

— Экая какая! да ты сама-то скажи...

— Авдотьей, чтоль... Авдотьей Ефимовой...—молвила она чуть не шепотомъ и вдругъ вся вспыхнула — такъ тяжело было ей солгать въ эту минуту передъ самой-собою.

— А откуда ты, — то есть, изъ какой деревни?

— Изъ Касимовки...

— Изъ какой это Касимовки? Изъ уѣзда-то какого?

Этотъ вопросъ окончательно смутилъ Марью; она не знала что̀ отвѣчать—и молчала, перебирая концы своего головнаго платка.

— Отвѣчай же, милая,—повторилъ ласково становой; ну, скажи, какого же уѣзда эта Касимовка?

— А кто ее знаетъ—какого...—отвѣчала она съ досадою.

Становой засмѣялся.

— Вотъ оно что̀, — сказалъ онъ: оказывается, значитъ, что ты простуха-бабёнка, а я было думалъ не то... думалъ, что ты изъ дворовыхъ.. тѣ обыкновенно—многознайки... Ну, да это ничего... Иванъ Никифорычъ! посмотри-ка, братъ, изъ какого уѣзда сказался старикъ, съ которымъ она идетъ на богомолье?

Писаришка справился — и оказалось тутъ, что деревня, изъ которой былъ старикъ, называется не Касимовка, а Торбеиха.

— Какъ же такъ?—спросилъ становой Марью,—вѣдь вы должны быть изъ одной деревни, коли вмѣстѣ идете?

Марья ничего не сказала въ отвѣтъ, а Егоръ Аѳанасьевичъ вдругъ,—что̀ называется—воззрился: онъ уже заподозрилъ въ Марьѣ безпаспортную, да и всякая блажь пошла ему тутъ въ голову. Все еще ласково, но и настойчиво сталъ онъ приставать къ ней съ вопросами о томъ, изъ одной ли она деревни съ старикомъ Терентьемъ. Страхъ напалъ на Марью; на-силу могла она выговорить:

— Разныхъ... разныхъ мы деревень...

— Разныхъ!.. Эге-ге!.. да ты, голубка моя, что-то путаться начинаешь!.. Покажи-ка мнѣ видъ свой на отлучку.

— Нѣту... у меня...

— А! нѣту! нѣту!.. — произнесъ протяжно становой и потеръ руками отъ удовольствія. Такъ ты, моя лапушка, должно быть—бѣглая... вотъ оно что̀!.. Браво, Иванъ Ни-

кифорычъ! вотъ одного звѣрка мы и заполевали,—теперь дѣла наши на-ладъ пойдутъ... Ну, придется мнѣ задержать тебя, голубушка. Сотскій! отвѣди-ка ее покуда въ сторонку. А поди-ка сюда, старый чортъ! крикнулъ онъ на старика Терентья. Какъ же ты смѣлъ наврать мнѣ, что изъ однихъ мѣстъ?

— Виноватъ... батюшка... — отвѣчалъ старикъ, по пути она ко мнѣ пристала... А ей-же Богу, она не бѣглая... Ваше благородіе! помилуйте! отпустите бабёнку—право-слово, Богу идетъ молиться...

— Ахъ ты старый дуракъ! заступаться тоже вздумалъ за побродягу... И тебя-то надо съ нею задержать. Знаю я ваше богомолье! Безъ видовъ шатаетесь, нищенствуете да подъ-часъ воровствомъ промышляете...—а тутъ изъ-за вашего бродяжничанья отъ начальства выговоры получаешь. Посадить его подъ-караулъ!

Десятскіе потащили Терентья въ квартиру становаго; Егоръ Аѳанасьичъ опять принялся за допросъ Марьи.

— Такъ, значитъ, ты бѣглая?—заговорилъ онъ въ-полголоса: ну, только будь ты умна, да со мной откровенна... а послушаешься — такъ и бѣды миновать можно... Разскажи мнѣ сначала, какъ же ты это ушла?

— Просто ушла, — знамо, какъ уходятъ... — отвѣчала Марья, испугъ которой уже прошелъ въ то время.

Къ такимъ отвѣтамъ непривыченъ былъ Егоръ Аѳанасьичъ: съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ онъ на бѣглянку.

— Э, да ты, вижу, бѣдовая: нагулялась на волѣ-то, ну и тово!..—молвилъ онъ, принужденно улыбнувшись. Ты послушай-ка, что̀ я скажу тебѣ: зла я тебѣ не желаю, напротивъ,—добро хочу сдѣлать... Видишь, дѣло уголовное затѣялось изъ-за этой драки вчерашней,—дѣло важное: улика на лицо,—глазъ вышибенъ... по дѣлу ты въ свидѣтели попала, а тутъ оказывается, что ты бѣглая, то есть, бродяга; съ бродягами же, по закону, не шутятъ .. Не хорошее дѣло выходитъ для тебя, душа моя: тутъ, какъ разъ, угодишь въ тюрьму...

— Куда хотите, дѣвайте,—возразила Марья сердито; худыхъ дѣловъ я не сдѣлала... жаловаться на меня не кому...

— Ну, какъ ты смѣешь отвѣчать мнѣ грубо!..—крикнулъ было становой, нѣсколько уже разсерженный;—но эта вспышка гнѣва скоро замерла въ его лакомой душѣ. Онъ сталъ доказывать Марьѣ, и опять все въ полголоса, что онъ власть надъ нею имѣетъ, что во власти его помиловать ее и не помиловать, что онъ—человѣкъ-то души доброй и не хочетъ ей зла никакого.

— Авдотья, — заключилъ онъ наконецъ, не будь только ослушницей, я же все готовъ для тебя сдѣлать... Тамъ можно будетъ тебѣ и опять разгуляться на свободѣ... Ты вотъ ночуй у меня на квартирѣ... а поживешь нѣсколько времени... ну, угодишь тоже... такъ я и награжу еще тебя...

Марья вся вспыхнула въ лицѣ; жгучіе глаза ея такъ и впились въ широкое лицо сластолюбиваго становаго; ей такъ хотѣлось плюнуть въ это гадкое лицо, что она на-силу удержалась.

— Ночевать мнѣ у васъ не приходится... Что̀ вы ко мнѣ пристаете?.. Посулили тюрьму, такъ и сажайте туда...—молвила она твердо и громко.

— Тсъ!.. что̀ орешь-то такъ! сказалъ становой, погрозившись на нее. Но и тутъ онъ скрѣпился и не изволилъ разгнѣваться, а опять началъ «усовѣщевать» бѣглянку по-своему. Богъ вѣсть, долго ли продолжались бы эти усовѣщеванья и чѣмъ бы покончилъ онъ ихъ, еслибы вдругъ полицейское вниманіе его не было оторвано отъ бѣглянки новымъ предметомъ.

На дорогѣ, проходившей неподалеку отъ мѣста, гдѣ становой нашъ творилъ судъ и расправу, показалась кибитчонка, запряженная парой измученныхъ крестьянскихъ лошадей. Изъ кибитки этой выглядывалъ пожилой человѣкъ, въ синей суконной чуйкѣ, подпоясанной полотенцемъ, въ большомъ, истасканномъ картузѣ, и съ краснымъ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ,—однимъ словомъ, по виду управляющій изъ дворовыхъ. Въ разнохарактерной толпѣ у колодезя, проѣзжій какъ разъ обличилъ становаго, человѣка весьма замѣтнаго, и по росту, и по дородству.

— Ахъ, батюшка! вѣдь, вотъ я призналъ-таки васъ...— вскричалъ онъ,—стой, стой, Сидоръ!..

Подводчикъ Сидоръ остановилъ лошадей; проворно выскочилъ изъ кибитки проѣзжій и подошелъ къ становому.

— Батюшка, Егоръ Аѳанасьичъ, говорилъ онъ, отвѣшивая низкіе поклоны, — по-добру-ли, по-здорову-ли поживать изволите?... извините, батюшка... не могъ проминовать...

— Ба! да это ты Архипъ Матвѣичъ,—молвилъ становой очень весело и привѣтливо. Вотъ гдѣ довелось свидѣться!... Изъ какихъ странъ плывешь теперича?.. Надѣвай, надѣвай картузъ-то,—ну, что мнѣ смотрѣть на твою лысину?.. Э, любезный, больно постарѣлъ ты за это время,—ха, ха, ха, ха!...

То былъ, въ самомъ дѣлѣ, нашъ старый знакомый Архипъ Матвѣевъ..

— Постарѣлъ, батюшка, точно, постарѣлъ, — отвѣчалъ онъ, тоже посмѣиваясь; а тутъ еще, на бѣду, хворь меня прихватила, — думалъ, вовсе не встану, и старыя косточки мои похоронятъ на чужой сторонѣ.

— Чтожъ ты не скажешь, откуда ѣдешь-то теперь?

— Да изъ саратовской вотчины, Егоръ Аѳанасьичъ. Баринъ посылалъ меня туда, прикащика провѣрить... слухи прошли, что мужичковъ больно разоряетъ, а главное то, что наши барскія дѣла совсѣмъ запустилъ. Продувная бестія! На-силу съ нимъ сладилъ, ну и карманы его поочистилъ отъ награбленнаго добра... Изъ того больше и прожилъ тамъ долгонько,—а тутъ еще эта хворь лихая...

— Куда жъ теперича?

— Къ барину-съ ѣду... Да какъ увидалъ васъ, батюшка, Егоръ Аѳанасьичъ, сердце не утерпѣло... не могъ проминовать... Вѣдь я завсегда вашими милостями пользовался: бывало, пріѣдешь, попросишь что-нибудь по господскому дѣлу, все-то вы тотчасъ же исполните... Баринъ нашъ, Сергѣй-то Яковличъ, оченно довольны вами остаются... я же завсегда понимать должонъ...

Ну, ну, спасибо, спасибо на добромъ словѣ, — говорилъ совсѣмъ развеселившійся становой; мы съ тобой, точно, въ ладахъ жили,—да заходи ко мнѣ... закусишь, рюмочку вин-

ца пропустишь,—съ дороги-то оно хорошо,—ну, и покалякаемъ...

— Да я опасаюсь, батюшка,—вы, кажись, дѣлами изволите быть заняты... такъ помѣшаешь вамъ...

— Ничего, ничего... дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ... Я тутъ съ утра вожусь—пора и закусить...

— Все-то вы, батюшка, трудитесь... вотъ и теперича слѣдствіе, что-ли, какое наводить изволите?

— Да, драка вышла, чуть-было не убили одного,—мошенникъ тоже и онъ; а все виноватъ дворникъ: всякую сволочь къ себѣ принимаетъ; вино держитъ на своемъ дворѣ; ну, и завелъ притонъ... кстати вотъ, при сей оказіи, безпаспортная бабенка у него нашлась, да такая, должно быть, разбойница, нагулялась на волѣ-то, отвѣчать даже не желаетъ!...

Архипъ Матвѣичъ оглянулся въ ту сторону, куда указывалъ становой своимъ толстымъ перстомъ,—и вдругъ, къ величайшему своему изумленію, увидалъ Марью, которая стояла въ сторонѣ, потупившись въ землю и закрываясь нѣсколько рукавомъ: неожиданное появленіе крестнаго отца совсѣмъ поразило ее.

— Матушка!—вскричалъ Архипъ Матвѣевъ. Матушка! никакъ это ты?.. Вотъ оказія-то!.. да какъ ты сюда попала?..

— Развѣ ты знаешь ее? — спросилъ удивленный Егоръ Аѳанасьичъ.

— А какъ же, батюшка! вѣдь она — наша крестьянка, Марья Ефимова... Чай помните крестьянина Парѳена Елисѣева,—ну такъ сноха ему приходится: за сына его была выдана да, и мнѣ тоже крестница...

— Такъ вотъ она кто такая!.. сказалась же сначала Авдотьей, изъ какой-то Касимовки... потомъ и словечка я отъ ней не могъ добиться...

Архипъ Матвѣичъ разъахался.

— Вотъ дѣла-то! — твердилъ онъ,—что теперь станешь дѣлать? Ваше высокоблагородіе! будьте отцомъ, соблаговолите разсказать мнѣ, на какихъ это дѣлахъ поймали ее, разбойницу?..

— Да дѣлъ-то еще покуда никакихъ не оказывается. Она,

видишь ли, ночевала тоже на постояломъ дворѣ, когда произошла драка; задержали ее, вмѣстѣ съ другими, какъ свидѣтельницу, а тутъ, какъ сталъ я ее спрашивать по порядку,—кто она такая, анъ, и путаться стала, вотъ и оказалось, что—бѣглая... Да я еще долженъ пожаловаться тебѣ на нее: дерзкая бестія! Сначала про побѣгъ свой отозвалась, что ушла, дескать, просто, знамо какъ уходятъ, а потомъ... право, дерзкая бестія!

— Ахъ она мерзкая!.. Ахъ она тварь эдакая! говорилъ Архипъ Матвѣевъ, покачивая головою. Батюшка, Егоръ Аѳанасьичъ!—прибавилъ онъ шепотомъ, умильно осклабившись, окажите божескую милость, позвольте мнѣ переговорить съ нею... Я ей потачки-то не дамъ, пожалуй, и за косы оттаскаю, такъ она мнѣ во всемъ сознается...

— Изволь, изволь, отвѣчалъ становой; по правдѣ сказать, мнѣ таки и надоѣло возиться съ нею... Я пойду теперича къ себѣ, распоряжусь насчетъ, эдакъ, съѣдобнаго, а ты приходи, Архипушка, поскорѣе... ну, мы съ тобой и тово...

Становой пошелъ къ себѣ въ домъ, видимо въ хорошемъ расположеніи духа; за нимъ тотчасъ же шмыгнули Василій Исаевъ и двое изъ мѣщанъ-забіякъ. Между-тѣмъ Архипъ Матвѣевъ отвелъ въ сторону свою крестницу.

— Ахъ ты, безстыжіе твои глаза! началъ онъ рѣчь свою къ ней: чтó ты это надѣлала, а? чтó надѣлала-то?.. Изъ дому бѣжала, сдѣлалась бродягой, въ станъ попала... положила покоръ на всю семью и на всю-то деревню!... Да какъ ты смѣла это сдѣлать! да на кого ты надѣялась!... Вотъ погоди, даромъ тебѣ это не пройдетъ!...

Архипъ Матвѣевъ страшно раскипятился и сначала гнѣвъ его на бѣглянку былъ непритворный. Но и скорехонько сердце его стало утихать. Марья ни въ чемъ не перечила своему крестному отцу, а стояла такая блѣдная, такая унылая, что невольно прокралась въ его добрую душу жалость къ безотвѣтной и безпріютной сиротѣ-крестницѣ.

— Эхъ, матушка, матушка! проговорилъ онъ, глядя зачѣмъ-то въ сторону: знаешь-ли ты, каково горько мнѣ теперича? а такъ горько, такъ горько,—словно надо мной самимъ

грѣхъ-бѣда приключилась!... Что́ теперича мать-то твоя горемычная скажетъ? Да и каково ей все это время было?..

При этихъ словахъ сердце бѣглянки словно стало разрываться отъ великой тоски. Застонала она и такъ зашаталась, что Архипъ Матвѣевъ долженъ былъ поддержать ее, а-то бы она упала.

Онъ отвелъ ее къ своей кибитчонкѣ, отослалъ подальше подводчика Сидора и принялся утѣшать Марью.

— Полно же, полно... не тоскуй, Машутка... говорилъ онъ тихо: какъ быть-то! какъ быть-то! грѣхъ да бѣда на кого не живетъ!.. Авось, Господь смилуется—баринъ не взыщетъ строго... ну, и семейскіе серчать-посерчаютъ, а тамъ и тово... ужъ нечего дѣлать!—я долженъ буду заступиться, буду просить милости за тебя...

На Марью мало дѣйствовали эти утѣшенія, но наконецъ она заплакала, и легче ей стало на душѣ. Про это не сдогадался Архипъ Матвѣевъ; горько было ему видѣть слезы бѣдняги-крестницы, и онъ сталъ упрашивать ее, чтобы она не плакала.

— Нѣтъ, ты оставь, батюшка крёстный, мнѣ такъ-то легче будетъ... проговорила она и скоро потомъ видимо успокоилась.

Тогда Архипъ Матвѣевъ ласково, но настойчиво началъ распрашивать ее о всѣхъ подробностяхъ ея побѣга.

— Допрежъ всего былъ его первый вопросъ: ты скажи мнѣ и ничего, Машенька, не потай: съ чего такого бѣжала ты изъ дому?

— Утаивать ничего не стану, отвѣчала Марья: оттого я бѣжала, что не въ моготу стало жить мнѣ въ ихнемъ дому.

— Глупая ты, право, глупая! возразилъ старикъ; а чѣмъ не житье тебѣ было? Старуха Силантьевна баба самая смиренная, лучше свекрови найдти нельзя! Муженекъ же твой—да изъ него могла ты хоть лучины щепать; онъ тебѣ словечка не могъ поперечить; изъ рукъ твоихъ долженъ былъ смотрѣть... А домъ-отъ какой богатѣйшій!

— Пропадай онъ пропадомъ ихній домъ проклятый! Не лежало къ нимъ мое сердце...

— Какъ не лежало? Да вѣдь Кузя-то законъ твой!.. Ахъ, ты, пропащая твоя головушка!.. Ну, да что объ этомъ толковать! Разскажи-ка мнѣ теперича обстоятельно, какимъ, то есть, манеромъ изъ дому ушла и гдѣ все это время пробывала?

Въ немногихъ, но яркихъ чертахъ передала Марья про свое житье-бытье въ семьѣ Большаковыхъ, про то, какъ хотѣла она отъ всей души работать для дома, про то, какъ во всемъ ей тутъ помѣшали; не могла только она объяснить: когда надумалась и какъ это рѣшилась убѣжать изъ дому, покинуть родимую сторону.

— Не въ моготу стало... душа не стерпѣла... сбивчиво повторяла она; а и Господь вѣдаетъ, какъ я ушла-то... ушла да и только...

— Диковина! диковина! повторялъ и Архипъ Матвѣичъ, покачивая головою; ну, статочное-ли это дѣло, ну какъ это невзначай такъ-то?...

Марья задумчиво опустила голову, ей самой хотѣлось сообразить, какъ это вдругъ рѣшилась она тогда убѣжать изъ дому, но распуганныя ея мысли безотвѣтно вились надъ прошедшимъ.

— Воля, знать, поманила... прошептала она наконецъ, какъ-будто въ отвѣтъ самой-себѣ.

— Воля! воля! передразнилъ ее крестный отецъ. Надоть бы эту блажную волю.. Ну, да не хочу ужъ упрекать и бранить тебя—Богъ тебя проститъ!.. Теперeча разскажи вправду: гдѣ жъ ты проживала, ужли-таки все по-міру бродила?

— У барина... у чужаго барина жила... отвѣчала она, закрывая лицо руками.

— Какъ у барина?.. у какого барина?

— Начто̀ тебѣ?.. Какъ зовутъ — не скажу... не спрашивай, батюшка крестный...

— Да при чемъ же ты у него жила? что дѣлала?

Марья опять застонала.

— Полюбовницей... я у него была... отвѣчала она глухимъ голосомъ.

— Ахъ, Господи!.. Вотъ грѣхъ-то!.. Вотъ она, воля-то до чего доводитъ!.. Ахъ ты срамница, безстыдница!...

Старикъ было-расходился, но замѣтивъ, что Марья впала опять въ сильную тоску, что ее бьетъ, какъ въ лихорадкѣ, онъ какъ-разъ прекратилъ свои упреки и спросилъ ее шепотомъ:

— Чтожъ... прогналъ онъ, что-ли, тебя?

— Нѣтъ... сама я ушла, отвѣчала она, глухо рыдая.

Нѣсколько времени оба молчали. Марьѣ живо и со всѣми подробностями представилось вдругъ то ненастное утро, въ которое она оставила своего любимаго барина — и замирало ея бѣдное сердце отъ смертной тоски. А старикъ все думалъ про-себя, тяжело вздыхая: «худо, худо дѣло выходитъ! не натворила-ли она тамъ, у этого барина, бѣдъ какихъ-нибудь? Пожалуй, станется отъ эдакой вольницы!...

— Слушай, Марья, сказалъ онъ наконецъ, ты ужъ мнѣ покайся все равно что попу на духу: не снесла-ли ты чего нибудь отъ барина?

Она какъ-то не поняла этого вопроса и, взглянувъ на Архипа Матвѣева, сама спросила его:

— Что такое?.. о чемъ ты говоришь, батюшка крестный?

— Эхъ ты! словно не понимаешь!.. молвилъ старикъ съ упрекомъ; рѣчи мои — простыя и больно понятныя. Говорю тебѣ, не своровала-ли тамъ чего, у своего полюбовника-то?

— Душу свою тамъ я покинула!... возразила она, заплакавъ навзрыдъ.

— Ахъ, Господи, Господи! твердилъ старикъ, совсѣмъ растерявшись и отъ жалости къ крестницѣ и отъ своихъ подозрѣній насчетъ ея. Вѣдь, какъ жаль-то мнѣ тебя! да и въ голову всякая всячина бредетъ... Ну, не плачь же, не плачь, Машутка!.. Ты не бойся насчетъ наказанья—ужъ я упрошу за тебя барина...Вотъ онъ теперича въ городѣ, куда и я къ нему должонъ ѣхать, такъ оно кстати будетъ... А домашнихъ тебѣ много опасаться нечего—нѣ таковскіе люди.

Она ничего не отвѣчала на эти утѣшенія.

— Машутка, продолжалъ старикъ,—такъ я теперича въ городъ проѣду, баринъ меня туда вызывалъ письмомъ къ 10 числу, а ты, пожалуй, коли опасаешься безъ меня домой вернуться, — побудь здѣсь покудова; я попрошу Егора

Аѳанасьича, становаго, чтобы онъ приказалъ пріютить тебя здѣсь гдѣ-нибудь, на денекъ, на другой.

— Нѣту, батюшка крестный, отвѣчала Марья, не хочу я здѣсь оставаться... Нѣту, скорѣй надо ужъ къ одному берегу приплыть... Отсылай меня отсюдова... отсылай скорѣе.

— Ну, и то хорошо... Выпрошу я для тебя подводу у становаго—на обывательскихъ доставятъ тебя домой небольно скоро, а мы съ бариномъ, надо думать, не позамѣшкаемся въ городѣ, такъ я угожу за тобою какъ-разъ въ Березники.

Затѣмъ Архипъ Матвѣичъ хотѣлъ-было уйдти, но Марья удержала его.

— Постой маненько... вотъ, дай, вспомню... проговорила она.

И съ трудомъ успѣла она сообразить, что̀ сказать ей надобно.

— Да, вспомнила теперича, молвила она: ты, батюшка крестный, самъ снаряди меня въ дорогу да и отпусти поскорѣе...

— Какъ самъ? самому мнѣ нельзя, становой тутъ распорядится.

— А онъ, пожалуй, до утра оставитъ, ночевать здѣсь не приходится.

— Отчего жъ бы и не переночевать, такъ-то и кстати было бы: легче подогнать время, чтобы поскорѣй мнѣ за тобою пріѣхать въ Березники.

— Нѣту, нельзя... толсторылый становой-то ужъ приставалъ ко мнѣ съ худыми дѣлами...

— Вишь ты! Эхъ, они всѣ-то на одну колодку сбиты. Ну, да я постараюсь безпремѣнно устроить это дѣльцо... Теперича, Машенька, я ужъ пойду къ становому, а ты ложись-ка въ кибитку, можетъ, соснешь маненько.

И старикъ пошелъ на квартиру становаго. Марья же не безъ труда взобралась въ кибитку. Съ окончаніемъ разговора съ крестнымъ отцомъ, какъ-то вдругъ упали ея нравственныя и физическія силы. Голова у ней сильно разболѣлась и гнетущій жаръ сталъ разливаться по всему тѣлу; сильная жажда томила ее, но выдти изъ кибитки, чтобы

напиться, у ней уже какъ будто недоставало силъ; попросить же у десятскаго, ставшаго на караулѣ у кибитки, чтобы онъ принесъ водицы, ни за что не хотѣлось ей. И стала она забываться тяжелымъ сномъ, въ которомъ мрачной вереницею мелькали передъ напряженнымъ ея воображеніемъ жгучія воспоминанія прошедшаго, скорбныя впечатлѣнія настоящаго...

XVII.

Архипъ Матвѣичъ засталъ становаго пристава въ весьма-хорошемъ расположеніи духа. Егоръ Аѳанасьичъ только-что червячка заморилъ и готовился садиться за сытный обѣдъ; передъ самымъ же обѣдомъ, мирно покончилъ онъ сегоднишнее слѣдственное разбирательство «о битіи мѣщанами такими-то мѣщанина такого-то и о прочемъ», покончилъ въ удовольствіе себѣ, на пользу и во спасенье на предбудущее время мѣщанамъ-забіякамъ и особенно дворнику Василью Исаеву.

— Ну, что̀, Архипъ Матвѣичъ,—спросилъ онъ старика, ладно ли поговорилъ съ бѣглянкою? развѣдалъ ли, какъ она тамъ убѣжала и какъ въ бѣгахъ находилась?

— Какъ же, батюшка, про все распросилъ. . Точно-съ, оказывается она совсѣмъ пустяшной бабенкой: замѣсто того, чтобы перенесть, эдакъ, посмиреннѣе тяготу домашнюю отъ семейскихъ,—а она взяла да и убѣжала! Ужъ я потазалъ-таки ее на-порядкахъ.

— Главное то: не напроказила ль чего въ бѣгахъ?

— Нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе, — а такъ это она сдѣлала, то есть, съ-дуру... молода еще...

— Ну, не ручайся за нее: продувная бестія! я и не видывалъ такихъ рѣчистыхъ. Сказала ль она, гдѣ проживала во время бѣговъ?

— Да говоритъ, что изъ-за богомолья по разнымъ мѣстамъ таскалась,—и должно быть это такъ-съ точно...

Старикъ лгалъ неохотно, но думалъ, что надо непремѣнно солгать; мысленно онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что, дескать, «и ложь иногда во спасеніе».

— А ты и повѣрилъ ей?—молвилъ становой, посмѣиваясь. Знаемъ мы эдакихъ-то богомолокъ! Ты самъ посмотри: у ней и нарядъ и весь видъ—не таковскіе; нарядъ хорошій, праздничный, лицо и руки вовсе не загорѣлыя,—меня даже на первыхъ порахъ ввело это въ сомнѣніе.

Старикъ принялся уговаривать становаго, чтобы онъ не изволилъ сомнѣваться насчетъ его крестницы и заключилъ умильныя рѣчи свои просьбою—отпустить ее домой поскорѣе.

— Да оно можно бы отпустить, — отвѣчалъ становой,— потому больше, что дѣло о дракѣ позакончилось довольно-благополучно, но вѣдь по-настоящему я долженъ бы задержать бѣглую бабенку—могутъ о ней разныя дѣла оказаться.

— И, батюшка, какія дѣла! коли-жъ, паче чаянія, и окажутся какія дѣла, такъ они и на мѣстѣ ее найдутъ.

— Такъ-то такъ... А убѣжитъ она опять?

— Да пускай ее!.. Значитъ, худая трава изъ поля вонъ. Убѣжитъ опять—и охъ не скажемъ.

— Да нѣтъ, братецъ! все такое ты вкривь и вкось растолковываешь... Надо, братецъ, предупреждать преступленія,—ну, что ты въ этомъ смыслишь?

И становой поразгорячился-было нѣсколько, но Архипъ Матвѣичъ тотчасъ же принялся за самыя дѣйствительныя средства при переговорахъ подобнаго рода. Онъ откинулъ полу своей чуйки, вытащилъ изъ кармана толстый кошель и между серебряными и мѣдными деньгами отыскалъ платинку; отойдя на минуту въ уголокъ комнаты, Архипъ Матвѣичъ завернулъ монету, для приличія, въ бумажку и съ улыбочкою подалъ ее Егору Аѳанасьичу. Этимъ самымъ найдена была какъ разъ возможность отправленія Марьи въ Березники. Впрочемъ, у становаго бродили еще въ головѣ блажные замыслы: онъ предложилъ-было, чтобы Марья переночевала эту ночку въ Хохловкѣ, но старикъ энергически воспротивился этому.

— Нѣтъ, ужъ, ваше высокоблагородіе, — сказалъ онъ, рѣшившись еще разъ прилгнуть, позвольте отпустить ее

нынче, что ей время-то терять понапрасну? да къ томужъ она разнемогается... А-ахъ, тварь она негодная! вотъ какихъ дѣловъ и хлопотъ понадѣлала! — прибавилъ онъ, въ порывѣ отчего-то вдругъ возобновившагося негодованія.

Становой долженъ былъ согласиться и на послѣднюю просьбу Архипа Матвѣева, а узнавъ, что онъ еще долженъ заѣхать въ городъ, предложилъ отправить нашу бѣглянку подъ надежною охраною.

— Ужъ такъ и быть, Архипушка,—сказалъ онъ: помня добро и разныя неоставленія твоего барина Сергѣя Яковлевича, я все это обдѣлаю чинъ-чиномъ: нетолько сотскаго, но и разсыльнаго дамъ для сопровожденія твоей крестницы; старикашка Калинычъ только и годится, что на такія препорученія. Впрочемъ, ты, Архипъ Матвѣичъ, какъ увидишь барина, тотчасъ же и хорошохонько разскажи ему, какъ я посодѣйствовалъ къ доставленію въ его имѣніе принадлежащей ему бѣглой жонки. Баринъ твой съ губернаторомъ знакомъ, такъ когда придется ему увидѣться съ его превосходительствомъ, куда было-бы хорошо, колибъ за меня словечко замолвилъ... Эхъ! вашъ станъ-то былъ гораздо лучше этого, и чортъ знаетъ, за что перевели меня сюда на сухоядѣніе!

Архипъ Матвѣичъ покончилъ дѣло о своей крестницѣ благополучно. Но онъ былъ старикъ осторожный и считалъ необходимымъ понаблюсти и за самымъ ея отъѣздомъ. Сборы къ отъѣзду были не долгіе: скорехонько была снаряжена обывательская пара малорослыхъ, пузатыхъ лошадей и за разсыльнымъ Калинычемъ, получившимъ отъ Архипа Матвѣича четвертакъ на водку, тоже дѣло не стало.

Проводы Марьи совершились нѣсколько торжественно. Самъ Егоръ Аѳанасьичъ изволилъ выдти посмотрѣть, какъ отправится въ путь Калинычъ съ бѣглянкою; Архипъ Матвѣичъ былъ, конечно, тутъ же съ становымъ; за ними выползъ зачѣмъ-то безстрастный, какъ судьба, Иванъ Никифорычъ, писаришка. Вдали собралась большая толпа бабъ, дѣвокъ и ребятишекъ деревенскихъ.

Но на Марью все это не произвело впечатлѣнія. Бѣдняга уже сильно разнемоглась. Ее обдавало то жаромъ, то

холодомъ; лицо было покрыто тусклой блѣдностью; губы почернѣли; глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ, и ей было больно взглянуть вверхъ, хотя на дворѣ уже былъ вечеръ, туманный и пасмурный; въ ней доставало лишь силъ настолько, чтобы удержаться отъ стоновъ, когда перебиралась она въ телѣжонку, верхомъ-набитую соломой по распоряженію предусмотрительнаго, для своего спокойствія, разсыльнаго.

Егоръ Аѳанасьичъ — видно, недаромъ онъ былъ опытнымъ полицейскимъ чиновникомъ,—какъ разъ увидалъ болѣзненное положеніе Марьи.

— А она, точно, заболѣла, сказалъ онъ Архипу Матвѣичу, почему-то понизивъ нѣсколько голосъ.

Старикъ заботливо подбѣжалъ къ крестницѣ.

— Марья, — молвилъ онъ ей шепотомъ, что̀ ты это? аль тебѣ неможется?...

— Ничего, батюшка крестный... отвѣчала она: такъ вотъ, голова чтой-то... словно, маненько... да ничего.. А, Христа-ради, дайте испить водицы холодненькой...

Съ жадностью пила она холодную воду — и, напившись, нѣсколько оживилась.

— Ваше благородіе, — вдругъ сказала она становому, прикажите ѣхать поскорѣе.

— Ну, ну, отправляйтесь, отвѣчалъ становой; садись, Калинычъ, — точно, ѣхать пора... Эхъ, славная, смѣлая такая бабенка! — прибавилъ онъ, какъ будто про себя.

Калинычъ помѣстился возлѣ Марьи, сотскій, отправлявшійся въ какую-то деревню по дорогѣ въ Березники, усѣлся на облучкѣ, рядомъ съ подводчикомъ; на-скоро простился съ Марьей Архипъ Матвѣевъ, у котораго, при этомъ разставаньи, болѣзненно отчего-то сжималось сердце и телѣга тронулась съ мѣста. Обывательскія лошадёнки, тряся головами, побѣжали сначала довольно-шибкой рысцой.

За околицей Хохловки, лошаденки пошли все больше шагомъ, но и отъ такой ѣзды толчки на тряской телѣгѣ были нелегче; у Марьи кружилась и, по временамъ, страшно болѣла голова отъ нихъ, — только она, стиснувъ зубы, чтобъ не стонать, все крѣпилась и сидѣла прямо. Рада была

она тому, что сосѣдъ ея разсыльный былъ неразговорчивый человѣкъ: угрюмый старикъ Калиныч все кряхтѣлъ, вздыхалъ да бормоталъ сквозь зубы: «Господи помилуй!» Ему крѣпко не-по-нутру была эта поѣздка, — онъ не чаялъ отъ ней никакой благостыни. «Вотъ трясись-себѣ цѣлыя сутки!— думалъ онъ: да только однимъ четвертакомъ и заговѣешься... Чортова эта бѣглянка!» — Зато сотскій и подводчикъ мало-по-малу разговорились промежь себя и потомъ уже ни на минуту не умолкали. Оба они были подъ-стать другъ-другу: одинъ, по бездѣльству и балагурству своему, только и годился что̀ въ сотскіе, другой, по тѣмъ же качествамъ, могъ быть настоящимъ кандидатомъ въ эту должность; у обоихъ языкъ вертѣлся не хуже, чѣмъ у рыночной бабы.

— Твоя-то какая лошаденка? — началъ рѣчь сотскій.

— А вотъ пристяжная, отвѣчалъ подводчикъ.

— Ну, она, малый тово... съ лѣнцой, надо быть, да все, кажись, получше коренной... Вишь, братецъ ты мой, коренная-то... хвостомъ машетъ, а везетъ-не-везетъ... Ты кнутикомъ ее, кнутикомъ!..

— Знамо, что̀ кнута жалѣть? да лѣшій ее своротитъ;— лошадь, дядя Антипъ, больно-наровитая.

— Что-жъ, завсегда она таковская была?

— А кто жъ ее знаетъ!

— Ой ли, не знаешь? А ты, Ванюха, то разсуди: можетъ, коренная-то смекаетъ, какую-де важную персону везетъ, персону, что̀ по свѣту гуляла-отгулялась... оттого, можетъ, и идетъ тихой ходою, что опасается ея милость обезпокоить...

— Экъ ты придумалъ!.. никакъ не можно скоту безсловесному эвтакія дѣла разумѣть.

— Вотъ и видно, что ты, братъ, тово... материнское, тоись, молоко на губахъ у тебя не обсохло... А мнѣ такъ свѣдомо: что̀ человѣкъ, что̀ скотъ — все едино.

— Какъ-такъ, дядя Антипъ?

— Да вотъ какъ: была у меня собаченка, и собаченка-то простая, нашенская, тоись, дворняшка, — ну, малый, была она у меня такъ-то, жила-жила, кормилъ я ее тоже... она взяла да съ двора и сбѣжала... Слышь, малый?

— Слышу-ста... Вишь ты, проклятая!... А отчего жъ она у тебя, дядя Антипъ, со двора-то сбѣжала?

— Вѣстимо, съ чего — съ жиру! Ты думаешь — съ голодухи-то убѣжишь? Нѣтъ, малый, шалишь!.. Вотъ, онамеднись, видѣлъ я бабеночку... Спросилъ: чья такая? сказали— твоя, малый, хозяйка... Сухопаровата, сердешная, значитъ, работаетъ въ дому, какъ слѣдуетъ, — вотъ она, небось, не бѣжитъ...

— Дамъ я ей бѣжать! — съ азартомъ возразилъ Ванюха: посмѣй она только подумать, такъ отведу я ее въ лѣсъ, да привяжу къ поганому древу, къ осинѣ, да такую-то вспорку задамъ, что небо съ овчинку покажется!..

Сотскій залился звонкимъ смѣхомъ. Затѣмъ и онъ и Ванюха разомъ оглянулись на Марью, дядя Антипъ скалилъ зубы и подмигивалъ ей глазкомъ, а Ванюха поглядѣлъ на нее сурово, словно на жену свою.

— Ты что̀ думаешь, малый, — продолжалъ сотскій, заглядывая прямо въ глаза Марьѣ: не попробовать ли и намъ съ тобою счастьица, да не дать ли тягу куда-нибудь? Мнѣ, вотъ, смерть надоѣло все дома жить...

Мысль эта очень по нраву пришла Ванюхѣ — онъ расхохотался пуще сотскаго.

— Ну, что̀ вы, лѣшіе, горло-то дерете?.. Можно бы и тово... Эхъ, вы!.. непривѣтливо отозвался разсыльный — и сказалъ онъ такія рѣчи очень кстати: сотскій и Ванюха хоть и не боялись смирнаго Калиныча, но все имъ обоимъ вдругъ стало какъ-то неловко дальше зубоскальничать. Марья слышала весь разговоръ балагуровъ и каждое слово ихъ тяжело ложилось ей на душу. Съ живою благодарностью взглянула она на разсыльнаго. И вдругъ мелькнула въ головѣ ея блажная мысль: попросить его, добраго старика, чтобы онъ выпустилъ ее на волю... Эта мысль о волѣ яркимъ пламенемъ освѣтила ея душу, но вспыхнула она только на мигъ и разомъ погасла. Физическія силы ея были надорваны, бодрость совсѣмъ покинула и замерли всякія надежды.

А между тѣмъ настала темная, осенняя ночь; все небо было покрыто тучами; вѣтеръ дулъ съ сѣверной стороны;

холодный дождь мало-по-малу разошелся. На Марьѣ была одежда легкая, и скоро дождемъ пробило ее до костей.

XVIII.

Подошла первая смѣна лошадей въ большомъ помѣщичьемъ селенiи, гдѣ жилъ управляющiй, хорошiй прiятель нашего становаго. Влiянiе Егора Аѳанасьича, въ такомъ близкомъ разстоянiи отъ его резиденцiи, чувствовалось еще сильно: обывательскую, парную подводу нарядили хоть и не скоро, зато безпрекословно.

Разсыльный ушелъ въ барскую контору, сотскiй отправился къ себѣ домой; онъ былъ изъ этого селенiя; подводчикъ изъ Хохловки отъѣхалъ на постоялый дворъ, а Марья осталась у воротъ стараго флигеля обширной господской усадьбы, въ которомъ помѣщалась контора,—осталась одна, подъ дождемъ и на вѣтру. Не держали ноги ее, бѣдную; она сѣла на мокрую землю и прислонилась горѣвшею, какъ въ огнѣ, головою, къ мокрой вереѣ воротъ. По-временамъ, всю ее потрясала сильная дрожь. Долго, съ болѣзненнымъ усильемъ, смотрѣла она въ ту сторону, гдѣ, по темнымъ домекамъ ея, должно было находиться поле, но вглядывалась она въ мутную мглу ночи безъ всякой мысли, безъ всякаго желанiя. Наконецъ голова у ней закружилась и впала она не въ сонъ, а въ какое-то безпамятство.

И такъ прошло все время, покуда подвода была готова.

Старикъ Калинычъ нисколько не торопился въ путь, у него были на это достаточныя причины: на дворѣ было темно, сыро и холодно, а въ барской конторѣ тепло, свѣтло и прiютно. Управляющаго не было дома, онъ только-что отлучился въ губернскiй городъ, а безъ него, въ конторѣ и въ людской свободно могла идти шумная, веселая бесѣда. На свободѣ, дворовые и сельскiе начальники подпили порядкомъ и, какъ водится, занялись интересными разговорами о распоряженiяхъ управляющаго: о томъ, что онъ господъ на-

дуваетъ, что крестьянамъ отъ него житье больно-плохое, что себѣ-то набилъ онъ карманъ важно, а нѣтъ того, чтобы подѣлиться съ сельскими да дворовыми начальниками. Конечно, при такихъ разговорахъ, не до того было, чтобы заняться постороннимъ человѣкомъ и никто не позвалъ Марью въ людскую обсушиться и обогрѣться. Разъ только кто-то изъ молодыхъ десятниковъ, пробѣгая мимо въ штофную лавочку за виномъ, окликнулъ ее, но она не отвѣтила, на что и окликнувшій не обратилъ вниманія.

И снова въ путь.

Съ трудомъ разсыльный растолкалъ Марью. Вишь ты, молвилъ онъ грубовато, словно барыня разоспалась, не добудишься...

— А кто такая?—спросилъ кто-то изъ сельскихъ начальниковъ, вышедшихъ къ воротамъ провожать разсыльнаго.

— Да изъ бѣговъ, что ли, отвѣчалъ онъ, а-то кто ее знаетъ... ну, ну, вставай же ты, барынька! Эхъ–ма! вотъ еще подсаживать приходится.

И, при шумномъ хохотѣ зрителей, Калинычъ подсобилъ-таки Марьѣ усѣсться въ телѣгу.

Между-тѣмъ, дождь попадтихъ, рѣзкій вѣтеръ разогналъ тучки и въ верху неба глянули-было двѣ-три звѣздочки. Разсыльный былъ доволенъ сначала погодою; вѣтеръ освѣжалъ его, разгоряченную виномъ, голову, но скоро опять набѣжали тучи и дождь началъ хлестать прямо въ глаза нашимъ путникамъ. Старикъ заохалъ.

— Господи!—кроптался онъ, добро бы подъ Француза, али подъ Турку въ такую непогодь послали, а то вотъ съ бѣглою бабенкою мыкайся... Эхъ, барынька, въ телѣгѣ–то не больно распространяйся...

И онъ посбилъ Марью на самый край телѣги, самъ же разлегся какъ можно спокойнѣе. Впрочемъ, бѣдной бѣглянкѣ было уже все равно: она была почти совсѣмъ безъ памяти; внутренній жаръ надорвалъ окончательно ея силы.

Подъ-утро пріѣхали въ селеніе, гдѣ опять приходилось

смѣнять лошадей. Но тутъ начинался другой станъ: мужики тутошніе хоть и слыхали про сосѣдняго становаго, Егора Аѳанасьича, но не боялись его. Не очень-то ласково приняли они требованіе разсыльнаго Калиныча насчетъ парной подводы. Они затѣяли съ нимъ жаркій споръ; сначала совсѣмъ-было отказывали дать подводу, потомъ дѣло стало собственно изъ-за пары лошадей, которыхъ требовалъ настоятельно Калинычъ, никакъ нехотѣвшій унизить своего гонору, особенно въ чужомъ стану.

— Ты, вѣдь, то въ толкъ возьми, рыжая борода ты эдакая, усовѣщевалъ онъ одного изъ мужиковъ, всѣхъ больше спорившаго съ нимъ и дѣйствительно украшеннаго бородой самаго пламеннаго цвѣта,—ты то разбери,—ѣду я по казенной надобности, по казенному дѣлу, а ты смѣешь мнѣ супротивничить...

— Знаемъ-ста мы ваши казенныя дѣла! возразилъ рыжебородый: ты покажь намъ бумагу изъ стана.

— Какъ же вотъ! стану я показывать всякому свиньѣ предписанія начальства! Стоитъ мнѣ только узнать, какъ ты прозываешься, а ворочусь я къ его благородію, господину становому, да донесу ему, что такъ и такъ, ослушаніе дѣлали, бумагу, молъ, требовали... да онъ тебя подъ судъ упечетъ!.. Давай сейчасъ лошадей, разбойники!

При такой угрозѣ, рыжебородый мужикъ мигомъ спрятался за спину другихъ; другіе, почесавъ затылки, рѣшили дать парную подводу. Но дѣло все-таки сдѣлалось не скоро. Безъ споровъ и вздоровъ никогда не обходится при исполненіи всякой мимозаконной повинности: мужики долго шумѣли и конались, кому ѣхать, и ужъ тутъ нисколько не дѣйствительны были всѣ понуканья Калиныча.

— Вѣдь даемъ мы тебѣ лошадей, говорили мужики на эти понуканья, чего жъ тебѣ еще... а ряду нашу ты не моги ломать.

Такъ дѣло подошло и къ свѣту дневному. Мало-по-малу высыпали на улицу бабы и ребятишки и, конечно, шуму и гаму еще больше стало.

Между тѣмъ Марья, сжавшись въ комокъ, сидѣла у плетня огорода. Утренній, свѣжій воздухъ привелъ ее въ

чувство; жаръ у ней поунялся, и только страшную слабость въ рукахъ и ногахъ чувствовала она. Къ-счастью, никто не обращалъ вниманія на нее: мужики были заняты споромъ и сборами подводы, бабы и ребятишки тоже посматривали издалека на бѣглянку. Но наконецъ подъѣхала подвода въ одну лошадь, а за пристяжной пошли еще въ поле. Разсыльный жалостливо посмотрѣлъ на бѣглянку, измученную свою спутницу, и тотчасъ же усадилъ ее въ телѣгу; тутъ стали подходить поближе къ подводѣ бабы и ребятишки, шушукая, посмѣиваясь надъ чѣмъ-то и поталкивая другъ-друга. И вдругъ бойкій парнишко, лѣтъ двѣнадцати отъ роду, вспрыгнулъ въ самую телѣгу, наклонился къ лицу Марьи и заглянулъ ей въ глаза.

А куда тебя, тетка-лебедка, везутъ?—спросилъ онъ звонкимъ голосомъ.

Въ толпѣ раздался смѣхъ цѣлымъ хоромъ; Марья не отвѣчала и отвернулась. О, какъ хотѣлось бы ей хоть въ мать-сыру-землю уйдти отъ этихъ любопытно-задорныхъ взоровъ! О, какой жгучей обидою отзывался въ душѣ ея этотъ веселый смѣхъ зрителей! Никогда, во всю жизнь свою, не чувствовала она такъ горько всю немочь, всю беззащитность женскую.

— Вишь, она нѣмая, проговорилъ, растягивая слова, какой-то дурноватый съ виду парень, и хохотъ въ толпѣ разомъ усилился.

Но подоспѣлъ къ Марьѣ на выручку добрый Калинычъ.

— Ну, что вы по-вороньи горло-то дерете? прикрикнулъ онъ сердито на бабъ и ребятишекъ, и тутъ-же очень небережно ссадилъ съ телѣги взобравшагося туда задорнаго мальчугана.

— Родименькой... сказала ему Марья почти шепотомъ, нѣтъ ли дерюшки какой мнѣ покрыться? больно я перезябла... Прикрой ты меня, Христа ради, авось тогда и они-то глазѣть не станутъ.

Калинычъ заглянулъ ей въ лицо и покачалъ головою.

— Смотри ты, бабенка, сказалъ онъ тихо, смотри, не помри дорогой-то... Вѣдь хлопотъ еще, эдакъ-то, понадѣлаешь... вскрывать станутъ...

— Охъ, ужъ лучшебъ, кажись, было... прошептала Марья.

Разсыльный, можетъ, и слышалъ эти слова, но ничего не возразилъ и не замѣтилъ на нихъ. Онъ отвернулся отъ Марьи и, понахмурившись, простоялъ минуты двѣ молча.

— Эхъ, вы, вороны! молвилъ онъ, вдругъ оборотившись къ бабамъ; вотъ стоите, глаза только пучите, а нѣтъ, тово... ну, да что ужъ, извѣстное дѣло — бабы!.. вы бы лучше принесли что-нибудь покрыться вотъ ей; чай, видите, что больная бабенка...

Но никто изъ бабъ и съ мѣста не тронулся; сначала поболтали онѣ промежь себя въ-полголоса, но скороговоркою, а тамъ начался громкій смѣхъ и стали вырываться насмѣшливыя выраженія: — «Вишь ты, проказникъ, говорили бабы про разсыльнаго, какую-такую бабёночку-то онъ везетъ? отчего такъ о ней соболѣзнуетъ?»

Сердито махнулъ рукой на бабъ старикъ Калинычъ и пошелъ къ избѣ сотскаго — опять браниться изъ-за того, что долго пристяжную не ведутъ. Тѣмъ временемъ бабы воспользовались. Тѣсно обступили онѣ телѣгу и закидали Марью вопросами: чья она такая? откуда? куда везутъ ее? попалась что ли въ дѣлѣ какомъ? Но бѣглянка не отвѣчала. Закрывъ лицо обѣими руками, она лежала ничкомъ въ телѣгѣ и тихо, но горько-горько плакала. Не замѣчали, должно быть, этого бабы и не унимались отъ вопросовъ, которые часто пересыпали громкимъ хохотомъ. И, вѣроятно, не отстали бы онѣ отъ предмета своего любопытства и грубой веселости до самаго отъѣзда подводы, но вдругъ подошелъ къ телѣгѣ мужикъ лѣтъ, можетъ, подъ-сорокъ, высокій и плечистый, съ впалыми, умными глазами, съ суровымъ выраженіемъ лица. Заложивъ руку за пазуху, онъ давно уже стоялъ у воротъ своей избы и смотрѣлъ, казалось, безучастно на то, какъ бабы тормошили нашу бѣглянку, но наконецъ, должно быть, онъ не вытерпѣлъ:

— Прочь! молвилъ онъ сердито, раздвигая руками толпу; разсыльный-то назвалъ васъ воронами, а вы и того хуже!

Бабы и ребятишки мигомъ и ужъ безъ смѣха отхлынули отъ телѣги, а мужикъ подошелъ къ ней вплоть; накло-

нился надъ Марьей и раза два слегка потрогалъ ее за плечо, но она все лежала неподвижно.

— Надо быть, не спитъ, сказалъ онъ въ-полголоса, какъ будто самому себѣ, и, ставъ на колесо, приподнялъ бѣглянку, а потомъ отнялъ ея руку и заглянулъ ей въ лицо. Вишь, бѣдняга все плакала, — молвилъ онъ, опять тихо, а онѣ-то, съ-дуру, смѣялись. Не плачь, слезами не поможешь... А знать, натерпѣлась ты много всякаго горя?..

— Пусти, дядюшка... голова у меня чтой-то... прошептала Марья, и опять ничкомъ упала на свое мѣсто. Мужикъ махнулъ рукой, съ-минуту постоялъ молча у телѣги и пошелъ къ себѣ во дворъ. Черезъ нѣсколько времеми онъ вышелъ опять изъ воротъ, таща за собою большую новую циновку; бросилъ онъ ее у калитки, а самъ, прислонившись къ углу избы, сталъ сурово посматривать на толпу бабъ и ребятишекъ, все еще стоявшую посередь улицы, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ телѣги. Недолго еще покалякали промежъ себя втихомолку бабы и мало–по–малу разбрелись въ разныя стороны.

Наконецъ привели и другую лошадь, явился и разсыльный.

— Эй, служивый, крикнулъ мужикъ Калинычу, подько сюда.

Калинычъ подошелъ.

— На, вотъ циновку, молвилъ ему мужикъ, сквозь зубы словно нехотя, прикрой бабёнку-то, покрайности не такъ больно промочитъ... Жаль сердешную! кажись, словно не жилица она на бѣломъ–свѣту. Только ты, служивый, не позабудь, какъ поѣдешь назадъ, доставь циновку-то, — вишь, она новёхонькая...

И не дожидаясь отвѣта, онъ проворно ушелъ за ворота.

«Вишь, добрые люди живутъ еще на свѣтѣ», подумалъ разсыльный, и бережно укрылъ Марью циновкою. На этотъ разъ онъ постарался и усѣсться такъ, чтобъ не тревожить больную.

Дождь совсѣмъ перестalъ, стихъ и вѣтеръ совсѣмъ. Марья согрѣлась подъ циновкою, жаръ уже не такъ мучилъ ее, и головная боль поунялась; но зато муки душев-

ныя терзали ее страшно. Какъ живые, два знакомые образа мелькали безпрестанно передъ ея воображенiемъ: то образъ плачущей матери, истомленной, горемычной старухи, то образъ Алексѣя Алексѣича, тоже мрачный, тоскующiй образъ,—и не могла она отогнать ихъ думою о мужниномъ домѣ, о самомъ постыломъ дуракѣ-мужѣ, о томъ даже, какъ встрѣтятъ ее, бѣглянку, сосѣди и весь людъ деревенскiй. Часто стонала она отъ жгучей боли душевной, и разъ жарко помолилась, чтобы далъ Богъ поскорѣе прiѣхать домой, чтобы далъ Богъ скорѣе закрыть глаза на вѣки-вѣчные.

Но Березники были уже не за горами; сначала показался лѣсокъ, тотъ лѣсокъ съ глубокимъ озеромъ, въ которомъ хотѣла-было утопиться наша бѣглянка; а тамъ выглянула зеленая кровля каменнаго барскаго дома и наконецъ стало видно все селенiе. Подводчикъ сказалъ разсыльному, что это — Березники, а разсыльный счелъ нужнымъ извѣстить объ этомъ Марью.

— Глянь-ко, глянь-ко сюда, молодка, говорилъ онъ, расталкивая Марью, а вотъ и ваша деревня видна... Куда же мнѣ везти-то тебя, — къ барину что-ль, али прямо въ домъ вашъ?

Марья быстро взглянула; вспыхнуло лицо ея, какъ отъ полымя; опять стала бить ее лихорадка, и нѣсколько минутъ она не могла отвѣчать.

— Родимый... лепетала она, ты меня къ матушкѣ... добрый человѣкъ, вези ты меня прямо къ матушкѣ. . тамъ помирать будетъ легче...

— А гдѣ мать твоя живетъ? спросилъ жалостливо разсыльный.

— Вотъ, какъ въѣдешь въ деревню, первый дворъ на лѣвой рукѣ...

Но не пришлось Марьѣ взойдти въ домъ матери: въ самой околицѣ встрѣтился съ подводою староста — и тотчасъ опозналъ, кого везетъ разсыльный. Тутъ же, съ-разу, накинулся онъ на Марью: обругалъ ее всячески; много грозилъ и гнѣвомъ барскимъ, и судомъ на мiру, и тѣмъ, что самъ мужъ, даромъ-что дуракъ, не дастъ потачки женѣ-бѣглянкѣ за такiя худыя ея дѣла. Расходивщiйся не-на-шутку ста-

роста, можетъ, и побилъ бы тутъ бѣглянку, еслибъ не унялъ его разсыльный.

— Ты погоди лаяться-то безъ-толку, сказалъ онъ старостѣ, можетъ, она и худыхъ дѣловъ надѣлала, только теперь что съ нея взять? Вишь, она чуть дышетъ... на-силу и довезъ-то я ее...

— Между-тѣмъ высыпали изъ всѣхъ дворовъ бабы, ребятишки и даже самые мужики. Телѣга тихо двигалась вдоль по улицѣ, къ двору Большаковыхъ; толпа мужиковъ и бабъ съ шумомъ и бранью провожали ее, а ребятишки сновали взадъ и впередъ, хлопая въ ладоши и крича во все горло: «Машку везутъ! Бѣглянку-Машку везутъ!»

Ио кто-то изъ мальчишекъ догадался утѣшить Василису. Опрометью вбѣжалъ онъ къ ней въ избу, въ то время, какъ старуха доставала горшокъ съ щами.

— Баушка, а баушка! крикнулъ мальчуганъ, дочь-то твою, Машку-бѣглянку въ кандалахъ привезли!.. солдатъ, баушка, привезъ!

Старуха помертвѣла отъ ужаса; ухватъ выпалъ у ней изъ рукъ и горшокъ разбился въ-дребезги. Пропали щи бѣдной старухи; но ей ужъ было не до щей, не до ѣды. Всплеснувъ руками, она застонала протяжно, такъ застонала, что мальчуганъ даже оторопѣлъ — и кинулся опрометью, какъ востроногая дѣвчонка, вонъ изъ избы. Она подоспѣла ко двору Большаковыхъ въ ту самую минуту, какъ разсыльный и подводчикъ, съ большимъ трудомъ, вынимали изъ телѣги полумертвую Марью-бѣглянку.

И не стыдъ передъ *добрыми* людьми, а великая скорбь материнская стала терзать душу Василисы. Для ней улица словно пуста была, она видѣла только дочь, измученную отъ горя и болѣзни; она не слыхала укоряющаго голоса всего народа деревенскаго. Бросилась она къ дочери, обхватила ее крѣпко руками и припала вмѣстѣ съ нею на землю.

— И привелъ-то Господь намъ свидѣться! голосила старуха; и привелъ-то въ горѣ, а не въ покоѣ-радости!... Миновались наши красные денечки!.. Сироты мы съ тобою горькія!.. А и нѣтъ намъ съ тобою ни въ чемъ счастьица!.. а и добрымъ людямъ мы въ порокъ завсегда!..

Въ объятьяхъ матери, Марья лежала блѣдная, безъ рѣчей, безъ слезинки; глаза остановились у ней; почти совсѣмъ потухъ въ нихъ огонь жизни, словно въ эту минуту душа ея была готова разстаться съ тѣломъ, но грудь ея высоко подымалась и дышала она труднёхонько.

То было горе истинное, великое горе, и передъ нимъ разомъ замолкъ шумъ и гамъ толпы зрителей, даже бабы, ребятишки — и тѣ перестали щебетать.

Тутъ выползла на улицу Силантьевна и тоже принялась голосить, но голосье ея словно было недоброе: «положила ты срамоты на наши головы, — причитала она, загубила ты сынка моего!.. Домъ-отъ нашъ покинула, въ бѣгахъ была!.. А и чѣмъ мы тебя, змѣю, изобидѣли?.. а и что̀ теперь добры люди станутъ говорить про насъ!...» Но показался наконецъ изъ-за воротъ и самъ Кузя. Шелъ онъ, переваливаясь, съ ноги на ногу, не торопясь, дожевывая послѣднiй кусокъ. Но смекнулъ-таки онъ, что жену къ нему изъ бѣговъ привезли, и тупые глаза его выпучились, ноздри раздулись и ротъ покривился — осклабился.

Одинъ изъ молодыхъ парней подбѣжалъ къ нему, дернулъ за руку и молвилъ ему на ухо:

— Вишь, Кузя, жену тебѣ привезли, — радъ, что ли?

Кузя захохоталъ отрывисто и почесалъ въ затылкѣ.

— А что, продолжалъ молодой парень, поучишь ты свою женушку уму-разуму за то, что въ бѣгахъ была?

— Знамо, поучу!.. во—какъ!.. приободрившись, сказалъ Кузька, и сжалъ крѣпко кулаки.

— А вотъ я тѣ дамъ, плюгавый дуракъ, прикрикнулъ на него Миронъ Андреевъ; аль ты, животина, не видишь, что она чуть жива!

Кузя мигомъ спрятался за ворота отъ сердитаго мужика.

Миронъ Андреевъ да разсыльный высвободили наконецъ Марью изъ объятiй Василисы и бережно внесли ее въ избу Большаковыхъ; за ними вошли туда, но безъ шума и молча, много бабъ и мужиковъ. А когда Марья, упавъ ничкомъ на лавку, нѣсколько разъ, съ прерывистымъ рыданьемъ, громко простонала, многiе изъ бывшихъ въ избѣ стали утирать

себѣ глаза. Да, тутъ было горе, а не срамъ и болѣзнь, тутъ изъ-за горя показывалась всѣмъ, видно, близкая смерть...

И умерла Марья-бѣглянка на другой день, къ вечеру; умерла она не въ памати, — забыла про родную деревню, про всѣхъ близкихъ людей, даже про мать и любимаго человѣка. Но грезились ей передъ смертью все какія-то вольныя, широкія поля; представлялись ей все какіе-то сильные, свѣтлые, вольные люди,—и съ этими грезами о вольныхъ людяхъ перешла она къ вѣчной свободѣ...

С. СЛАВУТИНСКІЙ.

НОВѢСТЬ

ПРО КУПЕЦКАГО СЫНА АКИМА СКВОРЦОВА И ПРО БОЯРСКУЮ ДОЧКУ.

Посвящено А. А. Волкову.

Далеко, далеко
Степь за Волгу ушла.
Въ той степи широко
Буйно воля жила.

—

Часто съ горемъ вдвоемъ;
Но бѣдна да вольна,
Съ казакомъ съ бурлакомъ
Тамъ водилась она.

—

Собирался толпой
Къ ней отвсюду народъ,
Ради льготы одной
Отъ лихихъ воеводъ,

—

Отъ продажныхъ дьяковъ,
Отъ недобрыхъ бояръ,
Отъ безбожныхъ купцовъ,
Что отъ лютыхъ Татаръ.

—

Знать, въ старинный тотъ вѣкъ
Жизнь не въ сладость была,
Что бѣжалъ человѣкъ
Изъ роднаго села.

—

Отчій домъ покидалъ,
Разставался съ женой
И за Волгой искалъ
Только воли одной.

—

Только местью дыша,
И озлобленъ, и лютъ,
Уходилъ, въ чемъ душа,
Куда ноги снесутъ.

—

Уносилъ онъ съ собой,
Что про черный про день
Сбереглось за душой:
Только жизнь да кистень.

—

Что отнять не могло
Притѣсненіе—ножъ;
Да одно ремесло —
Темной ночью грабежъ.

—

И сходился онъ съ ней
Вольной волею тамъ,
И, что звѣрь, на людей
Набѣгалъ по ночамъ.

—

По лѣсамъ, на рѣкѣ
Не щадилъ никого
И съ ножомъ въ кулакѣ
Поджидалъ одного:

—

Чтобъ какой нинаесть
Стенька Разинъ пришелъ
На расплату, на месть
Ихъ собралъ да повелъ.

—

И случалось порой,
Появлялся средь нихъ,
Гдѣ нибудь за рѣкой,
Въ буеракахъ глухихъ.

—

Наставалъ удалецъ,
Словно божескій гнѣвъ,
Подымался, что жнецъ
На готовый посѣвъ.

—

Что колосья въ снопы,
Не боясь воеводъ,
Собиралъ онъ въ толпы
Этотъ буйный народъ.

—

И леталъ онъ грозой,
И свирѣпствовалъ онъ,
И открытой войной
Выходилъ на законъ.

—

Исчезалъ онъ потомъ;
Но пустѣла земля
И бурьяномъ кругомъ
Проростали поля.

—

Охъ поля, вы поля,
Мать родная земля!
Сколько стоновъ и слёзъ
Буйный вѣтеръ разнесъ,
Разметалъ здѣсь и тамъ,
По полямъ, по доламъ,
Вымелъ жатву отъ нихъ,
И замолкъ и затихъ!
Но сторицей оно,
Слёзъ кровавыхъ зерно,
Горькій плодъ свой не разъ
Приносило у насъ.

—

Охъ поля, вы поля,
Мать родная земля,

Пáжить тучная слёзъ,
Гдѣ народъ нашъ возросъ
Натерпѣлся всего...
Не корите жъ его!

—

Миновали года,
Уходилась бѣда,
Горе былью прошло,
И быльемъ поросло,
Только пѣсню народъ,
Словно стонетъ, поетъ.

—

Я видалъ этотъ край,
Край надъ Волгой рѣкой,
Буйной вольницы рай,
И притонъ вѣковой.—

—

Край, откуда орда
Русь давила ярмомъ,
Гдѣ въ былые года
Жилъ казакъ съ бурлакомъ,

—

Гдѣ съ станицей струговъ
Стенька Разинъ гулялъ,
Гдѣ съ бояръ да съ купцовъ
Онъ оброки сбиралъ.

—

Гдѣ, не трогая сёлъ,
По кострамъ городовъ
Божей карой прошелъ
Емельянъ Пугачевъ.

—

Миновалъ этотъ вѣкъ,
Полегчало житье
И забылъ человѣкъ
Удаль-горе свое.

—

И видалъ я теперь
Край надъ Волгой рѣкой:

Какъ затравленный звѣрь,
Смолкъ и замеръ разбой.

—

По рѣкѣ, по лѣсамъ
Цѣпь, петля да топоръ
Съ буйной волею тамъ
Свой покончили споръ.

—

Только пѣснь бурлака
Также плачетъ порой,
Только Волга рѣка
Также плещетъ волной.

—

Я пыталъ у нее
Про былины тѣхъ дней,
Про житье, про бытье
Ея вольныхъ дѣтей.

—

Не сказала она,
Промолчала о томъ,
Старой Волги волна
Не призналась ни въ чёмъ.

—

Я спросилъ у людей
Про минувшіе дни;
Много разныхъ вѣстей
Мнѣ сказали они.

—

Разсказали мнѣ быль
Про Акима Скворца,
Какъ боярская дочь
Полюбила купца....

—

Ахъ ты ноченька, ночь,
Непроглядная тьма,
Непроглядная тьма,
Городская тюрьма!

—

И долга и темна,
Ты тюремная ночь!

И стоитъ предо мной
Все боярская дочь.

—

Что стоишь, что глядишь?
Ну убилъ, такъ убилъ;
А убилъ оттого,
Что ужъ больно любилъ...

—

Охъ, уйди жъ ты, уйди,
Не томи, не кори,
Не смущай ты меня
Отъ зари до зари.

—

Не мѣшай молодцу
Думу думать о томъ,
Какъ отвѣтъ мнѣ держать
Передъ грознымъ судомъ.

—

Ранымъ-рано съ утра
Завтра скажется судъ,
Словно звѣря, меня
На цѣпи поведутъ.

—

Разступись весь народъ,
Дай пройти молодцу;
Поведутъ молодца
На допросъ, не къ вѣнцу.

—

Не гусляръ зазвучитъ
По гремучимъ струнамъ,
Застучатъ кандалы
По рукамъ, по ногамъ.

—

Мимо добрыхъ людей,
Что на смѣхъ, на показъ,
Поведутъ молодца
Въ воеводскій приказъ.

—

Въ тотъ ли грозный приказъ,
Гдѣ въ застѣнкѣ глухомъ,

Ищетъ правды палачъ
И водой и огнемъ.

—

Выйдетъ теменъ и строгъ
Воевода сѣдой,
Поглядитъ мнѣ въ лицо,
Встрѣтитъ рѣчью такой:

—

«Въ добрый часъ молодецъ!
Поджидали тебя.
Правду-истину намъ
Разскажи про себя.

—

Разскажи, не таись,
Какъ тебя величать,
Какъ прозваньемъ слывешь,
Какъ по отчеству звать?

—

Разскажи, не таись,
Кто ты есть молодецъ:
Ты казакъ, аль бурлакъ,
Аль холопъ, аль купецъ?

—

Волгой барки водилъ,
Али самъ торговалъ;
Съ кѣмъ разбойничалъ ты,
Гдѣ притоны держалъ?

—

Разскажи, не таись,
Сколько душъ погубилъ
И боярскую дочь
Для чего ты убилъ?

—

Разскажи, чтобъ намъ знать
Какъ тебя наградить:
Батажьемъ, топоромъ,
Аль петлей подарить?

—

А не скажешь все самъ,
Молодецъ, не взыщи:

На молчальниковъ есть
И дыба и клещи;

—

Имъ откроешь вѣдь все
Какъ и что, почему»....
Поклонюсь я тогда
И отвѣчу ему:

—

Не грози, господинъ,
Попустому ты мнѣ;
Не схочу, не скажу,
Хоть ты жги на огнѣ.

—

Да почто мнѣ таить?...
Отгулялъ молодецъ!
Безъ неё я и такъ
На землѣ не жилецъ.

—

Помирать али жить,
Все равно мнѣ теперь;
Ну такъ слушай меня,
И хошь вѣрь, хошь не вѣрь:

—

Я въ крещеньи Акимъ,
Былъ родитель Тарасъ,
А Скворцами зовутъ
Люди добрые насъ.

—

Торговалъ мой отецъ;
Я купеческій сынъ;
Поспрошай у людей, —
Знаютъ насъ, господинъ.

—

Не корысть молодцу
Въ руки ножъ подала,
Лиходѣйка любовь
До него довела.

—

Лиходѣйка любовь.......
Ну да что толковать?...

Коль ты самъ не знавалъ,
Такъ тебѣ не понять.

—

На Николу зимой
Будетъ годъ, почитай,
Какъ боярыню я
Увидалъ невзначай.

—

Увидалъ я её,
Увидалъ, полюбилъ,
И на эту любовь
Душу всю положилъ.

—

Прослѣдилъ гдѣ живетъ,
Дознаваъ чья была дочь;
Да отстать отъ неё
Мнѣ ужъ было не въ мочь.

—

Сгибла воля въ душѣ
Сталъ я самъ, что не свой;
Только думъ въ головѣ,
Что о ней объ одной.

—

Много принялъ грѣха
Я на душу мою:
Въ божьемъ храмѣ тогда
Что безумный стою;

—

Не молитва была
У меня на умѣ,
Все глядѣлъ на неё
Да горѣлъ какъ въ огнѣ.

—

И добился того,
Дождался молодецъ,
Поглядѣла она
На меня наконецъ.

—

Поглядѣла она,
Моя радость, мой свѣтъ,

И зардѣлась сама,
Словно маковый цвѣтъ.

—

Лихо дѣло начать,
А взглянула ужъ разъ —
И другъ съ друга съ тѣхъ поръ
Не спускали мы глазъ.

—

Я видалъ изъ очей,
Что я ей не постылъ;
А дворянскій лишь сынъ
Сытъ глядѣніемъ былъ.

—

Не дворянскій я сынъ,
Не умѣлъ этимъ жить,
Хоть я вѣдалъ, что спесь
Не сломить не купить,

—

Что ушамъ не рости
Выше лба, господинъ,
Что боярину зять —
Не купеческій сынъ;

—

Что не мужъ для жены,
Нуженъ тестю тутъ зять.
Гдѣжъ мытьё не беретъ,
Надо катаньемъ взять.

—

А я зналъ и про то,
Отъ сѣдыхъ стариковъ,
Что златому ключу
Нѣтъ завѣтныхъ замковъ.

—

И въ боярскомъ дому
Подыскалъ я друзей.
Не скупился для нихъ
Я казною моей;

—

Мамкамъ, нянькамъ ея
Серебра не щадилъ —

И въ свѣтлицу я къ ней
Путь-дорожку пробилъ.

—

Что тамъ было, ну то
Знаетъ Богъ лишь одинъ,
Какъ любился съ княжной
Младъ купеческій сынъ.

—

Скороль, долголь, но разъ
Дождались до грѣха:
Отыскалъ ей отецъ
На Москвѣ жениха.

—

Отыскалъ, приказалъ,
Чтобъ готова была,
И чтобъ съ первой водой
Друга въ гости ждала.

—

Что отъ самой Твери
Онъ къ нимъ Волгой плыветъ,
Много лентъ, соболей
И подарковъ везетъ.

—

Испугалась она:
Пала въ ноги отцу
И молила: её
Не неволить къ вѣнцу.

—

Чтобъ ужъ лучше её
Утопилъ онъ въ рѣкѣ.
Усмѣхнулся отецъ,
Потрепалъ по щекѣ.

—

«Всѣ вы, дѣвки, одно!»
Онъ примолвилъ шутя,
«Твой женихъ молодецъ ,—
Полно плакать, дитя».

—

Въ эту ноченьку я
Къ ней въ свѣтлицу пришелъ —

И, бѣдняжку, её
Въ лютомъ горѣ нашелъ.

—

Что отпѣтый мертвецъ,
Безутѣшна, блѣдна,
Убиваяся, все
Разсказала она.

—

И грозилась при мнѣ,
Чтобъ бѣды не дожить,
Лучше руки самой
На себя наложить.

—

Умоляла помочь
Ея горю тому;
И поклялся я ей,
Что не быть ничему.

—

И повѣрила въ томъ
Мнѣ боярская дочь,
И надъ свадьбой со мной
Просмѣялась всю ночь.

—

Миловала меня
До зари горячо
И заставила ей
Побожиться еще,

—

Что постылый женихъ
Не доѣдетъ до насъ.
И поклялся я ей,
Уходя, еще разъ.

—

Цѣлый день я съ утра
Думалъ думу о томъ,
Какъ мнѣ съ дѣломъ тѣмъ быть:
Какъ мнѣ быть съ женихомъ, —

—

Какъ къ намъ путь заложить,
Лиходѣю, ему?..

Трудно съ дѣломъ такимъ
Совладать одному.

—

Да на Волгѣ ль у насъ
Молодцовъ не сыскать?
Зналъ я, гдѣ ихъ найти,
Гдѣ товарищей взять, —

—

Слухомъ полнится міръ.
Я слыхалъ про кабакъ —
Споконвѣчный притонъ
Всѣхъ бездомныхъ гулякъ,

—

Забубенныхъ проныръ,
Повсесвѣтныхъ жильцовъ,
На чужое добро
Безплатежныхъ купцовъ.

—

Онъ въ глубокомъ яру
По-надъ Волгой стоялъ;
Пройдисвѣтный старикъ
Тамъ гостей принималъ.

—

Всякій вольный народъ,
И бѣглецъ, и бурлакъ,
И сарынщикъ лихой
Въ тотъ сходились кабакъ.

—

Вотъ туда я пошелъ,
Когда кончился день,
Взявъ съ собой серебра,
Да про случай кистень.

—

Шёлъ я ночью одинъ
Чрезъ пустырь въ перевалъ;
Сердце билось въ груди,
Зналъ я, что̀ затѣвалъ.

—

Зналъ я, вѣдалъ про то —
И горѣлъ какъ въ огнѣ;

Но вернуться назадъ
Не подумалось мнѣ.

—

Въ темный яръ я сошелъ.
Вотъ мелькнулъ вдалекѣ
Огонекъ,—я къ нему....
Шумъ и гамъ въ кабакѣ.

—

Пѣсни,—волжскій напѣвъ,
То разгульно лихой,
То унылый, что плачь,
Раздавался порой.

—

Я вошелъ. Вкругъ стола,
По широкимъ скамьямъ,
Съ десять буйныхъ головъ
Прохлаждалися тамъ.

—

И лучина, дымясь,
Освѣщала кабакъ,
Тусклымъ свѣтомъ своимъ
Озаряя гулякъ.

—

Ѣли ужинъ одни;
На столѣ на другомъ
Шумно шёлъ разговоръ
За баклагой съ виномъ.

—

«Хлѣбъ да соль, молодцы!»
Я, входя, имъ сказалъ.
«Хлѣба кушать!» одинъ
Глухо мнѣ проворчалъ.

—

Заслыхавъ чужака,
Шумъ и говоръ затихъ
И недобрый пошелъ
Тихій шепотъ межъ нихъ.

—

И одинъ молодецъ
Вдругъ ко мнѣ подступилъ

И тяжелой рукой
За плечо ухватилъ.

—

«Какъ попалъ ты сюда?
Грозно мнѣ онъ сказалъ.
Говори, отъ кого?
Кто тебя подослалъ?

—

Какъ забрелъ, для чего?
Кто ты самъ-то такой?
Воеводскихъ ярыгъ
Много ль въ слѣдъ за тобой?....»

—

Силой, удалью я
Не обиженъ Творцомъ,
На кулачныхъ бояхъ
Былъ я знанымъ бойцомъ.

—

«Самъ ярыга знать ты» —
Я ему отвѣчалъ. —
«Что суёшься впередъ,
«Коль своихъ не призналъ.»

—

И словчась, молодца
Черезъ лобъ я махнулъ,
И какъ кошку, его
Отъ себя отшвырнулъ,

—

И къ столу подойдя,
Бросилъ горсть серебра.
«Гей! хозяинъ, скорѣй
Подавай полведра.»

—

И придвинувъ скамью,
Между ними я сѣлъ.
Ошалѣлъ мой народъ,
И, дивуясь, смотрѣлъ.

—

«Что глядишь? Али впрямь
Не видали людей?

Кто не трусъ и не пьянъ,
Слушай рѣчи моей:

—

Есть товаръ, да его
Одному не скупить;
Вотъ ищу я купцовъ,
Барыши подѣлить.

—

Будетъ добрый отпоръ,
Будетъ вдоволь добра,
До-отвалу ножей,
Черезъ *край* серебра!

—

Ну, такъ что жъ, молодцы,
Кто же въ долю со мной?»
—«Я»—и «я» раздалось,
«Всѣ съ тобой, всѣ съ тобой!»

—

—«Всѣ, такъ всѣ; въ добрый часъ!
По рукамъ, молодцы,
На чужое добро
Даровые купцы!

—

Нынче пей да гуляй,
Сколько въ душу войдетъ;
Завтра спи, отдыхай,
Пока ночь не придетъ.

—

А чуть ночь, забирай
И кистень и топоръ;
А кто выпьетъ вина,
Тотъ сломалъ уговоръ.

—

Ты жъ, святая душа,
Цѣловальникъ честной,
Добрый будь человѣкъ,
За трудомъ не постой;

—

Подыщи ты для насъ
Двѣ ладейки косыхъ,

Чтобы намъ, молодцамъ,
Покататься на нихъ;

—

Чтобы были онѣ
Какъ стрѣла на ходу;
А за цѣну на споръ
Я, не бойсь, не пойду.»

—

Не отмолвилъ старикъ
Намъ послуги своей,
Подыскалъ двѣ ладьи,
Раздобылъ и снастей.

—

Подыскалъ, снарядилъ
И къ ночи привалилъ,
И на нихъ я моихъ
Молодцовъ разсадилъ.

—

И на весла склонясь,
Молодцы налегли;
Легки лодочки вверхъ,
Колыхаясь, пошли.

—

Вверхъ по Волгѣ рѣкѣ,
По глубокимъ волнамъ
Понеслись челноки
Въ встрѣчу жданымъ гостямъ.

—

Долго, долго мы ихъ
Поджидали въ рѣкѣ.
Показались они
Наконецъ вдалекѣ.

—

Тихо лодка плыла.
Дѣло къ вечеру шло.
Мы слѣдили за ней,
Пока солнце зашло.

—

А чуть смерклось кругомъ,
Вдоль широкой рѣки,

Словно ястребы, къ ней
Понеслись челноки.

—

«Гей, на кичку сарынь!»
Раздалось надъ рѣкой,
И на барку стремглавъ
Мы вскочили толпой.

—

«Всѣ ложись, всѣ замри,
Кому милъ бѣлый свѣтъ,
Кто не хочетъ попасть
Къ осетрамъ на обѣдъ!»

—

И холоповъ толпа
Повалилась ничкомъ,
Только князь молодой
Встрѣтилъ насъ бердышомъ.

—

Словно левъ онъ напалъ,
Налетѣлъ на моихъ
И, одинъ противъ трехъ,
Опрокинулъ двоихъ.

—

«Сторонись! это мой!»
Крикнулъ я сорванцамъ.
«Знай, холопей вяжи,
«Съ этимъ справлюсь я самъ.»

—

И схватились мы съ нимъ,
Съ удалымъ женихомъ, —
И спознался впервой
Я съ кровавымъ грѣхомъ!

—

Онъ взмахнулъ надо мной
Бердышомъ что̀ есть силъ;
Но кистень молодцу
Между глазъ угодилъ....

—

Князь шатнулся; бердышъ
Уронилъ онъ изъ рукъ,

И съ разбитымъ челомъ
На земь грянулся вдругъ.

—

Кровь покрыла лицо
И струилась въ кудряхъ.
У меня самого
Потемнѣло въ глазахъ.

—

Не тайкомъ я его
Повалилъ изъ угла;
Видитъ Богъ, между насъ
Битва честная шла.

—

Но надъ трупомъ его
Какъ шальной я стоялъ.
О, зачѣмъ на мою
Ты дорогу попалъ?..

—

Наконецъ, отъ него
Я, шатаясь, пошелъ,
А на баркѣ грабежъ
Той порой уже шелъ.

—

Молодцы на ладьи
Выгружали добро:
И ковры, и мѣха,
И въ мѣшкахъ серебро.

—

Рылись всюду, всего
Доискались, дошли.
Я глядѣлъ и молчалъ,
Пока все разнесли.

—

Пока барку одинъ,
Забубенный пострѣлъ,
Чтобы скрыть всѣ концы,
Пробуравить хотѣлъ

—

И отправить ее,—
А ужъ съ ней заодно—

И холопей плохихъ
Въ гости къ рыбамъ на дно.

—

Стоилъ крѣпко того
Этотъ бабій народъ;
Да ужъ такъ, пожалѣлъ:
Пусть, подумалъ, живетъ.

—

«Полно, будетъ, шабашъ!
На ладьи, по мѣстамъ!
Что за даромъ губить?»
Крикнулъ я молодцамъ.

—

И велѣлъ только имъ,
Крѣпче трусовъ связать,
Бросить весла въ рѣку
Да кормило сломать.

—

Пусть по волѣ своей
Съ ними Волга творитъ:
Къ берегамъ ихъ прибьетъ,
Али въ море умчитъ.

—

И отъ барки затѣмъ,
Отрубивши канатъ,
Мы на лодкахъ своихъ
Понеслися назадъ.

—

Понеслись челноки
Внизъ по Волгѣ рѣкѣ,
И наутро опять
Были мы въ кабакѣ.

—

И пошелъ тутъ дѣлежъ
Соболей, серебра;
Не дотронулся я
До чужаго добра.

—

«Нѣтъ здѣсь доли моей.
Ваше все!» я сказалъ.

«Не затѣмъ я пришелъ,
Не того я искалъ....

—

«Что искалъ, то нашелъ.
Ну, прощай молодцы!
Да въ гулянкѣ, смотри,
Хороните концы!..

—

«Поминайте добромъ!
А кто знаетъ впередъ? —
Можетъ, встрѣтиться намъ
Снова Богъ приведетъ.»

—

Наградивъ старика,
Наказалъ я ему,
Чтобъ онъ лодки берегъ,
Не давалъ никому.

—

«Поджидай меня годъ,»
Отходя я сказалъ.
«Жди другой,—не приду,
Значитъ, былъ, да пропалъ.

—

«Значитъ, лодки твои,
Хоть сожги, хоть продай,
А до срока, смотри,
Не найду—не пеняй!»

—

И пошелъ я отъ нихъ,
Торопился скорѣй.
И на эту же ночь
Былъ у любы моей.

—

«Что женихъ?»—«Не придетъ!»..
«Отчего?»—«Все равно...
Ну, цѣлуй же скорѣй,
Не видались давно.»

—

И забыла со мной
Все боярская дочь.

И минутой одной
Пронеслась эта ночь.

—

И такихъ не одну
Съ ней провелъ молодецъ.
Поджидалъ жениха
Лишь бояринъ отецъ.

—

Посылалъ онъ гонцовъ,
Всюду розыскъ чинилъ;
Не сыскался женихъ—
Слѣдъ заглохъ и простылъ!..

—

И наскучилъ старикъ
Запоздалаго ждать,
И другихъ жениховъ
Сталъ онъ дочкѣ искать.

—

А красавица дочь
Не залежный товаръ,
По купцовъ для него
Не ходить на базаръ.

—

Сами сыщутъ; продать
Лишь охота-бъ была.
И не чуяли мы,
Какъ бѣда надошла,

—

Какъ подкралась она,
Словно по ночи воръ,
И какъ новый женихъ
Прикатилъ къ намъ на дворъ.

—

Миновала для насъ
Снова радость—житье! —
Грызла ревность меня,
Грызло горе ее.

—

Не о двухъ головахъ
Былъ разлучникъ лихой.

Да, я понялъ теперь,
Что не онъ, такъ другой,

—

Кто нибудь, наконецъ
Мою любу возьметъ,
Не известь цѣлый свѣтъ,
Не избить весь народъ.

—

И задумалъ тогда
Я: боярскую дочь
Изъ хоромъ, отъ отца,
Выкрасть въ темную ночь.

—

Я сказалъ ей про то.—
Обнимая меня,
«На край свѣта съ тобой!»
Отвѣчала она.

—

Я родительскій домъ
Продалъ людямъ чужимъ:
Ухожу въ монастырь,
Я разсказывалъ имъ.

—

Спѣшно собралъ казну,
Не прощаясь ушелъ,
И въ знакомый кабакъ
Темной ночью пошелъ.

—

Цѣловальникъ старикъ
Обѣщанье сдержалъ:
Честно лодки сберегъ,
Молодцовъ подыскалъ.

—

И пошли челноки
Снова Волгой гулять,
Изъ боярскихъ хоромъ
Красну дѣвицу брать.

—

А стояли онѣ
По-надъ самой рѣкой.

Къ нимъ за садомъ присталъ
Я съ ватагой лихой.

—

Средь глубокой ночи
Мы прокралися въ домъ.
Я провелъ молодцовъ
Мнѣ знакомымъ путемъ.

—

Я наказывалъ имъ
Не касаться добра,
Ничего не тащить
Изъ хоромъ иль съ двора.

—

Въ тишинѣ меня ждать,
Положилъ имъ зарокъ;
И къ боярышнѣ самъ
Побѣжалъ въ теремокъ.

—

Но родное гнѣздо
Знать не въ сласть покидать:
Залилася она,
Стала горько рыдать.

—

Жаль мнѣ было её,
Утѣшалъ какъ умѣлъ,
А способный-то часъ
Той порой пролетѣлъ.

—

Соблазнились мои,
Знать, боярскимъ добромъ,
Разбудили народъ,
Всполошили весь домъ.

—

Поднялась бѣготня:
И отецъ, и женихъ,
И холопей толпа...
Дорогъ сталъ каждый мигъ.

—

Дорогъ сталъ каждый мигъ,
А она между тѣмъ

Въ смертномъ страхѣ своемъ
Обомлѣла совсѣмъ.

—

Такъ, безъ чувства ее
Я, голубку, схватилъ
И по лѣстницѣ внизъ
На рукахъ потащилъ.

—

Пробѣжалъ черезъ садъ;
Былъ ужъ близко рѣки.
Молодцы, кто ушелъ,
Собрались въ челноки.

—

Громко звали меня,
Что̀ есть силъ я бѣжалъ,
Но холопей содомъ
На дорогѣ мнѣ сталъ.

—

Тихо ношу мою
Я на землю сложилъ
И отбиться коломъ
Отъ толпы наровилъ.

—

Но примчался женихъ,
Прибѣжалъ и отецъ.
И увидѣлъ я тутъ,
Что пришелъ мой конецъ,

—

Что голубки моей
Больше мнѣ не видать,
Къ ней на бѣлую грудь
Головы не склонять.

—

Не утѣшить души
Ея чудной красой;
Не ласкать, не играть
Ея русой косой.

—

Не глядѣть никогда
Въ очи ясныя ей!...

Будетъ онъ господинъ
Бѣдной любы моей.

—

Съ этой мыслью вся кровь
Закипѣла во мнѣ,
Помутилось въ глазахъ
Какъ въ бреду, какъ во снѣ.

—

«Чѣмъ томиться тебѣ, —
Я подумалъ,—съ другимъ,—
Пропадай моя страсть,
Вмѣстѣ съ другомъ своимъ!..

—

«Не достанься же ты,
Коли-такъ, никому,—
Ни разлапушкой мнѣ,
Ни женою ему!...

—

И послѣднiй разокъ
Я на любу взглянулъ—
И наотмашъ ее
Прямо въ сердце пырнулъ.

—

И съ кровавымъ ножомъ
Я рванулся впередъ.
Думалъ, смерть и меня
Въ этой схваткѣ найдетъ.

—

Не нашла. Самъ отецъ
Оглушилъ бердышомъ —
И попалъ молодецъ
Въ вражьи руки живьёмъ.

—

Погребальный трезвонъ,
Въ храмѣ свѣчи горятъ,
Лики темныхъ иконъ
Какъ-то строго глядятъ.

Въ клубахъ дыму столпы,
Отъ кадильницъ встаютъ

Въ черныхъ ризахъ попы.
Заунывно поютъ.

И монахи толпой,
И тѣснится народъ
Надъ убитой княжной:
Отпѣванье идетъ.

—

Тускло свѣточъ горитъ,
Озаряя подвалъ;
Старый дьякъ тамъ сидитъ,
Старый дьякъ зубоскалъ.

Шуткой рѣчь онъ ведетъ;
А въ подвалѣ глухомъ
Все бесѣда идетъ
У Скворца съ палачомъ.

Слышенъ скрежетъ зубовъ,
Хрустъ суставовъ, костей,
И сопѣнье мѣховъ,
И бряцанье цѣпей.

—

Пала темная ночь.
На погостѣ святомъ
Спитъ боярская дочь,
Подъ могильнымъ крестомъ.

За погостомъ стоитъ
Трехбревенчатый срубъ.
На томъ срубѣ виситъ
И качается трупъ.

Пролита кровь за кровь,
Отнята честь за честь.
Такъ почила любовь;
Такъ покончила месть.

—

Надъ погостомъ кругомъ
Буйный вѣтеръ гулялъ;
Въ дуновеньи одномъ
Крестъ и срубъ обнималъ.

Словно вѣсть приносилъ
Отъ могилки святой,
И какъ-будто мирилъ
Крестъ и срубъ роковой.

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

ОТЖИВШІЙ МІРЪ.

(изъ гейне).

Всѣ мы другъ за другомъ уходимъ со сцены, люди и боги, вѣрованія и преданія... Хорошо бы было сохранить кое-что отъ полнаго забвенія, набальзамировать остатки прошедшаго не безобразнымъ способомъ Ганналя, а тѣми секретными средствами, которыя можно найдти только въ аптекѣ поэта. Да, уходятъ вѣрованія, забываются преданія. Угасаютъ они нетолько въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ, но даже въ самыхъ сѣверныхъ захолустьяхъ земли, гдѣ еще такъ недавно процвѣтали самыя яркія суевѣрія. Миссіонеры, работающіе въ этихъ холодныхъ краяхъ, жалуются на скептицизмъ тамошнихъ жителей. Описывая свое путешествіе на сѣверъ Гренландіи, одинъ датскій проповѣдникъ разсказываетъ, что онъ распрашивалъ одного старика насчетъ существующихъ вѣрованій гренландскаго народа. Старикъ добродушно отвѣчалъ: «прежде вѣровали въ мѣсяцъ, а теперь въ него больше не вѣруютъ».

Какъ странно ремесло писателя! Одному везетъ на этомъ поприщѣ, другому нѣтъ; но несчастнѣе всѣхъ сочинителей конечно мой бѣдный пріятель, Генрихъ Кицлеръ, бакка-

лавръ словесныхъ наукъ геттингенскаго университета. По учености, по богатству идей, по трудолюбію онъ стоитъ выше всѣхъ жителей города Геттингена, и между тѣмъ до сихъ поръ на лейпцигской книжной ярмаркѣ не появилось ни одной его брошюры. Старый библіотекарь Штифель не можетъ удержаться отъ смѣха всякій разъ, какъ Генрихъ Кицлеръ приходитъ къ нему за книгою, говоря, что она ему очень нужна, чтобы окончить сочиненіе, находящееся въ эту минуту подъ его перомъ.—«Долго еще оно останется у тебя подъ перомъ!» бормочетъ старый Штифель, поднимаясь по классической лѣстницѣ къ верхнимъ полкамъ библіотеки.

Кицлера вездѣ считали простякомъ, а по правдѣ сказать, онъ былъ просто честнымъ человѣкомъ. Никто въ мірѣ не зналъ истинной причины, мѣшавшей выходу въ свѣтъ его сочиненій, и я узналъ эту причину случайно, когда, въ одинъ прекрасный вечеръ, зашелъ зажечь свѣчу въ его комнату, находившуюся рядомъ съ моею квартирою. Онъ только-что дописалъ большое сочиненіе «о величіи пиѳагореизма», но его, кажется, не радовало окончаніе труда и онъ задумчиво смотрѣлъ на свою рукопись.

— Вотъ наконецъ, сказалъ я, имя твое появится въ каталогѣ книгъ, продающихся на лейпцигской ярмаркѣ.

— О нѣтъ, отвѣчалъ онъ, глубоко вздыхая, эта книга пойдетъ, должно-быть, въ огонь, какъ и прежнія...

Тутъ онъ открылъ мнѣ ужасную тайну; всякій разъ, какъ онъ оканчивалъ книгу, его поражало величайшее несчастіе. Истощивъ всѣ доказательства въ пользу своего тезиса, онъ считалъ своею обязанностью развить такъ же подробно всѣ возраженія, какія могъ бы представить его противникъ. Становясь на противуположную точку зрѣнія, онъ отыскивалъ самые разительные аргументы, и они, безъ его вѣдома, укоренялись въ его умѣ; сочиненіе было кончено, а между тѣмъ его идеи были уже не тѣ; онѣ стояли уже въ непримиримомъ противорѣчіи съ его прежними воззрѣніями, а Кицлеръ былъ вполнѣ честный человѣкъ и на алтарѣ истины сжигалъ лавры литературной славы, т. е. смѣло бросалъ въ огонь свою рукопись. Вотъ почему онъ

глубоко вздохнулъ, говоря о книгѣ, въ которой онъ доказывалъ величіе пиѳагореизма.

— Я сдѣлалъ столько выписокъ изъ старцевъ, — сказалъ онъ, что этими выписками можно набить двадцать корзинъ. Я цѣлыя ночи напролетъ сидѣлъ за столомъ надъ дѣяніями первыхъ пиѳагорейцевъ, между тѣмъ, какъ въ твоей комнатѣ пили пуншъ и пѣли *Gaudeamus igitur*. Я на 38 трудовыхъ талеровъ накупилъ въ книжной лавкѣ Вандергука и Рупрехта разныхъ историко-философскихъ брошюръ, понадобившихся для моей работы, а на эти деньги можно было купить великолѣпнѣйшую пѣнковую трубку. Я трудился и выбивался изъ силъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, двухъ драгоцѣнныхъ лѣтъ моей жизни, и все это для того, чтобы выставить себя въ смѣшномъ видѣ. Надворная совѣтница Бланкъ спроситъ у меня: — «когда выдетъ въ свѣтъ ваше «величіе пиѳагореизма?», а мнѣ придется опустить глаза въ землю, какъ человѣку, уличенному во лжи. — Вотъ, книга кончена, продолжалъ несчастный труженикъ; она могла бы понравиться публикѣ, потому что въ ней я прославилъ торжество духа надъ плотью и доказалъ, что въ этомъ дѣлѣ истина и разумъ восторжествовали надъ ложью и заблужденіемъ; но я — несчастнѣйшій изъ смертныхъ! Въ глубинѣ души я убѣжденъ въ томъ, что случилось совсѣмъ наоборотъ, что ложь и заблужденіе...

— Молчи, воскликнулъ я, испуганный направленіемъ его мысли, молчи! — Смѣешь ли ты, слѣпецъ, унижать высшую истину и чернить чистѣйшій свѣтъ? Если даже ты дерзаешь сомнѣваться въ чудесахъ пиѳагорейцевъ, ты не можешь отвергнуть того, что торжество пиѳагореизма само по себѣ было чудомъ. Горсть скромныхъ мыслителей побѣдоносно проникла, вопреки цезарямъ и палачамъ, въ римскій міръ, владѣя однимъ оружіемъ—словомъ... Но зато какое слово!.. Прогнившее язычество затрещало по всѣмъ направленіямъ, когда раздался голосъ этихъ героевъ мысли, которые возвѣщая древнему міру новую философію, не боялись ни когтей лютаго звѣря, ни ножа еще болѣе лютаго палача, ни желѣза, ни огня... Сами они были огнемъ и желѣзомъ, огнемъ и желѣзомъ живой истины!.. Это желѣзо обрубило за-

вядшіе листья и засохшія вѣтви древа жизни, и спасло его отъ разложенія. Этотъ огонь разогрѣлъ оледенѣлый корень, и на обновленныхъ вѣтвяхъ показалась свѣжая зелень. Изъ всѣхъ зрѣлищъ, представляющихся намъ во всемірной исторіи, нѣтъ зрѣлища болѣе величественнаго и поразительнаго, какъ это первое появленіе пиѳагореизма, его борьба съ паганизмомъ и его полное торжество!

Я произнесъ эти слова чрезвычайно торжественно, тѣмъ болѣе, что, выпивши въ тотъ вечеръ много эймбекскаго пива, я придалъ своему голосу значительную степень звучности.

Генрихъ Кицлеръ нисколько не тронулся моею рѣчью.

— Другъ мой, отвѣчалъ онъ мнѣ съ грустною ироническою улыбкою, не трудись понапрасну: то, что ты говоришь теперь, я самъ уже обдумалъ прежде, обдумалъ основательно и представилъ такъ наглядно, какъ ты не съумѣешь представить. Въ этой рукописи я описалъ самыми яркими красками развращенную, презрѣнную эпоху язычества. Скажу безъ тщеславія, что смѣлостью кисти я не уступлю лучшимъ произведеніямъ Тацита и Ювенала. Я показалъ, какимъ образомъ, прельщенные примѣромъ своихъ боговъ, Греки и Римляне впали въ грязный развратъ; я сказалъ, что эти боги недостойны даже считаться людьми, если принимать въ соображеніе тѣ преступленія, въ которыхъ ихъ обвиняютъ. Я замѣтилъ, что перваго изъ боговъ, самого Юпитера, слѣдовало бы, по буквѣ ганноверскихъ уголовныхъ законовъ, если не повѣсить, то по крайней мѣрѣ тысячу разъ сослать на галеры. Чтобы представить яркую противуположность, я вслѣдъ за тѣмъ изобразилъ нравственное ученіе пиѳагорейцевъ, и доказалъ, что, слѣдуя примѣру своего великаго учителя, первые пиѳагорейцы въ жизни и ученіи проводили самую чистую нравственность, несмотря на тяготѣвшія надъ ними презрѣніе и преслѣдованія. Наконецъ, исполненный благороднымъ рвеніемъ, я приступаю къ великолѣпнѣйшей части моего труда: я повѣствую, какъ пиѳагореизмъ вступилъ въ бой съ язычествомъ, и какъ, подобно новому Давиду, онъ повергъ во прахъ этого новаго Голіаѳа... Но увы! теперь этотъ поединокъ представляется

моему уму въ странномъ свѣтѣ... Вся моя любовь, весь мой энтузіазмъ къ этой апологіи исчезли, съ той минуты, какъ я узналъ, какимъ причинамъ противники пиѳагореизма приписываютъ его торжество. Не сочувствуя побѣдамъ пиѳагореизма, они не вѣрятъ въ добродѣтели побѣдоносныхъ пиѳагорейцевъ, которые, впослѣдствіи, за неимѣніемъ умственныхъ убѣжденій, обращались къ содѣйствію грубой силы... Сказать ли правду? Кончилось тѣмъ, что я самъ почувствовалъ какую-то грѣховную симпатію къ этимъ свѣтлымъ храмамъ, къ этимъ прелестнымъ статуямъ, которые, съ незапамятныхъ временъ стали принадлежать не мертвой религіи, а вѣчно живому искуству. Однажды, порывшись въ библіотекѣ, я, со слезами на глазахъ, принялся читать слово Ливанія въ защиту греческихъ храмовъ. Старый Эллинъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ умоляетъ фанатиковъ-варваровъ пощадить драгоцѣнныя произведенія искуствъ, которыми пластическій геній Грековъ украсилъ міръ. Напрасная мольба! Цвѣтъ весенняго возраста человѣчества, воспоминанія о такой эпохѣ, которой больше не придется цвѣсти, погибли невозвратно подъ ударами разрушительнаго усердія.

— Нѣтъ, продолжалъ съ усиливающимся жаромъ мой ученый другъ, никогда изданіемъ этого сочиненія я не приложу своей руки къ подобному злодѣянію; нѣтъ, я долженъ сжечь его, какъ сжегъ все, что было написано прежде. О вы, статуи красоты, разбитыя статуи, и вы, маны умершихъ боговъ, милыя тѣни, живущія въ небесахъ поэзіи, васъ я призываю! Примите эту искупительную жертву, вамъ я приношу эту книгу!

И Генрихъ Кицлеръ бросилъ свою рукопись въ огонь, пылавшій въ каминѣ, и скоро «Величіе пиѳагореизма» превратилось въ дотлѣвающій пепелъ.

Это происходило въ Геттингенѣ, зимою 1820 года, за нѣсколько дней до той знаменитой ночи на первое января, въ которую академическій привратникъ Дорисъ получилъ такое страшное количество палочныхъ ударовъ, и въ которую двѣ противуположныя партіи «*Burschenschaft*» и «*Landmannschaft*» послали другъ другу восемьдесятъ пять картелей...

Возвращаюсь къ торжеству пиѳагореизма надъ язычествомъ. Я нисколько не раздѣляю мнѣнія друга моего Кицлера, возстававшаго съ такою горечью противъ *статуе*борческаго фанатизма первыхъ пиѳагорейцевъ; я думаю, напротивъ того, что имъ такъ и слѣдовало поступать. Развѣ они могли щадить древніе храмы и статуи классическаго міра? Въ этихъ памятникахъ жила древнегреческая свѣжесть, въ нихъ жили тѣ свѣтлые нравы, которые, по мнѣнію пиѳагорейцевъ, относятся къ области злыхъ духовъ. Въ статуяхъ и въ храмахъ пиѳагореецъ видѣлъ не одно пустое суевѣріе, не одно случайное заблужденіе; онъ смотрѣлъ на эти храмы какъ на твердыни дьявола, и боги, изображенные этими статуями, представлялись ему дѣйствительно живущими существами; по его мнѣнію, всѣ они были демоны. Поэтому первые пиѳагорейцы ни подъ какимъ видомъ не соглашались приносить жертвы богамъ и поклоняться ихъ изображеніямъ; когда ихъ обвиняли въ безбожіи и тащили въ судилище, они отвѣчали, что не могутъ поклоняться демонамъ. Они шли на истязанія, но ни за что не хотѣли кивнуть головою чорту–Юпитеру, чертовкѣ–Діанѣ, и архи–чертовкѣ Венерѣ. Бѣдные греческіе философы! вы никакъ не могли понять причинъ этого страннаго упорства; не поняли вы и того, что въ полемикѣ противъ пиѳагорейцевъ вамъ надо было отстаивать живую дѣйствительность, а не мертвую доктрину! Очень нужно было въ самомъ дѣлѣ пускать въ ходъ ново-платоническія тонкости, чтобы придавать миѳологіи болѣе глубокое значеніе! очень нужно было одушевлять усопшихъ боговъ новою жизнью, вливать имъ въ жилы новую, символическую кровь, и убиваться надъ опроверженіемъ дубовой полемики первыхъ пиѳагорейцевъ, нападавшихъ на нравственность вашихъ боговъ и позволявшихъ себѣ ѣдкіе сарказмы. Вамъ слѣдовало защищать эссенцію эллинизма, образъ чувствъ и образъ мыслей, всю жизнь эллинскаго общества; надо было всѣми силами сопротивляться пропагандѣ идей и чувствъ, распространявшихся изъ школы пиѳагора. Настоящій вопросъ состоялъ въ томъ, кому господствовать надъ міромъ: строгому ли ученію вѣчно печальныхъ философовъ, изгонявшихъ изъ жизни всѣ человѣческія радости и переио-

сившихъ эти радости въ заоблачныя пространства эфира или свѣтлому, блестящему могуществу греческаго генія, создавшаго культъ красоты и вызвавшаго къ жизни и цвѣту всѣ прелести земли?

До существованія боговъ никому не было дѣла; никто уже не вѣрилъ въ этихъ жителей Олимпа, раздушеннаго амброзіею, но зато какія божественныя наслажденія можно было найдти въ ихъ храмахъ въ праздничные дни, при совершеніи мистерій! Тамъ поклонники божества плясали торжественно, вѣнчая голову свѣжими цвѣтами; тамъ ложились они на пурпурныя ложа и предавались обаянію священнаго покоя, а иногда находили и другія, болѣе живыя отрады... Эти радости, эти звонкіе переливы смѣха давно умолкли. Въ развалинахъ храмовъ живутъ еще прежніе боги древности, но въ народныхъ вѣрованіяхъ они давно потеряли все свое могущество; они превратились въ злыхъ демоновъ; они прячутся впродолженіе дня, и при наступленіи ночи выходятъ изъ своихъ жилищъ; облекаясь въ граціозныя формы, они сбиваютъ съ пути бѣдныхъ путешественниковъ и вводятъ въ бѣду неопытныхъ смѣльчаковъ.

Это народное повѣрье подаетъ поводъ къ самымъ чудеснымъ легендамъ. Изъ этого источника нѣмецкіе поэты почерпаютъ сюжеты для самыхъ обаятельныхъ произведеній фантазіи. Дѣйствіе обыкновенно происходитъ въ Италіи, а героемъ приключенія является какой-нибудь нѣмецкій рыцарь, красивый, свѣжій юноша, неопытный, незнающій жизни и, слѣдовательно, легко поддающійся обаятельнымъ искушеніямъ миловидныхъ демоновъ. Въ одинъ прекрасный осенній день, рыцарь прогуливается одинъ, вдали отъ всякаго жилья, мечтая о лѣсахъ далекой родины и о молодой бѣлокурой дѣвушкѣ, которую онъ, вѣтренникъ, оставилъ тамъ, въ отчизнѣ! Вдругъ онъ видитъ статую и останавливается въ изумленіи. Чуть ли это не сама богиня Афродита? Онъ смотритъ ей прямо въ лицо, и его юное сердце поддается вѣянію древней красоты. Онъ не смѣетъ вѣрить глазамъ. Никогда въ жизни не видалъ онъ такихъ прелестныхъ очертаній. Подъ бѣлымъ мраморомъ онъ чуетъ присутствіе горячей жизни, горячѣе той крови, которая течетъ въ ру-

мяныхъ щекахъ молодыхъ дѣвушекъ его роднаго края. Эти бѣлые глаза смотрятъ на него, и въ этомъ взорѣ столько нѣги и столько томительной грусти, что грудь его вздымается отъ любви и отъ жалости, отъ жалости и отъ любви. Съ этой минуты онъ часто бродитъ среди развалинъ, къ удивленію своихъ знакомыхъ, которые замѣчаютъ, что онъ не посѣщаетъ больше ни разгульныхъ пировъ, ни рыцарскихъ турнировъ. Прогулки его начинаютъ подавать поводъ къ страннымъ слухамъ. Однажды утромъ, молодой чудакъ поспѣшно входитъ въ свою гостиницу, лицо его блѣдно и взволновано; онъ торопливо расплачивается, укладываетъ чемоданъ и быстро уходитъ за Альпы, на родину.

Что же съ нимъ случилось?

Носятся слухи, будто, однажды вечеромъ, онъ, позднѣе обыкновеннаго, отправился къ своимъ любимымъ развалинамъ. Солнце сѣло и ночныя тѣни покрыли тѣ мѣста, гдѣ онъ каждый день, по цѣлымъ часамъ любовался статуею своей прекрасной богини. Долго бродилъ онъ, не обращая вниманія на мѣстность,—и вдругъ очутился передъ виллою, которую до того времени ему не случалось замѣтить. Каково же было его удивленіе, когда слуги, съ факелами въ рукахъ, вышли къ нему навстрѣчу и пригласили его зайдти на ночь въ эту виллу! Удивленіе его удвоилось, когда онъ вошелъ въ большую, освѣщенную залу; по этой залѣ ходила, совершенно одна, женщина, которая чертами лица и тѣлосложеніемъ была поразительно похожа на его прекрасную любимую статую. Сходство было полное, тѣмъ болѣе, что владѣтельница виллы была одѣта въ кисейное платье ослѣпительной бѣлизны, и что лицо ея было чрезвычайно блѣдно. Рыцарь почтительно поклонился ей, она молча посмотрѣла на него пристальнымъ, серьёзнымъ взоромъ, потомъ спросила, не хочетъ ли онъ поѣсть. Рыцарь чувствовалъ, что у него сильно бьется сердце, но, несмотря на то, у него былъ чисто-германскій желудокъ. Послѣ продолжительной ходьбы, онъ чувствовалъ потребность подкрѣпиться, и не отказался отъ приглашенія красавицы. Хозяйка дружески взяла его за руку, и онъ пошелъ за нею по обширнымъ заламъ, въ которыхъ звонко раздавались шаги, и ко-

торыя, при всемъ своемъ великолѣпіи, производили невыразимо-грустное впечатлѣніе. Жирандоли бросали блѣдный свѣтъ на стѣны, расписанныя пестрыми фресками, изображавшими разныя языческія исторіи, въ родѣ любовныхъ похожденій Париса и Елены, Діаны и Эндиміона, Калипсо и Одиссея. Въ мраморныхъ вазахъ, разставленныхъ передъ окнами, качались на стебляхъ своихъ большіе фантастическіе цвѣты, распространявшіе въ воздухѣ какой-то мертвящій, одуряющій ароматъ. Завываніе вѣтра въ пустыхъ каминахъ напоминало хрипѣніе умирающаго. Рыцарь и дама пришли въ столовую; красавица сѣла напротивъ юноши, стала разливать вино, и улыбаясь, предложила ему самыя тонкія кушанья. Нашлось много удивительнаго для нашего наивнаго Нѣмца! Онъ спросилъ соли; оказалось, что ея на столѣ не было, и при словахъ гостя, бѣлое лицо хозяйки передернулось почти безобразнымъ содроганіемъ; рыцарю пришлось нѣсколько разъ повторить свою просьбу, и наконецъ дама съ замѣтнымъ неудовольствіемъ приказала своимъ слугамъ принести солонку. Слуги дрожали, ставя ее на столъ и просыпали половину соли. Между тѣмъ благородное вино огневымъ потокомъ скользило въ тевтонскую глотку нашего юноши, и неясный страхъ, волновавшій его порою, совершенно разсѣялся. Скоро онъ сдѣлался довѣрчивымъ, почувствовалъ веселое расположеніе духа, т. е. нервовъ, и когда красавица спросила у него, умѣетъ ли онъ любить, онъ отвѣчалъ ей жгучими поцѣлуями. Упоенный любовью, а можетъ быть и виномъ, онъ скоро заснулъ на груди своей возлюбленной. Тутъ въ мозгу его зароились смутные сны, подобные тѣмъ видѣніямъ, которыя тревожатъ насъ въ горячечномъ бреду. То видитъ онъ, какъ его старая бабушка, сидя въ большомъ креслѣ, поспѣшно, ворочая губами, шепчетъ ночную молитву. То слышится ему насмѣшливый хохотъ огромныхъ летучихъ мышей; онѣ шныряютъ вокругъ него; въ когтяхъ у нихъ факелы; онъ приглядывается къ нимъ и какъ-будто узнаетъ лица тѣхъ слугъ, которые подавали ужинъ. Наконецъ ему пригрезилось, что красавица-хозяйка превратилась въ отвратительное чудовище, и что онъ самъ, въ страшныхъ предсмертныхъ мученіяхъ, рубитъ

ей голову.—На утро слѣдующаго дня, рыцарь очнулся отъ своего летаргическаго усыпленія; великолѣпная вилла, въ которой онъ заснулъ вечеромъ, исчезла; вокругъ него были тѣ развалины, которыя онъ посѣщалъ всякій день, и онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что мраморная статуя, которую онъ любилъ такъ сильно, была опрокинута съ пьедестала, и что у ногъ его лежала голова, отбитая отъ туловища.

Вотъ другой разсказъ, сходный съ первымъ по характеру. Одинъ молодой рыцарь былъ съ пріятелями въ одной виллѣ возлѣ Рима и игралъ съ ними въ лапту; онъ снялъ съ пальца кольцо, мѣшавшее ему играть, и, чтобы оно не потерялось, надѣлъ его на палецъ одной статуи, изображавшей языческую богиню. Игра кончилась, молодой человѣкъ подошелъ къ статуѣ, и ужаснулся: палецъ мраморной женщины оказался согнутымъ! Чтобы снять кольцо, надо было сломать ей руку, и нашъ рыцарь не рѣшился этого сдѣлать, по какому-то неопредѣленному чувству жалости. Онъ побѣжалъ за своими спутниками, разсказалъ имъ о случившемся чудѣ и просилъ ихъ собственными глазами убѣдиться въ вѣрности его словъ. Они вмѣстѣ съ нимъ отправились къ статуѣ, но палецъ ея снова выпрямился и кольца на немъ уже не было. Черезъ нѣсколько времени, нашъ рыцарь рѣшился жениться и бракъ было совершенъ. Въ самую брачную ночь, въ ту минуту, когда онъ собирался лечь на постель, къ нему подошла женщина, совершенно похожая на ту статую чертами лица и формами тѣла; она сказала ему, что ихъ обручило то кольцо, которое онъ надѣлъ ей на палецъ, и что съ того времени онъ принадлежитъ ей, какъ законный супругъ. Рыцарь напрасно старался отдѣлаться отъ ея странныхъ притязаній: женщина-статуя постоянно становилась между нимъ и его женою, мѣшала ему приблизиться къ ней, и въ эту ночь отняла у него возможность воспользоваться радостями брачнаго ложа. То же самое повторилось на вторую и на третью ночь. Рыцарь сталъ тосковать и задумываться. Никто не могъ помочь его горю, и даже самые благочестивые люди только качали головами; наконецъ онъ отъ кого-то услышалъ объ отшельникѣ Палумнусѣ, который будто бы многимъ помо-

галъ противъ чародѣяній демоновъ. Онъ отправился къ этому отшельнику и сталъ его упрашивать; Палумнусъ долго не рѣшался выручить его изъ бѣды и говорилъ, что ему самому придется подвергать себя страшнымъ опасностямъ. Кончилось тѣмъ, что онъ написалъ на маленькомъ лоскуткѣ пергамена нѣсколько непонятныхъ знаковъ, и далъ заколдованному рыцарю необходимыя инструкціи. Онъ приказалъ ему стать въ полночь на одинъ перекрестокъ, находящійся въ окрестностяхъ Рима; предупредилъ его, что онъ увидитъ самыя странныя явленія и совѣтовалъ не робѣть передъ тѣмъ, что ему привидится и прислышится. Въ ту минуту, когда покажется та женщина, которой онъ надѣлъ на палецъ свое кольцо, рыцарь долженъ подойдти къ ней и показать ей пергаменную записку. Нашъ герой буквально исполнилъ приказанія. Сердце его сильно билось, когда, ровно въ полночь, находясь на означенномъ перекресткѣ, онъ увидѣлъ передъ собою странную процессію. То были мужчины и женщины, блѣдные, прекрасные, великолѣпно, роскошно одѣтые въ праздничныя одежды временъ языческой древности; одни шли въ золотыхъ коронахъ, другіе, увѣнчанные лаврами, медленно подвигались впередъ, печально склоняя голову на грудь; иные обнаруживали безпокойство и съ трепетнымъ благоговѣніемъ несли разныя серебряныя вазы и другую утварь, принадлежавшую къ жертвоприношеніямъ древнихъ храмовъ. Среди пестрой толпы виднѣлись огромные, золоторогіе волы, украшенные цвѣточными гирляндами и, наконецъ, на великолѣпной тріумфальной колесницѣ, увѣшанной пурпуромъ и увѣнчанной розами, ѣхала сама богиня, сіяющая роскошными очертаніями тѣла и ослѣпительною красотою. Рыцарь узналъ въ ней ту женщину, у которой находилось его кольцо, смѣло подошелъ къ колесницѣ и показалъ богинѣ пергаменъ отшельника Палумнуса. Какъ только богиня взглянула на буквы, написанныя на пергаменѣ, она подняла руки къ небу и закричала жалобнымъ голосомъ. Слезы покатились изъ ея глазъ и она сказала съ отчаяніемъ:

— Жестокій отшельникъ Палумнусъ! Мало тебѣ того зла, которое ты намъ надѣлалъ такъ недавно! Впрочемъ

твоимъ преслѣдованіямъ скоро настанетъ конецъ, жестокій отшельникъ Палумнусъ!

Она отдала рыцарю кольцо, и на слѣдующую ночь уже ни что не мѣшало соединенію молодыхъ супруговъ. Отшельникъ Палумнусъ умеръ черезъ три дня послѣ этого событія.

Я въ первый разъ прочелъ эту исторію въ *Mons veneris* Корнмана. Нѣсколько времени тому назадъ я нашелъ ее во второй разъ въ нелѣпой книгѣ Делріо о колдовствѣ; она извлечена имъ изъ испанскихъ источниковъ и вѣроятно возникла на Пиринейскомъ полуостровѣ. Сочиненіе Корнмана представляетъ всего болѣе данныхъ для того предмета, о которомъ я говорю. Давно уже оно не попадалось мнѣ въ руки, и я могу говорить о немъ только по воспоминаніямъ. Но эта книжка, состоящая изъ 200 или 250 страницъ, напечатанная старымъ, прелестнымъ готическимъ шрифтомъ, не выходитъ изъ моей памяти. Она вѣроятно была издана около половины XVII столѣтія. Статья «о стихійныхъ духахъ» написана въ ней очень фундаментально, и авторъ приводитъ въ ней много чудесныхъ разсказовъ о горѣ Венеры. По примѣру Корнмана я долженъ былъ, по поводу стихійныхъ духовъ, говорить также о превращеніи древнихъ божествъ. Нѣтъ, эти божества не простые призраки; они — существа не созданныя, безсмертныя, и торжество Христа принудило ихъ удалиться въ мрачный подземный міръ. Нѣмецкая легенда о Венерѣ, какъ о богинѣ красоты и любви, представляетъ совершенно своеобразный характеръ: это классическій романтизмъ. Германскія легенды говорятъ, что Венера, послѣ разрушенія послѣднихъ языческихъ храмовъ, убѣжала въ нѣдра таинственной горы, и въ этой горѣ, окруженная самыми рѣзвыми сильванами и сильфидами, самыми прелестными дріадами и амадріадами, ведетъ веселую жизнь вмѣстѣ со многими знаменитыми героями, исчезнувшими непонятнымъ образомъ со сцены міра. Когда вы подходите къ этому жилищу Венеры, вы уже на дальнемъ разстояніи слышите звонкій смѣхъ и нѣжные звуки гитары, которые, подобно незримымъ сѣтямъ, опутываютъ ваше сердце и привлекаютъ васъ къ очаровательной горѣ. Къ счастью для васъ, старый рыцарь, котораго зовутъ вѣрнымъ Экар-

томъ, стоитъ на часахъ и караулитъ двери горы. Неподвижный, какъ статуя, онъ опирается на свой большой, боевой мечъ, но голова его, бѣлая какъ снѣгъ, постоянно дрожитъ слегка и печально увѣдомляетъ васъ о тѣхъ обаятельныхъ опасностяхъ, которыя васъ ожидаютъ. Одни чувствуютъ страхъ и одумываются во-время; другіе не слушаютъ дребезжащаго голоса вѣрнаго Экарта и очертя-голову кидаются въ омутъ проклятыхъ наслажденій. Нѣсколько времени все идетъ превосходно. Но человѣкъ не можетъ постоянно веселиться; порою онъ становится молчаливъ и серьезенъ, и задумывается о прошедшемъ, потому что прошедшее есть родина его души. Онъ начинаетъ тосковать по этой родинѣ; ему хочется снова перечувствовать прежнія ощущенія, пожалуй даже прежнюю печаль и страданіе. Это случилось въ Тангейзеромъ, и пѣсня, въ которой разсказаны его несчастія, представляетъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ лингвистическихъ памятниковъ, сохранившихся, путемъ преданія, въ устахъ нѣмецкаго народа. Я въ первый разъ прочелъ эту пѣсню въ книгѣ Корнмана. Преторій почти буквально заимствовалъ ее у него, а компиляторы *Wunderhorn'a* перепечатывали ее изъ Преторія. Трудно опредѣлить положительно, въ какое время возникла легенда о Тангейзерѣ. Ее можно встрѣтить на летучихъ листкахъ, напечатанныхъ вскорѣ послѣ изобрѣтенія типографскаго искуства. Существуетъ также новая обработка этого сюжета, сходная съ оригинальною поэмою только по нѣкоторой вѣрности чувства. Такъ какъ у меня находится, безъ всякаго сомнѣнія, единственный экземпляръ этого обновленнаго Тангейзера, то я его здѣсь напечатаю:

Не попадайтесь, эссіане,
Въ тенета демоновъ лукавыхъ,
Я о Тангейзерѣ легенду
Вамъ пропою для назиданья.

—

Тангейзеръ, рыцарь благородный,
Хотѣлъ любовью насладиться.

Въ горѣ Венеры поселившись,
Семь лѣтъ провелъ онъ въ сладкой нѣгѣ.

—

—«Прощай, красавица Венера!
Прощай, прелестная подруга,
Я больше жить съ тобой не стану.
Пусти меня. Пора мнѣ ѣхать.»

—

—«Тангейзеръ! Ты, мой милый рыцарь,
Не цѣловалъ меня сегодня.
Поди ко мнѣ, цѣлуй скорѣе
И разскажи о чемъ тоскуешь?—

—

«Я каждый день сама твой кубокъ
Виномъ отмѣннымъ наполняла,
Чело твое я ежедневно
Вѣнчала розами живыми.»—

—

—«Венера, милая подруга!
Вино, веселье, поцѣлуи
Давно ужъ сердцу надоѣли
И я теперь прошу страданій.

—

«Мы все шутили, все смѣялись,
Теперь я слезъ ищу и скорби,
И вмѣсто розъ, колючимъ терномъ
Хочу я голову украсить.»

—

—«Тангейзеръ, рыцарь благородный,
Ты просто ссориться рѣшился;
Ты сотни разъ давалъ мнѣ клятву,
Что вѣчно будешь жить со мною.

—

«Пойдемъ, запремся въ нашей спальнѣ,
Займемся нѣжною забавой,
И ты легко печаль разгонишь,
Роскошнымъ тѣломъ наслаждаясь.»

—

—«Нѣтъ, нѣтъ, прелестная Венера,
Твоя краса не увядаетъ,

Она ужъ многихъ обольстила
И многихъ, многихъ очаруетъ.

—

«Роскошнымъ тѣломъ наслаждались
Герои, смертные и боги,
И мнѣ какъ будто непріятна
Твоя краса при этой мысли.

—

«Она еще доставитъ многимъ
Минуты жгучаго блаженства.
Я на нее, при этой мысли,
Смотрю съ глубокимъ отвращеньемъ.»

—

—«Тангейзеръ, ты меня обидѣлъ
Своими жесткими словами.
Бывало, меньше я страдала,
Когда ты билъ меня въ досадѣ.

—

«Да, легче вынести побои,
Эссіанинъ неблагодарный,
Чѣмъ эти наглые упреки,
Въ которыхъ честь моя страдаетъ.

—

«За то, что я тебя любила,
Пришлось мнѣ слушать эти рѣчи.
Прощай, мой другъ, ты можешь ѣхать,
Я отворю сама ворота.»

—

II.

Поютъ, звонятъ въ священномъ Римѣ,
Идутъ торжественно прелаты,
И папа въ полномъ облаченьи
Ведетъ процессію къ собору.

—

На головѣ Урбана-папы
Блеститъ тіара золотая

И пурпуръ мантіи широкой
Несутъ надменные бароны.

—

—«Святой отецъ! Урбанъ владыка!
Остановись! Я предъ тобою
Хочу грѣхи свои повѣдать.
Избавь меня отъ муки ада.»—

—

Толпа раздвинулась. Умолкли
Святыя пѣсни; передъ папой,
Въ изнеможеньи, на колѣни,
Блѣднѣя, грѣшникъ опустился.

—

—«Святой отецъ! Великій папа!
Ты здѣсь и судишь и прощаешь,
Спаси меня отъ муки ада
И отгони враговъ лукавыхъ.

—

«Я рыцарь. Имя мнѣ Тангейзеръ.
Въ любви искалъ я наслажденій,
Въ горѣ Венеры поселился,
И жилъ семь лѣтъ въ веселой нѣгѣ.

—

«Венера дивной красотою
Всѣхъ женщинъ въ мірѣ превосходитъ,
И даже голосъ каждымъ звукомъ
Отраду въ душу проливаетъ.

—

«Какъ мотылекъ къ цвѣтку несется,
Чтобъ подышать его дыханьемъ,
Такъ у меня стремилось сердце
Къ ея губамъ, какъ роза, свѣжимъ.

—

«Ея лицо потокомъ темнымъ
Густыя кудри окаймляли
И я дышать не могъ подъ взглядомъ
Очей большихъ, живыхъ и кроткихъ.

—

«Когда встрѣчалъ я эти взоры,
Я оставался безъ движенья

И я едва собрался съ духомъ,
Чтобъ изъ горы проклятой выйдти.

—

«Я убѣжалъ, но нѣтъ спасенья:
Тѣ взоры гонятся за мною;
Ея глаза зовутъ и манятъ,
Твердятъ: вернись! вернись скорѣе!—

—

«Я днемъ брожу, какъ привидѣнье,
А ночью жизнь моя приходитъ:
Во снѣ красавицу я вижу.
Она сидитъ со мною рядомъ,

—

«Смѣется весело, безумно,
Зубами бѣлыми сверкаетъ...
Какъ вспомню я объ этомъ смѣхѣ,
Такъ и польются слезы градомъ.

—

«Ее люблю я безгранично.
Моя любовь неукротима,
Неукротима, точно волны
Рѣки, разрушившей плотину.

—

«И эти волны по утесамъ
Клубятся, пѣнятся, грохочутъ,
Дробятъ препятствія, и сами
Дробятся въ бѣшеныхъ порывахъ.

—

«Моя любовь меня сжигаетъ...
Изныла грудь, истлѣло сердце!
Ужели это муки ада?
Ужель огонь неугасимый?—

—

«Святой отецъ, Урбанъ владыко,
Ты здѣсь и вяжешь и прощаешь,
Спаси, спаси меня отъ ада
И прогони враговъ лукавыхъ...»

—

Но папа къ небу поднялъ руки
И съ тихимъ вздохомъ рѣчь промолвилъ:

«Несчастный рыцарь, я не въ силахъ
Тебя отъ дьявола избавить.

—

«Венера — самый лютый демонъ:
И изъ когтей ея прелестныхъ
Я не смогу и не съумѣю
Спасти погибшее созданье.

—

«И ты душой своей заплатишь
За то, что плотью наслаждался;
Ты осужденъ теперь, ты проклятъ,
Твои мученья безконечны.»

—

III.

Тангейзеръ быстрыми шагами
Идетъ и въ кровь стираетъ ноги,
И въ часъ таинственный полночи
Подходитъ онъ къ горѣ Венеры.

—

Проснулась милая Венера
И поднялась поспѣшно съ ложа,
И обняла, и приласкала
Любимца нѣжными руками.

—

Но рыцарь нашъ не молвитъ слова
И на постель ложится молча,
А между тѣмъ Венера въ кухнѣ
Ему варитъ поспѣшно ужинъ.

—

Вотъ поданъ супъ, и хлѣбъ отрѣзанъ;
Размыты раненыя ноги,
Причесанъ путникъ нашъ косматый
И улыбается хозяйка.

—

—«Тангейзеръ, доблестный мой рыцарь!
Ты очень долго былъ въ отлучкѣ.

Въ какихъ странахъ, скажи, мой милый,
Ты въ это время находился?»

—

—«Венера, милая подруга,
Я былъ въ Италіи и въ Римѣ;
Я по дѣламъ туда поѣхалъ,
Дѣла покончилъ и вернулся.

—

«Римъ на семи холмахъ построенъ,
И орошенъ рѣкою Тибромъ.
Я въ Римѣ съ папой повидался.
Тебѣ велѣлъ онъ поклониться.

—

«Черезъ Флоренцію изъ Рима
Я шелъ домой; Миланъ я видѣлъ,
И черезъ снѣжныя вершины
Альпійскихъ горъ пошелъ я смѣло.

—

«Пока я шелъ въ горахъ Альпійскихъ,
Валился снѣгъ, и улыбалась
Озеръ поверхность голубая,
И крикъ орловъ вблизи я слышалъ.

—

«Съ вершины льдистой Сенъ-Готарда
Я слышалъ, какъ храпѣла громко
Страна Германцевъ добродушныхъ,
Уснувшихъ мирнымъ сномъ дитяти.

—

«Спѣшилъ къ тебѣ я воротиться,
Венера милая; съ тобою
Мнѣ хорошо и я останусь
На вѣкъ въ горѣ твоей волшебной.»

—

Я не хочу обманывать публику ни въ стихахъ, ни въ прозѣ, и сознаюсь откровенно, что приведенная мною поэма написана мною, а не заимствована у какого нибудь средневѣковаго *Миннезингера*. Впрочемъ, у меня является желаніе выписать здѣсь и ту оригинальную поэму, въ которой ста-

ринный поэтъ обработалъ тотъ же сюжетъ. Это сближеніе будетъ очень интересно и очень поучительно для критика, который захочетъ прослѣдить, какимъ образомъ два поэта двухъ совершенно противуположныхъ эпохъ обработали ту же легенду, сохраняя колоритъ времени, размѣръ подлинника и сходясь между собою даже въ рамкѣ событія. Духъ обѣихъ эпохъ долженъ ясно обозначиться вслѣдствіе такого сближенія, которое можно было бы назвать эпизодомъ сравнительной анатоміи въ дѣлѣ литературы. Дѣйствительно, читая параллельно эти двѣ поэмы, можно замѣтить, что у древняго поэта преобладаетъ первобытный элементъ вѣры, а у новаго поэта, родившагося въ началѣ XIX столѣтія, обнаруживается скептическое направленіе его эпохи; видно, что послѣдній, не находясь подъ вліяніемъ какого бы то ни было авторитета, открываетъ свободное поприще своей фантазіи, и поетъ, желая только хорошо выразить въ своихъ стихахъ чисто человѣческія чувства. Старинный поэтъ, напротивъ того, остается подъ вліяніемъ клерикальнаго авторитета; у него есть дидактическая цѣль; онъ хочетъ прославить религіозный догматъ, онъ проповѣдуетъ добродѣтель милосердія, и послѣднее слово его поэмы клонится къ тому, чтобы доказать силу покаянія, смывающаго всякіе грѣхи. Онъ даже папу упрекаетъ въ томъ, что онъ забылъ эту высокую христіанскую истину, и папа, видя, что у него въ рукахъ начинаетъ зеленѣть засохшій жезлъ, узнаетъ, слишкомъ поздно, неизмѣримую глубину божественнаго милосердія. Вотъ слова стараго поэта:

«Но теперь я начну. Мы будемъ пѣть Тангейзера и разскажемъ тѣ чудеса, которыя случились съ нимъ у дамы Венеры.

«Тангейзеръ былъ добрый рыцарь; онъ хотѣлъ видѣть великія чудеса; тогда онъ пошелъ въ гору Венеры, гдѣ было много красивыхъ женщинъ.

«Тангейзеръ, мой добрый рыцарь, я тебя люблю, ты этого не забывай, ты мнѣ клялся, что никогда не оставишь меня.»

«Венера, прекрасная дама моя, я этого не говорилъ, я

этому буду противорѣчить; ты сама это говорила, Богъ мнѣ свидѣтель.»

—«Тангейзеръ, мой добрый рыцарь, что ты говоришь! ты долженъ оставаться съ нами. Я дамъ тебѣ въ супруги одну изъ моихъ спутницъ.»

—«Если я возьму другую жену, вмѣсто той, которую я ношу въ сердцѣ, мнѣ придется вѣчно горѣть въ адскомъ огнѣ.»

—«Ты много говоришь объ адскомъ огнѣ, а между тѣмъ не испыталъ его. Подумай о моихъ розовыхъ устахъ, улыбающихся ежеминутно.»

—«На что мнѣ твои розовыя уста? Они мнѣ очень опасны. Позволь мнѣ уѣхать, о Венера, нѣжная дама моя! Умоляю тебя честью всѣхъ женщинъ!»

—«Тангейзеръ, добрый мой рыцарь, если ты хочешь ѣхать, я тебя не пущу. О, останься, благородный, милый рыцарь, и освѣжи свою душу.»

—«Моя душа заболѣла. Я не могу больше оставаться. Отпусти меня, о нѣжная дама, я не могу видѣть твоего прекраснаго тѣла.»

—«Тангейзеръ, мой добрый рыцарь, не говори такъ, ты не въ своемъ умѣ. Пойдемъ ко мнѣ въ спальню, займемся нѣжными забавами любви.»

—«Твоя любовь мнѣ въ тягость. Мнѣ пришло въ голову, о Венера, благородная и нѣжная дама, что ты—чертовка.»

—«Тангейзеръ! ахъ, зачѣмъ ты такъ говоришь? Развѣ ты хочешь оскорблять меня? Если ты еще останешься съ нами, ты поплатишься за эти слова.

«Тангейзеръ, если ты хочешь ѣхать, простись съ моими рыцарями, и, куда бы ты ни поѣхалъ, прославляй вездѣ мое могущество.»

«Тангейзеръ вышелъ изъ горы, исполненный горести и раскаянія.

— «Я пойду въ Римъ, въ благочестивый городъ и совершенно довѣрюсь папѣ.

«Я весело пускаюсь въ дорогу, подъ покровительствомъ божіимъ; иду къ папѣ, котораго зовутъ Урбаномъ и посмо—

трю, захочетъ ли онъ принять меня подъ свое святое заступничество.

«О, святой папа Урбанъ, мой отецъ духовный! Я передъ тобою обвиняю себя въ грѣхахъ, сотворенныхъ мною въ жизни.

«Я цѣлый годъ пробылъ у красивой дамы Венеры. Теперь я хочу покаяться, и очиститься, и испросить прощеніе у Бога.»

«Папа держалъ въ рукѣ бѣлую палку, сдѣланную изъ сухой вѣтки.

—«Когда эта палка покроется листьями, тебѣ отпустятся твои грѣхи.»

—«Еслибы я прожилъ только одинъ годъ, одинъ годъ на этой землѣ, я желалъ бы покаяться и очиститься, и испросить прощеніе у Бога.»

«Рыцарь вышелъ изъ города, исполненный горести и страданія, и пошелъ назадъ въ гору, навсегда и на вѣки къ Венерѣ, къ своей нѣжной дамѣ.

—«Здравствуй, мой добрый Тангейзеръ; я долго объ тебѣ тосковала; здравствуй, мой возлюбленный рыцарь, мой герой; ты остался мнѣ вѣренъ и вернулся.»

«Вслѣдъ затѣмъ, на третій день, папская палка начала зеленѣть; тогда послали гонцевъ во всѣ земли, черезъ которыя проходилъ Тангейзеръ.

«Онъ ушелъ назадъ въ гору, и останется тамъ до страшнаго суда, когда Богъ его позоветъ.

«Этого никогда не долженъ дѣлать папа: приводить человѣка въ отчаяніе, когда онъ хочетъ раскаяться и очиститься; его грѣхи должны быть ему прощены.»

Уже въ самомъ началѣ поэмы мы находимъ чудесный эффектъ. Поэтъ даетъ намъ отвѣтъ дамы Венеры и не приводитъ, между тѣмъ, того вопроса Тангейзера, которымъ вызванъ этотъ отвѣтъ. Это опущеніе открываетъ нашей фантазіи полный просторъ. Мы можемъ вообразить себѣ все, что говорилъ Тангейзеръ, все, что, можетъ быть, было очень трудно выразить въ нѣсколькихъ словахъ. При

всей своей средневѣковой наивности и чистотѣ нравственныхъ понятій, старинный поэтъ съумѣлъ обрисовать пагубныя прелести и распущенное поведеніе дамы Венеры.— Развращенный поэтъ новѣйшаго времени не съумѣлъ бы лучше его очертить этого демона въ женскомъ образѣ, эту женщину-чертовку, которая, при всей своей олимпійской гордости, при всемъ великолѣпіи своей страсти, все-таки оказывается женщиною легкаго поведенія; это миѳологическая лоретка, раздушенная амброзіею, это–божественная камелія, богиня, живущая на содержаніи. Перебирая свои воспоминанія, я начинаю думать, что встрѣтилъ ее однажды, на площади Бреда; она перебиралась черезъ эту площадь восхитительно легкою поступью. Она была одѣта въ маленькій сѣрый капотъ самой утонченной простоты, и закутана отъ подбородка до пятокъ въ великолѣпную индѣйскую шаль, которой кончикъ слегка касался мостовой.

— Скажите-ка мнѣ, что это за женщина? спросилъ я у Бальзака, шедшаго со мною рядомъ.

— Она живетъ на содержаніи, отвѣчалъ романистъ.

Я напротивъ того утверждалъ, что это какая нибудь знатная дама. Въ эту минуту къ намъ подошелъ нашъ общій пріятель, мы спросили его мнѣнія, и по справкамъ оказалось, что мы оба не ошиблись.

Не хуже характера дамы Венеры старинный поэтъ умѣлъ передать характеръ Тангейзера, этого добраго рыцаря, котораго можно назвать средневѣковымъ кавалеромъ Де-Гріё (des Grieux). Чрезвычайно эффектно и то обстоятельство, что въ срединѣ поэмы Тангейзеръ вдругъ начинаетъ говорить съ публикою отъ своего имени, и самъ разсказываетъ намъ то, что скорѣе долженъ былъ разсказать поэтъ, именно то, какъ онъ въ отчаяніи скитается по бѣлому свѣту. Намъ это можетъ показаться неловкостью неотесанаго поэта; но подобные мотивы въ своей наивности производятъ удивительнѣйшій эффектъ.

Поэма о Тангейзерѣ была написана, судя по всѣмъ примѣтамъ, незадолго до реформаціи; легенда, составившая ея содержаніе, не восходитъ къ отдаленной древности и, можетъ быть, на одно только столѣтіе старше поэмы. Дама Венера

появляется такимъ образомъ очень поздно въ народныхъ преданіяхъ Германіи; между тѣмъ другія богини, напримѣръ Діана, извѣстны уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ. Въ VI и въ VII столѣтіяхъ, Діана появляется въ епископскихъ декретахъ въ видѣ злобнаго духа. Съ тѣхъ поръ ее обыкновенно изображаютъ на конѣ, се, ту Діану, которая въ былое время, обутая въ легкія сандаліи, быстрая, какъ лани, составлявшія ея любимую добычу, пѣшкомъ перебѣгала по рощамъ древней Эллады. Впродолженіе пятнадцати столѣтій, это божество облекается въ самыя разнообразныя формы и въ то же время ея характеръ испытываетъ самыя существенныя измѣненія.

Здѣсь приходитъ мнѣ въ голову одна мысль, которой развитіе могло бы повести къ самымъ интереснымъ изслѣдованіямъ. Впрочемъ я ограничусь только бѣглымъ указаньемъ, и открою дорогу ученымъ, неимѣющимъ матеріала для занятій, чернорабочимъ мысли. Въ немногихъ словахъ замѣчу, что, около времени окончательнаго торжества христіанства, т. е. въ III и въ IV вѣкѣ, древніе языческіе боги во второй разъ испытали тѣ затрудненія, тѣ страданія, съ которыми имъ приходилось бороться въ первобытныя времена, т. е. въ ту эпоху міровыхъ переворотовъ, когда титаны, вырвавшись изъ тартара, навалили Пеліонъ на Оссу и полѣзли на Олимпъ. Бѣдные боги и богини со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ были принуждены обратиться въ безславное бѣгство, и подъ разными костюмами скрылись среди насъ, на землѣ. Большею частію они побѣжали въ Египетъ, и, по словамъ Геродота, приняли тамъ формы животныхъ. Точно также языческіе боги принуждены были бѣжать, переодѣваться въ чужія одежды и скрываться въ самыхъ темныхъ пещерахъ, когда начали познавать истиннаго Бога, когда прокричали анаѳему изгнаннымъ богамъ. Значительное число этихъ олимпійскихъ эмигрантовъ, не имѣя ни убѣжища, ни амброзіи, было принуждено взяться за честное земное ремесло, чтобы выработать себѣ, по крайней мѣрѣ, дневное пропитаніе. Ихъ имѣнія и священныя рощи были конфискованы, и потому многимъ изъ нихъ пришлось у насъ въ Германіи наняться

въ простые поденщики и вмѣсто нектара пробавляться пивомъ. Находясь въ этой крайности, Аполлонъ рѣшился-кажется поступить на службу къ скотоводамъ; въ былое время, онъ стерегъ коровъ царя Адмета, теперь онъ поселился къ нижней Австріи и сдѣлался пастухомъ; но, на-бѣду, его гармоническое пѣнье возбудило подозрѣніе въ одномъ ученомъ монахѣ, который узналъ въ немъ языческаго бога, и предалъ его церковному суду. Его стали пытать, и выпытали признаніе, что онъ дѣйствительно—богъ Аполлонъ. Онъ попросилъ позволенія сыграть въ послѣдній разъ на лирѣ и спѣть передъ казнью послѣднюю пѣсню. Ему позволили. Его игра была такъ умилительна, звуки его пѣсни дѣйствовали на душу съ такою обаятельною силою, и, къ-тому же, онъ былъ такъ красивъ лицомъ и тѣломъ, что всѣ женщины стали плакать, и даже многія отъ сильнаго ощущенія слегли въ постель. Черезъ нѣсколько времени, тѣло казненнаго хотѣли вытащить изъ могилы, чтобы воткнуть ему колъ въ животъ: всѣ вообще полагали, что онъ превратился въ вампира, и что больныя женщины выздоровѣютъ, если пустить въ ходъ это домашнее средство, котораго дѣйствительность признавалась всѣми и была доказана многими опытами. Раскрыли могилу—въ могилѣ никого не было.

Мнѣ кажется, что Марсъ, древній богъ войны, во время феодализма оставался вѣренъ своимъ старымъ привычкамъ въ качествѣ рыцаря-разбойника. Длинный Вестфалецъ, Шиммельпеннингъ, племянникъ мюнстерскаго палача, встрѣтилъ его въ Болоньѣ, гдѣ онъ исправлялъ должность заплечнаго мастера. Черезъ нѣсколько времени Марсъ сдѣлался ландскнехтомъ, поступилъ подъ начальство генерала Фрондсберга и присутствовалъ при взятіи Рима. Навѣрное, ему было очень тяжело и больно видѣть, какъ разоряютъ и позорятъ его любимый городъ, какъ ломаютъ и жгутъ храмы, въ которыхъ обожали его самого и его двоюродныхъ братьевъ, другихъ языческихъ боговъ.

Судьба Бахуса, красавца Діониса, послѣ великаго паденія язычества, была счастливѣе участи Марса и Аполлона. Вотъ что разсказываетъ о немъ, съ обыкновенною своею наивностью, средневѣковая легенда:

«Въ Тиролѣ есть очень обширныя озера, окруженныя лѣсами, которыхъ деревья возвышаются до неба и отражаются во всемъ своемъ великолѣпіи въ лазурныхъ струяхъ. Изъ водъ и изъ лѣсовъ слышатся такіе таинственные звуки, что путникъ, бродящій одиноко въ этихъ мѣстахъ, почувствуетъ странное волненіе. На берегу такого озера стояла избушка, а въ избушкѣ жилъ молодой человѣкъ, добывавшій себѣ пропитаніе рыбною ловлею и кромѣ того перевозившій на лодкѣ путешественниковъ, желавшихъ переправиться черезъ озеро. У него была большая лодка, которую онъ привязывалъ къ старому засохшему дереву, возлѣ своей избушки. Однажды, во время осенняго равноденствія, около полуночи, кто-то постучался къ нему въ окошко. Рыбакъ вышелъ за порогъ хижины, и увидалъ трехъ монаховъ, закутанныхъ въ капюшоны и куда-то очень спѣшившихъ. Одинъ изъ нихъ торопливо попросилъ его одолжить имъ лодку, и обѣщалъ черезъ нѣсколько часовъ привести ее на прежнее мѣсто. Монаховъ было трое; рыбаку нечего было долго разсуждать: онъ отвязалъ свою лодку; путники поплыли по гладкой поверхности озера, а рыбакъ вошелъ назадъ въ хижину и улегся въ постель. Какъ молодой человѣкъ, онъ скоро заснулъ, но черезъ нѣсколько часовъ его разбудили монахи, успѣвшіе уже воротиться. Онъ подошелъ къ нимъ, и одинъ изъ нихъ положилъ ему въ руку серебряную монету, чтобы заплатить за перевозъ; потомъ всѣ трое поспѣшно удалились. Рыбакъ пошелъ къ лодкѣ увидѣлъ, что она крѣпко привязана къ дереву и сильно отряхнулся, какъ отряхиваются зимою, чтобы отогрѣть окаченѣвшіе члены; онъ чувствовалъ какую-то странную дрожь, которую нельзя было приписать вліянію свѣжаго ночнаго воздуха. Это странное ощущеніе пробѣжало по всему его тѣлу и охватило сердце въ ту минуту, когда монахъ дотронулся до его руки, подавая ему монету; пальцы монаха были холодны, какъ ледъ. Рыбакъ долго не могъ забыть этого обстоятельства; но молодежь всегда успѣваетъ отдѣлаться отъ тяжелыхъ воспоминаній, и рыбакъ перестаетъ думать о посѣщеніи монаховъ. На слѣдующій годъ, въ тотъ же день равноденствія, около полуночи, опять постучали въ окно его хижи-

ны. То были прошлогодніе монахи, и спѣшили они попрежнему. Они опять попросили лодку, и молодой рыбакъ отдалъ ее на этотъ разъ довольно спокойно. Черезъ нѣсколько часовъ путники воротились, и одинъ изъ нихъ, чтобы заплатить за прокатъ лодки, положилъ рыбаку серебряную монету. Рыбакъ съ ужасомъ почувствовалъ ледяные пальцы монаха, испыталъ ту же дрожь, и то же событіе стало повторяться каждый годъ въ осеннее равноденствіе.

На седьмой годъ, когда стало подходить это время, молодой рыбакъ почувствовалъ сильнѣйшее желаніе узнать тайну, скрывавшуюся подъ этими тремя рясами, и рѣшился во что бы то ни стало удовлетворить своему любопытству. Онъ положилъ на дно лодки большой неводъ и подъ нимъ устроилъ себѣ мѣстечко, въ которомъ можно было притаиться. Таинственные путешественники пришли въ тотъ самый часъ, когда онъ ихъ ожидалъ, и рыбакъ успѣлъ проворно спрятаться подъ неводъ и такимъ образомъ принялъ участіе въ поѣздкѣ. Къ великому его удивленію, поѣздка продолжалась очень не долго, между тѣмъ какъ обыкновенно онъ употреблялъ больше часа на переѣздъ къ противоположному берегу озера. Удивленіе его еще болѣе увеличилось, когда онъ посмотрѣлъ на берегъ: вся мѣстность была ему совершенно знакома, а между тѣмъ передъ нимъ лежала поляна, которую ему никогда не случалось видѣть; поляна эта была обсажена такими деревьями, которыхъ порода принадлежала къ какой-то иностранной растительности. На вѣтвяхъ этихъ деревьевъ висѣло безчисленное множество лампъ; на высокихъ треножникахъ стояли вазы, въ которыхъ горѣла древесная смола; кромѣ того, луна свѣтила такимъ яркимъ свѣтомъ, что молодой рыбакъ какъ въ ясный день могъ разсмотрѣть толпу, собравшуюся въ этихъ мѣстахъ. Тутъ собралось нѣсколько сотенъ молодыхъ мужчинъ и молодыхъ женщинъ; всѣ были замѣчательно хороши собою, хотя лица у всѣхъ были бѣлы какъ мраморъ. Это обстоятельство вмѣстѣ съ выборомъ костюмовъ наводило на мысль, что всѣ они—ходячія статуи. На нихъ надѣты были бѣлыя туники, поднятыя очень высоко, и обшитыя по краямъ пурпуровыми оборками. У женщинъ головы были убраны живыми вино-

градными листьями, или искуственными, сплетенными изъ серебряныхъ нитокъ. Волосы ихъ, образуя вѣнецъ вокругъ лица, разливались по плечамъ мягкими, обильными волнами. У мужчинъ лобъ также былъ украшенъ виноградными листьями. Махая золочеными палками, вокругъ которыхъ обвивались виноградныя лозы, мужчины и женщины побѣжали встрѣчать и привѣтствовать новоприбывшихъ. Одинъ изъ нихъ сбросилъ капюшонъ и рясу, и всѣ присутствовавшіе увидѣли странную фигуру. Лицо его выражало похотливость и сластолюбіе, доведенныя до чудовищныхъ размѣровъ; по бокамъ головы торчали острыя уши, въ родѣ козлиныхъ, остальныя части тѣла показывали, что онъ—мужчина, и притомъ до такой степени рельефно и въ такомъ масштабѣ, что на него было смѣшно и совѣстно смотрѣть. Другой монахъ также снялъ монашеское платье и явился толстякомъ; огромный животъ его, скрывавшійся до нѣкоторой степени подъ складками широкой рясы, возбудилъ смѣхъ женщинъ, и онѣ, смѣясь, увѣнчали розами его лысую голову. Лица обоихъ монаховъ были бѣлы какъ мраморъ, подобно лицамъ всѣхъ другихъ присутствовавшихъ. Та же бѣлизна была замѣтна на лицѣ третьяго монаха, когда онъ весело отбросилъ назадъ капюшонъ. Онъ развязалъ дрянную веревку, служившую ему поясомъ, съ отвращеніемъ снялъ и откинулъ прочь грязную капуцинскую одежду и явился прекраснымъ, великолѣпно одѣтымъ молодымъ человѣкомъ. На плечахъ его была наброшена туника, осыпанная драгоцѣнными камнями; формы его были безукоризненно хороши; только въ его округлыхъ бедрахъ и въ гибкой таліи было что-то женственное. Пухлыя губы и неопредѣленно мягкія черты лица придавали даже физіономіи молодаго человѣка какое-то женственное выраженіе. Но въ то же время въ глазахъ сверкала горделивая неустрашимость, достойная мужчины и героя. Женщины окружили его съ неистовыми выраженіями изступленнаго восторга; на него посыпались страстныя ласки, ему надѣли на голову вѣнокъ изъ плюща и набросили на плечи шкуру леопарда. Въ эту минуту подъѣхала на двухъ львахъ золотая, двухколесная, тріумфальная колесница. Молодой человѣкъ взошелъ на нее съ величіемъ, достойнымъ любаго царя, но

при этомъ взоръ его попрежнему оставался яснымъ и беззаботнымъ. Онъ разобралъ золотыя возжи, и свирѣпая пара его почувствовала крѣпкую руку. По правую сторону его колесницы пошелъ первый изъ его спутниковъ, сбросившихъ рясу, человѣкъ съ похотливымъ лицомъ и съ козлиными ушами, а по лѣвую сторону ковылялъ лысый толстякъ, котораго женщины, для смѣха, посадили на осла; онъ держалъ въ рукѣ большой золотой кубокъ, и кубокъ этотъ ежеминутно наполняли виномъ. Колесница подвигалась медленно; за нею извивались и кружились хоры мужчинъ и женщинъ, увѣнчанныхъ виноградными листьями; всѣ принимали участіе въ бѣшеной пляскѣ. Впереди колесницы тріумфатора шелъ его оркестръ; красивый парень съ толстыми щеками изъ всѣхъ силъ дулъ въ двойную флейту; молодая дѣвушка въ туникѣ, смѣло поднятой гораздо выше колѣнъ, била ладонью по кожаному тамбурину; другая, такая же граціозная, такъ же легко одѣтая, стучала и звонила по металлическому треугольнику; трубачи, веселый народъ съ кривыми ногами, съ красивыми, но безстыдными лицами, извлекали рѣзкія ноты изъ роговъ какихъ-то фантастическихъ животныхъ, или изъ морскихъ раковинъ, потомъ шли съ лютнями....»

Но, любезный читатель, я забываю, что вы посѣщали лекціи и классы, и что вы все это знаете очень хорошо; вы, стало-быть, поняли съ первыхъ строкъ, что здѣсь дѣло идетъ о вакханаліи,—о праздникѣ Діониса. На барельефахъ и на гравюрахъ археологическихъ сочиненій вы часто видѣли пышную процессію, сопровождающую языческаго бога. При вашемъ знакомствѣ съ классическою древностью, вы бы не слишкомъ испугались, еслибы въ полночь, среди пустыннаго, тихаго лѣса, вы увидѣли вдругъ великолѣпную, фантастическую картину тріумфальнаго шествія Вакха, и еслибы вы услышали рѣзкій шумъ разгулявшихся призраковъ. Развѣ только вы, можетъ-быть, почувствовали бы что-то въ родѣ сладострастнаго замиранія сердца, въ родѣ эстетической дрожи, при видѣ этихъ миловидныхъ тѣней, вышедшихъ изъ вѣковыхъ саркофаговъ, изъ-подъ развалинъ своихъ храмовъ, чтобы еще разъ отпраздновать святыя мистеріи служенія радости! Да, это посмертная оргія: эти

разгульные мертвецы еще разъ хотятъ играми и пѣснями отпраздновать счастливый приходъ сына Семелы, еще разъ они хотятъ проплясать польку язычества, пляски древнихъ временъ, тѣ размашистыя пляски, которыя выполнялись безъ лицемѣрной юбки, безъ контроля городоваго сержанта общественной нравственности, тѣ пляски, гдѣ напропалую отдавались божественному опьянѣнію, всему неистовому, отчаянному, бѣшеному паѳосу веселья: Evoe Bacche!— Вы, любезный мой читатель, какъ я уже замѣтилъ выше, человѣкъ развитой и образованный; васъ не испугаетъ ночное явленіе такого рода, какъ не испугаетъ фантасмагорія императорской музыкальной академіи, вызванная поэтическимъ геніемъ Евгенія Скриба, работающаго заодно съ музыкальнымъ геніемъ знаменитаго маэстро Джіакомо Мейербера. Но что дѣлать! нашъ бѣдный тирольскій лодочникъ не имѣлъ понятія о миѳологіи и не зналъ о существованіи классическаго міра; онъ испугался и пришелъ въ ужасъ, когда увидѣлъ красавца–тріумфатора на золотой колесницѣ, и рядомъ съ нимъ его странныхъ адъютантовъ: онъ задрожалъ при видѣ непристойныхъ тѣлодвиженій и безнравственныхъ прыжковъ вакханокъ, фавновъ и сатировъ, которые рогами и кривыми лапами были особенно похожи на дьяволовъ. Все это блѣднолицое собраніе показалось ему конгрессомъ вампировъ и демоновъ, занимающихся колдовствомъ, на погибель всему роду христіанскому. Его ужасъ увеличился, когда онъ увидѣлъ, какъ менады принимаютъ невозможныя положенія, объясняющіяся только силою волшебства, какъ онѣ, растрепавъ волосы, откинувъ голову назадъ, однимъ тирсомъ поддерживаютъ свое равновѣсіе. У бѣднаго рыбака закружилась голова, когда онъ увидѣлъ свирѣпое изступленіе корибантовъ, которые, поражая самихъ себя короткими мечами, ищутъ сладострастнаго наслажденія въ страданіи тѣла. Аккорды музыки, аккорды, переходившіе отъ мягкой нѣжности къ дикому отчаянію, какъ раскаленныя головни проникли въ сердце бѣднаго молодаго человѣка; ему представилось, что его уже охватываетъ адскій огонь, и онъ со всѣхъ ногъ бросился къ своей лодкѣ и спрятался подъ неводъ. Зубы у него стучали, какъ въ лихорадкѣ, и онъ

дрожалъ всѣмъ тѣломъ, точно будто сатана уже ухватилъ его за ногу. Черезъ нѣсколько времени, знакомые ему монахи вошли въ лодку и отчалили. Доѣхавъ до противуположнаго берега, они вышли, а рыбакъ такъ проворно вылѣзъ изъ-подъ невода, что монахи вообразили себѣ, будто онъ поджидалъ ихъ, стоя за прибрежными ракитами; одинъ изъ нихъ, по обыкновенію, своими ледяными пальцами положилъ ему въ руку серебряную монету, и всѣ трое поспѣшно удалились.

Заботясь о спасеніи собственной души, считая ее въ страшной опасности и желая въ то же время сдѣлать съ своей стороны все возможное, чтобы избавить всѣхъ добрыхъ христіанъ отъ всякаго злаго обстоянія, нашъ рыбакъ почелъ священнымъ долгомъ донести церковному суду объ этой таинственной и непонятной исторіи. Пріоръ одного францисканскаго монастыря, находившагося недалеко отъ озера, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ предсѣдатель церковнаго судилища и особено, какъ ученый разрушитель чародѣяній. Рыбакъ рѣшился немедленно отправиться къ этому достойному человѣку. Рано утромъ, солнце увидало его на пути къ монастырю, и скоро, смиренно опустивъ глаза въ землю, онъ предсталъ предъ ясныя очи его преподобія господина пріора. Пріоръ, одѣтый въ рясу, съ капюшономъ, опущеннымъ на лицо, сидѣлъ въ большомъ креслѣ, выточеномъ изъ дерева. Духовный судья не измѣнилъ своего задумчиваго положенія, пока лодочникъ подробно разсказывалъ ему свою ужасную исторію; когда кающійся грѣшникъ замолчалъ, пріоръ быстро поднялъ голову; отъ этого рѣзкаго движенія, капюшонъ упалъ назадъ, и рыбакъ съ изумленіемъ узналъ въ его преподобіи одного изъ трехъ монаховъ, ежегодно переправлявшихся черезъ озеро. Онъ видѣлъ его наканунѣ, онъ видѣлъ, какъ его преподобіе, въ образѣ языческаго бога, стоялъ на побѣдной колесницѣ и управлялъ парою львовъ; то же блѣдное лицо, тѣ же прекрасныя, строго правильныя черты лица, тѣ же нѣжно округленныя губы. На этихъ губахъ играла благосклонная улыбка, и вскорѣ полились изъ нихъ благочестивыя слова, произносимыя самымъ мелодическимъ голосомъ:

— Любезный братъ мой, мы совершенно расположены вѣрить тому, что ты послѣднюю ночь провелъ въ обществѣ бога Бахуса; твое фантастическое видѣніе представляетъ тому достаточное доказательство. Мы вовсе не желаемъ злословить этого бога; много разъ мы при его содѣйствіи забывали наши заботы, и вообще онъ веселитъ сердце человѣка; но есть смертные люди, которыхъ цѣлая дюжина бутылокъ не можетъ сразить. Съ полнымъ смиреніемъ сознаюсь, что я принадлежу къ числу подобныхъ людей. Существуютъ также природы несовершенныя и слабыя, которыхъ валитъ съ ногъ одинъ шкаликъ, и мнѣ кажется, любезный братъ мой, что ты принадлежишь къ числу послѣднихъ. Вслѣдствіе этого мы совѣтуемъ тебѣ поглощать съ должною умѣренностью златую влагу виноградныхъ гроздій, и на будущее время не утруждать духовныхъ властей разсказами о безпорядочныхъ видѣніяхъ неискусившагося пьяницы. Мы совѣтуемъ тебѣ, кромѣ того, не разглашать исторіи о твоей сегоднишней продѣлкѣ, а держать языкъ на привязи; въ противномъ случаѣ, священное судилище предпишетъ свѣтской власти отсчитать тебѣ двадцать пять полновѣсныхъ ударовъ кнутомъ. Въ настоящую же минуту, прелюбезный сынъ мой, ты пойдешь въ монастырскую кухню, и тамъ братъ келарь и братъ поваръ предложатъ тебѣ утреннюю трапезу.»

Затѣмъ, его преподобіе наградилъ рыбака отеческимъ благословеніемъ, и рыбакъ, ошеломленный, направился къ монастырской кухнѣ. Увидя брата келаря и брата повара, онъ чуть-чуть не опрокинулся навзничь: они-то оба именно и были ночные спутники пріора, тѣ два монаха, которые вмѣстѣ съ нимъ переправлялись черезъ озеро; нашъ рыбакъ узналъ у одного толстый животъ и лысую голову; у другаго похотливую, сластолюбивую физіономію и козлиныя уши. Однако тутъ онъ уже не сказалъ ни слова; прошло много лѣтъ, у молодаго рыбака уже побѣлѣли волосы и онъ разсказалъ эту исторію своимъ дѣтямъ и внучатамъ, собравшимся вокругъ него, у домашняго очага.

Въ нѣкоторыхъ старыхъ хроникахъ разсказывается легенда, сходная съ этою, но мѣсто ея дѣйствія переносится въ Шпейеръ, на Рейнѣ. Въ этой легендѣ можно узнать язы-

ческія воспоминанія о перевозкѣ мертвыхъ, производившейся въ этихъ мѣстахъ на похоронной баркѣ. На берегахъ восточной Фрисландіи распространено преданіе, въ которомъ всего яснѣе обозначаются идеи древности касательно переѣзда покойниковъ въ царство тѣней. По правдѣ сказать, нигдѣ однако не говорится о лодочникѣ Харонѣ. Вообще, эта своеобразная фигура совершенно исчезла изъ народныхъ преданій и сохранилась только въ театрѣ маріонетокъ; но фрисландская легенда намекаетъ намъ на существованіе гораздо болѣе важнаго миѳологическаго лица; это лицо скрывается подъ видомъ голландскаго негоціанта, препровождаетъ мертвыхъ на мѣсто ихъ посмертнаго назначенія, и платитъ деньги за провозъ простому лодочнику или рыбаку, замѣнившему Харона. Несмотря на замысловатую костюмировку, мы скоро откроемъ настоящее имя этого господина; постараюсь теперь со всѣми подробностями, по возможности близко къ подлиннику, пересказать самое преданіе.

Въ восточной Фрисландіи, на берегахъ сѣвернаго моря, есть бухты, образующія неглубокія гавани, которыя въ этой странѣ называются зилями (Siehl). На берегу такого залива, у самаго моря, стоитъ одинокій домъ, въ которомъ живетъ съ семействомъ, довольный судьбою, счастливый рыбакъ. Природа печальна въ этихъ мѣстахъ; ни одна птица здѣсь не поетъ; только отъ времени до времени чайки вылетаютъ изъ своихъ гнѣздъ, скрытыхъ въ пескѣ, и острыми, жалобными криками возвѣщаютъ приближеніе бури. Иногда показывается гоэландъ, предвѣстникъ несчастія, и носится надъ моремъ, широко раскидывая бѣлыя крылья, бѣлыя, какъ саванъ мертвеца. Однообразный плескъ волнъ, разбивающихся на песчаномъ прибрежьѣ или на отмеляхъ, соотвѣтствуетъ, какъ нельзя лучше, темнымъ грядамъ облаковъ, проносящихся по небу. Люди также не поютъ въ этихъ мѣстахъ. На этомъ печальномъ прибрежьѣ никогда не раздавались звуки народной пѣсни. Жители Фрисландіи серьёзны, честны и нестолько религіозны, сколько благоразумны. Они утратили свои прежнія демократическія учрежденія, но, несмотря на то, сохранили духъ независимости, какъ наслѣдіе неустрашимыхъ предковъ, защищавшихся съ геройскимъ му-

жествомъ противъ набѣговъ океана и противъ властолюбивыхъ замысловъ сѣверныхъ государей. Подобные люди не предаются мистическимъ грезамъ; ихъ не волнуетъ и не увлекаетъ также вихрь критической мысли. Для рыбака, живущаго на берегу пустыннаго зиля, главное дѣло рыбная ловля, и отъ времени до времени плата за перевозъ, взимаемая съ путешественниковъ, отправляющихся на который-нибудь изъ сосѣднихъ острововъ.

Въ извѣстное время года, говоритъ преданіе, въ самый полдень, въ ту минуту, когда рыбакъ сидитъ за столомъ и обѣдаетъ съ своимъ семействомъ въ большой комнатѣ, приходитъ иностранецъ и проситъ хозяина дома удѣлить ему нѣсколько минутъ для дѣловаго разговора. Рыбакъ упрашиваетъ гостя раздѣлить съ нимъ скромный обѣдъ, но гость отказывается; наконецъ хозяинъ, соглашаясь на его настоятельную просьбу, отходитъ вмѣстѣ съ нимъ къ окну и оба усаживаются въ нѣкоторомъ разстояніи отъ прочихъ членовъ семейства. Я не буду описывать наружность путешественника съ тѣми ненужными подробностями, которыя употребляютъ въ подобныхъ случаяхъ современные романисты. Для предположенной цѣли мнѣ будетъ достаточно указать на нѣкоторыя примѣты. Вотъ онѣ, въ немногихъ словахъ. Гость—человѣкъ уже пожилой, но еще свѣжій, однимъ-словомъ, молодецъ-старикъ, полный, но не заплывшій жиромъ; щеки его пухлы и румяны, какъ апортовыя яблоки; живые, проницательные глазки проворно перебѣгаютъ съ одного предмета на другой; маленькая голова его напудрена и покрывается маленькою треугольною шляпою; свѣтложелтая шинель его, обшитая множествомъ воротниковъ и капюшоновъ, надѣта на тотъ старомодный костюмъ, который мы видимъ на фамильныхъ портретахъ голландскихъ негоціантовъ, и который обличаетъ нѣкоторое довольство: шелковый камзолъ зеленаго яблочнаго цвѣта, жилетъ, расшитый цвѣтами, черные шелковые панталоны, полосатые чулки и башмаки съ стальными пряжками—вотъ составныя части этого костюма. Обувь гостя такъ чиста и такъ блеститъ, что нельзя понять, какимъ образомъ онъ, не загрязнившись, прошелъ пѣшкомъ по болотистымъ тропинкамъ зиля. Голосъ его, преры-

вающійся отъ одышки, очень тонокъ и порою становится визгливымъ. Впрочемъ, маленькій старичокъ старается въ разговорѣ и въ манерахъ сохранять сдержанность и серьёзность, приличныя для голландскаго негоціанта. Его званіе негоціанта обнаруживается нетолько въ костюмѣ, но и въ той меркантильной точности и осмотрительности, съ которою онъ старается заключить условія какъ можно выгоднѣе для человѣка, возложившаго на него порученіе. Онъ говоритъ рыбаку, что онъ коммисіонеръ, занимающійся отправкою кладей и товаровъ, и что ему поручено найдти на восточномъ берегу Фрисландіи лодочника, который согласился бы перевезти на Бѣлый островъ извѣстное количество душъ, т. е. именно столько, сколько помѣстится въ его баркѣ. На этомъ основаніи, продолжаетъ Голландецъ, ему желательно знать, согласится ли рыбакъ въ нынѣшнюю ночь перевезти вышеозначенный грузъ душъ на вышеозначенный островъ; въ случаѣ, если рыбакъ согласенъ, то негоціантъ готовъ заранѣе заплатить ему за перевозъ, и вполнѣ увѣренъ, что рыбакъ, какъ честный эссіанинъ, назначитъ ему возможно-дешевую цѣну. Голландскій негоціантъ (это, впрочемъ, плеоназмъ, потому что всякій Голландецъ — непремѣнно негоціантъ) дѣлаетъ это предложеніе съ такимъ небрежнымъ спокойствіемъ, какъ будто бы дѣло шло о перевозкѣ сыра, а не умершихъ душъ. Слово *души* въ первую минуту производитъ нѣкоторое впечатлѣніе на умъ рыбака; у него по спинѣ пробѣгаютъ мурашки, потому что онъ тотчасъ понимаетъ, что дѣло идетъ о душахъ покойниковъ, и что передъ нимъ сидитъ тотъ баснословный Голландецъ, о которомъ ему часто разсказывали его товарищи,-моряки, тотъ старикъ, который иногда нанималъ ихъ барку, чтобы перевозить души умершихъ на Бѣлый островъ, и всегда очень хорошо платилъ за перевозъ. Я уже замѣтилъ въ началѣ этого разсказа, что жители этого прибрежья отличаются храбростью и физическимъ здоровьемъ, что они благоразумны, лишены воображенія и, слѣдовательно, мало доступны вліянію того неопредѣленнаго страха, который внушаетъ намъ міръ призраковъ. Тайный ужасъ, внезапный трепетъ фрисландскаго рыбака продолжаются не долго, не болѣе нѣсколькихъ секундъ; онъ

тотчасъ собирается съ духомъ и старается только выторговать себѣ за провозъ какъ можно больше денегъ. Нѣсколько времени продолжается торгъ, наконецъ обѣ стороны сходятся въ цѣнѣ; условіе сдѣлано и, какъ водится, ударяютъ по рукамъ. Голландецъ тотчасъ вытаскиваетъ изъ кармана замасленый кожаный кошелекъ, наполненный крошечными серебряными монетами, самыми крошечными, какія когда-либо чеканились въ Голландіи, и этою лиллипутскою монетою платитъ сполна условленную цѣну за перевозъ. Внушивъ рыбаку, что въ полночь, когда взойдетъ полная луна, онъ долженъ явиться съ баркою къ назначенному мѣсту, чтобы принять отправляемый грузъ душъ, Голландецъ раскланивается со всѣмъ семействомъ, которое попрежнему напрасно приглашаетъ его остаться обѣдать; потомъ онъ удаляется легкими шагами, почти въ-припрыжку, что̀ составляетъ странное противорѣчіе съ тѣмъ видомъ нидерландской солидности и серьезности, который онъ старался принять на себя сначала.

Въ назначенный часъ, лодочникъ является съ баркою на мѣсто свиданія. Барку его сначала сильно колышатъ волны, но, какъ только всходитъ полная луна, такъ лодочникъ замѣчаетъ, что его судно движется не такъ легко и постепенно погружается въ воду, такъ что, наконецъ, края лодки только на ширину ладони отходятъ отъ поверхности воды. Это обстоятельство даетъ ему поводъ заключить, что его пассажиры, т. е. души, вошли въ лодку, и онъ поспѣшно распускаетъ паруса. Онъ старается всмотрѣться въ то, что находится въ его лодкѣ, но какъ ни напрягаетъ онъ зрѣніе, онъ видитъ только какія-то туманныя пятна, которыя движутся и расплываются, не принимая никакой опредѣленной формы. Напрасно также онъ старается прислушаться: до ушей его доходитъ только почти незамѣтный шорохъ и шелестъ. Изрѣдка пролетаетъ надъ его головою одинокая чайка, и въ воздухѣ разносится унылый крикъ ея; порою, возлѣ его лодки, рыба высовываетъ голову изъ-подъ воды и смотритъ на него большими, робкими глазами. Ночь зѣваетъ, и вѣтеръ становится холоднѣе. Вездѣ море, лунный свѣтъ и молчаніе. Рыбакъ молчитъ, какъ и все, что его окру-

жаетъ, и молча доѣхавши до Бѣлаго острова, останавливаетъ свою барку. На берегу онъ не видитъ никого, но слышитъ чей-то голосъ, визгливый, прерывающійся отъ одышки, знакомый голосъ давишняго Голландца. Эта незримая личность какъ-будто читаетъ списокъ собственныхъ именъ, тѣмъ однообразнымъ голосомъ, какимъ этапный начальникъ дѣлаетъ перекличку. Многія изъ этихъ именъ извѣстны рыбаку, какъ имена знакомыхъ людей, скончавшихся въ теченіе послѣдняго года. Во время чтенія этого списка собственныхъ именъ, барка мало-по-малу облегчается. Изъ этого обстоятельства лодочникъ заключаетъ, что его грузъ благополучно пришелъ къ гавани, и спокойно возвращается къ женѣ и къ дѣтямъ, въ свой милый домикъ на зилѣ.

Точно такимъ же образомъ производится всякій разъ перевозка душъ на Бѣлый островъ. Одинъ разъ, особенный случай поразилъ лодочника, переправлявшаго этотъ грузъ. Невидимая особа, читавшая на берегу списокъ собственныхъ именъ, вдругъ остановила чтеніе и закричала:

— А гдѣ же Питеръ Янсенъ? Это совсѣмъ не Питеръ Янсенъ!

На это отвѣчалъ чей-то тоненькій голосокъ:

— Я жена Питера Янсена; я по ошибкѣ записалась подъ именемъ моего мужа.

Начиная этотъ разсказъ, я обѣщалъ, несмотря на всѣ хитрости костюмировки, узнать имя важнаго миѳологическаго лица, появляющагося въ этой легендѣ. Это—никто иной, какъ богъ Меркурій, древній провожатай душъ, получившій, за исправленіе этой спеціальной должности, названіе Гермеса Психопомпоса. Да, подъ этою скромною шинелью, подъ этою незначительною фигурою лавочника скрывается одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ боговъ язычества, благородной сынъ прекрасной Маіи. Къ своей маленькой треугольной шляпѣ онъ не пришпиливаетъ даже маленькаго перышка, которое напоминало бы о крыльяхъ его божественнаго головнаго убора; въ его башмакахъ, украшенныхъ стальными пряжками, вы не найдете ни малѣйшаго слѣда крылатыхъ сандалій. Нидерландская свинцовая флегма не представляетъ никакого сходства съ подвиж-

ностью ртути, которую этотъ богъ наградилъ своимъ собственнымъ именемъ. Но самая эта противоположность и даетъ намъ возможность судить о намѣреніяхъ хитраго бога; онъ выбралъ эту маску, чтобы навѣрное никто не могъ его узнать. И костюмъ этотъ выбранъ не случайно, не по капризу. Меркурій былъ, какъ вамъ извѣстно, богъ воровъ и купцовъ, и съ одинаковымъ успѣхомъ занимался этими двумя отраслями промышлености. Очень естественно, онъ принялъ въ соображеніе свои таланты и факты своей прошедшей жизни, когда ему пришлось скрываться подъ какимъ-нибудь костюмомъ и выбирать себѣ ремесло, которымъ можно было бы добывать насущный хлѣбъ. Ему нужно было только расчитать, который изъ двухъ его промысловъ, въ сущности не представляющихъ между собою кореннаго различія, можетъ доставить ему больше выгодъ и вѣроятностей успѣха. Онъ справедливо замѣтилъ, что воровство, вслѣдствіе вѣковыхъ предразсудковъ, сильно пострадало въ общественномъ мнѣніи, что философы еще не успѣли возстановить его значенія, несмотря на параллель, проведенную ими между воровствомъ и собственностью, что на него недоброжелательно смотрятъ полиція и жандармы, и что воръ, въ награду за чудеса храбрости и искуства, иногда находится въ печальной необходимости идти, если не на висѣлицу, то, по-крайней-мѣрѣ, на галеры; онъ разсудилъ съ другой стороны, что торговля пользуется величайшею безнаказанностью, что ее уважаетъ общество, что ей покровительствуютъ законы, что торговцы получаютъ ордена, ѣздятъ ко двору и даже иногда дѣлаются президентами совѣта министровъ. На основаніи этихъ соображеній, хитрѣйшій изъ боговъ рѣшился выбрать торговлю, ремесло болѣе выгодное и менѣе опасное, и чтобы быть торговцемъ лучшаго достоинства, онъ сдѣлался голландскимъ негоціантомъ. Мы видѣли, что онъ, въ этомъ званіи, занимается отправкою душъ въ имперію Плутона; это занятіе особенно сподручно ему, древнему Гермесу Психопомпосу.

Бѣлый островъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ называется также *Brêa* или *Britinia*. Можетъ-быть это названіе имѣетъ что-нибудь общее съ бѣлымъ Альбіономъ, съ известковыми

скалами англійскаго берега. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, совершенно сплиническая идея — превратить Англію въ страну мертвецовъ, въ имперію Плутона, въ адъ. Дѣйствительно, это очень возможно, и Великобританія представлялась въ такомъ видѣ не одному иностранцу.

Въ одномъ этюдѣ о легендѣ Фауста, я очень подробно говорилъ о царствѣ Плутона и о связанныхъ съ нею народныхъ повѣрьяхъ: я показалъ, какимъ образомъ царство тѣней превратилось въ отлично-организованный адъ, и какимъ образомъ стараго владыку мрака совершенно уподобили сатанѣ. Несмотря на эту печать отверженія, Плутонъ на самомъ дѣлѣ остался тѣмъ, чѣмъ былъ и прежде. Плутонъ, богъ преисподняго міра, и братъ его, Нептунъ, богъ морей, не послѣдовали примѣру своихъ родственниковъ, другихъ боговъ; они оба и по настоящее время остались въ своихъ владѣніяхъ, въ своихъ стихіяхъ. На землѣ объ нихъ разсказывали самыя нелѣпыя сказки, но это ихъ нисколько не тревожило: старый Плутонъ очень покойно сидѣлъ у себя дома, рядомъ съ своею красавицею Прозерпиною. Нептуну меньше всѣхъ другихъ боговъ пришлось испытать непріятностей; ни звонъ колоколовъ, ни аккорды органа не могли оскорблять его ухо на днѣ его океана, гдѣ онъ властвовалъ мирно возлѣ доброй жены своей Амфитриты, въ кругу бѣлыхъ нереидъ и толстощекихъ тритоновъ. Отъ времени до времени, когда какой-нибудь молодой морякъ въ первый разъ въ жизни переходилъ черезъ экваторъ, морской богъ выходилъ изъ глубины водъ, съ трезубцемъ въ рукахъ, увѣнчанный морскимъ тростникомъ и величественно украшенный длинною бородою, спускавшеюся до самаго пупка серебристыми волнами. Тогда онъ давалъ новичку ужасное крещеніе морскою водою и въ то же время произносилъ длинную рѣчь, наполненную шутками стараго моряка; слова этой рѣчи нестолько выговаривались, сколько выплевывались, съ приправою ѣдкаго, желтаго сока табачной жвачки, къ великой радости слушателей, насквозь пропитанныхъ дегтемъ. Одинъ изъ моихъ друзей разсказывалъ мнѣ, какъ празднуется на корабляхъ эта океаническая мистерія, и увѣрялъ меня, что матросы смѣются самымъ громкимъ и от-

кровеннымъ смѣхомъ при видѣ комической балаганной фигуры, изображающей Нептуна, но что въ глубинѣ души они нисколько не подвергаютъ сомнѣнію дѣйствительное существованіе этого бога, и даже иногда, во время великихъ опасностей, призываютъ его на помощь.

Нептунъ остался такимъ образомъ властителемъ морскаго царства а братъ его Плутонъ, несмотря на свое превращеніе въ дьявола, удержалъ господство надъ Тартаромъ. Оба они были счастливѣе своего брата Юпитера, которому пришлось перенести особенно много несчастій и страданій. Этотъ третій сынъ Сатурна, послѣ паденія своего отца, присвоилъ себѣ господство надъ небомъ и, въ-продолженіе длиннаго ряда вѣковъ, царилъ на вершинѣ Олимпа. Его окружалъ вѣчно веселый дворъ высокихъ и превысокихъ боговъ и полубоговъ, высокихъ и превысокихъ богинь и нимфъ, жившихъ въ нѣгѣ и весельи, пресыщенныхъ амброзіею и нектаромъ, презиравшихъ сволочь, прикрѣпленную къ землѣ, и нисколько незаботившихся о завтрашнемъ днѣ. Увы! и великій Кронидъ долженъ былъ эмигрировать и исчезнуть среди толкотни варварскихъ народовъ, захватившихъ римскій міръ. Слѣды разжалованнаго бога потерялись, и я напрасно допрашивалъ старыя хроники и говорилъ объ этомъ съ старыми старухами: никто не могъ сообщить мнѣ никакихъ свѣдѣній о его участи. Я перерылъ великое множество библіотекъ; мнѣ показывали самые великолѣпные кодексы, украшенные золотомъ и драгоцѣнными камнями; эти кодексы—настоящіе одалиски въ гаремѣ науки, и я, по заведенному обычаю, приношу здѣсь публично мою благодарность тѣмъ ученымъ евнухамъ, которые не слишкомъ ворчали или даже были любезны и предупредительны, открывая мнѣ доступъ къ этимъ лучезарнымъ сокровищамъ, хранившимся у нихъ за крѣпкими запорами. Я убѣдился окончательно, что средніе вѣка не оставили намъ преданій о судьбѣ Юпитера послѣ паденія язычества. Все, что я могъ открыть касательно этого предмета, ограничивается разсказомъ, который мнѣ въ былое время передалъ другъ мой, Ніэльсъ Андерсенъ.

Я назвалъ Ніэльса Андерссна, и при этомъ имени въ

моемъ воображеніи, улыбаясь, выдѣляется это доброе лицо, возбуждающее въ одно и то же время и смѣхъ и сочувствіе. Я хочу посвятить ему здѣсь нѣсколько строкъ. Я вообще люблю давать отчетъ объ источникахъ, изъ которыхъ я почерпаю свѣдѣнія и указывать на ихъ хорошія и дурныя качества, чтобы читатель былъ въ состояніи собственнымъ критическимъ смысломъ оцѣнить, насколько эти источники достойны его довѣрія.

Ніэльсъ Андерсенъ, родившійся въ Дронтгеймѣ, въ Норвегіи, былъ одинъ изъ самыхъ ловкихъ и неустрашимыхъ китолововъ, какихъ мнѣ случалось встрѣчать. Отъ него пріобрѣлъ я нѣкоторыя познанія о китоловномъ промыслѣ. Онъ разоблачилъ передо мною всѣ хитрости и тонкости этого ремесла; онъ подробно описалъ мнѣ всѣ уловки и извороты, которые пускаетъ въ ходъ умный и опытный китъ, чтобы сдѣлать эти хитрости безуспѣшными и отдѣлаться отъ охотника. Ніэльсъ Андерсенъ научилъ меня владѣть гарпуномъ: онъ показалъ мнѣ, какимъ образомъ колѣнкою правой ноги надо опираться на бортъ барки, чтобы бросать гарпунъ, и какимъ образомъ лѣвою ногою можно поддать хорошаго пинка недогадливому матросу, если онъ недостаточно скоро начнетъ отпускать веревку, привязанную къ гарпуну. Ему я обязанъ всѣмъ и если я не сдѣлался знаменитымъ китоловомъ, то въ этомъ нельзя винить ни Ніэльса Андерсена, ни меня; въ этомъ виновата только моя несчастная звѣзда, т. е. то печальное обстоятельство, что мнѣ, въ теченіе всей моей жизни, не привелось встрѣтить такого кита, съ которымъ я бы могъ достойнымъ образомъ вступить въ состязаніе. Попадались мнѣ только пошлые штокфиши, да жалкія сельди. Что вы сдѣлаете съ самымъ лучшимъ гарпуномъ, когда имѣете дѣло съ селедкою? Теперь у меня ноги разбиты параличемъ, и я навсегда долженъ отказаться отъ охоты за китами. Когда я познакомился съ Ніэльсомъ Андерсеномъ въ Рицебуттелѣ, возлѣ Куксгафена, Ніэльсъ Андерсенъ также былъ уже инвалидомъ. У береговъ Сенегала, молодая и шаловливая акула приняла, вѣроятно, его правую ногу за кусокъ леденца, и сразу отрѣзала ее прочь своими острыми зубами: съ тѣхъ поръ, бѣдный Ніэльсъ Андерсенъ ходитъ съ грѣ-

хомъ пополамъ на искуственной ногѣ, сдѣланной изъ ели его родины, и хвалитъ свою деревяшку, какъ лучшее произведеніе норвежскаго плотничества. Въ это время, величайшимъ его удовольствіемъ было взобраться на огромную пустую бочку и барабанить по ея животу своею деревянною ногою. Я часто подсаживалъ его и помогалъ ему усѣсться; но иногда, когда онъ хотѣлъ сойдти внизъ, я соглашался помочь ему только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ разсказалъ мнѣ одно изъ любопытныхъ преданій, носящихся надъ сѣвернымъ моремъ.

Магометъ-Ибнъ-Масуръ начинаетъ всѣ свои поэмы похвалою лошади; Ніэльсъ Андерсенъ точно также начиналъ всѣ свои разсказы восторженнымъ перечисленіемъ хорошихъ качествъ кита. Такимъ же точно панегирикомъ началъ онъ ту легенду, которую мы здѣсь приводимъ.

— Китъ, говорилъ мой пріятель, нетолько больше, но и великолѣпнѣе всѣхъ остальныхъ животныхъ. Водяныя струи, вырывающіяся изъ его ноздрей и брызжущія высоко надъ его головою, уподобляютъ его фонтану и производятъ волшебную картину, особенно ночью при свѣтѣ луны. Кромѣ того, это животное очень добродушно, отличается кротостью нрава и наклонностью къ супружеской жизни. Трогательное зрѣлище, продолжалъ онъ, представляетъ семейство китовъ, расположившееся вокругъ почтеннаго своего патріарха, лежащее на огромной льдинѣ и грѣющееся на солнцѣ. Порою молодое поколѣніе начинаетъ играть и рѣзвиться, и наконецъ всѣ бросаются въ море и принимаются играть въ гулючки среди высокихъ ледяныхъ громадъ. Чистоту нравовъ и цѣломудріе китовъ должно приписать нестолько принципамъ нравственности, сколько холодной водѣ, въ которой они постоянно плаваютъ. При этомъ Андерсонъ сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности о жизни кита....

Подъ кожею кита, этого Чимборасо животнаго міра, лежатъ огромные пласты жира, доставляющіе часто отъ ста до полутораста боченковъ сала и масла. Эти пласты жира конечно чрезвычайно толсты; когда колоссъ спитъ, растянувшись на льдинѣ во всю длину, то цѣлыя сотни водяныхъ крысъ могутъ забраться къ нему подъ ко-

жу, въ эти пласты жира. Водяныя крысы гораздо больше и прожорливѣе нашихъ обыкновенныхъ крысъ; онѣ ведутъ веселую жизнь подъ кожею кита, и днемъ и ночью обжираются самымъ свѣжимъ жиромъ, не выходя даже изъ своего гнѣзда. Обжорство паразитовъ дѣлается наконецъ тягостнымъ для непроизвольнаго хозяина и даже начинаетъ причинять ему значительную боль. У человѣка, слава Богу, есть руки, которыми онъ можетъ почесаться, если его что нибудь безпокоитъ, но у кита нѣтъ рукъ, и потому онъ, чтобы прекратить свои страданія, прислоняется задомъ къ острымъ ребрамъ ледянаго утеса и начинаетъ тереть себѣ спину, опускаясь и поднимаясь, выпрямляясь и сгорбливаясь, и вообще дѣлаетъ то же самое, что дѣлаютъ собаки, готовыя ободрать себѣ кожу объ деревянный уголъ, когда ихъ чурезчуръ ѣдятъ блохи. Киты, продолжалъ Андерсонъ, иногда приплываютъ къ острову Кроликовъ.

— Что это такое, островъ Кроликовъ? спросилъ я у Ніэльса Андерсена. Собесѣдникъ мой забарабанилъ по бочкѣ деревянною ногою, и отвѣчалъ:

— На этомъ самомъ островѣ происходило дѣйствіе той исторіи, которую я вамъ долженъ разсказать. Я не могу совершенно точно опредѣлить вамъ его географическое положеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ его открыли, никто не могъ во второй разъ туда проѣхать; вокругъ этого острова нагромождены огромныя ледяныя горы, непропускающія къ нему ни одного корабля. Его успѣлъ посѣтить только экипажъ одного русскаго китоловнаго судна, занесеннаго въ бурю въ этотъ лабиринтъ льда; съ тѣхъ поръ прошло больше ста лѣтъ. Когда эти моряки причалили къ этому острову, они нашли его совершенно пустыннымъ и почти лишеннымъ растительности. Тощія вѣтви можжевельника печально качались надъ песчаными равнинами; въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга торчали крошечные кустарники и сосны, изуродованныя снѣгомъ, стлались по безплодной почвѣ. Множество кроликовъ разбѣгались во всѣ стороны, выскакивая изъ-подъ ногъ путешественниковъ; эти кролики подали поводъ къ названію острова. Одинокая хижина, стоявшая среди острова, служила доказательствомъ присутствія

человѣка. Когда моряки вошли въ эту хижину, они увидѣли старика, дошедшаго до послѣдней степени дряхлости и едва прикрытаго кроличьими шкурками; онъ сидѣлъ на каменной лавкѣ, отогрѣвая исхудалыя руки и дрожащія колѣни у очага, въ которомъ тлѣлъ и порою вспыхивалъ мелкій хворостъ. По правую сторону отъ него сидѣла огромная птица, похожая на орла, но вылинявшая отъ старости и жестоко обезображенная; большія жесткія перья крыльевъ сохранились и торчали въ разныя стороны; всѣ остальныя части тѣла были совершенно обнажены, и бывшій орелъ казался вслѣдствіе этого чрезвычайно некрасивою и очень смѣшною фигурою. Возлѣ старика, по лѣвую руку, лежала на полу старая коза съ короткою шерстью и съ добродушными глазами; она была очень стара, но несмотря на то вымя ея было полно молока, и сосцы отличались свѣжестью и розовымъ цвѣтомъ.

Въ числѣ моряковъ, причалившихъ къ острову Кроликовъ, было нѣсколько Грековъ; одинъ изъ нихъ, думая, что хозяинъ хижины не знаетъ его языка, сказалъ по-гречески своимъ товарищамъ:

— Эта старая тварь, вѣроятно, тѣнь покойника или злой демонъ?

При этихъ словахъ старикъ встрепенулся, быстро приподнялся съ лавки, и моряки съ изумленіемъ увидѣли высокую, величественную фигуру; старикъ, несмотря на бремя лѣтъ, выпрямился во весь ростъ, такъ-что голова его касалась перекладинъ потолка; лицо его выражало гордое сознаніе своего достоинства и незабытую привычку повелѣвать. Черты его физіономіи, изрытыя морщинами и одряхлѣвшія отъ старости, сохраняли слѣды прежней красоты; онѣ были благородны и безукоризненно правильны. Рѣдкія пряди серебристыхъ волосъ осѣняли лобъ его, наморщенный лѣтами и гордымъ движеніемъ бровей; потускнѣвшіе и помутившіеся глаза его смотрѣли на моряковъ пронизывающимъ взоромъ; рѣзко обрисованныя губы раскрылись, и старикъ произнесъ по-гречески, вмѣшивая въ свою рѣчь множество архаизмовъ, нѣсколько звучныхъ и гармоническихъ словъ.

— Ты ошибаешься, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, я не призракъ и не злой духъ; я несчастливъ, но я видалъ и лучшіе дни. А вы? кто вы такіе? Тутъ моряки разсказали старому отшельнику, какимъ образомъ буря сбила ихъ съ пути и просили его сообщить имъ разныя свѣдѣнія насчетъ острова; старикъ не могъ исполнить ихъ желанія. Онъ сказалъ имъ, что съ незапамятныхъ временъ живетъ на этомъ островѣ, и что ледяныя твердыни доставляютъ ему безопасное убѣжище, ограждая его отъ непримиримыхъ враговъ, завладѣвшихъ его законными правами; питается онъ охотою за кроликами, которые во-множествѣ водятся на этомъ островѣ; каждый годъ, въ то время, когда пловучія льдины сдвигаются въ сплошную массу, къ нему пріѣзжаютъ на саняхъ толпы дикарей, которымъ онъ продаетъ кроличьи шкурки, получая отъ нихъ взамѣнъ всѣ предметы первой необходимости. Киты, говорилъ онъ, приплывающіе отъ времени до времени къ его острову, составляютъ его любимое общество. Онъ прибавилъ, впрочемъ, что, какъ природный Грекъ, онъ съ большимъ удовольствіемъ ведетъ теперь разговоръ на своемъ родномъ языкѣ. Онъ просилъ своихъ соотечественниковъ сообщить ему какія-нибудь извѣстія о современномъ положеніи Греціи. Когда онъ услышалъ, что крестъ, красовавшійся на башняхъ эллинскихъ городовъ, опрокинутъ, онъ не могъ скрыть злобной радости. Узнавъ, что этотъ христіанскій символъ замѣненъ двурогою луною, онъ этому вовсе не порадовался. Странно было то, что ни одинъ изъ моряковъ не зналъ имени тѣхъ городовъ, о которыхъ освѣдомлялся старикъ, и которые, какъ онъ говорилъ, въ его время были знамениты. Имена, которыми матросы называли города и мѣстечки нынѣшней Греціи, были совершенно неизвѣстны старику; онъ часто, съ чувствомъ тяжской грусти, покачивалъ головою, и моряки переглядывались съ удивленіемъ; они видѣли, что старикъ превосходно знаетъ мѣстоположеніе ихъ страны; онъ съ мельчайшими подробностями, точно и опредѣленно описывалъ бухты, стрѣлки, выдавшіеся въ море мысы, часто даже маленькіе холмики и одиноко стоящія группы скалъ; при этомъ онъ показывалъ полнѣйшее незнаніе самыхъ обще-

извѣстныхъ топографическихъ именъ и это еще болѣе усиливало изумленіе моряковъ.

Старикъ освѣдомился, съ самымъ живымъ участіемъ и въ то же время съ замѣтною тревогою, объ одномъ древнемъ храмѣ, который, по его словамъ, въ былое время составлялъ гордость и лучшее украшеніе всей Греціи. Никто изъ его слушателей не зналъ того имени, которое онъ произносилъ съ глубокимъ умиленіемъ; наконецъ, когда онъ самымъ подробнымъ образомъ описалъ то мѣсто, на которомъ долженъ былъ находиться этотъ памятникъ, одинъ молодой матросъ вдругъ узналъ это мѣсто.

— Тамъ, крикнулъ онъ, построена деревня, въ которой я родился; когда я былъ ребенкомъ, я долго на самой этой полянѣ стерегъ отцовскихъ свиней. Тамъ, въ самомъ дѣлѣ; и до-сихъ-поръ есть развалины очень старыхъ строеній, даже по развалинамъ видно, что строенія эти были великолѣпны; кое-гдѣ уцѣлѣли и до-сихъ-поръ стоятъ какія-то колонны, однѣ стоятъ особнякомъ, другія связаны кровлею; кровля эта обвалилась и обросла каприфоліемъ и красными ліанами. Другія колонны изломаны, лежатъ на землѣ; иныя изъ розоваго мрамора. Плющъ захватилъ ихъ великолѣпныя капители, высѣченныя въ формѣ цвѣтовъ и листьевъ. Большія мраморныя плиты, четыреугольные обломки стѣны и треугольные куски крыши разсыпаны по полянѣ и на-половину вросли въ землю. Мнѣ часто случалось, продолжалъ молодой человѣкъ, по цѣлымъ часамъ смотрѣть на эти обломки; тутъ выдѣланы сраженія и игры, пляски и процессіи, красивыя и смѣшныя фигуры; жаль, что отъ времени вся эта рѣзьба очень попортилась, поросла мхомъ и ползучими травами. Я одинъ разъ спросилъ у отца, что̀ это за развалины, и что̀ онѣ такое значатъ? отецъ сказалъ, что это остатки отъ стариннаго храма, и что тутъ въ прежніе годы жилъ языческій богъ; этотъ богъ всячески развратничалъ, велъ грязную жизнь, блудилъ, не разбирая родства, и позволялъ себѣ всякія гадости; а идолопоклонники ничего этого не понимали и рѣзали ему быковъ, иной разъ цѣлыми сотнями, возлѣ его жертвенника. Отецъ увѣрялъ меня, что тамъ еще видна мраморная кадка, въ которую спускали кровь жертвенныхъ

животныхъ; изъ этой самой кадки мои свиньи пьютъ дождевую воду; да еще я туда же сваливалъ всякіе объѣдки, которые потомъ шли на кормъ скоту.—Когда молодой морякъ кончилъ свою рѣчь, старикъ глубоко вздохнулъ; ему сдѣлалось невыносимо грустно и онъ не могъ побѣдить своего волненія; въ изнеможеніи опустился на свою каменную лавку, закрылъ лицо обѣими руками и заплакалъ, какъ маленькій ребенокъ. Птица, сидѣвшая возлѣ него, закричала дикимъ голосомъ, распустила свои огромныя крылья, и стала грозить морякамъ когтями и клювомъ; старая коза застонала и начала лизать руки своего хозяина, стараясь укротить его горе своими кроткими ласками. Морякамъ сдѣлалось какъ-то жутко; они почувствовали какое-то странное замираніе сердца, и поспѣшно вышли изъ хижины; имъ было какъ-то не по себѣ, пока до нихъ доносились рыданія старика, острые крики отвратительной птицы и жалобный стонъ старой козы. Возвратившись къ себѣ на корабль, они разсказали свое приключеніе. Въ числѣ экипажа находился ученый; онъ объявилъ, что это происшествіе чрезвычайно важно. Глубокомысленно приложивъ указательный палецъ правой руки къ одной изъ своихъ ноздрей, онъ увѣрилъ моряковъ въ томъ, что старикъ острова Кроликовъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть бывшій богъ Юпитеръ, сынъ Сатурна и Реи, верховный владыка всѣхъ боговъ; что птица, сидѣвшая съ нимъ рядомъ—очевидно тотъ знаменитый орелъ, который въ своихъ когтяхъ держалъ небесные громы, а что, судя по всѣмъ примѣтамъ, коза—должно быть, старая кормилица Амалтея, выкормившая бога на островѣ Критѣ, и питающая его теперь своимъ молокомъ на островѣ Кроликовъ».

Таковъ былъ разсказъ Ніэльса Андерсена; онъ растрогалъ меня до-глубины души; я не скрываю этого. Уже то, что онъ сообщилъ мнѣ о тайныхъ страданіяхъ кита, огорчило меня самымъ чувствительнымъ образомъ. Бѣдное животное! Противъ этой сволочи, противъ подлыхъ крысъ, забирающихся въ твое тѣло и грызущихъ тебя безъ-умолку, у тебя нѣтъ средства и ты таскаешь ихъ съ собою до конца жизни! Какъ ни кидайся изъ стороны въ сторону, съ сѣвера на югъ, сколько ни трись спиною объ льдины обоихъ

полюсовъ, не избавишься ты отъ этихъ проклятыхъ крысъ! Но, какъ бы ни былъ я растроганъ страданіями бѣдныхъ китовъ, еще гораздо сильнѣе поразила мою душу трагическая судьба этого старика, который, по миѳологической гипотезѣ русскаго ученаго, въ древности царствовалъ надъ богами подъ именемъ Юпитера Кронида. Да, онъ также испыталъ на себѣ неумолимость судьбы, угнетающей даже безсмертныхъ; подобныя паденія пугаютъ насъ, шевелятъ желчь и возбуждаютъ состраданіе. Послѣ этого будьте Юпитеромъ, будьте верховнымъ владыкою міра, заставляйте трепетать вселенную маніемъ бровей, будьте воспѣты Гомеромъ и изваяны Фидіемъ въ золотѣ и слоновой кости, выслушивайте въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ мольбы ста народовъ, будьте любовникомъ Семелы, Данаи, Европы, Алкмены, Латоны, Іо, Леды, Калисты! Чтожъ изъ этого выдетъ?—Выдетъ дряхлый старикъ, которому, какъ бѣдному Савояру, придется, изъ-за дряннаго куска хлѣба, торговать кроличьими шкурками. Такое зрѣлище конечно доставитъ удовольствіе пошлой толпѣ, которая завтра будетъ ругаться надъ тѣмъ, что было ея кумиромъ вчера. Можетъ быть, въ числѣ этихъ добрыхъ людей есть потомки тѣхъ несчастныхъ быковъ, которые нѣкогда вошли въ составъ гекатомбъ, зарѣзанныхъ на алтарѣ Юпитера: пусть они радуются его паденію, пусть вволю тѣшатся надъ нимъ, чтобы отмстить за кровь предковъ, погибшихъ жертвою идолопоклонства. Что касается до меня, то моя душа глубоко потрясена и мною овладѣваетъ болѣзненное состраданіе при видѣ этого величественнаго несчастія.

Можетъ-быть, это умиленіе не позволило мнѣ дойти, въ моемъ разсказѣ, до того серьезнаго спокойствія, которое такъ прилично историку, до той строгой важности, которая пріобрѣтается только во Франціи. Поэтому, я скромно сознаю все свое ничтожество въ сравненіи съ великими мастерами этого дѣла и, представляя мое произведеніе на милостивое вниманіе великодушнаго читателя, къ которому я всегда питаю глубочайшее уваженіе, прощаюсь съ нимъ до другаго раза.

Н. РАГОДИНЪ.

ВЫДЕРЖКА

ИЗЪ

ИСТОРІИ ПОЛЬШИ (*).

(1770—1772 г.)

Давно было сказано, что исторія есть священная книга народовъ, зерцало ихъ бытія и дѣятельности, скрижаль откровеній и правилъ, завѣтъ предковъ къ потомству и т. п. Но–едва ли это такъ. Подобное понятіе о значеніи исторіи, особенно какою она была до сихъ поръ, положительно не вѣрно, какъ не вѣрны впрочемъ и многія другія понятія, наслѣдованныя нами отъ предковъ: что казалось весьма натуральнымъ прошлому поколѣнію, то кажется страннымъ современному. И предки, и большинство потомковъ, смотрѣли, напримѣръ, неблагосклонно на уничтоженіе самостоятельности Польши, называли полюбовное размежеваніе «речи посполитой» между тремя сосѣдними державами вопіющею несправедливостью, писали цѣлые трактаты о томъ, что лишать самостоятельнаго существованія цѣлую націю — дѣло возмутительное. «Но, иные могутъ прибавить, — если

(*) Источники, котоtыми авторъ руководствовался при составленіи настоящаго очерка, болѣе или менѣе извѣстны всякому, интересующемуся исторіею XVIII столѣтія, и потому, для удобства чтенія, онъ не считаетъ нужнымъ цитировать ихъ, тѣмъ болѣе, что статья эта составляетъ легкій историческій разсказъ о предметѣ, съ которымъ такъ мало и односторонне знакомитъ русская литература, а не историческое изслѣдованіе, для котораго время еще не настало.

Авторъ.

смотрѣть на дѣло безпристрастно, то и предки, и потомки жестоко ошибались. Говорятъ, что сосѣднія державы не имѣли никакого права вмѣшиваться въ семейныя дѣла речи посполитой; что Поляки, особенно магнаты и шляхта, могли дѣлать у себя дома все что угодно; что постороннее вмѣшательство въ домашнія дѣла народа то же самое, что стѣсненіе личной свободы человѣка, желающаго жить по своей волѣ, а не по чужой программѣ; что, наконецъ, нельзя останавливать человѣка, еслибы ему даже вздумалось утопиться. Все это, положимъ, правда. Дѣйствительно, какое было дѣло хоть бы ближайшему сосѣду Польши, Фридриху II, до того, что шляхта дѣлала ужасныя сумасбродства? Какое было дѣло Маріи-Терезіи, еслибъ какой-нибудь магнатъ и рѣшился броситься въ Вислу, когда ему не жилось на бѣломъ свѣтѣ? Мы думаемъ, что и Фридрихъ, и Марія-Терезія смотрѣли довольно хладнокровно, какъ шляхта топилась въ Вислѣ: — такова была шляхетская вольность. Но вѣдь надо и то сказать, что шляхта тянула съ собой въ воду и все посполитство, и часто, спасаясь сама, топила только хлоповъ: шляхта губила народъ, который вовсе не желалъ топиться. Вотъ чего нельзя было позволить Польшѣ.... Хуже того положенія, въ какомъ находилось большинство подданныхъ речи посполитой, трудно себѣ представить, да и вся тогдашняя обстановка доказывала, что на хорошее будущее нечего было расчитывать, по крайней мѣрѣ, очень долго нельзя было ждать перемѣны къ лучшему. Въ сущности, народъ, переходя отъ одной зависимости къ другой, ничего не терялъ, а еще выигрывалъ тѣмъ, что избавлялся, по крайней мѣрѣ, отъ буйнаго произвола шляхты. Если польское правительство не умѣло и не хотѣло осчастливить свой народъ, не умѣло даже управиться само съ собой и довело милліоны населенія до крайняго униженія и бѣдности, разорило и истощило страну, то мы имѣемъ основаніе заключить, что такое правительство не имѣло правъ на жизнь и свободу народа, недостойно было самостоятельнаго существованія». Вотъ что̀ могутъ сказать другіе.

До сихъ поръ многихъ интересуетъ вопросъ объ иниціативѣ въ дѣлѣ раздѣленія Польши, вопросъ, въ сущности, неважный. Что̀ за дѣло исторіи до того, кому первому пришла мысль распоряжаться въ чужой землѣ, какъ въ собственной вотчинѣ, — Фридриху ли II, Маріи ли Терезіи, или кому третьему, — когда земля эта была давно открыта для всякаго посторонняго вмѣшательства? Что̀ за дѣло до того, кому первому захотѣлось поднять брошенную на большой дорогѣ дра-

гоцѣнную вещь? Двери въ Польшу были растворены настежъ: всякій сильный сосѣдъ могъ свободно входить въ нихъ и распоряжаться по своему разумѣнію, какъ въ домѣ, гдѣ хозяинъ былъ безпеченъ къ своему добру, а сосѣдъ думалъ принести пользу безпечному владѣльцу. Значитъ, все равно, кто бы первый ни вошелъ въ эту дверь, потому-что, рано ли, поздно ли, а кто-нибудь заглянулъ бы въ нее. Но еслибы вопросъ объ иниціативѣ въ дѣлѣ раздѣленія Польши и былъ важенъ, то и тогда невозможно было бы рѣшить его положительно. Для насъ также все равно, плакала ли Марія-Терезія и искренно ли плакала, принимая отъ Кауница «*ein elendes stuck von Polen*», — о чемъ съ такимъ умиленіемъ говорятъ Нѣмцы въ своихъ исторіяхъ (*), — лишь бы взято было то, что предлагали ей. Въ этомъ историческомъ фактѣ то важно, что Польша не могла, — а по мнѣнію другихъ, — и не должна была существовать, чтобы существованіемъ своимъ не увеличивать страданій своего народа.

Какъ бы то ни было, но положеніе Польши въ самомъ дѣлѣ было бѣдственное. Мы, пожалуй, могли бы имѣть право не довѣрять историкамъ этой эпохи, и считать пристрастными ихъ свидѣтельства о безвыходномъ положеніи польскаго общества въ періодъ такъ-называемой анархіи, еслибы сами Поляки, современники своего паденія, не рисовали мрачными красками картину бѣдствій своей страны, еслибы они сами не сознавали тогда, что Польша должна была погибнуть неизбѣжно. По крайней мѣрѣ, ихъ словамъ мы должны вѣрить.

Впрочемъ, не многіе изъ Поляковъ въ эту критическую эпоху понимали, что стоятъ надъ пропастью; большая часть равнодушно смотрѣли, какъ мало-по-малу изнывала страна подъ тяжестью смутъ и рѣзни партій, — непостижимое равнодушіе, объяснимое развѣ только полною извращенностью всей исторической жизни этой націи. На генеральномъ конвокаціонномъ сеймѣ, созванномъ по смерти Августа III, примасъ республики, въ потокѣ громкихъ и пустыхъ фразъ, умѣлъ однако сказать представителямъ польскаго народа много жесткихъ истинъ; но все это прослушано было, или съ тупой апатіей полусоннаго пана, или съ неумѣстной, безтолковой запальчивостію гусарскаго корнета-бреттёра. Примасъ говорилъ, что дикое озлобленіе партій,

(*) G. Waitz, Preussen u d. erste poln. Theilung (Histor. Zeitschr. v. Sybel, 1859).

полное непониманіе потребностей націи и безсмысленное пренебреженіе народными интересами ведетъ и ихъ, и націю къ погибели. Онъ взывалъ къ народу, чтобы онъ опомнился наконецъ, понялъ, что стоитъ на краю глубокаго обрыва, что недалеко тотъ часъ, когда погибнетъ все: его права и вольности, его гордость и сила, нѣкогда столь страшная и несокрушимая. «Вглядитесь, говорилъ онъ, какъ внутреннія смуты раздираютъ наше царство: всѣ наши разглагольствованія не ведутъ ни къ чему; наши сеймы — безплодны. Мы называемъ себя свободнымъ и независимымъ народомъ, а между тѣмъ стонемъ подъ тяжкимъ ярмомъ неволи, испытываемъ всѣ ужасы войны. Надъ нами тяготѣетъ бѣдствіе рабства, а мы не имѣемъ ни довольно силы, чтобы обсудить свое ужасное положеніе, ни мужества отвратить грозящую опасность». Онъ указывалъ на полное отсутствіе въ народѣ моральныхъ и физическихъ силъ, на недостатки въ администраціи, на пренебреженіе безопасностью страны, которая не имѣла ни крѣпостей, ни гарнизоновъ, ни постояннаго войска: заброшенныя крѣпости давно запустѣли, ничтожные гарнизоны были безсильны, границы открыты для всякаго набѣга, арміи не существовало. «Царство наше, — говоритъ онъ, — похоже на домъ безъ кровли, на зданіе, потрясаемое вѣтрами, на жилище безъ владѣльца, готовое рухнуться съ подгнившаго основанія, если только провидѣніе не сжалится и не поддержитъ это зданіе. Воображеніе не можетъ представить ничего печальнѣе нашей участи: законы — въ презрѣніи или бездѣйствуютъ, какъ негодная тяжесть; свобода задавлена насиліемъ и произволомъ; государственная казна истощена наплывомъ иностранной монеты низкаго достоинства; провинціальные города, лучшія украшенія царства, теперь безлюдны; жалкая торговля въ рукахъ Евреевъ; наконецъ, мы должны искать «городовъ въ самихъ городахъ», потому-что въ нихъ все разрушено и опустошено, — и дома, и улицы, и площади, и общественныя мѣста. Даже церкви не пощажены: онѣ обращены въ бойни, гдѣ безнаказанно рѣжутъ народъ».

Дѣйствительно, положеніе Польши было ужасное. Дальше уже нельзя было идти, и речь посполитая должна была погибнуть. Къ сожалѣнію, Поляки, воспитанные въ идеяхъ своего вѣка, не умѣли понять, что именно было ужаснаго въ положеніи республики; самъ краснорѣчивый примасъ не въ силахъ былъ возвыситься надъ узкими понятіями времени и не умѣлъ заглянуть въ даль по свойственной магнатамъ близорукости и односторонности воззрѣній. А было, ка-

жется, такъ легко понять, что Польша отживала послѣдніе дни. Когда еще на польскомъ престолѣ не сидѣлъ Понятовскій и Фридрихъ прусскій не думалъ дѣлить Польшу на части, венгерскій посланникъ предостерегалъ речь посполитую отъ близкой бѣды. «Летаргическая неподвижность правителей, раздѣленіе на партіи и происки тайныхъ враговъ погубили Венгрію, говорилъ онъ:—«берегитесь, сосѣди-Поляки, чтобы и васъ не постигла подобная участь!»

Но Поляки не хотѣли знать ничего, и предсказаніе Венгровъ сбылось, потому-что только идіотъ могъ еще надѣяться, что Польша, съ ея неразумнымъ устройствомъ, проживетъ долго.

Въ 1764 году, съ обыкновенными церемоніями, Поляки избрали себѣ послѣдняго короля, Станислава Понятовскаго, стольника литовскаго. По обыкновенію, избраніе было пышное, но не такъ бурно, какъ въ старые годы: какъ и прежде, примасъ республики ѣхалъ на мѣсто выборовъ въ великолѣпной каретѣ, окруженный блестящимъ дворомъ; передъ нимъ, на конѣ, ѣхалъ прелатъ и держалъ въ рукахъ крестъ; за нимъ—сенаторы, послы и прочая кровная шляхта. Поле избранія, на которомъ разбиты были палатки, вмѣщавшія въ себѣ благородное шляхетство, отдѣльно по воеводствамъ, и депутатовъ отъ семи главныхъ городовъ, окружено было рвомъ и валомъ; только въ трехъ мѣстахъ разрывался валъ—на западъ, на востокъ и на югъ: это были широкія ворота, которыми входили на поле избранія выборные всей польской земли—съ запада отъ великой Польши, съ востока—отъ малой Польши, а въ южныя двери входила Литва. Не было воротъ только на сѣверѣ... Какъ и прежде, по предварительномъ совѣщаніи, земскіе выборные вышли изъ палатокъ и стали — каждое воеводство отдѣльно, подъ своими хоругвями. Какъ и прежде, примасъ, верхомъ на конѣ, объѣхалъ поле, обращаясь къ каждому воеводству и спрашивая кого избираютъ они королемъ своимъ, и всѣ указали на Понятовскаго. Какъ и въ старые годы, великій коронный маршалъ провозгласилъ имя новаго короля у каждыхъ воротъ, и затѣмъ пропѣтъ былъ гимнъ «*do Ciebie Panie.*»

Не знали Поляки, что въ послѣдній разъ избираютъ себѣ короля.

За избраніемъ Понятовскаго слѣдуютъ самые жалкіе годы въ исторіи Польши: государство видимо разлагается; всѣ проявленія представителей націи носятъ на себѣ печать какого-то отупѣнія; все дѣлается точно во снѣ; ни въ чемъ не видно ни смысла, ни цѣли,

ни общихъ стремленій; силы республики давно погибли, а шляхта все еще хватается за какіе-то призраки и сама продаетъ послѣднюю тѣнь свободы. Варшава и дворъ пируютъ наканунѣ смерти; Станиславъ любезничаетъ съ дамами и разсыпаетъ остроуміе; въ театрѣ такъ весело, такъ шумно; въ гостиныхъ у Чарторыжскихъ, Понятовскихъ и Радзивилловъ столько блеска и роскоши, такіе звонкіе стихи читаются на вечерахъ, въ роскошныхъ дворцахъ, защищенныхъ стражею. А на улицахъ Варшавы уже слышны, по вечерамъ, звяканье сабель, пистолетные выстрѣлы, призывъ на помощь,—и никто не отворитъ окна, чтобы освѣдомиться, кто и гдѣ погибаетъ; все это такъ обыкновенно, такъ натурально. Варшава веселится, а вдали отъ Варшавы что-то готовится необыкновенное, замѣтно какое-то движеніе, и только хлопы крѣпче запираютъ свои дырявыя избушки, чего-то боятся, ждутъ чего-то нехорошаго, потому-что хорошаго не видали ни разу въ жизни. Между тѣмъ войска сосѣдей все тѣснѣе и тѣснѣе стягиваются у предѣловъ республики, переходятъ границы все ближе и ближе къ Варшавѣ. Вотъ уже варшавскія дамы любезно танцуютъ съ русскими и прусскими офицерами.... Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Поляки окончательно успѣли доказать, что они недостойны владѣть милліонами послушнаго населенія, доведеннаго ими до послѣдней степени нищеты. Населенію этому было все равно, кому бы ни повиноваться, только бы не душили его, лишь бы вырваться ему изъ тѣсной тюрьмы и вздохнуть на свободѣ. Между тѣмъ образовалась конфедерація въ Радомѣ. За нею встала другая—въ Барѣ. Поляки одумались на минуту, но только на минуту, а было уже поздно. Двѣ главныя конфедераціи вызвали десятки и сотни новыхъ; общая цѣль, сознанная на минуту, опять была потеряна. Потомъ снова все стало укладываться въ двѣ главныя партіи. Мелкія конфедераціи примкнули къ крупнымъ. Во всѣхъ концахъ Польши шла партизанская война то Русскихъ съ Поляками, то Поляковъ между собою. Наконецъ патріоты объявили Станислава лишеннымъ царства и тронъ—свободнымъ, и королю ничего не оставалось больше, какъ передать свою жалкую власть въ болѣе крѣпкія руки, которыя и надѣли ему на голову корону Пястовъ и поддерживали эту корону, когда онъ самъ не умѣлъ носить ее. Вліяніе Русскихъ, естественно, должно было усилиться еще болѣе, потому-что надо же было кому-нибудь править страной, которая была дотого несчастна, что въ ней не нашлось ни одного сколько-нибудь умнаго

и энергическаго человѣка (энергическіе, правда, были, но умныхъ—никого), ни одной свѣтлой головы, ни одного сердца, которое билось бы для народа, болѣло бы не за себя только, не за свои личныя несчастія, а за тѣхъ, кто въ самомъ дѣлѣ былъ несчастенъ. Петербургскій дворъ не удивился даже, когда получилъ извѣстіе, что Поляки отказались отъ Станислава, ими же самими избраннаго, не удивился потому, что Репнинъ, Волконскій и Веймарнъ давно правили Польшей, а слѣдовательно Россіи было все равно, сидѣлъ ли кто на польскомъ тронѣ или оставался онъ пустымъ; напротивъ, горе Станислава было отчасти выгодно для видовъ петербургскаго кабинета, потому что король поневолѣ долженъ былъ одуматься, проснуться послѣ продолжительнаго сна и постараться сгруппировать вокругъ себя хотя небольшую горсть людей, которые бы подумали о дѣлѣ и забыли на-время танцы и карты. Но, къ сожалѣнію, тотъ не исправляется и не умѣетъ, даже въ самую безнадежную минуту жизни, кто ни на что не былъ годенъ, кромѣ придворныхъ потѣхъ: Станислава покинули всѣ, кромѣ Русскихъ; а если оставалась около него небольшая группа преданныхъ людей, то изъ нихъ не было ни одного даже съ обыкновеннымъ человѣческимъ смысломъ. Польша точно выродилась и измельчала въ послѣднее столѣтіе, и если между врагами Станислава указывали на двѣ или три замѣчательныя личности, въ родѣ Пулавскихъ, Огиньскихъ или молодаго Зиберга, то совершенно напрасно: они были потому только замѣтны, что всѣ другіе были слишкомъ ничтожны; они были хороши, за неимѣніемъ лучшихъ. Петербургскій кабинетъ, давно-понявшій безсиліе Поляковъ, давно увѣрившись въ ихъ продажности и въ отсутствіи всякаго политическаго такта, спѣшилъ успокоить Станислава обѣщаніемъ защищать его противъ конфедератовъ, и Станиславъ слѣпо вѣрилъ, что Русскіе, посадившіе его на престолъ, не отдадутъ бѣднаго короля въ руки разсвирѣпѣвшихъ подданныхъ; во всякомъ случаѣ для него болѣе были страшны сами Поляки, чѣмъ иностранцы,—и естественно.

Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ Станиславъ-Августъ отправилъ въ Петербургъ посольство, самый выборъ котораго доказывалъ, что около короля не было ни одного порядочнаго человѣка. Въ головѣ посольства находилась личность, игравшая нѣкогда роль свахи въ любовныхъ похожденіяхъ молодаго Понятовскаго и теперь располагавшая участью королевства. Посольство просило назначенія новаго посланника въ Варшаву, вмѣсто Волконскаго, который, по

мнѣнію Поляковъ, былъ слишкомъ слабъ и мягокъ съ ними, не былъ настолько своеволенъ, чтобы забрать все въ свои руки, когда всѣ сами добивались этого. Что̀ могъ отвѣчать петербургскій дворъ на такія ребяческія требованія, какъ не замѣтить посольству, что оно слишкомъ наивно, и обѣщать спасти польскую націю отъ неспособныхъ правителей, а конфедератамъ доказать, что и они недостойны распоряжаться судьбою страны, когда изъ такого добраго короля не могли сдѣлать все, что̀ имъ угодно, и не умѣли успокоить націю, которая была слишкомъ довѣрчива и слишкомъ терпѣлива. Незлобивое посольство было принято въ Петербургѣ даже очень ласково, и только Орловы не могли скрыть своего презрѣнія къ представителямъ такъ низко упавшаго королевства. Петербургскій дворъ уже потому соглашался поддержать расшатавшійся тронъ Станислава-Августа, что всегда слѣдовалъ правилу — изъ двухъ золъ избирать менѣе горькое, такъ какъ во всякомъ случаѣ Польша должна была погибнуть, или отъ слабости и неспособности самого короля, или отъ безтактности конфедератовъ, едва ли болѣе его способныхъ честно управлять народомъ, съ тою только разницею, что король изъ Польши дѣлалъ русскую провинцію, а конфедераты могли обратить ее въ какое-нибудь татарское ханство или въ одинъ изъ пашалыковъ турецкаго султана, на что и надѣялись, кажется, Мустафа и его визири. Россія думала, что дѣлаетъ добро Польшѣ, спасая ее отъ турецкаго владычества:—можетъ-быть она и ошибалась... Притомъ Россія, поддерживая короля, находившагося подъ ея покровительствомъ, поддерживала тѣмъ свое достоинство передъ цѣлою Европою, которая называла Станислава-Августа креатурою Русскихъ, а шляхта и католическіе попы, потерявшіе въ немъ вѣрнаго сына римской куріи, отзывались о немъ какъ о православномъ схизматѣ, о коронованномъ chłopie. Послы Станислава-Августа униженно жаловались петербургскому двору на мягкость и деликатность Волконскаго и король самъ просилъ, чтобы прислали къ нему Сальдерна, крутой нравъ котораго очень былъ извѣстенъ варшавскому двору и, повидимому, очень ему нравился, потому что Сальдернъ, въ бытность свою въ Варшавѣ, за нѣсколько лѣтъ до того, умѣлъ доказать, что Станиславъ, имѣя на часахъ такого безцеремоннаго Голштинца, какъ Сальдернъ, могъ и почивать, и сидѣть въ театрѣ спокойно, не опасаясь быть обиженнымъ своевольными конфедератами.

Петербургскій дворъ не могъ не внять такой просьбѣ короля и

послалъ къ нему Сальдерна, а Волконскаго отозвалъ. Грубый Нѣмецъ вполнѣ угодилъ варшавскому двору: прежде всего онъ распорядился, чтобы всѣ скидали шапки передъ королемъ, о чемъ Поляки какъ-то забыли въ послѣднее время; потомъ онъ принялъ мѣры къ возстановленію спокойствія въ городѣ и т. д. Хотя Сальдернъ въ русской исторіи извѣстенъ очень мало, однако этотъ человѣкъ стоитъ того, чтобъ напомнить о немъ потомству. Это тотъ самый голштинскій выходецъ, о которомъ часто упоминаетъ Порошинъ въ своихъ запискахъ, потому что Сальдернъ почти каждый день обѣдалъ у великаго князя Павла Петровича. Личность эта какъ-то туманно рисуется передъ нами, при чтеніи записокъ, и проявляется развѣ только однажды въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, именно, когда Сальдернъ, за обѣдомъ у великаго князя, такъ мѣтко оборвалъ графа А. С. Строганова, а Порошинъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что «не всякій бы проглотилъ такую пилюлю». Сальдернъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Н. И. Панина, потому что оказался необходимымъ для него человѣкомъ. Рюльеръ отзывается о Сальдернѣ, что онъ «соединялъ грубость голштинскаго мужика съ педантствомъ нѣмецкаго профессора», а Фридрихъ II просто ненавидѣлъ его. Современники хвалятъ его умъ и дипломатическую находчивость, потому что онъ ловко запутывалъ тѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло; но всего больше, кажется, онъ умѣлъ запугивать робкихъ, а передъ другими, болѣе крѣпкими, самъ проигрывалъ. Зато онъ имѣлъ удивительный талантъ вооружать всѣхъ противъ себя, и только одинъ польскій король терпѣлъ его по необходимости, потому что самъ напросился къ нему въ опеку. Сальдерну ставятъ въ достоинство, что въ переговорахъ онъ умѣлъ быстро поставить дѣло на прямую дорогу и не сходилъ съ нея, что перо его было мѣтко и достигало цѣли, и это правда отчасти, потому что онъ сразу обрывалъ всякаго, кто былъ слабѣе его, а языкъ его письмъ и особенно приказаній былъ жестокъ и грубъ. Онъ былъ дѣятеленъ, но не въ мѣру гордъ, скорѣе заносчивъ, и чего достигалъ изворотливостью, интригами, угрозами, то самъ же разрушалъ какой-нибудь шероховатой выходкой, когда дѣло повидимому приближалось къ выгодной развязкѣ. Онъ всегда, что называется, бралъ не въ мѣру, шагалъ за рубежъ и вредилъ общему интересу. Объ этомъ человѣкѣ говорили, что «деспотизмъ былъ у него столько же въ головѣ, сколько и въ сердцѣ», хотя мы не совсѣмъ понимаемъ смыслъ этой характеристики. Когда за нѣсколько лѣтъ до этого Ста-

ниславъ-Августъ жаловался петербургскому двору на Репнина, и Сальдерна послали успокоить Варшаву, онъ такъ круто повернулъ дѣло, что всѣ радовались, когда выпроводили его въ Берлинъ, и на мѣсто Репнина посадили Волконскаго; а между тѣмъ и послѣ Варшава чувствовала, что брань Сальдерна для нея очень полезна и что ей безъ него жить нельзя. Въ Берлинѣ, вмѣсто того, чтобы способствовать образованію такъ-называемой «сѣверной лиги», для чего собственно онъ и былъ туда посланъ, Сальдернъ въ первый же день успѣлъ раздражить своими выходками неподатливаго Фридриха, и старикъ-король отмѣтилъ въ своихъ мемуарахъ главныя черты Голштинца—его дубоватость и «тонъ римскаго диктатора», который онъ принималъ на себя въ сношеніяхъ съ Фридрихомъ, и претензію помыкать старымъ Фрицемъ, какъ нѣкогда консулъ Попилій помыкалъ Антіохомъ. Солдатская тактика Сальдерна произвела такой эффектъ, что и Фридрихъ постарался скорѣе выпроводить его изъ своей столицы въ Копенгагенъ, гдѣ Сальдерну больше посчастливилось, потому что тамъ онъ былъ и сильнѣе, и умнѣе всѣхъ: тамъ пригодился и грубый тонъ, которымъ онъ запугалъ однихъ датскихъ министровъ, и червонцы, которыми купилъ повиновеніе другихъ; тамъ онъ распоряжался какъ фельдфебель въ своей ротѣ,—успѣлъ смѣнить министерство и даже начальниковъ арміи, и нагналъ на всѣхъ такой ужасъ, что его назвали «султаномъ Даніи.» Какія же неистовства, думали тогда при иностранныхъ дворахъ, долженъ былъ производить этотъ господинъ тамъ, гдѣ онъ былъ всѣхъ старше, и какую роль долженъ былъ играть онъ въ Петербургѣ, когда при чужихъ дворахъ, только какъ посланникъ, онъ такъ вертѣлъ всѣми? Между тѣмъ въ Петербургѣ Сальдернъ игралъ довольно скромную роль, хотя знали, что онъ имѣетъ большое вліяніе на Панина. Уже постоянное присутствіе этого Голштинца на обѣдахъ у великаго князя, за воспитаніемъ котораго и за каждымъ шагомъ и словомъ ребенка долженъ былъ наблюдать Панинъ, какъ довѣренное лицо императрицы, доказывало, какъ онъ былъ близокъ къ министру; кажется и Порошинъ точно также смотрѣлъ на «господина» Сальдерна. Панинъ же, по натурѣ человѣкъ честный, деликатный и простодушный, но довольно ограниченный, слабый и порядочно лѣнивый, имѣлъ очень высокое мнѣніе о талантахъ Сальдерна, питалъ къ нему большое довѣріе и осыпалъ его такими милостями, какими рѣдкій у него пользовался. Да, Сальдернъ и въ самомъ дѣлѣ былъ полезенъ Панину: лѣнивый старикъ нашелъ

въ немъ хорошаго и толковаго работника, который могъ открыть глаза въ такихъ случаяхъ, когда простодушіе послѣдняго и не позволяло догадываться объ опасности; чего не понималъ одинъ, то другой умѣлъ растолковать и выяснить; за что лѣнился приняться первый, то дѣлалъ послѣдній, и министръ всегда полагался на своего кліента. Когда враги Панина замышляли погубить его, очернить въ глазахъ императрицы, поколебать его силу и проч., то паденіе министра соединяли они съ предварительнымъ паденіемъ Сальдерна и прежде всего старались подкопаться подъ Голштинца, которому такъ вѣрилъ Панинъ. Говорятъ, что честолюбіе однажды шевельнуло душой Сальдерна и побудило его составить нѣчто въ родѣ заговора въ пользу великаго князя и его именемъ произвести переворотъ при дворѣ; говорятъ, будто онъ написалъ нѣчто въ родѣ манифеста, который долженъ былъ обнародоваться при вступленіи Павла Петровича на престолъ, даже не стѣснился показать его Панину, и будто Панинъ, прочитавъ бумагу, молча изорвалъ ее и бросилъ въ огонь, однако не перемѣнился въ отношеніи къ Сальдерну, хотя никогда не заговаривалъ съ нимъ объ этомъ щекотливомъ предметѣ.

Положеніе Станислава-Августа передъ прибытіемъ въ Варшаву Сальдерна было таково, что всякій другой, сколько-нибудь уважающій въ себѣ права человѣка, едва ли бы пожелалъ быть на его мѣстѣ. Одно только обаяніе власти, хотя номинальной, могло развѣ заставить человѣка сносить тѣ униженія, какимъ подвергался Станиславъ, или же, напротивъ, только положительное отсутствіе самолюбія и крайняя пашвность заставляли его играть обидную роль театральнаго лица безъ рѣчей. Послѣ того, какъ имя его провозглашено было публично у трехъ воротъ, ведущихъ на поле избранія, оно сдѣлалось предметомъ колкихъ насмѣшекъ; съ первыхъ же дней послѣ избирательнаго сейма личность короля отходитъ на второй планъ, какъ-то прячется, стушевывается, и короля забываетъ нація; природный Полякъ и шляхтичъ, онъ становится чужимъ для этой шляхты, которая вручила ему царство и потомъ отвернулась отъ него. Правда, при всей простотѣ, онъ понималъ двусмысленность своего положенія и тяготился имъ; но горе, повидимому, не такъ было мучительно, чтобы вдохнуть силу въ этого безсильнаго человѣка, и чего не дала ему природа, не могли дать никакія обстоятельства. По мѣрѣ того, какъ барскіе конфедераты поднимали голову и пріобрѣтали популярность, король терялъ всякое уваженіе и наконецъ сталъ предметомъ всеобщаго презрѣнія. На ули-

цахъ самой Варшавы ему никто не хотѣлъ оказывать знаковъ уваженія, и даже Русскіе, бывшіе тамъ, увлеклись примѣромъ Поляковъ. Прежнее пассивное равнодушіе подданныхъ обращалось въ положительную непріязнь къ королю; нерасположеніе къ нему партій обратилось въ открытый антагонизмъ и стало всеобщимъ; кружокъ преданныхъ ему людей становился все рѣже и рѣже, и наконецъ Станиславъ увидѣлъ, что у него нѣтъ подданныхъ,—у короля нѣтъ королевства. Тогда-то конфедераты объявили польскій тронъ «вакантнымъ» и, погубивъ короля, погубили и себя съ нимъ вмѣстѣ. Войска сосѣднихъ державъ наводнили Польшу: съ запада потянулись отряды Фридриха, съ юга переходили границы австрійскіе солдаты, съ востока прибывали русскіе полки и занимали позиціи. Покинутому всѣми королю ничего не оставалось больше, какъ еще тѣснѣе примкнуть къ Русскимъ,—въ надеждѣ спасти, по крайней мѣрѣ, свою безполезную для націи и ни для кого ненужную жизнь,—и онъ не ошибся, полагаясь на Россію. Русскимъ онъ обязанъ спасеніемъ своей жизни. Узнавъ о своемъ низложеніи съ престола, Станиславъ-Августъ писалъ командиру короннаго войска, остававшагося еще вѣрнымъ прежней власти, но находившагося далеко не въ завидномъ положеніи, что барскіе конфедераты объявили междуцарствіе и намѣрены лишить жизни своего короля; онъ объявлялъ, что всякій, повинующійся имъ, становится его открытымъ врагомъ и повелѣвалъ дѣйствовать противъ конфедератовъ силою оружія. «Но если команда ваша слишкомъ слаба, прибавлялъ онъ, то дѣйствуйте заодно съ русскими отрядами, ближайшими къ вамъ... Я отвѣчаю за васъ.»—Такимъ образомъ Станиславъ-Августъ ввѣрялъ Русскимъ и свою собственную судьбу, и судьбу злополучной націи.

Назначеніе Сальдерна посланникомъ въ Варшаву доказывало, что судьба Польши должна была рѣшиться безотлагательно; оно доказывало также, что упрямый Панинъ, котораго ни изворотливый братъ Фридриха II, принцъ Генрихъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ съ тайными цѣлями относительно участи Польши, ни его посланникъ Сольмсъ, не могли склонить къ участію въ приготовлявшемся политическомъ переворотѣ, рѣшился наконецъ дѣйствовать такъ или иначе, что̀ въ скоромъ времени и обнаружится само собой. Можно догадываться, на что̀ рѣшился Панинъ или на что̀ посовѣтовали ему рѣшиться, когда онъ вручалъ судьбу Польши такому человѣку, какъ Сальдернъ, который съ кѣмъ бы ни имѣлъ дѣло, всегда обращался съ нимъ какъ Киргизы съ своими плѣнными. Для того, чтобы покойно уладить поль-

ское дѣло, онъ былъ неспособенъ, ни по характеру, ни по уму: гдѣ требовалась деликатность и уклончивость, тамъ онъ бралъ приступомъ; гдѣ нужны были энергическія мѣры, тамъ грозилъ саблей; заѣзжій въ Россію Голштинецъ, онъ не знакомъ былъ ни съ польской конституціей, ни съ характеромъ націи, а еще менѣе зналъ положеніе и средства конфедератовъ. Впрочемъ, состояніе Польши было таково, что туда можно было, кажется, послать еще болѣе неспособнаго дипломата, и тому въ Польшѣ ничего бы не приходилось дѣлать больше, какъ смотрѣть, какъ мало-по-малу разрушалось это государство. Самолюбивый Голштинецъ понялъ, что нога его стоитъ на твердой почвѣ, что позиція его выгодна, что хитрить и притворяться не стоитъ нетолько съ Поляками, но даже хоть бы съ Фридрихомъ II, котораго онъ не боялся въ самой Варшавѣ, ни съ Маріей Терезіей, правительницей нервной и нерѣшительной, ни наконецъ съ Кауницемъ, у котораго не рѣдко, при его умѣ, этотъ умъ заходилъ за разумъ. Сальдернъ такъ былъ увѣренъ въ неспособности конфедератовъ къ серьезному дѣлу и въ своей собственной силѣ, что приходилъ въ неистовство, когда ему замѣчали, что другіе дворы могутъ вмѣшаться въ дѣло, которое онъ заранѣе считалъ конченнымъ и за которое уже думалъ получить тотъ или другой орденъ, и едвали онъ ошибался, такъ обидно думая о конфедератахъ. Изъ тщеславія онъ любилъ порисоваться передъ Европой. Онъ говорилъ о Польшѣ какъ о русской провинціи, которую онъ, въ качествѣ новаго губернатора, долженъ былъ успокоить, обревизовать и пожурить за нѣкоторыя провинности. Онъ говорилъ, что намѣренъ сначала дѣйствовать мѣрами кротости и ласкою, а когда это окажется безполезнымъ, то обѣщался «всѣхъ зарубить» (tout sabrer). Для красоты слога и для большей убѣдительности онъ часто употреблялъ слова «диктаторъ» и «Сибирь,» съ которой Поляки успѣли познакомиться еще до Сальдерна (Полн. Собр. Закон. Рос. Имп. XIX, 14095). Онъ прибавлялъ, что въ случаѣ неудачи никогда не воротится въ Петербургъ.

Между тѣмъ положеніе конфедератовъ, о которыхъ до сихъ поръ мы еще почти не говорили, было не завиднѣе положенія короля, и неудивительно, если Сальдернъ оказался правъ, такъ обидно думая о безсиліи патріотической партіи въ Польшѣ. Конфедераты, которые только и питали надежду что на Турцію, теряли эту надежду, по мѣрѣ того, какъ русскія войска разбивали оттоманскую армію. Каждая новая побѣда русскаго оружія надъ Турками была новымъ ударомъ для кон-

федератовъ: и пораженіе Турокъ при Ларгѣ и Кагулѣ, и сожженіе турецкаго флота при Чесмѣ, надѣлавшее столько шуму въ Европѣ,— все это порядочно напугало самихъ Турокъ, такъ что имъ было уже не до конфедератовъ. Но по мѣрѣ того, какъ магнаты и шляхта отчаявались получить помощь со стороны Турціи, и убѣждались, что они предоставлены своей собственной участи, отчаяніе вызывало у нихъ новыя усилія, хотя не могло уже вызвать ни единодушія, ни сочувствія націи, передъ которой они такъ много были виноваты, и которая умѣла бы, можетъ быть, защитить ихъ отъ всей Европы, еслибы они заслужили ея любовь. Но въ томъ-то и заключалось величайшее несчастіе Польши, что ея правительство, начиная отъ перваго магната и кончая послѣднимъ шляхтичемъ, всегда забывало о своемъ народѣ, не сдѣлало ему ни малѣйшаго добра, и народъ самъ забылъ его въ самую отчаянную минуту жизни королевства, отплативъ правительству полнымъ равнодушіемъ къ его несчастіямъ. Не надѣясь на сочувствіе націи, конфедераты должны были или отступить или погибнуть, и хотя погибнуть они должны были во всякомъ случаѣ, однако все еще чего-то ожидали, не зная, что участь ихъ была рѣшена окончательно. Оставалась у нихъ слабая надежда на сочувствіе Франціи; но и эта надежда обманула ихъ, потому что и Францію, въ свою очередь, обманывалъ Кауницъ, а Кауница обманывалъ Фридрихъ II. Франція давала конфедератамъ небольшія субсидіи, на которыя можно было пріобрѣсти нѣсколько оружія; но всего этого было слишкомъ мало. Притомъ посылаемые Франціею коммисары, одинъ отъ короля, другой отъ герцога Шуазеля, постоянно враждовали между собою и только мѣшали конфедератамъ, ссорили даже ихъ и вредили дѣлу, которому взялись служить. Войско конфедератовъ дотого было не подготовлено къ правильной войнѣ, что у него не было даже необходимаго оружія: въ первое время оно сражалось только тѣми пушками, тѣми ружьями и саблями, которыя удавалось ему иногда случайно отнять у непріятеля. Но имъ посчастливилось овладѣть крѣпостью Ченстохово, утвердиться въ ней и имѣть, такимъ образомъ, хоть одинъ надежный пунктъ, ибо другія партіи конфедератовъ, разсѣянныя по Польшѣ, не имѣли нигдѣ прочной точки опоры и могли быть разбиваемы по частямъ, какъ въ полѣ, такъ и въ городахъ, совершенно неукрѣпленныхъ. Партія, владѣвшая укрѣпленіями Ченстохова, опираясь на этотъ городъ, могла легко утвердиться въ междугорьяхъ этой возвышенной мѣстности и владычествовать надъ цѣлымъ

округомъ, тогда какъ въ два послѣдніе года конфедераты не знали ни прочныхъ стоянокъ, ни постоянныхъ квартиръ, и, тѣснимые съ разныхъ сторонъ, какъ номады, перебирались съ мѣста на мѣсто и цѣлыя зимы скитались по лѣсамъ безъ пищи и денегъ. Теперь они располагали почти всею малою Польшею и имѣли деньги, съѣстные припасы и новобранцевъ. Нѣкоторые ихъ отряды были передвинуты въ Литву, опустошенную еще въ началѣ войны, и находились такъ близко отъ русской границы, что могли угрожать порубежнымъ провинціямъ: этими маневрами конфедераты надѣялись заставить Русскихъ вывести свои отряды изъ Польши, для защиты областей, которыя были не безопасны со стороны Литвы. Наконецъ, конфедератамъ пособило и то обстоятельство, что они объявили Станислава-Августа лишеннымъ престола, ибо рѣшительный поступокъ Барской конфедераціи поселилъ мужество въ конфедератахъ другихъ мелкихъ партій, которыя въ смѣломъ протестѣ патріотовъ видѣли начало общаго народнаго дѣла и, что всего главнѣе, смотрѣли на низложеніе короля какъ на законную манифестацію народа, оправдываемую другими державами. Имъ казалось, что Польша нашла наконецъ сочувствіе въ Европѣ, и это сочувствіе выразилось отнятіемъ власти у короля, потерявшаго всякую популярность и, какъ они думали, продавшаго свое царство за корону, которая была не по его головѣ. Незлопамятный народъ могъ также легко забыть старое зло, которое такъ терпѣливо переносилъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и причиною котораго было привиллегированное сословіе государства; онъ могъ простить ему всѣ прошедшія оскорбленія, всѣ обиды и слезы свои, и, примкнувъ къ конфедератамъ, могъ удесятерить ихъ силы, еслибъ послѣдніе, по крайней мѣрѣ въ это время, не раздражали народъ своею жестокостью. Но они не могли переродиться, не могли покинуть своихъ привычекъ,—и народъ не примирился съ ними. Конфедераты,—конечно, не тѣ частные представители патріотовъ, которыхъ было, разумѣется, не много, а жалкій осадокъ сословія дворянъ, полунищихъ и необразованныхъ,—не умѣли и не желали поставить себя въ разумныя отношенія къ массѣ населенія, а напротивъ разбудили въ ней давнишнюю ненависть къ своимъ притѣснителямъ и сдѣлали то, что она готова была служить кому угодно, лишь бы не разоряли ея избушекъ, не опустошали полей и никого не мучили. Эти-то конфедераты разбрелись по всей Польшѣ, по Литвѣ и Волыни.

Разбрелися та й забули
Волю ратувати,
Полигалися зъ жидами
Та й ну руйновати:
Руйновали, мордували,
Церквами топили...

Въ этомъ, намъ кажется, была главная причина безсилія конфедератовъ. Дѣйствительно, народъ, никогда нелюбившій ихъ, не могъ не вооружиться еще болѣе противъ шляхты, или, по меньшей мѣрѣ, не сочувствовать имъ. Вездѣ, гдѣ ни проходили они, въ качествѣ ли побѣдителей, или преслѣдуемые русскими отрядами, они несли съ собой страшныя опустошенія. Солдаты, служившіе въ арміи конфедератовъ, не получая ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ, принуждены были жить грабежомъ, и, нестройными толпами, къ которымъ приставалъ всякій сбродъ, ходили по всѣмъ направленіямъ, брали все, что могли взять, и жгли, чего не могли захватить съ собою; подобно дикимъ отрядамъ наемныхъ кондотьери, они не жалѣли страны, за свободу которой воевали ихъ предводители, и вредили общему дѣлу. Каждый собственникъ былъ для нихъ партизаномъ Россіи; кто не желалъ или не могъ пристать къ ихъ шайкамъ, становился ихъ врагомъ и ему не было пощады; города и деревни, державшіе сторону конфедератовъ, трепетали приближенія своихъ защитниковъ и радовались, когда буря проходила мимо. Мужикъ, знавшій только свою пашню, пана и войта, съ удивленіемъ спрашивалъ себя: кто же опаснѣе для него,—свои или чужіе, мнимые спасители или враги? Русскіе удачно пользовались этимъ фальшивымъ положеніемъ конфедератовъ и, неласково обращаясь съ плѣнными, по возможности щадили и ласкали мирное населеніе, насколько, разумѣется, возможна пощада въ военное время; они старались оспорить у конфедератовъ имя спасителей Польши, — и дѣйствительно народъ хорошо видѣлъ, что конфедераты—не освободители. Это зло могли бы еще поправить истинные конфедераты; они могли возвысить во мнѣніи націи опозоренное грабителями свое имя; но у нихъ недоставало ни единодушія, ни общаго плана; они враждовали попрежнему; не забывали личныхъ дрязгъ и продолжали вести прежнія фамильныя распри, доводить до конца свои геральдическіе споры о первенствѣ.

Мы замѣтили, что Франція принимала участіе въ дѣлѣ конфеде-

ратовъ. Она давно смотрѣла завистливыми глазами на возрастающее могущество Россіи и потому не могла отказать себѣ въ удовольствіи стать посредницей между нею и Польшею. Но вступать въ открытыя сношенія съ конфедератами она не могла какъ потому, что находилась въ союзѣ съ Австріею, которая маскировала передъ нею свои отношенія къ Польшѣ, такъ и потому, что боялась Кауница. Не желая ссориться съ этимъ министромъ, который увѣрялъ и Шуазёля и его короля въ сердечномъ расположеніи къ нимъ Австріи и между тѣмъ безсовѣстно обманывалъ ихъ,—Франція тайно помогала конфедератамъ. Шуазёль питалъ надежду, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ въ Польшѣ, можно будетъ достигнуть возстановленія прежней независимости этого королевства, тѣмъ болѣе, что самая опасная сосѣдка Польши, Россія, вела въ то время трудную войну съ Турціею и еще нельзя было сказать утвердительно, кто проиграетъ въ этой борьбѣ. Шуазёль отправилъ въ Польшу секретнаго агента для наблюденія за тамошними происшествіями и для оказанія помощи конфедератамъ, какъ совѣтами, такъ и денежными субсидіями. Порученіе это выпало на долю Дюмурье, игравшаго громкую роль въ исторіи французской революціи, а въ это время еще вовсе неизвѣстнаго. Шуазёль избралъ его потому, что предполагалъ въ немъ достаточно и ума, и такта, чтобы повести дѣло толкомъ, и основывалъ это, конечно, на томъ, что замѣтилъ въ Дюмурье наклонности къ исполненію видныхъ политическихъ ролей. Дюмурье долженъ былъ прежде всего отправиться въ Венгрію, гдѣ находились представители польскихъ патріотовъ, и, узнавъ о ихъ намѣреніяхъ, средствахъ и надеждахъ на будущее, сообщить обо всемъ этомъ своему посланнику въ Вѣнѣ, Дюрану, при личномъ свиданіи, и представить планъ, котораго Дюмурье долженъ былъ держаться въ дѣлѣ конфедератовъ. Ему же поручалась выдача Полякамъ субсидіи, которыя не превышали шести тысячъ дукатовъ въ мѣсяцъ. Въ іюлѣ 1770 года Дюмурье прибылъ въ Вѣну, а недѣли черезъ двѣ находился уже въ Венгріи, въ обществѣ представителей Барской конфедераціи. Конфедераты немедленно отправили въ Вѣну коммисаровъ, въ томъ числѣ одного изъ извѣстныхъ своихъ агитаторовъ, именно Паца, которые должны были поддерживать интересы своей партіи при вѣнскомъ дворѣ и сколько-нибудь расположить въ свою пользу упрямаго Кауница. Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, ихъ приняли ласково; но сколько ни старался Пацъ разведать о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ Австріи относительно конфедератовъ, онъ

ничего не могъ узнать; онъ только слышалъ пустыя фразы, темныя, какъ только можетъ быть теменъ дипломатическій языкъ двора, маскирующаго свои тайныя цѣли; онъ слышалъ одни неопредѣленныя обѣщанія,— такъ что ихъ можно было повернуть въ какую угодно сторону. Ему дали замѣтить, что они будто и оправдываютъ низложеніе съ престола Станислава-Августа, и не оправдываютъ, что хотя они и считаютъ дѣло конфедератовъ достойнымъ сочувствія, однако тѣмъ не менѣе не сочувствуютъ ему. Однимъ словомъ, ничего не сказали, хотя наговорили много. Люди болѣе дальновидные, чѣмъ Пацъ или кто-нибудь изъ конфедератовъ, могли бы понять, что отъ Австріи имъ нечего ждать добра, что ничего добраго не дождется отъ нихъ и Станиславъ-Августъ; однако, конфедераты, повидимому, все надѣялись на что-то. Пацъ даже не видѣлъ Кауница, который въ это время хлопоталъ объ уничтоженіи Польши, угождалъ и матери-императрицѣ, и сыну-императору, увѣряя первую, что сохранитъ цѣлость Польши, а втораго— что не сохранитъ этой цѣлости. Пацъ напрасно просилъ объясненія, на какомъ основаніи Австрія захватила двѣ южныя провинціи Польши, провела демаркаціонную линію, на основаніи какихъ-то подложныхъ актовъ, будто бы найденныхъ въ древнихъ архивахъ, и поставила на новой границѣ столбы съ австрійскимъ двуглавымъ орломъ,—ему ничего не хотѣли отвѣчать. Вотъ до-чего упала Польша.

Войско конфедератовъ, уже нѣсколько лѣтъ отбивавшееся отъ превосходныхъ силъ непріятеля, и часто терпѣвшее пораженія, не долго могло защищать послѣдній призракъ власти, которая еще оставалась за ними въ Польшѣ. Оно теперь раздѣлено было на четыре дивизіи, которыя только номинально могли присвоить себѣ это громкое названіе, а въ сущности далеко уступали даже простымъ полкамъ, хорошо укомплектованнымъ и выдержаннымъ. Самая жалкая по своей малочисленности дивизія имѣла начальникомъ самую популярную личность того времени, Казиміра Пулавскаго, который могъ бы не мало сдѣлать добра своей партіи, еслибы столько же имѣлъ ума и необходимыхъ для полководца и государственнаго человѣка способностей, сколько имѣлъ онъ энтузіазма и другихъ второстепенныхъ качествъ, которыхъ еще недостаточно, чтобы быть великимъ человѣкомъ или сберечь свободу милліонамъ. Большая часть его дивизіи или была разсѣяна непріятелемъ въ разныхъ мелкихъ стычкахъ, или уменьшилась вслѣдствіе неудачныхъ предпріятій Мазовецкаго и другихъ находившихся съ нимъ конфедератовъ, такъ что уже осенью 1770 года она

состояла изъ семи или восьми человѣкъ, которымъ не помѣшали всѣ ихъ военныя неудачи собраться вокругъ своего храбраго Казиміра. Самая лучшая дивизія имѣла начальникомъ Зарембу, и въ ней считалось около трехъ тысячъ человѣкъ, болѣе или менѣе выдержанныхъ. Дивизія, находившаяся подъ начальствомъ Валевскаго и Белера, состояла изъ полуторы тысячи человѣкъ и, при всей своей малочисленности, держала еще гарнизоны въ Ландскронѣ, въ Заторѣ и почти на всѣхъ мелкихъ постахъ малой Польши. Наконецъ, послѣдняя дивизія, имѣвшая не болѣе тысячи человѣкъ, плохо приготовленныхъ къ дѣлу, могла похвалиться личными качествами своего начальника, храбраго Савы, который съ своими летучими отрядами умѣлъ безпрестанно безпокоить непріятеля, какъ партизанъ, хотя и самъ терпѣлъ отъ него не мало. Вотъ почти все, чѣмъ располагали конфедераты въ то время, о которомъ идетъ рѣчь. Всякій согласится, что не легко спасать съ шеститысячною арміею огромное королевство, открытое со всѣхъ четырехъ сторонъ для многочисленнѣйшаго непріятеля и сверхъ того раздираемое внутри гражданскими смутами. Правда, можно еще указать на небольшіе, отдѣльные отряды, разсѣянные по Литвѣ и Мазовіи, наполненные, большею частію, бродягами, мѣстной голытьбой и предводительствуемые такой-же голытьбой-шляхтой; но, какъ мы замѣтили прежде, этотъ народъ избралъ своею спеціальностью грабежъ спасаемой имъ родины и слѣдовалъ своему призванію, по возможности, добросовѣстно. Голытьба могла также примкнуть, въ случаѣ надобности и въ надеждѣ на поживу, къ одной изъ упомянутыхъ дивизій, и тогда войско конфедератовъ могло составить восемь тысячъ человѣкъ, но никакъ не больше. Все это были, большею частію, кавалеристы, но кавалеристы плохіе, умѣвшіе, пожалуй, озадачить непріятеля ловкимъ и нечаяннымъ набѣгомъ, но только озадачить, и никогда почти неумѣвшіе выдержать правильной аттаки, сбить стойкую русскую пѣхоту или помѣряться съ казаками. Число пѣхотинцевъ въ войскѣ конфедератовъ не превышало полуторы тысячи человѣкъ. Въ какой степени это войско было тягостно для самой націи, можно судить потому, что, до полученія субсидій изъ Франціи, оно вовсе не получало ни жалованья, ни фуража, а брало и то и другое, гдѣ могло. Только и соблюдалась дисциплина въ дивизіи Зарембы и только онъ понималъ необходимость правильныхъ сношеній между начальниками отрядовъ, безъ чего армія конфедератовъ не могла надѣяться на успѣхъ. Никто изъ предводителей пат-

ріотическаго возстанія, ни даже самъ знаменитый Пулавскій не понималъ невозможности вести войну безъ общаго плана, тогда какъ при единодушіи они могли, по крайней мѣрѣ, дольше держаться и больше вредить непріятелю. Уже Дюмурье, приставшій къ Пулавскому, заставилъ ихъ понять безполезность ихъ тактики и подумать о единствѣ. Нельзя, впрочемъ, не отдать справедливости личному мужеству отдѣльныхъ, иногда ничтожныхъ, отрядовъ конфедератовъ. Около двадцати тысячъ правильно организованнаго русскаго войска, хорошо, по тогдашнему времени, вооруженнаго, разсѣяно было по Польшѣ, и между тѣмъ конфедеренты, разбиваемые по частямъ, продолжали соединяться небольшими партіями, человѣкъ въ пятьдесятъ, во сто, и продолжали дѣлать безумныя, часто безполезныя нападенія на русскіе отряды, безспорно говорившія въ пользу патріотическихъ стремленій конфедератовъ, хотя тѣмъ не менѣе—безполезныя. Такъ ничтожный отрядъ конфедератовъ пробрался однажды до самой Варшавы, въ надеждѣ захватить сложенное недалеко отъ столицы оружіе и лошадей, — и замѣчательно, что въ числѣ смѣльчаковъ, отважившихся на эту экспедицію, находилось только четыре человѣка, у которыхъ были ружья. Возможность подобнаго набѣга доказывала только, что и самая Варшава была не безопасна отъ нападенія патріотовъ и что, при разумномъ употребленіи своихъ силъ, конфедераты могли взять столицу безъ особеннаго труда. Такъ Закревскій, собравъ около себя до шестидесяти смѣлыхъ конфедератовъ, рѣшился съ этой ничтожной горстью овладѣть Варшавой. Нескромность одного изъ агентовъ его партіи погубила ихъ: Закревскаго стали подозрѣвать; начались розыски, и когда все было открыто, Закревскій, предувѣдомленный о неудачѣ, успѣлъ спастись.

Какъ бы то ни было, конфедераты успѣли занять нѣкоторыя выгодныя позиціи въ окрестностяхъ Варшавы и преимущественно къ Кракову, а овладѣвъ теченіемъ Вислы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно прервали сообщенія съ столицей. Отряды ихъ перекочевывали съ мѣста на мѣсто, — что было для нихъ дѣломъ самымъ легкимъ, за неимѣніемъ фуражныхъ обозовъ, ни тяжелой артиллеріи, — останавливали партіи съѣстныхъ припасовъ, назначавшихся для продовольствія столицы и перехватывали почту, слѣдовавшую въ Варшаву или изъ Варшавы. Всѣ перехваченныя письма и правительственную корреспонденцію они вскрывали и потомъ отсылали по назначенію, дѣлая на каждой вскрытой бумагѣ надпись: «распечатана конфедератами».

Всѣ подобныя, въ сущности маловажныя, происшествія нѣкоторымъ образомъ поддерживали патріотическія чувства даже въ тѣхъ, которые, до поры до времени, тщательно скрывали ихъ, не надѣясь, чтобы дѣло конфедератовъ было выиграно. Неожиданныя появленія патріотовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ всего менѣе можно было ожидать, побуждали нерѣшительныхъ или робкихъ принимать сторону антиправительственную и, такимъ образомъ, ослаблять въ странѣ русское вліяніе. Кромѣ того извѣстно было, что Пулавскій крѣпко засѣлъ въ Ченстоховѣ съ восьмью стами гарнизона и, несмотря на всѣ приступы русскаго генерала Девица, удержалъ за собой эту крѣпость и заставилъ Русскихъ отказаться отъ надежды взять Ченстохово, единственную опору конфедератовъ.

Между тѣмъ храбрый Сава, несмотря на декабрскіе морозы, провелъ значительный отрядъ въ Литву и, присоединяя на пути всѣ мелкія партіи конфедератовъ, бродившія безъ всякой цѣли, успѣлъ увеличить свою безпорядочную дивизію до двухъ тысячъ человѣкъ, съ которыми и проникъ до самаго Брестъ-Литовска. Этотъ быстрый набѣгъ, въ такое позднее время года, когда никто не ожидалъ нападенія, помогъ ему взять въ Литвѣ значительную контрибуцію и, кромѣ того, захватить пятьдесятъ тысячъ дукатовъ, назначенныхъ для отправки въ Варшаву. Сава встрѣтился тамъ съ королевскими войсками и принужденъ былъ дать два сраженія, которыя помѣшали ему пройти сквозь все великое княжество или укрѣпиться тамъ въ случаѣ успѣха. Королевскими войсками командовалъ Браницкій (не тотъ честный старикъ, который, возвратясь изъ изгнанія, жилъ теперь въ своемъ имѣніи, а извѣстный Ксаверій, игравшій роль свахи въ любовныхъ похожденіяхъ Понятовскаго). Этотъ Браницкій уже не первый разъ заставлялъ Поляковъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ и не первый разъ навлекалъ на себя ненависть и презрѣніе патріотовъ, какъ ренегатъ, хотя и не перемѣнившій религіи предковъ. Огиньскій, великій гетманъ литовскій, въ негодованіи на поступокъ Браницкаго, потребовалъ его къ суду военной коммисіи, объявилъ его лишеннымъ званія военачальника, отобралъ у него команду надъ войсками республики и отрѣшилъ отъ должности двухъ его приближенныхъ офицеровъ, именно полковника Грабовскаго и начальника польскихъ улановъ. Замѣчательно, что всѣ офицеры жаловались въ этомъ случаѣ на Браницкаго, который принудилъ ихъ поднять оружіе противъ конфедератовъ. Сава же, послѣ этихъ неріят-

ныхъ встрѣчъ съ Браницкимъ, успѣшно возвратился съ своей дивизіей въ Ченстохово, гдѣ все еще находился Пулавскій съ своимъ гарнизономъ.

Ченстоховская крѣпость составляла пока единственную надежду конфедератовъ. Подъ ея прикрытіемъ французскіе инженеры продолжали укрѣплять Ландскрону и Тырнякъ. Но работы эти могли быть прерваны, пока имъ угрожалъ Краковъ съ своимъ гарнизономъ и Пулавскій принужденъ былъ вооруженною рукою отстаивать работы своихъ инженеровъ. Онъ сдѣлалъ больше: съ своимъ маленькимъ гарнизономъ онъ оттѣснилъ Русскихъ, которые оберегали мостъ, ведущій къ Кракову, и на томъ мѣстѣ поставилъ редутъ, прикрывъ его своей пѣхотой. Обезопасивъ себя со стороны моста, онъ занялъ высоты, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Кракова, и могъ напасть на городъ во всякое время, еслибы только краковскій гарнизонъ рѣшился почему-либо выйти изъ крѣпости. Наблюдая за всякимъ движеніемъ непріятеля, онъ успѣлъ въ то же время, съ отрядомъ въ триста человѣкъ, захватить непріятельскій обозъ съ военными припасами и артиллерійскими принадлежностями, а между тѣмъ инженеры его окончательно укрѣпили Ландскрону и Тырнякъ. Заремба принялъ довольно-выгодную позицію у границъ прусской Силезіи, и такимъ образомъ конфедератамъ открыты были свободные пути для сношеній съ Силезіею прусскою и австрійскою, сообщеніе съ которой прикрывала Ландскрона. Пулавскій сдѣланъ былъ главнокомандующимъ войскъ конфедератовъ. Его гарнизонъ, державшійся въ Ченстоховѣ, ходилъ въ атаку прямо на Краковъ, и хотя былъ отбитъ, однако успѣлъ предать опустошенію предмѣстье этого города. Два раза конфедераты нападали на Познань и оба раза были отражаемы русскими войсками, которыя, впрочемъ, не могли спасти познаньскихъ предмѣстій отъ разграбленія. Въ свою очередь русскія войска ходили на Ландскрону, встрѣтили упорное сопротивленіе и претерпѣли значительный уронъ. Въ это время конфедераты перехватили письмо русскаго генерала Веймарна, отправленное въ Петербургъ съ просьбою о помощи. Дюмурье понялъ, что настало время дѣйствовать энергически, соединенными силами и не играть пассивную роль, не защищаться только отъ натисковъ непріятеля, а тревожить его на каждомъ шагу, нападать на него при всякомъ случаѣ, днемъ и ночью. Онъ настаивалъ во что бы то ни стало перемѣнить роли. Онъ просилъ только объ одномъ— не бездѣйствовать, не спать и не разбиваться на партіи. Онъ ука-

зывалъ имъ на способы увеличить свою армію, подчинить ее общему военному закону, ввести правильную дисциплину — и все напрасно. Поляки отжили свой вѣкъ: они спали глубокимъ сномъ, и усилія нѣсколькихъ живыхъ личностей не могли разбудить ихъ. Дюмурье собралъ всѣхъ предводителей конфедератовъ на военный совѣтъ и начерталъ передъ ними планъ дѣйствій; онъ указывалъ имъ на вѣрный успѣхъ; онъ шевелилъ ихъ патріотическое чувство, затрогивалъ самыя чувствительныя стороны ихъ сердца,—и наконецъ увидѣлъ, что трудъ его напрасенъ. Общая деморализація пощадила только двѣ–три личности, а все остальное представительное сословіе націи уже неспособно было къ возрожденію, по крайней мѣрѣ—оно долго не могло переродиться. Такіе люди, какъ Пулавскій, Сава и Заремба были лично прекрасные люди, но слишкомъ слабы и ничтожны для того, чтобъ разбудить и наэлектризовать однимъ чувствомъ всю націю или, по крайней мѣрѣ, высшее, наиболѣе деморализованное сословіе.

Пронырливый Кауницъ напрасно испугался неутомимаго Дюмурье. Дюмурье былъ также безсиленъ спасти погибшую націю, какъ и всѣ ея лучшіе представители. Къ веснѣ 1771 года не стало наконецъ и храбраго Савы. Съ прибытіемъ Суворова къ русской арміи у конфедератовъ все пошло скверно, и счастье, какъ говорится, повернулось къ нимъ спиной. Тѣ, которые оставались въ живыхъ отъ суворовскихъ пораженій, — и всѣ изувѣченные, всѣ взятые съ оружіемъ въ рукахъ и безоружные отправились въ Россію. Наконецъ Суворовъ началъ расправу и съ послѣдними остатками конфедератовъ, которые еще держались около Ченстохова, Ландскроны и въ другихъ частяхъ малой Польши. Въ концѣ марта Сава былъ настигнутъ русскимъ отрядомъ и разбитъ; побѣда дорого стоила Русскимъ, но и конфедераты понесли значительный уронъ, такъ что только ночь помогла ихъ отступленію. Раздраженный неудачею, Сава черезъ нѣсколькно дней встрѣтился съ русскимъ капитаномъ Риттеромъ и жестоко отплатилъ за недавнее пораженіе: отрядъ Риттера былъ разбитъ на-голову, разсѣянъ и прогнанъ; остальные Русскіе взяты въ плѣнъ. Но, вслѣдствіе распоряженія совѣта, Сава долженъ былъ соединиться съ Пулавскимъ и это, кажется, ускорило его гибель. Быстрыя движенія Савы были замедляемы на каждомъ шагу; нерѣдко онъ долженъ былъ поджидать отряда Пулавскаго по нѣскольку часовъ, потому что послѣдній не привыкъ къ такимъ форсированнымъ переходамъ, на какіе способны были отряды Савы; Сава

выигрывалъ битвы единственно быстротой и натискомъ, — а теперь онъ былъ несвободенъ, подчиненъ Пулавскому. Поспѣшая на помощь къ Ландскронѣ, они растянули свои дивизіи, вслѣдствіе этой неравномѣрности движенія, и Сава очутился впереди войска, тогда какъ Пулавскій нѣсколько отсталъ. 26 апрѣля Сава настигнутъ былъ Суворовымъ и атакованъ. Это былъ славный день для храбраго конфедерата; но онъ былъ послѣднимъ днемъ для него. Атака началась съ шести часовъ утра, и Сава, хотя съ большимъ урономъ, поддерживалъ битву до самаго солнечнаго захода. Онъ взлѣзъ на крышу какой-то избушки, чтобъ удобнѣе осмотрѣть путь для отступленія своей дивизіи, какъ пораженъ былъ въ ногу пушечнымъ ядромъ. Онъ упалъ; солдаты думали, что начальникъ ихъ убитъ, и, истомленные продолжительной битвой, разсѣялись въ безпорядкѣ. Сава остановилъ ихъ; велѣлъ положить себя въ большую корзину, привязать къ дровнямъ, и въ такомъ жалкомъ положеніи распоряжался отступленіемъ своей дивизіи. Чтобы не задерживать собой отряды, онъ оставилъ при себѣ только пять или шесть человѣкъ и велѣлъ везти себя проселочной дорогой, черезъ болота и непроходимыя мѣста. Его маленькая свита принуждена была переправить своего несчастнаго полководца черезъ рѣку на старыхъ дуплястыхъ дубахъ, за неимѣніемъ другаго средства переправы. Наконецъ, очутившись въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ Сава считалъ себя въ безопасности, онъ приказалъ одному изъ своихъ солдатъ отправиться въ ближайшее мѣстечко, найти тамъ Еврея-врача, показать ему дорогу, по которой онъ могъ бы найти раненаго, и, чтобы не возбудить подозрѣній, не велѣлъ имъ возвращаться вмѣстѣ. Еврей отыскалъ Саву, перевязалъ его раны и возвратился домой. Но отсутствіе его замѣтили. Русскіе схватили Еврея и маіоръ Саломонъ угрозами заставилъ его открыть убѣжище храбраго конфедерата. Саву взяли и вмѣстѣ съ дровнями перевезли въ ближайшее мѣстечко, потому что рана не позволяла везти его въ Варшаву. Несчастный испытывалъ ужасныя мученія, отчасти потому, что рана была дурно перевязана, кромѣ того быстрыя передвиженія съ мѣста на мѣсто растравили ее еще болѣе. Генералъ Веймарнъ прислалъ къ нему своего хирурга, но было уже поздно: конфедератъ скоро умеръ. Рюльеръ говоритъ, что его добили русскіе солдаты, но это едвали справедливо. Вообще, смерть этого человѣка была началомъ бѣдствій для конфедератовъ: около половины дивизіи, подвластной Савѣ, погибло въ несчастный день 26 апрѣля, остальныхъ жестоко преслѣдовали,

и ни одинъ конфедератъ не избѣжалъ смерти. Сава имѣлъ много приверженцевъ въ Варшавѣ, велъ съ ними тайную переписку, и когда былъ раненъ, передалъ всѣ свои бумаги въ вѣрныя руки, чтобы не выдать своихъ единомышленниковъ. Спасся ли тотъ, кому онъ довѣрилъ переписку, когда оставлялъ войско, неизвѣстно; но только Русскіе, при всемъ своемъ стараніи, не могли ничего открыть.

Между тѣмъ первыя схватки Пулавскаго съ непріятелемъ нѣсколько ободрили конфедератовъ. Но когда ночью онъ напалъ на Русскихъ, какъ получилъ извѣстіе о погибели тѣхъ отрядовъ, которыми командовалъ Сава. Эта печальная вѣсть разстроила всѣ его предположенія; кромѣ того сылы его были ослаблены отдѣленіемъ одного отряда для наблюденія за переходомъ непріятеля черезъ рѣку Дунавецъ. Другіе отряды разсыпались по окрестностямъ для собранія контрибуціи и для фуражировокъ; Дюмурье находился въ Бялѣ, Валевскій и Моженскій въ Заторѣ. Когда Девицъ занялъ Варшаву съ полуторатысячнымъ русскимъ отрядомъ, Суворовъ, не боясь уже соперничества храбраго Савы, который въ это время умиралъ отъ раны, повелъ три тысячи человѣкъ въ атаку противъ одного Пулавскаго. Тревожимый со всѣхъ сторонъ летучими отрядами Русскихъ, которые слѣдили за каждымъ шагомъ конфедератовъ, Пулавскій соединился съ Валевскимъ и Моженскимъ, и они рѣшили обсудить въ совѣтѣ свое положеніе. Валевскій совѣтовалъ атаковать Русскихъ на всѣхъ пунктахъ, Пулавскій представлялъ безполезность и опасность этой мѣры; онъ настаивалъ на томъ, чтобы взять непріятеля съ фронта и его предложеніе было принято. Конфедераты раздѣлили свои силы на три части. Но на другой же день Пулавскій былъ окруженъ казаками и лишился всей своей артиллеріи; черезъ нѣсколько часовъ, онъ настигъ казаковъ, въ свою очередь атаковалъ ихъ, разсѣялъ, снова отнялъ артиллерію, и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ начальникъ русскаго отряда бѣжалъ съ ничтожной горстью людей, спасаясь отъ плѣна. Вмѣсто того, чтобы, воспользовавшись этой побѣдой, напасть на другіе русскіе отряды и загнать ихъ въ болота, Пулавскій поворотилъ на Санъ, къ Замосцью. На переправѣ черезъ Санъ онъ снова былъ встрѣченъ Русскими, перешелъ рѣку въ-бродъ, опрокинулъ непріятеля, взялъ въ плѣнъ до 140 Русскихъ и вошелъ въ Замосцъ. Но, измѣнивъ прежденачертанному плану, онъ самъ приготовилъ себѣ погибель. Въ письмѣ, которое Пулавскій получилъ, выходя снова изъ Замосця, Дюмурье упрекалъ его за отступленіе

отъ плана. Задорный конфедератъ, задѣтый за живое, отвѣчалъ Дюмурье довольно жестко. Дюмурье отправилъ къ нему приказъ—соединиться съ другими отрядами, угрожая отдать подъ судъ за трусость. Пулавскій удержалъ посланнаго—и не повиновался. Этотъ страшный капризъ очень дорого стоилъ конфедератамъ и доказалъ притомъ, что Польшѣ не на кого было надѣяться, что у нея не было главнаго—людей. Всѣ предводители конфедератовъ, въ томъ числѣ и самъ Дюмурье, который съ восьмью стами человѣкъ спѣшилъ отвратить грозящую опасность, были атакованы Суворовымъ и Девицемъ и разбиты по частямъ. Патріоты лишились очень многаго въ этой несчастной битвѣ: нѣсколько знатныхъ конфедератовъ, въ томъ числѣ молодой князь Сапѣга, были убиты; Моженскій и другіе взяты въ плѣнъ; Дюмурье спасся только тѣмъ, что Моженскій отдалъ ему свою лучшую лошадь. Поплатился и виновникъ этого несчастія, Пулавскій, за свою неумѣстную запальчивость. Для Суворова ничего не значило пройти форсированнымъ маршемъ какія-нибудь сорокъ миль, раздѣлявшія его отъ той горсти конфедератовъ, которую Пулавскій повелъ на Замосць. Русскій авангардъ пробился сквозь дефилеи, заграждавшія путь къ этому городу и защищаемыя отрядомъ Поляковъ; Суворовъ настигъ Пулавскаго на походѣ и, не давъ роздыха изнуреннымъ солдатамъ, послѣ огромнаго усиленнаго перехода, повелъ войско въ атаку, уничтожилъ всѣ усилія конфедератовъ и лишилъ ихъ послѣдней надежды. И Поляки, и Русскіе были изнурены до послѣдней крайности; цѣлыя пять сутокъ Суворовъ гнался за конфедератами по пятамъ, не обращая, по обыкновенію, вниманія на утомленіе и гибель своихъ солдатъ, и эти солдаты, уже испытавшіе обаяніе побѣдъ подъ начальствомъ даровитаго генерала, снова дѣлались побѣдителями. Пулавскому ничего не оставалось больше, какъ спасать остатки своей арміи, изнуренной и почти уничтоженной, и онъ спасъ этотъ ничтожный остатокъ, но не надолго. Русское войско дѣлало въ это послѣднее время такіе неимовѣрные переходы, употребляло такія усилія, что даже Суворовъ не рѣшился вести его вслѣдъ уходящему Пулавскому, хотя, быть можетъ, не потому поступилъ такъ великодушно, что сберегалъ своихъ солдатъ, а просто по расчету, будучи увѣренъ, что конфедераты не уйдутъ отъ Русскихъ, куда бы ни направились: въ продолженіе семнадцати дней онъ заставилъ свое войско пройти около ста миль, и въ промежутокъ каждыхъ сорока осьми часовъ давалъ по одному или по нѣскольку сраженій. Онъ

далъ Пулавскому возможность довести остатки своей дивизіи до Ченстохова; однако вся артиллерія конфедератовъ досталась побѣдителямъ. Только въ Ченстоховѣ Пулавскій узналъ, что прочія дивизіи разбиты и уничтожены, начальники войскъ убиты или взяты въ плѣнъ, и только тогда понялъ онъ разумность предостереженій Дюмурье. Но было уже поздно; послѣ ранъ, нанесенныхъ конфедератамъ тяжелой рукой Суворова, трудно было поправиться. Быстрота дѣйствій его лишила Поляковъ всякой возможности сопротивленія, потому что онъ появлялся вездѣ, гдѣ только могла собраться горсть патріотовъ, и вездѣ дѣйствовалъ одинаково круто, безпощадно. Передъ нимъ предводители Поляковъ, не исключая и Пулавскаго, оказались слишкомъ ничтожными полководцами, тѣмъ болѣе, что Суворовъ располагалъ значительными силами. Онъ оказывалъ Пулавскому особенную любезность, несвойственную обыкновеннымъ угловатымъ манерамъ, которыми такъ извѣстенъ русскій генералъ. О Пулавскомъ онъ всегда отзывался съ похвалой, возвратилъ ему одного изъ его родственниковъ, взятаго въ плѣнъ, и прислалъ даже какую-то фарфоровую бездѣлушку, съ которой Пулавскому было непріятно разстаться. Но возвращая игрушки конфедератамъ, Суворовъ не могъ возвратить Польшѣ того, чего она сама не умѣла сберечь,—самостоятельности.

Въ то время, когда Суворовъ добивалъ остатки арміи патріотовъ, Сальдернъ прибылъ въ Варшаву въ качествѣ защитника интересовъ польской короны,—назначеніе лестное и повидимому скромное: онъ долженъ былъ способствовать прекращенію внутреннихъ смутъ, раздиравшихъ Польшу. Но такъ какъ Поляки не понимали, откуда имъ ждать спасенія и относились враждебно къ тѣмъ, которые интересовались ихъ участью, то Сальдернъ позаботился о своей личной безопасности. Когда онъ ѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву, на границѣ дожидался его русскій отрядъ, въ числѣ шести сотъ человѣкъ, въ сопровожденіи котораго и подъ прикрытіемъ двухъ пушекъ онъ проѣхалъ по взволнованнымъ провинціямъ республики и вступилъ въ Варшаву, гдѣ, какъ мы видѣли, происходили удивительныя вещи. Надо было имѣть слишкомъ мало сообразительности, чтобы не понять, что въ 1770 году, и много раньше, Польши не существовало уже, что политически умерла она гораздо прежде, чѣмъ сосѣднія державы вздумали дѣлить между собою ея распавшіяся на части территоріи.—Положительно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что имя польскаго королевства вычеркнуто было изъ списка

европейскихъ державъ вслѣдствіе посторонняго вмѣшательства, и напрасно бѣдный фантазеръ Косцюшко, черезъ четверть вѣка послѣ этого, разбитый при Мацѣевицахъ, кричалъ, падая съ лошади, «finis Poloniae!» — Еслибы онъ лучше понималъ исторію своей родины и видѣлъ, что Польша не существовала тогда, когда сосѣднія державы и не думали еще дѣлить ее, то онъ не сказалъ бы этой фразы и, быть можетъ, не увлекался бы напрасной надеждой возстановить то, что давно оказалось неспособнымъ стоять на своихъ собственныхъ ногахъ. Но ни Поляки, ни Австрійцы, ни Фридрихъ II, ни даже Русскіе не понимали тогда этой простой истины и дѣйствовали каждый для своихъ цѣлей. Въ особенности же Поляки отличались замѣчательной наивностью: какъ дѣти, изломавъ дорогую игрушку, горько плачутъ надъ ея обломками, стараясь подобрать разбросанныя части, такъ и Поляки, которымъ судьба, или, вѣрнѣе, капризъ исторіи довѣрилъ храненіе такой дорогой вещи, какъ счастье милліоновъ народа, — разбивъ вмѣстѣ съ счастьемъ народа и свое собственное, благодаря своему легкомыслію, отсутствію гражданскихъ способностей и любви къ низшимъ слоямъ населенія, — видѣли теперь съ отчаяніемъ, что погибаютъ на-вѣки, и, думая спасать себя, не догадывались, что, и спасшись, они не могутъ существовать на прежнихъ началахъ, именно — на пренебреженіи интересами всего населенія страны. Точно также ошибочно и безполезно хлопотали они о своемъ спасеніи и тогда, когда Суворовъ уничтожалъ ихъ послѣдняго солдата — защитника, а Сальдернъ въѣзжалъ въ Варшаву съ пушками, вмѣсто кредитивныхъ грамотъ. Варшавскіе Поляки, вмѣсто того, чтобъ примкнуть къ одной изъ существовавшихъ уже партій и, усиливъ ее собой, вдохнуть въ умы націи единодушіе, составили третью партію, которая натурально должна была ослабить и патріотовъ и роялистовъ, если только позволено выражаться такимъ образомъ, говоря о партіяхъ, бывшихъ въ то время въ Польшѣ. Варшавскіе Поляки составили такъ-называемую «патріотическую унію», — патріотическое единеніе интерессовъ и стремленій, хотя единство это понималось ими какъ-то странно и едвали могло довести ихъ до добра. Впрочемъ, патріотическая унія существовала пока еще въ идеѣ, какъ проектъ, исполненіе котораго было въ непроглядной дали. Составленіемъ уніи руководилъ примасъ республики, а король, давно остававшійся въ тѣни, игралъ и въ этомъ случаѣ пассивную роль, несмотря на то, что самая идея единенія требовала его инициативы;

онъ былъ, впрочемъ, такъ ничтоженъ, что едвали какая-либо партія въ Польшѣ нуждалась въ его голосѣ; сдѣлавшись партизаномъ какой угодно политической идеи, примкнувъ къ какой угодно партіи, онъ все-таки оставался бы безполезнымъ ея членомъ. Патріотическіе уніаты воображали, и совершенно напрасно, что они станутъ посредниками между конфедератами и Русскими и, умиротворивъ эти враждующія стороны, успокоивъ конфедератовъ и Русскихъ, сдѣлаютъ то, что послѣдніе предоставятъ счастливую Польшу ея собственной участи; они предполагали, что Русскіе, воевавшіе единственно противъ конфедератовъ, съ радостію возвратятся въ свое отечество, когда помощь ихъ окажется уже ненужною въ Польшѣ. Но эти дѣтскія иллюзіи могли придти только въ головы, которыя никогда не задумывались надъ рѣшеніемъ политическихъ вопросовъ; эти иллюзіи доказываютъ только, что и въ Варшавѣ, и во всей Польшѣ, какъ и въ лагерѣ конфедератовъ, никто не хотѣлъ принять на себя трудъ разъяснить истинный смыслъ событій, которыя были положительно безнадежны. Какъ всякій опасный больной, Польша только одна не сознавала, въ какомъ она отчаянномъ положеніи, и все еще надѣялась жить. Что касается до Сальдерна, то для него какъ будто вовсе не существовало никакой патріотической уніи, и послѣдующія дѣйствія его доказываютъ, что онъ не обращалъ на нее ровно никакого вниманія. По прибытіи въ Варшаву онъ старался повидимому вывѣдать о намѣреніяхъ каждой политической партіи въ Польшѣ и узнать мнѣнія ихъ предводителей, не подозрѣвая еще, что опредѣленныхъ намѣреній никто изъ нихъ не имѣлъ, а всѣ бродили въ какомъ-то мракѣ. Онъ обращался и къ Чарторыжскимъ, которые дѣйствовали въ разладъ съ національными интересами, и къ министрамъ, которые рѣшительно не знали, какъ имъ дѣйствовать, и къ королю, который ровно никакъ ужъ не дѣйствовалъ. Подозрѣвая въ нихъ больше, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ имѣли, Сальдернъ старался сначала подвинуть ихъ на какія-либо добровольныя письменныя обязательства въ отношеніи къ правительству, котораго онъ былъ представителемъ въ Польшѣ, и говорилъ,—совершенно, впрочемъ, искренно, потому что раздѣлялъ на этотъ счетъ мнѣнія Панина,—что Россія не желаетъ ни поддерживать общественныя смуты въ странѣ, ни отнимать у республики ея территоріи. Но какъ человѣкъ предусмотрительный, онъ зналъ, къ кому и съ чѣмъ обращаться, кого и чѣмъ при случаѣ напугать: партіи, враждебной королю, которая стояла за

низложеніе его съ престола, онъ умѣлъ шепнуть, что боится, какъ бы Австрія не навязала Польшѣ своего протектората, посадивъ на вакантный престолъ республики, вмѣсто природнаго Поляка, саксонскаго Нѣмца, принца Альберта, — и этимъ маневромъ хитрый Голштинецъ встревожилъ партизановъ саксонскаго дома, которые были плохими политиками, не умѣвъ даже разгадать Сальдерна. Саксонская партія сейчасъ вообразила, что она, дѣйствуя въ интересахъ принца Альберта, работаетъ не для себя, не для принца и не для Польши, а въ пользу Австріи и Кауница, и сомнѣніе въ самихъ себѣ парализировало такимъ образомъ ихъ собственную силу. Сальдерну только этого и нужно было. Затронувъ національное самолюбіе Поляковъ, онъ легче управлялся съ ними. Онъ говорилъ о честолюбивыхъ притязаніяхъ саксонскаго правительства, котораго намѣренія должны были оскорблять гордое чувство патріотовъ; онъ называлъ не иначе, какъ шпіонами всѣхъ, кто жилъ въ саксонскомъ дворцѣ въ Варшавѣ, и этой тактикой поставилъ себя въ непріязненныя отношенія къ патріотической уніи, и въ особенности къ примасу республики. Какъ человѣкъ раздражительный, онъ не умѣлъ остановиться во-время и сталъ наконецъ обвинять унію въ антипатріотическихъ стремленіяхъ, хотя унія и называлась «патріотическою». Онъ прямо говорилъ, что все это — происки Саксоніи; что патріоты — слѣпыя орудія Нѣмцевъ и т. д. Въ разговорѣ съ примасомъ, въ присутствіи короля, онъ не удержался отъ довольно жесткихъ выраженій насчетъ уніи; онъ упрекалъ примаса его привязанностью къ интересамъ дрезденскаго двора, и при всякомъ удобномъ случаѣ бросалъ ему въ глаза это щекотливое обвиненіе. Такой неловкой тактикой Сальдернъ возстановилъ противъ себя всю партію, раздѣлявшую мнѣнія примаса, и хотя Польша достигла тогда такого жалкаго положенія, что въ отношеніи къ ней всякая тактика, нетолько неловкая, но даже самая нелогическая, была пригодною, однако такое поведеніе Сальдерна могло показаться не совсѣмъ благовиднымъ для другихъ европейскихъ державъ. Сальдернъ, впрочемъ, и знать, повидимому, не хотѣлъ, что думаютъ о его выходкахъ въ Европѣ, потому что былъ увѣренъ въ безопасности своей позиціи и въ беззащитности Польши. Онъ дотого довелъ примаса, что тотъ нашелся вынужденнымъ оставить Польшу, продалъ часть своихъ имѣній и разослалъ къ министрамъ мемуаръ, въ которомъ объяснялъ причины, побудившія его къ такому поступку.

Сальдернъ увидѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко, не пробывъ и мѣсяца въ Варшавѣ. Прежде гласнаго заявленія миролюбивыхъ намѣреній своего правительства въ отношеніи къ республикѣ, онъ успѣлъ возбудить противъ себя недовѣріе всѣхъ партій и притомъ такъ, что они еще враждебнѣе стали смотрѣть одна на другую. Однихъ онъ пугалъ Саксоніею, другихъ Австріею, третьихъ Пруссіею. Приверженцамъ партіи конфедератовъ онъ давалъ замѣтить, чтобъ они ни на что не надѣялись, потому что сосѣднія державы никакъ не рѣшатся принять дѣятельнаго участія въ ихъ судьбѣ, а напротивъ готовы воспользоваться горестнымъ положеніемъ республики. «Этому бульдогу очень хочется кинуться на васъ», говорилъ онъ Чарторыжскимъ, указывая на Фридриха. Такимъ образомъ, когда еще никто не зналъ о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ и планахъ Сальдерна, уже всѣ не взлюбили и боялись его. Наконецъ, когда 13 мая его извѣстили изъ Петербурга, что мирные переговоры между петербургскимъ кабинетомъ и Турціею подвигаются впередъ и что съ этой стороны нѣтъ уже никакой опасности, на другой же день Сальдернъ выступилъ передъ польскимъ народомъ съ торжественной деклараціей, въ которой объяснялась націи степень участія Россіи въ дѣлахъ республики. Какъ ни былъ офиціаленъ языкъ декларацiи, однако самый миролюбивый тонъ ея не могъ успокоить Поляковъ. Правда, какъ большая часть дипломатическихъ нотъ, декларація была довольно безцвѣтна, исполнена общихъ мѣстъ и прекрасныхъ фразъ; въ ней выражалось горячее, безкорыстное сочувствіе бѣдствіямъ страны, порицались нарушители общественнаго спокойствія и пр.; но и подъ этими успокоительными фразами Поляки видѣли что-то опасное для себя. Одно казалось несомнѣннымъ, что декларація обвиняла кого-то, приписывала начало общественныхъ безпорядковъ какимъ-то внутреннимъ врагамъ, не указывая прямо ни на кого и не касаясь ни одной партіи. Обвиненіе имѣло тотъ смыслъ, что эти домашніе враги подкапываются подъ самое зданіе свободы и величія республики, что какіе-то гибельные софизмы этихъ враговъ западаютъ опаснымъ зерномъ въ сердца людей слабыхъ и довѣрчивыхъ; что воображеніе ихъ воспламеняется несбыточными мечтами, въ сущности пустыми, но все-таки опасными для общества. Декларація не объясняетъ, кого разумѣетъ она подъ этими домашними врагами и на какіе гибельные софизмы и пустыя иллюзіи намекаетъ она, хотя, безъ сомнѣнія, тутъ рѣчь идетъ о конфедератахъ; но что такое разумѣлось подъ гибельными софизмами,—это могъ

объяснить только Сальдернъ, смотрѣвшій на событія съ исключительной точки зрѣнія и ставившій въ число софистическихъ парадоксовъ народныя права и даже чувство животнаго самосохраненія. Декларація признавала необходимость посторонняго вмѣшательства въ дѣла республики и обѣщала защиту всѣмъ гражданамъ, не принимающимъ участія въ общественныхъ смутахъ, и грозила войсками всѣмъ безпокойнымъ патріотамъ.

Патріотическая унія повидимому не приняла на свой счетъ неделикатныхъ намековъ, которыми исполнена декларація; оскорбилась–ли ими партія конфедератовъ, уніи было все равно. Примасъ республики, намѣревавшійся удалиться изъ Польши вслѣдствіе безцеремоннаго обхожденія съ нимъ Сальдерна, отложилъ свой отъѣздъ послѣ объявленія деклараціи. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ пріѣзда Сальдерна патріотическая унія имѣла нѣсколько засѣданій и на одномъ изъ засѣданій Сальдернъ изъявилъ желаніе присутствовать на совѣтѣ лично. Но онъ велъ себя въ этомъ собраніи такъ оскорбительно, съ такимъ презрѣніемъ отзывался о лучшихъ ея членахъ, что едва ли можно было расчитывать на миролюбивый исходъ дѣла. Сальдернъ не стѣсняясь выражался, что во всей уніи нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка, съ которымъ бы можно было говорить, и послѣ перваго засѣданія патріотовъ онъ объявилъ, что нога его не будетъ въ ихъ собраніи. Въ письмахъ, которыя Сальдернъ писалъ изъ Варшавы въ Петербургъ, говорились еще менѣе лестныя для Поляковъ вещи, и Сальдернъ былъ правъ съ своей точки зрѣнія, потому что упасть ниже того, какъ упала въ то время Польша, уже нельзя было: онъ говорилъ о ихъ безпечности, лѣности, тупости, неспособности къ дѣламъ; онъ обвинялъ ихъ въ отсутствіи чувства законности. И дѣйствительно, еслибы то, что говорилъ Сальдернъ, была ложь, Польша не довела бы себя до такого униженія, не погубила бы цѣлые милліоны подвластныхъ ей подданныхъ и не погибла бы сама. Нѣтъ, Поляки сами заслужили то презрѣніе, съ которымъ относились къ нимъ люди подобные Сальдерну, которые знали слабыя стороны тогдашняго польскаго общества, и его продажность, и отвращеніе къ серьезному труду, и крайнюю неспособность къ самоуправленію. При всемъ томъ Сальдернъ вооружилъ противъ себя всѣ партіи; даже съ приверженцами своего двора онъ обращался грубо и надменно, какъ съ противниками, и публично оскорблялъ ихъ, говоря въ глаза самыя жесткія истины. Національная гордость Поляковъ страдала ежеминутно; но они были безсильны помочь горю и даже не по-

нимали, что существеннымъ спасеніемъ для нихъ было полное единодушіе, общность интересовъ и стремленій, а не раздѣленіе на партіи. Видя такую страшную путаницу въ общественныхъ отношеніяхъ республики, Сальдернъ хотѣлъ сблизиться, по крайней мѣрѣ съ диссидентами; но и тѣ отказались отъ него. Вскорѣ по прибытіи въ Польшу, онъ пригласилъ въ Варшаву нѣкоторыхъ начальниковъ этой партіи, и когда они, сопровождаемые отрядомъ казаковъ, приближались къ Варшавѣ, то были захвачены на дорогѣ конфедератами, ограблены и въѣхали въ столицу на крестьянскихъ телѣгахъ. Сальдернъ предлагалъ имъ свое ходатайство передъ петербургскимъ дворомъ—и диссиденты не приняли даже этой протекціи. Все это болѣе и болѣе раздражало Сальдерна.

Примасъ рѣшился наконецъ покинуть Варшаву, не чувствуя въ себѣ достаточно силъ спасти погибающую отчизну. Онъ простился съ королемъ, написалъ императрицѣ письмо, въ которомъ объяснялъ причины своего удаленія изъ Варшавы, извѣстилъ объ этомъ министровъ всѣхъ иностранныхъ дворовъ, указавъ на всѣ оскорбленія, которымъ онъ подвергался, и уѣхалъ въ свое имѣніе, давъ торжественное обѣщаніе не возвращаться въ Варшаву до тѣхъ поръ, пока въ ней будетъ оставаться Сальдернъ. Тогда запальчивый Голштинецъ послалъ за нимъ отрядъ казаковъ и они привели несчастнаго примаса въ Варшаву, какъ военноплѣннаго или государственнаго преступника. Первую ночь по возвращеніи въ столицу онъ провелъ въ своемъ дворцѣ, какъ арестантъ, съ часовыми у дверей и оконъ; наутро казаки перевели его въ частный домъ.

Поступокъ этотъ былъ слишкомъ громокъ, и Сальдернъ, компрометировавшій такими выходками чистоту намѣреній петербургскаго кабинета въ отношеніи къ Польшѣ, получилъ изъ Петербурга выговоръ, какъ отъ лица императрицы, такъ равно и отъ Никиты Панина. Сальдернъ, говорятъ современники, дрожалъ отъ досады, выслушавъ повелѣніе освободить примаса изъ-подъ ареста и извиниться передъ главою республики въ нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ; онъ долженъ былъ даже передать ему письмо Панина, въ которомъ онъ, говоря какъ удивила императрицу дерзость (témerité) Сальдерна, просилъ примаса, въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ, забыть прошедшее и не отказываться отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ.

Но Сальдерна ни что не остановило. Освободивъ примаса, онъ за-

садилъ подъ арестъ депутата курляндскаго дворянства, Говенъ, который протестовалъ противъ вмѣшательства въ дѣла Курляндіи.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ первой деклараціи Сальдерна явилась другая, болѣе жесткая, но и болѣе опредѣленнаго направленія, чѣмъ первая. Если первая возбудила неудовольствіе всѣхъ партій, то послѣдняя могла усилить его до крайней степени, если только это было возможно. Она направлена преимущественно противъ конфедератовъ, но, какъ и первая, не называетъ ихъ по имени, вслѣдствіе чего дозволяетъ себѣ выраженія самыя изысканныя, уже далеко не дипломатическія, выраженія, которыя конфедераты могли принять на свой счетъ и не принять. Почти на каждой строкѣ попадаются слова— «шайка грабителей», «толпы убійцъ», «гнусные разбойники на большихъ дорогахъ» и проч. Декларація говоритъ, что русскія войска получаютъ приказаніе преслѣдовать скопища злодѣевъ на всѣхъ дорогахъ и въ особенности въ окрестностяхъ столицы, брать ихъ въ плѣнъ и заковывать въ желѣза, какъ преступниковъ. И дѣйствительно, Сальдернъ приказалъ поставить висѣлицы по всѣмъ большимъ дорогамъ, а всего болѣе около Варшавы, и на реляхъ прибить свои деклараціи. Зарембa и Пулавскій отвѣчали на этотъ разъ прокламаціею или, скорѣе, манифестомъ, въ которомъ повергали на судъ общественнаго мнѣнія и свое поведеніе, и поступки Сальдерна. Но все было напрасно. Сальдернъ былъ вѣренъ своему призванію и не сходилъ съ дороги, на которую вступилъ съ самаго пріѣзда въ Варшаву. Генералъ Веймарнъ, командовавшій тогда русскими войсками въ Варшавѣ, напрасно старался противостать суровымъ распоряженіямъ Сальдерна, напрасно указывалъ ему на безразсудство его поведенія, и, наконецъ, истомленный въ борьбѣ съ упрямой волею Голштинца, не имѣя силъ выносить всего, на что вынуждали его распоряженія Сальдерна, рѣшился писать въ Петербургъ и просить отставки. Вмѣсто него присланъ былъ знаменитый Бибиковъ, тотъ самый, который черезъ два года командовалъ войсками, посланными противъ Пугачева. Но и Бибиковъ, своими болѣе мягкими отношеніями къ Полякамъ, вооружилъ противъ себя Сальдерна, который мѣшалъ ему на каждомъ шагу и во все вмѣшивался. Раздраженіе Сальдерна, какая-то болѣзненная желчность и подозрительность достигли крайнихъ предѣловъ; онъ сдѣлался еще мрачнѣе и непреклоннѣе, заперся въ своемъ домѣ и никого не пускалъ къ себѣ. Присланный за тѣмъ, чтобы умиротворить націю и служить интересамъ короля, онъ, наконецъ, дошелъ до того,

что грозилъ и королю, и его родственникамъ секвестромъ ихъ имѣній.

Историки, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Россіи и въ особенности къ Сальдерну, единогласно утверждаютъ, что этотъ безцеремонный Голштинецъ только потому дозволялъ себѣ такое обращеніе съ Поляками, что они другаго не заслуживали. Въ то время, когда провинціи отданы были на жертву всѣмъ ужасамъ гражданскихъ смутъ, когда по всей Польшѣ свирѣпствовалъ голодъ и цѣлыя области опустошала страшная моровая язва, такъ-называемая «черная смерть», отъ которой не избавились (1770 г.) и югозападныя губерніи Россіи, въ то время, когда паденіе республики казалось неизбѣжнымъ, Варшава и лучшіе города республики представляли удивленному глазу наблюдателя безпрерывный рядъ праздниковъ, торжествъ и зрѣлищъ; высшія сословія республики, вѣчно жившія въ роскоши на счетъ низшихъ классовъ и непривыкшія ни къ какому умственному труду, и правительственныя власти, начиная отъ короля до послѣднихъ коронныхъ чиновниковъ, веселились и забывали страну, точно сознавали, что жизнь и власть даны имъ не надолго, точно спѣшили воспользоваться жизнію и кончить ее самымъ недостойнымъ образомъ. Тѣ, которые,—или по своему гражданскому положенію, или по недостаточности средствъ, — не могли принимать участія въ безумной жизни магнатовъ, предавались ужасному пьянству и грубому разврату; низшіе же классы городскаго населенія и вся голытьба жили грабежемъ, увеличивая безпорядочныя толпы конфедератовъ. Свѣжій человѣкъ чувствовалъ, что республикѣ не долго жить. Таковъ былъ Римъ, говорятъ эти историки, наканунѣ паденія имперіи; признаки неминуемой политической смерти видны были на Римлянахъ временъ Нерона и Калигулы,—тѣ же признаки носила Польша наканунѣ потери своей самостоятельности. Вотъ что давало пищу раздражительности Сальдерна и оправдывало жесткость его поведенія, потому что обо всѣхъ Полякахъ, въ томъ числѣ и о конфедератахъ, онъ судилъ по тѣмъ образцамъ, которые видѣлъ въ Варшавѣ, которые пресмыкались передъ болѣе сильными, ползали передъ Сальдерномъ и продавали ему и себя, и свое имя, и своихъ соотечественниковъ. Историки соглашаются, что въ такой степени деморализованная нація недостойна была другой участи, какъ потерять автономію, къ которой была неспособна, и въ свою очередь стать рабою другихъ, менѣе деморализованныхъ народностей. Только въ немногихъ конфедератахъ крутыя мѣры Сальдерна

разбудили дремавшія добрыя чувства. Извѣстно, что часть Поляковъ, послѣ взятія русскими войсками Бара, успѣла бѣжать въ турецкія владѣнія, гдѣ, отъ времени до времени, и составлялись вооруженныя партіи патріотовъ, подъ предводительствомъ Красинскаго и Потоцкаго, лично враждовавшихъ другъ противъ друга. Хотя общее несчастіе и примирило ихъ нѣсколько, но, къ сожалѣнію, и эти, столь извѣстные патріоты, были въ сущности людьми пустыми и, при всемъ желаніи, не умѣли принести ни малѣйшей пользы своему отечеству. Шлёссеръ называетъ и ихъ, какъ и Пулавскаго, людьми ничтожными во всѣхъ отношеніяхъ. Ссорясь ежеминутно изъ–за самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ, эти представители патріотовъ безполезно жили въ Турціи, не имѣя нравственнаго вліянія даже на крымскихъ Татаръ, отъ которыхъ Польша ожидала помощи. Только Сальдернъ вынудилъ ихъ отправить посольство къ султану и просить о защитѣ; но хотя Мустафа и обѣщалъ имъ свое содѣйствіе, только обѣщаніе это навсегда осталось неисполненнымъ. Въ Курляндіи поднялся въ это время юный Зибергъ съ своимъ двухсотеннымъ отрядомъ; но что могла сдѣлать эта ничтожная горсть, предводительствуемая мальчикомъ, противъ стройныхъ войскъ Девица и. Суворова? Зибергъ былъ сынъ одного воеводы изъ древней курляндской фамиліи. Бѣдствія Польши воспламенили его молодую фантазію, и онъ, тайно отъ отца, собравъ небольшой отрядъ волонтеровъ и приготовивъ его къ перенесенію всѣхъ трудностей войны, рѣшился идти на помощь конфедератамъ. Открывъ отцу свои намѣренія, онъ просилъ у него благословенія на рыцарскій подвигъ, и отецъ благословилъ его. Но такихъ юношей, какъ Зибергъ, не много было въ Польшѣ и они не могли спасти ее, потому что было уже поздно спасать то, что погибло навсегда.

Намъ кажется, что только отчаяніе поддерживало еще слабѣвшія силы Пулавскаго и Зарембы, которые не только должны были отстаивать Ландскрону, Калишъ, Ченстохово и Тырнякъ отъ неутомимыхъ приступовъ Суворова и Девица, но и отбиваться отъ своего соотечественника, Ксаверія Браницкаго, предводительствовавшаго королевскими войсками. Выше мы говорили о его стычкахъ съ Савою и о томъ, какое негодованіе возбудилъ этотъ переметчикъ во всѣхъ патріотахъ. Теперь, когда явилась декларація Сальдерна, онъ взялъ на себя трудъ оповѣстить о ней въ разныхъ воеводствахъ и постараться приготовить умы въ провинціяхъ къ принятію убѣжденій, которыя онъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ Сальдерномъ. Но странно исполнялъ

онъ принятую на себя обязанность. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать убѣжденіемъ, онъ явился въ провинціяхъ чистымъ завоевателемъ. Самое поведеніе этого измѣнника далеко не располагало въ его пользу: въ пьяномъ видѣ онъ дѣлалъ разныя жестокости съ конфедератами; онъ приказывалъ приводить къ себѣ плѣнныхъ и разрубалъ ихъ своею саблею. Имѣя съ собою значительный отрядъ кавалеріи, три полка уланъ и нѣсколько пѣхоты, Браницкій напалъ на Ченстохово, защищаемое Пулавскимъ, но былъ отбитъ конфедератами, и на другой день просилъ Пулавскаго о свиданіи, надѣясь, конечно,—и совершенно напрасно,—на свое краснорѣчіе больше чѣмъ на свою саблю, которая у него удачно дѣйствовала только съ плѣнными и безоружными. Но и краснорѣчіе не помогло Браницкому, какъ не помогла сабля. Нечего было и думать, чтобы предложенія его могли согласоваться съ видами Пулавскаго, однако онъ не отказался отъ свиданья, хотя могъ и безъ свиданья знать, чего потребуетъ отъ него слуга Сальдерна. На всѣ доводы и обѣщанія Браницкаго онъ отвѣчалъ положительными опроверженіями; онъ отвѣчалъ не менѣе любезно и на угрозы Ксаверія. Такъ какъ Пулавскій зналъ, что ждать ему отъ Браницкаго нечего и что не добиться ему толку отъ этого господина, то, не желая продолжать безполезнаго разговора, сказалъ, что онъ, какъ начальникъ одного отряда, не смѣетъ говорить отъ лица всѣхъ конфедератовъ и потому не имѣетъ права ни соглашаться на какія бы то ни было предложенія, ни отвергать ихъ. Съ тѣмъ они и разстались. Но Пулавскій не хотѣлъ простить ему дерзости, съ которою тотъ осмѣлился напасть на него въ Ченстоховѣ, и, ровно черезъ двадцать четыре часа послѣ свиданья, атаковалъ отрядъ Браницкаго, разбилъ его и, захвативъ въ плѣнъ до тридцати солдатъ и троихъ офицеровъ, отослалъ ихъ опять къ Браницкому. Браницкій, желая поправить неудачу и выместить на комъ-либо свой стыдъ, пытался обмануть Зарембу или, по крайней мѣрѣ, склонить его на свою сторону обѣщаніями. Но, подобно Пулавскому, и Заремба не дался въ обманъ, а напротивъ, задѣтый за живое тѣмъ, что Браницкій обратился къ нему послѣ Пулавскаго, какъ бы воображая, что Зарембу легче обмануть и напугать, онъ еще рѣшительнѣе отказался отъ всякихъ переговоровъ. Только на этотъ разъ сабля нѣсколько болѣе помогла Браницкому: напавъ послѣ того на Зарембу, онъ уничтожилъ часть его авангарда, причемъ былъ убитъ и командиръ отряда. Тогда Заремба рѣшился поправить и свою неудачу: при помощи Мазовецкаго, молодаго энту-

зіаста, игравшаго довольно видную роль во всѣхъ послѣдующихъ дѣлахъ конфедератовъ, онъ совершенно истребилъ отрядъ Браницкаго. Битва была такъ удачна, что побѣдители успѣли захватить двухъ полковниковъ, двадцать офицеровъ, множество знатныхъ волонтеровъ, до трехъ сотъ солдатъ и болѣе двухъ сотъ лошадей. Самъ Браницкій, подъ которымъ убиты были двѣ лошади, получилъ рану и съ трудомъ успѣлъ убѣжать отъ Мазовецкаго.

Все это происходило въ небольшой промежутокъ времени между изданіемъ первой и второй декларацій Сальдерна. Послѣдняя, какъ мы замѣтили, нетолько произвела сильное впечатлѣніе въ умахъ конфедератовъ, но болѣзненно отозвалась во всей Польшѣ, потому что иначе и быть не могло. Въ этомъ случаѣ Сальдернъ сдѣлалъ самую грубую ошибку, на которыя онъ былъ очень способенъ, и Панинъ никогда бы не простилъ ему такого страннаго поведенія, еслибы ошибки конфедератовъ, на которыя и они были способны не менѣе Сальдерна, не поправили дѣла и не вывели Панина изъ затрудненія. Конфедераты, оскорбленные обидными выраженіями, направленными противъ нихъ во второй деклараціи, оказались деликатнѣе Сальдерна и отвѣчали, какъ мы сказали, манифестомъ, въ которомъ не было ничего жесткаго и оскорбительнаго для Россіи. Манифестъ этотъ могъ поправить нѣсколько ихъ дѣла, еслибы они послѣ того не надѣлали кучу глупостей. Правда, въ манифестѣ они хвастались своими побѣдами, которыя были довольно ничтожны; но въ то же время они взывали къ единодушію націи, о чемъ бы слѣдовало давно подумать, а не начинать съ конца, какъ они начали. Манифестъ производилъ сильное дѣйствіе вездѣ, куда ни проникалъ; въ Подоліи и на Волыни онъ привлекъ въ ряды конфедератовъ значительныя силы, такъ что войско ихъ снова достигло той цифры, какая была въ началѣ весны этого года, когда конфедераты не терпѣли еще пораженій ни отъ Девица, ни отъ Суворова, и когда дивизія Савы была цѣла и самъ онъ былъ еще живъ. Манифестъ этотъ сдѣлалъ то, что они держались въ своихъ крѣпостяхъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, несмотря на всѣ усилія Русскихъ выгнать ихъ изъ Ландскроны, Тырняка и Ченстохова. Франція снова прислала имъ своихъ офицеровъ, которые были все-таки дѣльнѣе конфедератовъ и приносили имъ не малую пользу, особенно когда послѣдніе слушались ихъ совѣтовъ, а не умствовали сами и не ссорились съ ними и между собой. Наконецъ, много надежды возлагали конфедераты на битву, куда Пулавскій коман-

дировалъ Коссаковскаго съ четырьмя стами человѣкъ. Личность Коссаковскаго какъ-то невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе, не потому, чтобъ это была особенно-даровитая натура, — во всѣхъ отношеніяхъ онъ стоялъ гораздо ниже и Пулавскаго и Зарембы, и Савы, но вся жизнь его носитъ на себѣ печать какой-то страстности и непостоянства, — непостоянства въ убѣжденіяхъ, чувствахъ, политическихъ правилахъ и проч. Страстный патріотъ въ молодости, онъ дѣлается непримиримымъ врагомъ своихъ юношескихъ убѣжденій, врагомъ родины, предметомъ ненависти всѣхъ соотечественниковъ и кончаетъ жизнь самымъ позорнымъ образомъ. Партизанъ саксонскаго дома и лично привязанный къ партіи Радзивилловъ, онъ ненавидѣлъ Понятовскаго, и когда тотъ вступилъ на престолъ, явился въ Варшаву только за тѣмъ, чтобы вредить королю и словомъ, и дѣломъ. Пустой по природѣ, онъ скорѣе желалъ играть видную роль, чѣмъ принести дѣйствительное добро своей родинѣ; роли его жизни, пожалуй, и были громки, но безплодны, и, наконецъ, причинили не мало зла тому дѣлу, за которое онъ стоялъ въ молодости. Открыто порицая короля, онъ навлекъ на себя преслѣдованія и едва не былъ схваченъ, хотя за смѣлость свою поплатился раной и долженъ былъ бѣжать изъ Варшавы. Онъ отправился въ Турцію, куда обыкновенно спасались патріоты изъ своего несчастнаго отечества. Въ Турціи онъ былъ принятъ за русскаго шпіона, бѣжалъ оттуда, но недалеко отъ границы пойманъ Татарами. Случай помогъ ему спастись и здѣсь, какъ въ Варшавѣ: онъ воспользовался минутнымъ смущеніемъ страны, послѣдовавшимъ за насильственной смертію великаго визиря, и бѣжалъ въ Польшу, гдѣ и сталъ въ ряды конфедератовъ. Пулавскій потому послалъ Коссаковскаго въ Литву, что многіе изъ литовскихъ патріотовъ сами просили объ этомъ конфедератовъ. Саксонія дала Полякамъ небольшую сумму денегъ для покупки двухъ тысячъ ружей и пяти сотъ сабель, собственно для Литвы, которая была опустошена непріятельскими отрядами; Литовцы просили оружія и звали къ себѣ конфедератовъ, чтобы, соединившись съ ними, вторгнуться въ русскія провинціи. Коссаковскій совершилъ, какъ говорятъ, замѣчательный походъ въ Литву, походъ, соединенный съ страшными трудами и опасностями, но и необыкновенно счастливый для конфедератовъ. Нѣкоторые польскіе историки называютъ этотъ походъ баснословнымъ, хотя въ немъ замѣчательнаго собственно ничего не было. Правда, Коссаковскій дѣйствовалъ удачнѣе другихъ кон-

федератовъ, шелъ быстро, не былъ покуда ни разу разбитъ, но, можетъ быть, потому только, что судьба не натолкнула его на Суворова, а посылала, на его счастье, партіи русскихъ рекрутъ, которыхъ онъ и разбивалъ, потому что разбить ихъ было не трудно. Какъ бы то ни было, но онъ успѣлъ надѣлать много шуму. Куда ни являлась его маленькая армія, онъ всѣхъ умѣлъ расположить въ свою пользу: захватывая партіи рекрутъ, онъ спрашивалъ, кто изъ плѣнныхъ желаетъ поступить въ ряды конфедератовъ, и бралъ въ свою армію охотниковъ, а другихъ, не желавшихъ перейти на его сторону, отсылалъ безъ всякой обиды и притомъ еще ласково говорилъ имъ: «Подите и передайте вашему посланнику (онъ разумѣлъ Сальдерна) какъ съ вами обходятся конфедераты и скажите ему, если только смѣете, что воры (какъ называлъ Сальдернъ конфедератовъ) ограбили и обидѣли васъ.» Молва о его подвигахъ съ рекрутами и быстромъ движеніи на Литву достигла Курляндіи, и два курляндскихъ дворянина, привлеченные въ Литву шумомъ, надѣланнымъ походомъ Коссаковскаго, соединились съ нимъ, усиливъ его отрядъ пятью стами человѣкъ. Коссаковскій очутился наконецъ у Вильно, захватилъ у самыхъ стѣнъ города болѣе ста лошадей и нѣсколько русскихъ солдатъ, которые сторожили этотъ табунъ, разбилъ довольно сильный отрядъ, посланный ему навстрѣчу, взялъ въ плѣнъ самого начальника и двухъ офицеровъ и, въ негодованіи на опустошенія, которымъ подвергалась несчастная страна во все время польскихъ смутъ, написалъ виленскому коменданту письмо, которое дѣлаетъ ему большую честь, запятнанную впослѣдствіи, въ годы зрѣлаго мужества. Онъ указывалъ на грабежи и опустошенія, которые приписывалъ распоряженіямъ коменданта и прибавлялъ, что на конфедератовъ, напротивъ, не пожалуется никто изъ жителей. Коссаковскій писалъ между прочимъ, что, разбивъ отрядъ, высланный комендантомъ, онъ захватилъ въ русскомъ обозѣ не столько оружія, сколько женскаго платья и прочихъ награбленныхъ вещей. Онъ укорялъ этимъ коменданта; указывалъ на всю возмутительность такихъ поступковъ его арміи: «Недостатокъ въ докторахъ обязываетъ меня отдать вамъ обратно двухъ раненыхъ офицеровъ и двадцать плѣнныхъ солдатъ; что же касается до начальника отряда, то я оставляю его у себя плѣннымъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, и увѣряю васъ, что съ ними будутъ обходиться у меня болѣе человѣчно, чѣмъ поступаете вы съ нашими согражданами, захваченными въ ихъ собственныхъ домахъ и содержа-

щимися въ Вильнѣ въ тѣсной тюрьмѣ». Коссаковскій предлагалъ наконецъ обмѣнъ плѣнныхъ. Комендантъ не отвѣчалъ на письмо и даже отвергнулъ предложеніе о размѣнѣ плѣнныхъ.

Армія Коссаковскаго постоянно росла. Одинъ отрядъ былъ присланъ къ нему Радзивилломъ. Коссаковскій явился наконецъ въ Курляндію и назначилъ пріемъ рекрутъ, съ помощью суммъ, которыя пожертвовало ему курляндское дворянство, недовольное Биронами и желавшее выгнать ихъ изъ Митавы. Коссаковскій рѣшился разослать по всему герцогству особый манифестъ, чтобы подвинуть страну къ возстанію; но Русскіе перехватили его публикаціи. Однако герцогъ долженъ былъ удалиться въ Ригу и Коссаковскій наводнилъ своими отрядами почти все герцогство, удачно дѣйствуя противъ русскихъ отрядовъ. Онъ намѣревался даже идти на Смоленскъ, и, вѣроятно, успѣлъ бы въ этомъ, еслибы въ Литвѣ не постигли несчастія Браницкаго (не Ксаверія) и Огиньскаго, на которыхъ Коссаковскій и всѣ конфедераты возлагали не малыя надежды.

Огиньскій, по свидѣтельству всѣхъ историковъ, былъ человѣкъ мало къ чему способный, исключая развѣ искуснаго писанья мадригаловъ, сонатъ, картинокъ, что все, говорятъ, возбуждало въ Понятовскомъ бѣшеную зависть; государственныя дѣла были имъ обоимъ не по плечу. Но когда послѣдній взошелъ на престолъ къ вящшей зависти перваго и когда къ этому присоединилось еще то, что король прибѣгнулъ къ покровительству Русскихъ, старая вражда между этими двумя родственниками, вражда собственно изъ-за пустяковъ, изъ-за сонатъ и мадригаловъ, должна была кончиться серьезнымъ дѣломъ. Чтобы успокоить чѣмъ-нибудь самолюбіе Огиньскаго, его сдѣлали великимъ коронымъ гетманомъ литовскимъ. Но и этотъ высокій постъ не мѣшалъ ему остаться все тѣмъ же артистомъ, а личный антагонизмъ къ королю, рано-ли, поздно-ли, долженъ былъ разрѣшиться открытой борьбой и, слѣдовательно, принести новыя бѣдствія странѣ. Браницкій, напротивъ, уже давно питалъ вражду къ королю за его отношенія къ Русскимъ; а послѣ изгнанія изъ Польши эта вражда усилилась въ немъ еще болѣе. Само собою разумѣется, что онъ былъ врагомъ русской партіи, и, возвратясь изъ изгнанія, несмотря на тяжкую болѣзнь, дѣятельно помогалъ конфедератамъ деньгами и людьми, хотя уже не могъ, какъ прежде, предводительствовать войскомъ. Больной старикъ жилъ въ своей богатой резиденціи, окруженный блескомъ и великолѣпіемъ, и, поддерживая постоянныя сношенія съ кон-

федератами, искусно завлекалъ въ свою партію Огиньскаго. Огиньскій, съ своей стороны, не могъ не сочувствовать конфедератамъ, и хотя не смѣлъ обнаружить истинныхъ чувствъ къ патріотамъ, тѣмъ не менѣе становился иногда посредникомъ между ними и Русскими. Король слишкомъ хорошо зналъ своего прежняго соперника, чтобы не догадываться, какую дорогу изберетъ онъ впослѣдствіи, а между тѣмъ Русскіе уже съ безпокойствомъ наблюдали за поведеніемъ гетмана. Огиньскій, подъ предлогомъ образованія кордонной линіи для защиты страны отъ моровой язвы, замѣтно увеличивалъ свою армію, усиливая тѣмъ и подозрѣнія Русскихъ; наконецъ, онъ пытался привлечь и короля на свою сторону, чтобы дѣйствовать соединенными силами противъ Русскихъ; но король не хотѣлъ и слышать о его предложеніяхъ и только повторялъ со страхомъ: «онъ погубитъ меня и себя погубитъ». Сальдернъ, какъ и слѣдовало ожидать, не дремалъ, и зорко, насколько хватало у него политической зоркости, слѣдилъ за всѣми движеніями гетмана; уже давно поведеніе Огиньскаго казалось ему двусмысленнымъ; онъ не разъ говорилъ королю, что надо принять какія-нибудь мѣры къ пресѣченію своевольствъ гетмана, что его слѣдуетъ наказать, или, наконецъ, конфисковать имущество этой, какъ онъ выражался, «разбойничьей фамиліи». Сальдернъ доказывалъ королю, что Огиньскій — опасный человѣкъ (какъ увидимъ ниже, Сальдернъ ошибался, потому что такіе люди, какъ Огиньскій, не опасны) и писалъ объ этомъ своему двору. Вмѣстѣ съ изданіемъ своей первой деклараціи Сальдернъ отправилъ къ Огиньскому особенное письмо, въ которомъ, выражая самыя, повидимому, нѣжныя чувства къ гетману, называя его достоуважаемымъ и милымъ другомъ, довольно несдержанно упрекалъ его въ сомнительности поведенія, въ составленіи заговора противъ своего отечества, въ возбужденіи общественныхъ смутъ и проч. «Возможно ли повѣрить (писалъ онъ), чтобы другъ мой, столь достойный уваженія, которое я питаю къ нему, способенъ былъ впасть въ подобную крайность? Что скажетъ вся Европа, которая васъ знала? Что подумаетъ императрица россійская, которая всегда отличала васъ? Но теперь уже не время притворяться; надо снять маску, чтобы видѣть, къ чему ведутъ ваши гибельныя ковы, ваши преступныя намѣренія, какое бѣдствіе готовятъ они отечеству,» и т. д. Именемъ императрицы онъ требовалъ его въ Варшаву, чтобы гетманъ лично, изъ устъ Сальдерна, узналъ о намѣреніяхъ петербургскаго двора; именемъ

императрицы онъ приказывалъ ему распустить войска, доказывая, что моровая язва не требуетъ особой кордонной линіи; онъ напоминалъ ему, что многіе офицеры и солдаты, находящіеся въ войскѣ гетмана, были взяты въ плѣнъ русскими войсками и освобождены на честное слово—не поддерживать смутъ. «Ваша рука мнѣ очень хорошо знакома,» говорилъ онъ, давая тѣмъ понять, что знаетъ нѣкоторыя распоряженія Огиньскаго, враждебныя Россіи и скрѣпленныя его подписью, и грозилъ, что генералъ Веймарнъ будетъ поступать съ войскомъ гетмана какъ съ непріятельскимъ. «Я бы могъ этимъ кончить свое письмо,» прибавлялъ онъ. «Русскому посланнику нечего болѣе прибавлять къ нему... Но другъ, который вамъ преданъ истинно, человѣкъ васъ любящій, который много лѣтъ знаетъ васъ и котораго сердце желаетъ вамъ добра, имѣетъ сказать еще два слова. Хотите ли вы оставаться глухи къ моему совѣту, совѣту того, который страстно желаетъ соединиться съ вами для блага и счастья вашего отечества и который считаетъ невозможнымъ, чтобы вы могли противиться силѣ истины, которую вы услышите изъ моихъ устъ?» и т. д. Огиньскій отвѣчалъ ему на это очень любезно, но въ Варшаву не поѣхалъ и войска не распустилъ. Письмо его дышетъ ироніей, которая, повидимому, очень не понравилась Сальдерну, потому что Огиньскій весьма остроумно замѣчалъ, что декларація и письмо писаны не одним лицомъ; что Сальдернъ, соединяя въ своей особѣ и посланника, и друга Огиньскаго, могъ бы лучше знать, что другъ его неспособенъ на то, въ чемъ упрекаетъ его посланникъ. Наконецъ, онъ просилъ Сальдерна-друга попросить Сальдерна-посланника быть помягче, перемѣнить о немъ свое мнѣніе, отогнать недостойныя подозрѣнія насчетъ поступковъ гетмана и проч. Естественно, что Сальдернъ отвѣчалъ возраженіемъ, но уже, на этотъ разъ, въ тонѣ его письма не было той мягкости, какая замѣтна въ первомъ: тутъ онъ положительно отрекается отъ дружбы съ человѣкомъ, который «такъ легко играетъ этимъ священнымъ именемъ,» и снова приказываетъ Огиньскому исполнить его прежнія распоряженія—явиться въ Варшаву и распустить войско. Огиньскій и послѣ этого не повиновался. Мало того: 6-го сентября онъ напалъ на русскій отрядъ, высланный для предупрежденія непріязненныхъ дѣйствій со стороны Огиньскаго, захватилъ въ плѣнъ до шести сотъ человѣкъ, и возвращая офицерамъ свободу, обязалъ ихъ честнымъ словомъ не сражаться противъ конфедератовъ. Самъ начальникъ отряда былъ

убитъ въ сраженіи, и въ бумагахъ его Огиньскій нашелъ такіе документы, которые бросали невыгодную тѣнь на короля и Сальдерна. Улику эту, какъ бы въ оправданіе послѣднихъ рѣшительныхъ дѣйствій своихъ, Огиньскій поспѣшилъ препроводить въ Варшаву, давая тѣмъ знать, что онъ поступилъ честно, отразивъ ударъ, который готовились нанести ему скрытно, не объявивъ формальнаго разрыва. Освобождая плѣнныхъ, Огиньскій вручилъ имъ такого рода бумагу, собственноручно подписанную: «скажите вашему посланнику (Сальдерну), что онъ никого не долженъ обвинять, какъ только самого себя, въ томъ, что Литовцы рѣшились защищаться съ оружіемъ въ рукахъ; скажите ему, что русскія войска не непобѣдимы; что успѣхами своими они обязаны только интригамъ, которыя до сихъ поръ раздѣляли конфедератовъ на партіи. Вашъ министръ найдетъ васъ цѣлыми и невредимыми: васъ не мучили, не ограбили и не влекли за войсками, какъ плѣнныхъ, чтобы унижать и издѣваться надъ вами; мы уважаемъ и вашу личность, и ваше мужество, и, въ свою очередь, мы и васъ заставимъ уважать наше человѣческое достоинство» и т. д. Отпуская плѣнныхъ, онъ позаботился даже обо всемъ для нихъ необходимомъ; онъ далъ имъ конвой провожатыхъ и строжайшимъ образомъ приказалъ оказывать плѣннымъ всевозможное уваженіе.

Это были послѣдніе и почти единственные успѣхи конфедератовъ. Движеніе въ Литвѣ было предсмертною агоніею патріотовъ, поздно одумавшихся, да и то едвали одумавшихся какъ слѣдуетъ. Открытое присоединеніе Огиньскаго къ конфедератамъ, сдѣланное такъ неожиданно и ознаменованное такимъ громкимъ дѣломъ, какъ побѣда надъ Русскими, воскресило надежду въ умахъ патріотовъ. Переходъ такого важнаго въ государствѣ лица, какъ коронный гетманъ, на сторону антикоролевской партіи, произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе: тутъ были и радость, и удивленіе, и надежда, и страхъ послѣдней гибели государства; одни были убѣждены въ томъ, что этотъ новый союзникъ конфедератовъ неминуемо долженъ погибнуть и войско его уничтожится; другіе надѣялись, что Русскіе наконецъ будутъ вынуждены отступить изъ территорій республики и что недалеко радостный день освобожденія Польши. Надежды послѣднихъ казались дотого сбыточными, что жена Огиньскаго, еще такъ недавно думавшая отправиться къ своему мужу, рѣшилась теперь ожидать его прихода, какъ побѣдителя. Между тѣмъ Огиньскій издалъ манифестъ, въ которомъ объ-

яснялъ своимъ соотечественникамъ и всей Европѣ, что только отчаянное положеніе вынудило его дѣйствовать такъ самовластно, повидимому, противъ воли представителей республики. «Но гдѣ она, эта республика? (говорилъ онъ въ манифестѣ)... Наша республика, это обезлюженные города, разоренныя поля, опустошенныя земли, разрушенныя селенія; она вездѣ, наконецъ, гдѣ нѣтъ патріотизма, гдѣ нѣтъ правосудія, гдѣ сильный задавилъ слабаго. Васъ, благородные конфедераты, сражавшихся подъ знаменами Красинскаго, васъ признаю я главами этой республики и моего отечества; вашимъ распоряженіямъ я повинуюсь; это мой долгъ.» Онъ обратился, наконецъ, и къ Литвинамъ, которыми командовалъ въ послѣднее время. Еще разъ, и послѣдній разъ, счастье улыбнулось Огиньскому; но это было уже передъ грозой, передъ несчастьемъ, передъ роковымъ ударомъ для республики. Противъ него выступили шесть русскихъ полковъ съ тремя тысячами казаковъ, но потерпѣли рѣшительное пораженіе: много было убито со стороны Русскихъ, пять сотъ человѣкъ взято въ плѣнъ; побѣдителю досталась войсковая казна, обозъ и всѣ военные припасы. Другой корпусъ, шедшій на помощь разбитому, не былъ счастливѣе перваго и не могъ помѣшать занятію Минска. Силы Огиньскаго росли ежеминутно; Поляки и Литвины со всѣхъ сторонъ стекались подъ его знамена; плѣнные охотно поступали въ ряды конфедератовъ; наконецъ, съ нимъ соединился и Коссаковскій, который успѣлъ проникнуть съ своимъ корпусомъ въ русскіе предѣлы и послѣ труднаго и длиннаго перехода явился къ Огиньскому въ то самое время, когда тотъ наиболѣе былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Но ни Огиньскій, ни Коссаковскій еще не встрѣчались съ Суворовымъ и потому могли предаваться мечтамъ; притомъ они еще не вполнѣ знали, до какой крайней деморализаціи дошло ихъ отечество; сами Поляки продавали себя, какъ бы стараясь изо всѣхъ силъ доказать, что они недостойны свободы; чтó выигрывалось личной храбростью, то губила измѣна; чтó пріобрѣталось кровью тысячи несчастныхъ жертвъ, то продавалось за деньги, ради отличій и наградъ, или просто по личной мелочной мстительности оскорбленнаго тщеславія. Сами же Поляки продали и Огиньскаго. Ему измѣнили два офицера его авангарда, и Суворовъ, извѣщенный ими обо всемъ, 23 сентября 1771 года напалъ на Поляковъ. Пораженіе послѣднихъ было полное; послѣ него имъ поправиться было уже невозможно, тѣмъ болѣе, что Суворовъ своими рѣшительными мѣрами нагналъ

ужасъ на всю Польшу. Менѣе чѣмъ въ часъ, Поляки потеряли все, что̀ имѣли,—артиллерію, деньги, цѣлые возы серебра и всѣ припасы; они лишились и всѣхъ выгодъ, добытыхъ трудными побѣдами Огиньскаго и Коссаковскаго. Самъ Огиньскій описываетъ свое пораженіе въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, изъ Кёнигсберга, куда онъ успѣлъ бѣжать съ поля битвы. Битва была ночью въ Стреловичѣ. Утомленные безпрестанными переходами, солдаты Огиньскаго не могли защищаться, потому что на нихъ напали врасплохъ. Измѣнники указали даже домъ, гдѣ находился Огиньскій, и Русскіе прежде всего напали на это жилище. Огиньскій едва успѣлъ сѣсть на лошадь, чтобы собрать свои отряды, и къ ужасу своему увидѣлъ, что его пѣхота обратилась въ бѣгство безъ оружія; кавалерія бѣжала въ другую сторону. Онъ просилъ, заклиналъ, приказывалъ остановиться, опомниться,—но его просьбы, его мольбы, приказанья—все было безполезно. Видя, что все погибло, онъ послалъ сказать кавалеріи, чтобъ она спасалась и соединялась съ войсками генеральной конфедераціи. «Но, прибавлялъ онъ, съ этой роковой минуты я не получалъ уже никакихъ вѣстей... Я потерялъ все—деньги, припасы, бумаги; но я никогда не потеряю ни моей твердости, ни моего мужества, ни рѣшимости, во что̀ бы то ни стало, помогать моему отечеству». Лично Огиньскій потерялъ все, что̀ имѣлъ. Съ невѣроятными усиліями удалось ему пробраться въ Кёнигсбергъ. Трактирщикъ, у котораго онъ скрывался въ продолженіи трехъ дней, далъ ему средства переодѣться и удалиться въ Данцигъ, такъ что Русскіе не могли его настигнуть. Тамъ онъ встрѣтился съ Сапѣгой, съ личнымъ врагомъ своимъ; но общее несчастіе сблизило ихъ и они обѣщали другъ-другу взаимное содѣйствіе для спасенія своей родины. Огиньскій лишился всѣхъ своихъ богатствъ, и въ бѣдности ему оставалось одно утѣшеніе—музыка, къ которой онъ былъ страстно привязанъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ пораженія при Стреловичѣ, умеръ и старикъ Браницкій, въ которомъ конфедераты лишились послѣдней матеріальной поддержки. Коссаковскій успѣлъ спастись отъ Русскихъ; но австрійскія и прусскія войска нанесли и ему рѣшительное пораженіе.

Огиньскій, увѣрившись наконецъ, что въ Литвѣ ему уже ничего нельзя было сдѣлать, нашелъ возможность присоединиться къ главной конфедераціи, которая находилась не въ лучшемъ положеніи. Судьба окончательно насмѣялась надъ Огиньскимъ. Такъ какъ онъ любилъ

музыку и духи, то, говорятъ, императрица прислала ему духовъ и музыкальные инструменты «въ обмѣнъ на офицеровъ, которымъ онъ далъ свободу послѣ сраженія, бывшаго 6 сентября».

Конфедераты не знали, наконецъ, что предпринять. Оставалось еще одно средство — похитить короля, и они рѣшились на эту последнюю, странную попытку. Въ этомъ случаѣ конфедератами руководила та мысль, чтобы, вырвавъ короля изъ рукъ Сальдерна, поставить его въ головѣ патріотическаго движенія и заставить его убѣдиться, что они дѣйствуютъ во имя освобожденія отчизны, но что лично къ королю они не питаютъ никакой вражды и готовы поддерживать его всѣми силами, лишь бы онъ перестал быть орудіемъ чужой воли и изъ-за короны не продавалъ бы никому самостоятельности государства. Похищеніе короля казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что со дня объявленія польскаго трона вакантнымъ, жизнь Станислава-Августа подвергалась ежеминутной опасности: находилось много негодяевъ, которые искали случая убить его, какъ виновника всѣхъ бѣдствій страны, и, только благодаря легкомыслію заговорщиковъ, продажности, которая вошла въ плоть и кровь тогдашняго польскаго общества, и разномыслію безчисленныхъ партій, король спасался отъ смерти. Только проектъ похищенія короля удалось конфедератамъ исполнить съ большимъ тактомъ и съ большой осмотрительностію, но, можетъ-быть, потому, что исполнителемъ его былъ человѣкъ вполнѣ способный на подобнаго рода предпріятія и кромѣ того Пулавскій, хотя отчасти косвенно, руководилъ тайной экспедиціей. Пулавскій, удалившійся впослѣдствіи въ Америку, когда уже не оставалось никакой надежды спасти Польшу и сражавшійся тамъ за свободу чуждаго ему народа, самъ часто разсказывалъ объ этомъ любопытномъ происшествіи (*). Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой мелодрамѣ, для однихъ стоившей жизни, для другихъ кончившейся пустой комедіей, былъ Стравинскій, литовскій дворянинъ изъ Ковно, человѣкъ смѣлый, не глупый и вообще созданный для интригъ. Фамильныя воспоминанія и личныя чувства раздражали его противъ Русскихъ, а бѣдность, которую пришлось испытать ему, озлобила и безъ-того тревожное его сердце. Домъ Стравинскихъ имѣлъ большія помѣстья въ

(*) Пулавскій убитъ въ Америкѣ, когда защищалъ Саванну вмѣстѣ съ Сѣверо-Американцами отъ Англичанъ. Въ память его основанъ фортъ «Пулавскій», который теперь служитъ сильнымъ оплотомъ для сепаратистовъ.

кіевскомъ воеводствѣ, но духъ нетерпимости, нежеланіе подчиниться Русскимъ и привязанность къ Польшѣ заставили Стравинскихъ отказаться отъ всего, что они имѣли, чтобы только покинуть Россію. Правда, они были вознаграждены республикой за потерю имѣній, однако несчастный процессъ лишилъ послѣдняго Стравинскаго нетолько достоянія, но и свободы: онъ былъ изгнанъ изъ Польши, и потомъ, хотя при содѣйствіи Черторыжскихъ возвратился въ отечество, однако долженъ былъ испытать бѣдность и всякаго рода лишенія. Изъ Стравинскаго выработался человѣкъ годный на всякое отчаянное предпріятіе. Ему ли пришла мысль похитить короля, другому ли кому— это все равно, только ему выпало на долю осуществить ее. Еще до пораженія Огиньскаго Суворовымъ, Стравинскій явился однажды въ Ченстохово и просилъ, чтобъ его допустили къ Пулавскому для какихъ-то объясненій. Сомнительное положеніе, въ которомъ находились конфедераты, постоянныя измѣны, предательства и тайныя убійства, вслѣдствіе подкуповъ той или другой партіи, заставили Пулавскаго быть очень осторожнымъ въ сношеніяхъ съ неизвѣстными людьми. Стравинскій не имѣлъ съ собой никакого документа или свидѣтельства, которое внушало бы довѣріе къ его личности, и хотя онъ и прежде исполнялъ нѣкоторыя порученія Пулавскаго и велѣлъ напомнить ему о себѣ, однако послѣдній не могъ припомнить его имени, потому-что имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень много дворянъ, которые нерѣдко переходили на сторону королевской или русской партіи и могли сдѣлаться лазутчиками. Вообще Пулавскій боялся происковъ противной партіи, потому что не разъ перехватывалъ шпіоновъ и обнаруживалъ разные заговоры, почему и приказалъ провести его въ церковь, гдѣ должна была происходить служба. Тамъ увидѣлъ онъ Стравинскаго, который въ продолженіе всей обѣдни лежалъ распростертый крестомъ на землѣ и повидимому жарко молился. Послѣ обѣдни Пулавскій пригласилъ его къ себѣ въ комнату вмѣстѣ съ двумя другими конфедератами, изъ которыхъ одинъ былъ знаменитый Кузьма, давшій впослѣдствіи такой неожиданный оборотъ дѣлу, начатому Стравинскимъ, и заслужившій такую громкую извѣстность въ исторіи послѣднихъ дней Польши. Стравинскій говорилъ, что онъ пришелъ собственно затѣмъ, чтобы продать небольшой участокъ земли, которая у него оставалась въ Литвѣ. Вслѣдъ затѣмъ рѣчь зашла о Варшавѣ. Стравинскій разсказывалъ о состояніи, въ которомъ находился городъ въ послѣднее время, о частыхъ выѣздахъ короля въ

ночную пору; говорилъ, что его очень легко захватить и привезти въ Ченстохово, лежавшее очень близко отъ столицы. Надо замѣтить, что уже не въ первый разъ конфедераты являлись къ Пулавскому съ предложеніемъ похитить короля; но, не довѣряя ихъ способности исполнить такое опасное предпріятіе, онъ отказывалъ имъ въ своей помощи. Онъ справедливо полагалъ, что если первая попытка не удастся, то вторая сдѣлается уже почти невозможною, потому-что за Варшавой усердно наблюдали Русскіе. Кромѣ того, онъ принималъ въ соображеніе и то, что въ суматохѣ или, наконецъ, въ случаѣ нападенія со стороны Русскихъ въ то самое время, когда король будетъ захваченъ, очень легко можетъ случиться, что его ранятъ или даже убьютъ, — тогда предпріятіе конфедератовъ будетъ имѣть видъ самаго гнуснаго заговора, съ преднамѣреннымъ злодѣйствомъ, тогда и самые участники заговора должны казаться въ глазахъ Европы преступниками и могли подвергнуться казни одинаковой съ цареубійцами. Все это естественно долженъ былъ предвидѣть Пулавскій. Хотя въ самой Варшавѣ у него находилось болѣе трехъ сотъ преданныхъ ему людей, но онъ держалъ ихъ въ такой тайнѣ другъ отъ друга, что даже сами они, составляя небольшіе кружки, не знали кто изъ нихъ принадлежитъ къ партіи Пулавскаго; Пулавскій даже и ихъ не смѣлъ употребить для такого предпріятія, на какое вызывался Стравинскій.

Какъ бы то ни было, Пулавскій, побѣжденный рѣшимостью Стравинскаго, принялъ его предложеніе, хотя отказался дать ему отрядъ, для исполненія заговора. Черезъ нѣсколько дней Стравинскій опять явился въ Ченстохово и положительно сказалъ Пулавскому, что онъ вполнѣ увѣренъ въ счастливомъ окончаніи дѣла, что онъ уже нашелъ людей въ самой Варшавѣ, на которыхъ можетъ положиться; но что ему необходимъ отрядъ солдатъ, для прикрытія на обратномъ пути, вслучаѣ удачи. Пулавскій согласился и на это, обѣщая дать отрядъ. Потомъ онъ прибавилъ:

— Я вамъ ничего не приказываю. Но если вы исполните свое намѣреніе, вы должны сохранить жизнь Понятовскому и обходиться съ нимъ почтительно.

— Я нисколько не желаю убить его, отвѣчалъ Стравинскій. Двадцать разъ я могъ сдѣлать это въ Варшавѣ, но не хотѣлъ дать Польшѣ примѣръ неслыханный въ ея лѣтописяхъ. Вы знаете, что мы часто свергали съ престола нашихъ королей, но при этомъ никогда не

было никакого убійства. Я же вручилъ Понятовскому опредѣленіе о низверженіи его съ трона... Это можетъ быть развѣ только въ такомъ случаѣ, когда мы, уводя его, будемъ настигнуты и когда не останется никакой надежды на спасеніе.

— Тогда вы велите трубачу закричать, что, преслѣдуя васъ, подвергаютъ опасности жизнь короля, возразилъ Пулавскій.

Пулавскій имѣлъ въ Варшавѣ человѣка, на котораго могъ вполнѣ положиться. Это былъ молодой поручикъ Лукавскій, по всѣмъ отзывамъ, — юноша далеко не дюжинный, погибшій впослѣдствіи, единственно по неловкости или нерѣшительности Пулавскаго. Лукавскій былъ въ числѣ первыхъ, принявшихъ на себя исполненіе щекотливаго предпріятія. Когда Стравинскій въ третій разъ явился въ Ченстохово, у него уже все было приготовлено въ Варшавѣ. Убѣжденный ясностью его доводовъ, спокойствіемъ, съ которымъ обдуманъ былъ каждый шагъ предпріятія, Пулавскій назначилъ Стравинскаго капитаномъ отряда, и приказалъ дѣйствовать. До сихъ поръ Стравинскій не напоминалъ даже о деньгахъ; но теперь, когда все было готово, онъ просилъ Пулавскаго снабдить его небольшой суммой, и Пулавскій, даже въ этомъ случаѣ, принялъ необходимыя предосторожности: онъ послалъ деньги съ курьеромъ, пользовавшимся его довѣріемъ, но съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній конфедератъ, близкій къ Пулавскому, не принималъ участія въ самомъ заговорѣ. Его зналъ одинъ только Стравинскій, на скромность котораго Пулавскій имѣлъ основаніе твердо надѣяться и былъ увѣренъ, что, вслучаѣ несчастія, его имя не будетъ связано съ именемъ заговорщиковъ; онъ вѣрилъ, что Стравинскій, — съ такимъ фанатическимъ рвеніемъ преслѣдовавшій идею похищенія короля, съ такимъ непритворнымъ энтузіазмомъ готовившійся къ этому,—не выдастъ его; прочіе же заговорщики не знали объ участіи въ немъ Пулавскаго или знали очень мало и очень неточно. Но Пулавскій, дѣйствуя повидимому такъ осмотрительно, самъ выдалъ и себя и другихъ, и, наконецъ, погубилъ Лукавскаго. Себя онъ запуталъ тѣмъ, что имѣлъ неосторожность написать къ Стравинскому такую записку: «Другъ мой! Предпріятіе, къ которому вы готовились, должно быть исполнено третьяго ноября; если вы не найдете возможности исполнить его въ этотъ день, не предпринимайте ничего, не посовѣтовавшись вновь со мною; но если вы чего-нибудь опасаетесь, то не приступайте къ дѣлу, а соберите людей и приходите въ Ченстохово». Точно также онъ далъ письменныя приказанія поручику Лукавскому

и полковнику Земборовскому: первому, — чтобы тотъ соединился съ Стравинскимъ и во всемъ слѣдовалъ его приказаніямъ, за что Лукавскому обѣщалъ чинъ полковника; второму, — чтобы онъ далъ Стравинскому нѣсколько солдатъ изъ своего полка. Конечно, послѣдніе приказы не могли быть уликой; но письмо къ Стравинскому, вслучаѣ неудачи, выдавало головой Пулавскаго. Онъ потому назначилъ 3 ноября для исполненія заговора, что къ этому времени надѣялся разными маневрами отвлечь Русскихъ въ противуположную сторону отъ Ченстохова, такъ чтобы дорога, ведущая изъ столицы къ этой крѣпости, была совершенно свободна отъ войскъ, на случай, еслибъ привелось везти по ней короля; къ этому же числу Пулавскій намѣревался контръ-маршами, тревогами, атаками и даже, на случай крайности, битвою отвлечь войска отъ столицы. По варшавско-ченстоховской дорогѣ, въ день исполненія заговора, могли попадаться только крестьяне, которыхъ заговорщики не боялись.

За нѣсколько дней до рѣшительнаго исполненія задуманнаго плана, Стравинскій и Лукавскій прибыли къ мѣстечку Закрочиму (въ 29 верстахъ отъ Варшавы). Они привели съ собой и остальныхъ участниковъ заговора, въ числѣ тридцати одного. Все это былъ народъ крѣпкій, рѣшительный, люди, готовые на все по первому слову начальника. Между ними находился и знаменитый Кузьма. Заговорщики провели ихъ къ одному дому, стоявшему вблизи Закрочима и вводили въ домъ по-двое: тамъ ихъ заставляли давать присягу, и присяжный листъ читалъ заговорщикамъ Лукавскій. Имъ объявили потомъ, что Пулавскій избралъ ихъ для похищенія короля; что судьба Польши зависитъ отъ успѣха этого предпріятія. Заговорщики воодушевлены были однимъ чувствомъ, — на нихъ можно было положиться. Тогда выбраны были лучшія лошади изъ отряда; заговорщики запаслись русскими мундирами и отправились къ Варшавѣ. Стравинскій, — при всемъ своемъ увлеченіи, при всемъ энтузіазмѣ, съ которымъ другой, менѣе способный заговорщикъ могъ надѣлать много промаховъ, — не забылъ самыхъ мелкихъ предосторожностей, пренебреженіе которыми могло погубить ихъ. Такъ какъ русскіе караулы, увидѣвъ его отрядъ, могли заподозрить въ чемъ-либо заговорщиковъ и открыть ихъ замыселъ, Стравинскій, раньше этого, нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Варшаву съ обозами, подъ видомъ доставки въ столицу съѣстныхъ припасовъ изъ сосѣднихъ имѣній; такимъ образомъ, онъ нѣсколько разъ проѣзжалъ по этой дорогѣ то въ Варшаву, то изъ Варшавы; всегда былъ хорошо

вооруженъ, и потому не могъ уже казаться подозрительнымъ. Потомъ надо было выбрать глухую дорогу, по которой можно было бы безопасно провезти короля въ Ченстохово. Для этого онъ рѣшился на такую хитрость: по случаю свирѣпствовавшей въ нѣкоторыхъ провинціяхъ республики моровой язвы, Варшава была окопана рвомъ, по которому разставлены были редуты въ недалекомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Чтобы лучше узнать переходы черезъ этотъ ровъ, изслѣдовать потомъ мѣстность за рвомъ и не возбудить этимъ подозрѣнія часовыхъ, Стравинскій отправился къ начальнику этой кордонной линіи, охраняемой Русскими, объявилъ, что слуга укралъ у него нѣсколько лошадей и угналъ изъ Варшавы; что, послѣ тщетныхъ поисковъ въ городѣ, онъ думаетъ искать бѣглеца за рвомъ, куда онъ, безъ сомнѣнія скрылся съ покражей; что слѣды вора, по всей вѣроятности, еще можно отыскать и т. д. Начальникъ былъ такъ простъ и довѣрчивъ, притомъ Стравинскій такъ мало внушалъ подозрѣнія и такъ ловко хитрилъ, что ему дали еще въ провожатые русскаго сержанта, съ которымъ заговорщикъ могъ бы объѣхать вокругъ рва и лично осмотрѣть, въ какихъ именно мѣстахъ лошади могли безопасно перебраться черезъ кордонную линію и, слѣдовательно, въ какую сторону всего лучше можно было провезти короля. Когда все, такимъ образомъ, было приготовлено, заговорщики купили въ сосѣднихъ деревняхъ десять повозокъ, сложили въ нихъ свое оружіе, сѣдла и русскіе мундиры, накрыли все это сѣномъ и соломой, и провели свой обозъ въ лѣсъ. Тамъ провели они ночь, переодѣлись въ крестьянское платье, а иные нарядились судорабочими, и, утромъ, 2 ноября, подъѣзжая къ Варшавѣ, они послали троихъ верховыхъ, которые должны были сказать часовымъ, что они—дворовые Стравинскаго и что самъ Стравинскій долженъ тѣмъ же вечеромъ проѣхать въ Варшаву съ обозомъ. Такимъ образомъ дорога для заговорщиковъ была свободна; обозъ прошелъ вечеромъ, а съ нимъ часть заговорщиковъ; остальные пробрались въ столицу въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ съѣзжій дворъ монастыря доминикановъ, гдѣ обыкновенно останавливался Стравинскій, когда пріѣзжалъ въ столицу съ обозами съѣстныхъ припасовъ. Всѣ заговорщики оставались тамъ весь слѣдующій день до вечера, кромѣ Стравинскаго, Лукавскаго и двухъ другихъ соучастниковъ, которые отлучались на время для необходимыхъ приготовленій къ предстоящему подвигу.

Было 3 ноября — день назначенный для исполненія заговора. Въ

это время Пулавскій помогалъ заговорщикамъ, отвлекая Русскихъ въ сторону, противоположную той, по которой думали провезти короля въ Ченстохово. Такимъ образомъ онъ заманилъ къ радомской дорогѣ и Ксаверія Браницкаго, и Суворова, такъ что 3 ноября въ столицѣ не оставалось болѣе двухъ сотъ Русскихъ. Русскіе отряды потянулись и отъ Радома, обманутые фальшивыми маневрами Пулавскаго, который однажды едва не былъ настигнутъ казаками и обязанъ своимъ спасеніемъ быстротѣ лошади и глубокому рву, помѣшавшему казакамъ схватить смѣлаго конфедерата. Между тѣмъ онъ послалъ полтораста кавалеристовъ на ту дорогу, по которой долженъ былъ слѣдовать плѣнный король, и далъ приказъ, чтобы они какъ можно болѣе берегли лошадей и были готовы удержать погоню, если она будетъ выслана изъ Варшавы вслѣдъ за заговорщикали, а, вслучаѣ надобности, конвоировать короля до самаго Ченстохова. Крѣпость же эту онъ предварительно снабдилъ съѣстными припасами и боевымм снарядами, такъ чтобы она могла выдержать продолжительную осаду. — Когда Пулавскій тревожилъ, такимъ образомъ, русскія войска, заговорщики были уже въ Варшавѣ и ждали только ночи. Королевскій дворецъ былъ очень хорошо извѣстенъ Стравинскому и онъ прямо отправился туда за справками—узнать, располагаетъ ли король въ тотъ вечеръ ѣхать въ театръ. Ничего не подозрѣвая, ему сказали во дворцѣ, что король въ театръ не поѣдетъ, но что, по случаю болѣзни дяди, великаго канцлера, онъ намѣренъ навѣстить больнаго. Стравинскій оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не подали кареты; но едва только увидѣлъ онъ приближеніе экипажа, тотчасъ прибѣжалъ предупредить заговорщиковъ, которые и одѣлись въ русскіе мундиры. Нѣкоторыхъ помѣстилъ онъ въ концѣ улицы, чтобы прикрыть и входъ и выходъ изъ нея. Но едва эти заговорщики размѣстились по указанію Стравинскаго, какъ показался русскій офицеръ, который шелъ прямо къ нимъ и, приблизившись, подозрительно осматривалъ ихъ. Было уже темно. Увидавъ, вѣроятно, русскіе мундиры, офицеръ сказалъ: «это Русскіе;» но потомъ, замѣтивъ свою ошибку, спохватился—«нѣтъ, это конфедераты.» Едва онъ сказалъ это, какъ заговорщики набросили ему на голову плащъ и связали его. Такъ они хватали и вязали всѣхъ, которые могли поднять тревогу, и уносили въ аллею, гдѣ и сторожили ихъ до самаго нападенія на поѣздъ короля. Между тѣмъ Стравинскій размѣстилъ остальныхъ заговорщиковъ: онъ велѣлъ имъ занять улицы Капитульную и Медовую, снова отдалъ приказъ — дѣй-

ствовать съ величайшею поспѣшностью, не стрѣлять по каретѣ и никакого зла не причинять особѣ короля. Онъ приказалъ, кромѣ того, говорить по-русски, чтобъ не быть узнанными. Всѣ эти распоряженія сдѣланы были въ получасовой промежутокъ времени, между половиной девятаго и девятью часами вечера. Заговорщикамъ ни что не помѣшало; каждый готовъ былъ исполнить приказанія начальника,— и вотъ, въ половинѣ десятаго, король вышелъ отъ канцлера, чтобы ѣхать на ужинъ къ княгинѣ Чарторыжской. Впереди кареты ѣхали два всадника съ факелами, нѣсколько дежурныхъ офицеровъ, еще двое шляхтичей и оруженосецъ; съ королемъ сидѣли одинъ изъ его родственниковъ и адъютантъ; при дверцахъ галопировали пажи, а позади кареты—два гайдука и два пѣшихъ лакея. Стравинскій тотчасъ раздѣлилъ свой отрядъ на три части; самъ онъ долженъ былъ напасть на голову поѣзда; Кузьмѣ предстояло схватить самого короля; Лукавскій и другіе должны были задержать тѣхъ, которые находились за каретой и потомъ составить изъ себя авангардъ въ предстоявшей поѣздкѣ съ плѣннымъ королемъ. Всадники, ѣхавшіе впереди кареты, были отрѣзаны отъ нея самимъ Стравинскимъ съ товарищами, которыхъ тѣ приняли за русскій патруль, потому что заговорщики говорили по-русски; оруженосецъ просилъ ихъ даже удалиться, говоря, что ѣдетъ самъ король. Вторая партія заговорщиковъ, которая занимала конецъ улицы, также явилась у самаго поѣзда, и всѣ они окружили карету. Кучеръ не хотѣлъ остановить лошадей—и въ него выстрѣлили. Началось смятеніе. Ночь была очень темна, такъ что мракъ увеличилъ только суматоху. Заговорщики бросились къ дверцамъ и выстрѣлили, но не по королю, а по сопровождавшимъ его: одинъ гайдукъ упалъ за-мертво, пронзенный двумя пулями, другаго свалили сабельнымъ ударомъ въ голову; одинъ пажъ былъ выбитъ изъ сѣдла и лошадь его взята заговорщиками; другія лошади были ранены. Заговорщики кричали, чтобы король выходилъ изъ кареты; онъ самъ отворилъ дверцы и когда адъютантъ выходилъ съ одной стороны, Станиславъ-Августъ выскользнулъ другимъ ходомъ, надѣясь воспользоваться мракомъ и скрыться. Трусость адъютанта оказалась не безполезною для короля: храбрый адъютантъ забился подъ карету; сначала думали, что залѣзъ туда самъ король; но пока удалось вытащить оттуда храбреца, пока успѣли разсмотрѣть его лице при помощи нѣсколькихъ вспышекъ пороха, зажженнаго пистолетомъ, за неимѣніемъ огня,—король исчезъ, благодаря мужеству придворнаго. Станиславъ-

Августъ протѣснился сквозь толпу заговорщиковъ, которые не узнали его въ темнотѣ, принявъ за кого-нибудь изъ свиты. Король добѣжалъ до дома великаго канцлера, откуда за нѣсколько минутъ вышелъ; но дверь уже была заперта. Король началъ стучать, но такъ сильно, что привлекъ вниманіе заговорщиковъ, которые, бросивъ адъютанта, разсѣялись по улицѣ и тщетно старались отыскать Станислава. Они бросились на стукъ и Лукавскій первый схватилъ бѣглеца; вслѣдъ затѣмъ подоспѣлъ и Стравинскій и сказалъ королю: «не сопротивляйтесь; васъ ожидаетъ карета: вы должны ѣхать съ нами.» Въ это время прибѣжалъ еще одинъ изъ заговорщиковъ и, будучи, вѣроятно, пьянъ, нанесъ въ голову королю ударъ саблею, хотя это строго было запрещено. Кузьма, напротивъ, выстрѣлилъ изъ пистолета у самаго лица Станислава, но только для того, чтобы при блескѣ пистолетнаго выстрѣла убѣдиться, дѣйствительно ли они схватили того, кого искали. Увѣрившись, что это былъ король, они посадили его на лошадь. Съ нимъ ѣхалъ Кузьма, какъ въ этомъ условились прежде, и десять другихъ заговорщиковъ; Лукавскій съ десятью другими, скакалъ впереди, составляя авангардъ. Скоро они переѣхали черезъ ровъ, составлявшій кордонную линію, и переѣхали въ томъ мѣстѣ, которое предварительно указалъ Стравинскій. Король старался замедлить бѣгство, въ надеждѣ, конечно, на какую-либо помощь, но заговорщики принуждали его къ поспѣшности. Стравинскій, слѣдовавшій въ арріергардѣ, остановился на нѣсколько минутъ у самаго рва, чтобы, вслучаѣ надобности, задержать погоню, которую онъ все-таки ждалъ. Но погони не было. Убѣдившись, что кругомъ господствовала невозмутимая тишина, онъ поскакалъ своей дорогой, въ полномъ убѣжденіи, что подвигъ совершенъ и что на слѣдующій день плѣнникъ его привезется въ Ченстохово. Его не могъ не радовать успѣхъ предпріятія, успѣхъ, вполнѣ зависѣвшій отъ его предусмотрительности и такта. Онъ долженъ былъ гордиться своимъ подвигомъ.

Похищеніе короля изъ многолюдной столицы и притомъ находившейся въ осадномъ или, по крайней мѣрѣ, на военномъ положеніи, похищеніе въ такое раннее время, когда, безъ сомнѣнія, еще никто не думалъ ложиться спать, должно казаться всѣмъ страннымъ фактомъ. Было бы неудивительно увезти короля въ глухую ночь, безъ свиты (хотя выѣздъ короля безъ свиты—самъ по себѣ фактъ необычайный); но затѣять въ самыхъ оживленныхъ кварталахъ столицы

драку, произвести страшный шумъ, крики, начинать нѣсколько разъ стрѣльбу,—это, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько странно. Но надо знать тогдашнюю Варшаву, чтобы ничему не удивляться. Можно себѣ представить, до какой степени былъ запуганъ народъ вѣчными смутами, постоянною рѣзнею на улицахъ, драками, стрѣльбою, или, напротивъ, до какого страшнаго равнодушія доведено было населеніе города, до какого печальнаго положенія дошла одна изъ богатѣйшихъ столицъ въ Европѣ, что даже никто не полюбопытствовалъ растворить дверь и посмотрѣть, что за война на улицахъ города, въ кого стрѣляютъ и куда скачутъ всадники. Когда заговорщики неслись галопомъ мимо богатыхъ дворцовъ вельможъ, имѣвшихъ обыкновеніе держать часовыхъ, то ихъ даже не окликнули. Впрочемъ, Варшава скоро узнала, что у ней нѣтъ короля. Когда Стравинскій стоялъ у кордонныхъ окоповъ и съ удивленіемъ видѣлъ, что столица точно и не думала о преслѣдованіи заговорщиковъ, въ столицѣ происходило слѣдующее. Передовые всадники, факельщики и дежурные офицеры, составлявшіе передовой отрядъ королевскаго поѣзда, отрѣзанные отъ главнаго кортежа, благоразумно послѣдовали чувству самосохраненія и тотчасъ прискакали во дворецъ съ извѣстіемъ объ опасности, въ которой находится король и которой они сами счастливо избѣжали. Произошла, разумѣется, суматоха. Стража бросилась на мѣсто схватки; но она такъ медленно спѣшила спасать короля, что опоздала, потому что схватка кончилась быстро и похищеніе короля задержано было только храбростью его адъютанта; иные были ранены, другіе разбѣжались. На мѣстѣ свалки найдена была только шляпа короля и парикъ, который у него слетѣлъ съ головы въ рѣшительную минуту. Стража оставалась въ замѣшательствѣ и недоумѣніи, не зная что дѣлать: раненые не могли указать дороги, по которой повезли короля, а здоровые всѣ бѣжали, такъ-что и сказать было некому. Стража ждала приказаній; думали, что кто-нибудь найдется между ними умный, но умнаго не нашлось. Можетъ быть, тутъ и были умные начальники, но, вѣроятно, они такъ любили короля, что не торопились спасать его. Замѣчательно слѣдующее обстоятельство: когда дядѣ короля, великому канцлеру, доложили, что король пропалъ, онъ, въ благодарность за посѣщеніе, которымъ удостоилъ его въ этотъ вечеръ коронованный племянникъ, сказалъ прислугѣ: «заприте двери моего отеля» (а въ эти именно двери и стучался за нѣсколько минутъ несчастный Понятовскій). Затѣмъ дядя преспокойно сѣлъ ужинать съ своими обыкновенными посѣтителями, и кушалъ, какъ-будто ничего и

не случилось въ Польшѣ и въ его фамиліи. Когда другое приближенное къ королю лицо просило генерала Веймарна послать погоню вслѣдъ за заговорщиками, генералъ сказалъ: «если вамъ угодно, я пошлю; но это будетъ стоить жизни королю.» Когда лакей Сальдерна поспѣшно вбѣжалъ къ нему, чтобы доложить о такомъ, по его мнѣнію, важномъ происшествіи, какъ пропажа короля, Сальдернъ обругалъ его и сказалъ: «мнѣ не до него.» Сальдерна едва ли бы много огорчила даже смерть короля, которая бы всѣмъ развязала руки: нечего было бы Сальдерну выходить изъ себя, потому что уже некого было бы поддерживать на шаткомъ тронѣ. Между тѣмъ Варшава, еще за нѣсколько часовъ нехотѣвшая и знать короля, точно проснулась, но только на мгновеніе, чтобы заснуть еще болѣе глубокимъ сномъ. Всѣми овладѣло безпокойство, но не потому, чтобы жалѣли короля, а потому, что каждый боялся за себя лично. Вѣсти о погибели короля приходили самыя разнорѣчивыя, которыя еще болѣе смущали населеніе и бросали подозрѣніе на всѣ партіи, на друзей и недруговъ; опасались всеобщаго возмущенія, но никто не зналъ, откуда оно придетъ, гдѣ опасность; неожиданная революція смущала всѣхъ. Бибиковъ, русскій генералъ, говорилъ послѣ папскому нунцію Гарамни, что, при вѣсти о неожиданномъ и повидимому трагическомъ исчезновеніи короля, онъ ожидалъ, что всѣ Русскіе, остававшіеся въ Варшавѣ (двѣсти человѣкъ), будутъ умерщвлены. Оказалось, что коронные солдаты не имѣли даже зарядовъ и имъ нужно было выдать новые патроны, потому что старые не годились въ дѣло. Видѣли опасность во всемъ. Тѣ, которые интересовались собственно участью короля (а такихъ было очень немного), рѣшительно не знали что̀ имъ дѣлать—преслѣдовать ли заговорщиковъ или не преслѣдовать, потому что и то и другое представлялось имъ одинаково опаснымъ. А между тѣмъ, этотъ всеобщій столбнякъ давалъ заговорщикамъ время удалиться; съ другой стороны, боялись, что, преслѣдуя ихъ, заставятъ заговорщиковъ, для собственнаго спасенія, рѣшиться на умерщвленіе короля, что̀, можетъ быть, и случилось бы, потому что нельзя было ни на что надѣяться. Однако, по указаніямъ нѣкоторыхъ лицъ, отправились на поиски, и во рву, гдѣ проѣзжали заговорщики, нашли шубу короля, которая была въ крови. Это обстоятельство навело на слѣдъ и потому догадывались, по какому направленію должно преслѣдовать бѣглецовъ. Король потерялъ шубу, перескакивая черезъ ровъ; лошадь его переломила себѣ ногу, а король, сверхъ того, потерялъ одинъ изъ своихъ башмаковъ,

и просилъ, чтобъ ему дали сапогъ. Но въ то время, когда его обували, пересаживали на другую лошадь и, взамѣнъ потерянной шубы, одѣвали въ плащъ, Лукавскій, не останавливаясь, успѣлъ съ своимъ авангардомъ ускакать далеко впередъ. Кузьма, ѣхавшій съ королемъ, замѣтилъ, что они остались одни, и съ этой минуты, говорятъ, тактика его совершенно измѣнилась: человѣкъ испытанной храбрости, онъ казался дотого смущеннымъ, что не зналъ куда ѣхать. Искренно ли было это смущеніе, или онъ рѣшился измѣнить товарищамъ и тѣмъ выиграть въ глазахъ короля,—неизвѣстно; но только онъ дѣйствовалъ совершенно не такъ, какъ бы слѣдовало. Можетъ быть, и Кузьма былъ не чуждъ того страшнаго порока, заразившаго тогдашнее польское общество,—продажности, которая и погубила это государство: когда все было деморализовано, отчего было и знаменитому Кузьмѣ становиться выше общественнаго уровня? отчего было и ему не продать другихъ, когда другіе продавали все?—Съ нимъ оставалось еще семь заговорщиковъ; Стравинскій долженъ былъ нагнать ихъ скоро, и потому можно было подождать его пріѣзда, чтобы продолжать дорогу вмѣстѣ, или, наконецъ, послать кого-нибудь впередъ, догнать Лукавскаго съ авангардомъ. Но Кузьма этого не сдѣлалъ. Онъ поворотилъ прямо въ лѣсъ, по направленію къ Бѣлянамъ, гдѣ назначенъ былъ сборный пунктъ въ домѣ одного шляхтича, который обѣщалъ заговорщикамъ свою карету для короля. Вмѣсто того, чтобы ѣхать по настоящей дорогѣ, ведущей къ тому мѣсту, онъ своротилъ всторону, на болота; путь былъ трудный и лошади вязли на каждомъ шагу. Онъ послалъ двухъ изъ заговорщиковъ разузнавать дорогу; но тѣ скакали, повидимому, наугадъ, сами не зная куда ѣдутъ. Король, замѣтивъ или показавъ видъ, что замѣчаетъ, будто они приближаются къ деревнѣ, сказалъ: «не ѣздійте туда, тамъ Русскіе.» Говорилъ ли онъ правду, опасаясь, чтобъ его тамъ не убили, или онъ, напротивъ, скорѣе желалъ, чтобы заговорщики сами заплутались въ лѣсу и въ болотахъ, чѣмъ, съ помощію крестьянъ, выбрались на настоящую дорогу,—мы не знаемъ; только впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что его предостереженіе, казалось, было пріятно заговорщикамъ и они убѣдились, что король и не думаетъ спасаться изъ ихъ рукъ. Онъ воспользовался этимъ моментомъ и сказалъ: «если вы хотите довезти меня живымъ, то не мучьте меня и дайте мнѣ минуту отдыха.»

Дѣло все болѣе и болѣе запутывалось. Лукавскій исчезъ съ своимъ авангардомъ; Стравинскій не являлся, потому что не предпола-

галъ такого неблагопріятнаго поворота въ дѣлѣ, которое, казалось, шло такъ прекрасно. Заговорщики разсѣялись по лѣсу и искали другъ друга въ темнотѣ. Русскій языкъ, которымъ они условились говорить и который имъ очень пригодился въ Варшавѣ, теперь окончательно повредилъ имъ и привелъ въ большее смущеніе: отыскивая одинъ другаго по лѣсу, они перекликались между собою по-русски и боялись другъ-друга, принимая товарищей за русскихъ солдатъ. Къ несчастію, они не условились предварительно въ паролѣ и не узнавали своихъ. Кузьма, повидимому, окончательно растерялся и не зналъ куда ѣхать. Бывшіе съ нимъ заговорщики хотѣли, наконецъ, убить короля, не надѣясь отыскать дорогу; но Кузьма энергически защищалъ своего плѣнника, говоря, что онъ обѣщалъ доставить его живымъ. Въ эту самую минуту они услышали окликъ русскихъ часовыхъ, испугались, и двое изъ заговорщиковъ скрылись; когда послѣдовалъ другой окликъ, то еще двое бѣжали, и съ королемъ остался одинъ Кузьма. Объ этомъ Кузьмѣ говорятъ, что онъ былъ человѣкъ предпріимчивый; всѣ хвалятъ его личную храбрость и говорятъ, что онъ былъ необыкновенно силенъ. Стравинскій, у котораго онъ былъ поручикомъ, отправляясь на опасный подвигъ похищенія короля, избралъ Кузьму за его силу, собственно для того, чтобы онъ взялъ короля. Говорятъ, что Кузьма былъ простой крестьянинъ, хотя самъ называлъ себя дворяниномъ; онъ былъ солдатомъ и всегда считался человѣкомъ неустрашимымъ; прежде онъ былъ лакеемъ и, говорятъ, его всегда выгоняли отъ себя тѣ, у кого онъ служилъ. Вообще, это былъ господинъ нѣсколько подозрительный, и Стравинскій ошибся въ немъ.—Когда король и этотъ Кузьма остались только вдвоемъ, первый возънмѣлъ маленькую надежду на освобожденіе и сталъ сдерживать свою лошадь. Кузьма грозилъ саблей и говорилъ, что они найдутъ карету, какъ только выѣдутъ изъ лѣсу. Король употребилъ въ дѣло все свое краснорѣчіе, чтобы подѣйствовать на заговорщика, и когда послѣдній возражалъ. что связанъ присягой, которую всѣ они дали другъ-другу, отправляясь въ Варшаву, король доказывалъ ему ничтожество этой присяги. Станиславъ-Августъ, говорятъ, всегда гордился своимъ краснорѣчіемъ. Онъ любилъ словопреніе и былъ убѣжденъ, что никто не могъ противиться очарованію его рѣчи. Дѣйствительно ли былъ краснорѣчивъ Станиславъ-Августъ или нѣтъ,—для нас это все равно, потому что краснорѣчіе его не приносило никакого толку государству и не спасло Польши; однако въ этомъ

послѣднемъ случаѣ оно ему пригодилось. Король далъ свободу своему природному таланту, и Кузьма, по мѣрѣ того, какъ слушалъ его, самъ становился его плѣнникомъ и, наконецъ, былъ совершенно побѣжденъ доводами короля, когда они приближались къ Маримонту. Иные историки говорятъ, что онъ былъ побѣжденъ не доводами, а деньгами; въ такомъ случаѣ, придется согласиться, что краснорѣчіе для короля было совершенно безполезнымъ даромъ. Какъ-бы то ни было, но Кузьма бросился передъ нимъ на колѣна, просилъ прощенія, и король явилъ свое милосердіе: своимъ королевскимъ словомъ онъ обѣщалъ, что не сдѣлаетъ Кузьмѣ никакого зла. Въ томъ мѣстѣ была мельница и покаявшійся заговорщикъ просилъ дать въ ней убѣжище «господину, котораго ограбили разбойники;» едва они остановились, какъ король написалъ командиру своей гвардіи записку: «Я спасся изъ рукъ убійцъ какимъ-то чудомъ; спѣшите ко мнѣ на помощь въ Маримонтъ, на мельницу, съ четырьмя десятками людей. Я раненъ, но не опасно.» Часа въ четыре утра (4 ноября) записка эта была получена въ Варшавѣ и надѣлала много шуму. Неожиданная вѣсть о возвращеніи короля мгновенно разнеслась по городу и казалась такой невѣроятной, что скорѣе испугала, чѣмъ обрадовала жителей, потому что возвращеніе нелюбимаго короля вообще не могло особенно радовать, а поводовъ къ опасеніямъ было не мало: думали, что молва распущена съ намѣреніемъ обмануть народъ; что, для принятія какихъ-то мѣръ противъ какой-то неизвѣстной опасности, желали только успокоить тѣхъ, которые дѣйствительно были привержены къ королю, или предупредить всеобщее возмущеніе, готовое вспыхнуть въ городѣ. Всего вѣроятнѣе, что ничего подобнаго и не могло быть; но только такъ думали. Народъ бросился къ воротамъ, въ которыя, говорили, долженъ былъ въѣхать король; всѣ улицы были покрыты толпами; повсюду видны были факелы. Къ пяти часамъ утра показался король въ каретѣ капитана гвардіи. Въ минуту огромная толпа окружила карету. Какое изъ двухъ чувствъ—любопытство или участіе привлекло сюда народъ, мы не беремся рѣшать, только народу было много. Но, говорятъ, что радость, которая всегда овладѣваетъ невольно людьми при видѣ человѣка, спасшагося отъ неминуемой погибели, какъ электрическая искра сообщилась всей толпѣ зрителей. Станиславъ-Августъ, о которомъ говорили бы не иначе, какъ съ презрѣніемъ, еслибъ онъ остался въ плѣну, и съ полнымъ равнодушіемъ, еслибъ былъ убитъ, теперь встрѣченъ былъ непрерывными криками

«да здравствуетъ король!»—и его чудесное спасеніе сообщало, говорятъ, всей его особѣ что-то сверхъестественное, болѣе чѣмъ величественное. Во дворцѣ, окруженный толпою мужчинъ и дамъ, король вышелъ изъ кареты; волосы его были растрепаны (не забудемъ, что онъ потерялъ парикъ), лицо въ крови, платье изорвано и покрыто грязью; слезами онъ отвѣчалъ на всѣ благословенія,—искреннія или притворныя—трудно рѣшить,—которыя неслись со всѣхъ сторонъ. Зрѣлище это, говорятъ, при блескѣ множества факеловъ, представлялось очень театральнымъ, и Станиславъ-Августъ, казалось, очень желалъ, чтобъ оно продлилось. Нѣсколько всторонѣ стоялъ Кузьма, окруженный толпою придворныхъ, осаждаемый вопросами, поздравленіями; но онъ былъ глухъ и безчувственъ ко всему, что вокругъ него происходило и говорилось; никого не слушалъ, ни на кого не смотрѣлъ, и его пасмурный видъ, мрачное молчаніе, смущенная фигура заставляли сомнѣваться, раскаявается ли онъ въ томъ, что похитилъ короля, или въ томъ, что спасъ его. Наконецъ, вынужденный безпрестанными, нетерпѣливыми вопросами окружающихъ, онъ произнесъ только слѣдующія слова, но произнесъ ихъ такимъ голосомъ, который только усилилъ сомнѣніе толпы: «это самый ужасный день въ моей жизни.» Между тѣмъ короля провели въ его апартаменты. Наутро онъ принималъ поздравленія дворянства, духовенства, горожанъ,—и тутъ, вѣрный своему всегдашнему убѣжденію, что никто не могъ противиться его краснорѣчію, онъ нѣсколько разъ повторялъ: «еслибы меня привезли въ Ченстохово, я сказалъ бы рѣчь къ конфедератамъ, и это было бы великолѣпнѣйшее событіе моего царствованія.»

Можно себѣ представить удивленіе Стравинскаго и Лукавскаго, когда они встрѣтились въ назначенномъ мѣстѣ и не нашли тамъ ни короля, ни его проводника. Они тотчасъ же разослали людей искать ихъ по лѣсу; потомъ они сами отправились на поиски,—и все напрасно. Они встрѣтились съ отрядомъ казаковъ и, прежде чѣмъ могли скрыться, казаки напали на нихъ: заговорщиковъ было только двое, Стравинскій и Лукавскій, но они дрались съ отчаяннымъ мужествомъ; опасность положенія и неудача предпріятія придали имъ необыкновенную силу. Мушкетнымъ выстрѣломъ Стравинскій убилъ командира казацкаго отряда; бросился въ середину сотни, многихъ ранилъ или сбилъ съ коней и наконецъ исчезъ въ чащѣ лѣса, чтобы подождать Лукавскаго, который былъ менѣе его счастливъ: онъ былъ проколотъ нѣсколькими пулями, и брошенъ замертво. Въ кар-

манахъ его нашлись письма, давшія руководную нить для раскрытія заговора. Когда казаки удалились, Стравинскій отыскалъ своего несчастнаго товарища, въ которомъ еще были признаки жизни, взялъ его къ себѣ на лошадь и передалъ доктору, который и возвратилъ Лукавскаго къ жизни. Потомъ онъ отыскалъ прочихъ товарищей своего неудавшагося предпріятія, узналъ отъ нихъ печальную вѣсть о возвращеніи короля, и скоро убѣдился въ ея достовѣрности. Никогда не могъ онъ утѣшиться, что такъ печально кончилось его предпріятіе, начатое съ такимъ успѣхомъ, съ такой предусмотрительностію, и котораго успѣхъ былъ такъ, повидимому, несомнѣненъ и конецъ такъ близокъ. Въ отчаяніи онъ рѣшался на другой подвигъ, болѣе полезный, новое преступленіе: онъ убѣждалъ Пулавскаго, что слѣдуетъ принести одну жертву за всѣхъ, но Пулавскій ничего не отвѣчалъ ему на это. Воротясь въ Ченстохово изъ экспедиціи, предпринятой для отвлеченія русскихъ войскъ къ радомской дорогѣ и едва не стоившей ему жизни, Пулавскій узналъ отъ своихъ агентовъ—конфедератовъ, тайно проживавшихъ въ Варшавѣ и дѣйствовавшихъ въ пользу патріотовъ, что король схваченъ и увезенъ. Но они напрасно спѣшили принести ему эту радостную вѣсть: Пулавскій со всей своей кавалеріей выѣхалъ для почетной встрѣчи воображаемаго плѣнника. Онъ полагалъ принять короля торжественно, со всѣми военными почестями, чтобы показать Станиславу-Августу, что онъ избавленъ друзьями отъ враговъ, его унижавшихъ и избавленъ для возстановленія его падшаго достоинства, и, поддерживая въ немъ эту пріятную мысль, убѣдить его подписывать приказы гвардіи, коронымъ войскамъ и даже Ксаверію Браницкому. Такимъ ловкимъ маневромъ Пулавскій предоставилъ бы во власть конфедераціи располагать всѣми войсками королевства, а себѣ—званіе командующаго арміею, которая въ состояніи была бы располагать судьбою Польши. И въ одно мгновеніе разлетѣлись эти мечты какъ дымъ. Записка Стравинскаго принесла ему вѣсть о неожиданномъ и печальномъ окончаніи предпріятія, которое еще такъ недавно казалось сбыточнымъ и такъ радовало его. Теперь, напротивъ, имъ овладѣла безпокойная мысль, что въ глазахъ всей Европы онъ является участникомъ убійства, котораго Пулавскій положительно не желалъ, потому что оно было практически безполезно. И дѣйствительно, въ первыя минуты всеобщаго изумленія, на дѣло Стравинскаго смотрѣли какъ на цареубійство, и имя Пулавскаго не отдѣлялось отъ именъ заговорщиковъ. Утверждали, что передъ отправленіемъ въ Варшаву шайки

убійцъ, Пулавскій заставилъ ихъ произнести ужасную клятву передъ распятіемъ; что въ Варшавѣ у него находилось до трехъ сотъ соумышленниковъ, связанныхъ тою же клятвою и что она разослана была имъ во всѣ конфедераціи. Записка, посланная королемъ изъ Маримонта къ командиру гвардіи, подтверждала это общественное обвиненіе; въ ней заговорщики прямо названы убійцами, что совершенно несправедливо, потому что убить его они могли, еслибы желали, и въ самой Варшавѣ, или дорогой, и не зачѣмъ было везти его по болотамъ, не зачѣмъ было Пулавскому выѣзжать къ нему навстрѣчу и, наконецъ, не зачѣмъ было самому королю хвастаться, что онъ сказалъ бы рѣчь передъ конфедератами въ самомъ Ченстоховѣ и тѣмъ прославилъ-бы свое царствованіе. Но король обвинилъ Пулавскаго въ покушеніи на его жизнь,—и это несправедливое обвиненіе повторяла вся Европа. Король не постыдился унизить себя до клеветы въ присутствіи того, кто былъ одиимъ изъ главныхъ заговорщиковъ, — въ присутствіи Кузьмы, спасшаго ему жизнь; клевета повторялась имъ всякій разъ при разсказѣ о своемъ чудесномъ спасеніи; клевета эта продиктована была имъ самимъ для статьи въ варшавской газетѣ; клевета, наконецъ, повторялась во всѣхъ нотахъ, отправленныхъ варшавскимъ дворомъ къ иностраннымъ государямъ. Оттого такимъ благороднымъ негодованіемъ противъ этого ужаснаго преступленія дышутъ всѣ отвѣтныя ноты иностранныхъ кабинетовъ. Особеннымъ негодованіемъ запечатлѣнъ отвѣтъ Фридриха II. Покушеніе Пулавскаго онъ считаетъ личной обидой всѣмъ коронованнымъ главамъ; онъ говоритъ, что конфедератовъ должно постигнуть примѣрное наказаніе; что обида должна быть отмщена,—и эта месть принадлежитъ по праву всѣмъ государямъ Европы. Кауницъ негодовалъ не менѣе прочихъ; негодовала и Марія-Терезія, называя поступокъ конфедератовъ ужаснымъ.

Въ Варшавѣ тотчасъ же было наряжено слѣдствіе надъ виновными и слѣдствіе имѣло въ виду не Стравинскаго и не Лукавскаго, а, главнымъ образомъ, цѣль его была—представить, въ наиболѣе неблагопріятномъ свѣтѣ, отношеніе Пулавскаго къ заговору, которому не давали другаго, менѣе рѣзкаго, эпитета, какъ гнусный, злодѣйскій и проч. Во что бы то ни стало, нужно было обвинить Пулавскаго положительно и оформить клевету, разнесенную о немъ по Европѣ; но это было не легко сдѣлать: многіе приверженцы Пулавскаго бѣжали изъ Варшавы и явились къ нему въ Ченстохово; другіе, схва-

ченные въ столицѣ, приведены на очную ставку съ Кузьмой и жестоко укоряли его въ слабости и предательствѣ; но имени Пулавскаго не запятнали клеветой. Даже Кузьма показывалъ, что у нихъ не было намѣренія умерщвлять короля. Но все было напрасно. Пулавскій написалъ—было манифестъ въ оправданіе поступка, представленнаго врагами такимъ чернымъ и недостойнымъ честнаго человѣка; но друзья его, опасаясь отъ этого болѣе дурныхъ послѣдствій, изорвали манифестъ и, такимъ образомъ, повредили Пулавскому. Его судили за цареубійство—и судъ не былъ снисходителенъ.

Въ сущности, похищеніе короля не имѣло никакого вліянія на судьбу Польши, потому что участь ея была рѣшена, въ трехъ сосѣднихъ кабинетахъ, еще до полученія извѣстій объ этомъ происшествіи; оно не имѣетъ также вліянія и на дѣла конфедератовъ, потому что они шли такъ дурно, что никакой рискованный шагъ не могъ уже сдѣлать ихъ худшими. Оно могло только прибавить еще одно обвиненіе къ тѣмъ, которымъ подвергалась рѣчь посполитая со стороны сосѣднихъ державъ и, на основаніи которыхъ, осуждали ее эти державы къ лишенію нѣкоторой части ея территорій. Своими вѣчными смутами (говорили эти державы) она причиняетъ безпокойства намъ; она нарушаетъ нашъ внутренній миръ своими неурядицами, заставляя держать войско на ея границахъ; она вредитъ намъ и прямо и косвенно; она не умѣетъ ладить съ своими подданными и потому недостойна владѣть ими; надо уменьшить ея силу отдѣленіемъ отъ нея части ея владѣній. Наконецъ, буйственные сыны анархіи (продолжали сосѣднія державы), конфедераты, могутъ усилиться, соединиться съ Турціей, какъ они и старались о томъ постоянно, и причинить намъ неисчислимыя потери. Сегодня они осмѣлились попрать священныя права своего монарха, завтра они посягнутъ на права другихъ.

Но пока сосѣдніе кабинеты не условились окончательно, относительно способа раздѣла речи посполитой и количества земли, долженствовавшаго отойти къ той или другой державѣ, Поляки оставались въ неизвѣстности о своей участи. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Тишина въ Польшѣ не возстановлялась; конфедераты продолжали свои неудачныя попытки—сдѣлаться полноправными владыками своего отечества; Французы помогали имъ, пока это дѣло интересовало версальскій кабинетъ. Одинъ Станиславъ—Августъ пребывалъ въ спокойномъ и отчасти пріятномъ расположеніи духа, увѣрившись въ пріязни къ

нему сосѣднихъ державъ, которыя приласкали его и сожалѣли о постигшемъ его несчастіи послѣ событій 3 и 4 ноября; притомъ эти событія дали ему и возможность порисоваться, и матеріалъ для разсказовъ о своемъ геройствѣ. Однако пріятное расположеніе духа продолжалось не долго. Время раздѣла Польши приближалось.

Съ 1772 года, почти одновременно во всѣхъ трехъ сосѣднихъ съ Польшею государствахъ, начались рѣшительныя приготовленія къ раздѣлу речи посполитой—уже не въ кабинетахъ и не на картахъ, а въ натурѣ. Что касается до Россіи, то 28 мая графъ Чернышевъ получилъ именной указъ, въ которомъ императрица прямо говорила: «въ слѣдствіе соглашенія нашего съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворомъ, имѣемъ мы присоединить къ имперіи нашей нѣсколько изъ смежныхъ съ нами польскихъ провинцій; для удобнѣйшаго сихъ земель управленія, заблагоразсудили мы раздѣлить ихъ на двѣ губерніи» и т. д. (Полн. Собр. Закон. Рос. Имп. XIX, 13,807). Графъ Чернышевъ впередъ назначался генералъ-губернаторомъ и главнымъ хозяиномъ новопріобрѣтенныхъ территорій; генералы Каховскій и Кречетниковъ получали званіе губернаторовъ будущихъ русскихъ губерній, изъ которыхъ одна должна была называться Псковской, а другая Могилевской. Въ тотъ же день данъ былъ другой именной указъ Каховскому и Кречетникову, въ которомъ императрица, говоря, что «рѣшились мы нынѣ на присоединеніе къ имперіи нашей нѣкоторыхъ польскихъ земель», и поручая имъ губернаторство надъ новыми областями, прибавляла: «сіе сообщаемъ вамъ теперь для единственнаго вашего извѣстія и содержанія въ секретѣ, пока зачатое нами о томъ дѣло не доведено будетъ до совершеннаго окончанія». Дѣло и началось и велось, такимъ образомъ, тайно до рѣшительной минуты; а между тѣмъ, новымъ губернаторамъ велѣно было принять команду надъ войсками, находившимися въ пріобрѣтаемыхъ провинціяхъ и тайно собирать свѣдѣнія о состояніи населенія, доходахъ и проч., «подъ предлогомъ распоряженія справедливой и соразмѣрной репортиціи въ поставкѣ провіанта и фуража, будтобъ для отвращенія чрезъ то какъ всякихъ отъ небольшихъ деташаментовъ случающихся иногда продерзостей и наглостей, такъ и неравныхъ отъ земскихъ коммисаровъ сборовъ, отягощающихъ и оскорбляющихъ мелкое дворянство». Во всякомъ случаѣ тайная цѣль предварительныхъ дѣйствій правительства не должна была обнаруживаться; въ указѣ прямо повелѣвалось дѣйствовать осторожнѣе, чтобъ «не открыть рановременно прямыхъ нашихъ намѣреній».

Губернаторы должны были учинить перепись повѣтамъ, деревнямъ, имѣніямъ коронньмъ, монастырскимъ и частнымъ; узнать доходы страны и ея средства; оставить городамъ ихъ прежнія права, судъ и расправу, «въ личныхъ дѣлахъ», какъ сказано въ наказѣ, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, «кои не дотрогиваются до власти нашей»; іезуитскимъ монастырямъ и школамъ велѣно было сдѣлать особую перепись. «Вы за сими наипаче недремянно смотрѣть имѣете (добавляетъ императрица), яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ». (Пол. Соб. Зак. XIX 13,808).

16 августа, въ именномъ указѣ графу Чернышеву, императрица давала знать, что формальное соглашеніе о раздѣлѣ Польши доведено уже «до совершенной своей зрѣлости» и секретная конвенція между тремя, заинтересованными въ этомъ дѣлѣ, державами уже подписана. Вслѣдствіе этого повелѣвалось, чтобы между первымъ и седьмымъ числомъ сентября, бѣлорусскій край былъ взятъ въ дѣйствительное владѣніе русскаго царства,—чтобы въ немъ расположены были войска для сохраненія тишины и спокойствія и для «вкорененія» повиновенія новой власти,—чтобы назначены были сроки для принятія присяги на новое подданство, границы края обнесены были столбами съ двуглавымъ орломъ,—чтобы въ казну собирались публичные доходы и чтобы, наконецъ, судъ и расправа чинились, «до времени», по тамошнимъ правамъ и обычаямъ. Вслѣдъ затѣмъ, Чернышевъ обнародывалъ плакатъ о присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, въ которомъ, между прочимъ, объявлялось, что императрица изволитъ нынѣ брать подъ державу свою эти земли «въ удовлетвореніе и замѣну многихъ имперіи своей на рѣчь посполитую польскую издревле законно принадлежащихъ, неоспоримыхъ правъ и требованій.» Самъ Чернышевъ, въ этомъ плакатѣ, называетъ уже Бѣлоруссовъ своими «любезными согражданами», обѣщаетъ имъ спокойствіе, правосудіе и милость, приглашаетъ духовенство приносить теплыя молитвы о здравіи попечительной императрицы и т. д. (Тамъ же, 13,850).

Наконецъ 23 октября объявлено было всему русскому народу о присоединеніи бѣлорусскаго края. «Неутомленными ея императорскаго величества трудами и неусыпнымъ матернимъ о благополучіи россійской имперіи попеченіемъ присоединены къ державѣ ея отъ рѣчи посполитой польской нѣкоторыя земли, которыя раздѣлены на двѣ губерніи: первая наименована Псковскою, а вторая Могилевскою», говорилось въ этой всенародной публикаціи. Въ ней обозначены были и

границы новопріобрѣтенныхъ земель. (Тамъ же, 13,888). Фридрихъ II на основаніи конвенціи получилъ свою часть; на долю Маріи-Терезіи также достался клочекъ землицы,—ein elendes Stück von Polen. Принимая его, Марія-Терезія плакала, говорятъ, однако, тѣмъ не менѣе землю взяла.

Что было въ это время въ Польшѣ, мы не будемъ говорить. События, слѣдовавшія за первымъ раздѣломъ рѣчи посполитой, составляютъ другой періодъ въ исторіи ея послѣднихъ дней. Скажемъ только, что и послѣ этого тяжелаго испытанія Поляки не понимали причины своей гибели. Они еще не знали той простой исторической истины, что рано или поздно, а должно погибнуть государство, представители котораго, ради личныхъ интерсовъ, забываютъ интересы народа; что, рано или поздно а приходитъ наконецъ время, когда въ свою очередь и народъ забываетъ своихъ представителей и равнодушно отдаетъ себя другой власти, въ надеждѣ на лучшую долю или хоть бы только для того, чтобъ избавиться отъ стараго гнета. Это законъ историческаго возмездія. Во всякомъ случаѣ, Польша потому перестала существовать, что правительство ея недостойно было располагать судьбою милліоновъ подданныхъ, о которыхъ оно не заботилось.

Д. МОРДОВЦЕВЪ.

Сфинксы.

Ненастный день дотлѣлъ. На портики столицы,
На вѣковой гранитъ, на золотые шпицы
Ночныя тѣни рано полегли;
И тонутъ въ мутной мглѣ мосты и корабли,
Дворцовъ и башенъ силуэты;
И сфинксы, спящіе подъ говоръ темныхъ водъ,
Туманомъ сѣвера, какъ саваномъ, одѣты...
Имъ грезится иной, прозрачный небо сводъ,
И теплыя струи роднаго Нила,
И пальма пышная... она манитъ, манитъ
Въ пустыню знойную, къ подножью пирамидъ,
Въ отечество жреца и крокодила.

Тысячелѣтія надъ вами протекли,
Отъ грозныхъ царствъ не стало ни руины,
Народы цѣлые исчезнули съ земли;
Но вашъ гранитный лобъ не вынесъ ни морщины
Изъ темной пропасти событій и вѣковъ:
Вы долговѣчнѣе героевъ и боговъ!
Вамъ памятны громадныя пилоны
Стовратныхъ Ѳивъ, и васъ ли удивятъ
Всѣ наши копіи античныхъ колоннадъ,
Всѣ эти шаткіе, кирпичные фронтоны?...
Все чуждо вамъ у насъ; но человѣкъ знакомъ,
Съ его мистическимъ, застойчивымъ умомъ,
Хоть и не Ибису кладетъ онъ здѣсь поклоны.
Какъ прежде, мимо васъ тревожная толпа
Бѣжитъ за золотомъ, путемъ добра и зла,
Торгуетъ совѣстью, продавъ и умъ и руки.
Какъ въ-старину, всѣ касты межъ собой
Раздѣлены безсмысленной враждой,
И пролетарію въ святилище науки
Нѣтъ доступа, какъ въ тайники жрецовъ;
Богачъ, не дорожа плодомъ чужихъ трудовъ,
Встрѣчаетъ труженика взглядами презрѣнья;
И возлѣ тѣхъ палатъ, гдѣ дремлетъ пресыщенье,
Гдѣ всюду золото, и бархатъ и цвѣты, —
Толпа людей, въ лохмотьяхъ нищеты,
Подъ стужей и огнемъ измѣнчиваго неба,
Какъ при хеопсовой постройкѣ пирамидъ,
Ворочаетъ скалы, и жизни не щадитъ
За ржавый грошъ, за корку хлѣба.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Дѣла Испаніи: Министерство О'Доннеля. — Крестовый походъ на Марокко. — Попеченія губернаторовъ о политическомъ здоровьѣ націи. — Стѣсненное положеніе Мексики и претензіи Франціи, Англіи и Испаніи. — Государственный долгъ Испаніи. — Трагическое положеніе Андалузіи. — Броженіе умовъ. — Esperanza, журналъ съ самостоятельными воззрѣніями. — **Дѣла Франціи:** Краснорѣчіе графа Морни. — Воззваніе виконта Артура де-ла-Героньеръ къ представителямъ французской аристократіи. — Шведскій король въ Парижѣ. — Неудовольствіе испанской королевы. — Платоническая честность Миреса. — **Дѣла Англіи:** Откровенность Пальмерстона. — **Дѣла Германіи:** Конгрессы и національный флотъ. — Выходки Монитера. — Министерство Шмерлинга и его отношенія къ сеймамъ въ Пестѣ и Аграмѣ. — **Дѣла Италіи:** Циркуляръ Рикасоли. — Объясненіе неаполитанскаго разбойничества. — Сношенія бандитовъ съ Римомъ.

Предпринявъ небольшую поѣздку въ Испанію и живя теперь на границѣ ея, я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы разсмотрѣть вблизи движеніе умовъ на полуостровѣ и поговорить съ читателями Русскаго Слова о совершившихся событіяхъ, и о тѣхъ событіяхъ, которыя готовятся впереди. Политики и журналисты высшихъ и низшихъ инстанцій кидаются съ шумомъ на недавнія событія, болѣе или менѣе непредвидѣнныя. Но кто изъявляетъ притязанія на то, чтобъ писать дѣйствительную политику и заниматься не столько самыми фактами, сколько тѣми положеніями, изъ которыхъ вытекаютъ факты, тотъ можетъ спокойно идти мимо внѣшнихъ явленій, но тѣмъ осторожнѣй осматривать западни, разставленныя нелѣпыми системами и исторіей.

Благодаря государственному перевороту Викальваро, королемъ Испаніи сдѣлался О'Доннель. Онъ самовольно отослалъ въ изгнаніе королеву мать—Христину. Номинальная королева, Изабелла II и принцъ, супругъ ея, на самомъ дѣлѣ первые подданные О'Доннеля. Палата депутатовъ слушается его команды, какъ батальонъ пѣхоты; другіе министры, его прикащики и секретари, замѣчательны только своимъ ничтожествомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Позада-Геррера составляетъ исключеніе и старается столкнуть съ мѣста своего начальника, что и удастся ему рано или поздно. Покуда онъ повинуется, подобно всѣмъ своимъ товарищамъ, которые, между прочимъ, отъ души ненавидятъ другъ-друга. Причина всемогущества О'Доннеля заключается въ томъ, что онъ еще держитъ въ рукахъ войско, и что въ каждой странѣ преобладаніе войска тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе законность и гражданская жизнь. Римляне, несмотря на всю свою воинственность, оставили намъ знаменитое правило: «оружіе склоняется передъ тогою судьи». Однимъ словомъ, вотъ положеніе Испаніи: анархія, господство произвола, а не закона, господство сабли, а не идеи.

Продолжая государственный переворотъ и оправдывая его либеральными стремленіями (какъ это всегда дѣлается), О'Доннель обѣщалъ золотыя горы: свободу печати, свободу преній и, между прочимъ, конституцію, долженствовавшую быть великолѣпною. Переворотъ удался. О конституціи вовсе не стали думать, и даже, чтобы не давать себѣ труда составлять еще новую хартію, просто возстановили конституцію 1845 года, обѣщая ее исправить и усовершенствовать. Всѣ усовершенствованія, сдѣланныя кавалерійскимъ генераломъ, превратившимся въ законодателя, ограничились тѣмъ, что онъ вооружилъ судебныя мѣста противъ этихъ проклятыхъ либераловъ, не пожелавшихъ собраться вокругъ знамени, опозореннаго преступленіемъ и замараннаго кровью. Онъ вообразилъ себѣ, что поступаетъ очень искусно, обѣщая Испаніи значительное матеріальное благосостояніе; онъ хотѣлъ одарить страну не школами, не библіотеками, не университетами, отнюдь не свободными журналами, но банками, огромнымъ количествомъ банковъ, металлургическими заведеніями, фабриками химическихъ веществъ, множествомъ желѣзныхъ дорогъ. Про (Prost) и Миресъ первые отвѣтили на вызовъ; за ними послѣдовали многіе другіе, оставшіеся болѣе счастливыми,—Ротшильдъ, Вейсвейлеръ, Перейра, и даже сыновья Гилыу младшаго. Дѣйствительно, выстроили нѣсколько сотъ верстъ рельсовъ, разработали нѣкоторыя копи, при-

бавилось нѣсколько піастровъ, но не явилось ни одной хорошей идеи.

О'Доннель вздумалъ дать Испаніи великую вещь, называющуюся славою,—славу взамѣнъ свободы. Видя успѣхи Наполеона III въ Крыму и въ Италіи, онъ выдумалъ войну противъ Марокко. Заодно съ духовенствомъ онъ воскресилъ старую религіозную ненависть, погасшую повидимому вмѣстѣ съ кострами инквизиціи, и католическая Испанія пошла въ походъ противъ Магомета, махая заржавленнымъ копьемъ Донъ-Кихота и оглашая воздухъ дикими криками: бейте, бейте Мавровъ! О'Доннель, главнокомандующій кампаніи, захватилъ Тетуанъ, принудилъ мароккскаго императора даровать свободу совѣсти католикамъ сомнительнаго свойства, живущимъ въ Могадорѣ, Фецѣ и Тангерѣ, а главное, обязалъ его къ уплатѣ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ реаловъ и до окончательнаго расчета занялъ Тетуанъ испанскимъ гарнизономъ. Затѣмъ онъ попробовалъ ввести Испанію, увѣнчанную африканскими лаврами, въ европейскіе конгрессы и сдѣлать ее 6-ю великою державою. Императрица Евгенія обѣщала даже ходатайствовать за свою родину, но зависть Англіи и интриги Пруссіи помѣшали успѣху дѣла, какъ объяснили министерскіе журналы. Испанія осталась за дверью, которую рѣшительно не захотѣлъ отворить дипломатическій привратникъ. Будь другой человѣкъ на мѣстѣ О'Доннеля, онъ, можетъ быть, вздумалъ бы утѣшить Испанію, предоставивъ ей свободу печати. Но О'Доннель не такъ простъ; онъ полагаетъ, что книгопечатаніе одуряетъ народъ и потому ограничилъ свободу прессы еще сильнѣй, чѣмъ было прежде Сверхъ того, онъ попытался уничтожить права общинъ и провинцій, которыми такъ гордятся Испанія и Италія, и которыхъ основаніе лежитъ въ самомъ духѣ племени. Для истиннаго благосостоянія необходимо соединить политическую централизацію съ правительственною децентрализаціею; иначе сказать, необходимо при сильной внутренней жизни имѣть энергическое вліяніе на внѣшнія дѣла. Но О'Доннель не занимается такими сложными задачами соціальной науки; онъ находитъ чистую и полную централизацію гораздо удобнѣе, и поступаетъ такъ, какъ дѣйствуетъ Австрія по программѣ Баха и Шварценберга, какъ дѣйствовалъ во Франціи блаженной памяти бюрократъ Наполеонъ I, и какъ въ настоящее время дѣйствуетъ Наполеонъ III, назначающій меровъ приказомъ префекта и сильно желающій превратить ихъ въ чиновниковъ на жалованьи отъ короны, т. е. какъ-будто въ помощниковъ помощника префекта. Испанское министерство посы-

лаетъ такимъ образомъ губернаторовъ въ провинціи и управляетъ вопреки всеобщему желанію посредствомъ телеграфическихъ депешъ. Губернаторы занимаются нетолько крупными интересами жителей, они заботятся даже о выборѣ для нихъ чтенія; чтобы дать понятіе объ этой крайней предусмотрительности, мы приведемъ нѣсколько недавнихъ мелкихъ фактовъ, представляющихъ значительное сходство съ тѣмъ, что происходило въ Венеціи, подъ отеческимъ управленіемъ Гесса, Бенедека и подобныхъ. Губернаторъ Таррагоны, Донъ Сантіаго Дюпюи разослалъ предсѣдателямъ разныхъ обществъ циркуляръ, въ которомъ совѣтуетъ имъ въ повелительныхъ выраженіяхъ склонять членовъ къ немедленной подпискѣ на журналы *Epoca, Diaro Espanol* и *Correspondencia,* или, по-крайней-мѣрѣ на одно изъ этихъ трехъ изданій; изданія эти, по его словамъ, слѣдуютъ внушеніямъ правительства и слѣдовательно могутъ надлежащимъ образомъ просвѣщать «*por que recibundo las inspiraciones del gobierno, pu eden ilustrar convenientemente la opionion*».... Переписка, напечатанная въ журналѣ *la Corona de Barcelona*, даетъ намъ знать, что гражданскій губернаторъ Рейссъ также потребовалъ отъ городскихъ клубовъ подробный отчетъ о получающихся журналахъ, настоятельно рекомендуя три вышеозначенныя изданія, распространяющія, по его мнѣнію, здравый образъ мыслей *por ser los propagadores de la buena doctrina*.

И между тѣмъ, несмотря на всѣ эти заботы о политическомъ здоровьѣ націи, незамѣтно, чтобы испанскій народъ былъ особенно привязанъ къ своему правительству; напротивъ того, къ довершенію несчастій, марокская экспедиція, обѣщавшая столько славы, доставляетъ теперь, какъ это предвидѣли всѣ здравомыслящіе люди, однѣ непріятности и затрудненія. Императоръ марокскій посылаетъ депутацію за депутаціею, посылаетъ даже своего роднаго брата Мулей-Аббаса, чтобы заявить съ своей стороны полнѣйшую невозможность заплатить огромную контрибуцію, къ которой его обязали, повѣсивъ надъ нимъ штыкъ. Что касается до занятія Тетуана, въ которомъ видѣли крѣпкую позицію надъ Средиземнымъ моремъ и даже надежду довести Англію до уступки Гибралтара, то это завоеваніе стоитъ слишкомъ дорого для истощенной казны Испаніи. Занятіе Тетуана сильно раздражаетъ британскій кабинетъ, и сверхъ того, осуждаетъ на бездѣйствіе лучшую часть испанской арміи. Войска, посланныя въ Марокко для защиты воображаемыхъ католиковъ, могли бы при-

нести болѣе существенную пользу римской, апостольской церкви, еслибы они стояли на-готовѣ, чтобы во всякую данную минуту смѣнить французскія войска, которыя императоръ Наполеонъ черезъ каждые три мѣсяца обѣщаетъ вывести изъ Рима. Англія заступается повидимому за Марокко и съ удовольствіемъ согласилась бы заплатить испанскому правительству ту контрибуцію, которая не по силамъ Марокской имперіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Тетуанъ былъ занятъ англійскими войсками. О'Доннель радъ былъ бы взять англійскія деньги, да боится негодованія испанской націи, которая совершенно справедливо думаетъ, что для Англіи слишкомъ достаточно и одного Гибралтара. Правительство королевы испанской находится въ очень затруднительномъ положеніи; ему бы хотѣлось улизнуть изъ Марокко и бросить тамъ потраченные милліоны вмѣстѣ съ отбитыми руками, головами и членами, но уйдти потихоньку имъ мудрено, особенно послѣ того, какъ они вошли съ шумомъ, при звукѣ всѣхъ барабановъ и мѣдныхъ инструментовъ, которыми они располагали въ великомъ оркестрѣ европейской гласности.

Но было бы слишкомъ жестоко не давать славы Испанцамъ, людямъ честолюбивымъ и принужденнымъ до настоящей минуты довольствоваться одними подвигами Донъ-Кихота. О'Доннель, подражатель Людовика-Наполеона, задумалъ устроить присоединеніе, подобное тому, которое такъ хорошо удалось его образцу. Онъ подкупилъ за дешевую цѣну нѣсколькихъ доминиканскихъ генераловъ, завелъ интриги въ населеніи Гаванны и въ экипажахъ кубскихъ негроторговцевъ, и съ этими силами произвелъ военное *pronunciamiento*. Однихъ доминиканцевъ разстрѣливаютъ, другихъ сажаютъ въ тюрьмы, а остальные съ энтузіазмомъ провозглашаютъ присоединеніе къ метрополіи; штука съиграна, и жители Мадрида, въ одно прекрасное утро, просыпаются, владѣя новою колоніею. Президентъ Жеффраръ хочетъ сопротивляться этому завладѣнію, которое не обѣщаетъ ничего хорошаго для Гаити, но передъ Порт-о-Пренсомъ появляются корабли, вооруженные бомбическими орудіями, Жеффраръ обязывается заплатить значительную сумму денегъ, и испанскіе журналы объявляютъ, что все дѣло уладится, если онъ заплатитъ восьмую часть обѣщанной контрибуціи.

Эта слава не дорого стоитъ, и потому думаютъ теперь обратиться за новыми лаврами, напримѣръ, въ Мексику, гдѣ представляется удобный случай поживиться, не подвергаясь опасности. Конституціонная партія и президентъ ея, Хуарецъ, только-что восторжествовали надъ

своими врагами, абсолютистами и клерикалами, страна вздохнула свободнѣе послѣ такого множества кровавыхъ междуусобицъ; англійское и французское правительства пользуются минутой; чтобы содѣйствовать возстановленію порядка, они объявляютъ себя противъ новаго правительства, за то будто бы, что оно еще не заплатило процентовъ иностраннымъ укрывателямъ мексиканскихъ фондовъ. Государственную казну до-чиста опустошили Мирамонъ, Деголладо и имъ подобные. Хуарецъ истратилъ свои собственныя деньги, уплачивая англійскимъ негоціантамъ суммы, которыя его предшественники похищали ночью, со взломомъ оконъ, дверей и сундуковъ. Чтобы получить деньги, надо непремѣнно подождать, а ждать не хотятъ; если Хуарецъ сію минуту не найдетъ тѣхъ денегъ, которыхъ у него нѣтъ, Англичане пошлютъ свой флотъ, чтобы перебить возможно большее число Мексиканцевъ и сжечь Вера-Круцъ и Темпико. Одна угроза ихъ нашествія свергнетъ Хуареца и отдастъ страну на жертву всѣмъ ужасамъ войны и неурядицы. Французы пошлютъ свою эскадру вслѣдъ за англійскою; а вслѣдъ за ними Испанцы пошлютъ свою эскадрилью. Испанское правительство самъ-третей пойдетъ рѣзать и грабить людей испанской расы, и увѣнчаетъ свое чело лаврами изъ третьихъ рукъ. «Гдѣ нѣтъ ничего, тамъ самъ чортъ теряетъ свои права», говоритъ народная пословица. Для бѣдныхъ Мексиканцевъ было бы конечно выгоднѣе быть въ долгу у чорта, чѣмъ у иныхъ католическихъ правительствъ. Этой чертѣ великодушія и высокой политики нечего удивляться ни со стороны англійскаго министерства, ни со стороны О'Доннелева кабинета. О тюльерійскомъ правительствѣ и говорить нечего. Я еще не знаю великихъ проэктовъ, созрѣвающихъ въ мозгу трехъ державъ касательно злополучной страны, но флоты еще не пускались въ путь, а *Теймсъ* уже толкуетъ о кандидатствѣ Донъ-Жуана Бурбонскаго или Бонапарта Паттерсона; испанскіе журналы, съ своей стороны, предлагаютъ въ будущіе императоры Мексики двоюродныхъ братьевъ и другихъ родственниковъ Изабеллы.

Вотъ образчики той славы, которую испанское правительство даетъ своему народу взамѣнъ свободы. И что-жъ? — Неблагодарная Испанія не чувствуетъ къ О'Доннелю никакой признательности за то, что онъ обогатилъ нѣсколькихъ спекуляторовъ, удешевилъ провозъ товаровъ и даже роздалъ солдатамъ нѣсколько тысячъ серебряныхъ монетъ, которыя они повѣсили на сердце, въ воспоминаніе марокскихъ перестрѣлокъ. Испанія недовольна, раздражена, пресыщена своимъ благосостояніемъ и хваленою славою; ей хочется чего-то другаго.

А вотъ картина финансоваго благосостоянія, обѣщаннаго взамѣнъ гражданскихъ добродѣтелей: долги, терпящіе отлагательство, внѣшніе и внутренніе, долги отсроченные, долги къ погашенію и пр. и пр. Всѣ эти мудреныя названія обозначаютъ собою долговыя обязательства банкрута, и банкрутъ этотъ самъ неумолимъ въ отношеніи къ своимъ иностраннымъ должникамъ. Чтобы произвести расплату, пришлось продавать коммунальныя земли; вмѣстѣ съ тѣмъ приступили также къ продажѣ церковныхъ владѣній. 1-го января 1861 года продажа эта дала въ приблизительномъ результатѣ одинъ милліардъ двѣсти сорокъ милліоновъ реаловъ. Въ § 12 того закона, которымъ разрѣшается эта продажа, сказано: «Деньги, вырученныя отъ продажи государственныхъ имуществъ, должны быть употреблены въ пропорціи 20 на сто, на погашеніе государственнаго долга и на долги, подлежащіе уплатѣ капитала перваго и втораго класса, безъ всякаго предпочтенія.»

Параграфъ 14 не менѣе ясно говоритъ слѣдующее: «Юнта, управляющая государственнымъ долгомъ, ежемѣсячно будетъ принимать въ свои кассы фонды, вырученные отъ продажи, и ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ не дозволитъ, чтобы эти деньги, какою бы то ни было властью, были отняты отъ того священнаго предмета, на который онѣ исключительно предназначены.»

Кажется, священный предметъ, о которомъ говорится въ законѣ 1855 года, вовсе не святыня для министра испанскихъ финансовъ, потому что онъ до сего дня не уплатилъ заинтересованнымъ лицамъ ни реала. Мало того, иностранные кредиторы, которымъ слѣдуетъ уплатить капиталъ, представили кортесамъ прошеніе объ этомъ дѣлѣ; тогда министръ Фоменто, въ засѣданіи 16-го марта 1861 года, объяснилъ, что, по совѣсти и по убѣжденію, онъ понимаетъ законъ 1-го мая 1855 года въ томъ смыслѣ, что кредиторы имѣютъ право получить не капиталъ, а проценты. Какова насмѣшка!

Какъ! отвѣчали ему, развѣ могли сами законодатели безъ стыда составить законъ и, не краснѣя, предложить кредиторамъ, неполучавшимъ столько лѣтъ никакихъ процентовъ, въ видѣ вознагражденія за капиталъ и въ видѣ окончательной расплаты, проценты съ капитала, сведеннаго уже и безъ-того на пятую часть своей первоначальной цѣнности?

Вотъ, наконецъ, до какого положенія испанское правительство, нарушая свои обязательства, довело своихъ иностранныхъ кредиторовъ.

Извѣстно, что въ 1851 году, владѣтели испанскихъ пятипроцентныхъ рентъ получили взамѣнъ своихъ бумагъ обязательства по сту піастровъ, подлежащія уплатѣ по второму классу. Теперешнія трехпроцентныя испанскія ренты упали на 50 піастровъ, стало-быть, по тому же курсу пятипроцентная рента стоитъ $83^1/_3$ піастра. Если прибавить къ этой суммѣ проценты за 26 лѣтъ, которые испанское правительство должно было бы выплатить, еслибы оно не перемѣнило рентъ въ пассивныя обязательства, то это составило бы 130 піастровъ, такъ-что рента пятипроцентная, невыплаченная съ 1834 года, превратилась бы въ капиталъ, равняющійся $213^1/_3$ піастровъ. Теперь же выходитъ, что владѣльцы прежней пятипроцентной ренты, согласившіеся въ 1851 году принять пассивныя обязательства, получаютъ, благодаря нарушенію обязательствъ, данныхъ испанскимъ правительствомъ, всего-на-всего *17 піастровъ*, т. е. около шестнадцатой части того, что̀ имъ слѣдуетъ. Подобный результатъ ужасенъ для кредиторовъ, возложившихъ на него свои надежды и жестоко наказанныхъ за свою довѣрчивость.

Не имѣя ни гласности, ни независимой трибуны, народъ заявилъ свое мнѣніе насчетъ доставшихся на его долю администраторовъ, возмущеніемъ, внезапно вспыхнувшимъ въ Лохѣ, подобно тѣмъ пожарамъ, которые вдругъ разражаются съ ужасающею силою послѣ продолжительной засухи. Все населеніе возстало неизвѣстно почему, соединилось съ жителями окружающихъ деревень и захватило всю провинцію. Когда услыхали, что королевскія войска тронулись въ походъ, малочисленная толпа инсургентовъ осталась непоколебимою, и матери поспѣшно стали отправлять туда своихъ дѣтей. Противъ кавалеріи и артиллеріи инсургенты могли сопротивляться только кое-какимъ мужицкимъ оружіемъ, и, несмотря на то, они вышли изъ своего городка, чтобы не подвергать его жестокостямъ солдатъ, выдержали восьмичасовое сраженіе въ открытомъ полѣ, и, отразивъ нападеніе враговъ, ночью разсыпались по окрестностямъ. Вотъ что сдѣлали вѣчные зачинщики неурядицъ и протестанты,—коммунисты, какъ называетъ ихъ испанскій *Pensamiento* (мадридскій Constitutionnel). А вотъ, въ параллель съ этимъ, что̀ сдѣлалъ О'Доннель!

То, что̀ происходитъ въ Андалузіи, возбуждаетъ ужасъ и жалость. Тамъ свирѣпствуютъ безъ состраданія и безъ разбора; это надо сказать громко, потому что невозможно топтать ногами самыя элементарныя основанія права и самые существенные законы конституціи,

касающіеся безопасности личностей и неприкосновенности жилищъ. Законъ о подозрительныхъ особахъ не былъ обнародованъ, но онъ господствуетъ фактически, а въ дополненіе къ нему, господствуютъ во всей своей суровости военные законы.

Арестуютъ людей сотнями, вносятъ безпорядокъ и угрозу въ мирныя деревни, напускаютъ солдатъ на поселянъ. — Тюрьмы набиты арестантами, и полевыя работы останавливаются за недостаткомъ рукъ. Двѣнадцать обвиненныхъ были повѣшены во имя порядка, и по всей вѣроятности, на этомъ не остановятся казни.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ всѣ жители, кромѣ женщинъ и дѣтей, захвачены и уведены, подъ крѣпкимъ карауломъ, въ мрачные остроги, въ которыхъ набито такъ много узниковъ, и гдѣ содержатъ ихъ такъ небрежно, что повальныя болѣзни неминуемы. Но военные суды проворны, они живо дѣлаютъ свое дѣло, тѣмъ болѣе, что работы много, и уже болѣе 200 человѣкъ, вывезенныхъ на государственныхъ корабляхъ въ Маіорку, на Канарійскіе острова и на Фернандо-По, очистили мѣсто и дали больше воздуха и простора товарищамъ своимъ по заключенію, ожидающимъ рѣшенія своей судьбы.

Конституціонныя власти и еще болѣе импровизованное начальство дѣйствуютъ произвольно; среди всеобщаго безпорядка, они кажется идутъ къ тому, чтобы разрушить муниципальныя учрежденія и уничтожить то преданіе независимыхъ общинъ, которое такъ живуче въ Испаніи, и такъ дорого народу, какъ обезпеченіе будущихъ правъ. Муниципальныя управленія распущены; муниципальныхъ чиновниковъ выгоняютъ или сажаютъ въ тюрьму, а на ихъ мѣсто помѣщаютъ людей благомыслящихъ, воиновъ, послушныхъ дисциплинѣ, заклятыхъ реакціонеровъ, и даже бывшихъ карлистовъ, потому что теперь вошли въ милость люди, сопротивлявшіеся введенію конституціонной системы.

Андалузы, при всей веселости своего характера, не могутъ радоваться тому зрѣлищу, которое они видятъ въ своей странѣ. Самые невинные люди боятся за свою личность, потому что никому нѣтъ пощады; были примѣры, что люди очень миролюбивые и совершенно безобидные попадали въ тюрьму по доносу преступника—каторжника. Обо всѣхъ этихъ безобразіяхъ журналы не говорятъ ни слова; они постоянно твердятъ, что въ Андалузіи царствуетъ полнѣйшее, невозмутимое спокойствіе. Упорство, съ которымъ они повторяютъ это, доказываетъ, даже при отсутствіи другихъ доказа-

тельствъ, что эти журналы говорятъ неправду. Несомнѣнно то, что бо̀льшая часть жителей Андалузіи фактически находится внѣ закона, и что никто не пользуется безопасностью.

Военнымъ судомъ судятся нетолько люди, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, но даже тѣ лица, которыя просто задержаны полиціею и объявлены подозрительными. Людей, оправдавшихся передъ судомъ, захватываютъ еще разъ и осуждаютъ на 12-лѣтнюю работу на галерахъ; иныхъ арестуютъ, по словамъ обвинительныхъ актовъ, какъ людей, заподозрѣнныхъ въ пропагандѣ демократическихъ идей; если не знаютъ чьего нибудь жилища, то публикуютъ афишами, что такой-то долженъ явиться въ тюрьму, и что, въ случаѣ неявки, онъ обвиняется въ измѣнѣ, въ возмущеніи, и въ оскорбленіи величества. Будь я на мѣстѣ подобнаго бѣдняги, я бы послѣдовалъ совѣту Вольтера или вообще умнаго человѣка: «Еслибы меня обвинили въ томъ, что я укралъ колокольню Notre-Dame и спряталъ ее въ карманъ, я бы прежде всего навострилъ лыжи и оставилъ бы много чистаго воздуха между собою и блюстителями правосудія.» Люди благоразумные искали убѣжища въ Гибралтарѣ, подъ тѣнью британскихъ знаменъ, но представитель гостепріимной Англіи перевезъ своихъ гостей въ Португалію и избавился такимъ образомъ отъ несчастныхъ изгнанниковъ.

Въ Альбукеркѣ, среди ночи, начальство разбудило нѣсколькихъ жителей, и выведя ихъ за двери ихъ собственныхъ жилицъ, принялось производить обыскъ. У насъ передъ глазами лежитъ письмо, въ которомъ факты эти разсказаны съ величайшими подробностями однимъ жителемъ этой мѣстности; за разсказомъ слѣдуетъ справедливое замѣчаніе, что не могло быть хуже въ самое цвѣтущее время инквизиціи.

Въ Малагѣ епископъ недавно посѣтилъ нѣкоторыхъ богатыхъ городскихъ негоціантовъ, и, разговаривая съ ними очень любезно, перерылъ ихъ библіотеки, и безъ церемоніи конфисковалъ тѣ книги, которыхъ чтеніе казалось ему вреднымъ, между прочимъ *френологію* Галля. Онъ, конечно, готовитъ ауто—дафе изъ книгъ, по примѣру іезуитовъ, которые въ Коронѣ на площади сожгли кучу библій, евангелій и романовъ Александра Дюма. Скажемъ мимоходомъ, что духовенство снова воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы обвинить въ революціонаризмѣ и отправить на галеры нѣсколькихъ несчастныхъ протестантовъ, подвизавшихся, по своему, въ пѣніи псалмовъ Давида и въ увѣщаніяхъ покаяться. Вотъ какъ журналъ *Jberia* характери-

зуетъ положеніе дѣлъ: «Съ 1856 года генералъ О'Доннель управлялъ государствомъ, живя со дня на день, отдаваясь событіямъ минуты, прилагая къ нимъ тѣ рѣшенія, которыя казались ему удобными, и не заботясь о томъ, что эти рѣшенія противорѣчатъ другъ-другу. Теперь онъ совершенно примкнулъ къ претензіямъ Австріи, такъ что, еслибы наконецъ произошло въ Европѣ столкновеніе между партіями либераловъ и абсолютистовъ, то Испанія принуждена была бы отказаться отъ преданій свободы и вступить въ борьбу съ Италіею, Франціею и Англіею. Во всѣхъ дѣлахъ, въ Марокко, въ Мексикѣ, съ С. Доминго, въ Венесуэлѣ, честь испанскаго имени уже замарана. Внутри государства, наши финансы въ полномъ разстройствѣ; неоплаченный долгъ ежедневно увеличивается. Въ прошломъ мѣсяцѣ оказалось 111 милліоновъ реаловъ дефицита, что составитъ въ годъ 1332 милліона, т. е. цѣлая половина бюджета... Свобода печати раздавлена; индивидуальная безопасность не существуетъ; вся страна какъ будто опутана обширнымъ заговоромъ; въ судебныхъ дѣлахъ приговоры идутъ въ-разрѣзъ съ результатами слѣдствій. Вотъ къ чему привела произвольная политика генерала, при содѣйствіи ультрамонтанной партіи *Соединенія* (Union). Это дѣло — Соединенія! Да здравствуетъ Соединеніе!»

Когда говорятъ такимъ образомъ, это значитъ, что въ глубинѣ націи готовится кризисъ. Въ изложеніи предъидущихъ событій должно видѣть нетолько исторію ошибокъ одного кабинета или отрывокъ изъ біографіи его превосходительства О'Доннеля, президента совѣта министровъ, — здѣсь дѣло идетъ не объ одномъ человѣкѣ, а о всей системѣ, управлявшей Испаніею впродолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ. Воцарившись путемъ государственнаго переворота, система, которую мы назовемъ о'доннелизмомъ, вообразила себѣ, что матеріальная сила, доставившая ей власть въ данную минуту, можетъ впослѣдствіи удерживать за нею эту власть на неопредѣленное время. Представители этой системы полагали, что можно подъ либеральнымъ флагомъ скрывать угнетательную политику, и что никто не замѣтитъ этой подтасовки; они полагали, что пушки, заряженныя картечью и обставленныя вѣрными солдатами, богатые банкиры, готовые давать правительству денегъ взаймы, и составлять компаніи желѣзныхъ дорогъ, присоединенныя провинціи и кровавые лавры, пожатые на полѣ сраженія, — могутъ удовлетворить требованіямъ народа и отучить его отъ стремленій къ личной свободѣ, къ соціальному прогрессу,

и къ жизни мысли. О'Доннель внесъ въ Испанію наполеоновскій переворотъ; онъ воспроизвелъ его въ меньшихъ размѣрахъ, выполнилъ его въ болѣе тѣсномъ кругу, и все окружающее даетъ намъ право надѣяться, что его царствованіе будетъ не продолжительно.

Крайняя реакція кратчайшею дорогою ведетъ прямо къ безднѣ. Члены мадридскаго кабинета не предвидятъ подобнаго исхода; они, подобно доктринерамъ, считаютъ себя непогрѣшимыми; они не такъ искусны, какъ доктринеры, и, подобно имъ, погибнутъ въ катастрофѣ.

Напрасно окружаютъ этихъ людей фонарями, они закрываютъ глаза; напрасно другіе стараются отговорить ихъ отъ роковаго прыжка въ пропасть—они упорствуютъ.

Но къ гибели идетъ не одинъ кабинетъ; за кабинетомъ слѣдуетъ королевская власть. Испанская нація отличалась самою фанатическою преданностью къ монархическому принципу, но 15-лѣтнее царствованіе Изабеллы II возбудило въ ней такое сильное недовѣріе, какое во Франціи едва успѣли произвести Людовикъ XIV и Людовикъ XV цѣлымъ столѣтіемъ безумныхъ и неудачныхъ войнъ, голодныхъ годовъ, необузданнаго мотовства и явнаго, циническаго разврата. О'Доннель, какъ представитель вооруженной силы, держитъ королеву въ рукахъ и управляетъ ею; но его вліяніе никакъ не можетъ сравниться съ вліяніемъ донны Патроцинio, аббатиссы Аранхуэцской, которая судебнымъ порядкомъ была уличена въ злоупотребленіи довѣріемъ, и, несмотря на то, сдѣлалась вмѣстѣ съ Кларе, архіепископомъ Толедскимъ, одною изъ правительственныхъ силъ Европы. Эта дама стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже другой знаменитой искательницы приключеній, Элеоноры Галигаи, супруги маршала д'Анкръ, которая на вопросъ: не колдовствомъ ли она пріобрѣла свое вліяніе надъ королевою французскою (Маріею Медичи), отвѣчала гордо: «не колдовствомъ, а естественнымъ правомъ сильныхъ душъ надъ слабыми головами.» О'Доннель—копія съ Людовика-Наполеона, а конституціонное царствованіе Изабеллы II довольно вѣрно воспроизводитъ, если сдѣлать соотвѣтствующія перемѣны, царствованіе Людовика-Филиппа. Въ Испаніи, любители историческихъ проблемъ могутъ такимъ образомъ видѣть сліяніе двухъ періодовъ и двухъ правительственныхъ системъ. Вообще, исторія Испаніи за послѣдніе 50 лѣтъ можетъ быть названа смутнымъ отраженіемъ исторіи Франціи. Бурбонскій деспотизмъ опрокидываетъ деспотизмъ Наполеона. Начинается кровавая реакція подъ управленіемъ Фердинанда, котораго даже въ его собственномъ се-

мействѣ характеризовали такъ: «*сердце тигра, голова мула.*» Правительство даетъ хартію, и нарушаетъ ее. Вандея и шуаны воскресаютъ въ лицѣ карлистовъ. Страшная междуусобная война. Революція, продолжавшаяся во Франціи три дня, тянется въ Испаніи лѣтъ десять. Конституціонный престолъ обагряется кровью. Параллельно съ восшествіемъ на французскій престолъ младшей линіи бурбонскаго дома, вступаетъ на испанскій престолъ молодая женщина. Новая конституція. Новыя надежды на осуществленіе хартіи. Невыразимый энтузіазмъ въ пользу правительницы, Маріи-Христины, и въ пользу Изабеллы II, конституціонной королевы. Въ Испаніи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, хартіи оказываются парламентскимъ фокусомъ, и конституціонная монархія стремится къ полному и чистому абсолютизму. Ультрамонтанство обозначается ярче и ярче. Великій приливъ 1848 года недостаточно высокъ и продолжителенъ, чтобы перейти за Пиринеи, а между тѣмъ демократическія идеи мало-по-малу прокрадываются черезъ границу, въ особенности послѣ декабрьскихъ событій, выбросившихъ на испанскую почву множество французскихъ республиканцевъ. Этимъ идеямъ противупоставили тѣ средства, которыя такъ успѣшно были приложены къ дѣлу во Франціи: генералъ Эспартеро, герцогъ Побѣды, сыгралъ роль Каваньяка и Альфонса Ламартина, а потомъ явился военный деспотизмъ О'Доннеля; эти аналогіи можно было бы продолжать очень долго, потому что это не случайныя аналогіи, а существенныя, возникшія изъ сходства одновременныхъ событій, и изъ кореннаго сродства расъ. Это краткое изложеніе мадридской политики было бы не полно, еслибы мы не дали читателю понятія объ умственномъ уровнѣ *законной страны* (*pays légal*), какъ счастливо выразился покойный Людовикъ-Филиппъ. Какъ путешественникъ приноситъ образчики горныхъ породъ, чтобы съ перваго взгляда опредѣлить геологическій характеръ мѣстности, такъ точно я предлагаю читателямъ Русскаго Слова нѣсколько отрывковъ изъ журнала, находящагося на моемъ столѣ, въ Парадоръ-Реалѣ. Этотъ журналъ «*Esperanza*», особенно распространенный въ Испаніи, хвалится полной независимостью мнѣній и совершенною преданностью интересамъ правительства. Нѣсколько дней тому назадъ, этотъ журналъ былъ призванъ къ суду за оскорбительныя слова, направленныя противъ императора Французовъ, котораго онъ съ нѣкотораго времени постоянно называетъ *искреннимъ католикомъ*. Въ судѣ, защитникъ журнала, вмѣсто того, чтобы отказаться отъ оскор-

бительныхъ выраженій, разразился самыми бранными словами испанскаго словаря; всѣ присутствующіе стали аплодировать, судьи не могли сдержать улыбки, но при всемъ томъ присудили взыскать съ него штрафъ въ 4000 реаловъ. Извините меня за то, что я рѣшаюсь перепечатывать эту чепуху, и потрудитесь взглянуть внимательно на нелѣпости, которыя въ нѣсколько минутъ могутъ дать объ умственномъ уровнѣ Испаніи болѣе вѣрное понятіе, чѣмъ дастъ въ нѣсколько часовъ слишкомъ умно составленный *Tra los montes* Теофиля Готье. Посмотримъ же, что за кушанье подносится каждое утро испанскимъ правительствомъ и католическою церковью, нашимъ друзьямъ, caballeros—амъ полуострова:

Пятница, 6-го сентября.

Первая статья газеты посвящена марокскимъ дѣламъ. Перепечатка этой статьи, отзывающейся запахомъ средневѣковой бурсы, была бы невыносима. Цѣль ея приготовить общественное мнѣніе къ уступкѣ Тетуана и бросить мимоходомъ нѣсколько комковъ грязи въ конституціонный парламентаризмъ. Впрочемъ, авторъ статьи обращается съ личностью министра довольно свободно, и это даетъ право думать, что клерикальная партія заранѣе принимаетъ свои предосторожности, чтобы не поколебаться отъ паденія О'Доннеля.

— Неаполитанскія дѣла. *Основательная* статья противъ Итальянскаго королевства. Вотъ ея главные параграфы:

«Два года тому назадъ, Неаполь стоялъ въ первомъ ряду второстепенныхъ державъ; жители его были счастливѣйшими людьми въ Европѣ. Неаполь располагалъ блестящимъ флотомъ и сильною арміею; финансы находились въ отличномъ положеніи; городъ былъ украшенъ великолѣпными общественными зданіями и памятниками; производились колоссальныя постройки, а между тѣмъ налоги были нечувствительны; въ продолженіе 12 лѣтъ, народъ не видѣлъ ни одной смертной казни; царствовавшая династія отличалась всевозможными добродѣтелями, и такъ ревностно охраняла національную честь, что для защиты ея не побоялась вступить въ непріязненныя отношенія къ двумъ сильнѣйшимъ державамъ Европы.

«Но съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря покровительству французской и англійской эскадры и измѣнѣ либеральной партіи, въ Неаполь проникла свобода,—Неаполитанцы потеряли свою національность и лишились даже своего имени; общественныя учрежденія разорены; казна ограблена; армія и флотъ уничтожены; долги увеличились въ невѣро-

ятной степени; благороднѣйшіе граждане поражены ужасомъ, заключены въ тюрьмы или преданы казни, деревни выжжены, поля опустошены, вся страна залита кровью и покрыта развалинами!...»

...«Мы не можемъ надивиться тѣмъ людямъ, которые рѣшаются защищать итальянскую революцію, этотъ неблагородный и кровавый фарсъ; эти же люди курятъ оиміамъ передъ Гарибальди, передъ нелѣпымъ флибустьеромъ, неспособнымъ быть героемъ даже демократическаго романа. Гарибальди, какъ законодатель, вознаграждаетъ за цареубійство; какъ философъ, проповѣдуетъ истребленіе духовенства; какъ филантропъ, разстрѣливаетъ гражданъ послѣ сраженія; это реформаторъ въ красной рубашкѣ, получающій свои великія идеи отъ Александра Дюма и сохраняющій всю свою заботливость для кошекъ и собакъ.»...

...«Ужасы демократіи въ Италіи соотвѣтствуютъ ужасамъ демократіи въ Америкѣ; въ нихъ народы должны видѣть со стороны промысла кару и поученіе. Ясно какъ день для всѣхъ тѣхъ, у кого не ослѣплены глаза, и не сгнило сердце, что прогрессивныя идеи ложны, нелѣпы и составляютъ такое преступленіе, которому нѣтъ имени!..

Внутреннія извѣстія. Саррагосскій журналъ разсказываетъ объ одномъ удивительномъ событіи, возбудившемъ ужасъ въ жителяхъ деревни Альфахаринъ. Въ сосѣдствѣ этой деревни поклапяются статуѣ Мадонны, которую разныя лица обоихъ половъ должны одѣвать (Sic); по неосторожности они, можетъ быть, уронили ее на бокъ, но не хотѣли въ этомъ сознаться. Женщины и не женщины (Sic) объявили, что Мадонна шевелитъ плечами, и все населеніе въ испугѣ сбѣжалось на поклоненіе и стало умолять Мадонну приподняться.

Политическія извѣстія.... «Герцогъ Моденскій приближается къ своимъ владѣніямъ съ 8000-нымъ войскомъ. Ожидаютъ только его прибытія, чтобы начать возстаніе; Мархіи и Умбрія возмутятся, папское правительство вооруженною силою и т. д.»...

Объявленіе. Семь псалмовъ. Семь словъ,—религіозная поэма. Покаянный канонъ въ честь сердца Іисусова. Марія, или обращеніе Англичанки и т. д.

Какъ вамъ понравился *La Esperanza*, журналъ, какъ вы видите, сильно распространеный въ Испаніи и съ самостоятельными возрѣніями.

Во Франціи не произошло въ теченіи мѣсяца ничего замѣчательнаго. Мы питаемся въ продолженіи трехъ недѣль плохими рѣчами, произнесенными передъ генеральными совѣтами гг. Морни, де-ла-Героньеръ и компаніею. Эти рѣчи печатали, перепечатывали, обсуживали, комментировали, словомъ, возились съ ними до тошноты. Каждое утро, парижскіе журналы приносятъ намъ новыя варіаціи на старые тексты, и, къ довершенію скуки, даже англійскіе журналы, у которыхъ тоже нехватаетъ матеріала, впродолженіи цѣлой недѣли стрѣляютъ бѣглымъ огнемъ по несчастной рѣчи г. сенатора Мишеля Шевалье, который непочтительно говоритъ о воинственномъ Пальмерстонѣ. Наши журналисты напоминаютъ мнѣ пріемы разныхъ знакомыхъ мнѣ крестьянъ; въ неурожайный годъ, собравъ нѣсколько тощихъ кистей кислаго винограда, эти крестьяне, не желая остаться безъ вина, выжимаютъ сокъ, выжимаютъ мякоть, подливаютъ ушатами воду, вымываютъ виноградныя шкурки и перебиваются такимъ образомъ до слѣдующей уборки. Теперешнія рѣчи—испорченный виноградъ, которымъ поневолѣ надо удовольствоваться.

Сначала похвалы императору, потомъ изъявленія благодарности императору, и наконецъ изступленный энтузіазмъ, обращенный къ императору! Кромѣ этой общей чепухи, остальныя части рѣчей были довольно разнообразны! Одинъ обѣщалъновыя льготы, другой говорилъ, что ихъ и теперь слишкомъ довольно; одинъ давалъ обѣщанія въ пользу Италіи, другой—въ пользу папы, третій—въ пользу той и другой стороны; тутъ были блюда для всѣхъ вкусовъ. Но всѣ замѣтили съ удивленіемъ, что вообще въ отношеніи къ Англіи господствуетъ враждебный тонъ въ рѣчахъ этихъ уполномоченныхъ особъ, этихъ missi dominici имперіи, которые рѣзкостью выраженій вознаграждаютъ себя за малую извѣстность своихъ именъ.

Графъ Морни, президентъ законодательнаго корпуса, открылъ собою рядъ рѣчей. Графъ Морни началъ хвалить достоинства децентрализаціи и умолялъ гражданъ не обращаться постоянно къ правительству и по англійской методѣ собственными средствами обдѣлывать свои дѣла. Въ странѣ, надъ которою носится законъ общественной безопасности, графъ Морни, привѣтливо улыбаясь, описывалъ благодѣянія гражданской свободы, которое дастъ человѣку ничѣмъ незамѣнимое чувство личной независимости. Потомъ, г. президентъ законодательнаго корпуса началъ превозносить гражданскія права, дарованныя импера-

торомъ. «Дарованныя права, сказалъ онъ, несравненно лучше правъ завоеванныхъ».

Все, что не принадлежитъ къ оффиціальной прессѣ, было оскорблено словомъ *дарованныя*. «Въ продолженіе сорока семи лѣтъ, говорили всѣ, это слово не произносилось во Франціи съ такою торжественностью.» Но графъ Морни совершенно основательно называетъ дарованными тѣ права, которыхъ никто не требовалъ и не просилъ. Вы напрасно пускаетесь въ краснорѣчіе и въ философію, ваше негодованіе доказываетъ просто, что вы не поняли ироніи графа; онъ говорилъ то же самое, что вы говорите, только гораздо тоньше. Его сіятельство обладаетъ самымъ тонкимъ умомъ.

Отъ графа перейдемъ къ виконту. Г. де-ла-Героньеръ еще не сіятельство; онъ не такъ уменъ и вылощенъ, какъ Морни, джентльменъ имперіи, но, какъ фразеръ, онъ великъ. Въ сущности, его краснорѣчіе можно, если хотите, сравнить съ прекраснымъ костюмомъ, надѣтымъ на хворое тѣло, но зато какъ это платье скроено, какъ просторно, какъ мягка и пышна матерія, какъ блеститъ его шелковая шляпа, какъ тщательно приглажены бакенбарды, какъ граціозно играетъ онъ новомоднымъ хлыстикомъ!.. У г. виконта Артура де-ла-Героньеръ есть еще нѣкоторые недостатки, въ которыхъ проявляются его незнатное происхожденіе и непривычка занимать высокія государственныя должности; при всемъ стараніи онъ не умѣетъ произнести рѣчи, не сказавши ничего; но все-таки, кто бы могъ замѣтить, что этотъ великолѣпный господинъ такъ недавно принадлежалъ къ демократической толпѣ и даже былъ адептомъ этого гнуснаго Прудона! Прислушаемся, какъ это г. виконтъ Артуръ де-ла-Героньеръ обращается своею рѣчью къ аристократіи страны. Конечно, ему по всѣмъ правамъ принадлежитъ эта роль. Онъ призываетъ патриціевъ къ союзу съ императорскою властью. Этотъ новый союзъ, по его мнѣнію, былъ бы особенно полезенъ правительству, которое, опираясь на слѣпо-повинующуюся демократію, нуждается теперь въ благоразумныхъ модераторахъ; но я полагаю, что стоитъ передать вамъ нѣсколько отрывковъ этого канцелярскаго краснорѣчія.

«Въ нынѣшнемъ году, я, по примѣру прежнихъ лѣтъ, буду говорить съ вами о томъ, что всего болѣе можетъ интересовать вашъ патріотизмъ. Со времени нашего послѣдняго засѣданія совершилось замѣчательное событіе. Императоръ, доставившій Франціи порядокъ, котораго она напрасно искала въ продолженіи 60 лѣтъ, славу, состав-

ляющую для нея насущную потребность, миръ, необходимый для ея благоденствія, матеріальное довольство, къ которому она стремится всѣми силами своей производительной дѣятельности, императоръ спросилъ себя въ размышленіяхъ своего всемогущества (sic) не настало-ли время усовершенствовать наши учрежденія; 24 ноября прошлаго года, онъ написалъ достопамятный декретъ, составляющій лучшую страницу въ исторіи его царствованія, и добровольно предоставилъ гражданамъ политическую свободу...

«Новая имперія не есть ни аристократія, ни буржуазія, ни народъ: это—все вмѣстѣ, это демократія въ самомъ обширномъ и высокомъ своемъ значеніи, демократія, организованная въ правительство, которое пользуется своимъ огромнымъ авторитетомъ, чтобы совершить все необходимое для славы, безопасности и благоденствія Франціи» и т. д.

Послѣ этихъ рѣчей, произнесенныхъ всѣми значительными лицами императорскаго правительства, генеральные совѣты стали разсуждать о разныхъ матеріальныхъ вопросахъ. Большею частью они просили о новыхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, о новыхъ каналахъ, словомъ, были настолько ничтожны, насколько этого можно было желать; они совершенно вошли въ виды правительства, которое желаетъ одобренія, а не пренія, совершеннаго невѣдѣнія его распоряженій, когда оно ихъ задумываетъ, безпрекословнаго согласія, когда оно ихъ приводитъ въ дѣйствіе, и пышныхъ похвалъ, когда дѣло кончено.

Шведскій король посѣтилъ Тюльери, на очень короткое время, потому что шведская конституція запрещаетъ королю больше восьми дней находиться въ отлучкѣ изъ своего королевства. Такъ какъ шведскій флотъ предполагается представителемъ шведской земли, то королю посовѣтовали ѣздить морскими путями и черезъ каждые восемь дней являться на бордъ корабля. Эта уловка показалась очень практичною и дала королю возможность побывать въ гостяхъ у англійской королевы.

Хотя императрица Евгенія смертельно оскорблена тѣмъ, что шведская королева не хотѣла посѣтить ее, однако знаменитаго путешественника приняли съ величайшимъ почетомъ. Императоръ могъ бы сказать по этому поводу: «такъ какъ на меня косятся великія державы, я сведу дружбу съ малыми. Изъ ручейковъ составляются рѣки.»

Свиданіе съ королемъ прусскимъ откладывается со дня на день. Королева испанская рѣшительно отказалась видѣться съ императоромъ

Наполеономъ; она совершенно разсорилась съ своимъ за-пиринейскимъ кузеномъ и, вслѣдствіе дѣлъ Пія IX, не хочетъ съ нимъ мириться. Совершенно напрасно починили заново островъ фазановъ, снесенный рѣкою Бидассао, протекающею на границѣ Испаніи и Франціи. На этомъ островѣ министры Мазарини и Филиппъ де Гаръ заключили мирный договоръ между обоими государствами. Предполагавшагося свиданія не будетъ и такимъ образомъ наши инженеры путей сообщенія напрасно потратились на насыпи, на ученыя соображенія и на поэтическія фантазіи.

Процессъ печальнаго Миреса пошелъ на аппеляцію. Г. Кремьё, его краснорѣчивый защитникъ, старался доказать ничтожность *проступка*. — Дѣло идетъ о похищеніи шести милліоновъ, сказалъ онъ. Что такое теперь шесть милліоновъ? Кто изъ насъ не прожилъ шести милліоновъ?—Говорите только за себя, г. Кремьё!—Стали толковать о справедливости и о началахъ вѣчной нравственности.—Что дѣлать? отвѣчалъ очень наивно Миресъ. Такого движенія въ торговыхъ дѣлахъ не было съ 1720 года. Сначала Миресъ обнаруживалъ полное уныніе и отвратительное смиреніе; но когда онъ увидѣлъ, что приговоръ къ пятилѣтнему тюремному заключенію остается въ силѣ, онъ пришелъ въ страшное бѣшенство; тотчасъ закрыли засѣданіе. Въ Мазасѣ, Миресъ далъ наконецъ полную волю своему гнѣву, и поклялся въ вѣчной ненависти къ императору, выдавшему его на жертву, и къ имперіи, которую онъ обѣщалъ преслѣдовать до послѣдняго дня своей жизни. Съ этою цѣлью онъ можетъ вступить въ компанію съ *compère Jacquot*, т. е. съ господиномъ Миркуромъ, извѣстнымъ литераторомъ, котораго имперія отказалась купить за 80,000 франковъ и который мститъ за это, печатая въ Брюсселѣ противъ бонапартизма жесткія истины, изумляющія всѣхъ именно потому, что онѣ выходятъ изъ его устъ. Вообще странно, что Миресъ освобожденъ отъ обвиненія въ мошенничествѣ, и между тѣмъ приговоренъ къ пятилѣтнему заключенію. Чтобы охарактеризовать относительную честность Миреса, заслуживающую пятилѣтняго заключенія, придумано отличное слово, *платоническая честность*.

Въ политическомъ отношеніи въ Англіи нѣтъ ничего особеннаго. Лордъ Пальмерстонъ произнесъ рѣчь по поводу того, что его назначили лордомъ-хранителемъ пяти военныхъ портовъ Англіи. Это—должность чисто почетная, но она приноситъ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ жалованья. Украшенный знаками ордена Подвязки, онъ, какъ первосвященникъ, усѣлся подъ высокимъ балдахиномъ изъ зеле-

наго бархата; возлѣ него расположились меры пяти городовъ, и онъ, совершенно юношескимъ голосомъ проговорилъ рѣчь, полную веселости, юмора и дерзости, и вызвалъ ею живѣйшій энтузіазмъ въ присутствовавшихъ Британцахъ. Онъ безъ дальнихъ околичностей объяснилъ, что имѣлъ намѣреніе уничтожить это мѣсто, связанное съ значительнымъ жалованіемъ, но что теперь, когда королева предложила это мѣсто ему, онъ перемѣняетъ свой взглядъ на вещи. Затѣмъ онъ замѣтилъ, что британская нація—первая въ мірѣ, но что ей лучше всего разумѣть это про себя, потому что громко высказанная истина эта можетъ непріятно поразить континентальныхъ слушателей. Чтобы жить со всѣми въ мирѣ, Англія должна быть сильнѣе всѣхъ. Что касается до французскаго правительства, то конечно ему можно вѣрить, но надо остерегаться, и протягивая ему одну руку, надо другою крѣпко держать щитъ, чтобы въ случаѣ надобности отразить неожиданный ударъ. Эта рѣчь была главнымъ событіемъ нынѣшняго мѣсяца; по ея поводу текутъ рѣки чернилъ и движутся тысячи перьевъ, между прочими и мое перо. Рядомъ съ этимъ категорическимъ объявленіемъ намъ кажутся очень чистосердечными слова маршала Ніэля, начальника тулузскаго военнаго округа, сказавшаго недавно въ офиціальной рѣчи передъ генеральнымъ совѣтомъ верхней Гаронны: «куда дѣвались недовѣріе и безпокойство, грозившія нарушить миръ во время нашего послѣдняго собранія? Они разсѣялись и едва оставили по себѣ смутное воспоминаніе!».

Англійскій судъ присяжныхъ рѣшилъ дѣло Видиля и осудилъ отца, убійцу, на одинъ годъ тюремнаго заключенія за *незаконное нанесеніе ранъ*, т. е. за то, что онъ ударилъ сына толстымъ, а не тонкимъ концомъ трости. Этотъ приговоръ конечно очень справедливъ, но составленъ черезчуръ по-англійски.

Союзъ между Австріею и Британіею, о которомъ толковали эрцгерцогъ Максимиліанъ, газета *Times* и г. Ребёкъ Шеффильдскій, не состоялся.

Въ самомъ дѣлѣ, эта мистификація конституціонной Австріи была слишкомъ дерзко задумана и не обманула простаго здраваго смысла англійскаго народа.

Въ Германіи упомяну о протестѣ герцога Саксенъ-Мейнингенскаго противъ военнаго договора между Пруссіею и Саксенъ-Кобургъ-Готою. Вотъ значительная помѣха для Пруссіи!

Тысяча двѣсти нѣмецкихъ юрисконсультовъ, въ томъ числѣ боль-

шая часть судей, множество университетскихъ профессоровъ и нѣсколько министровъ разныхъ правительствъ, составили конгрессъ, на которомъ адвокаты составляли меньшинство; на этомъ конгрессѣ были исключены совѣщанія о политикѣ, объ общественномъ и международномъ правѣ. Конгрессъ пришелъ къ тому заключенію, что Германія нуждается въ одномъ общемъ кодексѣ, и что слѣдуетъ ввести судъ присяжныхъ для университетовъ и даже для литературныхъ преступленій.

Съ своей стороны національная нѣмецкая ассоціація, подъ предсѣдательствомъ Беннигсена, собралась въ Гейдельбергъ; въ засѣданіи было внушено Нѣмцамъ, стремящимся къ соединенію отдѣльныхъ частей германскаго отечества, оставить въ сторонѣ Австрію.

Ассоціація сдѣлала свои распоряженія для устройства будущаго нѣмецкаго флота, котораго начальство будетъ поручено принцу Адельберту Прусскому, кавалерійскому генералу и плохому моряку, потерпѣвшему пораженіе въ схваткѣ съ марокскими пиратами. Демонстрація въ пользу флота возбуждаетъ энтузіазмъ, напоминающій дни 1848 года. Пять муниципальныхъ совѣтовъ обѣщали пожертвовать по сту тысячъ талеровъ. Комитеты дамъ устраиваютъ подписки, чтобы подарить отечеству новый *Frauenlob*. Нѣмцы строятъ флотъ, чтобы найти отечество; они поступаютъ какъ тотъ ребенокъ, которому за столомъ запретили спрашивать говядину: онъ спросилъ соли, чтобы ѣсть ее съ говядиною, которую ему дадутъ.

Общество нѣмецкихъ дорогъ старается ввести въ Германіи одну общую единицу мѣры, и совѣтуетъ принять французскій метръ.

Насъ мало интересуютъ пышныя приготовленія къ празднованію коронаціи въ Кенигсбергѣ. Гораздо важнѣе узнать, что въ министерствахъ кипитъ дѣятельная работа, подготовляющая матеріалъ для будущаго засѣданія палатъ. Радикальная реформа въ управленіи полиціи, измѣненіе, а можетъ быть и уничтоженіе полиціи, управляющей дворянскими помѣстьями, допущеніе общинъ къ болѣе дѣятельному участію въ распоряженіяхъ мѣстной полиціи, составленіе общаго положенія для всѣхъ провинцій королевства—вотъ тѣ проэкты, надъ которыми работаютъ прусскія канцеляріи. Но что изъ этого выдетъ?

Нѣкоторыя корреспонденціи ***Монитера*** возбуждаютъ въ Германіи такое же негодованіе, какое произвели въ Англіи рѣчи Мишеля Шевалье и адмирала Дефоссе. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ,

официальный органъ французскаго правительства не говорилъ о Германіи ни слова, и вдругъ онъ прерываетъ свое мрачное молчаніе, начинаетъ смѣяться надъ стремленіями Нѣмцевъ къ единству, глумится надъ *National-Verein*'омъ, и превозноситъ сеймъ, это политическое собраніе, страдающее подагрою и худосочіемъ, подававшее признаки жизни только тогда, когда нужно было преслѣдовать движеніе мысли, и не съумѣвшее въ полвѣка дать нѣмецкому народу то, чего онъ имѣлъ право требовать: армію, флотъ, общій законъ, общія единицы вѣса и мѣры, и въ особенности внѣшнюю политику, внушающую къ себѣ уваженіе.

Въ гессенъ-кассельскомъ дѣлѣ, въ которомъ населеніе сопротивлялось произволу правителя, корреспондентъ Монитера принимаетъ сторону послѣдняго, и называетъ «простымъ недоразумѣніемъ въ числахъ» то, что, по мнѣнію всякаго порядочнаго человѣка, называется нарушеніемъ конституціи и общественнаго права. Этотъ корреспондентъ, говоря о Пруссіи, выставляетъ на видъ ея слабость, и превозноситъ Австрію, родину конкордата, за ея конституціонныя добродѣтели.

Вѣнскіе журналы въ настоящую минуту прославляютъ мадьярскій народъ за его привязанность къ своимъ правамъ и къ своей національности; они жалѣютъ о его участи, но отдаютъ ему полную дань уваженія за мужество. Вообразите себѣ, что у Монитера недостаетъ духу относиться къ этой націи съ презрѣніемъ, и увѣрять, что Венгерцы потеряли сочувствіе Европы, благодаря своимъ бѣшенымъ разглагольствованіямъ.

Есть въ Германіи вѣнценосецъ—художникъ, патріотъ, храбрый воинъ, поставившій себѣ цѣлью жизни вести впередъ дѣло соединенія Германіи. Имя его Эрнестъ, герцогъ саксенъ-кобургъ-готскій. Послѣ его отвѣта на сочиненіе г. Шмидта Вейсенфельса, противъ него послышался только одинъ голосъ—въ Монитерѣ. Право, Монитеръ не знаетъ, какъ сильно его неуклюжая оппозиція помогла дѣлу соединенія.

Отъ Германіи мы переходимъ къ Австріи. Съ Венгріею ей еще труднѣе ладить, чѣмъ съ Италіею; она недавно отозвала изъ Италіи 50,000 войска, чтобы повести его на берега Тиссы и Дуная.

Венгерскій сеймъ распущенъ; а, согласно съ конституціею, сеймъ не можетъ закрыть засѣданій, не разсмотрѣвъ, не провѣривъ и не утвердивъ отчетовъ за прошедшее время и бюджета на будущій годъ.

Сверхъ того, императорскій рескриптъ говоритъ, что новый сеймъ будетъ созванъ черезъ полгода, *если будетъ возможно*, а по закону необходимо созвать его въ теченіи ста дней. Законовѣдъ, г. Шмерлингъ могъ бы, кажется, предостеречь императора отъ этихъ нарушеній закона, которыя вызвали множество протестовъ со стороны венгерскихъ комитатовъ, обергешпановъ и муниципальныхъ совѣтовъ.

Страну наводнили гарнизонными отрядами, которымъ поручено собрать и доставить въ австрійскую казну налоги, назначенные вопреки рѣшенію сейма. Довольно значительныя суммы были собраны такимъ образомъ особенно въ городахъ и у магнатовъ, но большинство народа попрежнему отказывается платить. Налогъ, взимаемый кровью, т. е. конскрипція, встрѣтитъ себѣ еще болѣе энергическое сопротивленіе. Манифестъ императора, распускающій сеймъ, очень польстилъ не мадьярскимъ національностямъ, входящимъ въ составъ Венгерскаго королевства, стараясь представить, что распущеніе пестскаго сейма необходимо для ихъ спасенія. Онѣ однако не повѣрили этому; даже аграмскій сеймъ, ставшій сначала въ оппозицію съ пестскимъ, заявилъ протестъ противъ распущенія венгерскаго собранія и протестуетъ противъ высылки депутатовъ въ рейхсратъ (государственный сеймъ). Императорское посланіе съ самымъ страннымъ конституціоннымъ усердіемъ хочетъ распространять кругъ дѣйствія рейхсрата на тѣ земли, которыя не желаютъ имѣть въ немъ представителей; между тѣмъ уклоненіе венгерскихъ и кроатскихъ депутатовъ отъ участія въ государственномъ сеймѣ оставляетъ его неполнымъ и слѣдовательно отнимаетъ у его рѣшеній всякую законную силу; аграмскій сеймъ рѣшительно замѣчаетъ, что подобная мѣра нарушаетъ независимость соединеннаго королевства. Сверхъ того, онъ уничтожаетъ военную границу, вопреки оппозиціи въ Вѣнѣ.

Австрійское правительство готовится также созвать сеймъ въ Трансильваніи, и уже съ этой стороны возникли всякія затрудненія. Трансильванцы не хотятъ, чтобы мѣстопребываніемъ представительнаго собранія былъ нѣмецкій городъ Германштадтъ, они хотятъ, чтобы засѣданія происходили попрежнему въ Клаузенбургѣ, и министерство Шмерлинга, убѣдившись въ существованіи этого желанія, рѣшительно настаиваетъ на томъ, чтобы представители собрались въ нѣмецкомъ городѣ.

Все заставляетъ такимъ образомъ думать, что въ борьбѣ своей противъ австрійскаго министерства Венгерцы будутъ поддержаны раз-

личными національностями, окружающими ихъ со всѣхъ сторонъ. Вопросъ этотъ подвинулся впередъ по случаю объявленія Клапки, написаннаго въ формѣ письма къ Гарибальди. Принципъ, лежащій въ основаніи этого манифеста, заключается въ томъ, что должно сдѣлать невенгерскимъ національностямъ всѣ уступки, какихъ онѣ потребуютъ, хотя бы для этого пришлось дать странѣ организацію, подобную устройству Швейцаріи, лишь бы только эти національности согласились быть составными частями древней монархіи св. Стефана. Всѣ народы, живущіе въ Венгріи, именно Мадьяры, Славяне, Румыны, Нѣмцы, Сербы, Рутены и пр. считаютъ себя совершенно равноправными національностями; при помощи личной свободы и права ассоціаціи онѣ могутъ безъ малѣйшаго стѣсненія осуществить свои національныя стремленія въ предѣлахъ государственнаго единства.

Общее положеніе дѣлъ, слѣдовательно, не измѣняется. Венгрія не хочетъ отказаться отъ порядка 1848 года, потому что этотъ порядокъ не былъ уничтоженъ и можетъ быть уничтоженъ только ея волею; въ этомъ порядкѣ есть нѣкоторыя нелиберальныя статьи (напр. о политическихъ правахъ Евреевъ), которымъ теперешняя Венгрія не сочувствуетъ, но которыхъ она не можетъ отмѣнить, не отказываясь отъ своей законной почвы.—Министерство Шмерлинга, напротивъ того, утверждаетъ, вѣроятно, съ докторомъ Мюльфельдомъ, что общественное право Венгріи идетъ не со временъ св. Андрея и св. Стефана, а со дня капитуляціи Вилогоса и взятія Коморы, и что Венгрія принадлежитъ Австріи по праву завоеванія; выходя изъ этого основанія, министерство выбираетъ изъ конституціи 1848 года статьи, совпадающія съ конституціею, данною всѣмъ австрійскимъ народамъ 26 февраля, съ тою конституціею, которую Венгрія рѣшительно не хочетъ знать, потому, что эта конституція предоставляетъ ей автономію безъ войска, безъ налоговъ и безъ финансовъ.

Палата вѣнскихъ дворянъ и рейхсратъ одобрили дѣйствія Шмерлинга съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, потому что, одобряя незаконныя дѣйствія, они отнимаютъ у самихъ себя законодательную власть. Рейхстратъ отказался поддерживать національный интересъ; онъ отказался отъ роли государственной власти и согласился сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ министерства; но до всего этого Венгерцамъ нѣтъ почти дѣла; рейхсратъ, ограниченный въ своемъ составѣ и въ своихъ дѣйствіяхъ, пользуется ограниченнымъ нравственнымъ вліяніемъ, и Нѣмцы не имѣютъ права рѣшать венгерскія дѣла. Теперь дѣло идетъ о томъ,

быть ли конституціи нѣмецкой или венгерской; завтра рѣшеніе этого вопроса будетъ въ рукахъ австрійской или нѣмецкой арміи.

Отъ Венгріи не далекъ переходъ къ Италіи.

Циркуляръ Рикасоли и экспедиція Чальдини противъ неаполитанскихъ разбойниковъ составляютъ событія нынѣшняго мѣсяца. «Должно сказать громко, пишетъ Рикасоли въ своемъ манифестѣ къ Европѣ, что неаполитанское разбойничество составляетъ надежду европейской реакціи, возсѣдающей въ Римѣ. Теперь изгнанный неаполитанскій король является главнымъ ея бойцомъ, и Неаполь — видимою цѣлью. Неаполитанскій король живетъ въ Римѣ на квиринальскомъ холмѣ,— и чеканитъ монету, которою онъ снабжаетъ неаполитанскихъ разбойниковъ. Оболы, добытые именемъ св. Петра у вѣрующихъ людей разныхъ государствъ Европы, употребляются на вербовку разбойниковъ, которые приходятъ публично записываться въ Римѣ, получаютъ пароль и благословеніе, и, ослѣпленные невѣжествомъ и суевѣріемъ, съ веселымъ духомъ бѣгутъ грабить и рѣзать.»

«Они изъ Рима добываютъ въ какомъ угодно количествѣ оружіе и военные снаряды. На границахъ римскихъ и неаполитанскихъ владѣній находятся складочные магазины и сборныя мѣста, въ которыхъ они отдыхаютъ, и откуда они съ новымъ жаромъ пускаются на добычу. Розыски и аресты, произведенные въ послѣдніе дни французскими войсками, не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Враждебное настроеніе значительной части духовенства, произнесенныя ими рѣчи, оружіе, порохъ и прокламаціи, открытые въ монастыряхъ, священники и монахи, захваченные въ рядахъ разбойниковъ, доказываютъ ясно, откуда и во имя кого производятся эти подстреканія».

«Надѣемся, что этотъ фактъ докажетъ совершенно очевидно необходимость уничтожить свѣтскую власть папы. Ее осудила неотразимая логика національнаго принципа и, кромѣ того, она оказывается несовмѣстною съ гуманностью и съ цивилизаціею».

Въ своемъ циркулярѣ, возбудившемъ сильное неудовольствіе въ парижскихъ господахъ, Рикасоли высказалъ истинное положеніе дѣлъ, возведя къ папскому правительству причину анархіи. Рука папскаго правительства видна въ неаполитанскихъ убійствахъ; во имя его, если не по его распоряженію, — — — и уродовали итальянскихъ офицеровъ и солдатъ; по его наущенію сжигались жатвы и хижины, разорялись и истреблялись деревни. Но, надо сказать правду, кардиналъ де-Меродъ не давалъ шайкамъ матеріальнаго оружія; вѣрный своему духовному характеру,

онъ только не забывалъ духовнаго оружія. Поимка дюжины разбойниковъ доставила въ руки Піемонтцевъ слѣдующіе предметы: пасхальные билеты, красные и желтые ордена, молитвы Іисусу Христу, Мадонну, *Mater purissima*, св. Луччію, св. Франциска, изображеніе Лоретской Мадонны, св. грамоту, св. Мадонну милосердія, образъ Мадонны семи страданій, св. Троицу, св. Марію del Carmine, св. Марію Провидѣнія, Ecce homo, молитвы для выхода изъ чистилища, св. Петра, Распятіе, Приснодѣву чистоты, Магдалину, папскіе паспорты, медали въ честь св. Анны, иммакулатнаго зачатія, и четыре молитвы къ Мадоннѣ.

Австрія, стоящая лагеремъ въ Венеціи — конечно опасный врагъ Италіи, но что такое Австрія въ сравненіи съ великимъ врагомъ, который изъ-за болотистой Мареммы посылаетъ въ итальянскіе города смерть и измѣну? Подъ мундиромъ папскаго войска Рикасоли указалъ на куртку бандита; на ружьяхъ бандитовъ вырѣзаны гербы намѣстника Іисуса Христа. Донателло, бѣглый каторжникъ, генералъ папы, помогалъ дѣйствіямъ Кіавоне. Самъ Гойонъ не хотѣлъ пускать разбойниковъ черезъ границу, но *Pio Nono* поднялъ крикъ и французскіе жандармы принуждены были оставить въ покоѣ злодѣевъ, обагрившихъ Коллато свѣжею итальянскою кровью. Еслибы Гойонъ помѣшалъ папскому правительству двигать военные отряды по своему благоусмотрѣнію, это значило бы, что Франція нарушаетъ свѣтскую власть папы, которую она рѣшилась отстаивать.

По послѣднимъ извѣстіямъ, Нунцій Киджи получилъ приказаніе помирить Антонелли съ Людовикомъ-Наполеономъ, и воинственный кардиналъ Меродскій на извѣстныхъ условіяхъ откажется отъ сана генералиссимуса въ пользу г. де-Гойонъ.

Необходимо, подавить разбойничество и подавить его во что бы то ни стало, вопреки папѣ и французской арміи, закрывающей арріергардъ Кіавоне. Попрежнему дѣлаются возмутительныя вещи: вырываютъ глаза, рѣжутъ руки и т. д. Руффинцы обдираютъ у путешественниковъ бороды и посылаютъ родственникамъ этихъ несчастныхъ кровавые куски мяса, угрожая вслѣдъ затѣмъ послать головы, если къ назначенному сроку не будетъ доставленъ требуемый выкупъ. Нѣсколько піемонтскихъ солдатъ попали въ засаду и человѣкъ сорокъ было захвачено у Понте-Ландольфо и Казальдини. Мщеніе Піемонтцевъ было кровавое: такъ какъ поселяне оказались сообщниками бандитовъ, то все мужеское на-

селеніе обѣихъ деревень разстрѣляли, а самыя деревни сожгли. Трупы выставлены на площадяхъ, какъ на гумнахъ выставляются чучела хищныхъ птицъ. Все это ужасно, Но въ отношеніи къ Бурбонамъ было бы несправедливо ставить на ихъ счетъ всѣ преступленія, совершенныя въ ихъ имя, въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій достойными сынами Фра-Діаволо и Гаэтано–иль–Маммоне.

Послѣ взятія Гаэты, военное министерство надѣлало много важныхъ ошибокъ, которыя однако объясняются запутанностью его положенія. У него оказалось три арміи: піемонтская, неаполитанская и гарибальдійская. Оно распустило изъ нихъ двѣ; хуже этого трудно было распорядиться. И оно не обратило достаточнаго вниманія на разбойничество, которое существовало очень давно, и сильно распространялось, благодаря бѣглымъ каторжникамъ. Революція открыла остроги, чтобы набрать патріотовъ: вмѣсто патріотовъ явились разбойники, которые теперь сдѣлались бурбонистами.

Что ни говорите, а здѣсь должно искать начала разбойничества. Оно держалось потому, что ему позволили распространиться, потому, что вниманіе правительства было отвлечено сначала къ Гаэтѣ, потомъ къ австрійскимъ границамъ,—и еще потому, что даже въ прежнемъ неаполитанскомъ королевствѣ Гарибальди возбуждалъ — — — опасеній. — — — Между тѣмъ къ разбойникамъ примыкали толпами недовольные или голодные. Тогда комитеты бурбонистовъ, составлявшіеся вездѣ, рѣшились воспользоваться силами этихъ свирѣпыхъ людей, и придать опредѣленный цвѣтъ ихъ грабительствамъ. Только тогда, замѣтьте это, разбойничество получило политическій характеръ. Здѣсь дѣло идетъ не о роялистахъ, возставшихъ для защиты церкви и престола, а о мошенникахъ, которыхъ реакція превратила въ партизановъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что разбойничество было отчасти соціальнымъ явленіемъ, т. е., что оно произведено бѣдностью, недостаткомъ работы, подвижнымъ характеромъ жителей. Это съ самаго начала смѣло выразилъ начальникъ шайки, Трокки, сказавшій въ Базиликатѣ, въ Мельфи, вмѣсто прокламаціи: «Тутъ нечего толковать ни о Бурбонахъ, ни о Піемонтцахъ, ни о реакціонерахъ, ни о ретроградныхъ; тутъ, товарищи, надо брать у тѣхъ, у кого слишкомъ много, для тѣхъ несчастныхъ, которые умираютъ съ голода. Кто хочетъ жить, тотъ иди за мною!»

Явились потомъ, къ довершенію нескладицы, законы противъ ду-

ховенства, законы, отличные по духу, но представлявшіе огромныя трудности при выполненіи. Эти законы не повредили попамъ, а между прочимъ довели ихъ до изступленія. Тогда они стали возбуждать населеніе противъ Виктора-Эммануила, и, возмущенныя ими, цѣлыя общины стали присоединяться къ резбойникамъ, въ Базиликатѣ, въ провинціи Авеллино, въ Понте-Ландолфо, въ Казальдини, и часто превосходили самыхъ бандитовъ въ жестокости, въ кровожадности и въ корыстолюбіи. Тогда явилось уже не разбойничество, а мѣстныя возстанія почти на всемъ пространствѣ бывшаго королевства Франциска II. Но умиреніе страны производится серьезно. Чіальдини приготовляетъ помѣщеніе войскамъ на осеннее и зимнее время, а министръ Перуцци приводитъ въ исправность экономическую часть. Онъ въ эту минуту открываетъ постройку желѣзныхъ дорогъ, изъ семи пунктовъ, къ Риму и къ Анконѣ. Кромѣ того, онъ намѣренъ объѣхать большую часть провинцій, и, посовѣтовавшись съ мѣстными властями, произвести разныя общеполезныя работы. Желаемъ успѣха!

Вслѣдствіе постоянныхъ недоразумѣній съ французскимъ правительствомъ, Рикасоли отказался отъ мѣста министра иностранныхъ дѣлъ и взялъ себѣ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы дѣятельнѣе заняться успокоеніемъ Неаполитанскаго королевства. Чіальдини съ своей стороны самымъ энергическимъ образомъ преслѣдуетъ враговъ общества и Италіи. Всѣ главныя шайки разсѣялись, тысячи этихъ негодяевъ захвачены, въ тюрьмахъ сидитъ около восьми тысячъ узниковъ; съ нетерпѣніемъ ожидаютъ пріѣзда Виктора-Эммануила, чтобы простить ихъ цѣлыми сотнями, и отослать наиболѣе виновныхъ въ какую нибудь дальнюю колонію, которую Англія очень любезно предоставляетъ въ распоряженіе итальянскихъ судебныхъ мѣстъ. По мѣрѣ того, какъ обнаруживается нерасположеніе французскаго правительства къ Италіи, яснѣе обозначается доброжелательство Англичанъ, въ пользу которыхъ Рикасоли даже уничтожилъ формальность паспортовъ. Французскіе журналы сильно шумѣли по поводу присутствія англійскаго флота передъ Кастелламаре, и видѣли въ этомъ фактѣ нарушеніе принципа невмѣшательства; въ то же время они объявляли о высылкѣ новыхъ французскихъ войскъ въ Римъ, для охраненія папскихъ земель отъ піемонтскихъ войскъ. Что же значитъ слово вмѣшательство, на французскомъ дипломатическомъ языкѣ? И что значатъ на этомъ самомъ языкѣ слова: «*французское покровительство*» и «*единство Италіи*»? Говорятъ, что Рикасоли пишетъ въ одной депешѣ къ тюльерійскому

кабинету: «Если мы не войдемъ въ Римъ, мы не можемъ успокоить Неаполя.» Ему на это отвѣчали: «Ну, такъ успокойте сначала Неаполь, и тогда вы войдете въ Римъ!»

Кампанія Чіальдини противъ разбойниковъ идетъ успѣшно, но итальянскіе солдаты исполняютъ дѣло второстепенной важности. Настоящій вопросъ—въ Римѣ, не въ главной квартирѣ Гойона, а въ квиринальскомъ дворцѣ папы. Рѣшеніе задачи созрѣло въ нѣкоторыхъ умахъ Италіи, но его еще не смѣютъ формулировать публично.

Изъ Соединенныхъ Штатовъ мы ждемъ извѣстія о рѣшительномъ сраженіи: его требуютъ всѣ партіи. Чтобы заключить первое дѣйствіе страшной трагедіи, необходима или блестящая побѣда или печальное пораженіе, но непремѣнно необходимо и неизбѣжно сраженіе.

ЖАКЪ ЛЕВИНЪ.

———

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Схоластика XIX вѣка.

XI.

Въ майской книжкѣ «Рус. Слова» я высказалъ нѣсколько мыслей о безжизненности нашей критики и изложилъ тѣ идеи, которыми я руководствуюсь при разборѣ этихъ чахлыхъ и безцвѣтныхъ явленій. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, въ которыхъ журнальная полемика разгорѣлась особенно ярко, критическій отдѣлъ большей части періодическихъ изданій украсился многими любопытными статьями; эти статьи подаютъ поводъ къ размышленію; онѣ подтверждаютъ высказанныя мною замѣчанія, которыя могли показаться голословными читателямъ моей первой статьи; поэтому я намѣренъ воспользоваться ими, какъ матеріаломъ, и, обсуживая ихъ, договорить то, что было не досказано, яснѣе и обстоятельнѣе изложить то, чего я прежде коснулся слегка. Я не возстаю противъ полемики, не зажимаю ушей отъ свиста, не проклинаю свистуновъ; и Ульрихъ-фонъ-Гутенъ былъ свистунъ, и Вольтеръ былъ свистунъ, и даже Гете вмѣстѣ съ Шиллеромъ свиснули на всю Германію, издавши совокупными силами свой альманахъ «Die Xenien»; у насъ на Руси свисталъ часто и рѣзко, стихами и прозою, Пушкинъ; свисталъ Брамбеусъ, которому, вопреки громовой статьѣ г. Дудышкина, «Сеньковскій дилетантъ русской словесности», я не могу отказать ни въ умѣ, ни въ огромномъ талантѣ.

А развѣ во многихъ статьяхъ Бѣлинскаго не прорываются рѣзкіе, свистящіе звуки? Припомните, господа, ближайшихъ литературныхъ друзей Бѣлинскаго, людей, которымъ онъ въ дружескихъ письмахъ выражалъ самое теплое сочувствіе и уваженіе: вы увидите, что многіе изъ нихъ свистали, да и до сихъ поръ свищутъ тѣмъ богатырскимъ посвистомъ, отъ котораго у многихъ звонитъ въ ушахъ, и который безъ промаха бьетъ въ цѣль, несмотря на разстояніе. Оправдывать свистуновъ—напрасный трудъ; ихъ оправдало чутье общества; на ихъ сторонѣ большинство голосовъ, и каждое нападеніе изъ противуположнаго лагеря обрушивается на голову самихъ же нападающихъ, такъ называемыхъ людей серьезныхъ, дѣятелей мысли, кабинетныхъ тружениковъ, русскихъ Гегелей и Шопенгауэровъ, профессоровъ, сунувшихся въ журналистику, или литературныхъ промышленниковъ, прикрывающихъ свою умственную нищету притворнымъ сочувствіемъ къ вѣчнымъ интересамъ науки. «Русскій Вѣстникъ» и «Отечественныя Записки» убиваются надъ развратомъ русской мысли и заживо оплакиваютъ русскую литературу; ихъ книжки—бюллетени сердобольнаго врача, писанныя у постели больнаго, умирающаго отъ послѣдствій безпорядочной жизни. Главные *благонамѣренные* органы нашей журналистики составляютъ консиліумъ, ищутъ лекарства, щупаютъ пульсъ и съ ужасомъ сообщаютъ другъ другу о быстрыхъ успѣхахъ болѣзни; за ними выдвигается группа постныхъ журналовъ и газетъ, совѣтующихъ больному познать тщету и суетную гордыню дольняго міра сего, воспарить духомъ къ высотамъ Сіонскимъ, и отложивъ надежду и попеченіе о выздоровленіи, приготовиться къ мирной, христіанской кончинѣ живота. А въ это время больной мечется въ бреду, лепечетъ въ лихорадочномъ полуснѣ безсвязныя слова, «извергаетъ хулы», называетъ громкія имена всѣхъ вѣковъ и народовъ: Кавуръ, Россель, Платонъ, Страховъ, Пальмерстонъ, Аскоченскій.... Что за сумбуръ! И все-то онъ ругаетъ, надъ всѣмъ-то онъ смѣется, все-то ему нипочемъ. Бѣлая горячка, говорятъ врачи. Delirium tremens! важно повторяетъ г. Леонтьевъ. Дьявольское навожденіе, шепчетъ, отплевываясь, Аскоченскій.— Какъ ему не умереть! Онъ отрицаетъ общіе авторитеты, все, чѣмъ красна и тепла наша жизнь, говоритъ печально г. Н. Ко. Кто же, наконецъ, играетъ роль больнаго? Кто же, какъ не «Современникъ» вмѣстѣ съ «Русскимъ Словомъ»? Кто же, кромѣ этихъ двухъ отверженныхъ, осмѣливался относиться скептически къ дѣятельности Росселя и Кавура? Кто нахо-

дилъ сухими и безплодными ученые труды гг. Буслаева и Срезневскаго? Кто совѣтовалъ сдать въ архивъ стройныя, красивыя, величественныя системы идеализма, внутри которыхъ темно, сыро и холодно, какъ въ старомъ, готическомъ соборѣ? Кто дерзнулъ обвинить Гизо въ историческомъ мистицизмѣ, г. Лаврова въ неясности формы и неопредѣленности направленія, г. Буслаева въ наивности и староверствѣ, г. Юркевича въ отсталости и въ любомудріи, Н. И. Пирогова въ патріархальности педагогическихъ пріемовъ, «Отечественныя Записки» въ вялости тона и въ отсутствіи направленія, «Русскій Вѣстникъ» въ мѣщанскомъ пристрастіи къ золотой серединѣ?... Можно было бы исписать десять страницъ и все-таки не перечислить всѣхъ преступленій, въ которыхъ были уличены въ теченіи 1861 года «Русское Слово» и «Современникъ». Каждая статья составляла crime de lèse-autorité, сшибая съ пьедестала какой-нибудь кумиръ, которому кричали другіе журналы: «выдыбай, боже!» Человѣкъ въ нормальномъ положеніи, въ здравомъ умѣ не могъ бы найти въ себѣ столько продерзости. Статья Чернышевскаго о Гизо, «Полемическія красоты», политическія статьи Благосвѣтлова, схоластика Писарева и его статья о Молешотѣ, рецензія стихотвореній Сковороды и отвѣтъ Крестовскаго г. Костомарову, Дневникъ Темнаго человѣка и Свистокъ—все это бредъ больнаго, послѣднее напряженіе силъ, за которымъ будетъ и должна слѣдовать реакція, агонія. Аминь! речетъ «Домашняя Бесѣда,» и къ своему крайнему удивленію, благонамѣренные врачи русской журналистики въ первый разъ въ жизни вторятъ г. Аскоченскому. Но, позвольте, господа врачи, doctores augustissimi, я не понимаю вашего огорченія. Отчего же вы такъ взволнованы? Здоровый человѣкъ, владѣющій полнымъ разсудкомъ, не станетъ безпокоиться попусту, скликать пожарную команду, когда у сосѣда топится овинъ, и когда не предвидится ни малѣйшей опасности. Надо предположить одно изъ двухъ: или дѣйствительно свистуны сильны въ области литературы, или благонамѣренные люди сами больны и, по разстройству нервовъ, вздрагиваютъ отъ малѣйшаго шума. Каждая выходка «Современника» или «Русскаго Слова» осуждается синедріономъ такъ называемыхъ солидныхъ журналовъ; осужденіе обыкновенно занимаетъ больше мѣста, чѣмъ самая выходка; стало-быть, эти выходки дѣйствительно опасны, или же, извините, вамъ больше не о чемъ говорить, и вы ловите случай, раздуваете скандалъ для того, чтобы наполнить книжку, и слѣдовательно поступаете сами какъ неудавшіеся фельетонисты. Разберемъ оба предполо-

женія. Кому и чему могутъ быть опасны выходки свистуновъ? Вѣроятно, только идеямъ, или же такимъ личностямъ, которыя передъ лицомъ всего образованнаго міра служатъ представителями той или другой тенденціи. Вѣдь вы, господа врачи, вступаетесь не за Козлянинова, не за Вергейма, а за Кавура, за Росселя, за исторію, за философію, за серьезную науку. Всѣмъ этимъ лицамъ и идеямъ вы своимъ заступничествомъ оказываете очень плохую услугу. Прикосновенія критики боится только то, что гнило, что какъ египетская мумія распадается въ прахъ отъ движенія воздуха. Живая идея, какъ свѣжій цвѣтокъ отъ дождя, крѣпнетъ и разрастается, выдерживая пробу скептицизма. Предъ заклинаніемъ трезваго анализа исчезаютъ только призраки; а существующіе предметы, подвергнутые этому испытанію, доказываютъ имъ дѣйствительность своего существованія. Если у васъ есть такіе предметы, до которыхъ никогда не касалась критика, то вы бы хорошо сдѣлали, еслибы порядкомъ встряхнули ихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что вы храните дѣйствительное сокровище, а не истлѣвшій хламъ. Если же вы для себя уже сдѣлали этотъ опытъ, то позвольте же и другимъ сдѣлать то же для себя. Вы, положимъ, убѣждены въ томъ, что умозрительная философія есть мать всѣхъ добродѣтелей и источникъ всякаго благосостоянія. А вотъ для меня, напр., это положеніе составляетъ еще недоказанную теорему. Что же мнѣ вамъ на слово прикажете вѣрить? Или прикажете до тѣхъ поръ не писать ничего, пока не выработаю себѣ абсолютно вѣрнаго, незыблемаго убѣжденія, пока не превращу въ аксіомы всѣ теоремы? На второй мой вопросъ вы отвѣтите утвердительно, а я вамъ докажу сейчасъ, что этотъ утвердительный отвѣтъ—нелѣпость. Каждое поколѣніе разрушаетъ міросозерцаніе предъидущаго поколѣнія; что казалось неопровержимымъ вчера, то валится сегодня; абсолютныя, вѣчныя истины существуютъ только для народовъ неисторическихъ, для Эскимосовъ, Папуасовъ и Китайцевъ. Вы мнѣ скажете, что $2 \times 2 = 4$—абсолютная истина для всѣхъ вѣковъ и народовъ, а я вамъ отвѣчу, что $2 \times 2 = 4$ не есть идея; тутъ подлежащее повторяется въ сказуемомъ; въ первой и во второй части уравненія предметъ одинъ и тотъ же, и измѣняются только формы выраженія. «Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками» это тоже не идея; вы тутъ связываете между собою не два предмета, а два названія, изъ которыхъ одно сжато, другое пространно. Эти такъ называемыя математическія истины могутъ быть сведены на общую

формулу *опредѣленія*: «островъ есть кусокъ земли, окруженный со всѣхъ сторонъ водою.» Тутъ объясняется слово, а не предметъ. Кромѣ того, математическія опредѣленія вообще имѣютъ дѣло съ рамками, съ самыми общими, совершенно безцвѣтными отвлеченностями, къ которымъ человѣкъ не можетъ имѣть никакихъ личныхъ отношеній. *Два, прямая линія*—все это не предметы, не явленія жизни, а рамки, въ которыя можно вставить что̀ угодно. Математическія истины незыблемы, потому что онѣ безжизненны; внѣ математики, посмотрите куда угодно, всѣ понятія наши о природѣ и человѣкѣ, о государствѣ и обществѣ, о мысли и дѣятельности, о нравственности и красотѣ мѣняются такъ быстро, что послѣдующее поколѣніе не оставляетъ камня на камнѣ въ міросозерцаніи предъидущаго. Кто усталъ идти, тотъ можетъ сѣсть въ сторонѣ отъ дороги и помириться съ тѣмъ, что его обгонятъ. Такъ сдѣлалъ Р. Вѣстникъ, такъ поступилъ г. Тургеневъ. Мнѣнія Р. Вѣстника соотвѣтствовали требованіямъ нашего общества года три тому назадъ; теперь они многимъ покажутся ретроградными. Образъ Елены въ «Накапунѣ» могъ казаться безукоризненно прекраснымъ года три тому назадъ; въ 1860 году въ немъ уже могли замѣтить несмѣлыя отношенія автора къ идеѣ равноправности мужчины и женщины. Вы видите такимъ образомъ, что не писать до тѣхъ поръ, пока не установятся убѣжденія, значитъ безъ толку пожертвовать лучшими годами дѣятельности. Убѣжденія ваши *остановятся* на какомъ нибудь результатѣ только тогда, когда вмѣстѣ съ костями и хрящами начнетъ твердѣть и сохнуть мозгъ; вы остановитесь не потому, что достигли истины, а потому, что утомились работою жизни и мысли, потеряли ту эластичность, гибкость и подвижность ума, которыми обладали въ молодости; остановившись, вы начинаете жить прошедшимъ, и, если вы писатель, то этимъ же прошедшимъ вы дѣлитесь съ публикой. А прошедшее движущемуся обществу можетъ дать матеріалы для размышленія, а не норму для дѣятельности. Стало-быть, ваши слова будутъ живѣе и плодотворнѣе, если вы выскажете ихъ тогда, когда ваша личность и дѣятельность еще принадлежитъ будущему. Страстный бредъ или пылкая діалектика юноши всегда западаютъ въ душу слушателя глубже, и шевелятъ ее живѣе, чѣмъ мудрый совѣтъ старика, высказанный осторожно, безстрастно и торжественно. Юноша способенъ ошибаться,—согласенъ; но зато онъ и не учитъ общества, не читаетъ лекцій; онъ самъ ищетъ, самъ стремится, а стремленіе къ истинѣ, поступательное движеніе

всегда лучше обладанія ею, уже потому, что послѣднее есть самообольщеніе, а первое—дѣйствительный фактъ. И такъ, позвольте людямъ, недостигшимъ крайнихъ предѣловъ своего развитія, т. е. еще неостановившимся, — говорить, писать и печатать; позвольте имъ встряхивать своимъ самороднымъ скептицизмомъ тѣ залежавшіяся вещи, ту обветшалую рухлядь, которыя вы называете общими авторитетами и которыя, по вашему признанію, грѣютъ и красятъ вашу жизнь. Согласитесь съ тѣмъ, что «спросъ не бѣда», и что общему авторитету не больно отъ того, что его подвергнутъ сомнѣнію. Если авторитетъ ложный, тогда сомнѣніе разобьетъ его, и прекрасно сдѣлаетъ; если же онъ необходимъ или полезенъ, тогда сомнѣніе повертитъ его въ рукахъ, осмотритъ со всѣхъ сторонъ и поставитъ на мѣсто. Словомъ, вотъ ultimatum нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что̀ выдержитъ ударъ, то годится, что̀ разлетится въ—дребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ, бей направо и налѣво, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть. Клеветать конечно не слѣдуетъ; лгать въ фактахъ—не хорошо, но въ подобной лжи еще никто не уличилъ свистуновъ; ихъ уличали въ ложныхъ воззрѣніяхъ, а воззрѣнія не могутъ быть ни истинны, ни ложны; есть мое, ваше воззрѣніе, третье, четвертое и т. д. Которое истинно? Для каждаго свое, и потому я совершенно согласенъ съ словами г. Н. Ко., которыя онъ хотѣлъ сказать мнѣ *въ пику*: «Давайте всѣ мыслить самостоятельно и чуръ одинъ другому не мѣшать». Нашелъ въ чемъ упрекнуть! въ самостоятельности мысли. Давай Богъ побольше такихъ обличителей, которые, желая обругать, говорятъ комплименты. Я замѣтилъ выше, что серьезные журналы дѣлаютъ изъ мухи слона, потому что имъ больше нечего дѣлать; это положеніе я поддерживаю; только полнѣйшая умственная праздность можетъ возводить въ событіе каждую статью Свистка, каждую выходку Темнаго человѣка. Люди толкуютъ о серьезныхъ интересахъ науки и общества и въ то же время сотни страницъ посвящаютъ г. Чернышевркому, котораго сами называютъ свистуномъ и верхоглядомъ. И что это за страницы! Сколько глубокомыслія, сколько проницательной критики, сколько высоко-нравственнаго негодованія тратится на опровержепіе Полемическихъ Красотъ! «Судя по тому значенію, которое сридаютъ г. Чернышевскому современные серьезные люди, надо думать, что если энциклопедическій словарь дойдетъ до буквы *Ч*, то ему будетъ посвящена обширная статья. Подлинно, г. Чернышевскій

имѣетъ полное право произнести извѣстное стихотвореніе Пушкина: ex ungue leonem, кончающееся такъ:

Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

XII.

«Полемическія красоты» г. Чернышевскаго взволновали журнальный міръ; никакое научное открытіе, никакое серьезное изслѣдованіе не обращало на себя такъ внезапно всеобщаго вниманія гг. серьезныхъ литераторовъ. Русскій Вѣстникъ съ несвойственною ему поспѣшностью, въ іюньской книжкѣ своего изданія отвѣчалъ на статью, помѣщенную въ іюньской же книжкѣ Современника; Отеч. Зап. впродолженіи двухъ мѣсяцевъ не спускаютъ глазъ съ Современника, лишающаго ихъ сна и покоя; даже безвредный Свѣточъ не преминулъ заявить свой протестъ противъ нарушенія литературныхъ приличій г. Чернышевскимъ. Мысль невольно переносится къ той давно прошедшей эпохѣ, когда памфлетъ Ульриха фонъ-Гуттенъ «Письма темныхъ людей (Epistolae obscurorum virorum)» прошумѣлъ по Германіи, и нарушилъ умственную апатію записныхъ ученыхъ. Доктора и монахи принялись ругаться на всѣ лады и доказали двѣ вещи, во-1-хъ мѣткость ядовитаго памфлета, во-вторыхъ, собственную духовную нищиту, связанную съ нахальною заносчивостью и каррикатурнымъ самообожаніемъ. Такого рода происшествія возможны во всякое время. Люди лѣнивые, или отъ природы малосильные всегда сердятся на людей дѣятельныхъ и даровитыхъ, которые, идя скорѣе ихъ, увлекаютъ за собою большинство и пользуются его заслуженнымъ сочувствіемъ. Сердятся они не всегда изъ корыстныхъ видовъ; иному дѣйствительно обидно; онъ, можетъ быть, лѣтъ пятнадцать рылся въ библіотекахъ и архивахъ, трудился въ потѣ лица, считалъ тебя полезнымъ спеціалистомъ, предъявлялъ права на признательность соотечественниковъ и вдругъ, о разочарованіе! является какой нибудь неизвѣстный юноша, высказываетъ о предметѣ спеціальныхъ изслѣдованій—мысли ошеломляющія спеціалиста своею оригинальностью и новизною, и прямо называетъ долголѣтніе труды вышеписаннаго ученаго сухимъ хламомъ, изъ котораго не выжмешь ни идеи, ни важнаго фактическаго результата. Какъ же такому непонятому спеціалисту не озлиться?

Какъ ему не пуститься съ азартомъ въ несвойственное ему поле журнальной полемики? Какъ ему въ проклятіяхъ противъ свистопляски не дойти до того паоса задорности, какимъ отличается переписка Ивана IV съ Курбскимъ? Кто же рѣшится сознаться даже передъ самимъ собою (не то, что передъ публикою) въ томъ, что онъ въ продолженіи десятковъ лѣтъ не зналъ что дѣлалъ и съ какою цѣлью трудился. Чтобы рѣшиться на такое признаніе, надо быть почти великимъ человѣкомъ, а великіе люди не тратятъ жизни на перепечатку лѣтописей и на копировку старинныхъ шрифтовъ. Раздраженіе г. Погодина, выразившееся въ его прошлогоднемъ письмѣ къ г. Костомарову, и въ изобрѣтеніи слова «свистопляска», негодованіе г. Буслаева, напечатавшаго въ Отеч. Зап. письмо къ г. Пыпину, и гнѣвъ г. Вяземскаго, посвятившаго свистунамъ сатирическую пѣснь лебедя, объясняются только-что выписанными мною побудительными причинами. Ярость Р. Вѣстника и Отеч. Зап. объясняются проще. Винить журналиста въ томъ, что онъ желаетъ увеличенія подписки, было бы смѣшно. Ктожъ себѣ врагъ? Фразамъ о безкорыстномъ служеніи идеѣ и обществу наше время плохо вѣритъ. Какъ ни кричите противъ меркантильности эпохи, вы ее крикомъ не прогоните. Эта меркантильность есть современная форма эгоизма, выражавшагося въ прежнія времена властолюбіемъ, жаждою славы, донжуанствомъ и т. д. Возставать противъ корыстолюбія журналовъ я не буду; постараюсь только посмотрѣть, какія средства они пускаютъ въ ходъ, чтобы выдвинуть себя впередъ и отбросить совмѣстниковъ на задній планъ. Буду обращать вниманіе не столько на нравственное достоинство этихъ средствъ, сколько на ихъ практическую пригодность. Можно быть отличнымъ, честнѣйшимъ человѣкомъ, и очень плохимъ литераторомъ, и тѣмъ болѣе негодящимся журналистомъ. «Хоть пей, да дѣло разумѣй» это мудрое правило надо особенно крѣпко помнить въ наше время, когда развелись легіоны печатающихъ людей, которые «немножечко дерутъ,

Зато ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ».

Впрочемъ, опять-таки, этого нельзя сказать ни объ Отечественныхъ Зап., ни о Русск. Вѣст. Тѣ—и дерутъ, и чистотою литературныхъ нравовъ не отличаются. Объ Р. Вѣст. довольно будетъ замѣтить, что онъ не уважаетъ умственной самостоятельности своихъ сотрудниковъ

(исторія о Свѣчиной), попрекаетъ г. Чернышевскаго саратовскою семинаріею, и даже пишетъ о томъ, что у него крадутъ книги и четвертаки. Что же касается до Отечественныхъ Записокъ, этого притона современной схоластики, кладязя недоступной премудрости, то я намѣренъ посвятить имъ все продолженіе этой статьи. Надо разъ навсегда высказаться насчетъ этого ученаго журнала, противъ котораго почти невозможна серьезная критика. Почему? А потому, что въ немъ нѣтъ живой мысли; стало-быть надо или смѣяться надъ тупымъ педантствомъ, или закрыть книгу и лечь спать съ отяжелѣвшею головою.

Легіонъ редакторовъ Отечественныхъ Записокъ, чего добраго, назоветъ эти слова нарушеніемъ литературныхъ приличій; они скажутъ, пожалуй, что мнѣ слѣдуетъ спорить съ ними, а не отдѣлываться брошенною фразою; они, можетъ быть, сочтутъ мои слова уловкою; вѣдь требовали же они отъ Чернышевскаго, чтобы онъ состязался съ Юркевичемъ; вѣдь считали же они отказъ Чернышевскаго за доказательство его несостоятельности. Поймите, господа, что спорить съ вами и съ г. Юркевичемъ значитъ ломать себѣ голову, слѣдя за извилинами вашихъ аргументацій, написанныхъ тяжелымъ, неяснымъ языкомъ 30-хъ годовъ, входить въ мрачный лабиринтъ вашей буддійской науки, отъ которой мы сторонимся съ нѣмымъ благоговѣніемъ. Скажите, ради чего намъ съ Чернышевскимъ брать на себя такой трудъ? Чтобы убѣдить васъ? Да мы этого не желаемъ. Чтобы убѣдить публику? Да она и безъ того на нашей сторонѣ. Ей смертельно надоѣдаетъ ваша наука и критика. Читаетъ она въ Отечественныхъ Запискахъ повѣсти, переводные романы (которыхъ всегда довольно), историческія статейки; что же касается до критики, ее рѣдко разрѣзываютъ; вопросы, которые г. Дудышкинъ, какъ сфинксъ современной литературы, задаетъ на разрѣшеніе журналамъ (напр. о Пушкинѣ), прочитываются для смѣха журналистами и, какъ слѣдуетъ того ожидать, не разрѣшаются никѣмъ.

Убѣждать публику намъ стало-быть не въ чемъ; кромѣ того, смѣхъ и свистъ лучшія орудія убѣжденія. Еслибы мы стали васъ опровергать по пунктамъ, статьи наши вышли бы такъ же скучны и головоломны: какъ ваши критическія изслѣдованія, а этого-то мы не желаемъ. И такъ спорить съ вами мы не будемъ, а смѣяться, если придетъ расположеніе, не преминемъ. Спора вы требуете, а смѣха боитесь. Вотъ смѣхомъ-то мы васъ и доконаемъ. Вы непремѣнно разсердитесь, и въ сердцахъ выкажете свои больныя мѣста, которыхъ у васъ очень много. Вы уже разсердились на г. Чернышевскаго и высказали много дико-

винныхъ вещей. Кромѣ того, вы напрягли всѣ свои силы, ничего не успѣли сдѣлать, и слѣдовательно обличили свое безпомощное положеніе, свою убогость, которою вы насъ все-таки не разжалобите.

XIII.

Шестьдесятъ пять страницъ въ разныхъ отдѣлахъ Отечественныхъ Записокъ 1861 года за августъ выдвинуто противъ второй коллекціи «Полемическихъ красотъ». Упрекъ въ отсутствіи направленія подѣйствовалъ слишкомъ хорошо; всѣ редакторы ополчились какъ одинъ человѣкъ, и пошли четверо противъ одного; впрочемъ, на флотѣ Лиллипутовъ, который увелъ въ плѣнъ капитанъ Лемуилъ Гулливеръ, было гораздо больше четырехъ храбрыхъ бойцовъ; всѣ были воодушевлены патріотическимъ жаромъ, всѣ они тоже защищали народность, и между тѣмъ всѣ сдались на капитуляцію. Что дѣлать, гг. идеалисты, спиритуалисты и супранатуралисты! Духъ бодръ, плоть немощна. Крестовый походъ политической умѣренности, историческаго глубокомыслія, критической серьезности и откровенной запальчивости противъ наглаго, насмѣшливаго невѣжества, кончился безславнымъ пораженіемъ. Ряды нападающихъ смѣшались; разнокалиберность союзниковъ и непривычка стоять подъ однимъ знаменемъ взяли свое; пошли ученые рыцари кто въ лѣсъ кто по дрова; своя своихъ не познаша, и предполагавшійся стройный натискъ превратился въ безпорядочное гарцованіе, достойное Благосвѣтлова, но нисколько не приличное для пуристовъ русской мысли. Бѣдные пуристы! Они были не на своемъ мѣстѣ; они напоминали несчастнаго Франца Горна, коментатора Уильяма Шекспира, попавшагося въ дикую охоту и скакавшаго за своимъ любимымъ поэтомъ, на ослѣ, держась за гриву и творя молитву дрожащимъ голосомъ. (Heine. Atta Troll.) И что за охота? Вѣдь говорилъ вамъ Чернышевскій: Куда вамъ полемизировать! а вы его не послушали; вы, вѣроятно, думали, что онъ говоритъ это отъ зависти; вотъ и додумались. А все—самолюбіе васъ губитъ. Ну, ему ли вамъ завидовать! Вотъ видите ли, въ чемъ дѣло: намъ (т. е. Современнику и Русскому Слову) позволительно посвящать вамъ обширныя критическія статьи; мы—люди задорные; мы въ вашемъ лицѣ осмѣиваемъ рутину и, слѣдовательно, остаемся вѣрны своему характеру. Вамъ, напротивъ того, совсѣмъ не слѣдуетъ съ нами говорить: всякая попытка свиснуть съ вашей стороны достав-

ляетъ намъ перевѣсъ; вы беретесь за наше оружіе, стало-быть полагаете, что оно лучше вашего, и, слѣдовательно, этимъ самымъ осуждаете вашу всегдашнюю дѣятельность. Нельзя служить богу и мамону, а-то выйдетъ ни богу свѣча, ни чорту кочерга. Вы должны показывать видъ, будто чувствуете къ намъ полнѣйшее, холодное, равнодушное презрѣніе, будто *игнорируете* насъ; вы иногда стараетесь поступать такимъ образомъ, но солидность ваша не выдерживаетъ разъѣдающаго прикосновенія мѣткой насмѣшки. Нашъ сарказмъ жжетъ васъ какъ раскаленное желѣзо; вы теряете всякое хладнокровіе, забываете *роль*, и, не умѣя язвить шуткою, начинаете браниться, почерпая ваши слова то изъ церковно-славянскаго (напр. срамословіе, скверномысліе), то изъ площаднаго народнаго. Вотъ въ эти-то минуты вы крайне занимательны; тутъ-то васъ и нужно изучать и списывать съ натуры. Августовская книжка Отечественныхъ Записокъ доставила мнѣ самое живое наслажденіе своею полемическою частью. Она дорисовала тѣ образы, которые складывались уже въ моемъ умѣ; она показала мнѣ, какъ говорятъ и дѣйствуютъ рутинеры, выведенные изъ терпѣнья и чувствующіе, что почва колышется подъ ихъ ногами. Мнѣ случалось читать въ исторіи объ отчаянной борьбѣ отживающаго съ начинающимъ жить, и теперь мнѣ очень пріятно прослѣдить въ маленькихъ размѣрахъ процессъ этой борьбы между представителями русской мысли. Тяжело смотрѣть на агонію человѣка или животнаго, но агонія идеи, принципа, направленія представляетъ любопытное и пріятное зрѣлище. Весело смотрѣть на то, какъ защитники этого умирающаго принципа мечутся, суетятся, теряютъ голову, противорѣчатъ сами себѣ, сбиваютъ другъ друга съ ногъ, говорятъ всѣ вдругъ, какъ Добчинскій и Бобчинскій, и все-таки лишаются постепенно своихъ прозелитовъ; а между тѣмъ, новая идея, какъ пожаръ, разливается по сценѣ дѣйствія, не останавливается никакими преградами, просачивается сквозь щели стѣнъ, и до-чиста сжигаетъ старый хламъ, какъ бы ни былъ онъ плотно закупоренъ, и подъ какимъ бы крѣпкимъ карауломъ его ни содержали. Чернышевскій говоритъ, что въ Отечественныхъ Запискахъ нѣтъ единства направленія и г. Дудышкинъ торжественно соглашается съ нимъ отъ лица всѣхъ главныхъ членовъ редакціи (августъ, русск. лит. стр. 148). Я позволю себѣ не согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Статьи Отечественныхъ Записокъ часто противорѣчатъ другъ другу—это правда; но у нихъ есть что-то общее, есть свой букетъ, который принадлежитъ имъ однѣмъ; этотъ букетъ онѣ назы-

ваютъ серьезностью; въ переводѣ на общеупотребительный русскій языкъ это значитъ недоступность живымъ интересамъ, неумѣніе и нежеланіе отнестись къ возникающимъ вопросамъ откровенно и ясно, *игнорированіе* живыхъ и больныхъ мѣстъ нашей частной и общественной жизни. Возникаетъ ли какой нибудь литературный споръ о предметѣ общеизвѣстномъ, имѣющемъ практическое значеніе во вседневной жизни,— Отечественныя Записки тотчасъ превращаютъ споръ въ научную теорему; предметъ уносится учеными критиками на вершины Олимпа россійской мысли, и густой туманъ скрываетъ его отъ глазъ обыкновенныхъ зрителей; кто попроще, тотъ начинаетъ благоговѣть, ничего не понимая, а кто смѣлѣе, тотъ закрываетъ книгу, и говоритъ, что начинается «ерунда». Въ обоихъ случаяхъ, вопросъ, поставленный жизнью, остается нерѣшенымъ и понемногу замираетъ. Достоинство журнала спасено, а между тѣмъ не высказано ничего рѣзкаго, что могло бы раздразнить гуссй; и волки сыты, и овцы цѣлы. Вотъ видите ли, въ нашемъ общественномъ мнѣніи есть множество оттѣнковъ, нечувствительно переливающихся одинъ въ другой. Крайними полюсами этого общественнаго мнѣнія можно назвать съ одной стороны Аскоченскаго, съ другой—ну хоть бы Чернышевскаго, благо мы часто о немъ упоминаемъ. У Аскоченскаго есть положительная сторона—ханжество, и отрицательная—ненависть къ человѣческому разуму. Эта отрицательная сторона, эта ненависть у него выражается грубо, рьяно, нелѣпо; если отъ Аскоченскаго мы будемъ постепенно подвигаться къ Чернышевскому, эта ненависть будетъ находиться въ убывающей прогрессіи; мракобѣсіе перейдетъ въ мраколюбіе, наконецъ въ довольство мракомъ, въ терпѣніе мрака; доводы противъ разума будутъ видоизмѣняться, но полную эмансипацію разума мы найдемъ только на противуположномъ полюсѣ. Духъ Аскоченскаго вѣетъ не въ одной Домашней Бесѣдѣ; съ его вѣяніемъ можно встрѣтиться даже за предѣлами любезнаго отечества; ослабленные и смягченные Аскоченскіе есть и въ Европѣ, даже въ Англіи, даже въ партіи виговъ. Авторитеты ихъ пожалуй благообразнѣе нашихъ, но въ сущности все равно, пеньковая или шелковая веревка вяжетъ васъ по рукамъ и по ногамъ. Шелковая даже хуже; отъ нея не такъ больно и потому связанный легче мирится съ своимъ положеніемъ. Отношенія Отеч. Зап. къ разуму отличаются робостью; самодѣятельность мысли отошла отъ нихъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ; новая идея не найдетъ себѣ пріюта на страницахъ этого журнала; рискъ великъ! Кто ее знаетъ, эту идею? Вдругъ окажется

вздоромъ, не примется въ обществѣ; начнутъ надъ нею смѣяться; нѣтъ, лучше не рисковать; лучше идти себѣ битою дорогою, печатать новости заднимъ числомъ, хвалить то, что уже всѣ признали хорошимъ, и бранить то, въ чемъ еще сомнѣвается большинство. Внѣшнимъ образомъ эта черта характера Отеч. Зап. выразилась въ томъ, что, сколько мнѣ помнится, ни одинъ литераторъ не начиналъ своей каррьеры въ От. Зап. Когда имя дѣлалось извѣстнымъ, г. Краевскій допускалъ его на Олимпъ; талантливый юноша, не печатавшій до того времени нигдѣ, не могъ прямо попасть въ От. Зап., хотя бы онъ былъ семи пядей во лбу. Это было очень благоразумно со стороны г. Краевскаго. Когда нѣтъ творчества, ненадо творить; когда нѣтъ собственной критической способности, надо поневолѣ полагаться на мнѣніе другихъ; «нечѣмъ пѣть, когда голоса нѣтъ,» говоритъ русская пословица. Откровенное сознаніе собственной несостоятельности дѣло очень похвальное, хотя, конечно, было бы еще похвальнѣе совсѣмъ не браться за такое дѣло, въ которомъ не смыслишь ни аза. И такъ, робость и неясность отношеній составляютъ букетъ От. Зап. Причина этихъ свойствъ заключается отчасти въ дипломатической осторожности, отчасти въ слабости мысли. Ширина и смѣлость взгляда, неумолимая послѣдовательность логики, ясность и простота въ рѣшеніи вопросовъ свойственны только живому уму, а его нѣтъ въ редакціи От. Зап. Посредственность не любитъ быстраго поступательнаго движенія; оно ее утомляетъ; довольствоваться наличнымъ умственнымъ капиталомъ, старою философскою системою, шлифовать и полировать уголки, любоваться деталями—вотъ ея дѣло, вотъ сфера ея муравьиной дѣятельности. А тутъ вдругъ придетъ какой нибудь нахалъ, все переворочаетъ, все переломаетъ, нашумитъ, напылитъ, такъ что послѣ его вторженія хозяинъ не можетъ узнать своего уютнаго кабинета, въ которомъ все было такъ аккуратно, такъ невозмутимо-спокойно, такъ тихо и безмятежно. Собирается онъ съ силами, чтобы послѣ нашествія новаго Аттилы привести въ прежній порядокъ свою крошечную системку, въ которой ему было тепло, въ которой онъ чувствовалъ себя безопаснымъ, какъ улитка въ раковинѣ, и къ которой онъ даже, можетъ быть, успѣлъ пріохотить кружокъ почтительныхъ и кроткихъ прозелитовъ. Хлопочетъ онъ о томъ, чтобы истребить слѣды разрушительнаго набѣга, да что-то не ладится; прозелиты ошеломлены; однихъ прельстила смѣлость вражескаго натиска, другихъ она удивила, третьихъ привела въ негодованіе, но во всякомъ случаѣ всѣ они уже

не тѣ невинные, непосредственные, нетронутые слушатели, какіе были прежде. Да и система не доставляетъ добродушному хозяину прежняго умственнаго комфорта. Молча перенести дерзкое нападеніе невозможно; самолюбіе мѣшаетъ, да и опасно; мальчишки народъ заносчивый, зазнаются, примутъ молчаніе за признакъ слабости; надо спорить, да и притомъ какъ спорить! Состязаться съ человѣкомъ одной школы съ вами пріятно; говоря съ нимъ, вы можете сослаться на положенія учителя, и, лишь бы статья вашего общаго кодекса была подведена вѣрно, вашъ противникъ согласится съ вами и даже будетъ смотрѣть на васъ съ сугубымъ уваженіемъ, какъ на человѣка, которому полнѣе доступна неизреченная мудрость. Но спорить съ человѣкомъ другой школы совсѣмъ не то; вы сошлетесь на авторитетъ, а онъ вамъ скажетъ, что знать его не хочетъ; вы скажете: это говоритъ Гегель! а онъ отвѣтитъ: а мнѣ что за дѣло! — Вамъ придется доказывать основныя положенія, шевелить такія стропила ученія, которыя вы считали незыблемыми и неприкосновенными, придется передѣлывать съизнова дѣло учителя, и притомъ при такихъ условіяхъ, которыя значительно усложняютъ задачу. Когда жилъ и дѣйствовалъ учитель, тогда люди его времени еще не могли приготовить противъ его ученія разрушительныхъ доводовъ, по той простой причинѣ, что ученіе было ново, свѣжо, способно развиваться, и не похоже на жреческую символистику; когда жилъ этотъ предполагаемый учитель, онъ уловилъ послѣднее слово своего времени и развилъ его въ систему; теперь настали другія времена; выработалось другое послѣднее слово, и можно сказать навѣрное, что еслибы учитель жилъ въ наше время, то и ученіе его вышло бы не такое, какимъ онъ его сдѣлалъ. Въ наше время Гегель навѣрное не былъ бы гегельянцемъ, потому что только узкіе и вялые умы живутъ въ области преданій, тогда, когда можно выдти въ область дѣйствительно живыхъ идей и интересовъ. И такъ, умственная посредственность всегда отличается пассивнымъ консерватизмомъ, и противупоставляетъ натиску новыхъ идей тупое сопротивленіе инерціи. Бываетъ и прозелитическая посредственность; иные нищіе духомъ стремятся, очертя голову, вслѣдъ за увлекающимъ ихъ талантомъ; слѣпой фанатизмъ и дешевый скептицизмъ одинаково часто встрѣчаются въ людяхъ ограниченныхъ; но въ нашемъ обществѣ дешевый скептицизмъ кажется преобладаетъ, потому что мы вообще страстностью не отличаемся. Вотъ эту-то тупую оппозицію инерціи и безпричиннаго скептицизма вы встрѣтите на каждой страницѣ Отеч.

Зап. Слова оппозиція и скептицизмъ требуютъ нѣкотораго поясненія. Оппозиція есть гарантія личности противъ посягательствъ большинства или силы; осмысленная оппозиція возбуждаетъ къ себѣ искреннее сочувствіе и заслуживаетъ полное уваженіе со стороны всякаго благороднаго человѣка; но что̀ вы скажете напр. объ оппозиціи помѣщицы Коробочки, нежелающей продать мертвыя души, на томъ основаніи, что она не знаетъ городскихъ цѣнъ? Вѣдь источникъ этой оппозиціи заключается въ неспособности понять предметъ, въ неумѣніи или нежеланіи сдѣлать малѣйшее усиліе мысли. Оппозиція многихъ старовѣровъ очень напоминаетъ оппозицію Коробочки. Ему толкуютъ объ удобствѣ какой нибудь земледѣльческой машины,—онъ слушаетъ изъ пятаго въ десятое, и потомъ наотрѣзъ отказывается сдѣлать нововведеніе. Вы добиваетесь причины его упорства, считаете вашего собесѣдника фанатикомъ наслѣдованнаго отъ отцовъ экономическаго порядка вещей, строите въ головѣ цѣлую теорію объ исторической памяти русской народности, а между тѣмъ вашъ дубиноголовый противникъ способенъ отвѣтить вамъ только словами Лазаря Елизарыча: «Для того, что не для чего»!... Онъ упирается, потому что не ясно понимаетъ, а не понимаетъ и не хочетъ понимать оттого, что не привыкъ работать мыслью,—а на старости лѣтъ привыкать мудрено!—Скептицизмъ великъ и законенъ, какъ слѣдствіе разлагающей дѣятельности мысли, какъ результатъ тщательнаго анализа; но скептическое отношеніе къ предмету мало извѣстному обличаетъ только нежеланіе вглядѣться въ него и ближе съ нимъ ознакомиться; такой скептицизмъ вытекаетъ часто изъ очень мелкаго и мутнаго источника. Возьмемъ примѣръ. Положимъ, что моя статья возбудитъ къ себѣ недовѣріе въ двухъ читателяхъ: одинъ прочтетъ ее внимательно, и, положимъ, замѣтитъ въ ней противорѣчія, тонъ страстнаго раздраженія, натяжки въ выводахъ; это наведетъ его на мысль, что статья написана пристрастно, онъ отнесется къ ней скептически. Такого рода скептицизмъ вполнѣ уважителенъ; онъ основанъ на знакомствѣ съ предметомъ; ошибка тутъ возможна, но не неизбѣжна. Другой читатель перелистуетъ статью, увидитъ, что дѣло идетъ объ От. Зап., и скажетъ: «это брань журналистовъ, старающихся переманить подписчиковъ. Вздоръ! Не стоитъ читать!»—Это уже дешевый скептицизмъ, хватающій вершки, судящій по внѣшности, нежелающій или неумѣющій приложить анализа къ самому предмету. У человѣка, способнаго къ такому скептицизму, есть въ головѣ нѣсколько десятковъ готовыхъ сужденій, и онъ подводитъ подъ нихъ разные случаи

жизни, нимало не заботясь о ихъ дѣйствительной физіономіи. Развиваться такой человѣкъ не способенъ; вращаясь въ безвыходномъ кругу готовыхъ сужденій и выветрившихся фразъ, онъ не видитъ дѣйствительнаго міра и не дастъ себѣ труда взглянуть на него просто и серьезно. Эта оппозиція и этотъ скептицизмъ выражаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Отеч. Зап. выражаютъ ихъ тѣмъ, что не высказываютъ никогда опредѣленнаго мнѣнія; въ нихъ вы не найдете такого слова, изъ котораго можно было бы вывести осязательное, практическое заключеніе. У нихъ есть два молчалинскіе таланта: умѣренность и аккуратность, которую они называютъ серьезностью. До «степеней извѣстныхъ» они уже дошли. Развѣ двадцать три года существованія журнала, и притомъ отъ 1838—1861 года, не «степени извѣстныя?»

XIV.

Букетъ «Отечественныхъ Записокъ» я нашелъ; ихъ цвѣтъ—безцвѣтность; ихъ тактика состоитъ въ томъ, чтобы говорить, ничего не высказывая, числиться въ рядахъ прогрессистовъ, не раздѣляя съ ними трудовъ и опасностей, отуманивать своихъ читателей книжною ученостью и отводить имъ глаза отъ живыхъ идей, вопросовъ и интересовъ. Почему онѣ молчалинствуютъ, по расчету или по умственной убогости—рѣшить не берусь; можетъ быть, по тому и по другому вмѣстѣ. Посмотримъ лучше, какъ общая тактика журнала выдерживается въ различныхъ отдѣлахъ. Первая полемическая статья, встрѣчающаяся въ августовской книжкѣ, принадлежитъ перу г. Альбертини; съ нея я и начну.

Г. Альбертини вступается за Кавура, стыдитъ г. Чернышевскаго его незнаніемъ и совѣтуетъ ему побольше читать и учиться. О Кавурѣ г. Альбертини споритъ, нимало не обобщая вопроса; онъ полагаетъ, что нападки «Современника» направлены противъ личности, а не противъ типа, противъ отдѣльныхъ поступковъ Кавура, а не противъ цѣлаго направленія его политики. Г. Альбертини не понимаетъ или не хочетъ понимать, что г. Чернышевскій возстаетъ противъ Кавура за то, что, находясь по своему положенію во главѣ современной Италіи, сардинскій министръ сдерживалъ воодушевленіе народа (боясь, чтобы оно не хватило черезъ-край), вмѣсто того, что-

бы поддерживать его и давать ему направленіе. Кавура осуждаютъ за то, что онъ былъ болѣе піемонтскимъ подданнымъ, чѣмъ гражданиномъ свободной Италіи. Если вы, г. Альбертини, способны возвыситься до синтетическаго взгляда на личность Кавура, тогда доказывайте намъ противное; мы васъ послушаемъ. Но если вы любите изучать факты, не обладая способностью обобщенія, тогда вамъ нельзя спорить съ Чернышевскимъ; да онъ и не станетъ съ вами спорить. Замашка останавливаться на голомъ фактѣ, на заглавіи, обнаруживается также въ томъ мѣстѣ, гдѣ г. Альбертини говоритъ о Пальмерстонѣ и Брайтѣ. Г. Чернышевскій въ «Полемическихъ красотахъ» говоритъ, что для удобства и для краткости называетъ одинъ типъ прогрессистовъ—Пальмерстономъ, другой—Брайтомъ. Предупредивъ такимъ образомъ читателя, онъ говоритъ: «Пальмерстонъ только тогда непоколебимъ, когда опирается на Брайта, и теряетъ власть, когда отталкиваетъ отъ себя Брайта.» Ясно, что это надо понимать такъ: «Англійское министерство, выставляющее на своемъ знамени девизъ прогресса, только тогда непоколебимо, когда опирается на ту часть англійской націи, которая дѣйствительно воодушевлена прогрессивными стремленіями.» Противъ этой мысли долженъ былъ возражать г. Альбертини, если онъ съ нею не согласенъ. Но онъ сдѣлалъ совсѣмъ не то. Онъ совершенно утаилъ отъ своихъ читателей тотъ смыслъ, который г. Чернышевскій придалъ именамъ Пальмерстона и Брайта; онъ беретъ слова г. Чернышевскаго au pied de la lettre и начинаетъ объяснять различіе между Пальмерстономъ и Брайтомъ, невозможность ихъ соединенія и грубость ошибки, сдѣланной критикомъ «Современника». Вся тирада эта, пущенная не противъ г. Чернышевскаго, а противъ какого-то воображаемаго противника, завершается такъ: «о такихъ вещахъ, объ азбукѣ современной политики, совѣстно толковать порядочнымъ людямъ, а вы меня хотите увѣрить, будто Пальмерстонъ тогда и силенъ, когда слушается Брайта. Какъ вамъ не совѣстно?» Кто не понимаетъ мысли своего противника, когда она выражена ясно, тотъ обнаруживаетъ слабоуміе. Кто не хочетъ понимать и умышленно искажаетъ мысль противника, тотъ поступаетъ безчестно и унижается до степени литературнаго фокусника («Отечественныя Записки» сказали бы даже: «мазурика»). Которое изъ этихъ двухъ объясненій благоволитъ принять г. Альбертини, не знаю, но думаю, что третьяго не съумѣютъ пріискать ни самъ онъ, ни литературные его сподвижники. Совѣстно-то будетъ, должно быть, не г. Чернышев-

скому.—Далѣе слѣдуетъ статья того же г. Альбертини объ Токвилѣ, какъ значится въ заглавіи, но героемъ статьи является все тотъ же г. Чернышевскій. Изъ этой статьи я выпишу нѣсколько умилительныхъ мѣстъ, и ничего не скажу объ общей идеѣ, потому что общей идеи нѣтъ. Авторъ силится доказать, что Токвиль—прекрасный человѣкъ, а Чернышевскій нахалъ и невѣжда, но прочтя его статью, читатель не выноситъ никакого понятія о французскомъ публицистѣ, и даже обвиненіе въ сумбурности, неосновательно взведенное на него г. Чернышевскимъ, не оказывается снятымъ. Избави Богъ отъ защитниковъ, подобныхъ г. Альбертини! они способны затемнить самое чистое дѣло и запутать самый простой вопросъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, казня своего лютаго врага, г. Альбертини возвышается до пафоса ироніи. «Неужели, восклицаетъ онъ, послѣ этого (т. е. обругавши Кавура и Токвиля) вы (Чернышевскій) осмѣлитесь еще требовать отъ нашей молодежи, чтобъ она серьезно училась? Полноте! Вы гордитесь, кажется, что васъ читаютъ съ удовольствіемъ. Знаете ли, кто читаетъ васъ съ истиннымъ удовольствіемъ? Все господа Якубовичи, да Кондыревы (безграмотные переводчики Токвиля). Оттого-то они и перевели такъ безобразно Токвиля, что васъ они читаютъ съ удовольствіемъ и позаимствовались отъ васъ тѣмъ пренебреженіемъ къ наукѣ, къ серьезной мысли и къ серьезному труду, котораго проповѣдникъ всегда найдетъ себѣ приверженныхъ адептовъ. Отчего же вы такъ несправедливы къ своему адепту, г. Якубовичу? Отчего же вы его обвиняете въ безсмыслицѣ? Еслибъ вы были послѣдовательны, вы его должны были бы погладить по головкѣ за то, что онъ такъ дико перевелъ писателя, по вашему, сумбурнаго.» Когда г. Альбертини говоритъ хладнокровно, тогда ему почти не нужна логика; разсказывать событія можно въ хронологическомъ порядкѣ; разсужденія можно заимствовать изъ плохихъ нѣмецкихъ газетъ; отсутствіе собственныхъ приговоровъ можно выдавать читателямъ за осторожность и серьезность. Недостатокъ логической связи и послѣдовательности можетъ пройти незамѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что русская публика читаетъ невнимательно, и съ обзоромъ политическихъ событій знакомится нестолько по ежемѣсячнымъ журналамъ, сколько по ежедневнымъ газетамъ. Но въ полемикѣ съ г. Чернышевскимъ вопросъ становится иначе. О Чернышевскомъ за границей не пишутъ, стало-быть о немъ надо говорить свое. Кромѣ того, сонливое спокойствіе, или что то же, историческое безпристрастіе, хранившееся въ

груди г. Альбертини, когда онъ разсуждалъ о Кавурѣ, Росселѣ и Пальмерстонѣ, исчезло; г. Чернышевскій задѣлъ самолюбіе нашего публициста и г. Альбертини началъ свое знаменитое: «quo usque tandem». Тутъ понадобилась хоть бы внѣшняя связь—и логика г. Альбертини (именно его собственная, исключительная логика) обозначилась. Проскользнула вмѣстѣ съ индивидуальною логикою и нравственная исповѣдь. Спохватитесь во-время, г. Альбертини! вы расточаете передъ нами сокровища вашей рыцарской литературной честности!

Вы находите: 1) что г. Чернышевскій долженъ былъ похвалить работу г. Якубовича, потому что г. Якубовичъ его адептъ, и 2) что г. Чернышевскій долженъ былъ обрадоваться безобразному переводу Токвиля, потому что онъ не соглашается съ его идеями. Вы упрекаете Чернышевскаго въ непослѣдовательности за то, что онъ не поступаетъ такимъ образомъ; значитъ, вы на его мѣстѣ поступили бы такъ, какъ совѣтуете ему поступить; такимъ образомъ вы даете намъ право воспроизвести двѣ слѣдующія статьи вашего нравственнаго кодекса: 1) Должно хвалить своихъ адептовъ, хотя бы они говорили вздоръ и дѣлали гадости. 2) Должно ругать наповалъ своихъ противниковъ, чернить ихъ всѣми правдами и неправдами и радоваться, если чернитъ ихъ кто-либо другой. Эти статьи вашего кодекса даютъ намъ ключъ къ пониманію вашей выходки противъ Чернышевскаго по поводу Брайта и Пальмерстона; ясно, что она сдѣлана не по наивности.

Понятнымъ дѣлается также слѣдующее мѣсто: «Мы могли бы трактовать его (Чернышевскаго), какъ трактовали нѣкогда г. Благосвѣтлова, какъ обыкновенно трактуютъ балаганныхъ паяцовъ, которыхъ все дѣло выкинуть штуку половче, показистѣе.» И Чернышевскій и Благосвѣтловъ извѣстны, какъ ваши литературные противники, *ergo* надо ругать. Дайте срокъ, г. Альбертини. Напишите еще двѣ-три статьи, подобныя разбираемой нами, проврitесь еще раза три, такъ, какъ проврались теперь, и ваша брань сдѣлается такъ же почетною, а похвала такъ же позорною, какъ брань и похвала юродствующаго редактора «Домашней Бесѣды.» Вотъ еще одна выписка, въ которой проведено тоже нравственное воззрѣніе. «Люди «Современника» находятъ, слѣдовательно, что авторитетъ Токвиля можетъ помѣшать воспринятію и усвоенію въ нашемъ обществѣ ихъ собственныхъ идей о тѣхъ самыхъ предметахъ, о которыхъ разсуждаетъ Токвиль; вотъ отчего и понадобилось имъ сокрушить его авторитетъ. Иначе зачѣмъ бы имъ было собирать грозу противъ Токвиля, доказывать

ему сумбурность, убѣждать своихъ читателей не читать Токвиля?»— Г. Альбертини хотѣлъ бросить въ Чернышевскаго большимъ комомъ грязи и самъ по-локоть выпачкалъ себѣ руки; всего смѣшнѣе то, что онъ самъ этого не замѣчаетъ и что другіе со стороны должны говорить ему: посмотрите на себя! что̀ вы съ собою сдѣлали! на что̀ вы похожи! Вѣдь по-вашему выходитъ, что назвать бѣлое бѣлымъ, а черное чернымъ можно только въ томъ случаѣ, если это доставляетъ вамъ прямую выгоду, если у васъ въ этомъ дѣлѣ свои расчеты. Представитель серьезной науки, служитель идеи, поборникъ истины, что̀ вы говорите! Вѣдь послѣ этого честному человѣку нельзя спорить съ вами, потому что вы въ отвлеченномъ спорѣ преслѣдуете только ваши выгоды, и въ собесѣдникѣ вашемъ предполагаете такія же тенденціи. Вы говорите возмутительныя вещи, и на васъ нельзя сердиться только потому, что вы сами не понимаете вѣса своихъ словъ. Вы несвѣдущи какъ ребенокъ, но какъ развращенный ребенокъ; вы говорите громко то, что̀ многіе думаютъ про себя; но то, что̀ вы говорите — все-таки дурно. Вашею непосредственностью уничтожается вмѣняемость преступленія, но публикѣ остается только недоумѣвать, ка̀къ это бѐзсознательно-лепечущій младенецъ можетъ писать и печатать серьезныя статьи? Впрочемъ, въ нашъ вѣкъ удивительныхъ изобрѣтеній все возможно. Есть молотильная машина, швейная машина, скоропечатная машина. Кто знаетъ, можетъ-быть, г. Краевскій прославится изобрѣтеніемъ машины, доставляющей за умѣренную плату журнальныя статьи произвольнаго объема и направленія! О г. Альбертини довольно. Его, вѣроятно, достаточно поняли мои читатели. Перехожу къ г. Бестужеву-Рюмину.

XV.

Статья г. Бестужева-Рюмина направлена противъ статьи г. Чернышевскаго «о причинахъ паденія Рима». Безтактность редакціи «Отечественныхъ Записокъ» обнаруживается вполнѣ въ помѣщеніи этой статьи въ августовской книжкѣ. Статья г. Чернышевскаго напечатана въ маѣ. Спрашивается, отчего г. Бестужевъ-Рюминъ ждалъ два мѣсяца и пустилъ свою статью именно послѣ іюльскихъ Полемическихъ красотъ? Вотъ единственный возможный отвѣтъ: «Отечественныя Записки» вѣрны тому принципу, который съ дѣтскою откровенностью

высказалъ г. Альбертини. Г. Чернышевскій вдвойнѣ врагъ ихъ: какъ членъ редакціи «Современника», и какъ авторъ Полемическихъ красотъ; его надо ругать, придираясь ко всякому удобному и неудобному случаю. Г. Бестужеву-Рюмину попадается въ руки подлая книга Дюбуа-Гюшана о римской имперіи. Чернышевскій тоже писалъ о римской имперіи. Прекрасный случай! Какъ отказать себѣ въ удовольствіи поставить рядомъ имена Дюбуа и Чернышевскаго; какъ не провести между ними параллели. Общаго нѣтъ ничего ни во внѣшности, ни въ содержаніи, ни въ направленіи ихъ трудовъ; нѣтъ ни малѣйшаго сходства, но зато впечатлѣніе на читателя будетъ произведено; иной довѣрчивый добрякъ (а на такую публику кажется сильно расчитываютъ «Отечественныя Записки») въ самомъ дѣлѣ повѣритъ, что Чернышевскій и Дюбуа-Гюшанъ одного поля ягоды; вотъ и цѣль сопоставленія будетъ достигнута. Позднее появленіе статьи г. Бестужева-Рюмина и ея заголовокъ предрасполагаютъ противъ нея; трудно себѣ представить, чтобы человѣкъ могъ написать что нибудь хорошее, когда онъ берется за перо съ твердымъ намѣреніемъ очернить своего противника. Искреннее воодушевленіе, кипучая діалектика, разительность доводовъ возможны при полемикѣ только въ томъ случаѣ, если вы спорите как представитель извѣстной идеи. Если же существуютъ личныя отношенія между полемизирующими сторонами и если эти личныя отношенія всплываютъ въ спорѣ, тогда полемика превращается въ перебранки, надоѣдаетъ публикѣ и возбуждаетъ въ ней законное презрѣніе. Чтеніе статьи г. Бестужева-Рюмина оправдало мое непріязненное предрасположеніе. Говоря о Дюбуа-Гюшанѣ, онъ ни съ того, ни съ сего вставляетъ язвительные (по его мнѣнію) намеки насчетъ поверхностности убогихъ фельетонистовъ, которые, черпая «свои идеи изъ юмористическихъ стишковъ, а познанія изъ кой-какихъ полубеллетрическихъ книгъ,» ненавидятъ «самое имя науки», потому что «нѣкогда профессоръ срѣзалъ его на экзаменѣ на какихъ нибудь грамматическихъ формахъ», и такъ далѣе, въ томъ же ядовитомъ родѣ. Не правда-ли, намеки такъ тонки, что читатель, неприготовленный спеціально, т. е. незнающій скрытыхъ страданій серьезнаго журнала, не пойметъ, въ чей огородъ г. Бестужевъ-Рюминъ мечетъ камни. Онъ говоритъ, что встрѣчаясь съ произведеніемъ такого убогаго фельетониста, «можно только улыбнуться и пойдти прочь; избіеніе невинныхъ дѣло очень легкое и потому мало привлекательное». Какой шутникъ г. Бестужевъ-Рюминъ! онъ впродолженіи двухъ мѣсяцевъ соби-

рался *улыбнуться*, а *пойдти прочь* рѣшается только написавши 15 страницъ; и все это ради убогаго фельетониста, ради невиннаго малютки, г. Чернышевскаго, котораго нашъ ученый критикъ можетъ такъ легко убить статьею, взмахомъ могучаго пера. Только серьезные люди способны шутить такъ естественно, мило, и главное, правдоподобно, какъ шутитъ г. Бестужевъ-Рюминъ. Серьезная часть статьи представляетъ въ патологическомъ отношеніи такое же замѣчательное явленіе, какъ и запоздавшая улыбка. Книга Дюбуа-Гюшана, нравственное состояніе современной французской литературы, римскій міръ, цезаризмъ и наполеонизмъ—все это только декораціи; живетъ и дѣйствуетъ среди этой грандіозной обстановки все то же лицо, убогій фельетонистъ, котораго не стоитъ даже оспаривать. Образъ г. Чернышевскаго какъ неотвязчивый призракъ, какъ мысль о любимой женщинѣ, преслѣдуетъ г. Бестужева-Рюмина, и наконецъ, наскоро развязавшись съ Дюбуа, пустивъ стороною нѣсколько тяжеловѣсныхъ сарказмовъ въ школьниковъ, вооружающихся «дѣтскою пращею противъ голіаѳовъ умственнаго міра», нашъ ученый критикъ всецѣло посвящаетъ себя статьѣ г. Чернышевскаго. Статьи этой онъ однако не понимаетъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, онъ, какъ сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ», останавливается на буквѣ и не возвышается до идеи. «Г. Чернышевскому, говоритъ онъ, захотѣлось доказать, что новымъ обществамъ не грозитъ той катастрофы, которая разрушила древній міръ». Помилуйте, г. Бестужевъ-Рюминъ. Чтобы доказывать такую штуку, надо быть Кифою Мокіевичемъ, а не г. Чернышевскимъ. Кто же боится подобной катастрофы? Даже заклятые Руссофилы перестали называть западъ гнилымъ и предрекать ему неминуемое разложеніе. Какъ же это вошла въ голову Чернышевскаго мысль доказывать то, противъ чего никто не споритъ, о чемъ даже никто (кромѣ Дюбуа-Гюшана, развѣ) не говоритъ? Статья Чернышевскаго вызвана книгою Гизо, появившеюся въ русскомъ переводѣ; въ этой статьѣ г. Чернышевскій возстаетъ противъ историческаго мистицизма и историческаго фразерства, которыя можно замѣтить даже у такого строгаго мыслителя, какъ Гизо. Большинство историковъ, въ томъ числѣ и доктринеръ Гизо, говорятъ, что древній міръ *долженъ* былъ пасть; что его опрокинула не стихійная сила, не Германцы, а внутренняя необходимость. Германцы являются какими-то chargés d'affaires историческаго промысла, являются потому, что понадобились живые соки въ историческомъ организмѣ. Словомъ, эти историки видятъ въ цѣпи событій

общую разумную идею. Г. Чернышевскій смотритъ на вещи проще и хладнокровнѣе. Онъ говоритъ, что за классическою цивилизаціею наступило варварство не потому, что такъ было необходимо, а потому, что такъ случилось. Классическій міръ погибъ оттого, что его буквально задавили варвары. Не будь варваровъ, онъ бы жилъ до сихъ поръ, и навѣрно выработалъ бы себѣ и новыя идеи, и новыя стремленія, и новыя бытовыя формы. Противъ этого возражать мудрено. Какъ же бы въ самомъ дѣлѣ погибла классическая цивилизація, еслибы никто не разорялъ городовъ, не жегъ книгъ, и не билъ людей? Положимъ, пролетаріатъ бы съ каждымъ годомъ увеличивался,—чтожъ изъ этого? Произошелъ бы какой нибудь переворотъ— — —Какъ бы ни было тяжело жить, а не могли же всѣ жители Рима разбѣжаться въ лѣса, уничтожить свои жилища и превратиться въ полудикихъ. Всѣ эти событія, обозначающія собою паденіе цивилизаціи, возможны только при напорѣ грубой матеріальной силы, т. е. опять-таки при нашествіи варваровъ, или, что почти то же самое, при геологическомъ перевороте. Стало-быть, основная мысль г. Чернышевскаго остается вѣрною: не будь варваровъ, не было бы и паденія древней цивилизаціи. Внутренней необходимости паденія не было. Но, доказывая вѣрную мысль, г. Чернышевскій, какъ съ нимъ часто бываетъ, заходитъ слишкомъ далеко, и впадаетъ въ парадоксъ. Онъ начинаетъ утверждать, что общество не бываетъ ни молодымъ, ни зрѣлымъ, ни старымъ, что измѣняются и старятся только отдѣльные люди, и что на мѣсто 20-тилѣтняго Петра выдвигается 20-ти-лѣтній Иванъ, потомъ 20-ти-лѣтній Андрей, обладающій тою же свѣжестью силъ и тѣми же юношескими стремленіями, какими въ свое время обладали состарѣвшіеся Иванъ и Петръ. Парадоксальное положеніе это опровергается двумя-тремя простыми вопросами: Г. Чернышевскій, неужели вы думаете воспитать вашего сына въ тѣхъ идеяхъ, въ какихъ васъ самихъ воспитали ваши родители? Г. Чернышевскій, неужели вы теперь пишете то же самое, что въ 1841 году писалъ баронъ Брамбеусъ? Г. Чернышевскій, неужели вы раздѣляете вѣрованія и предразсудки вашего дѣдушки? или неужели вашъ дѣдушка съ удовольствіемъ прочелъ бы вашу статью объ антропологическомъ принципѣ? Отвѣтивъ себѣ на эти вопросы, г. Чернышевскій немедленно убѣдится въ томъ, что онъ теперь не то, чѣмъ былъ, лѣтъ 20 тому назадъ, его отецъ и что сынъ его (г. Чернышевскаго) будетъ, лѣтъ черезъ 20 не то, что теперь г. Чернышевскій. Убѣдившись въ этомъ, онъ допуститъ для

общества возможность крѣпнуть и дряхлѣть, но все-таки никогда не согласится съ тѣмъ, чтобы общество могло одичать, а цивилизація погибнуть безъ внѣшняго напора матеріальной силы. Философскую часть статьи г. Чернышевскаго г. Бестужевъ-Рюминъ совершенно оставляетъ безъ вниманія. Онъ приступаетъ къ разбору журнальной критической статьи, какъ къ оцѣнкѣ спеціальнаго, историческаго изслѣдованія. Онъ сражается не съ идеею, а съ отдѣльными фактами, и, сказать правду, сражается крайне неудачно. «Точно-ли, спрашиваетъ онъ, Риму нужно было ждать варваровъ, чтобы погибнуть? Что же, Марій съ своими когортами, Сулла съ проскрипціями, тріумвиры съ своими знаменитыми пожертвованіями были лучше варваровъ?... Не измѣнилось-ли подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій римское общество, не перемѣнился-ли самый составъ его, не перемѣшались-ли его элементы?» Ну что же изъ этого слѣдуетъ?—Общество измѣняется, элементы перемѣшиваются, а классическая цивилизація все-таки живетъ, и люди все-таки не превращаются въ дикарей, несмотря ни на когорты Марія, ни на проскрипціи Суллы, ни на пожертвованія тріумвировъ. Но приходятъ варвары, рѣжутъ цѣлыя населенія, сжигаютъ города,—и цивилизація тонетъ въ крови, задыхается подъ пепломъ и мусоромъ. Вы сами, г. Бестужевъ-Рюминъ, возражая г. Чернышевскому, говорите то, что сказалъ онъ въ своей статьѣ. Послѣ Марія, Суллы и тріумвировъ классическій міръ дышалъ цѣлыя пять столѣтій, сопротивляясь даже внѣшнему напору Германцевъ. А еслибы не было этого внѣшняго напора, мы не знаемъ, какъ бы повернулись дѣла. Протестъ противъ военнаго деспотизма, противъ угнетенія рабовъ, противъ господствовавшаго разврата слышался съ разныхъ сторонъ; протестовали философы, поэты, историки; протестовали жизнью и смертью христіанскіе мученики, египетскіе терапевты, и чисто эллинскіе новоплатоники. Въ законодательствѣ и въ судебной практикѣ замѣчаются около времени Антониновъ нѣкоторыя смягченія, участь рабовъ облегчается, увольненіе раба становится легче и прочнѣе. Очень правдоподобно, что древній міръ извернулся бы своими средствами, еслибы его не скрутили внѣшнія обстоятельства. Мало того, иначе даже и не могло бы случиться. Мыслимо-ли, чтобы какой нибудь народъ умеръ естественною смертью, если его не тѣснятъ снаружи? А вѣдь древній міръ представлялъ собою, какъ выражается самъ г. Бестужевъ-Рюминъ, «конгломератъ народовъ». Каково бы ни было истощеніе его духовныхъ силъ, а умереть онъ не могъ. Переворотъ былъ неизбѣженъ, но са-

мый этотъ переворотъ и предупредилъ бы гибель; какъ только зло, или, проще, неудобство общественнаго устройства становится невыносимымъ для большинства гражданъ, такъ это устройство и сваливается, какъ засохшій струпъ, какъ безполезная чешуя. Такъ, безъ сомнѣнія, случилось бы и съ Римомъ. Но г. Бестужевъ-Рюминъ, какъ идеалистъ, не можетъ помириться съ трезвымъ воззрѣніемъ г. Чернышевскаго. «Жаль, говоритъ онъ, что вы не взглянули на римскую имперію еще съ другой, весьма поучительной точки зрѣнія. Въ Римѣ матеріальная цивилизація была доведена до послѣднихъ предѣловъ; житейскій комфортъ, роскошь, все это развивалось до размѣровъ громадныхъ. Кажется, чего бы лучше; человѣчество должно бы благоденствовать. Мало того: равенство было совершенное; правда, существовали рабы, но и съ ними, какъ непобѣдимо доказываетъ г. Дюбуа, обходились человѣколюбиво.... Чего же недоставало Риму? Тѣхъ учрежденій, которыми онъ нѣкогда былъ силенъ, и тѣхъ дѣятелей, тѣхъ воззрѣній, которые немыслимы въ душной атмосферѣ цезарскаго Рима. Вотъ чего ему недоставало; недоставало сознанія, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», недоставало даже возможности и силы всецѣло принять въ себя это сознаніе». Это мѣсто характеристично, какъ по своей фразистости, такъ и по полному незнанію предмета, которое обнаруживаетъ въ немъ г. Бестужевъ-Рюминъ. Развратъ, чувственность, преобладаніе матеріи надъ духомъ — вотъ тѣ свойства, которыя съ плеча приписываютъ древнему міру люди знающіе его кос-какъ, изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. «Древній Римъ утопалъ въ роскоши и въ развратѣ; древнія доблести его померкли» скажетъ вамъ любой гимназистъ по Кайданову или Смарагдову; то же самое говоритъ намъ и серьезный критикъ. «Риму недоставало сознанія, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», т. е. недоставало аскетизма. Странно! Справьтесь съ любою исторіею древней философіи (возьмите наприм. 4-й томъ Генриха Риттера) и вы увидите, что во времена императоровъ философы всѣхъ школъ (кромѣ эпикурейцевъ) сошлись между собою въ аскетическихъ и мистическихъ стремленіяхъ. Но что же могъ сдѣлать аскетизмъ? Высосать тѣ живыя силы, которыя могли составить энергическую оппозицію. Такъ онъ и сдѣлалъ. Чистые аскеты, ново-платоники и ново-пиѳагорейцы удалились въ міръ призраковъ и галлюцинацій, изморили себя постною пищею и пустыми обрядами, и, стремясь стать выше земнаго, сдѣлались неспособны ни къ чему земному. У нихъ были живыя идеи, но

эти идеи были завалены хламомъ самоистязанія и фантазерства, тѣмъ сознаніемъ, надъ которымъ умиляется г. Бестужевъ-Рюминъ. Чего другаго, а аскетизма и суевѣрія было въ Римѣ довольно. Изумительно также то проворство, съ которымъ г. Бестужевъ-Рюминъ отдѣлывается отъ рабства, составляющаго самую больную сторону древней цивилизаціи. Шутка ли это надъ г. Чернышевскимъ, или дѣйствительное мнѣніе г. Бестужева-Рюмина — все равно. Въ нашемъ молодомъ обществѣ шутить вещами подобными рабству — неумѣстно; обходить такіе вопросы въ серьезной статьѣ серьезнаго журнала, или относиться къ нимъ слегка — просто непозволительно. Это значитъ играть словами, маскируя отъ читателя ихъ истинный смыслъ. «Нѣтъ, г. Чернышевскій, мало одной матеріальной цивилизаціи, мало накормить народъ, продолжаетъ нашъ критикъ; надо еще способствовать его развитію; а этого Римъ не могъ сдѣлать». Я узнаю въ этихъ словахъ духъ того журнала, въ которомъ былъ помѣщенъ проэктъ г. Щербины о «читальникѣ». Учить народъ, пускать въ продажу книги для чтенія — все это дѣло извѣстное. А не лучше ли было бы «накормить народъ», не заваливая его непосильною работою. Досугъ и матеріальное довольство порождаютъ цивилизацію; упрочьте экономическій бытъ, обезпечьте матеріальную сторону, и народъ, скорѣе чѣмъ вы думаете, примется читать и даже писать книги. А на голодный желудокъ какъ-то плохо дѣйствуетъ книжное ученіе. «Отечественныя Записки» говорятъ: помогайте народу развиваться, а мы говоримъ: не мѣшайте народу, удалите препятствія, онъ самъ разовьется. Кто изъ насъ правъ?

Далѣе г. Бестужевъ-Рюминъ винитъ статью г. Чернышевскаго въ томъ, что ея послѣднее слово «преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ всѣми другими условіями существованія общества, то есть именно то, что такъ долго старались втолковать намъ, и, кажется, не безъ успѣха, но отъ чего пора намъ излечиваться: общества чисто матеріальныя создаютъ «движимый кредитъ», книгу г. Дюбуа и цезаризмъ». Что значатъ слова «*что такъ долго старались втолковать намъ*»? Кто же это втолковалъ намъ доктрину матеріализма? Да и возможна ли пропаганда матеріализма въ такомъ обществѣ, гдѣ до нашихъ временъ, до нынѣшняго года существовало крѣпостное право? Вѣдь только идеалистическое воззрѣніе, говорящее, что высокая степень духовнаго развитія даетъ *право* одному человѣку брать опеку надъ другимъ, только такое воззрѣніе, говорю я, можетъ оправдывать порабоще-

ніе личности. Да и кромѣ того, пора взять въ толкъ, что неудовлетвореніе какой бы то ни было матеріальной потребности кладетъ непреодолимое препятствіе дальнѣйшему развитію, физическому, духовному, нравственному, интеллектуальному—какому угодно, назовите какъ хотите. Когда человѣкъ голоденъ—прежде всего накормите его; когда у человѣка спина болитъ отъ побоевъ—позаботьтесь прежде всего о томъ, чтобы вылечить его и обезпечить его отъ подобныхъ пассажей на будущее время; когда человѣкъ изнуренъ непосильною работою — дайте ему отдохнуть. Прежде всего надо устранить физическое страданіе личности, а потомъ учить ее и развивать, или, даже лучше всего, предоставить это дѣло на благоусмотрѣніе каждаго отдѣльнаго лица, давая средства желающимъ, и удаляя всѣ препятствія къ дальнѣйшему развитію. Аргументъ, преводимый г. критикомъ «общества чисто матеріальныя создаютъ движимый кредитъ» и т. д.—звонкая фраза. Вообразите себѣ, что даровитый молодой человѣкъ въ теченіи 20-ти лѣтъ жизни испытываетъ разныя неудачи, утраты и разочарованія; въ 40 лѣтъ онъ старикъ по взгляду на жизнь; онъ полнѣйшій матеріалистъ, скептикъ въ отношеніи къ людямъ, эгоистъ въ общепринятомъ, узкомъ смыслѣ этого слова, человѣкъ сухой, холодный, брюзгливый и тяжелый. Правильно ли вы поступите, если свалите насчетъ его матеріалистическихъ убѣжденій причину всѣхъ его недостатковъ. Эти недостатки пришли къ нему вмѣстѣ съ матеріалистическими убѣжденіями, но не вслѣдствіе этихъ убѣжденій; этого человѣка окислила жизнь; эта же жизнь дала ему трезвость взгляда, въ которой надо видѣть искупляющую сторону, возмездіе за понесенныя страданія и испытанныя нравственныя поврежденія. Путей ведущихъ къ матеріалистическимъ убѣжденіямъ очень много; одни легче, другіе тяжеле, одинъ дойдетъ до нихъ простымъ, теоретическимъ размышленіемъ, не состарѣвшись душою, или, точнѣе, чувствами, другой доберется до нихъ жизнью, и купитъ ихъ дорогою цѣною молодости и свѣжести; винить въ этомъ онъ все-таки долженъ не воспринятыя убѣжденія, а обстоятельства своей собственной жизни. Чтó примѣняется къ отдѣльному человѣку, то можно примѣнить и къ обществу. Современное французское общество испорчено политическими событіями послѣдняго пятидесятилѣтія; лучшіе французскіе писатели сознаются въ томъ, что рядъ неудачныхъ революцій породилъ поколѣніе людей, смотрящихъ на государственные перевороты какъ на азартную игру, и ставящихъ на карту послѣднюю копѣйку, въ надеждѣ пробить себѣ дорогу къ почестямъ, удов-

летворяющимъ требованіямъ мелкаго самолюбія. Играя такимъ образомъ великими словами и интересами, эти господа дошли до политическаго скептицизма, до меркантильности, и вмѣстѣ съ тѣмъ добрались, путемъ чистаго опыта, до матеріалистическихъ убѣжденій. Матеріалистъ можетъ быть брюнетомъ и блондиномъ, честнымъ и безчестнымъ человѣкомъ, страстнымъ и холоднымъ,—неужели же всѣ эти свойства выработались изъ его умственныхъ убѣжденій? Повторяю, аргументъ г. Бестужева-Рюмина просто звонкая фраза. Вся критическая статья его несовременна ни по своему направленію, ни по своей фактической сторонѣ. Изложеніе ея неясно, доказательства неубѣдительны и разбросаны. Полемическая тенденція бросается въ глаза читателю и не гармонируетъ съ тономъ серьезнаго безпристрастія, который авторъ напрасно усиливается принять и выдержать до конца.

XVI.

Если вы, гг. читатели, желаете посмотрѣть, какъ г. Дудышкинъ умѣетъ быть игривымъ и остроумнымъ, то приглашаю васъ пробѣжать обзоръ Русской литературы въ августовской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ отъ стр. 140—146. Тутъ г. Чернышевскій сравненъ съ траппистомъ, съ аскетомъ; причемъ г. Дудышкинъ сознается, что самъ не знаетъ, почему это ему такъ кажется; тутъ приведены два куплета изъ лермонтовскаго Пророка; тутъ г. Дудышкинъ удивляется г. Чернышевскому, «какъ рѣдкости, какъ антику»; всего не перечтешь. Чтобы передать весь комизмъ этой чисто полемической части, нужно было бы переписать цѣлыя шесть страницъ, но я полагаю, что игра не стоитъ свѣчъ и спѣшу перейти къ тѣмъ отдѣламъ статьи, въ которыхъ г. Дудышкинъ излагаетъ мысли, а не играетъ словами. Натѣшившись ѣдкими выходками противъ г. Чернышевскаго, г. Дудышкинъ начинаетъ съ того, что отстаиваетъ свой журналъ противъ упрека въ отсутствіи направленія и единства; этотъ упрекъ г. Дудышкинъ обращаетъ въ похвалу. «А вы нашли дурнымъ, говоритъ онъ, что въ Отечественныхъ Запискахъ нѣсколько частныхъ редакторовъ, завѣдывающихъ отдѣлами! Бѣда не въ томъ, что нѣсколько редакторовъ, а въ томъ, что ихъ не больше. Чѣмъ больше въ журналѣ спеціалистовъ, тѣмъ онъ меньше живетъ общими мѣстами, непригодными для жизни; тогда только возможны не теоретиче-

скія, вычитанныя изъ иностранныхъ книжекъ, сужденія о предметахъ русскаго міра, а болѣе практическія; примѣнимыя къ дѣлу». Г. Дудышкинъ прикидывается, будто вовсе не понимаетъ того, о чемъ говоритъ г. Чернышевскій. Я говорю «прикидывается», потому что рѣшительно не могу себѣ представить, чтобы журналистъ, занимающійся своимъ дѣломъ больше десяти лѣтъ, не зналъ азбучныхъ правилъ этого дѣла. Ему говорятъ о томъ, что редакторы и сотрудники его ходятъ какъ въ потьмахъ, сталкиваются мнѣніями, противорѣчатъ другъ-другу и этимъ затемняютъ всѣ представляющіеся вопросы, а онъ отвѣчаетъ на это: «Нѣтъ, вы не говорите, что насъ слишкомъ много. Ка-бы больше было, было бы лучше». Да Богъ съ вами, господа! Будь васъ хоть сто человѣкъ, публикѣ это все равно, лишь бы вы говорили толкомъ, такъ, чтобы можно было понять, чего вы хотите, съ чѣмъ спорите, съ чѣмъ соглашаетесь. Спеціалисты по разнымъ отдѣламъ могутъ, сколько мнѣ кажется, сходиться въ области общечеловѣческихъ убѣжденій, точно также, какъ въ этой же области могутъ сходиться между собою люди различныхъ темпераментовъ. Если же принимать слова г. Дудышкина за чистую монету, то надо предположить, что онъ не подозрѣваетъ существованія этой области общечеловѣческихъ убѣжденій, и что онъ кромѣ того не имѣетъ никакого понятія о томъ, что идея, которую проводитъ журналъ, составляетъ его единственное право на существованіе, его разумное оправданіе и объясненіе передъ лицемъ читающей публики. Изъ продолженія статьи оказывается впрочемъ, что этотъ отвѣтъ г. Чернышевскому былъ сдѣланъ только для того, чтобы представить его нападеніе смѣшнымъ. Эти тенденціи я замѣтилъ уже у гг. Альбертини и Бестужева-Рюмина. Онѣ существуютъ и у г. Дудышкина и выражаются чаще и страстнѣе. Продолженіе его статьи говоритъ намъ, какъ онъ понимаетъ направленіе Отечественныхъ Записокъ. Эта исповѣдь Отечественныхъ Записокъ въ лицѣ ихъ втораго редактора въ высшей степени замѣчательна. Г. Дудышкинъ доказываетъ, что Отечественныя Записки постоянно поддерживали слѣдующія воззрѣнія:

1) Въ области экономическихъ наукъ—онѣ, пользуясь сотрудничествомъ Бунге, Бабста и другихъ людей, раздѣляющихъ ихъ убѣжденія, хваля Кери, Милля, Бастіа, были постоянно на сторонѣ практичности, и постоянно боролись съ утопистами и съ экономическими статьями г. Чернышевскаго.

2) Въ области политической, онѣ *во всѣхъ отдѣлахъ* хвалили Кавура, Маколея, Токвиля, Гизо, какъ людей теоріи, близкой къ дѣлу, какъ людей, высоко цѣнившихъ и высоко поставившихъ законъ исторической постепенности.

3) Литературу и поэзію онѣ считали тѣсно связанною съ народною жизнью и ея лучшими духовными проявленіями, высшимъ проявленіемъ всего великаго и прекраснаго въ человѣкѣ.

Итакъ практичность въ дѣлахъ житейскихъ, и уваженіе къ чистому искуству—вотъ девизъ Отечественныхъ Записокъ. Такое благообразное слово, какъ *практичность*, способно подкупить въ свою пользу многихъ читателей, но, какъ это часто бываетъ, названіе и предметъ оказываются двумя различными вещами. Всегда ли практичность есть хорошее качество? Практичностью называется способность примѣняться къ существующему порядку вещей, мириться съ нимъ, извлекать изъ него пользу. Если существующій порядокъ хорошъ, т. е. удобенъ для всѣхъ, тогда практичность — великое достоинство. Если же онъ дуренъ, тогда практичность достается на долю людей дюжинныхъ, робкихъ, ограниченныхъ, дряблыхъ или плутоватыхъ; эти люди или молча покоряются «обстоятельствамъ,» «судьбѣ, или ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Люди замѣчательные въ такія эпохи бываютъ или восторженными мечтателями, или суровыми отрицателями, или презрительными скептиками. Утопія, ювеналовская сатира и демоническій смѣхъ слышатся съ высотъ умственнаго міра; между тѣмъ, золотая посредственность, люди мелко плавающіе, съ удивленіемъ и съ непріязненнымъ чувствомъ прислушиваются къ этимъ рѣзкимъ звукамъ. «Что за странный народъ эти мыслители и поэты! говорятъ они. Чего имъ хочется! Намъ хорошо, покойно. Жили бы они себѣ, какъ мы живемъ.» Воля ваша, эти люди практичнѣе тѣхъ чудаковъ, которые попусту надсаживаются, толкуя о возможности лучшаго, ругая безобразіе существующихъ понятій и отношеній, или смѣясь надъ тѣми системками и идейками, которыми тѣшатся современники. Быть практичнымъ значитъ соглашаться съ мнѣніемъ большинства или силы. Чиновникъ, берущій взятки тамъ, гдѣ всѣ берутъ, практиченъ; практиченъ тотъ, кто не умнѣе, и не глупѣе большинства; все, что стоитъ выше уровня массы, непрактично; оттого-то всѣхъ великихъ людей цѣнятъ обыкновенно послѣ ихъ смерти; оттого—то геніальная личность при жизни встрѣчаетъ столько страданій, столько насмѣшекъ, столько грубаго непониманія. «Вы находите, говоритъ г.

Дудышкинъ г. Чернышевскому, политическія убѣжденія такихъ людей, какъ Кавуръ, мизерными—мы ихъ находимъ практичными». Этими словами, г. Дудышкинъ, вы охарактеризовали превосходно себя, свой журналъ, своихъ сотрудниковъ, все свое направленіе. Вы хвалите то, что вамъ по плечу,—а по плечу вамъ то, что кажется мизернымъ утопистамъ, т. е. людямъ, смотрящимъ дальше, чувствующимъ глубже и говорящимъ смѣлѣе. Еслибы вы жили во времена Галилея, вы бы были въ числѣ его судей; въ наше время вы ограничитесь тѣмъ, что назовете Сенъ-Симона сумашедшимъ, а Оуэна старымъ идіотомъ. Такъ, что ли?— А вѣдь я вамъ укажу на противорѣчіе, г. Дудышкинъ. Если ваше уваженіе къ чистому искуству—не фраза, если вы дѣйствительно способны чувствовать прекрасное, то вы, какъ художникъ, должны восхищаться утопіями, величественными построеніями человѣческаго ума, сбросившаго всякія оковы, и идущаго впередъ съ неудержимою силою, съ неотразимою послѣдовательностью. Какъ художникъ, вы при оцѣнкѣ ихъ должны быть способны стать выше мизернаго взгляда сухой практичности; если же вы хоть на минуту посмотрите на нихъ какъ на созданія сильнаго ума, а не какъ на бредъ сумашедшаго, если вы только дадите себѣ трудъ взглянуть на нихъ серьезно, то вы, какъ критикъ, должны будете сознаться, что во всѣхъ этихъ утопіяхъ есть одна хорошая сторона: отрицаніе существующихъ нелѣпостей и желаніе стать выше ихъ. Вы цитируете, какъ практическихъ мыслителей, Бокля и Милля. Да вѣдь Бокль и Милль Англичане. Поймите это, г. Дудышкинъ. Говоря объ отношеніяхъ Отечественныхъ Записокъ къ эстетическимъ интересамъ, г. Дудышкинъ самодовольно противупоставляетъ свободное искуство искуству, порабощенному интересомъ общественнаго и экономическаго быта. Я раздѣляю съ г. Дудышкинымъ его отвращеніе къ дидактизму, къ поучительнымъ повѣстямъ и къ комедіямъ съ добродѣтельною цѣлью. Но позволю себѣ замѣтить, что бываютъ такія дѣловыя эпохи, когда всѣ мыслящіе и чувствующіе люди, а слѣдовательно и художники, поневолѣ заняты насущными нуждами общества, нетерпящими отлагательства, и грозно, настоятельно требующими удовлетворенія. Въ такія эпохи вся сумма умственныхъ силъ страны бросается въ омутъ дѣйствительной жизни. Тогда историкъ поневолѣ дѣлается страстнымъ адвокатомъ или безпощаднымъ судьею прошедшаго; поневолѣ поэтъ дѣлается въ своихъ произведеніяхъ поборникомъ той идеи, за которую онъ стоитъ въ своей практической дѣятельности. Безприст-

растіе, эпическое спокойствіе въ подобныя эпохи доступны только людямъ холоднымъ или мало развитымъ, людямъ, которые или не понимаютъ, или не хотятъ понять въ чемъ дѣло, объ чемъ хлопочутъ, отчего страдаютъ, къ чему стремятся ихъ современники. Читая Фета или Полонскаго, я буду отдавать справедливость благоухающей граціи ихъ картинъ и мотивовъ, но рѣшительно откажу и тому и другому въ обширности горизонта, въ глубинѣ кипучаго чувства, въ смѣлости и зоркости взгляда. Замѣчательный поэтъ откликнется на интересы вѣка, не по долгу гражданина, а по невольному влеченію, по естественной отзывчивости. Стоитъ стать на эту точку зрѣнія, чтобы увидать, что всѣ споры о назначеніи искуства—просто переливаніе изъ пустаго въ порожнее. На-повѣрку-то и выйдетъ, что девизъ Отечественныхъ Записокъ «практичность и служеніе чистому искуству» сводится на возгласъ: «Vivat aurea mediocritas» (да здравствуетъ золотая посредственность!), потому что только золотая посредственность способна наслаждаться идеями, невыходящими изъ уровня мѣщанской практичности, только она способна въ дѣлѣ искуства руководствоваться предвзятою теоріею, а не живымъ непосредственнымъ чувствомъ; исповѣдь Отечественныхъ Записокъ подтверждаетъ то, что я сказалъ въ ихъ общей характеристикѣ. Ненависть къ свистунамъ, отстаиваніе серьезной науки, т. е. неумѣніе возвыситься отъ факта до идеи, безцвѣтность летературной критики, отсутствіе ясныхъ житейскихъ убѣжденій при вывѣскѣ практичности, все объясняется однимъ словомъ «золотая посредственность», или, что то же, безплодное трудолюбіе, и безцѣльная кропотливость.

XVII.

Не довольно ли, читатель? Не пора ли кончить?—Скажу еще нѣсколько словъ. Въ дѣлѣ г. Юркевича, Отечественныя Записки конечно стоятъ на его сторонѣ, во-первыхъ, потому что онъ противъ г. Чернышевскаго, во-вторыхъ потому, что онъ за рутину, въ-третьихъ потому, что его доводы чрезвычайно туманны, какъ вообще доводы идеалистовъ, старающихся поддержать свои построенія путемъ діалектики. Спорить съ г. Юркевичемъ уже потому было бы смѣшно, что за этимъ споромъ не стала бы слѣдить публика. Если ужъ кому нибудь придетъ желаніе поспорить съ нимъ, то гораздо лучше сдѣ-

лать это путемъ частнаго письма, вмѣсто того, чтобы заваливать журналъ неудобоваримыми статьями. Отечественныя Записки гостепріимно предлагаютъ г. Чернышевскому свой журналъ для веденія полемики съ Юркевичемъ. Въ этомъ предложеніи онѣ остаются строго вѣрны себѣ. Онѣ любятъ тѣ статьи, которыя ошеломляютъ публику сухостью предмета, туманностью изложенія и баснословнымъ количествомъ мудреныхъ терминовъ. Признавая себя круглымъ невѣждою въ дѣлѣ философіи, г. Дудышкинъ обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ общую черту людей темныхъ, охоту послушать то, чего не понимаешь. Но что касается до г. Чернышевскаго, то, мы надѣемся, что для увеселенія г. Дудышкина онъ не приметъ радушнаго приглашенія Отечественныхъ Записокъ и не возобновитъ съ ними тѣхъ сношеній, которыя, какъ язвительно замѣчаетъ г. Дудышкинъ, были прерваны по поводу его знаменитой диссертаціи.

Въ заключеніе моей статьи мнѣ остается только довести до свѣдѣнія публики неблагообразный поступокъ г. Дудышкина, касающійся уже лично меня. Въ іюльской книжкѣ Русскаго Слова я помѣстилъ статью объ одной книгѣ Молешота; статья эта, какъ и слѣдовало ожидать, не понравилась г. Дудышкину, какъ почитателю г. Юркевича. Желая побить Чернышевскаго его же оружіемъ, г. Дудышкинъ воспользовался моею статьею, чтобы показать, до какихъ нелѣпыхъ заключеній доводитъ гибельное лжемудріе. «Школа, къ которой принадлежитъ г. Чернышевскій, пишетъ ученый критикъ, говоритъ намъ: ни нравственныхъ, ни общественныхъ причинъ въ развитіи общества не существуетъ, существуютъ однѣ матеріальныя причины.» Затѣмъ слѣдуетъ выписка изъ моей статьи, выписка изумительно нелѣпая по своему содержанію; вотъ она: «Бѣдная Ирландія никогда не выйдетъ изъ того несчастнаго положенія, въ которомъ находится, пока будетъ ѣсть картофель и не замѣнитъ его чечевицею или бобами; реформація, сильно развившаяся на сѣверѣ Германіи, обязана своими успѣхами введенію въ употребленіе чаю; англійская революція обязана своимъ страстнымъ характеромъ кофею; повсемѣстное развитіе идей въ началѣ XVIII столѣтія происходитъ отъ введенія въ общее употребленіе чаю и кофе.» Прочитавъ эту выписку, я ужаснулся. Неужели я могъ написать такую чепуху? Неужели я нашелъ въ англійской революціи страстный характеръ, и вывелъ его изъ кофе? Неужели я объяснилъ реформацію чаемъ? Во мнѣ шевельнулось сомнѣніе; я внимательно просмотрѣлъ всю мою статью, и совершенно успокоился. Того мѣста,

которое выписалъ г. Дудышкинъ, въ ней *положительно нѣтъ*. Говорится въ ней и объ Ирландіи, и объ сѣверной Германіи, объ чаѣ и кофе, но только въ разныхъ мѣстахъ и совсѣмъ не такъ, какъ выписываетъ г. Дудышкинъ. Вотъ напр. объ Ирландіи (Русское Слово 1861. Іюль. Иностр. лит. стр. 31):

«Можетъ ли, восклицаетъ Молешотъ, лѣнивая картофельная кровь придавать мускуламъ силу для работы, и сообщать мозгу животворный толчокъ надежды? Бѣдная Ирландія! Твоя бѣдность родитъ бѣдность! Ты не можешь остаться побѣдительницею въ борьбѣ съ гордымъ сосѣдомъ, которому обильныя стада сообщаютъ могущество и бодрость.»

А вотъ что сказано о реформаціи и объ чаѣ (стр. 50): «Генрихъ Кенигъ говоритъ, что кофе принадлежитъ католикамъ, а чай протестантамъ. Дѣйствительно, тщательныя наблюденія показали, что кофе развиваетъ силу воображенія, а чай изощряетъ критическую способность ума; въ сѣверной Германіи преобладаетъ чай, въ южной кофе. Движеніе идей, начавшееся въ XVIII столѣтіи, совпадаетъ съ введеніемъ въ Европу чая и кофе во всеобщее употребленіе.» Эти слова составляютъ почти буквальный переводъ изъ Молешота. О страстномъ характерѣ англійской революціи, о распространеніи реформаціи посредствомъ чая—ни слова. Нелѣпости, сочиненныя г. Дудышкинымъ, по всѣмъ правамъ принадлежатъ ему самому. Не знаю, какъ оправдаетъ или объяснитъ свой поступокъ г. Дудышкинъ; я считаю этотъ поступокъ *неизящнымъ* и печатно называю его *литературнымъ подлогомъ*.

Д. ПИСАРЕВЪ.

1861.
3 сентября.

Униженные и оскорбленные. Романъ въ 5-ти час. Ѳ. Достоевскаго.

Многіе, и даже, къ сожалѣнію, можно сказать большинство читателей, требуютъ отъ романа и повѣсти болѣе или менѣе интереснаго разсказа, который бы ихъ занялъ въ свободное отъ занятій время; ожидаютъ отъ него только одного развлеченія; словомъ, видятъ во всей изящной литературѣ нѣчто замѣняющее для нашего возраста дѣтскую сказку.

Конечно, каждому изъ насъ случалось заслушиваться простодушнаго разсказа нашей няни про Бову-Королевича, про Мальчика съ пальчикъ и т. п., случалось даже и во снѣ припоминать этотъ разсказъ, который тогда какъ-то перерождался, принималъ болѣе фантастическія формы, переплетался съ какою-нибудь другою сказкою и сильно дѣйствовалъ на воображеніе. Конечно, эти горячія впечатлѣнія очень много содѣйствовали развитію нашего воображенія, нашихъ умственныхъ способностей, содѣйствовали этому, такъ сказать,—механически; мы въ то время не могли даже остановиться на настоящемъ смыслѣ сказки, котораго естественно и не понимали. Конечно, прибавимъ мы еще, литература и тогда уже можетъ быть намъ полезною, когда она просто остается для насъ однимъ повѣствованіемъ разнородныхъ фактовъ, замѣняя намъ дѣтскія сказки, доставляя пріятное развлеченіе, развивая въ насъ способность представлять себѣ живые образы въ головѣ, отвлекая насъ отъ обыденныхъ нашихъ заботъ и треволненій, и тѣмъ какъ бы противудѣйствуя общему влеченію всѣхъ насъ *къ матеріальной* жизни. Но въ то же время серьезная критика не можетъ довольствоваться этимъ. Она имѣетъ право требовать отъ писателя несравненно болѣе важной цѣли, чѣмъ простое развлеченіе читателя. За это одно она не можетъ признать сочиненіе истинно *художественнымъ произведеніемъ*.

Прежде всего обращаетъ вниманіе всякаго читателя *внѣшняя сторона* сочиненія, т. е. самый разсказъ, слогъ писателя, умѣнье владѣть русской рѣчью, болѣе или менѣе занимательныя сплетенія разныхъ эпизодовъ, личностей, т. е. содержаніе предлагаемой повѣсти или романа. Эти двѣ стороны произведенія оцѣниваются довольно вѣрно каждымъ читателемъ, нѣсколько привыкшимъ

къ чтенію. Затѣмъ серьезному критику остается разобрать и *внутреннее значеніе* романа. Этотъ разборъ, этотъ анализъ уже несравненно сложнѣе перваго и требуетъ прежде всего иной точки зрѣнія. Тутъ уже недостаточно того, что романъ читается легко, можетъ васъ завлечь, или доставить вамъ пріятную минуту, но надо еще вникнуть въ самую сущность идеи автора, надо узнать,—съ какою цѣлью этотъ романъ написанъ, что̀ хотѣлось автору разъяснить въ немъ, что̀ хотѣлось ему высказать?— Можетъ быть, — облегчить какой-нибудь соціальный недостатокъ нашего времени, можетъ быть, — развить какую-нибудь философскую идею, выставить наглядно, пластично, — часто встрѣчаемый всѣми нами *типъ* и показать, ка̀къ и въ какихъ обстоятельствахъ этотъ типъ возможенъ, какъ онъ развивается, чѣмъ живетъ, отчего онъ теперь становится все рѣже и рѣже, а также можно ли ожидать, что онъ совершенно исчезнетъ?

Изъ *художественнаго* слiянія этихъ двухъ элементовъ романа, а именно: его *внѣшней* стороны съ *внутренней*, можетъ только возникнуть истинно художественное произведеніе. Правда, такія произведенія во всѣхъ литературахъ встрѣчаются рѣдко; но все же они есть и мы могли бы указать ихъ въ достаточномъ количествѣ и въ нашей литературѣ, какъ, напримѣръ, произведенія Гоголя, нѣкоторые романы и повѣсти Тургенева, Марко-Вовчка, Писемскаго и многія другія. Преобладаніе одного изъ двухъ элементовъ естественно уничтожаетъ настоящую гармонію, стало-быть, вредитъ художественности всего произведенія.

Явное преобладаніе одной *внѣшней стороны*, или, лучше сказать, полное отсутствіе *внутренняго* значенія повѣсти, приводитъ насъ къ тому роду французскихъ романовъ, наводняющихъ газеты парижскія и брюссельскія, романовъ въ пять, шесть, а иногда и больше частей, которые читаются, но тотчасъ же забываются и не входятъ даже собственно въ литературу, подобно называемымъ Французами le roman feuilleton. Мы предлагаемъ для этого рода романовъ названіе *сказочныхъ*. Этотъ родъ весьма мало развитъ у насъ въ Россіи, хотя, съ нѣкоторыхъ поръ, гладкій, легкій и удобочитаемый слогъ— не диковинка и, стало-быть, ничего не было бы легче написать ихъ всякому, немного занимающемуся литературою; но, во-первыхъ, мы не такъ склонны къ вымысламъ, какъ Французы: завязка, сюжетъ, играющій здѣсь очень важную роль, всегда насъ затрудняетъ; во-вторыхъ, при сравнительно-незначительномъ коли-

чествѣ писателей, у насъ каждый, кто пишетъ, ищетъ все-таки большаго значенія для своего произведенія, чѣмъ можетъ доставить такого рода *сказочный романъ.* Наше время, къ-тому же, такъ занято разнообразными интересами, что намъ нельзя избѣжать и въ литературѣ жизненныхъ вопросовъ, постоянно снующихся передъ глазами, постоянно задѣвающихъ всѣхъ насъ и весьма рѣдко находящихъ для себя настоящій раціональный отвѣтъ. Мы, напротивъ, склонны болѣе къ другому роду недостатковъ, и именно къ пренебреженію этой *внѣшней* заманчивой стороны литературнаго произведенія. Мы часто незамѣтно увлекаемся дидактическимъ направленіемъ, философскимъ разсужденіемъ, и тогда, какъ напримѣръ въ романѣ г. Гончарова: «Обломовъ» (о которомъ мы имѣли уже случай говорить въ іюльской книжкѣ «Русскаго Слова» 1859 г.), наши философскія ученья и системы только принимаютъ внѣшнюю форму человѣка и весь романъ превращается въ лекцію философіи, въ литературно-романической формѣ. Этотъ родъ романа мы можемъ назвать *дидактическимъ.* Ни тотъ, ни другой родъ романовъ, ни *сказочный,* ни *дидактическій* не удовлетворяютъ насъ.

Многіе, можетъ-быть, найдутъ требованія нашей критики преувеличенными, но мы останемся имъ вѣрны, потому что считаемъ своимъ долгомъ быть чрезвычайно строгими въ своихъ разборахъ и сужденіяхъ.

Безспорно, идеалъ романа труденъ, какъ всякій идеалъ, какъ всякое истинное художество; мы согласны тоже, что не имѣемъ права ожидать на каждомъ шагу новаго Шекспира и новаго Гоголя, а потому и не отказываемся встрѣчать всегда съ поклономъ и радушнымъ привѣтомъ каждый талантъ. Мы только думаемъ, что не имѣемъ права безъ всякаго основанія, какъ часто это бываетъ, тотчасъ же, при первой встрѣчѣ и безъ строгаго разбора сочиненія, производить писателя въ геніи.

Теперь передъ нами недавно–оконченный романъ г. Ѳ. Достоевскаго: «Униженные и Оскорбленные», появившійся въ журналѣ «Время», начатый еще въ январской книжкѣ этого журнала и оконченный въ іюльской.

До сихъ поръ наши литературные органы избѣгали критическихъ разборовъ литературныхъ произведеній, помѣщенныхъ въ другомъ журналѣ и затрогивали только самыя маловажныя статьи, и–то лишь съ одною полемическою цѣлью. Между тѣмъ журналы наши поглотили

всю современную умственную дѣятельность; ничего почти не печается внѣ извѣстныхъ пяти, шести литературныхъ главныхъ органовъ. Оттого отдѣлъ критики ослабѣлъ вообще, а отсутствіе критики всегда вредно во многихъ отношеніяхъ. Серьезный критическій разборъ, строгій, но справедливый, осматривающій достоинства и недостатки произведенія, можетъ быть даже полезнымъ самому автору; его не можетъ, конечно, обидѣть оцѣнка произведенія, хотя бы онъ и не соглашался съ нею; онъ прежде всего долженъ убѣдиться въ томъ, что этотъ разборъ уже служитъ лучшимъ доказательствомъ, что разсматриваемое произведеніе было признано по чему либо замѣчательнымъ; въ противномъ случаѣ оно не обратило бы на себя никакого вниманія.

Романъ «Униженные и Оскорбленные» въ пяти частяхъ; содержаніе его довольно сложное и представляетъ намъ чрезвычайно много затрудненій, чтобы передать его вполнѣ. Можетъ быть, многіе изъ нашихъ читателей не знакомы съ этимъ романомъ, и потому мы постараемся, по возможности, передать его содержаніе.

Романъ постоянно веденъ отъ перваго лица. Какой-то литераторъ Иванъ Петровичъ (фамилія его не извѣстна), больной, съ нервическими припадками, претерпѣвшій очень много нуждъ и заботъ, описываетъ нѣкоторыя изъ своихъ похожденій. Прежде всего разсказываетъ онъ вамъ эпизодъ встрѣчи своей въ кондитерской Миллера съ какимъ–то старикомъ, при которомъ постоянно находится собака *азорка*. Этотъ старикъ каждый день ходитъ съ своей собакой въ эту кондитерскую, сидитъ молча, никогда ничего не спрашиваетъ, ни съ кѣмъ не знакомъ, и, просидѣвъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, уходитъ неизвѣстно куда съ своей азоркою, чтобъ на другой день въ означенный часъ снова явиться не извѣстно откуда. Разъ какъ–то при Иванѣ Петровичѣ происходитъ ссора въ кондитерской: старикъ, испуганный, хочетъ разбудить свою собаку, которая спитъ у его ногъ, чтобъ молча уйти отъ бѣды и возвратиться домой, но собаки уже нѣтъ въ живыхъ: она умерла отъ старости или отъ голоду. Старикъ видимо смущенъ этимъ несчастьемъ; онъ выходитъ, взволнованный, изъ кондитерской, Иванъ Петровичъ за нимъ, и тутъ, на улицѣ, у какого–то забора, старый Смитъ умираетъ. Оказывается, что этотъ старикъ какой-то обанкрутившійся Англичанинъ, что онъ занималъ уже давно тутъ неподалеку одну комнату, Иванъ Петровичъ ищетъ себѣ, между

прочимъ, новую квартиру; комната Смита понравилась ему, и онъ нанимаетъ ее.

Здѣсь, оставляя на время эпизодъ старика Смита, Иванъ Петровичъ повѣствуетъ намъ о своемъ знакомствѣ съ однимъ семействомъ Ихменева, помѣщика, живущаго въ своемъ имѣніи. Семейство это состоитъ изъ отца, *Николая Сергѣевича*, изъ матери, *Анны Андреевны*, и дочери *Наташи* (одна изъ героинь романа). По всему видно, и по тону разсказа, и по самымъ фактамъ, что Иванъ Петровичъ давно влюбленъ въ эту Наташу, но ему предпочитаютъ молоденькаго, глупенькаго князя Алешу, сына какого-то князя Валковскаго, который, между прочимъ, пріѣхалъ разъ осматривать свое имѣніе, и тогда, найдя очень много безпорядковъ въ немъ, и познакомившись въ то время съ сосѣдомъ своимъ Николаемъ Сергѣевичемъ Ихменевымъ, полюбилъ, повидимому, его, поручилъ ему тотчасъ свое имѣніе въ управленіе, поручилъ ему даже воспитаніе сына своего, отъ котораго онъ желалъ въ то время отдѣлаться. Князь всѣми прочими своими сосѣдями не любимъ, про него уже носится очень много недобрыхъ слуховъ, но Ихменевъ считаетъ своимъ долгомъ защищать князя, потому что онъ знаетъ за нимъ до сихъ поръ одно хорошее. Маленькій сынъ князя, Алеша, нравится очень Николаю Сергѣевичу; впрочемъ всѣ его ласкаютъ, лелеятъ, и самому Алешѣ нравится эта жизнь въ деревнѣ у Ихменевыхъ; словомъ, всѣ довольны, всѣ, повидимому, счастливы, но тутъ начинается разгромъ. Князь, основываясь на сплетнѣ, а можетъ быть и съ другою цѣлью, заподозриваетъ старика Ихменева въ дурномъ управленіи и даже въ подлогѣ, затѣваетъ по этому случаю противъ него процессъ. Ихменевъ этимъ крайне обижается. Алеша конечно взятъ отъ Ихменевыхъ и поступаетъ въ лицей. Князю даже передали, будто Ихменевъ расчитывалъ устроить свадьбу своей дочери Наташи съ маленькимъ князькомъ, что, повидимому, еще болѣе разсердило князя. Процессъ тянется нѣсколько лѣтъ. Когда Ихменевъ рѣшается переѣхать со всѣмъ своимъ семействомъ въ Петербургъ, чтобъ лучше слѣдить за ходомъ дѣла, то уже Алеша кончилъ курсъ свой въ лицеѣ. Онъ, несмотря на прямое запрещеніе отца своего, продолжаетъ все время постоянную переписку съ Наташей; они любятъ другъ–друга, и любятъ, кажется, горячо, но эта любовь не извѣстна ни самому Ихменеву, ни даже Ивану Петровичу, который все время только-что мечтаетъ о Наташѣ, читаетъ ей свои сочиненія, и, видя ея впечатлительность при этомъ чте-

нiи, воображаетъ довольно естественно, что и она ему отвѣчаетъ тѣмъ же.

Разъ онъ является къ Ихменеву вечеромъ. Онъ нѣсколько дней не бывалъ, все былъ задержанъ какимъ-то длиннымъ романомъ, который онъ все время пишетъ. Наташа собиралась куда-то выйдти; она принесла въ гостиную свою шляпу и сказала, что идетъ въ церковь къ вечернѣ. Старикъ Ихменевъ проситъ Ивана Петровича проводить ее; у того, между прочимъ, какъ-то сжимается сердце, онъ предчувствуетъ что-то недоброе, отправляется вмѣстѣ съ Наташей, исполняетъ просьбу отца,—и подлинно: Наташа вовсе не въ церковь идетъ, а на свиданье съ Алешей!

Онъ уговариваетъ ее, но она не хочетъ измѣнить своему слову; встрѣчаютъ Алешу—новые уговоры тоже безполезны. Наташа падаетъ въ обморокъ отъ избытка чувствъ. Иванъ Петровичъ сажаетъ ее въ карету Алеши (?). Молодой князь тоже садится и оба они уѣзжаютъ. Дочь покинула отца, чтобъ убѣжать съ сыномъ того, кто оскорбилъ такъ жестоко его, укорилъ честнаго человѣка въ подлости, въ воровствѣ (!).

Вотъ главная завязка романа. Затѣмъ слѣдуютъ паралельныя описанiя жизни Наташи съ Алешой, старика Ихменева и его жены Анны Андреевны, и самого разсказчика Ивана Петровича и маленькой внучки Смита, Нелли.

Главный интерсcъ сосредоточивается въ началѣ романа на жизни Наташи съ Алешей. Послѣднiй всегда остается взбалмошнымъ, безхарактернымъ мальчикомъ, измѣняющимъ очень быстро и безъ всякой видимой причины свои мнѣнiя, свои чувства. Князь-отецъ нѣсколько тому конечно виноватъ; онъ непремѣнно хочетъ воспрепятствовать свадьбѣ Алеши съ Наташей, которая постоянно назначается на слѣдующей недѣлѣ, и никогда не можетъ осуществиться; князь, съ цѣлью отдалить Алешу отъ Наташи, знакомитъ своего сына сперва съ разными камелiями, потомъ ведетъ его въ другое общество, представляетъ его какой-то графинѣ II, у которой воспитывается молодая дѣвушка Катя. У этой Кати нѣсколько миллiоновъ состоянiя—навѣрное сколько,—не можемъ сказать, но, смотря потому, съ какою небрежностью она обѣщаетъ двумъ студентамъ одинъ милльонъ въ пользу какого-то полезнаго для литературы дѣла, можно заключить, что у ней должно быть ихъ очень много.

Милльоны эти въ особенности прельстили князя; они ему нужны,—

онъ давно уже разоренъ. Алеша не прекословитъ отцу и, постоянно оставаясь влюбленнымъ, какъ онъ самъ увѣряетъ, въ Наташу, бѣгаетъ сперва къ камеліямъ и самъ разсказываетъ объ этомъ Наташѣ, и потомъ даже влюбляется серьезно въ Катю, въ мильонную воспитанницу, разсказывая ей, что онъ влюбленъ уже съ давнихъ поръ въ Наташу. На другой день, онъ подробно передаетъ Наташѣ всю свою любовь къ Катѣ, увѣряетъ ее, что онъ не можетъ жить безъ нея, но что, между прочимъ, бракъ свой съ Наташей онъ не отлагаетъ и назначаетъ все-таки на слѣдующей недѣлѣ. Самъ князь является къ Наташѣ, и, расчитывая, что сынъ его Алеша никогда не женится, если ему прикажутъ это сдѣлать, при Наташѣ объясняетъ ему, что онъ долженъ непремѣнно жениться на ней, а самъ, объявивъ такимъ образомъ свою волю, уѣзжаетъ куда-то на четыре дня. Всѣ эти четыре дня Алеша сидитъ у Кати и почти не показывается у своей невѣсты Наташи, на которой положительно онъ долженъ жениться на-дняхъ, уже съ согласія отца. Катя же, у которой Алеша теперь проводитъ цѣлые дни, рѣшается, изъ любви къ Алешѣ, поѣхать къ Наташѣ, чтобъ узнать достовѣрно, съ кѣмъ Алеша будетъ болѣе счастливъ, съ ней или съ Наташей. Сцена выходитъ довольно странная, combat de générosités: каждая отказывается отъ Алеши и каждая желаетъ его удержать. Кончается тѣмъ, что Алеша рѣшается проводить Катю до Москвы, куда она ѣдетъ съ графиней, потомъ возвратиться, чтобъ уже жениться на Наташѣ, но нея уже условилась съ Наташей, которая не хочетъ положительно отнимать у нея Алеши, а потому тотъ долженъ не возвращаться изъ Москвы, а ѣхать вмѣстѣ съ Катей и графиней Н. въ какое-то дальнее имѣніе.

Во все это время Николай Сергѣичъ Ихменевъ и его жена Анна Андреевна очень скучаютъ о дочери своей; они любятъ ее; — но въ то же время Николай Сергѣичъ думаетъ, что онъ обязанъ проклинать свою дочь за ея поступокъ, что онъ никакъ не можетъ и не долженъ простить ее. Все это очень огорчаетъ Анну Андреевну. Иванъ Петровичъ часто является къ Ихменевымъ и передаетъ имъ про житье-бытье дочери; онъ пордолжаетъ разсказывать Аннѣ Андреевнѣ, которая все время плачетъ и хныкаетъ, а сама и не догадывается навѣстить свою дочь. Затѣмъ процессъ проигрывается и Ихменевъ обязанъ заплатить 10 т. р. сер. князю.

Николай Сергѣевичъ очень смущенъ этимъ; онъ вызываетъ князя

на дуэль за оскорбленіе, сдѣланное его чести, и получаетъ отъ него новое оскорбленіе въ отвѣтъ,—насмѣшливое письмо, въ которомъ князь смѣется надъ предположеніемъ Ихменева драться съ нимъ за то, что онъ, князь, выигралъ по закону процессъ.

Иванъ Петровичъ, присутствуя при всемъ этомъ, и принимая живое участіе во всемъ, самъ принужденъ розыграть новую драму.

Внучка Смита, у котораго онъ теперь живетъ, заходила при жизни старика каждый день къ нему; она и теперь, не зная о его смерти, приходитъ и видитъ Ивана Петровича: она очень дика, говоритъ не охотно, всего боится; ее зовутъ Нелли. Эта Нелли была взята по смерти своей матери къ какой-то Бубновой, которая ее мучитъ, бьетъ и т. д. Бубнова оказывается даже хуже этого: она расчитываетъ на 12-ти-лѣтнюю дѣвочку, чтобъ ее продать за хорошія деньги какому-нибудь старику-развратнику. Иванъ Петровичъ узнаетъ объ этомъ, при помощи какого-то Маслобоева, прежняго своего товарища, котораго онъ давно не видалъ, и который теперь занимается хожденіемъ по дѣламъ и очень много пьетъ; онъ спасаетъ дѣвочку, увозитъ ее къ себѣ. Нелли больна; у ней нервическіе припадки, какъ у самого Ивана Петровича; она долго не можетъ свыкнуться съ новою жизнью; очень дика, очень боязлива; но, послѣ настойчивыхъ распросовъ, соглашается наконецъ разсказать свою исторію, т. е. исторію своей матери, и, вообразите, это почти слово-въ-слово исторія Наташи, только съ тою разницею, что тутъ бракъ былъ законно совершенъ, что отъ этого брака родилась дочь Нелли. Дѣдъ этой дѣвочки, старикъ Смитъ, который между прочимъ былъ ограбленъ мужемъ своей дочери, проклинаетъ ее также точно какъ Николай Сергѣевичъ проклинаетъ Наташу. И вотъ эту-то исторію Нелли разсказываетъ самому Ихменеву, куда ее привезъ Иванъ Петровичъ именно съ этою цѣлью.

Услышавъ всю эту повѣсть, узнавъ, что бѣдная мать Нелли умерла въ нищетѣ безъ прощенья отца своего, послѣ чего самъ Смитъ былъ какъ помѣшанный и самъ умеръ у забора на улицѣ, не успѣвъ дойти до дому, — Ихменевъ чувствуетъ, что ему необходимо простить свою дочь, чтобъ не повторить страшную развязку Смита; онъ готовъ уже идти къ Наташѣ, но та къ этому времени, наконецъ, рѣшилась тоже идти просить прощенія у своего отца. Ее Алеша окончательно, впрочемъ, покинулъ, — ей негдѣ и нечѣмъ жить, и когда Ихменевъ

отворяетъ дверь, Наташа вбѣгаетъ навстрѣчу въ комнату и падаетъ на колѣни.

Послѣ этой сцены — всеобщаго прощенья, которая заканчиваетъ послѣднюю часть, остается еще эпилогъ. Въ немъ повѣствуется, что всѣ живутъ вмѣстѣ довольно дружно; о князѣ почти забыли. Нелли уже переѣхала окончательно къ Ихменевымъ, но она все также больна, даже съ каждымъ днемъ все опаснѣе, все чахнетъ болѣе и болѣе, и наконецъ умираетъ, открывъ передъ смертію, что она законная дочь князя Валковскаго, отца Алеши. Старикъ и старуха Ихменевы такъ взволнованы самою смертію Нелли, что почти не обращаютъ вниманія на это открытіе. Впрочемъ они готовятся ѣхать въ Оренбургъ, гдѣ Николай Сергѣичъ отыскалъ мѣсто управителя.

Иванъ Петровичъ въ это время наконецъ окончилъ свой длинный романъ, и очень доволенъ этимъ. Смерть Нелли его очень огорчила. Она его истинно любила, и онъ тоже привязался къ ней. Онъ подходитъ къ Наташѣ, чтобъ ее утѣшить и самому найдти утѣшенье, но Наташа грустить о Нелли, оплакиваетъ своего Алешу, и въ то же время продолжаетъ любить Ивана Петровича; она тутъ ничего не находитъ, чтобъ ей сказать, и рѣшается только проговорить: неправда ли, это былъ только сонъ? — Тѣмъ и кончается романъ.

Мы можемъ отвѣтить ей на это, что очень можетъ быть, что все это былъ только сонъ, но сонъ былъ очень тяжелый и чрезмѣрно запутанный! Не знаемъ даже, можетъ ли удовлетворить нашихъ читателей этотъ краткій очеркъ содержанія романа. Запутанность, интрига — дотого велики, что мудрено разсказать коротко и въ то же время ясно содержаніе его.

Намъ кажется, что одно содержаніе романа, разсказаннаго нами, ясно выказываетъ чрезвычайно слабыя стороны въ художественной его постройкѣ.

Неестественность положенія никогда не можетъ быть художественной!

Во всѣхъ родахъ искусства, эпохи упадка художества отличаются всегда неественностію, — это можно замѣтить въ живописи, въ архитектурѣ, даже въ музыкѣ, тѣмъ болѣе въ литературѣ. А неестественность положенія тутъ на каждомъ шагу.

Иванъ Петровичъ взялся, напримѣръ, проводить Наташу въ церковь. Онъ узнаетъ, что она идетъ на свиданіе; онъ ее уговариваетъ, уговариваетъ и Алешу, котораго они тутъ встрѣчаютъ, и къ кото-

рому бѣжала Наташа; объясняетъ Наташѣ, что она тѣмъ болѣе оскорбитъ отца своего этою связью съ Алешей, что ее примутъ за нарочно придуманное средство самого Ихменева, чтобъ поставить на-своемъ, выдать дочь свою за князя. Наташа понимаетъ это; она чувствуетъ всю тяжесть удара, который она наноситъ отцу своему, но она любитъ Алешу, пустаго мальчишку, не стоющаго, по правдѣ сказать, этой любви. Но положимъ, она любитъ его,—бываютъ же такіе случаи!—но тутъ какъ объяснить? Наташа, вслѣдствіе всѣхъ этихъ совѣтовъ Ивана Петровича, вслѣдствіе борьбы чувствъ, любви къ отцу, чувства долга своего, и тоже сильной любви своей къ Алешѣ, наконецъ даже вслѣдствіе дружбы, и нѣчто въ родѣ тоже любви къ самому Ивану Петровичу, котораго она этимъ огорчаетъ и убиваетъ,—вслѣдствіе всего этого, она падаетъ въ обморокъ; тогда Иванъ Петровичъ, любящій Наташу, сознаетъ, что она дѣлаетъ дурно, но вмѣсто того, чтобы посадить ее въ карету, самому сѣсть хоть бы на козлы и возвратить её отцу, откуда на другой день Наташа могла бы еще разъ убѣжать уже одна, если это такъ нужно для связи романа — этотъ Иванъ Петровичъ сажаетъ молодую дѣвушку вмѣстѣ съ Алешей и отпускаетъ ихъ, а самъ идетъ домой, мечтая о своемъ *униженіи* и *оскорбленіи*!!

Какъ хотите, это не вѣроятно, это просто невозможно. А послѣ этого поступка, отецъ Наташи считаетъ еще Ивана Петровича своимъ другомъ, принимаетъ его у себя, толкуетъ съ нимъ про Наташу! Это уже слишкомъ сильно! Онъ обманулъ этого отца, который, какъ честному человѣку, благородно поручилъ ему свою дочь, чтобъ довести до церкви, а тотъ ей помогаетъ убѣжать съ любовникомъ, и отецъ проклинаетъ свою дочь, но благодаритъ и ласкаетъ Ивана Петровича. Намъ кажется, мы бы на мѣстѣ Ихменева такъ не поступили. Но опять скажутъ намъ, что это странность — болѣе ничего. Странность, отвѣтимъ мы, не художественная во всякомъ случаѣ, притомъ странность, заслуживающая хотя бы оговорку автора, которая бы объясняла это непонятное положеніе. Правда, трудно и объяснять такія положенія. А любовь Наташи и Кати въ Алешѣ — опять невѣроятность на каждомъ шагу. Двѣ дѣвушки любятъ страстно, любятъ съ самоотверженіемъ, забывая свой долгъ, все рѣшительно, и любятъ кого же?—самаго безтолковаго молодаго человѣка, еще мальчишку, какихъ только можно придумать и едвали можно встрѣтить;—фразёра до невѣроятности, болтуна, самодура, и вмѣстѣ съ тѣмъ глупаго

до-нельзя, въ чемъ даже сознаются нѣсколько разъ обѣ дѣвушки, и сознаются простодушно, и говорятъ ему это въ глаза, такъ—что самъ Алеша въ этомъ сознается и убѣжденъ. И Наташа, которая любитъ отца своего, уважаетъ его, любитъ свою мать, и эта Наташа ни разу даже не вспомнитъ о своей матери, о своемъ отцѣ, а она знаетъ, какъ они страдаютъ изъ–за нея!

Да мало ли еще неестественныхъ положеній, столкновеній—всѣхъ не перечтешь! А между прочимъ,—странное дѣло!—несмотря на всѣ эти неестественныя положенія, несмотря на то, что тотчасъ же читатель видитъ ясно, какъ все это натянуто, придумано, продолжаетъ читать этотъ раманъ, и читаетъ, можетъ, быть съ увлеченіемъ: ея—причина тому единственная—самый способъ разсказа.

Ѳ. Достоевскій еще разъ намъ въ этомъ романѣ доказалъ свое несомнѣнное, и, можно сказать, неподражаемое искусство разсказывать; у него свой оригинальный разсказъ, свой оборотъ фразъ, совершенно своеобразный и полный художественности. Фразы его не такъ отдѣланы, не такъ копотно и тщательно выглажены, какъ у г. Гончарова; описанія его не такъ поэтичны, не такъ полны художественныхъ мелочей, подробностей, которыя воскрешаютъ цѣлый міръ, цѣлый образъ картины, какъ у Тургенева; обрисовка лицъ его не такъ рѣзко и рельефно очерчена, какъ у Писемскаго; но своеобразный слогъ г. Ѳ. Достоевскаго никакъ не уступитъ этимъ тремъ писателямъ. Его разсказъ—не описаніе, а именно разсказъ, заманчивый до-нельзя. Онъ удивительно легко читается, много высказываетъ въ формѣ, повидимому самой простой. Слогъ его кажется простымъ, разговорнымъ слогомъ, такъ что, казалось, и самъ разсказалъ бы не иначе; въ немъ нѣтъ особо замѣчательныхъ мѣстъ, нѣтъ страницы, которую бы вы прочитали два раза, которую бы стоило помѣстить въ хрестоматію для примѣра слога, но слогъ этотъ всегда ровный, гладкій, разсказъ всегда ясно изложенный, такъ что онъ заставляетъ часто забыть всю неестественность положенія; вы его слушаете, какъ слушали, бывало, дѣтскую сказку, а потому, разсматривая только его внѣшнюю сторону, романъ этотъ можетъ быть смѣло признанъ превосходнымъ *сказочнымъ романомъ*.

Но мы должны признаться, что ожидали бо́льшаго отъ этого романа. Самое названіе, казалось намъ, обѣщало развитіе важной соціаль-

ной идеи.—Униженные и оскорбленные! Сколько ужасныхъ драмъ кроется въ этихъ двухъ словахъ, сколько и вправду есть униженныхъ, сколько оскорбленныхъ отъ русскаго мужика, часто униженнаго и оскорбленнаго или своимъ господиномъ, или своимъ подрядчикомъ, десятскимъ, оскорбленнаго зачастую безъ причинъ, такъ, зря, на улицѣ, въ лавкѣ, вездѣ, гдѣ его трактуютъ ниже всякаго, толкаютъ, не обращаютъ даже на него вниманіе, а онъ между тѣмъ глубоко иногда чувствуетъ и понимаетъ это униженіе, это оскорбленіе, въ особенности, если онъ хотя немного развитъ и образованъ. Да и мало ли можно указать въ нашемъ обществѣ примѣровъ униженія и оскорбленія, постоянно встрѣчающихся, не исключительныхъ какъ въ романѣ г. Достоевскаго, и прямо вытекающихъ изъ нашихъ нравовъ и обычаевъ.

Нетолько наше общество, но всякое общество непремѣнно имѣетъ этотъ недостатокъ: вездѣ, во всякой странѣ вы можете найдти многіе примѣры такого униженія, такого оскорбленія, а тутъ, въ романѣ г. Достоевскаго, собственно говоря, униженъ и оскорбленъ только развѣ Ихменевъ, потому что заподозрѣнъ въ подлогѣ и воровствѣ, оскорбленъ еще отвѣтомъ князя, насмѣшкою на его вызовъ; но если правду сказать, оно и было довольно смѣшно старику 60 лѣтъ вызывать на дуэль того, съ кѣмъ онъ тягался за то, что сынъ его похитилъ его дочь, послѣ того, въ особенности, какъ Ихменевъ самъ оставилъ свою дочь, не вытребовалъ ее.

Во всякомъ случаѣ, это оскорбленіе — не униженіе, а просто случайное оскорбленіе, которое могло случиться и нѣтъ. Остальныя же лица, если оскорбляются, то рѣшительно для собственнаго своего развлеченія. Они впрочемъ мало и оскорбляются; они такъ заняты своими нервическими припадками.

Мы рѣшительно не знаемъ, какъ оправдать заглавіе этого романа. По нашему мнѣнію, онъ вовсе не оправдываетъ его содержанія.

Главный же недостатокъ этого романа заключается въ томъ, что онъ не обрисовалъ, не очертилъ, не разъяснилъ ни одного живаго лица, ни одного настоящаго типа. Всѣ лица, дѣйствующія въ немъ, какъ бы стараются, въ угожденіе автору, все болѣе и болѣе запутывать узелъ завязки, чтобъ доставить г. Достоевскому возможность, случай, показать намъ свой несомнѣнный талантъ разсказа фактовъ, происшествій; но не одно лицо не остается въ головѣ читателя, не заставляетъ задуматься о себѣ,—развѣ первый типъ стари-

ка Смита, который умираетъ тотчасъ послѣ своей собаки азорки, единственнаго своего друга,—но и этотъ типъ—вовсе не русскій, и уже встрѣчаемый нами не разъ въ иностранныхъ романахъ и, если правду сказать, несравненно болѣе возможный за границей, во Франціи, Англіи, Бельгіи, чѣмъ въ Россіи:— у насъ одна зима скоро отучитъ такого старика каждодневно ходить съ собакой въ какую нибудь кондитерскую.

Князь Валковскій тоже не типъ,—онъ подлецъ, онъ мошенникъ; но это не типъ: такой князь пожалуй и можетъ быть—мы не споримъ, но въ немъ ничего нѣтъ того, чтобы отличало его отъ обыкновеннаго французскаго, англійскаго мошенника; а между тѣмъ очень много странностей, очень много отличительныхъ свойствъ и недостатковъ можно бы подмѣтить въ этомъ обществѣ, изъ котораго г. Достоевскій беретъ своего Валковскаго.

О сынѣ мы уже не говоримъ,—онъ видимо тутъ служитъ для завязки и развязки, и вовсе не созданъ и не задуманъ какъ типъ, какъ лицо живое. Есть, пожалуй, Маслобоевъ, ходатай по дѣламъ, пьяница и добрая душа, готовый на извѣстнаго рода подлости за деньги, и остающійся честнымъ человѣкомъ по-своему; это пожалуй еще человѣкъ живой, человѣкъ, котораго мы могли бы встрѣтить; но это совершенно второстепенная личность въ драмѣ, и если онъ обрисовался довольно ясно, то намъ кажется, что это дѣло случая, потому что на него авторъ не могъ расчитывать. Самъ Ихменевъ не похожъ на настоящаго русскаго помѣщика,—въ немъ черта есть общечеловѣческая, въ его страданіяхъ, въ его горѣ, въ его злости противъ князя и противъ дочери своей; но это опять только черта, а общая фигура не рисуется. Женскія личности очень натянуты, очень взволнованы; онѣ постоянно не выходятъ изъ исключительнаго и странно-устроеннаго положенія. Наташа, которая привлекаетъ васъ къ себѣ въ началѣ романа, наконецъ кажется вамъ, какъ нѣмцы выражаются langveilig, — дотого она монотонна и многорѣчива въ своемъ горѣ, которое сама же создаетъ.

Катя рѣшительно невозможна и не можетъ потому внушить къ себѣ никакого сочувствія; такихъ благовоспитанныхъ дѣвушекъ съ нѣсколькими милліонами приданаго и съ такими эксентрическими замашками рѣшительно нѣтъ, да и слава Богу! — ничего поэтическаго въ ней нѣтъ, ничего изящнаго, ничего дѣйствительнаго.

Одна Нелли могла бы, можетъ быть, внушить къ себѣ симпатію,

но ей много мѣшаютъ Наташа и Катя. Вы развлечены всѣмъ этимъ запутаннымъ ходомъ дѣла, и вся драма Нелли и матери, какъ повтореніе того, что теперь дѣлается вмѣстѣ и отцомъ и сыномъ, только утомляетъ васъ. Это повтореніе рѣшительно не художественно; притомъ Нелли, какъ кажется, нѣчто въ родѣ подражанія Миньоны Гёте и французской Сандрильоны, и подражаніе крайне неудавшееся, — эти постоянные припадки утомляютъ, а не привязываютъ васъ къ ней. Она умираетъ; ее, правда, оплакиваетъ старикъ Ихменевъ, а самъ Иванъ Петровичъ, разсказчикъ, почти не смущенъ, онъ уже ожидалъ эту смерть, какъ и читатель тоже, съ самаго перваго знакомства съ Нелли.

Анна Андреевна, жена Ихменева, слабая, безцвѣтная личность, безъ воли, безъ самостоятельнаго характера, постоянно подчиненная своему мужу, боящаяся его раздражить и ни на что не рѣшающаяся. Такія женщины конечно бываютъ сплошь да рядомъ, да только почему въ романѣ-то она такъ безцвѣтна?—надо было бы рельефнѣе выставить эту безхарактерность; надо было бы изучить эту женщину и передать намъ, — какъ бы это сдѣлалъ навѣрно г. Гончаровъ, — а тутъ она проходитъ мимо насъ и мы почти не замѣчаемъ ее.

Изъ всего, нами высказаннаго, мы можемъ заключить, что талантъ г. Достоевскаго не сомнѣненъ въ разсказѣ; онъ передаетъ намъ происшествія, дѣйствія своихъ героевъ чрезвычайно наглядно, чрезвычайно искусно, но недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ не овладѣваетъ вполнѣ ни однимъ лицомъ, какъ слѣдовало бы ожидать, не анализируетъ ни одного характера, не создаетъ ни одного типа, не задумывается даже надъ личностію, надъ свойствомъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, — онъ слишкомъ занятъ своимъ сюжетомъ, завязкою и развязкою,—а это огромный недостатокъ въ дѣлѣ художества.

Именно эта небрежность автора въ изученіи своихъ героевъ, ихъ внутреннихъ чувствъ, ихъ сокровенныхъ душевныхъ свойствъ и ведетъ его къ тѣмъ невозможнымъ, неестественнымъ положеніямъ, которыя никакъ не могли бы существовать, еслибъ авторъ потрудился анализировать самъ качества и недостатки характера своего героя.

Мы ожидаемъ теперь съ большимъ любопытствомъ обѣщанныя записки изъ Мертваго дома; мы убѣждены, что тамъ мы найдемъ много фактовъ интересныхъ, какъ матеріаловъ для исторіи. Эти фак-

ты будутъ намъ переданы чрезвычайно точно, наглядно, художественно, такъ что произведутъ большое впечатлѣніе, — но эти записки выиграли бы еще въ художественномъ отношеніи, еслибъ автору ихъ было возможно вспомнить нѣкоторыя лица, встрѣченныя имъ, знакомыя ему, пообдумать ихъ, поизучить ихъ критически и аналитически — и тогда передать, вмѣстѣ съ вереницею интересныхъ фактовъ, нѣсколько живыхъ, новыхъ типовъ. Мы бы горячо желали, чтобъ Ѳ. Достоевскій, не принимая въ дурную сторону нашего совѣта, подумалъ бы о нёмъ. Мы увѣрены, что эти записки и такъ будутъ крайне интересны, но убѣждены въ то же время, что онѣ могли бы, при этомъ условіи, быть несравненно болѣе занимательными. Можетъ быть, наше мнѣніе покажется очень смѣлымъ, такъ какъ мы можемъ судить только по малому отрывку, уже напечатанному изъ этихъ записокъ, и по тону, и по общему свойству таланта г. Достоевскаго. Но каждый, намъ кажется, имѣетъ право высказывать свое убѣжденіе, только бы оно дѣлалось чистосердечно. Притомъ, между святыми обязанностями критика, мы уже сказали, мы принимаемъ возможность заставить автора самого заглянуть строже и глубже на свой талантъ и обратить вниманіе на указанное достоинство и недостатокъ, обсудить самого критика, такъ же добросовѣстно и хладнокровно, какъ критикъ самъ это дѣлаетъ, относительно разбираемаго сочиненія.

ГРАФЪ КУШЕЛЕВЪ-БЕЗБОРОДКО.

ПАНЕГИРИСТЫ И ПОРИЦАТЕЛИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Опытъ историческаго оправданія Петра I-го противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей. Карла Задлера. С. Петербургъ. 1861).

(Окончаніе).

Прибывъ въ Москву и познакомившись съ нѣкоторыми подробностями стрѣлецкаго дѣла, Петръ остался очень недоволенъ розыскомъ боярина Шеина, неразвѣдавшаго ничего о главнѣйшихъ обстоятельствахъ и побужденіяхъ, заставившихъ стрѣльцовъ взбунтоваться и идти къ столицѣ. «Я допрошу ихъ построже вашего», сказалъ царь генералу Гордону—и допросилъ стрѣльцовъ, дѣйствительно, построже. Изъ этого, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ выводить заключенія, чтобы словами: «я допрошу ихъ построже вашего» Петръ желалъ выразить: «я буду мучить ихъ не такъ, какъ вы ихъ мучили; я изобрѣту для нихъ кое-что почище кнута и виски...» Вовсе нѣтъ: розыскъ, произведенный Петромъ, произведенъ былъ съ помощью того же обычнаго кнута и той же неизмѣнной виски, которыми дѣйствовалъ и Шеинъ,—только на этотъ разъ число пытанныхъ было больше, и допросы дѣлались гораздо обстоятельнѣе. Петръ понималъ, что «безкормица», тяжесть службы и притѣсненія начальства, ради которыхъ будто бы поднялись стрѣльцы и пришли къ Москвѣ, по собственному ихъ выраженію, «страшною неурядною яростью», были однимъ лишь отводомъ, прикрывавшимъ самые опасные и преступные замыслы,—и Петръ не ошибался. Вторичный розыскъ обнаружилъ ясно и настоящую цѣль стрѣлецкаго возстанія, и участіе въ немъ Софіи Алексѣевны, и всѣ планы мятежниковъ, грозившіе страшными бѣдствіями Россіи. Кончился этотъ розыскъ—и пошли въ дѣло висѣлицы, плахи, колёса. Болѣе тысячи стрѣльцовъ поплатились жизнью за свои продѣлки; другіе, менѣе виновные, сосланы были въ ссылку, а за симъ всѣ стрѣлецкіе полки были «скасованы», т. е. расформированы и уничтожены. Изъ числа казненныхъ стрѣльцовъ, сто девяносто пять человѣкъ повѣшено было вокругъ Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ нехотя замаливала тяжкіе грѣхи свои царевна Софія Алексѣевна, постриженная въ

монахини подъ именемъ Сусанны. Трое изъ этихъ повѣшенныхъ болтались противъ самой царевниной кельи, и болтались такъ близко отъ нея, что царевна изъ окна своего легко могла достать вложенныя въ руки висѣльникамъ бумаги. Эти трое были тѣ именно стрѣльцы, которые, отъ лица своихъ товарищей, звали Софію Алексѣевну на царство и подавали ей объ этомъ челобитную...

Не веселое, конечно, впечатлѣніе производитъ на душу описаніе всѣхъ этихъ пытокъ и казней, всѣхъ этихъ костровъ, висѣлицъ и плахъ, всѣхъ этихъ кольевъ и колесъ, украшенныхъ обезображенными головами и раздробленными, окровавленными членами казненныхъ; но пусть вспомнитъ читатель все, сказанное нами о продѣлкахъ самихъ стрѣльцовъ и неугомонной, коварной, безсердечной смутницы Софіи, пусть поставитъ онъ себя на мѣсто Петра и сообразитъ всѣ предшествовавшія стрѣлецкому разгрому обстоятельста,—и онъ, навѣрное, согласится, что если «великій преобразователь нашъ» и не можетъ быть причисленъ къ категоріи людей, одаренныхъ необыкновенно мягкимъ и нѣжнымъ сердцемъ, то все-таки мѣры, принятыя имъ относительно стрѣльцовъ, отнюдь нельзя называть ни беззаконными, ни безпримѣрно-жестокими. XVII и XVIII столѣтія видѣли не одно подобное событіе не въ одной Россіи; обстоятельства же, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Петръ, нетолько-что допускали образцовую суровость, но даже требовали ея. Петру положительно необходимо было дать хорошій урокъ, хорошую острастку всѣмъ своимъ врагамъ и противникамъ, имя которыхъ было легіонъ; Петру надлежало показать предъ лицемъ всего своего царства, что недобро будетъ тому, кто вздумаетъ стать задержкою новымъ началамъ и преобразованіямъ,—и только этимъ, этимъ однимъ объясняемъ мы тѣ страшныя сцены, свидѣтельницею которыхъ была Москва осенью 1698 года; только этимъ объясняемъ мы и самую страшную изъ этихъ сценъ—казнь стрѣльцовъ, 17 октября, *чрезъ палатныхъ людей*. Объяснять же все это иначе, побужденіями какой-то невѣроятной, рафинированной жестокости, низводящей Петра на степень несчастныхъ мономановъ, терзающихъ и убивающихъ людей ради непонятнаго, нечеловѣческаго наслажденія, доставляемаго муками жертвъ,—по нашему мнѣнію, въ высшей степени нелѣпо.

Да и чѣмъ же, наконецъ, пытки и казни стрѣльцовъ страшнѣе того, что дѣлали сами стрѣльцы въ 1682 году? Почему люди, почи-

тающіе священною своею обязанностью исходить криками ужаса и негодованія при одномъ словѣ: «стрѣлецкій розыскъ», не подумаютъ никогда о томъ, чтобы сопоставить надлежащимъ образомъ стрѣлецкому розыску стрѣлецкій бунтъ, на который, вообще, у насъ глядятъ какъ-то странно? А сопоставленіе это сдѣлать бы не мѣшало, и параллель вышла бы не дурная! Стрѣлецкій розыскъ былъ страшенъ, кровавъ; но вѣдь все-таки это было дѣло, облеченное всѣми законными формами того времени, веденное такъ, какъ повели бы подобное дѣло, въ концѣ XVII столѣтія, вездѣ. Тутъ были и допросы, и очныя ставки, и показанія, и признанія, положительнѣйшимъ образомъ открывшія намѣренія стрѣльцовъ завладѣть Москвою, возмутить чернь, низвергнуть правительство, прибрать къ своимъ рукамъ весь народъ, перебить Нѣмцевъ, перебить бояръ, перебить солдатъ, разорить нѣмецкую слободу, разграбить всѣ богатые домы,—короче: перевернуть все вверхъ-дномъ и ввести потомъ такіе порядки, отъ которыхъ не поздоровилось бы никому. За такія намѣренія не гладили по головкѣ никогда и нигдѣ. За такія намѣренія ожидать помилованія было нельзя. За такія намѣренія распорядился бы по-Петровски самый мягкосердечный и благодушный человѣкъ, обязанный охранять безопасность и благосостояніе цѣлаго народа;—а за стрѣльцами, кромѣ этихъ намѣреній, были уже и дѣла, требовавшія безпощадно-суроваго возмездія. Словомъ, стрѣльцы были обличенные, судимые и осужденные государственные преступники, и ихъ разгромъ, ихъ «скасовыванье» были не вспышкою дикаго произвола, не прихотью безчеловѣчнаго тиранства, а наказаніемъ по закону и по винѣ, мѣрою хотя и печальною, но необходимою.

А какія преступленія совершены были людьми, мученически погибшими подъ стрѣлецкими копьями и бердышами въ 1682 году? Какимъ слѣдствіемъ и въ чемъ были уличены, по какимъ законамъ и за что были судимы и осуждены Матвѣевъ, Нарышкины, Салтыковъ, Языковъ, князья Долгорукіе и Ромодановскій, лекаря Гутменшъ, Гаденъ и другіе? Уличенъ изъ нихъ былъ одинъ Гаденъ: у него нашлись сушеныя змѣи, почему стрѣльцы и заключили, что онъ—волшебникъ. Всѣ прочіе не знали за собой даже и такого преступленія и погибли лютою смертью или потому только, что ихъ заранѣе обрекла на гибель царевна Софія Алексѣевна, или потому, что, просто-напросто, имѣли несчастіе попасться на-глаза стрѣльцамъ, когда стрѣльцы, опьянѣвшіе отъ крови и водки, готовы были душить

и рѣзать кого угодно [1]). Производились при этомъ и пытки, страшныя, безчеловѣчныя,—и вотъ эти-то пытки ужасаютъ насъ гораздо болѣе пытокъ 1698 года, потому что производились вовсе не для дознанія истины, вовсе не по необходимости, а единственно изъ желанія помучить людей, виновныхъ лишь тѣмъ, что не сочувствовали преступнымъ замысламъ властолюбивой, безсердечной женщины и буйныхъ, невѣжественныхъ дикарей [2]). До дознанія же истины стрѣльцамъ не было никакого дѣла: для нихъ истиною было все, что ни передавали имъ отъ лица умѣвшей очаровать ихъ царевны Софіи Алексѣевны; ихъ цѣлію была личная месть, разбой, грабежъ, буйство, пьянство, своеволіе и желаніе всѣми повелѣвать, всѣмъ распоряжаться, пожинать, не сѣя, собирать, не расточая.

Эти цѣли, это желаніе были единственными мотивами всѣхъ дѣйствій стрѣльцовъ до самой послѣдней минуты существованія этого крамольнаго войска, и, послѣ кровавыхъ сценъ 1682 года, Москва еже-

---

[1]) Такъ, напр., въ первый же день бунта, 15 мая, убитъ былъ въ самомъ дворцѣ ни въ чемъ неповинный юноша, Ѳедоръ Петровичъ Салтыковъ, сынъ всѣми уважаемаго боярина Петра Михайловича Салтыкова. Салтыковъ не былъ даже отмѣченъ въ заранѣе составленномъ Софіею Алексѣевною спискѣ жертвъ; но стрѣльцы, съ-пьяну, приняли его за Аѳанасія Кирилловича Нарышкина, и «убили тирански», говоритъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ. Такъ, на другой день, умерщвлены были лекарь Гутменшъ и сынъ лекаря Гадена, потому только, что стрѣльцы не нашли самого Гадена, обвинявшагося, по поводу найденныхъ у него сушеныхъ змѣй, въ волшебствѣ и преждевременной кончинѣ царя Ѳедора Алексѣевича. Съ такой же справедливостью и разборчивостью расправлялись стрѣльцы и со всѣми, попадавшимися подъ ихъ копья и бердыши; а цифра всѣхъ перебитыхъ во время перваго стрѣлецкаго бунта простиралась, по словамъ Корба, до нѣсколькихъ тысячъ. «Въ одной части города, называемой Китай-городомъ, говоритъ Корбъ:—погибло самою разнородною смертью до пяти тысячъ человѣкъ, загнанныхъ въ это мѣсто желаніемъ укрыться отъ убійцъ». (Diarium itineris in Moscoviam etc, p. 176).

[2]) Такимъ, напр., пыткамъ преданы были Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ и *волшебникъ* Гаденъ. «Пытали его пытками страшными, говоритъ про Нарышкина Сильвестръ Медвѣдевъ:—и роспытавъ, нагаго изъ застѣнка вывели на Красную площадь, и поставя его межь мертвыхъ, посѣченныхъ тѣлесъ стояща, обступя вкругъ со всѣхъ странъ, вкупѣ копіями збодоша, и оными подняли къ верху, и опустя, руки, ноги, голову отсѣкли; голову вонзиша на древо высоко, все же тѣло его въ мелкія частицы изсѣкоша.

«Тоже доктора Данила, иже въ крещеніи Стефанъ, въ застѣнкѣ жъ крѣпко пыташа, биша въ три кнута и огнемъ жгоша, и потомъ, такожде выведши на Красную площадь, изсѣкоша въ мелкія части». (Записки Медвѣдева, с. 15)

дневно могла ожидать ихъ повторенія, могла ежедневно ожидать страшнаго набата, грозныхъ выстрѣловъ, дикихъ криковъ, жалобныхъ воплей и стоновъ, рѣзни, грабежа, буйства, безчинства, сумятицы и анархіи. Ободренные успѣхомъ перваго мятежа, стрѣльцы стали до-невѣроятности дерзки, высокомѣрны и самоувѣренны, и чуть что не по нихъ—сейчасъ же готовы были схватиться за бердыши и пищали, «крикнуть ясакомъ» и раздѣлаться по-свойски съ кѣмъ угодно. Вздумалось имъ, по наущенію Софіи, чтобы вмѣстѣ съ Петромъ царствовалъ и братъ его, Іоаннъ,—и они требуютъ этого отъ правительства, какъ власть имѣющіе, присовокупляя, что «если кто этому воспротивится, они придутъ опять съ оружіемъ, и будетъ мятежъ не малый». Затѣяли нѣсколько тупоумныхъ изувѣровъ нелѣпое, но опасное дѣло «о премѣненіи церковномъ», о крыжахъ, о жезлахъ, о просфорахъ, о двуперстномъ знаменіи, о сугубой аллилуіи и т. п.,—и стрѣльцы первые являются къ нимъ на поддержку, принуждаютъ правительство къ постыднымъ уступкамъ, поднимаютъ народъ, публично бьютъ священниковъ, оскорбляютъ самою царевну Софію Алексѣевну и грозятъ идти снова въ Кремль, для убійствъ, говоря: «добромъ съ ними не раздѣлаешься; пора опять за собачьи шкуры приниматься». Попробовало правительство принять кое-какія рѣшительныя мѣры, необходимыя для огражденія общественной безопасности,—и стрѣльцы тотчасъ же приводятъ Москву въ осадное положеніе, расхищаютъ казенныя орудія, снаряды, порохъ, намѣреваются возмутить все государство, хотятъ требовать къ себѣ отовсюду на помощь служилыхъ людей, грозятся убить патріарха и перебить бояръ, повергаютъ въ ужасъ всю столицу. Словомъ, распускалъ ли кто-нибудь какой-нибудь нелѣпѣйшій слухъ (былъ ли то слухъ о томъ, что стрѣльцовъ «велѣно рубить», или о томъ, что отъ нѣмцевъ «благочестіе закоснѣло», или о томъ, что «зачинаетъ бунтъ царица съ братьями», или о томъ, что «потѣшные конюхи» хотятъ напасть на Кремль, или о томъ, что «царя за моремъ не стало, а царевича бояре хотятъ извести»),—и слухъ этотъ находилъ отзывъ и сочувствіе прежде всего въ стрѣлецкихъ полкахъ и слободахъ, и тамъ всегда отыскивались люди, готовые «*принять*» и бояръ, и нѣмцевъ, и потѣшныхъ конюховъ, и царицу съ братьями. Желала ли царевна Софія Алексѣевна или кто либо изъ ея друзей и клевретовъ прибѣгнуть къ какой нибудь рѣшительной мѣрѣ (въ родѣ покушенія на чью нибудь жизнь),—и они обращались не къ кому иному, какъ къ стрѣльцамъ, въ полной увѣренности, что эти достойные воины съ охотою согласятся на все, не отступятъ ни передъ чѣмъ...

А требовалось отъ нихъ исполненіе ихъ прямыхъ, служебныхъ обязанностей, — и они исполняли ихъ кое-какъ, неохотно, нерадиво, привыкнувъ барствовать, своевольничать, заниматься промыслами и торговлею и вести, вообще, образъ жизни, вовсе непохожій на образъ жизни людей «ратнаго чина». Посылались они на войну, — и собственные ихъ начальники боялись своихъ буйныхъ и непокорныхъ подчиненныхъ гораздо болѣе, чѣмъ непріятеля; а лицемъ къ лицу съ непріятелемъ стрѣльцы оказывались малодушными, трусливыми, бѣгали изъ траншей во время вылазокъ, неохотно шли въ огонь за солдатами, и Гордонъ, описывая въ своемъ дневникѣ азовскіе походы, не разъ горько жалуется на лѣность, безпечность и буйную строптивость стрѣлецкаго войска.

Попробовалъ же Петръ заставить служить ихъ поисправнѣе, такъ, какъ служили другіе полки, такъ, какъ служилъ самъ онъ — царь, въ потѣ лица снѣдавшій хлѣбъ свой, — и стрѣльцы отвѣтили на это правильнымъ сраженіемъ, даннымъ царскимъ войскамъ подъ стѣнами Воскресенскаго монастыря. Побѣда осталась не за ними; но виною тому была ужъ вовсе не добрая ихъ воля...

Кровавые розыски, немилосердныя казни, окончательное «скасованье» стрѣльцовъ были страшнымъ финаломъ, заключившимъ ихъ слишкомъ столѣтнее существованіе; но, вслѣдъ за симъ, мѣсто негоднаго, вреднаго войска, заступило войско, одержавшее полтавскую побѣду, и молодой царь, избавившись отъ важнѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ своихъ, могъ свободнѣе и дѣятельнѣе прежняго приняться за тѣ передѣлки, перестройки и преобразованія, которыя неимовѣрно-быстро возвели жалкую, полуазіатскую *Московію* на степень первостепенной европейской державы. А что было бы, еслибъ восторжествовали стрѣльцы? Что было бы, еслибъ имъ удалось завладѣть Москвой, низвергнуть правительство, прибрать къ своимъ рукамъ народъ и сдѣлаться хозяевами-распорядителями въ Русскомъ царствѣ? Крови, конечно, пролито было бы не меньше, чѣмъ при пыткахъ и казняхъ 1698 года, а затѣмъ — постоянная неурядица и нескладица, старая вѣра, старый *домострой*, старая дикость, старая тупость, старая жалкая, полуазіатская *Московія*, «о нравѣхъ и о разумѣ которой ни что же воспоминати имѣемъ, еже бы съ великою ея славою сопряженно было...»

Объ этомъ не думаютъ обличители и порицатели Петра Великаго, столь милые намъ благородствомъ своихъ чувствованій и гуманностью

воззрѣній; а, увлеченные ихъ обличительнымъ краснорѣчіемъ, мягкосердечные, но малосвѣдущіе люди падаютъ въ обморокъ при одномъ словѣ: «стрѣлецкія казни», и затѣмъ устремляютъ полныя умиленія очи въ глубь нашего минувшаго, въ волшебный сумракъ до-Петровской Руси. Мягкосердечныхъ, но малосвѣдущихъ людей, при воспоминаніи о стрѣлецкихъ казняхъ, болѣе всего ужасаетъ количество этихъ казней, цифра обезглавленныхъ, повѣшенныхъ, колесованныхъ, и они, проникаясь по этому поводу благороднѣйшимъ, восхитительнѣйшимъ негодованіемъ, проникаются вмѣстѣ съ тѣмъ и несокрушимымъ убѣжденіемъ, что въ доброе старое время ничего подобнаго и быть не могло; что если подвести итогъ рѣшительно всѣмъ казнямъ, когда-либо бывшимъ на до-Петровской Руси, то итогъ этотъ все-таки не дастъ и половину той цифры, которою выражается количество стрѣльцовъ, казненныхъ въ нѣсколько дней Петромъ Великимъ...

Ну, а какъ, напримѣръ, понравятся мягкосердечному, но малосвѣдущему читателю слѣдующія цифры и итоги, извлеченные нами (да и то невполнѣ еще) изъ синодика Вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря, —одного изъ тѣхъ знаменитыхъ, неподражаемыхъ, несравненныхъ синодиковъ, въ которыхъ, по царскому повелѣнію записывались «имена и прозванія преставльшихся (т. е. перебитыхъ) православныхъ христіанъ, мужей, женъ и дѣтей, разныхъ городовъ людей», для вѣчнаго поминовенія ихъ по всей Россіи:

«Помяни, Господи, души усопшихъ рабовъ своихъ и рабынь:

«Князя Михаила, Михаила, Тихона, Казарина Дубровскаго и двухъ сыновъ его; да съ нимъ десяти человѣкъ его, ихъ же имена, Ты Самъ, Господи, вѣси.

«Помяни, Господи, души:

«Въ Коломенскихъ селѣхъ:

«Скончавшихся православныхъ христіанъ, Ивановыхъ людей, дватцати человѣкъ; а имена ихъ Богъ вѣсть. Даждь имъ, Господи, вѣчную память!

«Въ Углѣ, въ Губинѣ:

«Православныхъ христіанъ девятнадцать человѣкъ: имена ихъ самъ, Господи, вѣси. Подаждь имъ вѣчную память!

«Въ Матоѳевщинѣ:

«Православныхъ христіанъ, скончавшихся осмьдесять четыре человѣка, да тремъ человѣкомъ руки сѣчены: имъ же имена Самъ, Господи, вѣси. Подаждь имъ вѣчную память!

«Въ Ивановскомъ болшомъ:

«Православныхъ христіанъ семнатцати человѣкъ, да четырнатцать человѣкъ ручнымъ усѣченіемъ конецъ пріяша: ихъ же имена Самъ вѣси, Господи. Дай имъ вѣчную память!

«Въ Ивановскомъ меншомъ:

«Исаковы жены людей Заборовского тринатцати человѣкъ, да седмь человѣкъ, рукъ отсѣченіемъ скончавшихся. Въ Городищи: трехъ человѣкъ. Въ Черміевѣ: Тевриса, Якова. Въ Суславѣ: двою человѣкъ. Въ Бѣжецкомъ Верху: Ивановыхъ людей шестьдесятъ пять человѣкъ, да дванадесять человѣкъ, скончавшихся ручнымъ усѣченіемъ: имена ихъ Ты, Господи, Самъ вѣси. Дай имъ вѣчную память!

«По городомъ:

«Князя Андрея Каотырева, князя Өеодора Троекурова, да его племянника: имя его Богъ вѣсть; Ворошила, да дватцать шесть человѣкъ ручнымъ усѣченіемъ животъ свой скончаша: имъ же имена Самъ Ты, Господи, вѣси.

«Нижегородцовъ:

«Іоанна, Даніила, благоверныя княгини монахини Евросиніи, княжъ Владимировы Андреевича матери Евдокіи, да съ нею старицъ, которыя съ нею были, да двунадесяти человѣкъ: имена ихъ Самъ, Господи, вѣси. Сотвори имъ вѣчную память!

«Новоторжцовъ:

«Салмана, Рудака, Богдана, Меншика, Григорія, Шарапа, Мисура, Іосифа; по Малютинскіе Ноугороцкіе посылки отдѣлано скончавшихся православныхъ христіанъ тысяща четыреста девятдесять человѣкъ; да изъ пищалей пятнатцать человѣкъ: ихъ же имена Самъ Ты, Господи, вѣси. Подаждь имъ вѣчную память!

«Нижегородцовъ:

«Іосія, Іоанна 2, священноіерея Григорія, священноіерея Космы, Маріи, Василія 3, Варлаама, Георгія, Іоанна 3, Симеона 2, Второго, Андрея 2, Третьяка 2, Горяшу, Адріана Щепятева, сына его Іоанна, Симеона. Богороцкаго села псарей штинадцати человѣкъ. Въ селѣ Братошинѣ псарей: дватцати человѣкъ. Въ Озерецкомъ селѣ: двухъ человѣкъ, Леонтіевыхъ людей Курмина. На заказѣ отъ Москвы шти человѣкъ: имена же тѣхъ Самъ, Господи, вѣси. Помяни ихъ во царствіи Твоемъ!

«Въ Клинѣ: каменщика Іоанна.

«Въ Мѣдне: Псковичь съ женами и съ дѣтьми ста и девятидесяти

человѣкъ: ихъ же имена Ты Самъ, Господи, вѣси. Помяни ихъ во царствіи Твоемъ!

«Сожженныхъ:

«Іова, Иларіона, Григорія, Іоанна; Псковичь съ женами и дѣтьми тритцати человѣкъ: имена ихъ Ты, Господи, вѣси. Подаждь имъ, Господи, вѣчную память!

«Помяни, Господи, души:

«Въ Новѣгородѣ побіенныхъ пятнатцати бабъ; называли ихъ ведуньями: имена имъ Богъ-вѣсть.

«И всѣмъ православнымъ христіаномъ скончавшимся, мужескаго, женскаго и дѣтскаго чина, которые выше сего, по выписи государскихъ книгъ, именами, чинами и прозваніями написаны: подаждь имъ, Господи, вѣчную память!» [1])

Итого «*скончавшихся* православныхъ христіанъ мужескаго, женскаго и дѣтскаго чина», по нашимъ выпискамъ, имѣется 1,995 человѣкъ. Всего же въ синодикѣ, доставившемъ намъ эти утѣшительныя свѣдѣнія, «преставльшихся», т. е. казненныхъ, значится 3,750 человѣкъ. Цифра, конечно, почтенная; но судить по ней о количествѣ «преставльшихся» за все время царствованія Іоанна Васильевича Грознаго было бы весьма неосновательно. Въ синодикѣ, выписками изъ котораго усладили мы читателя, число казненныхъ Новгородцевъ, напр., опредѣляется цифрою 1,505 человѣкъ; но вѣдь извѣстно, что во время знаменитаго новгородскаго погрома въ 1570 году, съ того самаго дня, какъ Іоаннъ Васильевичъ прибылъ къ великому и богоспасаемому Новугороду и сталъ съ дружиною своею на Городищѣ, въ двухъ верстахъ отъ посада, къ царю ежедневно представляли туда *на судъ* отъ пяти сотъ до тысячи и болѣе Новгородцевъ, которыхъ всѣхъ и *порѣшали* послѣ жесточайшихъ пытокъ. Въ этихъ пыткахъ главную роль играла какая-то «составная мудрость огненная» или «поджаръ»; порѣшали же Новгородцевъ, большею частію, такимъ образомъ: привязывали ихъ головами или ногами къ санямъ, приволакивали къ Волховскому мосту и оттуда бросали въ рѣку, тщательно наблюдая, чтобы никто не могъ спастись. Для этого нарочно разъѣзжали по Волхову на маленькихъ лодочкахъ дѣти боярскіе и стрѣльцы, и кто всплывалъ — того

[1]) Тетрадь, а въ ней имена писаны опальныхъ при царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1859 г., кн. III, с. 90—100.

они кололи копьями, рогатинами, баграми, рубили топорами. Женъ топили вмѣстѣ съ мужьями; грудныхъ дѣтей привязывали къ матерямъ... Пощады не было никому!...

Этотъ судъ производился ежедневно въ теченіе пяти недѣль, и, по словамъ Курбскаго, только въ одинъ изъ такихъ судебныхъ дней *порьшено* было разомъ 15,000 человѣкъ. Сверхъ того, еще до начала суда, забито было палками до смерти болѣе пяти сотъ игуменовъ, монаховъ и разныхъ монастырскихъ причетниковъ, передъ тѣмъ уже, въ продолженіе четырехъ дней, съ утра до ночи сѣченныхъ на правежѣ; а по окончаніи суда разосланы были во всѣ четыре стороны, по всѣмъ пятинамъ, станамъ и волостямъ, верстъ за двѣсти и болѣе отъ Новгорода, вооруженныя толпы, съ приказаніемъ вездѣ пустошить и грабить безъ пощады. Такой же грабежъ, такое же опустошеніе произведены были въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ. Царь лично присутствовалъ при этомъ, ѣздилъ изъ улицы въ улицу, изъ монастыря въ монастырь, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ ревностные исполнители его повелѣній разрушали дома, выбивали окна и ворота, ломали лавки и амбары, били скотъ, били людей, жгли хлѣбъ и пеньку, бросали въ рѣку воскъ и сало, дѣлили между собой шелковыя ткани, мѣха и другіе цѣнные товары. Весь этотъ страшный погромъ продолжался шесть недѣль...

Какою же цифрою слѣдуетъ опредѣлить итогъ всѣхъ «преставльшихся» съ 7-го января по 12-е февраля 1570 года Новгородцевъ? Лѣтописцы и историки въ этомъ разногласятъ; но, во всякомъ случаѣ, можно съ достовѣрностью положить, что число «*скончавшихся* православныхъ христіанъ мужескаго, женскаго и дѣтскаго чина», за время пребыванія въ великомъ и богоспасаемомъ Новѣгородѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго, было никакъ не менѣе 60,000 человѣкъ. Однихъ утопленныхъ было столько, что они запрудили собою Волховъ, и онъ долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро!... [1])

Столь же успѣшно дѣйствовалъ Іоаннъ Васильевичъ и на пути своемъ въ Новгородъ изъ Александровской слободы. Клинъ, Городня, Тверь, Вышній Волочокъ и всѣ мѣста до Ильменя опустошены были такъ, какъ будто прошла тутъ самая дикая, самая ожесточенная не-

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго, соч. Карамзина, т. IX, с. 145—149, и Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. Соловьева, т. VI, с. 228 и 229.

пріятельская армія. Въ одной Твери, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, погибло въ это время не менѣе 90,000 человѣкъ. Карамзинъ полагаетъ, что это число ошибочно; что вмѣсто 90,000 слѣдуетъ читать 9,000. Но вѣдь и 9,000—цифра очень недурная, въ особенности же, если взять въ соображеніе, что ни Тверь, ни Клинъ, ни Вышній Волочокъ, ни всѣ другія опустошенныя мѣста ровно ни въ чемъ не провинились предъ Іоанномъ Васильевичемъ. Жители этихъ городовъ и мѣстъ, ничего за собой не зная, ничего не подозрѣвая, встрѣчали царя какъ отца и защитника, дружину его какъ братьевъ; а *братья* грабили ихъ хуже Татаръ, убивали какъ бѣшеныхъ собакъ, пытали и мучили не для чего инаго, какъ для забавы, не щадя ни стариковъ, ни дѣтей, ни женщинъ. Убивали царскіе дружинники и всякаго, кто попадался имъ на дорогѣ, потому что походъ царя Іоанна Васильевича долженствовалъ быть тайною для Россіи... [1])

Такимъ образомъ, уже одинъ новгородскій погромъ съ походомъ оставляютъ далеко за собой, и въ *качественномъ*, и въ *количественномъ* отношеніяхъ, стрѣлецкое «скасовыванье» (въ *количественномъ* отношеніи новгородскій погромъ съ походомъ равняется, по крайней мѣрѣ, тридцати стрѣлецкимъ «скасовываньямъ»); а вѣдь это только одинъ небольшой эпизодъ въ многолѣтней дѣятельности Іоанна Васильевича Грознаго. Посвящая эту часть статьи нашей мягкосердечнымъ, но малосвѣдущимъ людямъ, скажемъ нѣсколько словъ и о нѣкоторыхъ другихъ *таковыхъ* же эпизодахъ, любопытныхъ или со стороны цифръ, или со стороны виртуозности въ пыткахъ и казняхъ. Пусть тогда самъ читатель рѣшитъ — слѣдуетъ ли признавать справедливымъ мнѣніе одного изъ нашихъ поэтовъ, изрекшаго, что «въ дѣлѣ пытокъ и казней, даже грозный царь Иванъ Васильевичъ является нѣжнымъ романтикомъ предъ великимъ Петромъ Алексѣевичемъ» [2]).

Грозный царь Иванъ Васильевичъ началъ, какъ извѣстно, становиться грознымъ вскорѣ послѣ кончины своей супруги Анастасіи Романовны, лишившись которой, онъ, по выраженію Карамзина, «лишился и добродѣтели». Одними изъ первыхъ жертвъ его въ это вре-

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго, т. IX, с. 145.

[2]) Это мнѣніе *одного изъ нашихъ поэтовъ* приводится г. Семевскимъ въ его разборѣ VI-го тома Исторіи Петра, соч. г. Устрялова («Русское Слово» за 1860 г., № 1). Г. Семевскій увѣряетъ, что, говоря о Петровскихъ розыскахъ, *невольно вспоминаешь эти слова.*

мя (въ 1560 году) были князья Оболенскій—Овчининъ и Репнинъ. Первый погибъ за одно неосторожное слово. Оскорбленный надменностью царскаго фаворита Өедора Басманова, Оболенскій попрекнулъ его тѣмъ, что онъ служитъ царю «гнусною содоміею». Басмановъ пожаловался Іоанну, и царь, разсвирѣпѣвъ, закололь собственноручно Оболенскаго ножемъ [1]). Князь Репнинъ убитъ былъ за то, что не хотѣлъ на пиру надѣть на себя маски и укорялъ царя, сильно подгулявшаго, за неприличіе его поведенія. Онъ убитъ былъ черезъ нѣсколько дней послѣ этого пира, въ церкви, у алтаря, во время чтенія Евангелія. Въ ту же ночь и тоже въ церкви убитъ былъ еще, по царскому повелѣнію, князь Юрій Кашинъ; а за что—неизвѣстно.

Со времени учрежденія опричины, дѣятельность Іоанна Васильевича по части пытокъ и казней приняла размѣры несравненно болѣе широкіе, чѣмъ прежде, и головы разныхъ бояръ и вельможъ, по большей части обвинявшихся въ разныхъ небывалыхъ «измѣнныхъ дѣлахъ», быстро скатывались одна за другою. Такъ въ 1565 году казнены были: князь Горбатый-Шуйскій съ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ, Хоэринъ, Головинъ, князь Сухой-Кашинъ, князь Горенскій и князь Шевыревъ. Послѣдній посаженъ былъ на колъ и мучился на колѣ цѣлый день, но, по словамъ Карамзина, «укрѣпляемый вѣрою, забывалъ муку и пѣлъ канонъ Іисусу». Пѣлъ онъ «на колѣ, яко на престолѣ сѣдящъ», говоритъ по этому поводу Курбскій, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Іоанну, и за симъ, обращаясь къ царю, прибавляетъ: «тебя было, пса, на такой же вострой престолъ посадить — альта припѣвать».

Не одни, впрочемъ, бояре и вельможи терпѣли въ это время отъ страшнаго царскаго гнѣва: доставалось отъ него въ недобрый часъ и всѣмъ; а недобрыхъ часовъ у Іоанна Васильевича было очень не мало. Ему вездѣ мерещились ковы и заговоры, измѣнники и крамольники, и пощады такимъ людямъ у него не было. Въ 1567 году, наприм., литовскій король Сигизмундъ-Августъ пытался переманить къ себѣ на службу нѣкоторыхъ московскихъ бояръ, и въ томъ числѣ и конюшаго Ивана Петровича Өедорова. Өедоровъ прямо отвѣчалъ Сигизмунду, что не погубитъ души своей гнусною измѣною, и передалъ письмо короля царю. Дѣло, кажется, было просто и ясно; но Іоаннъ Василье-

[1]) По словамъ нѣкоторыхъ писателей, Іоаннъ не закололь Оболенскаго, а приказалъ его удушить.

вичъ взглянулъ на него по-своему, заключилъ, что Ѳедоровъ съ своими сообщниками имѣетъ намѣреніе лишить его, престола,—и участь мнимыхъ измѣнниковъ и злоумышленниковъ была рѣшена. Въ присутствіи всего двора надѣлъ Іоаннъ Васильевичъ на Ѳедорова царскую одежду и вѣнецъ, посадилъ его на тронъ, далъ ему въ руку державу, снялъ съ себя шапку, низко поклонился и сказалъ: «буди здравъ, великій царь земли Русской! Се пріялъ ты отъ меня честь, тобою желаемую! Но имѣя власть сдѣлать тебя царемъ, могу и низвергнуть съ престола.» Вслѣдъ за этими словами Іоаннъ ударилъ Ѳедорова въ сердце ножемъ, а опричники тотчасъ же дорѣзали несчастнаго и бросили тѣло его на съѣденіе собакамъ. Убита была и старуха жена его, а потомъ начались казни всѣхъ мнимыхъ его сообщниковъ. Казнены были: князья Куракинъ-Булгаковъ и Ряполовскій, трое князей Ростовскихъ, князь Щенятевъ, князь Турунтай-Пронскій, государевъ казначей Тютинъ, думный дьякъ Казаринъ-Дубровскій и множество другихъ. Князь Турунтай-Пронскій былъ утопленъ. Князя Щенятева жгли на сковородѣ и вбивали ему за ногти длинныя иглы. Тютина и Дубровскаго разсѣкли на части. Разсѣкли же на части и жену Тютина, и двухъ молодыхъ ихъ дочерей, и двухъ малолѣтнихъ сыновей. Кровь лилась ручьями. Опричники бѣгали по городу съ длинными ножами и топорами и убивали публично человѣкъ по двадцати въ день. Трупы убитыхъ оставались на улицахъ и площадяхъ, и никто не смѣлъ къ нимъ прикоснуться. Вся Москва была въ ужасѣ...

Въ слѣдующемъ году, страшная царская опала постигла цѣлыхъ два города: Торжокъ и Коломну. Въ Торжкѣ, на ярмаркѣ, буйные опричники затѣяли ссору и драку съ жителями. Іоаннъ Васильевичъ, разумѣется, принялъ сторону опричниковъ, объявилъ торжковскихъ гражданъ бунтовщиками и велѣлъ ихъ бить, пытать, мучить, рѣзать и топить въ рѣкѣ. То же было и съ Коломной. Близъ этого города находились помѣстья казненнаго Ѳедорова; жители любили его, а по этой самой причинѣ были уже въ глазахъ Іоанна Васильевича измѣнниками и мятежниками.

Въ 1569 году погибъ двоюродный братъ царскій, князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій. Онъ былъ обвиненъ въ намѣреніи отравить царя — и самъ былъ отравленъ вмѣстѣ съ своею женою и двумя сыновьями. Іоаннъ Васильевичъ лично присутствовалъ при ихъ кончинѣ, любовался ихъ страшными корчами и муками, а потомъ, призвавъ къ себѣ боярынь и служанокъ княгини Старицкой, сказалъ

имъ: «вотъ трупы моихъ злодѣевъ. Вы служили имъ; но, изъ милосердія, дарую вамъ жизнь.» — «Мы не хотимъ твоего милосердія, звѣрь кровожадный! было отвѣтомъ царю:—растерзай насъ. Мы гнушаемся тобою и презираемъ и жизнь, и муки.»

Іоаннъ Васильевичъ приказалъ всѣхъ боярынь и служанокъ раздѣть до-нага и разстрѣлять. Мать князя Старицкаго была утоплена въ Шекснѣ.

И что ни годъ, что ни мѣсяцъ, что ни день, то все грознѣй и грознѣй становился грозный царь Іоаннъ Васильевичъ! Подозрительность и мнительность его переходили просто въ мономанію; онъ весь какъ-то перегорѣлъ въ злобѣ, страшно перемѣнился даже въ лицѣ, осунулся, высохъ, пожелтѣлъ, совсѣмъ почти лишился волосъ и на головѣ, и въ бородѣ, и въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ казался совершеннымъ старикомъ. Для него не было уже ни друзей, ни вѣрныхъ слугъ: онъ во всѣхъ видѣлъ измѣнниковъ и злоумышленниковъ, и самыя близкія къ нему лица не могли почитать себя въ безопасности. Лучшимъ доказательствомъ тому послужили Басмановы и князь Аѳанасій Вяземскій, люди, пользовавшіеся безграничнымъ расположеніемъ царя, бывшіе первыми его друзьями, наперсниками, совѣтниками и ревностнѣйшими исполнителями царской воли. Басмановы и Вяземскій много невинныхъ погубили своими клеветами,—наконецъ и сами пали жертвами клеветы. На нихъ и на нѣкоторыхъ другихъ взведено было страшное обвиненіе въ сношеніяхъ съ новгородскимъ архіепископомъ Пименомъ, съ цѣлью—сдать Новгородъ и Псковъ Литвѣ, Іоанна Васильевича извести, а на царство посадить князя Старицкаго. Басмановы, Вяземскій и показанные ихъ соумышленниками печатникъ Висковатовъ, казначей Фунпковъ, бояринъ Яковлевъ, дьяки Степановъ и Васильевъ немедленно же посажены были въ тюрьму и жестоко пытаны. Съ пытокъ они оговорили множество другихъ лицъ; тѣ были схвачены, тоже пытаны и тоже кое-кого оговорили, и такимъ образомъ составилось огромное *сыскное измѣнное дѣло*, представленное на разсмотрѣніе царю. Результатомъ этого разсмотрѣнія была, разумѣется, смертная казнь.

25 іюля 1570 года, на большой торговой площади въ Китай-городѣ поставлено было восемнадцать висѣлицъ, вокругъ которыхъ разложены были разныя орудія пытки. Тутъ же зажгли огромный костеръ и надъ нимъ повѣсили колоссальный чанъ съ водою. Привыкшіе уже къ зрѣлищамъ всевозможныхъ казней, московскіе жители,

тѣмъ не менѣе, приведены были въ ужасъ особенною торжественностью грозныхъ приготовленій, и въ страхѣ разбѣжались и попрятались, куда кто могъ. Площадь опустѣла, и только возлѣ висѣлицъ и костра осталась толпа опричниковъ, игравшихъ всегда въ подобныхъ случаяхъ роли заплечныхъ мастеровъ.

Въ страшной тишинѣ, царившей на страшной площади, раздались звуки бубенъ—и явился царь Іоаннъ Васильевичъ на конѣ, окруженный многочисленною свитою. За свитою шли осужденные на смерть—блѣдные, окровавленные, искалеченные, еле-передвигавшіе ноги. Всего было ихъ болѣе трехъсотъ человѣкъ.

Царь остановился у самыхъ висѣлицъ и, не видя нигдѣ зрителей, разгнѣвался и приказалъ опричникамъ отовсюду сгонять народъ. Въ нетерпѣніи, онъ поскакалъ вслѣдъ за опричниками самъ—и зрители явились. Тогда царь приказалъ отдѣлить отъ толпы осужденныхъ сто восемьдесятъ человѣкъ *менье виновныхъ* и торжественно даровалъ имъ жизнь. Послѣ того, остальнымъ громогласно прочтенъ былъ приговоръ и начались ужасныя, безчеловѣчныя казни. Висковатовъ былъ обнаженъ, повѣшенъ за ноги и разсѣченъ на части. Фуникова обливали то холодною, то кипящею водою, и онъ умеръ въ страшныхъ мукахъ. Другихъ кололи, вѣшали, рубили. Самъ Іоаннъ Васильевичъ, не сходя съ коня, закололъ копьемъ какого-то старика. Всего же, въ теченіе четырехъ часовъ, переказнено было самыми разнообразными казнями около двухъ сотъ человѣкъ, послѣ чего палачи-опричники, съ окровавленными мечами, топорами и копьями въ рукахъ, окружили царя и, восклицая «гойда! гойда!», прославляли царское правосудіе. Правосудный и довольный собою, царь объѣхалъ всю площадь, внимательно осмотрѣлъ груды окровавленныхъ труповъ и за симъ отправился съ визитомъ къ женамъ Висковатова и Фуникова. Онъ смѣялся надъ ихъ горькими слезами, мучилъ Фуникову, требуя у нея сокровищъ; хотѣлъ было помучить и пятнадцатилѣтнюю ея дочь, но раздумалъ и *отдалъ* ее старшему сыну своему, Іоанну... Послѣ того и Фуниковы, мать съ дочерью, и Висковатова заточены были въ монастырь, гдѣ всѣ онѣ и умерли съ горя.

Ни князя Вяземскаго, ни Басманова—отца не было видно на площади во время кровавыхъ сценъ 25 іюля. Вяземскій умеръ въ тюрьмѣ отъ пытокъ; Басманова же, по царскому повелѣнію, долженъ былъ

убить родной его сынъ, бывшій фаворитъ Іоанна Васильевича, казненный потомъ вмѣстѣ съ другими!... [1])

Черезъ три дня послѣ того, торговая площадь въ Китай-городѣ украсилась снова висѣлицами, кострами и разными орудіями пытки, покрылась снова палачами, жертвами и многочисленными зрителями. Казнено было въ этотъ день очень много *измѣнниковъ*; женъ же ихъ, въ числѣ восьмидесяти, утопили въ рѣкѣ. Малюта Скуратовъ, предводительствуя опричниками, разсѣкалъ трупы казненныхъ на части, и обезображенные останки цѣлую недѣлю валялись на площади, терзаемые собаками...

Словомъ, 1570 годъ былъ самымъ страшнымъ годомъ изъ всѣхъ страшныхъ годовъ, составляющихъ страшное царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго. Въ этомъ году, Богъ вѣсть за что, погибли: воевода князь Петръ Семеновичъ Оболенскій—Серебряный, думный совѣтникъ Очинъ—Плещеевъ, Хабаровъ-Добрынскій, Иванъ Воронцовъ, Василій Разладинъ, воевода Кирикъ-Тырковъ, Андрей Кашкаровъ, воевода Михаилъ Матвѣевичъ Лыковъ, воевода Никита Казариновъ-Голохвастовъ, Мясоѣдъ Вислой и др. Казариновъ-Голохвастовъ, приведенный въ ужасъ совершавшимися по сторонамъ злодѣйствами, уѣхалъ изъ Москвы и принялъ схиму въ какомъ-то монастырѣ на берегу Оки. Іоаннъ Васильевичъ приказалъ взорвать его на бочкѣ пороха, говоря, что схимники—ангелы и должны летѣть на небо. У Вислаго была красавица жена. Ее схватили, обезчестили и повѣсили на глазахъ мужа; а мужу отрубили голову [2]).

Въ томъ же 1570 году погибли: десять Колычевыхъ, нѣсколько князей Ярославскихъ, Прозоровскихъ, Ушатыхъ, Заболотскихъ, Бутурлиныхъ. Іоаннъ Васильевичъ любилъ казнить цѣлыми семействами, любилъ казнить нетолько женъ и дѣтей *измѣнниковъ*, но нерѣдко и всѣхъ ихъ родственниковъ, положительно уже ни въ чемъ неповинныхъ. Любилъ онъ также, какъ мы уже видѣли, расправляться съ *измѣнниками* и самъ, отличаясь въ этомъ дѣлѣ замѣчательною ловкостью. Такъ, напр., одного изъ упомянутыхъ нами князей Ярославскихъ, князя Ивана Шаховскаго, царь убилъ собственноручно булавою, и такого рода кончина должна была, вѣроятно, казаться весьма многимъ очень завидною, потому что большинство несчастныхъ, навлекавшихъ

[1]) Исторія Государства Россійскаго, т. IX, с. 157 и 158.

[2]) Тамъже, с. 160.

на себя царскій гнѣвъ, отдѣлывалось далеко не такъ легко! Для большинства существовали раскаленныя сковороды, особеннаго устройства печи, желѣзныя клещи, острые ногти, длинныя иглы, разрѣзыванье по суставамъ, перетиранье на двое тонкими веревками, сдиранье кожи, выкраиванье изъ спины ремней [1]) и множество самыхъ изысканныхъ, самыхъ утонченныхъ пытокъ и казней, при зрѣлищѣ которыхъ разглаживались морщины даже на угрюмомъ челѣ Іоанна Васильевича. Царь рѣшительно начиналъ чувствовать къ подобнымъ зрѣлищамъ какое-то страстное влеченіе, и очень нерѣдко послѣ обѣда отправлялся въ тюрьмы и казематы попытать тамъ какихъ-нибудь *измѣнниковъ*, единственно въ видахъ развлеченія, съ цѣлью пріятно убить нѣсколько часовъ. И дѣйствительно, послѣ этого Іоаннъ Васильевичъ дѣлался гораздо веселѣе, больше говорилъ, остроумнѣе шутилъ, чаще улыбался...

Иногда даже онъ не оканчивалъ и обѣда, ставилъ на столъ недопитый кубокъ, сзывалъ своихъ вѣрныхъ опричниковъ, садился на коня и скакалъ въ тюрьму—чинить застѣнокъ. Такъ однажды въ 1570 году, въ самомъ разгарѣ роскошнаго и веселаго пира, Іоаннъ Васильевичъ всталъ изъ-за стола, велѣлъ подать себѣ лошадь и отправился пытать литовскихъ плѣнниковъ, содержавшихся въ одной изъ московскихъ темницъ. На этотъ разъ, впрочемъ, любимое развлеченіе чуть было не обошлось царю очень дорого: одинъ изъ плѣнниковъ, дворянинъ Быковскій, вырвалъ изъ царскихъ рукъ копье, и еслибы не царевичъ Іоаннъ—родителю его не довелось бы больше тѣшиться застѣночными увеселеніями!.. Но царевичъ положилъ Быковскаго на мѣстѣ; опричники порѣшили еще болѣе ста литовцевъ, и царь при обычныхъ громкихъ восклицаніяхъ своей дружины: «гойда! гойда!»—съ торжествомъ вернулся во дворецъ и весело сѣлъ продолжать обѣдать... [2])

---

[1]) Тамъже, с. 161.

[2]) Тамъ же, с, 163. Была у Іоанна Васильевича и еще одна забава, въ особенности убѣдительно подтверждающая взгляды и мнѣнія нѣкоторыхъ нашихъ писателей, оправдывающихъ грознаго царя въ его неистовствахъ тѣмъ, что онъ, глубоко будто бы проникнутый какими-то чрезвычайно высокими государственными началами и идеями, губилъ одно вельможество, одну аристократію, постоянно щадя народъ. Іоаннъ Васильевичъ очень любилъ медвѣдей, которыхъ отовсюду присылали къ нему вмѣстѣ съ шутами и скоморохами. Медвѣди употреблялись царемъ преимущественно для травли людей—и въ наказаніе, и въ шутку. Травли эти производились большею частію зимой, когда передъ дворцомъ, на Москвѣ рѣкѣ, собиралось множество народа,

Но и въ рѣдкія веселыя минуты не всегда безопасно было являться передъ свѣтлыя очи грознаго царя Іоанна Васильевича, и это испыталъ на себѣ Старицкій воевода Борисъ Титовъ. Онъ вошелъ однажды къ царю, когда тотъ сидѣлъ за обѣдомъ, — поклонился до земли и произнесъ обычное привѣтствіе. «Буди здравъ, любимый мой воевода! Ты достоинъ нашего жалованья», отвѣчалъ Іоаннъ Васильевичъ—и ножемъ отхватилъ Титову ухо... [1])

Въ другой разъ, тоже за обѣдомъ, недовольный какою-то шуткою одного изъ самыхъ любимыхъ шутовъ своихъ, князя Гвоздева, царь вылилъ на него миску горячихъ щей. Гвоздевъ завопилъ благимъ матомъ и хотѣлъ бѣжать изъ комнаты; но Іоаннъ Васильевичъ ударилъ его ножемъ, и шутъ, обливаясь кровью, упалъ на полъ. Позвали тотчасъ же доктора Арнольфа. «Исцѣли добраго слугу моего, сказалъ ему царь:—я неосторожно пошутилъ съ нимъ». «Такъ неосторожно, отвѣчалъ Арнольфъ: — что развѣ только Богъ, да твое царское величество можетъ воскресить умершаго. Въ немъ уже нѣтъ дыханія».

Іоаннъ Васильевичъ махнулъ рукой, назвалъ убитаго псомъ и продолжалъ кушать... [2])

Такую же участь испыталъ нѣкто Молчанъ Митьковъ. Принуждаемый царемъ выпить чашу крѣпкаго меда, Митьковъ съ горестью воскликнулъ: «О, царь! Ты велишь намъ пить съ тобою медъ, смѣшанный съ кровью нашихъ братьевъ, христіанъ православныхъ!...» Іоаннъ Васильевичъ хватилъ за это дерзкаго своимъ знаменитымъ жезломъ, и Митьковъ едва успѣлъ перекреститься прежде, чѣмъ испустить послѣднее дыханіе... [3])

И лилась такимъ образомъ кровь въ тюрьмахъ и во дворцѣ, на площадяхъ и въ церквахъ; и гибли въ страшныхъ мукахъ бояре и шуты, недруги и друзья, виновные и невинные. Нашествіе въ 1571 году крымскаго хана на Москву и внезапная болѣзнь царской невѣсты,

---

для катанья по льду. Іоаннъ Васильевичъ приказывалъ выпускать на народъ трехъ или четырехъ медвѣдей, и отъ души хохоталъ, видя, какъ медвѣди врѣзывались въ толпу, производили въ ней страшную суматоху и, захвативъ какого нибудь неосторожнаго катальщика, расправлялись съ нимъ по-свойски. Изъ этого, конечно, нельзя не вывести заключенія, что Іоаннъ Васильевичъ губилъ *одно вельможество, одну аристократію, постоянно щадя народъ.*

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, с. 162.

[3]) Тамъ же, с. 164.

Мароы Васильевны Собакиной, подали поводъ къ новымъ розыскамъ и казнямъ, жертвами которыхъ, между прочимъ, были слѣдующія лица: царскій шуринъ князь Михайло Темрюковичъ, двое братьевъ Яковлевыхъ, воевода Замятнинъ-Сабуровъ и бояринъ Левъ Андреевичъ Салтыковъ. Михайло Темрюковичъ былъ посаженъ на колъ; Яковлевыхъ засѣкли; Салтыкова постригли въ монахи въ Троицкой обители и тамъ умертвили. Въ это же время, и безъ–того уже богатый репертуаръ казней обогатился еще новымъ способомъ *порѣшать* лиходѣевъ и измѣнниковъ. Царскій докторъ Бомелій предложилъ къ услугамъ Іоанна Васильевича своего собственнаго изобрѣтенія ядъ, составленный такъ искусно, что отравляемый имъ умиралъ съ математическою точностію въ опредѣленную минуту. Царь былъ очень доволенъ остроумнымъ изобрѣтеніемъ своего врача, и прелесть этого изобрѣтенія испытали на себѣ очень многіе, заподозрѣнные или въ измѣнѣ, открывшей крымскому хану путь къ Москвѣ, или въ *порчѣ* Мароы Васильевны Собакиной. Въ числѣ первыхъ, вкусившихъ бомеліевскій ядъ, были: одинъ изъ царскихъ любимцевъ, Григорій Грязной, и князь Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій.

Въ послѣдующемъ году уничтожена была опричнина, и кровавыя сцены пытокъ и казней нѣсколько рѣже стали пугать московскихъ жителей. Но характеръ этихъ пытокъ и казней попрежнему былъ безчеловѣчно-жестокъ, и попрежнему никто въ цѣлой Россіи не могъ поручиться, вставая утромъ, что онъ уцѣлѣетъ къ вечеру и не отдастъ Богу душу въ какой нибудь замысловатой печи или на какой нибудь особеннаго устройства сковородѣ. Отъ царской опалы и ея страшныхъ послѣдствій не спасали ни лѣта, ни полъ, ни санъ, ни заслуги, и лучшимъ доказательствомъ тому послужила мученическая кончина знаменитаго воеводы, князя Михаила Воротынскаго. Обвиненный рабомъ своимъ въ чародѣйствѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ злыми вѣдьмами и въ умыслѣ извести царя, шестидесятилѣтній воевода преданъ былъ жесточайшимъ пыткамъ. Его связали, положили между двухъ огней и медленно поджаривали, причемъ самъ Іоаннъ Васильевичъ жезломъ своимъ пригребалъ пылавшіе уголья къ тѣлу Воротынскаго. Послѣ пытки, еле-живаго старика повезли въ ссылку на Бѣлоозеро; но онъ умеръ на дорогѣ.

Въ этомъ же году и въ слѣдующихъ были казнены и замучены: воевода князь Никита Одоевскій, бояринъ Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ, съ женою и двумя сыновьями, окольничіе Зайцевъ и Собакинъ,

князь Тулуповъ, Никита Борисовъ, Калистъ Васильевичъ Собакинъ, князь Иванъ Деветелевичъ, псковскій игуменъ Корниліи, ученикъ его Вассіанъ Муромцевъ и новгородскій архіепископъ Леонидъ. Корнилій и Муромцевъ были какимъ-то особеннымъ «мучительнымъ» орудіемъ раздавлены; Леонида зашили въ медвѣжью шкуру и затравили собаками [1]. Въ 1582 году, весь этотъ длинный рядъ страшныхъ убійствъ достойнымъ образомъ завершенъ былъ Іоанномъ Васильевичемъ убійствомъ роднаго сына.

Пусть же теперь мягкосердечный читатель добросовѣстно и внимательно сопоставитъ изображенныя нами (и изображенныя еще далеко не во всей полнотѣ) картины пытокъ и казней, произведенныхъ въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, картинамъ пытокъ и казней, произведенныхъ при Петрѣ; пусть сравнитъ онъ эти пытки и казни по *количеству* и *качеству*; пусть обсудитъ причины, заставлявшія того и другаго государя рубить головы, ломать члены, сѣчь и обжигать спины; пусть въ особенности не забываетъ, что безпримѣрная въ нашей исторіи рѣзня, извѣстная подъ названіемъ новгородскаго погрома, учинена была не почему иному, какъ по ложному, неизслѣдованному извѣту злаго негодяя, наказаннаго за свои скверныя продѣлки новгородскими гражданами и желавшаго отомстить имъ;—пусть припомнитъ, разберетъ и взвѣситъ все это мягкосердечный читатель, и если онъ даже и послѣ того не назоветъ нелѣпымъ столь восхищающее г. Семевскаго изреченіе *одного изъ нашихъ поэтовъ*, что «въ дѣлѣ пытокъ и казней, даже грозный царь Иванъ Васильевичъ является нѣжнымъ романтикомъ предъ великимъ Петромъ Алексѣевичемъ»; если онъ и послѣ того не перестанетъ восхищаться тѣми молодецкими, ухарскими взглядами на «великаго преобразователя нашего», которые выдаются за взгляды, основанные на самоновѣйшихъ *выводахъ науки*, то мы будемъ только умиляться предъ его, мягкосердечнаго читателя, твердостью и стойкостью, но никакъ ужъ не пожелаемъ такихъ же качествъ себѣ, по силѣ россійскаго изреченія: «кто своей душенькѣ врагъ?»..

Но оставимъ въ покоѣ *нѣжнаго романтика* Іоанна Васильевича Грознаго. Іоаннъ Васильевичъ Грозный—царь *не въ примѣръ другимъ*, человѣкъ—*особнякъ*, и сужденія о немъ должны быть (и есть) тоже особенныя. Іоаннъ Васильевичъ Грозный, по словамъ Г. К. Аксакова,—

(1) Тамъ же, с. 265.

художникъ; а вѣдь извѣстно, что художникамъ еще у древнихъ Римлянъ *все дозволялось* ([1]). Возьмемъ другаго старорусскаго царя съ натурою болѣе нормальною, болѣе обыкновенною—напримѣръ Бориса Өедоровича Годунова. Его никто не называетъ художникомъ; но его, вообще, хвалятъ, и хвалятъ, во многихъ отношеніяхъ, за дѣло, по заслугамъ. Борисъ Өедоровичъ былъ человѣкъ умный, дѣльный, хорошій, оставившій по себѣ на Руси добрую память; а между тѣмъ и на его совѣсти лежитъ дѣло, блистательно опровергающее мнѣніе мягкосердечныхъ, но малосвѣдущихъ людей, полагающихъ, что въ любезномъ отечествѣ нашемъ, до Петра, не было никогда такихъ *гуртовыхъ*, страшныхъ по количеству жертвъ, казней, каковы были казни стрѣльцовъ въ 1698 году. Дѣло, о которомъ мы говоримъ, относится къ темной, таинственной исторіи убіенія царевича Димитрія. Исторія эта темна, таинственна и доселѣ еще *покрыта мракомъ неизвѣстно-*

([1]) «Іоаннъ IV былъ природа художественная, художественная въ жизни, говоритъ г. К. Аксаковъ въ своей рецензіи на VI томъ исторіи Россіи, соч. Соловьева (Русская Бесѣда за 1856 г. № 4):—образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красотою; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести, и наконецъ *самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью*...

«Въ Іоаннѣ была художественная природа, не основанная на нравственномъ чувствѣ. Она влекла его отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ, и эти картины любилъ онъ осуществлять въ жизни. То представлялась ему площадь, полная присланныхъ ото всей земли представителей — и царь, стоящій торжественно подъ осѣненіемъ крестнымъ на лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства—и опять царь посрединѣ, предлагающій вопросы. То являлись ему, *тоже съ художественной стороны*, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народы... и вотъ ужасы казней московскихъ, ужасы Новгорода. То являлся предъ нимъ монастырь, черныя одежды, постъ, молитва, покаяніе, труды и земные поклоны—картины царскаго смиренія, и, увлеченный ею, онъ обращалъ и себя, и опричниковъ въ отшельниковъ, а дворецъ свой въ обитель. Какъ трудно тому, кто любитъ картину покаянія, покаяться въ самомъ дѣлѣ»!

И глубоко, и трогательно, и художественно! Жаль только, что такого рода *художественность* прямо низводитъ Іоанна Васильевича на степень тѣхъ несчастныхъ, уродливыхъ поврежденныхъ, тѣхъ страшныхъ мономановъ, которые мучатъ и убиваютъ людей единственно ради какого-то непонятнаго неповрежденному человѣку наслажденія, доставляемаго муками жертвъ. Въ этомъ, конечно, есть доля правды, и это самое уже можетъ служить нѣкоторымъ оправданіемъ Іоанну Васильевичу; но г. К. Аксаковъ хотѣлъ сказать вовсе не то своими краснорѣчивыми толками о *художественной природѣ, не основанной на нравственномъ чувствѣ.*

сти, какъ любилъ выражаться покойный г. Кайдановъ; но послѣдствія ея хорошо извѣстны, и на эти-то послѣдствія мы и желаемъ обратить вниманіе читателей.

Угличскіе граждане умертвили тѣхъ, на кого имъ указали, какъ на убійцъ царевича. Угличскіе граждане, конечно, распорядились самоуправно и, стало-быть, незаконно; но припомнимъ всѣ обстоятельства дѣла—и мы никакъ не рѣшимся обвинять угличанъ, мы невольно станемъ на ихъ сторону. 15 мая 1591 года, въ шестомъ часу дня, тихій Угличь былъ внезапно встревоженъ страшными звуками набата съ соборной колокольни; въ то же время по всѣмъ городскимъ улицамъ скакали верховые, стучась во всѣ ворота и говоря каждому встрѣчному: «чего стоите? царя у васъ нѣтъ»! Эта страшная вѣсть въ нѣсколько минутъ облетѣла весь Угличь, и народъ со всѣхъ сторонъ повалилъ къ дворцу.

Раздирающее душу зрѣлище представилось всѣмъ взорамъ! У нижняго дворцоваго крыльца, распростертъ былъ на землѣ девятилѣтній царевичъ—бездыханный, облитый кровью, съ широкою и глубокою раною на шеѣ; возлѣ него лежали: почти-что обезумѣвшая отъ горя мать его и лишившаяся чувствъ кормилица. Народъ окружаетъ ихъ въ ужасѣ, въ оцѣпенѣніи; но царица произноситъ имена Волохова, Битяговскаго и Качалова,—и разсвирѣпѣвшіе угличане бросаются во всѣ стороны искать злодѣевъ.

Злодѣи найдены,—и народъ мгновенно умерщвляетъ ихъ, невольно уступая бурнымъ чувствамъ раздраженія и негодованія, произведеннымъ внезапнымъ набатомъ, всеобщимъ переполохомъ и ужаснымъ зрѣлищемъ зарѣзаннаго ребенка,—ребенка, предназначавшагося быть русскимъ царемъ. Чувства угличанъ въ этомъ случаѣ нетолько совершенно понятны, но и совершенно естественны.

Что же послѣ того произошло? Угличане, опомнившись и понимая, что они хоть и правому дѣлу послужили, но послужили незаконно, немедленно отправили на имя царя граммату, въ которой разсказывалось обо всемъ, случившемся въ Угличѣ, безъ всякой утайки. Граммата эта, стараніями Бориса Ѳедоровича Годунова, была перехвачена, и вмѣсто нея представлена была Ѳедору Іоанновичу другая, по которой значилось, что царевичъ Димитрій зарѣзался самъ, въ припадкѣ падучей болѣзни; что это произошло отъ небреженія Нагихъ; что Нагіе, прикрывая вину свою, безсовѣстно оклеветали Битяговскаго и другихъ, взволновали народъ, злодѣйски умертвили многихъ невинныхъ

и т. д. Ѳедоръ Іоанновичъ назначилъ по угличскому дѣлу слѣдствіе. Слѣдствіе произведено было наскоро, поверхностно и крайне недобросовѣстно. Слѣдователи, дѣйствуя по заранѣе составленной программѣ, не обращали вниманія ни на противорѣчія и сбивчивость въ показаніяхъ очевидцевъ, ни на укрытіе самыхъ главныхъ и важныхъ обстоятельствъ, долженствовавшихъ стоять на первомъ планѣ. Имъ нужно было прежде всего собрать какъ можно болѣе свидѣтельствъ о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ,—и они, разумѣется, въ этомъ успѣли.

Донесенія слѣдователей представлены были Ѳедору Іоанновичу, а Ѳедоръ Іоанновичъ передалъ ихъ на верховный судъ патріарху Іову, одному изъ преданнѣйшихъ сторонниковъ Бориса Ѳедоровича Годунова. Патріархъ порѣшилъ, что смерть царевичу приключилась судомъ Божіимъ, и что, стало-быть, угличане умертвили, по указанію Нагихъ, людей совершенно невинныхъ. Вслѣдствіе этого, Нагихъ, а также и кормилицу Димитрія велѣно было привезти въ Москву, въ оковахъ. Въ Москвѣ ихъ еще разъ допрашивали и пытали; но ни отъ кого не могли добиться показанія о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ. Тѣмъ не менѣе, всѣхъ обвиненныхъ наказали жестоко: Нагихъ разослали по отдаленнымъ городамъ и заключили въ темницы; мать Димитрія постригли въ монахини и заточили въ дикую Выксинскую пустынь, за Бѣлоозеро; угличскихъ же гражданъ, объявленныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію въ числѣ *двухъ сотъ человѣкъ*. Многимъ еще, сверхъ того (чтобъ не болтали), отрѣзали языки; многихъ засадили въ тюрьмы; бо́льшую же часть сослали въ Сибирь, гдѣ угличане и заселили цѣлый городъ Пелымъ. А Угличъ съ тѣхъ поръ запустѣлъ совершенно.

Дѣло это, повторяемъ, доселѣ еще *покрыто мракомъ неизвѣстности*, и мракъ этотъ, по всей вѣроятности, не разсѣется никогда; но если даже, убитые народомъ, Битяговскій съ товарищами и въ самомъ дѣлѣ были невинны, то все-таки наказаніе, постигшее за это угличанъ, было черезчуръ жестоко. Имъ, вѣдь, назвала Битяговскаго, Качалова и Волохова убійцами царевича сама царица; они видѣли собственными глазами окровавленный трупъ несчастнаго ребенка, отчаяніе его матери, безчувственное состояніе его кормилицы; они любили и почитали Димитрія, какъ будущаго своего царя; они были испуганы, взволнованы, раздражены—могли ли же они совладѣть съ своими чувствами? могли ли они дѣйствовать хладнокровно и обдуманно, и кто назоветъ порывъ ихъ праведной мести возмутительнымъ или безчеловѣчно-жестокимъ?

Передъ закономъ, конечно, они, во всякомъ случаѣ, были неправы; но—двѣсти человѣкъ казненныхъ, множество изуродованныхъ, множество заточенныхъ въ тюрьмы, множество сосланныхъ въ Сибирь—это, какъ хотите, черезчуръ ужъ эффектно!..

А если (какъ то и слѣдуетъ предполагать, не искажая фактовъ и не насилуя истины) Димитрій былъ убитъ, и убитъ по желанію Годунова, для котораго смерть царевича была положительно необходима; если, такимъ образомъ, угличане покарали дѣйствительныхъ убійцъ, дѣйствительныхъ злодѣевъ, а сами пали жертвами жестокаго эгоизма и безчеловѣчнаго властолюбія Годунова,—какъ вы думаете, читатель,—лучше или хуже эта исторія стрѣлецкихъ розысковъ и казней, бывшихъ, какъ мы видѣли, однимъ справедливымъ возмездіемъ за цѣлый рядъ преступныхъ замысловъ и дѣйствій, за многократные безпорядки, смуты, кровопролитія, за открытое грозное возстаніе съ оружіемъ въ рукахъ, возстаніе, которое могло отозваться самыми страшными послѣдствіями для всей Россіи?..

Теперь еще одинъ маленькій эпизодецъ изъ исторіи допетровской Руси, «еще одно послѣднее сказанье» для характеристики умилительнаго благодушія старорусскихъ царей, и приведенные нами факты, надѣемся, поколеблятъ нѣсколько наивныя вѣрованія мягкосердечныхъ, но малосвѣдущихъ людей, полагающихъ, въ простотѣ души своей, что, до стрѣлецкихъ розысковъ и казней, въ дорогомъ отечествѣ нашемъ и слухомъ было не слыхать, и видомъ было не видать ужасающихъ количествомъ жертвъ побоищъ. Вотъ этотъ эпизодецъ:

Войны, мятежи и всякаго рода общественныя бѣдствія, ознаменовавшіе царствованіе Алексѣя Михайловича, сильно отозвались на государственныхъ финансахъ, плохое состояніе которыхъ становилось ощутительнѣе съ году на годъ. Народъ, въ слѣдствіе этого, былъ истощаемъ тяжкими податями, торговые люди—платежемъ пятой деньги. Въ 1656 году не хватило казны даже на жалованье ратнымъ людямъ, и царь велѣлъ выпустить мѣдныя деньги, имѣвшія нарицательную цѣну серебряныхъ. Въ 1657 и 1658 годахъ деньги эти, дѣйствительно, ходили, какъ серебряныя; но съ сентября 1658 года онѣ стали понижаться въ цѣнѣ, а именно: на рубль надобно было надавать шесть денегъ. Съ марта 1659 года, на рубль надобно было наддавать уже по десяти денегъ, и наддача эта шла *crescendo* въ страшной прогрессіи. Наступила ужасная дороговизна, не взирая на

всѣ указы, запрещавшіе возвышать цѣны на предметы первой необходимости; появилось множество фальшивыхъ денегъ, не взирая на жестокія казни, которымъ подвергались попадавшіеся фальшивые монетчики. Преступникамъ заливали горло расплавленнымъ металломъ, отсѣкали руки и ноги, и прибивали ихъ къ стѣнамъ денежныхъ дворовъ; но надежда на быстрое обогащеніе имѣла такую чарующую силу, что фальшивые монетчики не унимались и безстрашно продолжали свое дѣло, тѣмъ болѣе, что, при достаткѣ, можно было всегда откупиться отъ бѣды, давъ хорошую взятку царскому тестю, Ильѣ Даниловичу Милославскому, или думному дворянину Матюшкину, за которымъ была родная тетка царя по матери. Плутовали и головы, и цѣловальники, назначенные изъ гостей и торговыхъ людей для разсмотрѣнія, пріема и расхода денегъ на денежныхъ дворахъ. Пользуясь своимъ положеніемъ, они покупали мѣдь въ Москвѣ и въ Швеціи, привозили ее вмѣстѣ съ царской мѣдью на денежные дворы, дѣлали изъ нея деньги и клали ихъ себѣ въ карманъ. Дѣла, вообще, были очень плохи; повсюду слышались жалобы и ропотъ.

Весною 1662 года стали ходить по Москвѣ слухи, что чернь хочетъ взбунтоваться «за перемѣну въ денежномъ дѣлѣ;» но слухи эти оправдались не прежде іюля. Въ двадцатыхъ числахъ этого мѣсяца въ городѣ заговорили, что бояринъ Милославскій, окольничій Ѳедоръ Ртищевъ, гость Василій Шоринъ и нѣкоторые другіе знатные люди «ссылаются листами съ польскимъ королемъ, хотя Московское государство погубить и подать польскому королю.» 25 іюля, рано утромъ, собрались на Срѣтенкѣ огромныя толпы народа для совѣщанія о пятинной деньгѣ. Въ то же время на Лубянкѣ замѣтили приклеенную къ столбу бумажку, на которой было написано: «измѣнникъ Илья Даниловичъ Милославскій, да окольничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, да Иванъ Михайловичъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ.» Записку эту со столба сорвали, и всѣмъ міромъ понесли ее въ Коломенское, гдѣ жилъ въ то время царь Алексѣй Михайловичъ.

Алексѣй Михайловичъ, узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ, что онъ тотчасъ же послѣ обѣдни поѣдетъ въ Москву «и въ томъ дѣлѣ учинитъ сыскъ и указъ.» Толпа окружала царя со всѣхъ сторонъ, и спрашивала: «чему вѣрить?» Алексѣй Михайловичъ «обѣщался Богомъ,» далъ на своемъ словѣ руку, и одинъ изъ народа ударилъ съ царемъ по рукамъ. Вслѣдъ за симъ толпа пошла обратно въ

Москву, куда Алексѣй Михайловичъ отправилъ немедленно князя Ивана Андреевича Хованскаго.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, другая толпа занималась уже грабежемъ дома Шорина. Самъ Шоринъ успѣлъ скрыться; но сынъ его, пятнадцатилѣтній мальчикъ, былъ схваченъ и долженъ былъ служить свидѣтелемъ противъ отца. Хованскій сталъ уговаривать народъ—прекратить смуту и не грабить ни чьихъ домовъ, потому что сейчасъ пріѣдетъ самъ царь и «учинитъ сыскъ и указъ.» Въ отвѣтъ князю закричали: «ты, бояринъ, человѣкъ добрый, и службы твоей къ царю противъ польскаго короля много. Намъ до тебя дѣла нѣтъ; но пусть царь выдастъ намъ головою измѣнниковъ бояръ, которыхъ мы просимъ.» Тогда Хованскій отправился назадъ въ Коломенское, а въ слѣдъ за нимъ повалилъ и народъ, захвативъ съ собой и Шорина сына. На дорогѣ имъ встрѣтилась первая толпа, возвращавшаяся отъ царя въ Москву. Ее уговорили вернуться, и вся эта шумная ватага нахлынула въ Коломенское въ то самое время, когда Алексѣй Михайловичъ садился уже на лошадь, чтобы ѣхать въ городъ.

Къ нему подвели Шорина, и мальчикъ, напуганный угрозами, долженъ былъ наговаривать царю на роднаго своего отца, между тѣмъ какъ толпа неугомонно требовала выдачи измѣнниковъ—бояръ «для убійства.» Алексѣй Михайловичь отвѣчалъ, что онъ именно «для сыску того дѣла» ѣдетъ къ Москвѣ; но народъ твердилъ свое, крича: «буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь,—мы возьмемъ ихъ у тебя сами, по своему обычаю!» Тогда «царь, говоритъ Котошихинъ:—видя ихъ злой умыслъ, что пришли недобро и говорятъ невѣжливо, съ грозами, и провѣдавъ, что стрѣльцы къ нему на помочь съ село пришли, закричалъ и велѣлъ столникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ, и жилцомъ, и стрѣлцомъ, и людемъ боярскимъ, которые при немъ были, тѣхъ людей бити и рубити до смерти, и живыхъ ловити. И какъ ихъ начали бить, и сѣчь, и ловить, и имъ было противиться не умѣть, потому что въ рукахъ у нихъ не было ничего, ни у кого, почали бѣгать и топитися въ Москву рѣку,—и потопилося ихъ въ рѣкѣ болши 100 человѣкъ, а пересѣчено и переловлено болши 7000 человѣкъ, а иные разбѣжались. И того жъ дни около того села повѣсили со 150 человѣкъ, а досталнымъ всѣмъ былъ указъ: пытали и жгли, и, по сыску, за вину, отсѣкали руки и ноги, и у рукъ и у ногъ палцы, а иныхъ, бивъ кнутьемъ, и клали на лицѣ, на правой сторонѣ, признаки, розжегши желѣзо; а поставлено на томъ желѣзѣ

«буки», то есть, бунтовщикъ, чтобъ былъ до вѣку признатенъ. И, чиня имъ наказанія, разослали всѣхъ въ дальніе городы, въ Казань, и въ Астарахань, и на Терки, и въ Сибирь, на вѣчное житье; и послѣ ихъ, по сказкамъ ихъ, гдѣ кто жилъ и чей кто ни былъ, и женъ ихъ и дѣтей потому жъ за ними разослали. А инымъ пущимъ воромъ того жъ дни, въ ночи, учиненъ указъ: завязавъ руки назадъ, посадя въ болшіе суды, потопили въ Москвѣ рѣкѣ. А которые люди пришли въ то село для челобитья дѣлъ своихъ, до того смутнаго времени, и люди ихъ знали, и челобитные ихъ сыскались: и такихъ уволнили. А тѣ всѣ, которые казнены, и потоплены, и разосланы — не всѣ были воры; а прямыхъ воровъ болши не было что съ 200 человѣкъ. И тѣ невинные люди пошли за тѣми ворами смотрить, что они, будучи у царя, въ своемъ дѣлѣ учинятъ; а воромъ на такое множество людей надежно было говорить и чинить что хотѣли, — и отъ того всѣ погинули, виноватой и правой. А были въ томъ смятеніи люди торговые, и ихъ дѣти, и рейтары, и хлѣбники, и мясники, и пирожники, и деревенскіе, и гулящіе, и боярскіе люди; а Поляковъ и иныхъ иноземцовъ, хотя на Москвѣ множество живетъ, не сыскано въ томъ дѣлѣ ни единаго человѣка, кромѣ Рускихъ. И на другой день пріѣхалъ царь къ Москвѣ, и тѣхъ воровъ, которые грабили домы, велѣлъ повѣсить по всей Москвѣ, у воротъ, человѣкъ по 5 и по 4; а досталнымъ былъ указъ таковъ же, что и инымъ. [1])»

Такимъ образомъ, изъ-за двухъ сотъ «прямыхъ воровъ», вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они пришли «недобро» и говорили «невѣжливо, съ грозами» — погибло болѣе семи тысячъ человѣкъ, ровно ни въ чемъ неповинныхъ! И вѣдь какъ все это просто и ловко было сдѣлано! Разгнѣвался царь, закричалъ зычнымъ голосомъ, — и пошли стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, стрѣльцы и люди боярскіе бить и рубить кого ни попало, благо же противники были совершенно безоружны. Захвативъ потомъ тоже кого ни попало, стали схваченныхъ вѣшать, топить, пытать, клеймить, калечить и ссылать въ ссылку безъ всякаго суда и допроса... Очень хорошо!..

А вѣдь Алексѣй Михайловичъ пользуется репутаціею весьма благодушнаго человѣка. Самъ Котошихинъ называетъ его *гораздо тихимъ*; по словамъ же г. Владиміра Ламанскаго, «привѣтливаго, добраго, даровитаго» Алексѣя Михайловича слѣдуетъ почитать «однимъ

[1]) О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича, гл. VII, 9

изъ благороднѣйшихъ представителей нашей народности, однимъ изъ лучшихъ людей — монарховъ въ европейской исторіи вообще ([1])». Положимъ, что все это, въ извѣстной степени, и справедливо, но — спрашиваемъ мы опять безпристрастнаго читателя — уступаетъ ли хоть въ чемъ нибудь стрѣлецкимъ розыскамъ и казнямъ разсказанный нами «пассажъ» изъ царствованія *гораздо тихаго* Алексѣя Михайловича, и можно ли, несмотря на этотъ «пассажъ», Алексѣя Михайловича провозглашать все-таки «однимъ изъ лучшихъ людей — монарховъ въ европейской исторіи вообще», Петра же, несмотря на всѣ его колоссальныя заслуги, обвинять за стрѣльцовъ въ неслыханной, небывалой жестокости, чуть не низводя его при этомъ — какъ мы уже замѣтили выше — на степень Нероновъ, Каллигулъ, Геліогабаловъ и тому подобныхъ выродковъ?

Какое же заключеніе слѣдуетъ вывести изъ всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ по части количества и качества пытокъ и казней въ до-петровской Россіи? Разумѣется, то, что мягкосердечные, но маловѣдующіе люди ошибаются горько, почитая стрѣлецкія казни первымъ примѣромъ *гуртоваго*, ужасающаго количествомъ жертвъ, побоища на Руси, первымъ случаемъ, когда русская кровь лилась потоками, и русскія головы скатывались съ плечъ сотнями по приговору русскаго же властителя. Все это продѣлывалось у насъ и въ доброе старое время, и вся разница между *ужасами* петровскаго царствованія и *ужасами* добраго стараго времени заключается въ томъ, что первые вызывались существеннѣйшею необходимостью, вторые же... Но читатель уже знаетъ, изъ-за чего разгромилъ Новгородъ и ежедневно терзалъ своихъ подданныхъ Іоаннъ Васильевичъ Грозный, почему разразился казнями надъ Угличемъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, за что перебилъ, перетопилъ, перевѣшалъ и перекалечилъ болѣе семи тысячъ человѣкъ Алексѣй Михайловичъ *гораздо тихій*, «одинъ изъ лучшихъ людей — монарховъ въ европейской исторіи вообще»...

Ничего подобнаго не находимъ мы въ жизни и дѣятельности Петра, и ни одного изъ тѣхъ упрековъ, которые мы вправѣ сдѣлать многимъ изъ предшественниковъ «великаго преобразователя нашего», не вправѣ мы сдѣлать ему, если только захотимъ быть справедливыми и безпристрастными. Всѣ крутыя мѣры его, повторяемъ, вызы-

([1]) Записки отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. II. С. Пб. 1861. Предисловіе, с. X.

вались существеннѣйшею необходимостью и имѣли всегда своимъ основаніемъ разумно-сознаваемое чувство законности. Онъ былъ порою суровъ и жестокъ не потому, что былъ *художникомъ* въ родѣ Іоанна Васильевича Грознаго; онъ былъ суровъ и жестокъ не потому, что ему необходимо было этою суровостью и жестокостью прикрывать кое-какіе грѣшки въ родѣ грѣшковъ, лежавшихъ на совѣсти Бориса Ѳедоровича Годунова; онъ былъ суровъ и жестокъ потому, что ему положительно нельзя было быть мягкимъ и кроткимъ, благодушнымъ и уступчивымъ. Вся жизнь его была направлена къ одной высокой цѣли, проникнута одною высокою идеею, одушевлена однимъ высокимъ желаніемъ,—и вся жизнь его была борьба—борьба свѣта съ мракомъ, генія съ тупоуміемъ, просвѣщенія съ невѣжествомъ — борьба упорная и отчаянная, побѣднымъ кликомъ которой могъ быть лишь кликъ: «горе побѣжденнымъ!»...

И побѣжденнымъ было, въ самомъ дѣлѣ, горе; но они заслуживали своей участи. И когда въ числѣ побѣжденныхъ оказался родной царскій сынъ, — и его постигла кара, постигавшая и другихъ; но и онъ не можетъ назваться страдальцемъ совершенно невиннымъ...

О дѣлѣ царевича мы слишкомъ много распространяться не будемъ: о немъ нельзя еще произнести теперь послѣдняго рѣшительнаго слова; а высказывать предположенія и догадки въ родѣ тѣхъ, какія высказывались по этому поводу г. Погодинымъ и другими «строгими цѣнителями и судьями» Петра, мы считаемъ совершенно напраснымъ. Вѣдь патента на остроуміе и проницательность за такія предположенія и догадки никакъ ужъ не получишь, а какой нибудь не совсѣмъ отрадный для самолюбія титулъ—чего добраго!—и стяжаешь... Чтожъ въ этомъ хорошаго?

Не пускаясь, такимъ образомъ, въ темный лабиринтъ конъектуръ и гипотезъ, утыканный безчисленными: «безъ сомнѣнія!,» «вѣроятно», «можетъ быть», «очень можетъ быть» и т. д., не принимая на себя труда слѣдить шагъ за шагомъ за замѣчаніями, высказанными по поводу VI-го тома исторіи Петра г. Устрялова господами Погодинымъ, Семевскимъ и другими остроумными рецензентами, «ихъ же имена ты, Господи, вѣси», попытаемся взглянуть на дѣло царевича нѣсколько иначе, чѣмъ глядѣли у насъ на него до сихъ поръ, и попытаемся сдѣлать это какъ можно спокойнѣе и хладнокровнѣе, безъ всякаго ненужнаго озлобленія и негодованія, безъ всякихъ лирическихъ

порывовъ и восклицательныхъ знаковъ, которыхъ и безъ насъ уже нагромождено достаточное количество.

На дѣло царевича до сихъ поръ глядѣли у насъ исключительно съ точки зрѣнія родительской любви, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, самая главная ошибка «строгихъ цѣнителей и судей» Петра. Всѣ эти «строгіе цѣнители и судьи,» разсуждая о царевичѣ, дѣлали обыкновенно такого рода логическія построенія:

«Петръ былъ отецъ Алексѣя. Петръ, какъ всякій отецъ, обязанъ былъ любить своего сына. Петръ мало того, что не любилъ своего сына, но еще судилъ и пыталъ его. Слѣдовательно, Петръ—извергъ, а Алексѣй злополучный страдалецъ.»

Силлогизмы эти построены, повидимому, весьма правильно; но мы, несмотря на это, дерзнемъ все-таки предложить читателю слѣдующіе вопросы:

Можно ли ставить рядомъ слова: *любовь* и *обязанность*? Можетъ ли человѣкъ *любить* потому только, что онъ *любить обязанъ*? Можно ли любить и потомъ разлюбить самаго близкаго человѣка? Слѣдуетъ ли того, кто поступилъ такимъ образомъ, т. е. сначала любилъ, а потомъ разлюбилъ самаго близкаго человѣка, называть извергомъ? Слѣдуетъ ли, вообще, *кровныя* узы родства почитать самыми крѣпкими, самыми важными, самыми священными узами, и если слѣдуетъ, то за что же мы съ такимъ благородно - ярымъ негодованіемъ преслѣдуемъ и караемъ, и словесно, и печатно, благонамѣренныхъ людей, проповѣдывающихъ, что

...какъ не порадѣть *родному* человѣчку?..

Принявъ къ свѣдѣнію всѣ эти вопросы, сдѣлаемъ краткій обзоръ жизни и дѣятельности царевича Алексѣя Петровича, — обзоръ, изъ котораго читатель самъ, безъ всякихъ комментаріевъ и указаній съ нашей стороны, увидитъ и пойметъ: что за человѣкъ былъ царевичъ, понапрасну или за дѣло пострадалъ онъ, и на чьей сторонѣ должна быть симпатія потомства,—симпатія всѣхъ, понимающихъ дѣло и хоть сколько нибудь одаренныхъ здравымъ смысломъ, людей — на сторонѣ ли *злополучнаго* сына, или на сторонѣ *жестокаго* отца?

«Главнымъ несчастіемъ царевича Алексѣя Петровича, говоритъ г. Устряловъ:—было то, что онъ до девяти лѣтъ находился подъ надзоромъ матери, коснѣвшей въ предразсудкахъ старины и ненавидѣвшей все, что нравилось Петру. Окружавшіе его родственники съ

матерней стороны, Лопухины, также, безъ сомнѣнія, оставили самое невыгодное впечатлѣніе въ умѣ слабаго отрока: по крайней мѣрѣ, враги Петровы смотрѣли на царевича, какъ на будущую надежду свою, и стрѣльцы, при розыскѣ 1698 года, говорили вслухъ, что онъ Нѣмцевъ не любитъ.» (¹)

И г. Устряловъ въ этомъ случаѣ говоритъ совершенную правду. Вліяніе матери и ея родственниковъ было, дѣйствительно, главнымъ несчастіемъ Алексѣя Петровича, первоначальною причиною всѣхъ бѣдствій и золъ, обрушившихся впослѣдствіи на его голову. Царица Евдокія Өедоровна принадлежала къ числу тѣхъ старорусскихъ женщинъ, которыя могли очаровывать и плѣнять благонравныхъ, воспитанныхъ въ страхѣ божіемъ, старорусскихъ кавалеровъ, но совсѣмъ иное впечатлѣніе производили на мужчину, котораго хоть нѣсколько уже коснулось вліяніе иной, не столь благонравной, но несравненно болѣе человѣческой, европейской жизни. Зная, вѣроятно, въ совершенствѣ «какъ мука сѣяти, квашня претворити и замѣсити, и хлѣбъ валяти и печи, и всякіе пироги, и всякіе блины, и всякіе каши и кисели и всякіе приспѣхи печи и варити,» отличаясь, безъ сомнѣнія, и всѣми другими, предписанными въ «Домостроѣ» добродѣтелями, Евдокія Өедоровна могла быть прекрасной женой, даже подругой, Алексѣя Михайловича, Өедора Алексѣевича, Іоанна Алексѣевича и тому подобныхъ «благороднѣйшихъ представителей нашей народности»; но Петръ требовалъ уже отъ женщины инаго, Петръ уже не удовлетворялся женскимъ идеаломъ, завѣщаннымъ благонравнымъ Россіянамъ благовѣщенскимъ іереемъ Сильвестромъ. Обличители и порицатели «великаго преобразователя нашего», преисполненные доблестною пуританскою строгостью, строго осуждаютъ Петра за его охлажденіе къ первой женѣ, объясняя это охлажденіе пристрастіемъ царя *къ красавицамъ нѣмецкой слободы.* Уступая и въ пуританскихъ доблестяхъ, также какъ въ мягкосердечіи и гуманности, несравненнымъ обличителямъ и порицателямъ «великаго преобразователя нашего», мы и въ пристрастіи его къ красавицамъ нѣмецкой слободы не видимъ ничего особенно преступнаго, полагая, что молодой, пылкій и во многомъ уже отличавшійся отъ благонравныхъ старорусскихъ кавалеровъ Петръ имѣлъ полное право увлекаться нѣмецкими красавицами,

(¹) Исторія царствованія Петра Великаго, т. VI, с. II.

потому что каждая изъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходила царицу Евдокію Өедоровну.

Такъ думаемъ мы; такъ думалъ, какъ видно, и Петръ; но не такъ, разумѣется, думала сама Евдокія Өедоровна, ея родственники и близкіе къ ней люди. Огорчаемая непостоянствомъ, холодностью и безпрестанными отлучками мужа, царица не умѣла, однако же, привлечъ его къ себѣ, удержать его возлѣ себя, воротить его прежнюю любовь, и все больше и больше отталкивала его своею докучною ревностью, своими постоянными жалобами и упреками, въ особенности же, упреками за привязанность къ иностранцамъ. Родственники же Евдокіи Өедоровны и окружавшіе ее попы, монахи, *блаженные* и всякаго рода святоши только подливали масло въ огонь, только портили дѣло, одни изъ личныхъ видовъ, другіе, просто, по тупоумію и невѣжеству. Они порицали и бранили Петра за каждый его шагъ, за каждое его дѣйствіе—и за наклонность его къ военному дѣлу на новый, нерусскій ладъ, и за занятія по кораблестроенію и устройству флота, и за дружбу съ иноземцами, и за посылку Русскихъ за границу, и за все, что это узколобые старовѣры, не шутя, почитали проклятымъ еретичествомъ, мерзкимъ богоотступничествомъ, гибелью души и тѣла «въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ,» съ тоскою ужасомъ чуя, что ужъ-ужъ отходитъ старая Русь, отживаетъ свой вѣкъ негодная ветошь, подается на бокъ, пошатывается и того и гляди, что рухнетъ весь безобразный старый порядокъ, при которомъ такъ легко и привольно жилось лѣнивому барству—дармоѣдству, тупому ханжеству, дикому изувѣрству и всякаго рода *отечественной* пошлости...

Ко всему этому приглядывался, ко всему этому прислушивался, подростая, ребенокъ Алексѣй, и тутъ-то, въ этомъ обществѣ, въ этой обстановкѣ, невольно западали въ его дѣтское сердце первыя сѣмена антипатіи и непріязни къ отцу, который, въ разсказахъ и сужденіяхъ родственниковъ и друзей Евдокіи Өедоровны, являлся чуть не антихристомъ и врагомъ всего рода человѣческаго. Тутъ же, въ этомъ же обществѣ, въ этой же обстановкѣ, запали въ дѣтскую голову и первые начатки тѣхъ мистическихъ бредней, тѣхъ вздорныхъ вѣрованій и нелѣпыхъ убѣжденій, которыя не покидали Алексѣя всю его жизнь, постоянно сковывая его слабую волю и всецѣло подчиняя его вредному вліянію людей, столь мѣтко названныхъ Петромъ *большими бородами, которыя, ради тунеядства своего, не во авантажъ обрѣтались.* Первоначальное воспитаніе, къ несчастію,

не могло служить спасительнымъ противодѣйствіемъ наставленіямъ и урокамъ, западавшимъ въ голову и сердце царевича въ обществѣ матери и ея родственниковъ: первый учитель Алексѣя, Никифоръ Вяземскій, былъ человѣкъ тупой и бездарный, съ познаніями, почерпнутыми изъ часослова и псалтиря, съ нравственными свойствами весьма неблистательнаго достоинства. Царевичъ нисколько не уважалъ его и неуваженіе это простиралъ до-того, что не разъ даже поколачивалъ своего премудраго ментора.

Нельзя винить Петра за этотъ выборъ, нельзя, вообще, винить его за то, что онъ сразу же не обратилъ надлежащаго вниманія на воспитаніе своего сына—будущаго наслѣдника престола. Петръ самъ въ то время былъ еще очень молодъ (въ годъ рожденія Алексѣя Петру было 17 лѣтъ); Петръ самъ въ то время только-что наслѣдовалъ, самъ только-что начиналъ многому учиться и знакомиться съ дѣлами, и въ головѣ его было столько всякихъ замысловъ, столько всякихъ плановъ и предположеній, что мысль о необходимости приготовить себѣ достойнаго преемника, естественно, не могла еще приходить ему на умъ.

Преобразованіе арміи, сооруженіе флота, поѣздки въ Архангельскъ и на Бѣлое море, азовскіе походы, заграничное путешествіе, стрѣлецкій бунтъ, — всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы наполнить всѣ дни и часы молодаго царя, въ первые годы его царствованія, и всѣ остальныя дѣла, волею-неволею, откладывались имъ на второй планъ до болѣе благопріятнаго времени. Поступить иначе Петру было рѣшительно невозможно.

Но когда все понемногу стало устроиваться и приходить въ порядокъ, мятежные стрѣльцы были «скасованы», безпокойная сестра пострижена въ монахини, и неусыпная дѣятельность царя начала уже давать тамъ и сямъ желанные плоды, — Петръ тотчасъ же обратилъ на сына надлежащее вниманіе, и первою его мыслью было отправить Алексѣя учиться въ Германію, подъ надзоромъ саксонскаго генерала Карловича, пріѣзжавшаго въ Москву въ 1699 году и очень понравившагося царю. Намѣреніе это не исполнилось по причинѣ внезапной смерти Карловича, убитаго подъ Ригою, 1 марта 1700 года. Вспыхнувшая вслѣдъ затѣмъ шведская война снова отвлекла отъ сына вниманіе Петра, и заграничная поѣздка царевича разстроилась окончательно. Алексѣй остался въ Москвѣ, гдѣ къ нему былъ приставленъ, по рекомендаціи Карловича, саксонецъ Нейгебауеръ, прибывшій въ Россію въ іюнѣ 1701 года.

Нейгебауеръ былъ при царевичѣ не долго—всего только годъ. Онъ поссорился съ прежними учителями Алексѣя Петровича, Вяземскимъ и Нарышкинымъ; сторону послѣднихъ принялъ Меншиковъ и Нейгебауеръ былъ удаленъ.

Его замѣнили человѣкомъ, выборъ котораго былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Назначенный воспитателемъ царевича, въ началѣ 1703 года, баронъ Гюйссенъ былъ человѣкъ очень умный и образованный, и влiянiе его на двѣнадцатилѣтняго Алексѣя Петровича могло быть въ высшей степени благотворнымъ. Ввѣряя Гюйссену сына, Петръ публично, торжественно выразилъ и свою любовь къ нему, и свои на него надежды. Это случилось послѣ торжественнаго шествiя въ Москву по взятiи Нiеншанца, гдѣ былъ и царевичъ въ званiи солдата бомбардирской роты. Въ присутствiи самого Алексѣя Петровича, Меншикова, Головкина и другихъ министровъ, Петръ сказалъ Гюйссену: «узнавъ о вашихъ добрыхъ кечествахъ и вашемъ добромъ поведенiи, я ввѣряю единственнаго моего сына и наслѣдника моего государства вашему надзору и воспитанiю. Не могъ я лучше изъявить вамъ мое уваженiе, какъ поручивъ вамъ залогъ благоденствiя народнаго. Не могъ я ни себѣ, ни моему государству сдѣлать ничего лучшаго, какъ воспитавъ моего преемника. Самъ я не могу наблюдать за нимъ; ввѣряю его вамъ, зная, что не столько книги, сколько примѣръ будетъ служить ему руководствомъ (*)».

Петръ хотѣлъ было назначить Гюйссена и воспитателемъ и оберъ-гофмейстеромъ сына, но Гюйссенъ, опасаясь принять на себя столь важную отвѣтственность, просилъ о назначенiи на должность оберъ—гофмейстера Меншикова, который такимъ образомъ и прiобрѣлъ самое непосредственное влiянiе на судьбу царевича — влiянiе, дѣйствительно, роковое, потому что многое, приписываемое Петру въ несчастiяхъ и трагическомъ исходѣ жалкой жизни Алексѣя Петровича, должно всею тяжестью своею обрушиться на память свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича...

Въ мартѣ 1704 года, царевичъ, вмѣстѣ съ Гюйссеномъ, отправился изъ Москвы въ Петербургъ, а оттуда въ Нарву, гдѣ и находился во все продолженiе нарвской осады. По взятiи Нарвы приступомъ, во время торжества, которымъ праздновалось это радостное событiе, Петръ пришелъ въ главную квартиру фельдмаршала Огильви и тутъ при всѣхъ произнесъ Алексѣю Петровичу слѣдующую рѣчь:

(*) Исторiя царствованiя Петра Великаго, соч. Устрялова, т. VI, с. 15.

«Сынъ мой! Мы благодаримъ Бога за одержанную надъ непріятелемъ побѣду. Побѣды отъ Господа; но мы не должны быть нерадивы и всѣ силы обязаны употреблять, чтобы ихъ пріобрѣсть. Для того взялъ я тебя въ походъ, чтобы ты видѣлъ, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Понеже я, какъ смертный человѣкъ, сегодня или завтра могу умереть, то ты долженъ убѣдиться, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру. Ты долженъ, при твоихъ лѣтахъ, любить все, что содѣйствуетъ благу и чести отечества, вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они чужіе или свои, и не щадить никакихъ трудовъ для блага общаго. Какъ мнѣ невозможно съ тобою всегда быть, то я приставилъ къ тебѣ человѣка, который будетъ вести тебя ко всему доброму и хорошему. Если ты, какъ я надѣюсь, будешь слѣдовать моему отеческому совѣту и примешь правиломъ жизни страхъ Божій, справедливость и добродѣтель, —надъ тобою будетъ всегда благословеніе Божіе; но если мои совѣты разнесетъ вѣтеръ, и ты не захочешь дѣлать то, чего желаю, — я не признаю тебя своимъ сыномъ: я буду молить Бога, чтобъ онъ наказалъ тебя въ сей и въ будущей жизни (*)».

Алексѣй Петровичъ, со слезами на глазахъ, схватилъ руки отца, цѣловалъ ихъ и съ горестію говорилъ: «Всемилостивѣйшій государь–батюшка! Я еще слишкомъ молодъ и дѣлаю, что могу. Но увѣряю ваше величество, что я, какъ покорный сынъ, буду всѣми силами стараться подражать вашимъ дѣяніямъ и примѣру. Боже сохрани васъ на многіе годы въ постоянномъ здравіи, чтобы я еще долго могъ радоваться столь знаменитымъ родителемъ (*)!»

Изъ Нарвы Алексѣй Петровичъ отправился въ Москву и тамъ, во время торжественнаго вступленія русскихъ войскъ въ столицу, 19 декабря 1704 года, встрѣтилъ отца у воскресенскихъ воротъ, поздравилъ его «съ преславными побѣдами» и сталъ въ ряды преображенскаго полка въ строевомъ мундирѣ. Въ началѣ слѣдующаго года, царевичъ, къ сожалѣнію, долженъ былъ разстаться съ своимъ воспитателемъ: Гюйссенъ отправленъ былъ Петромъ за границу съ разными порученіями и проѣздилъ болѣе трехъ лѣтъ. Онъ вернулся въ Москву только въ октябрѣ 1708 года.

Это обстоятельство имѣло на Алексѣя Петровича самое пагубное вліяніе. Онъ остался въ Преображенскомъ, одинъ, безъ всякаго заня-

---

(*) Тамъ же, с. 16. (*) Тамъ же.

тія, и дѣлалъ, что ему было угодно. Петръ, весь поглощенный шведскою войною, пріѣзжалъ въ Москву на самое короткое время; Меншиковъ постоянно находился въ Петербургѣ, и царевичъ, оставленный такимъ образомъ безъ надзора, подобралъ себѣ кругъ знакомыхъ по своему вкусу и проводилъ съ ними время, повинуясь образовавшимся въ обществѣ матери и ея родственниковъ наклонностямъ, — наклонностямъ, которыхъ не подавили ни вліяніе Гюйсена и его уроковъ, ни походы подъ Ніеншанцъ и Нарву. Походы Алексѣй Петровичъ дѣлалъ единственно изъ угожденія и повиновенія отцу: самъ онъ съ раннихъ лѣтъ чувствовалъ къ военному дѣлу полнѣйшую антипатію, и эта антипатія, разумѣется, не могла укрыться отъ проницательныхъ глазъ отца. Миролюбивыя тенденціи сына не могли доставить Петру особеннаго удовольствія, и въ грозномъ финалѣ царской рѣчи, произнесенной по взятіи Нарвы, невольно сказалось это неудовольствіе, невольно прозвучало и горькое предчувствіе, что едва ли отцовскіе совѣты *не разнесетъ вѣтеръ*, что едва ли сынъ *захочетъ дѣлать то, чего желаетъ отецъ*...

Слышавшій царскую рѣчь Гюйсенъ говоритъ, что царевичъ отвѣчалъ на нее со слезами на глазахъ и съ горестію: значитъ, и онъ понималъ, что отецъ пригрозилъ ему не спроста, что угрозы его имѣли уже основаніе. И въ его сердцѣ, можетъ быть, мелькнуло тутъ горькое, тяжелое предчувствіе, тѣмъ болѣе, что онъ лучше всякаго другаго долженъ былъ знать — разнесетъ ли отцовскіе совѣты вѣтеръ, и захочетъ ли онъ, Алексѣй, дѣлать то, чего желаетъ отецъ...

Во всякомъ случаѣ, строгая рѣчь отца невольно усилила нерасположеніе къ нему Алексѣя Петровича, нерасположеніе, зародившееся, какъ мы уже видѣли, еще въ обществѣ царицы Евдокіи Ѳедоровны, ея родственниковъ и приближенныхъ. Нерасположеніе это скоро перешло въ совершенную антипатію, и главнѣйшею причиною тому было вредное вліяніе кружка, сгруппировавшагося возлѣ царевича въ Преображенскомъ по отъѣздѣ Гюйсена. Кружокъ этотъ, какъ и кружокъ Евдокіи Ѳедоровны, состоялъ большею частію, изъ поповъ, монаховъ, юродивыхъ, блаженныхъ, — словомъ, изъ лицъ, всею душею преданныхъ старинѣ, всею силою тупоумія и невѣжества вооружавшихся противъ реформъ, нововведеній и всѣхъ великихъ дѣлъ Петра. Тутъ были и Кикинъ, и дядя царевича Авраамъ Лопухинъ, и многіе изъ друзей и приверженцевъ Евдокіи Ѳедоровны, которая и сама, чрезъ своихъ партизановъ, въ особенности же чрезъ брата, неослабно дѣй-

ствовала на сына, всячески вооружая его против отца. Тетка царевича Марія Алексѣевна, женщина грубая, невѣжественная и глубоко ненавидѣвшая Петра, тоже прилагала свои старанія къ совращенію племянника съ пути истины, распаляя, между прочимъ, его слабую голову какими-то тайными видѣніями. Словомъ, Алексѣй Петровичъ обставленъ былъ такъ, что ему просто невозможно было не сбиться съ толку.

Но не Кикинъ, однакоже, былъ «главнымъ виновникомъ несчастнаго настроенія царевича,» какъ выражается г. Устряловъ, не Лопухины, не Марья Алексѣевна оказывали на него самое сильное, самое неотразимое вліяніе: у Алексѣя Петровича были друзья гораздо болѣе интимные, друзья, образовавшіе еще особенный кружокъ въ общемъ кружкѣ пріятелей и совѣтниковъ царевича. Этотъ маленькій, замкнутый, жившій, что называется, душа въ душу кружокъ составляли слѣдующія лица: Василій Григорьевичъ, Михаилъ Григорьевичъ, Андрей Өедоровичъ, Алексѣй Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ Нарышкины; духовникъ Алексѣя Петровича, Яковъ Игнатьевъ; Василій Ивановичъ и Андрей Михайловичъ Колычовы; Никифоръ, Петръ, Левъ и Сергѣй Вяземскіе; домоправитель царевича Өедоръ Борисовичъ Евлаковъ; братъ кормилицы Алексѣя Петровича, благовѣщенскій ключарь Иванъ Аөанасьевъ; преосвященный Крутицкій Иларіонъ; протопопъ Алексѣй Васильевъ; священникъ Леонтій Григорьевъ изъ Грязной слободы въ Москвѣ; Ники[illegible] Савичъ Хитрой; сынъ его Иванъ Никитичъ Хитрой; князь Андре[illegible] Вяземскій, Илья Протопоповъ; Акулина Родіонова, дочь вологодскаго архіепископа Іосифа и жена Степана Цымбальщика; какой-то Өедоръ Сергѣевичъ и какая-то Варсонофія.

Эти двадцать четыре человѣка составляли, по собственному выраженію Алексѣя Петровича, его «компанію и соборъ», и главою этого собора, душою и руководителемъ этой компаніи былъ духовникъ царевича Яковъ Игнатьевъ (¹).

(¹) Всѣ эти въ высшей степени важныя и бывшія вовсе неизвѣстными г. Устрялову свѣдѣнія объ интимнѣйшихъ друзьяхъ и главнѣйшихъ партизанахъ Алексѣя Петровича открыты М. И. Семевскимъ въ дѣлахъ государственнаго архива и сгруппированы имъ въ двухъ статьяхъ подъ названіемъ: «Сторонники царевича Алексѣя.» (Библіотека для Чтенія за 1861 г., №№ 5 и 6). За эти статьи нельзя не поблагодарить г. Семевскаго: собранные въ нихъ матеріалы проливаютъ совершенно новый и яркій свѣтъ на нѣкоторые, далеко не ничтожныя обстоятельства въ темномъ дѣлѣ царевича и даютъ возможность произнести сужденіе, основанное не на общихъ мѣстахъ, не на «можетъ быть», «безъ сомнѣнія», «вѣроятно» и т. д., а на положительныхъ, несомнѣнныхъ фактахъ.

Яковъ Игнатьевъ, закадычный другъ казненнаго по дѣлу царевича ростовскаго епископа Досиося, былъ родомъ изъ Владиміра или Суздаля. Вмѣстѣ съ Досиосемъ бродилъ онъ сначала по разнымъ монастырямъ, потомъ, въ 1680 году, явился въ Москву. Тутъ служилъ онъ дьякономъ въ архангельскомъ соборѣ, былъ за что-то удаленъ, искалъ мѣста ключаря въ благовѣщенскомъ соборѣ, но, не получивъ этого мѣста, получилъ за то впослѣдствіи гораздо важнѣйшее, а именно—мѣсто протопопа у Спаса на Верху, въ кремлевскомъ дворцѣ. Духовникомъ къ царевичу Яковъ Игнатьевъ опредѣленъ былъ около 1705 года и сразу же покорилъ себѣ слабаго, безхарактернаго и суевѣрнаго Алексѣя Петровича своимъ даромъ слова, своею энергіею и умѣньемъ ловко пользоваться благопріятными обстоятельствами. Вотъ какая сцена произошла между духовнымъ сыномъ и духовнымъ отцемъ вслѣдъ за назначеніемъ послѣдняго на его важную должность:

Въ Преображенскомъ, въ спальнѣ царевича, Яковъ Игнатьевъ эффектно подвелъ Алексѣя Петровича къ столу, на которомъ лежало евангеліе...

— Будеши ли заповѣди Божіи исполняти? торжественно спросилъ онъ своего духовнаго сына:—И преданія апостольская и святыхъ отецъ хранити? И мене, отца своего духовнаго почитати, и за ангела Божія, и за апостола имѣти, и за судію дѣлъ своихъ? И хочеши ли мене слушать во всемъ? И вѣруеши ли, яко и азъ, аще и грѣшенъ есть, но такову же имѣю власть священства, отъ Бога мнѣ недостойному дарованную, и сю могу вязати и рѣшити, какову власть даровалъ Христосъ апостолу Петру и прочимъ апостоламъ, глаголя: ею же, аще свяжете на земли, будетъ связано и на небеси, и ею же аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено и на небеси? И хощеши ли смиренія моего священству и власти во всемъ повиноватися и покорятися?

Торжественная рѣчь эта произвела потрясающее впечатлѣніе на набожнаго и впечатлительнаго царевича, и онъ взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Заповѣди Божія и преданія апостольская и святыхъ его вся съ радостію хощу творити и хранити; и тебя, отца моего духовнаго, буду почитати, и за ангела Божія, и за апостола Христова, и за судію дѣлъ своихъ имѣти; и священства твоего власти слушати и покоритися во всемъ долженъ (1),

---

(1) Сторонники царевича Алексѣя, с. 3 и 4.

Уже одна эта сцена какъ нельзя болѣе рельефно обрисовываетъ и характеры дѣйствующихъ лицъ, и тѣ отношенія, которыя должны были между ними образоваться. Первая роль, разумѣется, выпала тутъ не Алексѣю Петровичу; но онъ этимъ нисколько не тяготился и покорился вліянію своего краснорѣчиваго духовника со всѣмъ увлеченіемъ человѣка имѣвшаго такое *горячество къ попамъ, что почиталъ ихъ какъ Бога.* (1) Яковъ Игнатьевъ, конечно, не могъ этого не замѣтить и воспользовался *горячествомъ* своего духовнаго сына съ надлежащимъ искуствомъ. Онъ сталъ вполнѣ *судьею всѣхъ дѣлъ* царевича, захватилъ понемногу въ свои руки даже его хозяйственныя дѣла, и Алексѣй Петровичъ не могъ ступить шагу безъ своего «прелюбезнаго радѣтеля» (какъ именовалъ онъ въ своихъ письмахъ Якова Игнатьева), во всемъ съ нимъ совѣтовался, во всемъ его слушался и не скрывалъ отъ него ни единаго изъ самыхъ тайныхъ своихъ помышленій.

Прочія лица, составлявшія «компанію и соборъ» царевича, состояли больше на правахъ друзей, товарищей и пріятныхъ собесѣдниковъ, съ которыми Алексѣй Петровичъ не прочь былъ и повеселиться и кутнуть не хуже кого другаго. «Соборъ» очень часто сходился у царевича, въ особенности же по праздникамъ. Хозяинъ встрѣчалъ друзей своихъ «любезно, по достоинству», и затѣмъ всѣ веселились «духовнѣ и тѣлесно»: тѣлесно—пили и напивались нерѣдко *до положенія ризъ*; духовнѣ—отводили душеньку бранью Петра и его затѣй, вздохами по милой старинѣ и взаимными увѣреніями, что, навѣрное, «скоро перемѣна будетъ» и все пойдетъ по прежнему. Много въ особенности доставалось тутъ Петербургу, который глубоко ненавидѣли и самъ Алексѣй, Петровичъ, и вся его компанія. Петербургъ, по мнѣнію этихъ мудрецовъ, долженъ былъ непремѣнно или разориться или провалиться; царевичъ же всегда говаривалъ, что какъ скоро онъ будетъ царемъ, то тотчасъ же броситъ этотъ проклятый городъ и будетъ постоянно жить на Москвѣ.

І. ШИШКИНЪ.

(По болѣзни автора окончаніе этой статьи отложено до слѣдующей книжки.)

---

(1) Слова каммердинера царевича, Ивана Большаго—Аѳанасьева (исторія царствованія Петра Великаго, соч. г. Устрялова, т. VI, с. 35 и 36). «Царевичъ великое имѣетъ горячество къ попамъ, и попы къ нему, писалъ Аѳанасьевъ въ показаніи своемъ отъ 1 мая 1718 года:—и почитаетъ ихъ, какъ Бога, а они его всѣ святымъ называютъ, и въ народѣ жъ ими всегда блажимъ былъ.»

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Процессъ жизни.

Физiологическiя письма Карла Фохта.
Physiologische Briefe von Carl Vogt.

I.

Представьте себѣ, что вамъ приходится описывать очень сложную машину съ замысловатымъ внутреннимъ устройствомъ, которое непремѣнно должно находиться во время дѣйствiя снаряда въ плотно закупоренномъ ящикѣ, чтобы не подвергнуться разлагающему влiянiю атмосфернаго воздуха, чтобы не отсырѣть, не засориться и не придти въ негодность. Представьте себѣ, что эта машина приводится въ движенiе не одними механическими средствами (т. е. нетолько колесами, гирями, шестернями и цѣпочками), а кромѣ того, химическими соединенiями и разложенiями, совершающимися внутри снаряда. Чтобы дать читателямъ какое нибудь понятiе объ этой сложной машинѣ, вамъ поневолѣ придется описывать ее по частямъ, представлять ее въ разрѣзѣ, вынимать изъ нея отдѣльныя колеса и гири, разсматривать химическiе агенты, словомъ, разрушать ту общую связь, которая необходима для успѣшнаго дѣйствiя снаряда. Вамъ придется утомлять вниманiе читателя мелкими подробностями, которыхъ необходимость нѣсколько времени будетъ оставаться для него непонятною;

въ то время, когда читатель будетъ требовать отъ васъ общаго, идеи снаряда, вы будете принуждены говорить ему о дѣйствіи того или другаго блока, о свойствахъ той или другой щелочи. Въ такомъ-то непріятномъ положеніи находится физіологъ, пытающійся сообщить публикѣ въ популярной формѣ главные результаты новѣйшихъ изслѣдованій, касающихся человѣческаго организма. Конечно, никакая машина не можетъ интересовать насъ такъ сильно, какъ интересуетъ насъ наше собственное тѣло. Но зато, какая же машина сложностью своего внутренняго устройства можетъ сравниться съ животнымъ организмомъ? Какая машина представляетъ наблюдателю такія, на первый взглядъ, непреодолимыя препятствія? Мы хотимъ видѣть машину въ полномъ ходу,—это оказывается невозможнымъ. Какъ только мы попытаемся какимъ нибудь способомъ раскрыть дверцу, чтобы бросить любопытный взглядъ на внутреннее устройство, такъ это внутреннее устройство оказывается насильственно измѣненнымъ; гармонія нарушена, и намъ остается только догадываться, какъ было прежде, до той минуты, когда мы разорвали живую связь органическихъ тканей. О тѣхъ временахъ, когда предразсудокъ мѣшалъ врачамъ анатомировать трупы, нечего и говорить; въ тѣ времена физіологія не существовала, какъ наука; тогда приходилось любознательному врачу рѣзать кошекъ, собакъ, кроликовъ, и по аналогіи возсоздавать внутреннее устройство человѣческаго тѣла; зато, тогда, медицина опиралась на магію; поле этихъ двухъ наукъ не могло быть разграничено, и многіе знаменитые врачи за излишнюю догадливость попадали въ тюрьмы священной инквизиціи и умирали на кострахъ. Теперь измѣнились препятствія, измѣнились опасности, угрожающія физіологу; наука далеко подвинулась впередъ, но и теперь еще она нуждается почти въ оправданіи, въ извиненіи въ глазахъ той массы, которая именно всего болѣе нуждается въ знаніяхъ, и которая, уже потому, что знаетъ грамотѣ, была бы дѣйствительно способна усвоить себе результаты изслѣдованія. Теперь добросовѣстный и талантливый изслѣдователь рискуетъ остаться непрочитаннымъ только потому, что онъ не забѣгаетъ впередъ фактовъ, не строитъ скороспѣлыхъ теорій, не возвышается преждевременно до синтетическихъ взглядовъ. Мы все еще сильно заражены наклонностью къ натурфилософіи, къ познанію общихъ свойствъ естества, основныхъ началъ бытія, конечной цѣли природы и человѣка, и прочей дребедени, которая смущаетъ даже многихъ спеціалистовъ и мѣшаетъ имъ обра-

щаться, какъ слѣдуетъ, съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножомъ. Теоріи физіологіи растутъ какъ грибы подъ руками плодовитыхъ писателей; медицина кидается на эти теоріи, прилагаетъ ихъ къ дѣлу, едва провѣривъ степень ихъ основательности, является путаница, практическія ошибки, отзывающіяся сотнями смертныхъ случаевъ, сотнями и тысячами неудачныхъ леченій. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, иначе объяснить появленіе на нашихъ глазахъ разныхъ противурѣчивыхъ системъ леченія, гомеопатіи, гидропатіи, магнитическаго, электрическаго, гальваническаго леченія? Если все это не одно чистое шарлатанство, что̀ предположить какъ-то совѣстно, то это продукты скороспѣлыхъ теорій, а скороспѣлыя теоріи—остатокъ средневѣковой методы восходить къ началу всѣхъ началъ, когда знаешь факты изъ пятаго въ десятое, и когда почва еще колышется подъ ногами. Естественныя науки не то, что исторія, совсѣмъ не то, хоть Бокль и пытается привести ихъ къ одному знаменателю. Въ исторіи все дѣло въ воззрѣніи, въ гуманной личности самого писателя; въ естественныхъ наукахъ все дѣло въ фактѣ; еслибы Маколей ошибся сто разъ въ фактическомъ разсказѣ событій, и тогда бы его произведенія имѣли для насъ несравненно болѣе прелести, болѣе жизненной полноты и человѣческаго достоинства, чѣмъ творенія какого нибудь Капфига или Миркура, хотя бы эти господа не ошиблись ни въ одномъ годѣ, ни въ одной генеалогической подробности. Разсматривая прошедшую жизнь человѣчества, я непремѣнно становлюсь къ ея проявленіямъ въ тѣ или другія отношенія; если же у меня нѣтъ никакихъ отношеній къ прошедшимъ событіямъ, тогда становится непонятнымъ, для чего же я ихъ разсказываю. Лѣтописецъ записываетъ для того, чтобы событія не пропали для потомства. А историку такой причины въ наше время привести нельзя. Лѣтописи не пропадутъ; онѣ хранятся въ библіотекахъ и архивахъ, за замками и запорами. Стало-быть, если я беру эти лѣтописи, то для того, чтобы сказать что нибудь по поводу событій, а не для того, чтобы пересказать событія, иначе и г. Семевскаго придется зачислить въ русскіе историки. Исторія есть осмысленіе событія съ личной точки зрѣнія автора; каждая политическая партія можетъ имѣть свою всемірную исторію, и дѣйствительно имѣетъ ее, хотя конечно не всѣ эти исторіи записаны, точно также, какъ всякая философская школа имѣетъ свой философскій лексиконъ. Исторія есть и всегда будетъ теоретическимъ оправданіемъ извѣстныхъ практичес-

кихъ убѣжденій, составившихся путемъ жизни и имѣющихъ свое положительное значеніе въ настоящемъ. Объ естественныхъ наукахъ этого конечно нельзя сказать; природѣ нѣтъ никакого дѣла до того, какъ вы объ ней думаете; если вы ошиблись, она васъ помнетъ или совсѣмъ раздавитъ, какъ помнетъ или раздавитъ васъ колесо огромной машины, къ которой вы подошли слишкомъ близко во время ея полнаго хода. Изучая природу, вы имѣете дѣло съ слѣпыми силами, но съ силами громадными, постоянно дѣйствующими, которыя не подадутся для васъ ни вправо, ни влѣво. Управлять вы ими можете, но для этого вы должны *знать* ихъ, а не составлять себѣ объ нихъ произвольныя, теоретическія понятія. Каждая естественная наука имѣетъ свои практическія приложенія; отъ степени развитія этихъ практическихъ приложеній зависитъ вся наша жизнь; самосохраненіе, удобства жизни, наслажденія—все это возможно только при знаніи окружающей природы; тутъ ужъ на теоріи далеко не уѣдешь. Цѣль естественныхъ наукъ—никакъ не формированіе міросозерцанія, а просто увеличеніе удобствъ жизни, расширеніе и расчищеніе того русла, въ которомъ текутъ наши интересы, занятія, наслажденія, словомъ, все то, что мы называемъ жизнью. Для естествоиспытателя нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть міросозерцаніе. Если вы думаете, что Фохтъ, Молешотъ и другіе подобные имъ, имѣютъ міросозерцаніе, то вы сильно ошибаетесь. Эти люди просто настолько сильны умомъ, что откинули всѣ бредни, которыми наслаждались, а подъ-часъ и пугали себя окружающіе ихъ взрослые дѣти въ очкахъ, въ парикахъ, съ бородами и бакенбардами. Они рѣшились каждую вещь брать въ руки, осматривать, класть ее подъ микроскопъ, опускать въ кислоту и потомъ сообщать публикѣ описанія своихъ опытовъ съ рисунками и чертежами; какъ люди, способные работать мозгомъ, они конечно видѣли нѣкоторую связь между наблюдаемыми явленіями и даже старались находить эту связь, располагая свои наблюденія въ извѣстной послѣдовательности; общихъ результатовъ они не нашли еще, потому ли, что ихъ вовсе нѣтъ, или же потому, что фактическая часть науки еще малоизвѣстна; какъ бы то ни было, но своей теоріи міра они не построили, и въ этомъ, вообразите себѣ, и состоитъ величайшая ихъ заслуга. Когда люди, расположенные строить теоріи міра, берутся за изученіе природы, то они дѣлаются Сведенборгами, или Экартсгаузенами, или же, по крайней мѣрѣ, подобно Мильну-Эдвардсу, превращаютъ природу въ

специалиста политической экономіи. Мнѣ всегда приходило въ голову, что подобные господа положительно не поняли своихъ наклонностей и способностей. Въ нихъ творчество положительно преобладаетъ надъ любознательностью. Имъ бы слѣдовало усвоить себѣ изящную форму изложенія и писать романы, повѣсти, поэмы, лирическія мелочи, все, что угодно, только никакъ не ученыя изслѣдованія. Оно, конечно, пріятно смотрѣть на природу какъ на кучку пестрыхъ камешковъ, изъ которыхъ можно сложить красивую, пеструю мозаику, но вѣдь надо же себя поставить на мѣсто тѣхъ людей, которые желали бы видѣть, какъ эти пестрые камешки лежатъ не въ книгѣ неудавшагося поэта, а на самомъ дѣлѣ, въ живой дѣйствительности. Зачѣмъ же этихъ людей вводить въ заблужденіе заглавіемъ книги? Еслибы на оберткѣ было написано: Фантазіи такого-то о природѣ, въ стихахъ и прозѣ, то можетъ быть эти люди и въ руки не взяли бы этого произведенія. Да, строители теорій, или, что то же, неудавшіеся поэты надѣлали много вреда; они, напримѣръ, до такой степени извратили понятія и вкусъ публики, что публика требуетъ отъ изслѣдованій натуралистовъ—направленія. Ради Бога, господа, вникните въ безобразіе этого требованія: направленія отъ натуралистовъ. Я поясню это требованіе короткимъ разсказомъ дѣйствительнаго происшествія. Мнѣ случилось разговаривать о Молешотѣ съ однимъ знакомымъ мнѣ современно развитымъ гуманистомъ. Мой собесѣдникъ упрекнулъ Молешота въ аристократизмѣ. Я пришелъ въ недоумѣніе и ждалъ, что-то будетъ. Помилуйте, продолжалъ гуманистъ, онъ придаетъ такое значеніе пищи, что по его теоріи выдетъ такъ: кто хорошо обѣдаетъ, тотъ и силенъ, и уменъ, а тотъ, у котораго рѣдко бываетъ во щахъ кусокъ мяса, стало-быть дрянь... Мой знакомый долго продолжалъ говорить на эту тему, но направленіе его рѣчи уже намѣчено и потому я его оставлю въ сторонѣ. Что же касается до Молешота, его конечно защищать мудрено. Онъ виноватъ безъ оправданія! Какъ онъ смѣлъ, вопреки гуманнымъ тенденціямъ вѣка, доказывать, что мясная пища даетъ силы мускуламъ и мозгу, а растительная—заставляетъ организмъ почти исключительно заниматься пищевареніемъ! Можно было бы возразить, пожалуй, что для бѣдныхъ Ирландцевъ было бы полезнѣе, еслибы филантропы поменьше восторгались ихъ патріархальными добродѣтелями, и побольше заботились о замѣненіи картофеля чечевицею и горохомъ. Но филантропы такого возраженія не примутъ; если вы скажете, что народъ

грубъ, они обвинятъ васъ въ негуманности; если вы скажете, что порода измельчала и испортилась отъ дурной пищи и дурнаго образа жизни, они обвинятъ васъ въ кощунствѣ. Преклоняйтесь передъ народною правдою, уважайте даже народныя щи да кашу и не вѣрьте Молешоту, котораго, по выраженію г. Полонскаго, изучаетъ самъ чортъ, — вотъ что скажутъ вамъ филантропы, гуманисты, которые всѣ болѣе или менѣе подходятъ подъ типъ неудавшихся поэтовъ.

II.

Фохтъ не поэтъ; его физіологическія письма написаны безъ міросозерцанія; съ міромъ онъ и не имѣетъ дѣла, онъ старается описать понятнымъ языкомъ главныя органическія отправленія, образующія собою тотъ страшно сложный процессъ, который мы называемъ простымъ, общеизвѣстнымъ словомъ жизнь. Вся книга Фохта состоитъ изъ отдѣльныхъ подробностей и исчерпываетъ, насколько это теперь возможно, только одну сторону жизни, растительную жизнь (das vegetative Leben). Въ книгѣ Фохта говорится только о томъ, какъ поддерживается органическая жизнь, т. е. какъ обращается кровь, какъ совершается процессъ дыханія, какъ принимается и переваривается пища. Цѣлая, огромная сторона жизни остается еще незатронутою; о жизни животной, т. е. о воспринятіи и переработкѣ впечатлѣній, о дѣятельности нервной системы, въ этомъ томѣ еще не сказано ни слова. Говоря о различныхъ отправленіяхъ растительной жизни (т. е. той жизни, которая составляетъ общее достояніе растеній и животныхъ) Фохтъ принужденъ бороться съ рутиною и скрытымъ мистицизмомъ прежнихъ физіологовъ. Говоритъ-ли онъ о кровеобращеніи, о дыханіи или о пищевареніи, ему вездѣ приходится еще *доказывать*, что всѣ эти процессы совершаются по простому сцѣпленію физическихъ и химическихъ законовъ, безъ всякаго вмѣшательства посторонней, таинственной силы. Эту таинственную силу прежніе физіологи называли жизненною силою. Гдѣ кончались предѣлы ихъ наблюденій, тамъ они, вмѣсто того, чтобы откровенно сказать: не знаю, говорили: здѣсь начинается дѣйствіе жизненной силы. «Жизненная сила, говоритъ Фохтъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ заднихъ дверей, которыхъ такъ много въ наукѣ, и которыя всегда будутъ убѣжищемъ праздныхъ умовъ; вмѣсто того, чтобы потрудиться, да изслѣдовать то, что на первый

взглядъ кажется непостижимымъ, эти умы довольствуются тѣмъ, что дивятся кажущемуся чуду. Медицина въ этомъ отношеніи особенно изобрѣтательна. Боже милостивый! Что бы случилось съ медицинскою практикою, еслибы не было подъ руками терминовъ: ревматизмъ, ипохондрія и истерія, этихъ трехъ кладовыхъ, въ которыя мы сваливаемъ все то, о чемъ не имѣемъ точныхъ свѣдѣній? Когда не знали электричества, тогда считали громъ явленіемъ сверхъестественнымъ; но чѣмъ дальше шли впередъ въ познаніи природы, тѣмъ болѣе исчезало таинственное и чудесное. То же явленіе совершалось и въ физіологіи; жизненная сила есть тотъ неизвѣстный, тотъ x, который стоитъ вездѣ въ глубинѣ сцены и постоянно увертывается, когда его хотятъ схватить; царство этого неизвѣстнаго отодвигается назадъ и въ глубь, по мѣрѣ того, какъ наука проникаетъ впередъ съ своимъ факеломъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія не было ни одного отправленія нашего тѣла, въ которомъ этотъ неизвѣстный элементъ жизненной силы не игралъ бы значительной роли: — теперь ссылка на жизненную силу для объясненія наблюдаемаго факта не имѣетъ уже никакого научнаго значенія; она будетъ просто описательнымъ выраженіемъ невѣдѣнія». И такъ, жизненной силы, какъ чего-то самостоятельнаго, неразлагаемаго, не существуетъ; послѣдній оплотъ невѣжества разрушенъ; маска сорвана съ мистицизма, и изслѣдователи смотрятъ на природу внимательно, но просто, безъ суевѣрнаго благоговѣнія, безъ институтской мечтательности. Иные скажутъ, пожалуй, что это и есть направленіе изслѣдованія. Господа, помилосердуйте! Неужели человѣкъ, говорящій самому себѣ: смотри въ оба, не зѣвай по сторонамъ, не ври глупостей,—вслѣдствіе этого представляется вамъ адептомъ извѣстной школы? Тогда вы должны будете сознаться, что и здравый смыслъ, и нормальный глазъ тоже принадлежатъ не здоровымъ людямъ вообще, а приверженцамъ того или другаго ученія. Впрочемъ и это бываетъ. Когда я въ одной критической статьѣ выразилъ сомнѣніе въ необходимости идеаловъ, то мнѣ замѣтили въ «Сѣверной Пчелѣ», что я только подставляю вмѣсто существующихъ идеаловъ свой идеальчикъ; вотъ видите-ли, отсутствіе идеаловъ и безграничная свобода личности, формулирующаяся русскою пословицею: «кто во что гораздъ» или «всякій молодецъ на свой образецъ», какъ желаемое состояніе человѣчества, показалось моему рецензенту новымъ идеаломъ. Если такъ смотрѣть на вещи, тогда конечно и Молешота, и Фохта придется считать идеалистами и адептами школы: они отри-

цаютъ всякія предвзятыя теоріи, освобождаются отъ всякихъ предубѣжденій. Ну, чтожъ? это отрицаніе и есть, стало-быть, ихъ теорія. Спорить съ подобнымъ мнѣніемъ не стоитъ уже потому, что оно нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, а спорить изъ-за словъ

Есть тьма охотниковъ,—
Я не изъ ихъ числа.

III.

Приступимъ къ дѣлу. Въ процессѣ жизни можно замѣтить три главныя отправленія, тѣсно, неразрывно связанныя между собою, но между тѣмъ совершающіяся отдѣльными органами и, слѣдовательно, допускающія отдѣльное изученіе. Эти три отправленія называются кровеобращеніемъ, дыханіемъ и пищевареніемъ. При остановкѣ одного изъ этихъ трехъ отправленій останавливаются и остальныя; организмъ разлагается и составныя его части возвращаются въ вѣчный круговоротъ вещества. Если, положимъ, отъ холода остановилось обращеніе крови, мы говоримъ, что животное замерзло; если какое нибудь постороннее препятствіе остановило притокъ кислорода въ легкія, мы говоримъ, что животное задохнулось; если отъ недостатка питательныхъ матеріаловъ остановилось на извѣстный промежутокъ времени пищевареніе, мы говоримъ, что животное умерло съ голоду. Во всѣхъ трехъ случаяхъ прекращеніе одной изъ функцій жизненнаго процесса повело за собою прекращеніе двухъ остальныхъ и, слѣдовательно, уничтоженіе ограническoй жизни вообще. Жизнь же есть не что иное, какъ постоянное измѣненіе матеріала при сохраненіи извѣстной формы. Я сегодня тотъ же человѣкъ, какой былъ вчера, а между тѣмъ процессы испражненія, испаренія и выдыханія выдѣлили изъ моего тѣла матеріалы, входившіе вчера въ его составъ; въ то же время процессы принятія пищи и вдыханія воздуха внесли въ мое тѣло частицы, которыхъ въ немъ не было вчера. Если я теряю способность выдѣлять или воспринимать, я вмѣстѣ съ тѣмъ теряю способность жить; запоръ, задержаніе мочи, отсутствіе аппетита и пр. составляютъ болѣзни; если эти болѣзни не будутъ устранены медицинскими средствами или дѣйствіемъ самой природы, если потерянная способность выдѣлять или воспринимать не возвратится въ свое время, организмъ

непремѣнно разрушится, и мое я превратится въ черноземъ, войдетъ въ тѣло земляныхъ и другихъ червей, въ составъ травы, и вообще поступитъ въ полное распоряженіе общей кормилицы, матушки сырой земли, а духъ, конечно, воспаритъ, и т. д. Оно хоть и обидно для человѣческаго самолюбія, а дѣлать нечего! Какъ ни толкуй гг. гуманисты о нравственномъ и юридическомъ смыслѣ, а противъ рожна прать мудрено, и съ фактами примириться необходимо. Для тѣхъ же изъ гуманистовъ, которые любятъ прислоняться къ авторитету, и утѣшаться тѣмъ, что они имѣютъ за себя великіе голоса человѣчества, будетъ безконечно полезно въ этомъ случаѣ припомнить слова Гамлета надъ черепомъ Іорика. Противъ осязательнаго факта они еще поспорятъ, но когда увидятъ, что за этотъ же фактъ говоритъ и Шекспиръ, тогда они сложатъ оружіе. Но къ дѣлу! къ дѣлу! Постараюсь по Фохту, въ самыхъ общихъ чертахъ, охарактеризовать процессы кровообращенія, дыханія и пищеваренія. Подробности не возможны при отсутствіи чертежей; сверхъ того, онѣ утомительны для человѣка, рѣшительно незнакомаго съ анатоміею; что́ же касается до легкаго очерка, то я надѣюсь, что его прочтутъ безъ скуки и неудовольствія. Въ обращеніи крови главную роль играетъ сердце. «Все движеніе крови, говоритъ Фохтъ, зависитъ исключительно отъ дѣятельности сердца». (стр. 19). Сердце есть полый мускулъ, сжимающійся и расширяющійся; этотъ мускулъ соединяется съ двумя системами кровеносныхъ сосудовъ, расходящихся отъ сердца ко всѣмъ частямъ тѣла. Одна изъ этихъ системъ—*артеріи* несутъ кровь отъ сердца къ оконечностямъ; другая—*вены*—несутъ кровь отъ оконечностей къ сердцу. Артеріи отличаются отъ *венъ* большею толщиною стѣнокъ и большею эластичностью. Если разрѣзать артерію и выдавить изъ нея кровь, она все-таки сохранитъ свою цилиндрическую форму, такъ что ее можно будетъ сравнить съ гутта-перчевою трубочкою; если же сдѣлать то же самое съ веною, она сморщится и потеряетъ прежнюю форму, какъ потеряетъ ее, напримѣръ, узкій и длинный мѣшокъ, изъ котораго будетъ высыпанъ содержавшійся въ немъ порошокъ. Сердце разгорожено продольною стѣнкою на двѣ половины, неимѣющія между собою сообщенія. Каждая изъ двухъ половинъ разгорожена поперечною стѣнкою на двѣ части, сообщающіяся между собою черезъ широкія отверстія. Верхнія части каждой половины называются предсердіями; нижнія—сердечными полостями. Оба предсердія сжимаются въ одно время и выпускаютъ содержащуюся въ нихъ кровь въ сердечныя по-

лости; затѣмъ предсердія расширяются и тогда въ одно время сжимаются обѣ сердечныя полости. Кровь течетъ изъ обѣихъ полостей въ разныя стороны, и потому мы сначала прослѣдимъ за тою кровью, которая идетъ изъ лѣвой сердечной полости. Прямо изъ сердца кровь вступаетъ въ широкую артерію, въ *аорту*, которая на нѣкоторомъ разстояніи отъ сердца развѣтвляется на нѣсколько второстепенныхъ артерій и несетъ кровь одними сосудами въ верхнюю часть тѣла: въ шею, въ голову и въ руки, другими въ нижнюю часть тѣла: къ пищеварительному каналу, къ печени, къ половымъ органамъ и къ ногамъ. По мѣрѣ приближенія артерій къ поверхности тѣла, онѣ развѣтвляются болѣе и болѣе; развѣтвленія эти подъ конецъ дѣлаются такъ тонки, что ихъ нельзя разсмотрѣть простымъ глазомъ; эти тончайшія развѣтвленія, находящіяся подъ кожею на всей поверхности тѣла, и кромѣ того въ кишечномъ каналѣ, въ печени, въ легкихъ, соединяются съ другими тончайшими развѣтвленіями, которыя уже отъ поверхности тѣла поворачиваютъ назадъ къ сердцу; дошедши до поверхности тѣла, кровь артеріальныхъ сосудовъ переходитъ въ венозные сосуды, которые постепенно сходятся въ толстыя вены. Кровь изъ верхнихъ и нижнихъ частей тѣла этими толстыми венами идетъ къ правому предсердію, а изъ праваго предсердія вливается въ правую сердечную полость. Правая полость сжимается и кровь черезъ артерію течетъ въ легкія, разливается тамъ по волоснымъ сосудамъ, входитъ въ венозные сосуды, потомъ идетъ назадъ въ лѣвое предсердіе и въ лѣвую сердечную полость, и тогда снова начинается та же исторія. Стало-быть вотъ маршрутъ крови въ тѣлѣ человѣка; изъ лѣваго сердца въ оконечности тѣла, изъ оконечностей въ правое сердце, изъ праваго сердца въ легкія, изъ легкихъ назадъ въ лѣвое сердце. Кровь идетъ по этому пути, а не по другому, на томъ основаніи, что другаго пути нѣтъ; сжатіе сердца дѣйствуетъ на движеніе крови, какъ поршень на движеніе воды въ насосѣ; кровь, выдавленная изъ сердца, поневолѣ бросается въ открытыя трубочки; сердце сжимается еще разъ и новая волна крови течетъ въ трубочки и продвигаетъ дальше прежнюю, а прежняя въ свою очередь толкаетъ впередъ ту часть крови, которая прошла черезъ сердце раньше. Покуда сердце будетъ сжиматься, до тѣхъ поръ кровь будетъ двигаться. Всмотрѣвшись въ этотъ элементарный обзоръ кровообращенія, читатель будетъ въ состояніи понять приблизительно то разстройство, которое можетъ причинить организму недостатокъ крови или ея избытокъ. При

недостаткѣ крови неизбѣжно медленное ея движенie въ оконечностяхъ и у поверхности тѣла; при полнокровiи, напротивъ того, напоръ крови къ различнымъ частямъ тѣла слишкомъ силенъ и движенie крови вообще слишкомъ быстро. Люди малокровные отличаются вялою кожею, слабостью половой дѣятельности, спокойнымъ, ровнымъ, часто нерѣшительнымъ характеромъ. Люди полнокровные страдаютъ приливами, легко раздражаются, часто горячатся, сильно увлекаются, любятъ движенie и дѣятельность, отличаются физическою силою и предпрiимчивостью. Горячительные напитки, гимнастическiя упражненiя, волненie, возбужденное разговоромъ или событiемъ ускоряютъ бiенie сердца, т. е. его сжатie и расширенie, увеличиваютъ быстроту кровообращенiя и этимъ самымъ возвышаютъ температуру тѣла. У кого кровь движется быстрѣе, у того всѣ отправленiя дѣлаются не такъ, какъ у человѣка съ медленнымъ движенiемъ крови. Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что и процессъ мысли, и весь такъ называемый нравственный характеръ въ значительной степени зависятъ отъ скорости кровообращенiя. Бiенie пульса, по которому медики опредѣляютъ состоянie своихъ пацiентовъ, находится въ непосредственной связи съ сжатiемъ и расширенiемъ сердца: сердце сжимается, волна крови ударяетъ въ пульсовую артерiю; артерiя, какъ упругая трубочка, расширяется, и вслѣдъ затѣмъ, пропустивши волну, опять сжимается. При каждой новой волнѣ, повторяется расширенie и сжатie; это и есть бiенie пульса. Свойства этого бiенiя зависятъ отъ трехъ обстоятельствъ: отъ силы сжатiя сердца, отъ величины кровяной волны, и отъ эластичности артерiи; эти три обстоятельства измѣняются смотря по состоянiю субъекта, и слѣдовательно даютъ медику возможность ознакомиться съ положенiемъ больнаго. Въ оконечностяхъ тѣла, въ волосныхъ сосудахъ приливы крови отъ сердца, отзывающiеся въ артерiяхъ сжатiемъ и расширенiемъ ихъ, становятся едва чувствительными; тамъ кровь течетъ ровно; точно также течетъ она въ венахъ, и потому вены не бьются подобно артерiямъ. Волосные сосуды отличаются значительно способностью сжиматься; отъ холода они могутъ совершенно закрыться; если морозъ сильно подѣйствовалъ на вашъ палецъ, волосные сосуды его сжимаются, кровь перестаетъ проникать въ него, и весь палецъ или по крайней мѣрѣ поверхность его начинаетъ коченѣть. Возьмемъ другой примѣръ: положимъ, вы входите по поясъ въ холодную воду; волосные сосуды нижней части вашего тѣла отъ дѣйствiя холода до извѣстной степени сжимаются; потокъ крови, хлынув-

шій къ этой нижней части, не можетъ проникнуть въ нее весь; ясно, что въ верхней части вашего тѣла окажется больше крови, чѣмъ сколько нужно; произойдетъ приливъ крови къ головѣ; во избѣжаніе этого прилива, который можетъ повести за собою непріятныя послѣдствія, обыкновенно, входя въ воду, прежде всего мочатъ голову, чтобы волосные сосуды головы также сжались и не пустили бы къ себѣ излишняго количества крови. Во сколько времени совершается полный оборотъ крови, т. е. во сколько времени частица крови, вышедшая изъ лѣваго сердца, обойдетъ все тѣло и возвратится назадъ въ лѣвое сердце? Тщательныя наблюденія показали, что средняя величина времени, необходимаго для полнаго оборота, равняется одной минутѣ. Въ сутки полный оборотъ крови совершается, слѣдовательно, 1440 разъ. Этою быстротою оборота объясняется то обстоятельство, что всякій ядъ, разлагающій или заражающій кровь, въѣдается въ организмъ чрезвычайно быстро. Зачумленныя частицы крови въ теченіи сутокъ 1440 разъ обѣгутъ все ваше тѣло, столкнутся со множествомъ еще здоровыхъ частицъ, передадутъ имъ долю своей ядовитости и, смотря по силѣ яда, въ нѣсколько часовъ или въ нѣсколько дней, перепортятъ всю кровь. Змѣя укусила васъ въ ногу, а между тѣмъ у васъ пухнетъ все тѣло; бѣшеная собака оцарапала руку, а между тѣмъ, если тотчасъ же не прижечь ранку, явятся признаки бѣшенства, т. е. общаго пораженія организма. На кровообращеніи основываются точно также страшныя послѣдствія сифилитической болѣзни, которая, начинаясь едва замѣтною ранкою, кончается, или, по крайней мѣрѣ, можетъ кончиться гніеніемъ всего тѣла. Возможность оспопрививанія заключается точно также въ обращеніи крови. Ничтожная частичка коровьей оспы, положенная въ ранку, всасывается кровью, производитъ въ ней химическія измѣненія, порождаетъ всеобщее воспаленіе и сыпь, и наконецъ отнимаетъ у организма способность воспринимать эту заразу въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Умѣйте только узнавать свойства природы, и дѣйствительную физіономію вещей, и вы всегда будете въ состояніи воспользоваться этими свойствами по вашему благоусмотрѣнію; не передѣлывая природу по-своему, вы будете ея повелителемъ. Магики, искавшіе такихъ заклинаній, которыми можно было бы держать стихіи въ своемъ распоряженіи, инстинктивно понимали силу человѣка. Они видѣли эту силу въ знаніи и въ этомъ случаѣ не ошибались. Ошибались же они только тѣмъ, что однимъ прыжкомъ хотѣли вскочить на ту лѣстницу,

по которой приходится идти медленно, отдыхая на каждой ступенькѣ и тщательно ощупывая слѣдующія ступени, чтобы не оступиться и не полетѣть внизъ. Они хотѣли магическимъ словомъ или обрядомъ достигнуть того, чего современная цивилизація достигла путемъ долговременныхъ и безчисленныхъ опытовъ. Они хотѣли отгадать, и не отгадали. Молешотъ и Фохтъ ищутъ, и кое-что отыскали, точно также, какъ много отыскали Ньютонъ, Коперникъ, Леверрье, Гайу, Кювье, Линней, Берцеліусъ, Либихъ, Фарсдэ и пр. и пр. «Неужели же, спрашиваетъ Фохтъ въ концѣ главы о кровеобращеніи, физіологіи удалось такимъ образомъ смирить сердце, безпокойно волнующееся въ груди человѣка, положить на него оковы, и навязать ему законы? Неужели же то участіе, которое мы ему приписываемъ въ нашихъ чувствахъ, оказывается вымысломъ? Когда мы, по старой привычкѣ, говоримъ, что наше сердце усиленно бьется, замираетъ отъ радости, или сжимается отъ тоски, неужели мы употребляемъ только картинныя выраженія, отдаемъ дань привлекательной мечтѣ подвижнаго воображенія? Неужели съ нами случилось то же, что случилось съ Петромъ въ сказкѣ Гауффа о Тангейзерѣ? Неужели, у насъ, какъ у Петра, вырвали изъ груди живое сердце и вставили каменное, которое правда бьется и приводитъ въ движеніе кровь, но не принимаетъ участія въ нашихъ радостяхъ и страданіяхъ, равномѣрно бьется отъ любви и отъ ненависти, какъ маятникъ стѣнныхъ часовъ? Нѣтъ! право нѣтъ! До этихъ результатовъ не доходитъ наша механика. Она открываетъ намъ законы; она показываетъ намъ физическія силы, дѣйствующія въ сердцѣ и въ сосудахъ; но наблюденія и размышленія показываютъ также, какъ сильно приложеніе этихъ силъ зависитъ отъ высшаго руководителя, отъ нервной системы; каждое впечатлѣніе, воспринятое ею, отзывается и отражается въ скорости и въ силѣ движеній сердца и въ распредѣленіи крови. Мы не ошибаемся, когда чувствуемъ, какъ въ минуту воодушевленія сердце бьется полнѣе, какъ въ минуту тоски или ожиданія оно судорожно вздрагиваетъ. Мы ошибаемся только въ томъ случаѣ, если непосредственно, самому сердцу приписываемъ это участіе. Сердце отражаетъ только впечатлѣнія и ощущенія, воспринятыя мозгомъ, центральнымъ органомъ нервной системы; раздраженія, исходящія изъ этого центральнаго органа, дѣйствуютъ на сердце сильнѣе непосредственнаго раздраженія. Мы не ошибаемся, когда чувствуемъ, что щеки наши краснѣютъ отъ стыда, и блѣднѣютъ отъ страха; мы ошибаемся только въ томъ случаѣ, если

приписываемъ эти измѣненія дѣйствію крови, между тѣмъ, какъ они производятся сосудными нервами, управляющими распредѣленіемъ крови. Раздраженныя дѣйствіемъ мозга, эти нервы сжимаютъ сосуды; когда же эти нервы находятся въ бездѣйствіи и въ ослабленіи, сосуды расширяются и наливаются кровью. Но что большею частью вліяніе мозга на растительные процессы жизни основано на этой тѣсной связи его съ сердцемъ и его движеніями, съ расширеніемъ и сжатіемъ сосудовъ, это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ, тоска и забота изнуряютъ тѣло. Веселое расположеніе духа, бодрый взглядъ на жизнь, умѣренность въ волненіяхъ и страстяхъ сохраняютъ здоровье и свѣжесть. Эти замѣчанія каждый можетъ провѣрить въ жизни. Причину связи этихъ явленій между собою объяснить не такъ легко. Но отъ постояннаго обновленія крови зависитъ питаніе, дыханіе, вся растительная жизнь; а обновленіе и движеніе крови находятся въ непосредственной зависимости отъ движенія сердца. Гдѣ недостаетъ одного фактора, тамъ и вся сумма будетъ невѣрна; если избытокъ страстей, необузданная смѣна сильныхъ ощущеній или постоянное вліяніе грустнаго настроенія духа нарушаютъ или ослабляютъ правильную дѣятельность сердца и сосудовъ, то конечно ни обращеніе крови, ни зависящее отъ него питаніе тѣла не могутъ совершаться должнымъ порядкомъ.» (S. 30—31). Это великолѣпное мѣсто Фохта можно принять за попытку, не отходя ни на шагъ отъ осязательныхъ фактовъ, сблизить между собою области психологіи и физіологіи. О вліяніи сердца и кровеносныхъ сосудовъ на нервы онъ здѣсь не упоминаетъ, потому что считаетъ это обстоятельство совершенно несомнѣннымъ и очевиднымъ для всѣхъ. О вліяніи мозговыхъ нервовъ на сердце онъ говоритъ особенно подробно для того, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что физіологія не вырываетъ у человѣка живаго сердца и не отнимаетъ у этого полаго мускула способности повиноваться (чисто пассивно) распоряженіямъ мозга. Изъ словъ Фохта можно вывести чисто физіологическое опредѣленіе понятій: мысль и чувство. Вы видите, что на движеніе сердца, на положеніе кровеносныхъ сосудовъ дѣйствуютъ исключительно чувства, напр. грусть, радость, боязнь, стыдъ, и т. д. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что чувство есть такое раздраженіе въ мозговыхъ нервахъ, которое мгновенно, по крайней мѣрѣ быстро и притомъ непроизвольно проходитъ черезъ всѣ нервы нашего тѣла и черезъ эти нервы такъ или иначе дѣйствуетъ на обращеніе крови. Мысль, напротивъ того, есть такое раздра-

женіе мозговыхъ нервовъ, которое распространяется въ нихъ медленно и не дѣйствуетъ на нервы тѣла; оно совершается въ извѣстномъ порядкѣ, за которымъ мы сами можемъ прослѣдить, и для котораго у насъ даже есть готовое названіе — логическая послѣдовательность. Надо полагать и надѣяться, что понятія психическая жизнь, психологическое явленіе будутъ современемъ разложены на свои составныя части. Ихъ участь рѣшена; они пойдутъ туда же, куда пошелъ философскій камень, жизненный элексиръ, квадратура круга, чистое мышленіе и жизненная сила. Слова и иллюзіи гибнутъ — факты остаются.

IV.

Дыханіе, какъ несомнѣнный и очень важный фактъ, должно обратить на себя теперь наше вниманіе. Дыханіе совершается посредствомъ легкихъ, это мы уже знаемъ изъ общежитія; это одна изъ тѣхъ медицинскихъ истинъ, которыя находятся во всеобщемъ обращеніи, но въ которыхъ мы все-таки не отдаемъ себѣ яснаго отчета. Такъ, напримѣръ, не всѣмъ извѣстно то, что сжатіе и расширеніе легкихъ совершается чисто пассивно. Грудной ящикъ человѣческаго скелета состоитъ изъ двѣнадцати паръ плоскихъ, въ различной степени согнутыхъ, эластичныхъ костей; кости эти называются ребрами и прикрѣпляются спереди къ грудной кости, а сзади къ спинному хребту. Внутренняя сторона этого костянаго ящика обтянута крѣпкою кожею, не пропускающею внѣшняго воздуха; нижняя часть ящика, смежная съ брюшною полостью, отдѣляется отъ этой полости мускулистою поперечною перегородкою, извѣстною въ анатоміи подъ названіемъ грудобрюшной преграды; верхняя часть груднаго ящика гораздо уже нижней, и черезъ дыхательное горло сообщается съ полостями рта и носа. Въ грудномъ ящикѣ висятъ на разныхъ сосудахъ и мышцахъ легкія и сердце. Легкія можно сравнить съ двумя мѣшками, сдѣланными изъ эластической матеріи. Кожа, обтягивающая стѣнки груднаго ящика, плотно прилегаетъ къ легкимъ и даже сростается съ ихъ верхнею частью. Теперь положимъ, что грудной ящикъ увеличивается въ своемъ объемѣ: мускулы грудобрюшной преграды вытягиваютъ ее, и средина этой кожаной перегородки немного опускается къ брюшной полости; очень понятно, что объемъ груднаго ящи-

ка становится больше и стѣнки этого ящика отходятъ отъ внѣшней поверхности легкихъ. Но грудной ящикъ плотно обтянутъ кожею; въ немъ нѣтъ атмосфернаго воздуха, потому что съ дыхательнымъ горломъ сообщается не самый ящикъ, а висящія въ немъ легкія. Стало-быть между стѣнками легкихъ и стѣнками груднаго ящика, въ случаѣ расширенія послѣдняго, происходитъ пустота; не встрѣчая себѣ сопротивленія извнѣ и испытывая на себѣ изнутри давленіе содержащагося въ нихъ атмосфернаго воздуха, легкія расширяются до тѣхъ поръ, пока не наполнятъ собою всего груднаго ящика; такимъ образомъ происходитъ вдыханіе.—Но вотъ грудной ящикъ, расширившійся на мгновеніе, снова сжимается и сжимаетъ легкія; очень естественно, что часть припятаго воздуха выбрасывается черезъ тѣ же отверстія, черезъ которыя онъ вошелъ; происходитъ выдыханіе. Расширять или сжимать легкія мы собственно не можемъ; мы сжимаемъ и расширяемъ грудной ящикъ, а легкія измѣняются въ объемѣ уже помимо нашей воли, по физическому закону равновѣсія газообразныхъ тѣлъ, по тому самому закону, по которому пузырь, положенный подъ колоколъ воздушнаго насоса, при вытягиваніи воздуха изъ-подъ колокола, раздувается и наконецъ лопается отъ напора содержащагося внутри его воздуха, не встрѣчающаго себѣ уравновѣшивающаго давленія извнѣ.—Кромѣ физическаго процесса въ дыханіи есть еще процессъ химическій; воздухъ нетолько входитъ въ легкія и выходитъ обратно; онъ самъ испытываетъ измѣненія и производитъ измѣненія въ тѣхъ частяхъ, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе. Каждому извѣстно, что въ комнатѣ, гдѣ слишкомъ много людей, становится душно, тяжело дышать; всякому извѣстно, что въ комнатахъ необходимо освѣжать воздухъ, лѣтомъ открывая окна, а зимою протапливая печи.

Все это происходитъ оттого, что мы выдыхаемъ не тѣ газы, которые вдыхаемъ, и слѣдовательно въ извѣстный промежутокъ времени можемъ химически переработать весь воздухъ, содержащійся въ комнатѣ, и сдѣлать его негоднымъ для дальнѣйшаго вдыханія. Тогда надо перемѣнить воздухъ, или задохнуться. «Давно уже, говоритъ Фохтъ, былъ извѣстенъ фактъ, что люди или животныя, запертыя въ тѣсномъ и плотно закупоренномъ пространствѣ, по прошествіи нѣкотораго времени начинали дышать съ трудомъ; кожа людей становилась синекраснаго цвѣта, и самыя значительныя усилія вздохнуть не находили себѣ удовлетворенія. Если ихъ оставляли запертыми еще дольше, то у нихъ являлись конвульсивныя движенія, исчезало сознаніе, и наконецъ жизнь

постепенно угасала при сильнѣйшихъ судорогахъ; словомъ, при этомъ родѣ смерти повторялись тѣ же явленія, какія случаются при удавленіи.» Причина этого явленія объяснилась вполнѣ удовлетворительно только тогда, когда химія сдѣлала значительные успѣхи, позволившіе ей разлагать и анализировать газы. Теперь мы знаемъ положительно, что атмосферный воздухъ состоитъ изъ 21 процента кислорода и 79 процентовъ азота; мы знаемъ, что количество азота не измѣняется отъ процесса дыханія, а что кислородъ, напротивъ того, поглощается нашими легкими, которыя, взамѣнъ воспринятаго количества кислорода, выдѣляютъ равное по объему количество углекислоты. Кислородомъ дышатъ всѣ животныя; въ другихъ газахъ они задыхаются, и углекислота въ этомъ отношеніи стоитъ на-ряду съ другими, т. е. рѣшительно не можетъ поддерживать животной жизни. Кислородъ имѣетъ особенное химическое сродство съ красными шариками, плавающими въ нашей крови и сообщающими ей ея яркій цвѣтъ. Эти красные шарики жадно соединяются съ кислородомъ и подъ его вліяніемъ измѣняютъ даже свой цвѣтъ; до соединенія съ кислородомъ они отличаются синекраснымъ, багровымъ цвѣтомъ, послѣ соединенія они принимаютъ яркокрасный, болѣе свѣтлый колоритъ. При теперешнемъ состояніи науки, мы еще не въ состояніи прослѣдить всѣ химическія измѣненія, совершающіяся въ крови. Причины и назначеніе каждаго измѣненія еще не могутъ быть указаны. Мы знаемъ только, что кровь, притекающая къ легкимъ, бываетъ синекраснаго цвѣта и насыщена углекислотою; въ легкихъ она выдѣляетъ углекислоту, принимаетъ соотвѣтствующую дозу кислорода и выходитъ изъ легкихъ, превратившись въ ярко-красную кровь. Мы знаемъ также, что это насыщеніе кислородомъ необходимо для процесса жизни; есть ядовитые газы, которые, при вдыханіи, отнимаютъ у кровяныхъ шариковъ способность соединяться съ кислородомъ. Къ числу такихъ газовъ принадлежитъ окись углерода, которую не должно смѣшивать съ углекислотою. Углекислота можетъ задушить чисто пассивно; здѣсь дѣйствуетъ не углекислота, а просто отсутствіе кислорода; человѣкъ, задохнувшійся въ углекислотѣ, все равно что утопленникъ; если его вытащить во-время, то его можно оживить, вдувая ему въ легкія воздухъ или чистый кислородъ. Окись углерода, напротивъ того, прекращая процессъ дыханія, кромѣ того химически измѣняетъ кровь и отнимаетъ у нея сродство съ кислородомъ. Людей, задохнувшихся въ этомъ газѣ, невозможно спасти. Съ этимъ газомъ намъ приходится встрѣчаться въ все-

дневномъ быту. Онъ производитъ угаръ; отъ него болитъ голова, когда онъ въ небольшомъ количествѣ проникаетъ черезъ легкія въ кровь, и отъ него умираютъ люди, если онъ дѣйствуетъ на нихъ долгое время, т. е. въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. На дѣйствіи этого газа основанъ извѣстный, очень употребительный въ Парижѣ способъ самоубійства посредствомъ жаровни; этотъ способъ по своей дешевизнѣ доступенъ бѣднякамъ, на которыхъ всего тяжеле напираетъ суровая сторона жизни, сторона лишеній, трудовъ и страданій; сверхъ того, онъ нечувствительно приводитъ къ смерти, если только можно найти средство заснуть, подвергаясь дѣйствію убивающаго газа. Кто испыталъ ощущеніе угара, или видѣлъ его дѣйствіе на другихъ, тотъ пойметъ, какъ сильно отзывается во всемъ организмѣ, во всей нервной системѣ малѣйшее химическое измѣненіе въ составѣ крови. Какъ ни быстро развивается въ наше время химія, а она не въ состояніи еще, по несовершенству своихъ орудій, прослѣдить за этими, едва замѣтными измѣненіями, которыя ведутъ за собою очень ощутительныя послѣдствія. Многіе вопросы, вслѣдствіе этого, должны еще остаться нерѣшенными. Почему, напримѣръ, кровяные шарики должны соединяться именно съ кислородомъ? На что нуженъ этотъ кислородъ въ общей экономіи животной жизни? Рѣшеніе этихъ вопросовъ принадлежитъ еще будущему.

V.

Третій процессъ, необходимый для поддержанія животной жизни, основанъ на томъ, что мы переработываемъ въ свое тѣло вещества, воспринимаемыя нами извнѣ, изъ окружающаго міра. Этотъ процессъ называется пищевареніемъ и отличается особенною сложностью. Говоря о пищевареніи, надо принимать въ расчетъ свойства тѣхъ предметовъ, которые мы принимаемъ въ себя, и свойства тѣхъ органовъ, которые ихъ переработываютъ. Дышать мы можемъ только атмосфернымъ воздухомъ; питаемся мы, напротивъ того, самыми разнообразными веществами; это конечно имѣетъ на насъ значительное вліяніе; мы, по обыкновенію, приписываемъ разнымъ невѣсовымъ причинамъ то, что надо отнести насчетъ дѣйствія пищи; мы даже приходимъ въ негодованіе, когда намъ объясняютъ чисто физическими причинами то, что мы называемъ душевнымъ страданіемъ; мы улыбаемся съ видомъ не-

довѣрія, когда опытный медикъ совѣтуетъ намъ, для устраненія дурнаго расположенія духа, кушать то или другое, заниматься гимнастикою или принимать слабительное. Во вседневной частной жизни мы стараемся такимъ образомъ проломить лбомъ стѣну, или, что то же самое, подчинить себѣ наши физіологическія отправленія, вмѣсто того, чтобы подчиниться имъ, и, поддерживая ихъ въ самомъ нормальномъ положеніи, во всякую данную минуту располагать всѣми силами организма. Мы даже во вседневной жизни, которая однако у большей части людей вовсе не отличается преобладаніемъ высокихъ стремленій, стараемся забыть великолѣпное правило классической древности: «въ здоровомъ тѣлѣ здоровая мысль (mens sana in corpore sano). Мудрено ли послѣ того, что когда намъ приходится имѣть дѣло съ общими вопросами, хоть бы напримѣръ, въ области исторіи, мы уже окончательно завираемся, и соглашаемся скорѣе говорить фразы, которыхъ сами не понимаемъ, чѣмъ приводить различныя великія событія въ связь съ матеріальными причинами, подобными выбору пищи и процессу пищеваренія.—Мои выписки изъ Молешота (въ іюльской книжкѣ Р. Слова) многимъ показались парадоксальными; Фохтъ тѣмъ не менѣе, во всѣхъ отношеніяхъ сходится съ выводами Молешота, и потому я, чтобы не повторяться, обойду то письмо его, въ которомъ онъ говоритъ о предметахъ, употребляющихся въ пищу. Приведу только двѣ-три выписки, въ которыхъ выражается взглядъ Фохта на значеніе пищи для общественной и исторической жизни. «При разведеніи картофеля, говоритъ онъ, всѣ выгоды лежатъ на сторонѣ производящаго, всѣ невыгоды падаютъ на потребителя, который получаетъ пищу въ неудобной формѣ и въ неудобномъ смѣшеніи составныхъ частей; потребитель этотъ долженъ пустить въ ходъ величайшую сумму пищеварительной дѣятельности для того, чтобы добиться малѣйшаго полезнаго результата. На этомъ основаніи одинъ замѣчательный изслѣдователь говоритъ совершенно справедливо, что преобладаніе картофельной пищи доводитъ бѣдный классъ до послѣдней крайности, что ему уже некуда отступить, и не на что опереться; бѣдный поденщикъ или бѣдный мужикъ поставленъ въ необходимость разрѣшить ужасную задачу: доставить наибольшее количество работы при наименьшемъ количествѣ пищи плохаго достоинства.»—Пріятно встрѣтить въ серьезномъ изслѣдователѣ истинно гуманнаго человѣка; пріятно видѣть, что сухой анализъ отдѣльныхъ составныхъ частей человѣческаго тѣла не вытѣснилъ въ умѣ ученаго натуралиста образа полной человѣческой личности, не

сдѣлалъ его невнимательнымъ къ ея затрудненіямъ и страданіямъ. Ни Молешоту, ни Фохту нельзя отказать въ здоровой, дѣльной гуманности; гуманность эта не фразиста, и не слезлива; она выражается не возгласами, не умиленіемъ надъ непорочностью простаго народа, а всѣмъ ходомъ мысли, математически вѣрными выкладками, внимательностью къ насущнымъ потребностямъ бѣдняка, и снисхожденіемъ къ тѣмъ слабостямъ, которыя порождаются его лишеніями и страданіями. «Съ каждымъ днемъ, говоритъ Фохтъ, возрастаетъ потребленіе чая и кофе; чѣмъ больше распространяется, при увеличеніи бѣдности, картофельная пища, тѣмъ упорнѣе народъ держится за кофе, который дѣлается необходимымъ подкрѣпляющимъ средствомъ....Сильное возбудительное дѣйствіе алкалоида, заключающагося въ настоѣ, заставляетъ прибѣгать къ употребленію чая и кофе, потому, что эти напитки доставляютъ возможность управляться съ пищею, принятою при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ.» Считать чай или кофе пустою прихотью, и осуждать бѣдныхъ людей за то, что они, отказывая себѣ въ необходимомъ, позволяютъ себѣ въ отношеніи къ этимъ напиткамъ нѣкоторую роскошь, было бы, какъ вы видите, неосновательно и негуманно. Извѣстная доля наслажденія до такой степени необходима для того, чтобы поддержать въ человѣкѣ бодрость, что онъ скорѣе согласится недоѣсть и недоспать, чѣмъ обойтись безъ этой микроскопической радости. Чѣмъ больше въ его обыденной жизни труда и черной заботы, тѣмъ необходимѣе для него минуты развлеченія и разгула. У кого есть всякій день сытный обѣдъ и умѣренная работа, тотъ можетъ, пожалуй, круглый годъ не отходить отъ конторки или письменнаго стола. Но для пролетарія, для поденщика, таскающаго по буднямъ кули и съѣдающаго кусокъ черстваго хлѣба, совершенно необходимо въ воскресеніе или въ праздникъ пропѣть пѣсню, отхватить трепака, или даже хлебнуть чарку водки. «Собственно предметы пищи, говоритъ Фохтъ, необходимы для поддержанія жизни, а наркотическія и спиртуозныя вещества увеличиваютъ наслажденіе, и доставляютъ нѣсколько счастливыхъ часовъ даже тому, кого гнететъ забота.» «Отдѣльная личность, говоритъ Бибра, принявшая слишкомъ много гашиша, бѣгающая по улицамъ и нападающая на встрѣчнаго и поперечнаго, исчезаетъ при сравненіи съ тѣмъ множествомъ людей, которые, принявъ умѣренную дозу послѣ обѣда, проводятъ нѣсколько веселыхъ и счастливыхъ часовъ. Число тѣхъ людей, которымъ *кока* доставляетъ возможность преодолѣвать самыя страшныя трудности, и

даже спасаться отъ голодной смерти, значительно превышаетъ количество тѣхъ немногихъ *коковеро*, которые неумѣреннымъ употребленіемъ этого наркотическаго вещества погубили свое здоровье. Точно также одно неумѣстное лицемѣріе можетъ проклинать употребленіе кубка, прогоняющаго заботы, основываясь на томъ, что есть пьяницы, не останавливающіеся во-время и незнающіе мѣры.»—По этимъ выпискамъ можно видѣть, что Фохтъ соглашается съ Молешотомъ какъ въ общей идеѣ, такъ и въ отдѣльныхъ фактахъ. Онъ вмѣстѣ съ Молешотомъ придаетъ пищѣ очень важное значеніе, и находитъ, что въ выборѣ пищи всего лучше руководствоваться инстинктомъ, т. е. естественными требованіями своего вкуса; но, такъ какъ подобный образъ дѣйствія доступенъ только людямъ обезпеченнымъ, такъ какъ бѣдняки ѣдятъ не то, чего имъ хочется, а то, что подешевле, то вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ одинаково дешевой пищи имѣетъ важное практическое значеніе. Въ рѣшеніи этого вопроса, Фохтъ опять-таки сходится съ Молешотомъ: картофель безусловно отвергается и вмѣсто него рекомендуются стручковыя растенія, горохъ, чечевица и бобы. Къ наркотическимъ и спиртуознымъ веществамъ и Фохтъ и Молешотъ относятся очень снисходительно; обоимъ изслѣдователямъ одинаково противенъ тотъ квакерскій ригоризмъ, который превращаетъ человѣка въ рабочую машину, и запрещаетъ всякое наслажденіе, для того, чтобы не могло быть излишества. Оба изслѣдователя стоятъ на твердой почвѣ живыхъ фактовъ и смотрятъ на человѣческую личность трезвымъ взглядомъ, не исключающимъ ни снисхожденія, ни любви.

VI.

Теперь мнѣ остается только прослѣдить за тѣми видоизмѣненіями, которыя испытываетъ пища, проходя черезъ желудокъ и кишечный каналъ. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ цѣлою химическою лабораторіею, которая, работая безостановочно, превращаетъ въ кровь то, что можетъ подвергнуться этому измѣненію, и выбрасываетъ то, что не разлагается, изъ чего уже добыты всѣ нужные ингредіенты.—Прежде всего мы беремъ пищу въ ротъ, разжевываемъ ее зубами и при этомъ невольно смачиваемъ ее слюною; пища отправляется въ желудокъ въ размельченномъ видѣ и притомъ пропитанная водянистою жидкостью; черезъ это она дѣлается доступною химическому вліянію же-

лудочнаго сока; еслибы мы глотали куски, не прожевавши ихъ, то это химическое влiянiе вовсе не могло бы имѣть мѣста, или, по крайней мѣрѣ, совершалось бы гораздо медленнѣе, и процессъ пищеваренiя во всякомъ случаѣ потерпѣлъ бы нѣкоторое разстройство. Мнѣ случилось читать въ одной статьѣ о Карлѣ V, что этотъ государь постоянно страдалъ несваренiемъ желудка, и что это обстоятельство объясняется до нѣкоторой степени устройствомъ его черепа; дѣло въ томъ, что нижняя челюсть была сильно выдвинута впередъ, такъ что не могла плотно сходиться съ верхнею. Императоръ не могъ хорошо пережевать пищи и притомъ любилъ плотно покушать; жирные куски говядины и рыбы, едва помятые во рту, скользили въ горло и конечно комомъ залегали въ желудкѣ. Кто знаетъ, насколько это обстоятельство имѣло влiянiя на эксцентрическiе поступки повелителя образованнаго мiра, и даже на его удаленiе въ монастырь св. Юста? Сколько мнѣ помнится, статья, о которой я говорю, была напечатана въ Р. Вѣстникѣ за 1856 годъ и авторомъ ея былъ П. Н. Кудрявцевъ. Жаль, что не вездѣ и не всегда физическiя причины какого нибудь явленiя такъ очевидны и осязательны, какъ въ дѣлѣ Карла V! Размельченная пища проникаетъ въ желудокъ—простой мѣшокъ, сдѣланный изъ тонкой кожи и снабженный мускулами; внутреннiя стѣнки желудка шероховаты и покрыты железками, отдѣляющими кисловатую жидкость; эта жидкость называется желудочнымъ сокомъ и играетъ главную роль въ химической переработкѣ пищи. Одинъ любопытный опытъ показалъ физiологамъ, что желудокъ не растираетъ пищу, а только разлагаетъ ее выдѣляемымъ сокомъ. Собакамъ, уткамъ и курамъ давали проглотить маленькiя жестяныя или деревянныя коробочки, въ которыхъ была положена пища; стѣнки этихъ коробочекъ были продырявлены, такъ, чтобы жидкость могла проникать въ коробочки, но чтобы самая пища не приходила въ соприкосновенiе съ стѣнками желудка; коробочки эти были привязаны на ниткѣ, за которую ихъ можно было вытащить назадъ. Когда ихъ вытащили по прошествiи нѣсколькихъ часовъ, то въ нихъ уже не осталось пищи; все было слѣдовательно разложено желудочнымъ сокомъ и унесено въ кишечный каналъ. Какъ кровообращенiе нисколько не зависитъ отъ присутствiя какой нибудь воображаемой жизненной силы, такъ точно и пищеваренiе совершается безъ вмѣшательства этого таинственнаго агента. Химическiй процессъ пищеваренiя можно произвести внѣ животнаго организма, если только взять тѣ кислоты, которыя дѣйствуютъ въ же-

лудочномъ сокѣ, смѣшать ихъ въ должной пропорціи и привести ихъ въ температуру, равняющуюся теплотѣ нашихъ внутренностей. Мясо и растительная пища, подверженныя дѣйствію такого состава въ какомъ нибудь стеклянномъ сосудѣ, измѣнятся точно также, какъ и измѣнились бы они въ человѣческомъ желудкѣ. Работа желудка кончается тѣмъ, что пища превращается въ такъ-называемую пищевую кашицу, т. е. въ болѣе или менѣе густое тѣсто, смотря по свойству принятой пищи. Эта кашица, въ которой однѣ частицы оказываются совершенно разложенными, другія—только размягченными, третьи совершенно нетронутыми, изъ желудка выходитъ въ тонкую кишку и подвергается дѣйствію поджелудочной железы и печени. Поджелудочная железа выдѣляетъ изъ себя прозрачную, клейкую жидкость, имѣющую свойство превращать крахмалъ въ сахаръ, сахаръ въ молочную, потомъ въ масляную кислоту, и наконецъ въ жиръ. Примѣшиваясь къ готовому жиру, эта жидкость производитъ въ немъ такое химическое измѣненіе, которое позволяетъ ему распускаться въ водѣ и вообще соединяться съ водянистыми жидкостями. Это измѣненіе необходимо для того, чтобы жиръ просачивался сквозь стѣнки кишечнаго канала и по мелкимъ волосным ъ сосудамъ проходилъ въ кровь. Печень, дѣйствующая на пищу посредствомъ выдѣляемой ею желчи, играетъ очень важную роль, какъ въ медицинскихъ сочиненіяхъ, такъ и въ обиходныхъ понятіяхъ, распространенныхъ въ массѣ; печенью объясняются многія болѣзненныя явленія; страданіе печени и разлитіе желчи составляютъ, по мнѣнію публики и нѣкоторыхъ медиковъ, главныя причины дурнаго расположенія духа, ипохондріи, меланхоліи, и т. п. Фохтъ говоритъ, что по большей части эти объясненія ошибочны, но что во многихъ случаяхъ приходится оставить дѣло нерѣшенымъ; нельзя отвѣчать ни да, ни нѣтъ, потому что химическая работа печени и вліяніе желчи на пищевареніе еще недостаточно разработаны. До сихъ поръ найдено, что желчь оказываетъ двоякое вліяніе на пищевую кашицу. Во-первыхъ, она предохраняетъ ее отъ гніенія въ самомъ кишечномъ каналѣ. Во-вторыхъ, она, подобно соку поджелудочной железы, превращаетъ жиръ въ эмульсію, легко соединяющуюся съ водянистыми жидкостями. Надъ животными производили слѣдующій опытъ: у нихъ перевязывали каналъ, ведущій изъ желчнаго пузыря въ кишки, такъ чтобы ни одна капля желчи не могла попасть въ переваривающуюся пищу; потомъ желчный пузырь прорѣзывали съ другой стороны такъ, чтобы желчь выливалась наружу, и чтобы дѣятельность печени шла такимъ образомъ своимъ по-

рядкомъ.—Многія животныя не выдерживали операціи и умирали подъ ножомъ изслѣдователя; другія жили болѣе или менѣе долго, но всѣ безъ исключенія не могли выздоровѣть; они ѣли чрезвычайно много, и при этомъ постоянно худѣли, жиръ совершенно пропадалъ; а такъ какъ жиръ въ извѣстномъ количествѣ совершенно необходимъ нашему организму, то отсутствіе жира приводило за собою смерть. Эта пропажа жира объясняется тѣмъ, что жиръ, содержавшійся въ пищѣ, не превращался въ эмульсію, и слѣдовательно, не имѣя возможности черезъ волосные сосуды просачиваться въ кровь, проходилъ по кишечному каналу и выходилъ вонъ, не принеся организму никакой пользы. Жиръ животный или сало, и жиръ растительный, или масло (напр. конопляное, маковое), какъ извѣстно каждому по вседневному опыту, не соединяются съ водою, между тѣмъ изъ сала дѣлается мыло, распускающееся въ водѣ; а изъ тѣхъ же самыхъ зеренъ, изъ которыхъ выжимается масло, дѣлается молоко (конопляное, маковое), очень легко соединяющееся съ водою. Желчный сокъ поджелудочной железы превращаютъ жиръ и сало въ мыло (т. е. въ жирныя вещества, растворяющіяся въ водѣ), а растительное масло въ растительное молоко или эмульсію. У животныхъ, у которыхъ была вырѣзана желчь, эта переработка жира не могла производиться въ достаточныхъ размѣрахъ, и потому они чахли, несмотря на огромное количество поглощаемой пищи. Кромѣ того, экскременты этихъ животныхъ отличались отвратительнымъ, гнилымъ запахомъ; запахъ этотъ сообщался даже ихъ дыханію; ясно, что пища загнивала въ ихъ кишечномъ каналѣ оттого, что къ ней не было притока желчи.—Испытавъ на себѣ вліяніе сока поджелудочной железы и желчи, пищевая кашица смачивается еще кишечнымъ сокомъ и наконецъ выходитъ изъ нашего тѣла. Составныя части экскрементовъ значительно отличаются отъ составныхъ частей пищи; многія вещества, входившія въ пищу, не находятся въ экскрементахъ; зато въ нихъ находится много такого, чего не было въ пищѣ, и что входило въ составъ нашего тѣла, какъ-то желудочный сокъ, желчь, кишечный сокъ и т. п. Въ экскрементахъ организмъ выбрасываетъ то, что оказывается въ принятой пищѣ лишнимъ или нерастворимымъ, и съ этими остатками пищи соединяетъ тѣ вещества, которыя ему нужно выдѣлить изъ себя, и которыя, оставаясь долѣе въ организмѣ, могли бы произвести въ немъ то или другое разстройство. А что же сдѣлалось съ тѣми частями пищи, которыя пошли въ прокъ? Говоря о химической переработкѣ пи-

щи, мы до сихъ поръ показали только, какимъ образомъ изъ пищи выдѣляются эти полезныя части. Посмотрите теперь, какъ эти части входятъ въ общую экономію организма.

Если мы положимъ въ воду сухое органическое вещество, напр. кусокъ дерева, кожи, пузыря, то это вещество разбухнетъ, т. е. приметъ въ себя нѣкоторое количество воды. На этой способности органическихъ тканей, всасывать водянистыя жидкости, основанъ весь процессъ питанія и обновленія нашего тѣла. Сверхъ того, органическія ткани имѣютъ также способность служить проводниками между двумя жидкостями, прикасающимися къ нимъ съ обѣихъ сторонъ. Если вы нальете виннаго спирта въ пузырь и, крѣпко завязавши его, положите все это въ чашу, наполненную водою, то черезъ нѣсколько часовъ окажется, что въ пузырѣ—разбавленный спиртъ, а въ чашѣ—вода съ слабою примѣсью спирта. Водянистыя жидкости такимъ образомъ нетолько всасываются въ органическія ткани, но и просачиваются насквозь. Органическая ткань даже притягиваетъ къ себѣ жидкость; въ этомъ вы можете убѣдиться слѣдующимъ опытомъ: возьмите длинную стеклянную трубку, налейте въ нее спирту, завяжите ея конецъ пузыремъ и опустите этотъ завязанный конецъ въ воду: вы увидите, что жидкость въ трубкѣ начнетъ подниматься и поднимется даже гораздо выше общаго уровня воды. Послѣднее обстоятельство не могло бы случиться, еслибы конецъ трубки не былъ завязанъ пузыремъ. Ясно стало-быть, что притягиваетъ органическая ткань. — Если мы посмотримъ вообще на устройство кишечнаго канала, то увидимъ, что его можно сравнить съ длинною трубкою, на внутренней поверхности которой находится безчисленное множество чрезвычайно тонкихъ, лимфатическихъ и кровеносныхъ сосудовъ; сосуды закрыты со всѣхъ сторонъ, но стѣнки сосудовъ состоятъ изъ органическихъ тканей, которыя нетолько пропускаютъ, но даже притягиваютъ жидкости; очень естественно, что между содержаніемъ кишечнаго канала, т, е. пищевою кашицею и жидкостями сосудовъ совершается постоянный обмѣнъ; чѣмъ жиже пища, тѣмъ скорѣе она всасывается кровяными и лимфатическими сосудами, вносится въ общее кровообращеніе, испытываетъ множество химическихъ измѣненій, и наконецъ совершенно уподобляется крови или лимфѣ, а потомъ идетъ на обновленіе твердыхъ органическихъ тканей. Это очень неясно, я это знаю, но, чтобы представить это ясно, надо подождать дальнѣйшихъ успѣховъ физіологіи, и

притомъ написать статью во 100 разъ больше той, которую я теперь представляю на благосклонное вниманіе читателя.

VI.

Вотъ мы въ бѣгломъ очеркѣ посмотрѣли на три важнѣйшіе процесса растительной жизни человѣка. Что же мы изъ этого выведемъ? Благоговѣть ли намъ передъ мудростью природы? Любоваться ли сложнымъ устройствомъ нашего тѣла? Или, напротивъ того, находить въ этой сложности существенный недостатокъ? Вѣдь, извѣстное дѣло, чѣмъ сложнѣе машина, тѣмъ чаще она портится, тѣмъ чаще ее приходится чинить, тѣмъ бережнѣе съ нею приходится обращаться. Если принять въ соображеніе многочисленность нашихъ болѣзней, несовершенство нашей медицины, необходимость множества предосторожностей и необходимость умереть, несмотря на всѣ предосторожности, то можно пожалуй подумать: Богъ съ нею, съ этою красивою сложностью; съ нею такъ много хлопотъ, непріятностей и страданій! Но эти мысли будутъ совершенно неосновательны, собственно потому, что онѣ глубоко безплодны. Физическое *statu quo*, то, что мы называемъ природою, то, чѣмъ мы любуемся, то, къ чему поэты пишутъ, или, по крайней мѣрѣ, писали воззванія и идилліи, безстрастно, безчувственно, безсознательно, неумолимо, глухо къ нашимъ благодарственнымъ возгласамъ и къ нашимъ безсильнымъ проклятіямъ. Къ—чему же становиться намъ въ этой слѣпой силѣ въ какія бы то ни было нравственныя отношенія? Она не посторонится для насъ ни вправо, ни влѣво. Она сама по себѣ, мы сами по себѣ, но мы отъ нея зависимъ, и зависимъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше знаемъ ее. Вотъ что намъ нужно: узнавать ее, вглядываться въ нее, и постепенно овладѣвать ея тайнами, которыхъ она впрочемъ и не думаетъ скрывать, а которыя мы считаемъ за тайны только потому, что онѣ до поры до времени не попадались намъ на глаза. Старайтесь разъяснить себѣ факты и законы, а потомъ, какое впечатлѣніе произведутъ на васъ эти факты и законы, какое міросозерцаніе вы себѣ состряпаете, и какимъ чувствомъ вы его окрасите,—любовью, ненавистью, благоговѣніемъ или презрѣніемъ,—это уже предоставляется вашему личному вкусу и до этого, кромѣ васъ, никому нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

Д. ПИСАРЕВЪ

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Закрытіе санктпетербургскаго университета. — О наставленіи военнымъ начальникамъ въ случаѣ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ.

По распоряженію высшаго начальства, вслѣдствіе повторившихся безпорядковъ въ санктпетербургскомъ университетѣ, лекціи прекращены, и входъ въ университетъ закрытъ до дальнѣйшихъ распоряженій.

Имяннымъ указомъ Его Императорскаго Величества повелѣно привести въ исполненіе изданное управляющимъ военнымъ министерствомъ наставленіе военнымъ начальникамъ при употребленіи войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ. Наставленіе это заключается въ слѣдующемъ: 1) Всѣ войска, по письменнымъ требованіямъ губернаторовъ, исправниковъ и городничихъ, должны содѣйствовать къ усмиренію народныхъ волненій и прекращенію безпорядковъ. *Примѣчаніе.* За неимѣніемъ другихъ войскъ командируется и артиллерія, безъ орудій, которыя берутся только въ-случаяхъ особенной важности, по требованіямъ губернаторовъ. 2) Начальники присланныхъ, для означенной цѣли, воинскихъ командъ исполняютъ требованія полицейскихъ чиновниковъ, къ обязанности которыхъ относятся, или на коихъ возложены будутъ распоряженія по усмиренію народныхъ волненій и прекращенію безпорядковъ и, по ихъ же приказаніямъ, употребляютъ силу оружія, когда упомянутыми чиновниками будетъ сдѣлано, но безуспѣшно, установленное троекратное предвареніе къ неповинующимся или возмутившимся, съ барабаннымъ боемъ или сигналомъ на трубѣ и горнѣ. 3) Начальники воинскихъ командъ сами распоряжаются только въ томъ случаѣ, когда исправникъ, городничій, или распоряжающійся на мѣстѣ безпорядка чиновникъ, будутъ захвачены возмутившимися и лишены возможности дѣй-

ствовать. Кромѣ того, воинскимъ начальникамъ предоставляется употреблять силу оружія противъ возмутившихся, не ожидая требованія со стороны гражданскаго начальства, въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: а) когда возмутившіеся сами нападутъ на войска и б) когда представится безотлагательная необходимость спасти жизнь лицъ, подвергающихся насильственнымъ дѣйствіямъ со стороны возмутившихся. 4) Войскамъ, находящимся въ караулѣ, въ патруляхъ, въ обходахъ и проч., для сохраненія общественнаго порядка, тишины и спокойствія, разрѣшается во всякое время и безъ всякаго требованія употреблять оружіе: а) для отраженія нападенія или для преодолѣнія сопротивленія, когда при исполненіи означенныхъ обязанностей, на нихъ нападаютъ или имъ угрожаютъ нападеніемъ, или когда они встрѣчаютъ сопротивленіе въ видѣ насилія или опасныхъ угрозъ. б) При понужденіи къ должному повиновенію, когда, при исполненіи войсками ихъ обязанностей, не будетъ тотчасъ же исполнено требованіе ихъ объ отдачѣ оружія или другихъ орудій, употребляемыхъ при нападеніи и для защиты, или когда возмутившіеся будутъ покушаться захватить сложенное оружіе. в) Для защиты охраняемыхъ ими лицъ и предметовъ, при насильственномъ покушеніи на ихъ цѣлость и безопасность. г) Для воспрепятствованія покушеніямъ къ побѣгу содержащихся подъ арестомъ. 5) Когда войска, въ случаяхъ вышеобъясненныхъ, вынуждены будутъ обратиться къ силѣ оружія, то отъ самихъ начальниковъ войскъ зависитъ опредѣлить, смотря по дѣйствительной необходимости, какъ дѣйствовать: холоднымъ оружіемъ, или огнемъ. 6) Послѣдствія отъ употребленія оружія, въ нанесеніи ранъ или причиненіи смерти, не налагаютъ никакой отвѣтственности на начальника воинской команды, дѣйствующей силою оружія, въ случаяхъ, разрѣшаемыхъ настоящими правилами. 7) Если лица невоенныя будутъ ранены при употребленіи оружія, то начальникъ войскъ, какъ только позволятъ обстоятельства, увѣдомляетъ о томъ полицію, на которую тогда возлагается попеченіе о раненыхъ. 8) Войска, занимающія караулы, какъ постоянные, такъ и временые, руководствуются правилами устава о гарнизонной службѣ, а предназначаемыя для употребленія, по обстоятельствамъ, въ видѣ резервовъ, дѣйствуютъ по правиламъ устава о полевой службѣ въ военное время. Необходимыя, сверхъ-того, дополнительныя, смотря по обстоятельствамъ, наставленія войскамъ должны быть даны ихъ ближайшимъ начальствомъ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Нѣчто о главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Открытія ревизіонной коммисіи. — Маленькія неточности, въ нѣсколько десятковъ тысячъ. — Логика г. Герена и его благопріобрѣтенія. — Приданое г. Дюбронара. — Депеши къ д-цѣ Кларѣ и къ Софьѣ Петровнѣ. — Элегія одного акціонера. — Еще открытіе коммисіи. — Путешествіе г. и г-жи Доманже. — Легетръ и 1 р. 20 к. сер. на водку. — Русскіе за границей и безгранично-щедрые иностранцы въ Россіи. — Дорожные стансы Легетра, переводъ съ французскаго. — Остроумный фарсъ главнаго общества. — Миѳъ о каретѣ г. Гелинга, потерянной въ Псковѣ. — Моя застольная пѣсня по этому поводу. — Роскошь главнаго директора общества и доходы архитектора Бонштедта. — Что такое значитъ меблировать квартиру? — Можно-ли въ Россіи добыть канцелярскіе матеріалы для общества? — Совѣтъ, думающій о благѣ Россіи, и его предложенія. — Перейра и Абаза. — Русскіе Миресы и пѣсня, посвященная имъ. — Что новаго? — *Видимое* затишье въ Петербургѣ. — Надъ Л. Камбекомъ сбирается туча. — Смирдинъ и эпиграмма Пушкина. — Современный нашъ недугъ и два типа редакторовъ. — *Новый сатирикъ*, и господинъ, ищущій *направленія* для своей газеты. — Петербургская начальница и ея антипатія къ русскимъ журналамъ. — Мое обращеніе къ ней. — Школьная дисциплина. — В. В. Ганка и его другъ, академикъ Дубровскій. — Гейне и его другъ г. А. Арсеньевъ. — Слухъ о новомъ романѣ г. Тургенева. — Шарлатанство А. Дюма и французскій прогрессъ. — Первый дебютъ г-жи Струйской въ двухъ комедіяхъ г. Островскаго. — Новый видъ лихоимства. — Лже-генералъ и лже-литераторъ. — Провинціальная хроника. — Нижегородскій самозванецъ. — Вѣсти съ *Чернаго озера* и появленіе всадника въ публичномъ суду. — Курьезное объявленіе. — Педагогъ, берущій взятки цвѣтами. — Закулисный театральный міръ въ провинціи. — Закулисная элегія. — Предупредительность опеки. — Окольные пути. — Г. Солонина и его подвиги.

Въ то время, когда о «Полемическихъ красотахъ» Современника нѣкоторые ядовитые журналисты толкуютъ на 60-ти печатныхъ страницахъ и бросаютъ жребій объ одеждахъ г. Чернышевскаго, въ то время, когда г. Старчевскій откровенно признается своимъ читателямъ,

что его «Сынъ Отечества» въ новомъ своемъ видѣ будетъ *преслѣдовать* тѣ высокія цѣли, которыя имѣютъ въ виду всѣ лучшія европейскія газеты», въ то самое время я оставляю литературную и журнальную арену и отправлюсь съ читателемъ на иную прогулку. Прогулка будетъ очень интересная, несмотря на то, что передъ нами долженъ пройти цѣлый рядъ бухгалтерскихъ отчетовъ, цифръ и итоговъ. Мы остановимся предъ акціонернымъ *заведеніемъ*, предъ «Главнымъ Обществомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ» и я начну свое эпическое сказаніе:

Гнѣвъ Коллиньона пою и открытья послѣднихъ ревизій!..

О внутреннихъ распоряженіяхъ и администраціи «Главнаго Общества» всѣ мы имѣли до сихъ поръ одно смутное понятіе, какъ о далекихъ до-Петровскихъ временахъ; мы довольствовались до сихъ поръ двумя-тремя анекдотами и любовались великолѣпными домами нѣкоторыхъ акціонеровъ. Вдругъ теперь передъ нами раскрываются закулисныя тайны этого общества и отчетъ ревизіонной коммисіи. Чего только не раскрыла намъ ревизіонная коммисія, представивъ свои изысканія на судъ самихъ акціонеровъ! Что̀ за смятеніе поднялось на общемъ собраніи общества, бывшемъ 2 августа! Тутъ-то узнали мы, что коммисія, напримѣръ, по варшавской линіи не нашла документовъ на безделицу—на 338 тысячъ, что изъ расхода въ 435 т. по счету пріобрѣтенія земель, только 221,119 р. снабжены надлежащими документами...

По поводу этихъ *маленькихъ неточностей* Общества, между его совѣтомъ и ревизіеи возникъ замѣчательный полемическій споръ. О, что̀ передъ нимъ Полемическія красоты Отечественныхъ Записокъ, Сына Отечества и т. д.!.. Вотъ этой-то курьезной полемикой я и хочу развлечь моего читателя. Приступлю къ ней.

Все болѣе и болѣе поражаясь наивнымъ составленіемъ отчета расходовъ Общества, коммисія нашла между прочимъ, что при московско-оеодосійской линіи на канцелярскіе матеріалы было потрачено 16,236 р. с.

— Это по штатному положенію, отвѣчаетъ совѣтъ.

— Какое же штатное положеніе, помилуйте! Въ числѣ канцелярскихъ припасовъ заключаются слѣдующіе: *перчатки кучеру начальника дистанціи, кофейная мельница, дорожныя фляги, 64 по-*

лотенца, 13 желѣзныхъ кроватей, ковры, обои, 7 тюфяковъ и пр.

Расходы дѣйствительно остроумные... Отвѣтъ же на этотъ запросъ начальника дистанціи былъ не менѣе остроуменъ.

Г. Геренъ отвѣчалъ: Расходъ на эти вещи оправдывается тѣмъ, что онъ поставленъ въ счетъ; счеты приняты и записаны безъ всякихъ замѣчаній.

О, да здравствуетъ смѣлая логика г. Герена! По смыслу его словъ, каждая произвольная трата законна, если она записана въ счетъ и стоитъ подъ числомъ и нумеромъ. Что же можетъ говорить противъ этого коммисія? Кто можетъ не согласиться съ новымъ положеніемъ г. Герена?..

Кто винить васъ будетъ, Геренъ,
За расходы тѣ и эти?
Чистоту ихъ, я увѣренъ,
Понимаютъ даже дѣти.

—

Вызываютъ на обиды
Беззаконныя дѣянья,
Васъ же мечъ самой Ѳемиды
Не коснется за стяжанья.

—

Потеряли развѣ умъ мы,
Признавая тѣ нападки,
Что изъ ввѣренной вамъ суммы
Покупали вы перчатки,

—

Фляги, мельницы, тарелки,
Тюфяки, ковры, кастрюльки,
Для друзей своихъ—бездѣлки,
Для дѣтей своихъ—бирюльки?

—

Нѣтъ, вы правы, правы дважды,
Если счетъ всему ведете,
И буквально вещи каждой
Опись сдѣлали въ отчетѣ!..

———

*

Вотъ агентъ Дюбронаръ такъ еще дальше пошелъ, и не увлекся покупкой какихъ нибудь кучерскихъ перчатокъ и кофейныхъ мельницъ. Онъ пріобрѣлъ на деньги акціонеровъ цѣлое приданое—5 экипажей, 3 лошадей, 5 столярныхъ станковъ, кузницу съ принадлежностями, старое желѣзо и другихъ вещей на 2463 р.

Онъ пріобрѣлъ коляску, дрожки,
Трехъ лошадей, два хомута,
Станки и женскія сережки,
Подтяжки, галстуки и брошки,
Короче—все, все до-чиста

все, что нужно для домашняго обзаведенія. Г. Геренъ, съ свойственною ему находчивостью и эти расходы спѣшитъ оправдать тѣмъ (слушайте!), что онѣ приняты въ счетъ *надлежащимъ порядкомъ* (?!) для уменьшенія, посредствомъ этого принятія—*дома г. Дюбронара*. Г. Геренъ въ отвѣтахъ своихъ ничѣмъ не стѣсняется:

Вѣрьте-не вѣрьте, ему все равно—
Лишь бы доказано было умно.

А что онъ доказываетъ умно, мы сейчасъ имѣли доказательство.

Путаясь и теряясь въ огромномъ числѣ подобныхъ диковинъ, мы пройдемъ теперь съ краснорѣчивымъ молчаніемъ многіе встрѣчающіеся факты; пусть г. Легетръ *занимаетъ для общества* 5 т. р. въ то время, когда въ рукахъ другихъ агентовъ было до 800 т. р. запасныхъ денегъ; пусть г. Фишеру *отчислено 6 р. с. на бѣдныхъ*, пусть г. Флавіену выдано на похороны сына 63 р. с. а г. Труше 6 р. с. на лимонадъ и лекарство. Такихъ домашнихъ расходовъ, записанныхъ на счетъ общества, такъ много, что ихъ всѣхъ не перечтешь.

Любопытнѣе всего—разсылка телеграфическихъ депешъ. На ихъ разсылку не скупились и истратили 1647 р. Въ этомъ числѣ значатся: 1) *двѣ депеши отъ Милова—Софьѣ Петровнѣ*—на 9 р.; 2) депеши отъ главнаго инженера *M-lle Claire въ Ліонъ* на 10 р. 34 к.; 3) отъ Франциска *Фанни Шаперонъ* 22 р. 32 к. с. и пр. Какое соотношеніе имѣли эти депеши къ службѣ общества — понять невозможно. Недавно, одинъ изъ озлобленныхъ акціонеровъ, на деньги которыхъ велись всѣ эти расходы, вмѣсто всякаго отвѣта на мои во-

просы о похожденіяхъ различныхъ агентовъ, проговорилъ мнѣ слѣдующее стихотвореніе:

О, когда-бъ мнѣ боги
Дали для примѣра
Въ «обществѣ дороги»
Званье инженера,

Былъ бы я умѣренъ,
Въ оправданьяхъ гибокъ,
И, клянусь, что Геренъ
Не знавалъ ошибокъ!

Я, въ отчетахъ краток,
Всѣмъ наставя носъ-бы,
Кучерскихъ перчатокъ
Въ описи не внесъ бы.

Я завелъ бы точно
Лишь одну карету,
Да и ту-бъ нарочно
Не поставилъ въ смѣту.

Не ходилъ бы пѣшій,
Ѣздилъ—хоть на парѣ,
И въ Ліонъ депеши
Отправлялъ бы къ Кларѣ.

Съ ней (въ душѣ-Маниловъ)
Въ перепискѣ скромной,
Былъ бы я, какъ Миловъ
Съ Софьею Петровной.

Въ службѣ Коллиньона
Наслажденье тѣша,
Прямо до Ліона
Шла-бъ моя депеша.

Хвостъ имѣя лисій,
И сведя итоги,
Отъ суда коммисій
Я-бъ не зналъ тревоги.

Но продолжаю свою акціонерную повѣсть. Г. Геренъ, защищая эти траты, отвѣчалъ, что счеты будутъ исправлены и что главный инженеръ г. Легетръ «готовъ взять на себя депешу къ M-lle Claire». Вотъ—такъ благодѣтель! Но странно говорить объ одной только депешѣ къ дѣвицѣ Кларѣ, когда всѣ другіе расходы также беззаконны.

Но неумолимая коммисія не остановилась на этомъ, и вотъ еще новыя замѣчательныя ея открытія. Она узнала, что расходы на пересылку служащихъ доходили:

1) На проѣздъ 770 служащихъ . . .	58,520	р.	с.
2) г. и г-жи Доманже	2,802	»	»
3) г. Легетра и его имущества . . .	2631	»	»
4) Имущество г. Рафина	21	»	»
	63,274	р.	с.

А вотъ нѣкоторыя подробности о путешествіи г. Легетра по Россіи. «Г. Легетръ *давалъ на 54 станціяхъ по 1 р. 20 к. с. на водку*, всего 64 р. 80 к., да за перевозку имущества далъ 20 р. с. на водку. Г. Легетръ катилъ изъ Ѳеодосіи въ Курскъ въ 3 экипажахъ, на 12-ти лошадяхъ, а потомъ оказалось, что ему доставили еще 5 экипажей за 331 р. с., что для его имущества сдѣлано 68 ящиковъ на 108 р. и пр.»

Вотъ какъ путешествуютъ иностранцы по Россіи! У насъ составилось мнѣніе, что одни только Русскіе, являясь за границей, сорятъ деньгами и поражаютъ всѣхъ барской расточительностью, а иностранцы пріѣзжаютъ къ намъ и вездѣ при расчетѣ считаютъ каждую копѣйку. Г. Легетръ опровергаетъ съ достоинствомъ такое мнѣніе и на каждой станціи бросаетъ по 1 р. 20 к. с. на водку. Кто можетъ упрекнуть г. Легетра за такую щедрость? Я, напротивъ, нахожу его расточительность чрезвычайно гуманной. Судьбы были къ нему милостивы и набили его карманы русскими кредитными билетами, а онъ въ порывѣ благодарности началъ бросать деньги направо и налѣво, зная, что соотечественники ямщиковъ возвратятъ ему все это сторицей и бумажникъ его снова потолстѣетъ. Вдохновенный великолѣпнымъ путешествіемъ щедраго Француза, я уже думалъ написать романсъ, на голосъ: «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ» какъ вдругъ, нечаянно раскрывъ одинъ французскій журналъ, я нашелъ тамъ стихотвореніе, писанное вѣроятно самимъ г. Легетромъ или кѣмъ нибудь изъ его друзей. Я хотѣлъ—бы-

ло привести стихотворенiе въ подлинникѣ, но не удержался и самъ перевелъ его. За буквальную точность перевода ручаюсь.

ОТЪ ѲЕОДОСIИ ДО КУРСКА.

(ДОРОЖНЫЕ СТАНСЫ).

(*Переводъ съ французскаго*).

Пускай, не зная сладкой ночи,
На солнцѣ жаряся, какъ ракъ,
Въ Россiи скачетъ на телѣгѣ
Нуждою загнанный бѣднякъ,
Я-жъ по Руси быстрѣе вѣтра
Летѣлъ, торжественный, какъ громъ,
И получалъ изъ рукъ Легетра
Ямщикъ рубль двадцат серебромъ.

* * *

Для чемодановъ и поклажи,
Для переѣзда восемь дней
Мнѣ запрягали въ экипажи
Вездѣ двѣнадцать лошадей.
Изъ Ѳеодосiи старинной
Я мчался въ Курскъ съ своимъ добромъ,
И всѣмъ на водку съ позой чинной
Бросалъ рубль двадцат серебромъ.

* * *

При мнѣ смотритель станцiонный
Въ дугу сгибался, точно котъ,
И пѣлъ мнѣ пѣсни полусонный
Ямщикъ всѣ ночи напролетъ.
На каждой станцiи въ прихожей
Я подносилъ прислугѣ ромъ,
Меня возничiй звалъ вельможей
За тѣ рубль двадцат серебромъ.

* * *

Лишь заиграло счастья солнце,
Кругомъ я золото бросалъ;
Какой расчетъ—два, три червонца,
Когда въ грядущемъ капиталъ!

Предвидя блескъ иной карьеры,
Послѣдній грошъ мой шелъ ребромъ:
Отвѣтятъ мнѣ акціонеры
За тѣ рубль двадцать серебромъ.

*
* *

Въ свою карьеру вѣря много,
Я зналъ, живя, какъ сибаритъ:
Ѳеодосійская дорога
Мнѣ все съ лихвою возвратитъ.
Мой кошелекъ забылъ чахотку,
Я гнать велѣлъ по всѣмъ—по тремъ,
И ямщикамъ бросалъ на водку
Вездѣ рубль двадцать серебромъ.

На всѣ замѣчанія коммисіи совѣтъ отвѣчалъ большею частію глубокимъ молчаніемъ.

Но молчать постоянно не ловко, и онъ выкинулъ слѣдующій милый фарсъ. Когда ревизоры въ своей вѣдомости привели въ особой графѣ объясненія г. Герена, то совѣтъ отвѣчалъ:

«Объясненія эти сообщены коммисіи на французскомъ языкѣ и за вѣрность перевода совѣтъ не отвѣчаетъ».

Вѣдь такой отвѣтъ очень остроуменъ. Совѣту дѣлаютъ вопросы, имѣлъ ли онъ право принимать всѣ счеты и утверждать тарифы, а онъ говоритъ о томъ, что «*за точность перевода онъ не отвѣчаетъ*». Переводъ, дѣйствительно, не вѣрный, по *переводъ* денегъ и чужихъ суммъ, господа, вотъ въ чемъ вопросъ!..

Но пойдемте далѣе: насъ ждутъ еще и не такіе сюрпризы. Впередъ прошу васъ не смѣяться, когда будете читать такое мѣсто: въ «счетъ общихъ расходовъ, по управленію сооруженія линій»: выдано г. Гелингу 200 р. «*за карету, потерянную въ Псковѣ*». Я увѣренъ, что вы все-таки смѣетесь, — и напрасно... Что жъ тутъ удивительнаго? Вѣдь былъ же случай, какъ я уже упоминалъ однажды, что въ одномъ присутственномъ мѣстѣ находились такія *дѣла*:

«Дѣло о пропажѣ пятнадцати верстъ земли».

«Дѣло о потерѣ неизвѣстно куда дома волостнаго правленія и о изгрызеніи плана онаго мышами». Отчего же послѣ этого не могло появиться въ «Главномъ Обществѣ» «дѣло о пропажѣ кареты г. Гелинга»? Притомъ же это случилось въ Псковѣ, а Псковъ уже из-

вѣстно какой городъ: тамъ самъ Павелъ Якушкинъ едва *не пропалъ*, а карета и подавно могла пропасть... Мало–ли какихъ чудесъ нѣтъ на свѣтѣ!.. Вотъ «Совѣтъ» Главнаго Общества взглянулъ на этотъ случай практическими глазами и выдалъ г. Гелингу за потерю кареты 200 р. с. Удивительное безкорыстіе! Напрасно г. Воскобойниковъ трунитъ надъ этимъ происшествіемъ и разрисовываетъ его черными красками. Въ небольшомъ кружкѣ своихъ друзей, въ тихой застольной бесѣдѣ я сложилъ пѣсню въ честь этого случая. Вотъ эта

ПѢСНЯ.

Here's a health to thee Mary.

Пью за искренность «смѣты»
И за русскій кредитъ,
Пью, слагая куплеты,
Что́ пропажа кареты
Никого не дивитъ.

—

Пусть всѣ члены совѣта,
Утвердивши тарифъ,
За него ждутъ отвѣта...
Но судить ли за это:
Чтожъ?—пропала карета
Это вовсе не миѳъ.

—

Подъ пучинами Леты
Схороненъ рядъ костей;
Гибли страны, поэты,
Такъ пропажа кареты
Въ путешествіи гдѣ-то,
Удивитъ лишь дѣтей.

—

Пью-жъ за здравье «совѣта»
И его самосудъ...
За бутылкой моэта
Я пою до разсвѣта:
Чтожъ? пропала карета —
Такъ другую дадутъ.

Но вотъ что меня особенно тронуло: г. Воскобойниковъ съ какимъ-то злорадствомъ разсказываетъ о расходахъ, произведенныхъ самимъ г. Коллиньономъ, не желая понять, что они могли быть еще крупнѣе, еслибъ того захотѣлъ самъ г. Коллиньонъ. Но главный директоръ, полный великодушія, не сдѣлалъ этого, а г. Воскобойниковъ не оцѣнилъ такого поступка.

Приведу въ доказательство слѣдующія показанія:

«По *счету дома* главнаго общества, что близь пассажа, оказалось, что совѣтъ, купивъ его за 230 т. р. с., въ одинъ 1859 г. успѣлъ потратить на него 149 т. р. Одно проведеніе воды стоило 14,500 р. с. За перестройку дома уплачено архитектору Бонштедту 10,066 р. с.

«По счету движимости дома оказалось, что на омеблированіе квартиры главнаго директора было исчислено совѣтомъ 15,124 р., а на мебель совѣта 7,603 р. с., что и утверждено совѣтомъ.

«На самомъ дѣлѣ, по обѣимъ этимъ статьямъ, вышли далеко за предѣлы утвержденія совѣта. Г. главный директоръ, Коллиньонъ, подписалъ выдачу:

На омеблированіе совѣта 6,146 р. (менѣе смѣты)

Для собственной квартиры 36,554 р. (почти болѣе вдвое),

«Кромѣ того, въ прежніе годы было пріобрѣтено движимости на 32 т. р., всего до 1 января 1860 г. на 93 т. р. с.

«По контракту съ Коллиньономъ, ему слѣдовало дать квартиру съ мебелью, а между тѣмъ куплены, кромѣ мебели, ковры, бронзы, постели, кухонная и столовая посуда. Мебель была кажется очень хорошая, ибо *за установку ея уплачено г. Бонштедту* 2,740 *р. с.*; одинъ рояль Эрара стоитъ 1200 р. с. За меблировку другихъ помѣщеній во всемъ домѣ г. Бонштедту заплатили еще 600 р. с., такъ что всего онъ получилъ за одинъ годъ 13,406 р. с. Вообще на поправки и перемѣны въ домѣ было ассигновано 80 т. р., а по назначеніямъ главнаго директора вышло 158,594 р.

— «Неужели акціонеры утвердятъ подобный отчетъ? злобно восклицаетъ рецензентъ. Отчего же не утвердить! На то Коллиньонъ и главный деректоръ. Онъ могъ вмѣсто 158,000 р. истратить на домъ 300,000 р. и то бы ему съ рукъ сошло. Вотъ, жалованье, которое получилъ архитекторъ Бонштедтъ (13,000 р. въ одинъ годъ) меня больше занимаетъ. Неужели за установку мебели можно отсчитывать такія деньги? Не мудрено, послѣ этого, что главный директоръ

такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!

Случилось мнѣ послѣ прочтенія этого отчета встрѣтить одного обойщика, который работалъ въ домѣ Коллиньона.

— Чѣмъ же ты тамъ занимался? спрашивалъ я.

— Какъ чѣмъ—съ? мало развѣ дѣла: мебель разставлялъ, гардины, ковры развѣшивалъ, какъ есть значитъ меблировалъ домъ... Такъ съ архитекторомъ порядился.

— Съ архитекторомъ Бонштедтомъ?

— Съ нимъ именно.

— Что же архитекторъ—то тамъ дѣлалъ?

— Да особыхъ дѣлъ никакихъ не имѣлъ. Придетъ, значитъ, посмотритъ, увидитъ что все въ порядкѣ и уйдетъ.

И вотъ, за такіе—то визиты г. Бонштедтъ взялъ болѣе 13,000 р. с!! Можно—ли послѣ этого вѣрить словамъ почтеннаго ученаго М. П. Погодина, толковавшаго о нашей общей бѣдности? Совѣтуемъ ему заглянуть въ отчетъ ревизіонной коммисіи и въ ея открытія: навѣрное, можно душу отвести.

Остановимся еще на одномъ пунктѣ статьи и тѣмъ закончимъ нашу характеристику, потому что и у меня самого начинаетъ рябить въ глазахъ отъ разныхъ цифръ и итоговъ. Но еще одно послѣднее сказанье: «По *счету магазиновъ* коммисія открыла въ магазинѣ сооруженія линій удивительныя статьи, напр. пистолеты—револьверы на 576 р., *булавокъ и иголокъ на* 371 *р.; заготовка бланковъ* 23,531 р.; *костяные ножи* 259 р., *ручки для перьевъ* 368 р., *перья стальныя и гусиныя* 2,463 р.; *форменный шелкъ* 528 р., дорожный экипажъ инженеру 475 р., дорожные чемоданы 385 р., графины, стаканы, подсвѣчники, щетки и пр. на 796; *разной бумаги* на 40,776 р., и вообще, кромѣ 35 т. на инструменты и 9 т. на движимость, большею частію *канцелярскихъ припасовъ* на 161,674 р. Кромѣ того въ магазинѣ эксплоатаціи значится расходъ на канцелярскія принадлежности до 35 т. Въ суммѣ обоихъ магазиновъ одни бланки составляютъ до 31 т., т. е. почти столько же употреблено на инструменты (35 т.).

«Мало того, коммисія остановилась въ особенности на значительности суммы, употребленной во Франціи на пріобрѣтеніе разнаго рода бумаги и другихъ канцелярскихъ принадлежностей на 27 т. р. с., на которыя употреблено таможенныхъ расходовъ 10 т. р.»

Канцелярскіе матеріалы, выписанные изъ Франціи! Что за чудеса! Главное Общество вѣроятно предполагало, что въ Россіи кромѣ льду, да русскихъ денегъ, ничего не найдешь. О иронія, французская иронія!. Сколько хлопотъ, суеты, а главное расходовъ для блага Россіи!..

Главное Общество для блага Россіи еще и не то предлагало.

Г. Перейра говорилъ, напримѣръ, что для блага Россіи слѣдуетъ наложить на нашъ бѣдный народъ такія-то и такія-то тяжести (благородный иностранецъ!) въ пользу Главнаго Общества и дать послѣднему и субсидіи и гарантіи, и отдать ему почти даромъ Николаевскую дорогу.

Знаменитый Абаза, біографія котораго напечатана даже въ I т. Энциклопедическаго Словаря, изданнаго подъ редакціею А. А. Краевскаго, громогласно, отъ лица всего совѣта подтвердилъ такое предложеніе:

— Это рѣшительно необходимо для блага Русскаго государства!

Но ни г. Перейру, ни Абазу почему-то не послушали, ну, главное общество всѣ свои промахи и неудачи и сваливаетъ теперь на другихъ.

Нѣтъ, г. Старчевскій рѣшительно правъ, укоряя насъ въ томъ, что мы слишкомъ внимательно слѣдимъ за европейской жизнью и интересуемся окончаніемъ процесса какого нибудь Мireса. У насъ есть свои Миресы, да еще и какіе!.. Нетолько мы, но и наши внуки будутъ дивиться, читая отчетъ ревизіонной коммисіи о дѣлахъ главнаго общества россійскихъ дорогъ; придетъ иной вѣкъ и... но лучше заключу стихами:

Пройдутъ года, и вѣкъ настанетъ...
Вѣкъ новый, будущій для насъ,
Иная жизнь въ глаза заглянетъ,
Тогда волшебной сказкой станетъ
Акціонерный нашъ разсказъ.

Дѣянья «общества дороги»,
И похожденья «длинныхъ рукъ»,
И колоссальные итоги
Прочтетъ въ волненьи и тревогѣ,
Теряясь въ цифрахъ, нашъ же внукъ.

И, можетъ быть, на новой лирѣ
Разскажетъ новый Беранже
О службѣ въ сѣверной Пальмирѣ,
О коллиньоновскомъ кассирѣ,
О переѣздахъ Доманже.

Разскажетъ, какъ во время óно
Легетръ явился въ русскій свѣтъ,
Какъ шли депеши до Ліона,
Какъ дивный замокъ Коллиньона
Меблировалъ M-r Бонштедтъ.

Онъ воспоетъ на многи лѣта
«Рубль-двадцать» на ямщицкій чай,
И, по свидѣтельству «совѣта,»
Какъ въ Псковѣ Гелинга карета
Куда-то скрылась невзначай.

Чтó новаго въ Петербургѣ и въ его общественной жизни? Не знаю, очень-ли интересуются знать объ этомъ въ провинціяхъ, но думаю, что любопытнаго тутъ очень мало. Толковать объ ужинахъ у Дюссо, у Донона, говорить объ его истасканныхъ львахъ и львицахъ и пр. скучно, а главное совѣстно. Для такихъ бесѣдъ у насъ есть особая порода Надрыгасовыхъ—пусть они этимъ и забавляются. А въ Петербургѣ теперь, господа, ей-Богу, нѣтъ никакихъ новостей, стоющихъ вашего вниманія; даже скверно теперь въ Петербургѣ... Осень, со всѣми ея сентябрскими прелестями совершенно вошла въ свои законныя права и свинцовое, угрюмое небо неуставая кропитъ туманный городъ мелкимъ и частымъ дождикомъ. Загородныя развлеченія замерли и только въ Петровскомъ паркѣ русское юношество обоихъ половъ, подъ покровительствомъ г. Тайвани, учится канканировать на русскій ладъ... Всѣ ждутъ открытія италіянской оперы и балета... Затишье страшное!.. Хоть бы г.г. Кусковъ и Заринъ затянули свои пѣсенки—все бы было веселѣе!.. да и тѣ, какъ на зло, молчатъ.. Скучно, господа! Даже самъ неутомимый Левъ Камбекъ замолкъ и что-то перестаііъ писать свои протесты...

— А знаете-ли, отчего замолчалъ г. Камбекъ? спросилъ меня только вчера одинъ господинъ, который знаетъ все, чтó кругомъ дѣлается, господинъ, которому слѣдовало-бы непремѣнно писать фельетонъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

— Нѣтъ, разумѣется, не знаю...

— Вы также не знаете, что онъ редакторъ газеты?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Вы меня удивляете: издается цѣлый годъ журналъ, а вы даже не имѣете о немъ никакого понятія.

— Какой же это журналъ?

— Петербургскій Вѣстникъ.

Сознавая свое полное невѣдѣніе, я только тоскливо посмотрѣлъ въ глаза говорившаго.

— Но дѣло видите-ли въ чемъ, продолжалъ мой собесѣдникъ: сдѣлавшись съ 1 января редакторомъ Петербургскаго Вѣстника, г. Камбекъ сначала выдавалъ его исправно въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, а потомъ, занимаясь протестами, позабылъ о своей газетѣ. Вотъ уже съ марта мѣсяца о ней ни слуху-ни духу.

— А что же подписчики?

— Подписчики пишутъ письма редактору, бранятся, а газета все таки не выходитъ. По всему видно, что Петербургскій Вѣстникъ скончался, а «мертвіи сраму не имутъ».

— Знаете, замѣтилъ я, улыбаясь, вы острите чужими остротами.

— Какъ чужими?

— Да помилуйте, вы вѣдь все читаете, такъ должны знать, что такъ Отечественныя Записки острились надъ авторомъ «полемическихъ красотъ». Кто-то изъ почтенной редакціи, прочтя слова г. Чернышевскаго, что «онъ мертвъ къ похвалѣ и къ порицанію, и съострилъ надъ нимъ, а сотрудники такъ обрадовались этой остротѣ, что каждый изъ нихъ въ августовской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ, къ случаю и не къ случаю и-давай повторять: мертвіи, дескать, сраму не имутъ. А вотъ теперь и вы повторяете это изреченіе... Грѣхъ жить на чужой счетъ!

Гость разсмѣялся.

— Вотъ, еслибы я былъ на мѣстѣ г. Камбека, продолжалъ онъ, то первымъ бы моимъ долгомъ было протестовать противъ книгопродавца Смирдина.

— Чѣмъ же онъ такъ васъ гнѣвитъ?

— Не меня, а всѣхъ кто съ нимъ имѣетъ дѣло. Коммисіи и порученія не исполняетъ, не платитъ никому денегъ... Напримѣръ, редакція одного журнала не можетъ получить съ него свои деньги за подписку, около года. Пришлютъ къ нему требованіе, говоритъ «рас-

четъ будетъ сдѣланъ завтра»; на другой день опять то же самое, и такимъ образомъ проходятъ недѣли и мѣсяцы. Послѣ этого не слѣдуетъ–ли дѣянія такихъ господъ публиковать для общаго свѣдѣнія?

— Къ–чему тутъ протесты, замѣтилъ я, развертывая одинъ изъ нумеровъ библіографическихъ замѣтокъ (№ 10)? Лучше всего припомнить вотъ эту до–сихъ–поръ неизвѣстную эпиграмму Пушкина, только недавно напечатанную:

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ.
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ:
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождичка четвергъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ у насъ явилась новая болѣзнь—журналоманія. Не говоря уже о литераторахъ, которые, кажется, скоро всѣ сдѣлаются редакторами, теперь каждый умѣющій читать и писать и учившій когда–то грамматику Востокова, мечтаетъ о собственномъ журналѣ. Успѣхъ извѣстныхъ изданій родилъ ужасный задоръ въ нѣкоторыхъ господахъ, которые, безъ любви къ дѣлу, безъ знаній, безъ таланта, думаютъ нажить себѣ золотыя горы журнальнымъ предпріятіемъ. И зато какихъ у насъ редакторовъ не перебывало!—и Кореневъ съ Современностью, и Петровскій съ Дамскимъ Вѣстникомъ, и Калейдоскопы, и Арлекины... Вотъ и Левъ Камбекъ теперь редакторъ, и Илья Арсеньевъ будетъ тоже, пожалуй, ходить въ редакторской хламидѣ, а потомъ всѣхъ ихъ поглотитъ пучина Стикса и будутъ проклинать довѣрчивые подписчики. Но, несмотря на горькую участь многихъ безславно погибшихъ изданій, все еще являются охотники до журнальнаго поприща, да еще какіе охотники!..

Знаю я, напримѣръ, одного господина, почтенныхъ лѣтъ, ничего нечитающаго и нисколько незнакомаго съ литературой. Женившись по любви, что̀ не мѣшало ему взять за женой около ста тысячъ, онъ вполнѣ наслаждался жизнію, т. е. жирно кушалъ, спалъ послѣ обѣда и ѣздилъ съ жениными деньгами въ клубъ, гдѣ велъ довольно большую игру. Казалось–бы, чего еще человѣку надо!.. Но вотъ что съ нимъ случилось. Увидалъ онъ какъ–то въ клубѣ «Искру» и тутъ же узнавъ, что эта газета очень распространена и имѣетъ много подписчиковъ, — господинъ этотъ, какъ быстро соображающій, тотчасъ разсудилъ,

что издавать такой журналъ очень выгодно—и запала дума крѣпкая въ его крѣпкую голову.

Прiѣзжаетъ онъ однажды ко мнѣ. Вижу, лице его ужасно озабочено и безпокойно, что къ нему ужасно какъ не шло... Жду я, что будетъ. Мялся мой посѣтитель, мялся, и наконецъ сказалъ мнѣ не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

— Дайте, батюшка, совѣтъ: хочу я журналъ издавать...

Я чуть не расхохотался.

— Что же это вамъ за идея пришла въ голову?

— Выгодно! говорятъ, замѣтилъ онъ откровенно; а я теперь совершенно безъ дѣла, такъ и хотѣлъ бы заняться чѣмъ нибудь... Вотъ только не знаю, какъ приступить къ этому теперь?

— Какой же вы хотите журналъ издавать?

— Сатирическiй.

Я рѣшительно пришелъ въ ужасъ, и, посматривая въ тусклые глаза и на длинные усы своего гостя, невольно подумалъ: настоящiй сатирикъ!..

— Я, продолжалъ гость смѣлѣе, пять тысячъ ассигную на журналъ, а если этого мало, еще прибавлю... Ищу теперь сотрудниковъ.

— А сами вы что будете дѣлать? спросилъ я, не скрывая улыбки.

— Статейки три—четыре въ годъ, пожалуй, и я тисну, а—то больше буду заниматься хозяйственной частью журнала.

Долго послѣ этого усовѣщевалъ я почтеннаго отца семейства и доказывалъ ему, съ терпѣнiемъ, котораго даже не ожидалъ отъ себя, что изданiе журнала вовсе не его дѣло, что онъ потеряетъ только свои деньги, да еще попадетъ на смѣхъ какому нибудь лютому зубоскалу. Гость слушалъ меня недовѣрчиво, и уѣхалъ кажется совершенно увѣренный, что я говорю одинъ вздоръ. Съ тѣхъ поръ я и не встрѣчалъ моего *сатирика*.

А вотъ другой субъектъ въ томъ же родѣ. Издатель одной погибшей газеты, приступая къ своему предпрiятiю, явился къ знакомому журналисту и просилъ его содѣйствiя.

— Чѣмъ же я вамъ могу быть полезенъ? спрашиваетъ журналистъ.

— Да вотъ чѣмъ: нужно мнѣ теперь писать объявленiе о своей газетѣ, а это трудъ не малый. Отъ журналовъ и газетъ нынче непремѣнно требуютъ *направленiя*, я вотъ и не знаю... скажите на—милость, какое же дать направленiе своему изданiю?

О, чистое, наивное сердце!... Да къ–чему вамъ объ этомъ хлопотать? замѣтилъ журналистъ улыбаясь,—всѣ журналы теперь говорятъ о направленіи, это уже становится скучнымъ. Вы лучше объявите, что ваша газета будетъ безъ всякаго направленія. Это будетъ ново и всѣхъ заинтересуетъ.

— Вы вотъ все смѣетесь, замѣтилъ гость, чуть не плача, а мнѣ, ей–Богу, не до–шутокъ: это проклятое объявленіе нужно посылать въ типографію, а оно еще не написано.

Черезъ нѣсколько дней объявленіе все–таки вышло, и *направленіе* нашлось: газета чрезъ два мѣсяца направила путь—въ Лету.

Но, несмотря на то, что столько изданій почило непробуднымъ сномъ, все–еще существующихъ журналовъ такъ много, что для одного перечисленія ихъ открылся новый органъ—«Книжный Вѣстникъ», котораго спеціальность извѣщать о содержаніи всѣхъ русскихъ изданій. Нѣтъ человѣческой возможности перечитать всѣ тѣ печатные листы и книги, которые выходятъ въ теченіе каждаго мѣсяца. Начальница одного частнаго женскаго учебнаго заведенія (о которой мы уже говорили именно та, что смѣшиваетъ слова: орфографія и географія) такъ возмутилась огромнымъ количествомъ русскихъ журналовъ, что своимъ взрослымъ воспитанницамъ не даетъ ни одного изъ нихъ въ руки. Напрасно воспитанницы просили свою *maman*, дать имъ какой нибудь журналъ, начальница была неумолима.

— Нельзя, *дѣти*, нельзя, говорила она строго: изъ этихъ книгъ вы добру не научитесь... Тамъ однѣ завиральныя идеи и дурные совѣты... я сама ихъ боюсь читать и никогда въ руки не беру...

— Дайте же намъ какихъ нибудь книгъ, чуть не со слезами просили 17–ти и 18–ти–лѣтнія дѣти.

Maman сжалилась надъ ними и прислала имъ нѣсколько нумеровъ *Странника* и «*Журналъ для воспитанія*»....

Полный сочувствія къ бѣднымъ воспитанницамъ, я отъ лица ихъ обращаюсь теперь къ строгой начальницѣ съ слѣдующимъ жалобнымъ воззваніемъ:

Просьба.

Ахъ, вы напрасно, *maman*, не читаете
Русскихъ журналовъ, газетъ,

Даже и намъ ихъ читать запрещаете...
Жалости къ дѣтямъ въ васъ нѣтъ!..

—

Всей вашей строгости, право, не стало-бы,
Видъ вашъ суровый пропалъ,
Еслибъ взглянули, почтивъ наши жалобы,
Вы хоть въ единый журналъ.

—

Вы-же намъ книги даете старинныя,
«Странникъ» велите читать...
Нѣтъ, намъ наскучили сказки противныя —
Нужно-же правду сказать!..

—

Ахъ, ходятъ слухи, въ запретныхъ изданіяхъ
Много чудесныхъ стиховъ,
Пишетъ, maman, тамъ о милыхъ созданіяхъ
Нѣжно такъ душка-Кусковъ.

—

Есть тамъ, мы слышали, проза Арсеньева,
(Пишетъ умно, говорятъ),
Повѣсти Нарской, разсказы Весеньева...
Всѣхъ перечтешь-ли наврядъ...

—

Такъ для чего-жъ на журналы безвредные
Намъ не даютъ и смотрѣть?
Долго терпѣли, терпѣли мы, бѣдныя, —
Больше не можемъ терпѣть.

—

Что же, maman, вы? Вѣдь съ вами мы ратуемъ
Не изъ дѣвичьихъ проказъ;
Ныньче есть гласность и мы напечатаемъ
Тоже протестъ свой на васъ.

Заговоривъ о начальницѣ «пансіона», не могу не разсказать о строгой дисциплинѣ, которая введена въ ея пансіонъ и доходитъ до чудовищной нелѣпости. У одной изъ воспитанницъ не такъ давно заболѣла мать и лежала при смерти. Отецъ, по ея желанію, поскакалъ въ школу за дочерью. Изъ школы воспитанницы ѣздили домой только въ большіе годовые праздники, но явившись не въ урочный день,

отецъ, просилъ начальницу отпустить съ нимъ дочь домой по случаю болѣзни ея матери.

Начальница сначала рѣшительно отказала, представивъ кучу разныхъ доводовъ, въ родѣ того, что это нарушеніе порядка, баловство и дурной примѣръ для всего заведенія.

— Но можно-ли тутъ думать о порядкѣ, когда у моей дочери мать умираетъ и теперь каждая минута дорога!

Начальница задумалась.

— Вы въ чемъ пріѣхали? спросила она наконецъ: въ каретѣ?

— Нѣтъ, на извощикѣ; кареты не было времени искать.

— Я еще могу отпустить вашу дочь домой, только въ такомъ случаѣ, если она поѣдетъ съ вами въ каретѣ. Моимъ воспитанницамъ неприлично ѣздить на простыхъ извощикахъ...

— Но, помилуйте, М. Г., говорилъ въ нетерпѣньи отецъ: гдѣ тѣперь искать кареты! а между тѣмъ время дорого для меня и для дочери. Жена моя, повторяю вамъ снова, больна при смерти, и я не могу ждать...

Но начальница была неумолима: у нея принципъ прежде всего. Пока посылали за каретой, пока нашли ее и отецъ съ дочерью поѣхалъ, прошло нѣсколько часовъ. Когда они прискакали домой, больная была уже покойница.

Вотъ еще новый урокъ тѣмъ родителямъ, которые, имѣя средства отдаютъ своихъ дѣтей въ закрытые пансіоны, гдѣ ихъ на нѣсколько лѣтъ запираютъ.

А вотъ и новое открытіе: у знаменитаго поэта Германіи Гейне нашелся въ Россіи другъ его, г. А. Арсеньевъ, и вотъ покакому случаю. Если вы читаете московскіе журналы, то вѣроятно встрѣчали не разъ множество стихотвореній г. Грекова. Въ Москвѣ говорятъ, что г. Грековъ переводитъ Гейне, въ Петербургѣ толкуютъ, что онъ переводитъ бумагу. Послѣднему мы, разумѣется, не вѣримъ: г. Грековъ дѣйствительно переводитъ изъ Гейне. Да и что удивительнаго: у насъ нѣтъ ни одного поэта, который бы не испыталъ своихъ силъ на «Reisebilder,» «книгѣ пѣсенъ» или «Buch der Lieder...» Чуть гдѣ въ журналѣ останется свободная страничка, тотчасъ вставятъ переводную гейневскую пѣсенку—и дѣло съ концомъ!

Не давно, по поводу того, что г. Грековъ напечаталъ въ нѣскол-

кихъ журналахъ переводъ неизданныхъ стихотвореній Гейне, одинъ рецензентъ выразилъ свое сомнѣніе насчетъ подлинности этихъ пѣсенъ и намекаетъ на то, что г. Грековъ самъ сочинилъ ихъ... Такое нескромное обвиненіе и вызвало письмо г. А. Арсеньева въ защиту обвиненнаго поэта. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, г. Арсеньевъ:

«По просьбѣ Н. П. Грекова и по собственному искреннему желанію моему, спѣшу засвидѣтельствовать, что стихотворенія Гейне, помѣщенныя въ разныхъ журналахъ въ переводѣ Н. П. Грекова, истинно были получены мной отъ извѣстнаго нѣмецкаго поэта Генриха Гейне, *съ которымъ, въ продолженіи долгаго моего пребыванія въ Парижѣ, въ сороковыхъ годахъ, я былъ коротко знакомъ.* Эти стихотворенія, въ числѣ двадцати, въ 1849 году были переданы мною г–ну Грекову. *17 изъ нихъ, по просьбѣ моей, переведены самимъ авторомъ на французскій языкъ, что было сдѣлано вслѣдствіе плохаго моего знанія нѣмецкаго языка.*» О, дружба! это ты! Можетъ ли быть недрагоцѣнно для насъ то извѣстіе, что нашъ соотечественникъ былъ такъ друженъ съ нѣмецкимъ поэтомъ, что послѣдній собственно для него перевелъ на французскій языкъ цѣлыхъ 17 стихотвореній?! Благодаря исповѣди г. Арсеньева, мы узнаемъ теперь, что слова неизвѣстнаго рецензента несправедливы и на г. Грекова не будетъ съ укоромъ глядѣть тѣнь великаго Гейне:

Не придетъ съ укоромъ тѣнь его,
И теперь винить намъ не кого
За протесты А. Арсеньева,
За стихи изъ Гейне Грекова.

Заговоривъ объ одномъ протестѣ, скажу и о другомъ, который мнѣ случилось читать на–дняхъ. Неизвѣстная *степнячка* жалуется на петербургскихъ уличныхъ Донъ–Жуановъ, среди бѣлаго дня подходящихъ къ дамамъ и говорящихъ двусмысленныя любезности. Прекрасно и изящно, съ разными подробностями, написанный протестъ *степнячки*, возбудилъ полное мое сочувствіе. Къ сожалѣнію, нужно признаться, что у насъ, въ самой столицѣ, женщинамъ дѣйствительно опасно выходить одной на улицу. Вы правы, любезная степнячка, во всемъ правы, но увы! для такихъ господъ ваши протесты безполезны и не достигнутъ своей цѣли. У насъ и не такія дѣла дѣ-

лаются! Загляните въ 181 № С.-Петербург. Вѣдом. и тамъ подъ рубрикой *неосторожная ѣзда* (?!) прочтете, какъ жандармскій капитанъ верхомъ на лошади задавилъ на улицѣ женщину... и то ничего!..

Перейду теперь къ нѣкоторымъ литературнымъ и театральнымъ новостямъ. На такія новости мы вообще бѣдны, особенно въ настоящее время. Въ литературѣ стоитъ такое затишье, что въ началѣ года даже и Потанинскій романъ и поэма Полонскаго были событіями. Впрочемъ вотъ одна новость: г. Тургеневъ пишетъ новый романъ; но когда онъ будетъ напечатанъ, неизвѣстно. Писатели русскіе вообще не отличаются плодовитостью; напишутъ романъ, двѣ, три повѣсти и надолго замолчатъ. Для насъ баснословной кажется такая неутомимость, какою отличается напримѣръ Дюма-отецъ, который какъ блины печетъ свои романы. Но, увы! и въ этой плодовитости французскаго романиста открыто было не разъ страшное шарлатанство. Вотъ хоть его послѣдняя продѣлка. Недавно въ Европѣ произвелъ шумъ его новый романъ, о которомъ «Siécle» такъ прокричалъ: «Помѣщаемъ сегодня, съ особеннымъ удовольствіемъ, начало романа А. Дюма, сюжетъ котораго авторомъ вынесенъ изъ его путешествія по Кавказу.» Романъ этотъ называется: «Moullah-Nour, nouvelle imitée du tartare, par A. Dumas» т. е. это ничто иное, какъ подстрочный переводъ «Мулла-Нура» Марлинскаго. Вотъ какъ безцеремонно распоряжается европейскій литераторъ съ чужими произведеніями! Послѣ этого не мудрено быть плодовитымъ. При этомъ нельзя еще не сказать двухъ словъ о французскомъ прогрессѣ: во Франціи еще теперь съ шумомъ встрѣчаются такіе романы, какъ Мулла-Нуръ, который давно уже позабытъ у насъ, и развѣ читается гдѣ нибудь въ далекихъ захолустьяхъ Россіи... Хорошъ же настоящій прогрессъ Франціи!..

Изъ театральныхъ новостей есть только одна, и довольно пріятная. Русская сцена, годъ отъ году бѣднѣющая и пустѣющая, не богата теперь молодыми дарованіями, и потому съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ встрѣченъ былъ въ этомъ мѣсяцѣ первый дебютъ молодой артистки, г-жи Струйской. Она появилась въ первый разъ въ двухъ комедіяхъ Островскаго «Не въ свои сани не садись», въ роли Авдотьи Максимовны, и «Бѣдность не порокъ», въ роли дочери купца Торцева. Въ исполненіи этихъ двухъ трудныхъ ролей г-жа Струйская показала такъ много самобытнаго таланта и неподдѣльнаго, глубокаго

чувства, что можно предположить, что изъ нея современемъ выработается настоящая русская актриса. Какъ неопытная дебютантка, г–жа Струйская на сценѣ еще не совсѣмъ овладѣла собой и подчасъ вѣрна той рутинѣ, по которой у насъ воспитываются молодыя актрисы; но все это современемъ, разумѣется, исчезнетъ. И теперь уже, тамъ, гдѣ артистка отдается своему непосредственному чувству и забываетъ школьную азбуку декламаціи, она исполняетъ свою роль съ художественной правдой.. Но впредь не загадываемъ: мы столько разъ привыкли ошибаться въ новыхъ талантахъ, что боимся и теперь предсказывать слишкомъ много...

Читая задушевное признаніе, той газеты, которая признается своимъ подписчикамъ, что она будетъ *преслѣдовать* все честное и прогрессивное въ жизни, я сначала не понялъ въ чемъ дѣло. Я думалъ, что это просто одна случайная игра словъ, а не игра дѣломъ. Но вотъ одна статья С–Петерб. Вѣдомостей о нашей мануфактурной выставкѣ (№ 144) грустно разрѣшила мое сомнѣніе. Авторъ этой статьи передаетъ, что онъ, бродя по заламъ выставки, встрѣтилъ трехъ своихъ знакомыхъ;—и вотъ его разговоръ съ ними:

— Что вамъ такъ весело, господа? (вопросъ автора).

— Да вотъ слушаемъ вчерашнюю исторію.

— Разскажите, пожалуйста—любопытная развѣ?

— Очень любопытная; только вы не обидьтесь, изъ вашего же сословія—ученый статьи пишетъ.

— Что такое, подумалъ я.—Ну–съ, разскажите.

— Вчера, началъ разсказчикъ, подходитъ, вотъ къ этимъ товарамъ, господинъ съ книжечкой и карандашемъ, и давай все переписывать; прикащикъ смекнулъ, что для газеты должно быть, и началъ, знаете–ли, любезно показывать, разсказывать, а господинъ въ отвѣтъ: «дрянь, мерзость, скверно, безвкусица, дорого, только деньги съ мужиковъ обдираютъ!»... прикащикъ было-возражать: «посѣтители похваливаютъ, зачѣмъ обижать изволите? посмотрите, все почти раскуплено.» —«Что посѣтители? говоритъ господинъ съ книжечкой,—бараны!..Нѣтъ, нѣтъ! молчать объ этомъ нельзя, нужно напечатать!». Прикащикъ растерялся и, не зная, что сказать, спросилъ, гдѣ это будетъ напечатано? Господинъ отвѣтилъ. Такъ и разошлись. Ну, знаете-ли, прикащикъ дѣло служащее,—къ хозяину—такъ-то и такъ.—«Ахъ, да какъ

такъ? да братецъ ты мой, вѣдь тутъ 16,000 подписчиковъ: шестнадцать тысячъ людей прочтутъ, какъ меня отдѣлали, да шестнадцати тысячамъ перескажутъ,—говоритъ хозяинъ; показать да разсказать не умѣлъ вѣрно! Видишь, бранитъ, — попросилъ бы, пообѣщалъ—бы. Розыщи, какъ знаешь, что за господинъ такой? и адресъ возьми.»

— Ну-съ, что-же розыскалъ? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Розыскалъ (и мнѣ назвали фамилію.... слыхивалъ).

— Ну—что жъ, чѣмъ же кончилось?

— Благополучно, и разскащикъ захохоталъ; товарищи его подхватили. «Далъ записку, какіе ему куски понравились,—пять штукъ; я и записку—то видѣлъ; пожалуй, достану вамъ; пять штукъ показалось немножко—тяжеленько, такъ пятую-то отказали, продана—молъ; такъ нѣтъ—дай да выложи, точно нашъ братъ купецъ торгуется! А ужъ что всего забавнѣе: говоритъ еще, хорошо молъ, что во—время меня предупредили, статья совсѣмъ была написана».

Какъ ни безобразенъ этотъ фактъ, какъ ни грустно говорить о немъ, но пройти его молчаніемъ невозможно. Черныя стороны есть вездѣ, это бѣда неизбѣжная, но вотъ бѣда, когда эти черныя стороны прикрываются, защищаются и находятъ своихъ адвокатовъ. Къ счастью, такое покровительство теперь выводится и шарлатанамъ плохо становится жить на свѣтѣ... Впрочемъ, попадаются еще великолѣпные экземпляры этихъ Загорѣцкихъ. Случай столкнулъ меня не очень давно съ однимъ изъ такихъ господъ.

Нѣкто Павелъ Петровичъ Безлобый, жившій когда-то и въ столицѣ, пріѣхалъ для какихъ—то спекуляцій изъ провинціи въ Петербургъ. Личность вообще темная, прошедшая сквозь огонь и воду. Жилъ онъ въ провинціи хорошо, занималъ огромный домъ, велъ большую карточную игру, ѣздилъ на охоту съ шелковыми палатками и съ серебряной посудой; но откуда онъ добывалъ свои средства—это была загадка. Безлобый пріѣхалъ въ Петербургъ помимо другихъ разныхъ цѣлей еще съ цѣлью сдѣлаться литераторомъ. Онъ смотрѣлъ на это дѣло весьма легко и думалъ, что стоитъ исписать нѣсколько десятковъ листовъ, чтобъ попасть въ галлерею Мюнстера. И вотъ, съ кипой разныхъ статей отправляется Безлобый по редакціямъ разныхъ журналовъ. Но статей его никто не принимаетъ; тетради отдаются ему снова назадъ съ дерзкой замѣткой: «возвратить автору». Пришелъ мой Безлобый въ негодованіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не придти въ озлобленіе?—ему, который писалъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ умилитель-

ные мадригалы въ прозѣ о губернаторскихъ обѣдахъ и о различныхъ губернскихъ торжествахъ, ему вдругъ вездѣ отказываютъ и даже не читаютъ его статей!

Безлобый перервалъ всѣ свои писанія и проклялъ нашу журналистику. Имѣя съ Безлобымъ дѣло, я какъ-то зашелъ къ нему. Онъ жилъ въ одной изъ лучшихъ петербургскихъ гостинницъ и занималъ прекрасный номеръ.

— Дома Павелъ Петровичъ? спросилъ я корридорнаго и двухъ лакеевъ.

— Генералъ? Они сейчасъ выѣхали.

Я удивился. Безлобый былъ не болѣе, какъ титулярный совѣтникъ въ отставкѣ, а прислуга его величала генераломъ.

— Да развѣ Павелъ Петровичъ—генералъ? спрашивалъ я.

— Генералъ-съ.

— Кто же вамъ объ этомъ говорилъ?

— Они сами изволили... отвѣчалъ мнѣ лакей; ихъ здѣсь всѣ такъ называютъ.

Вотъ оно что!.. подумалъ я, и ушелъ.

Въ другой разъ я зашелъ къ нему и засталъ его дома.

Безлобый на то время былъ особенно въ ударѣ бранить современную литературу.

— Молодое поколѣніе литературы, ворчалъ онъ, никуда не годится, ужъ извините за правду; у него нѣтъ никакого уваженія ни къ званію, ни къ чину.

Въ это время въ комнату вошелъ слуга съ письмомъ.

Желая при свидѣтелѣ пристыдить Безлобова, я сказалъ громко:

— Кстати о чинахъ. Знаете-ли, Павелъ Петровичъ, что здѣсь вся прислуга считаетъ васъ за генерала и величаетъ «вашимъ превосходительствомъ». За что это васъ изъ титулярнаго совѣтника въ высокіе чины произвели?

Замѣтивъ плутовскую мину слуги, Безлобый такъ растерялся и покраснѣлъ, что не нашелся и ничего мнѣ не отвѣтилъ. Въ ту минуту онъ готовъ былъ кажется проглотить меня живаго:

Прошла недѣля и Безлобый уѣхалъ опять къ себѣ въ провинцію. Чересъ мѣсяцъ я получилъ изъ тѣхъ мѣстъ письмо, и вотъ что мнѣ пишутъ о немъ. Вернувшись изъ Петербурга, Безлобый началъ вездѣ разсказывать, что всѣ журналы обращались къ нему съ просьбой: пи-

шите Павелъ Петровичъ, ради Бога пишите и присылайте къ намъ ваши статьи; огромныя деньги будемъ платить.

— А напечатали вы что нибудь? спрашивали его губернскіе скептики.

— Какъ-же! я напечаталъ комедію «Ребенокъ»; ее скоро поставятъ на сцену.

— Но вѣдь это Бабарыкина комедія? ловили его.

Но Безлобый не потерялся. Это, говоритъ, мой псевдонимъ. Нынче всѣ подъ псевдонимами пишутъ... Какъ-то, знаете, не ловко свою фамилію выставлять... не принято, ну я и взялъ псевдонимъ Бабарыкина... Какокъ молодецъ!... А еще есть люди, которые говорятъ, что типъ Хлестакова—каррикатура. .

Куда-жъ теперь направимъ путь? Въ провинцію, непремѣнно въ провинцію... Если вы не интересуетесь тѣмъ, что дѣлается внѣ Петербурга, то и не читайте: пусть читаютъ меня одни добродушные провинціалы.

И такъ, я буду продолжать теперь для однихъ только провинціаловъ.

Начну, напримѣръ, хоть съ Нижняго-Новгорода и съ его «*Справочнаго Листка для Нижегородской ярмарки*». Очень ошибутся тѣ, которые подумаютъ, что этотъ Листокъ похожъ на тѣ листки, которые издавались Ріаномъ о петербургской мануфактурной выставкѣ. Нѣтъ, «Справочный листокъ» не занимается такой сухой матеріей, какъ отчеты о нижегородской ярмаркѣ. Къ немалому моему удивленію я нашелъ въ немъ цѣлую поэму въ стихахъ, какого-то г. Митрофанова, восхваляющаго свои собственныя познанія и заслуги въ медицинѣ. Губернскій юмористъ потѣшаетъ публику такими чудовищно-забавными стихами:

Я ѣздилъ въ Лондонъ за щипцами,
Въ Парижѣ добылъ элексиръ;
Въ Константинополѣ эмиръ,
Моимъ заслугамъ въ воздаянье,
Мнѣ травъ досталъ для полосканья;
Съ Америки, издалека,
Я получилъ машину—чудо
И массу изъ каучука.

Зубовъ такихъ никто покуда
Изъ здѣшнихъ всѣхъ зубныхъ врачей
Восточнаго происхожденья
Нетолько вставить, но, ей-ей,
Не видѣлъ даже въ сновидѣньи.
Моя метода «безъ металла»
Уже Европу облетала
И тьму восторженныхъ похвалъ
Себѣ въ газетахъ я читалъ... и т. д.

Стихи безконечно длинные, и, какъ увѣряютъ нижегородскіе купцы, «оченно смѣшные»...

Но губернскій шутникъ одними стихами не ограничился—и еще больше удивилъ городъ. Добывъ себѣ пару лихихъ лошадей, медикъ—юмористъ началъ разъѣзжать по всему Нижнему, но не въ своей медицинской формѣ, а въ шитомъ золотомъ мундирѣ. Вѣдь являются же въ маскарадахъ въ разныхъ костюмахъ, отчегоже, думаетъ г. Митрофановъ, не могу я золотаго мундира надѣть... вѣдь Нижній—не столица,—медвѣди одни живутъ...

И вотъ, разсудивъ такимъ образомъ, именующій себя «зубнымъ врачемъ Павломъ Григорьевичемъ Митрофановымъ» явился къ нижегородскому Военному Губернатору въ мундирѣ VI класса учрежденій Императрицы Маріи, и затѣмъ издалъ особыя афиши о своемъ искуствѣ, называя себя: *Россійскимъ Императорскимъ привиллегированнымъ зубнымъ докторомъ, операторомъ и гомеопатомъ*...

Проводя всѣхъ, какъ профановъ,
Золотой надѣвъ мундиръ,
Громко Павелъ Митрофановъ
Увѣрялъ губернскій міръ:
«Я дантистъ и операторъ,
Дворянинъ—аристократъ,
Докторъ правъ и литераторъ,
Юмористъ-гомеопатъ.»

Но губернскій міръ не такъ простъ, какъ думалъ г. Митрофановъ. О немъ навели справки, и что же оказалось?—Что онъ самъ присвоилъ себѣ званіе и доктора и оператора, и что кромѣ свидѣтельства на званіе зубнаго врача, другихъ докуметитовъ никакихъ не имѣетъ...

и вотъ, сей почтенный мужъ, со стыдомъ былъ выпровоженъ изъ города...

Есть гдѣ-то тамъ, на Волгѣ городокъ *Черное озеро*. Вы, можетъ быть, не слыхали о такомъ городкѣ?

Въ географіяхъ его дѣйствительно нѣтъ, и мы въ этомъ не виноваты... *Черное* озеро славится своимъ мыломъ, рыбой *воблой* и потомъ своимъ *Великимъ козломъ*... Каждый мѣстный житель ужасно боится роговъ этого великаго козла и избѣгаетъ съ нимъ встрѣчи. Но въ томъ-то и бѣда, что встрѣча съ нимъ въ городѣ неизбѣжна: онъ, какъ рокъ, какъ фатумъ съ своими рогами, стоитъ за спиной каждаго.

Есть напр. въ городѣ публичный садъ. Какъ-то лѣтомъ въ саду было гулянье, военная музыка играла торжественные марши и по широкимъ аллеямъ гуляла губернская публика.

Вдругъ подъ-вечеръ въ садъ обѣ двери распахиваются настежь и на дорожку, гдѣ гуляла публика, въѣхалъ всадникъ.

— Что за дерзость, думаютъ всѣ: кто смѣетъ въѣзжать на лошади въ публичный садъ? Кто этотъ смѣльчакъ?

— Это самъ *великій козелъ.*

Узнавши его, всѣ смолкли. Всадникъ грозно ѣхалъ по аллеѣ, и передъ нимъ разступались и сторонились на мокрую траву всѣ— дамы, старики и дѣти.

Мирные и благородные граждане *Чернаго озера!* Какъ не цѣнить, не уважать вашу кротость и терпѣніе, какъ не почитать вашу житейскую мудрость! За ваше терпѣніе судьба наградитъ васъ когда нибудь, непремѣнно наградитъ...

Впрочемъ, для чего же
Много вамъ крушиться!..
Вздорной молодежи
Свойственно сердиться.

—

Что жъ, что въ садъ публичный
Въѣхалъ всадникъ смѣло!..
Вы народъ привычный —
Было хуже дѣло.

—

Если жъ ваши дамы
Промочили ножки,
Попадали въ ямы
Сторонясь съ дорожки,

—

Если ваши дѣти
Чуть не смяты были, —
Вы-жъ за то въ отвѣтѣ,
Что ихъ въ садъ водили.

Но успокойтесь, почтенные граждане,—есть у насъ факты и хуже гораздо. Вотъ прочтите, что пишетъ одинъ провинціальный корреспондентъ:

«Знаете-ли, что есть участки въ Россіи, гдѣ солдатъ и крестьянъ не признаютъ за людей прилично-одѣтыхъ, и потому, очень логично, не пускаютъ на публичныя гулянья. Признаться, такая дикость понятія поразительна и послѣ путешествія по Востоку, этой классической странѣ всевозможныхъ нелѣпостей, вы не вѣрите? вотъ вамъ документъ: въ одномъ городѣ, на бульварѣ, у перекрестка двухъ дорожекъ, стоитъ столбъ; на немъ, въ желтой рамкѣ, красуется такого рода интересное объявленіе, которое, для курьёза, я списалъ слово-въ-слово (жаль, что не означено имени почтеннаго лица, которому принадлежитъ честь сего мудраго распоряженія).

Объявленіе.

«Дозволяется входъ на бульваръ соборной площади отъ 9-ти часовъ утра до 10-ти вечера, всѣмъ лицамъ въ приличной одеждѣ, *кромѣ солдатъ и крестьянъ.*

«Во время гулянья ходить по дорожкамъ, травы не мять, цвѣтовъ не рвать, деревьевъ не ломать, съ собаками не входить; сигары и папиросы курить въ нарочно-устроенной для сего холщевой палаткѣ; прекращеніе гулянья будетъ возвѣщено звонкомъ; всякій затѣмъ безпорядокъ будетъ доводиться до свѣдѣнія полиціи».

И это выставлено публично, въ городѣ, гдѣ есть итальянская опера, гдѣ, какъ говорятъ, предполагается открыть скоро университетъ!»

Въ «*Черномъ озерѣ*» здравствуетъ теперь начальникъ одного частнаго мужскаго учебнаго заведенія... За его сладкія, медовыя рѣчи прозываютъ его въ городѣ *Сахарнымъ*... ну, и мы будемъ такъ называть его. Пришла какъ-то въ голову *Сахарному* маленькая спекуляція, самый невинный проэктъ. Вздумано—сдѣлано, и онъ приступилъ къ своему плану: собралъ однажды своихъ воспитанниковъ и повелъ такую рѣчь:

— Хочу, говоритъ, вамъ удовольствіе сдѣлать и устроить для васъ въ саду хорошую оранжерею. Если вы мнѣ поможете, то великолѣпную штуку устрою.»

Затѣмъ онъ предложилъ, чтобъ каждый воспитанникъ, если можетъ, покупалъ-бы на свой счетъ цвѣты и приносилъ въ общее мѣсто въ садъ. «Кто что можетъ», говорилъ Сахарный. Я же у каждаго цвѣтка поставлю столбикъ съ билетикомъ—кому принадлежитъ цвѣтокъ ..«

Желаніе начальника, разумѣется, было приказаніемъ. Кто изъ учениковъ не приносилъ цвѣтовъ, тѣмъ *Сахарный* ставилъ дурную отмѣтку за поведеніе и начиналъ преслѣдовать... По такой-то системѣ, въ самое короткое время составилась богатая оранжерея. Вдругъ пріѣзжаетъ ревизоръ осматривать училище. Сахарный повелъ начальника по заведенію и наконецъ пригласилъ его въ садъ и въ оранжерею (столбики съ билетами были предварительно вырваны).

Сахарный показывая почетному посѣтителю устройство оранжереи, объяснилъ ему, что вотъ онъ, такъ и такъ, трудился и съумѣлъ на экономическую сумму устроить такую великолѣпную оранжерею для училища.

Начальство осталось довольно — и уѣхало. Черезъ нѣсколько времени Сахарный получилъ почетную награду за свою ревность къ службѣ.

Но исторія оранжереи этимъ еще не кончилась. *Сахарный* не хотѣлъ съ ней такъ легко разстаться и задумалъ прибрать ее рѣшительно въ свои руки. Какъ мечтатель съ нѣжнымъ сердцемъ, онъ ужасно любилъ цвѣты, и особенно цвѣты, купленные не на его собственныя деньги. На эту тему онъ сочинилъ даже романсъ, который любилъ пѣть, когда былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Вотъ этотъ романсъ:

Некупленные цвѣты.

Цвѣты дареные милѣй
Всѣхъ покупныхъ оранжерей.
Ихъ ароматъ, благоуханье
Полнѣе раздражаютъ насъ:
Такъ взятка тайная, подчасъ,
Милѣе явнаго стяжанья.

Какъ поэту въ душѣ, мы должны извинить *Сахарному* всѣ тѣ средства, которыя онъ употреблялъ для достиженія своей цѣли. И вотъ, однажды найдя въ оранжереи одинъ изломанный цвѣтокъ, онъ велѣлъ садъ забить наглухо, а ученикамъ объявилъ:

— Такъ какъ вы не умѣете ходить и беречь цвѣты, да еще сами ломаете ихъ, то не смѣйте теперь ходить ни въ садъ, ни въ оранжерею.

Вслѣдъ за этимъ *Сахарный* половину оранжереи продалъ, а другую половину перевезъ къ себѣ на домъ, и увѣрялъ своихъ гостей, что онъ такъ любитъ цвѣты, что для покупки ихъ отказываетъ себѣ въ самыхъ необходимыхъ житейскихъ нуждахъ. Не знаю только, всѣ-ли гости ему вѣрили на́-слово...

Гдѣ мы теперь? Кругомъ оборванныя кулисы, обломки машинъ, картонныя деревья и деревянныя волны... Здѣсь какая-то старуха пачкаетъ лице свое сажей, тамъ длинный чудакъ, подвязавъ къ головѣ рожки, а къ спинѣ гарусный хвостъ, какъ сумашедшій бѣгаетъ по скрипучему полу... Гдѣ мы?

Въ Харьковскомъ театрѣ, подсказываетъ вамъ толстенькій, лысый господинъ, выросшій передъ вами какъ изъ земли.

— Не угодно-ли билетъ-съ? шаркаетъ онъ около насъ: новая драмачка идетъ... Возьмите, если угодно... имѣю честь рекомендоваться: антрепренеръ здѣшняго театра И. А. Щ...

Но намъ не нужно брать билета, мы прямо за кулисы отправимся; за кулисами, какъ и вездѣ, представленія гораздо интереснѣе.

Посмотрите прежде всего на толстенькаго хозяина театра... Вездѣ онъ поспѣваетъ, всѣмъ улыбается...

Предупредительностъ какая!

Вотъ, благодаря этой предупредительности и услужливости, публика и терпитъ его. Ко всѣмъ сильнымъ города онъ съумѣлъ подделаться .. Есть, напр., у него двѣ актрисы г-жи А* и Б*. Какъ вы думаете, зачѣмъ онъ ихъ держитъ?.. Чтобъ угодить такому-то и такому-то, въ порывѣ своей услужливости Щ. даже отдавалъ свой театръ *по субботамъ* подъ благородные спектакли въ пользу сиротъ, школъ и. т. д.

А какъ заботится антрепренеръ о своей труппѣ... Онъ какъ отецъ родной, только и думаетъ объ ихъ благополучіи, ночи не спитъ—все думаетъ какъ бы помочь бѣднякамъ... Ну и выдумаетъ... Будь другой хоть плохой актеръ, такъ–дрянцо, а онъ изъ жалости дастъ ему *полубенефисъ*... (Полныхъ бенефисовъ у него нѣтъ). И вотъ актеръ хлопочетъ, чуть не со слезами раздаетъ билеты встрѣчнымъ-поперечнымъ, глядишь половина театра и занята. Актеръ счастливъ и послѣ представленія тянетъ на–радостяхъ любимый свой романсъ:

Соловей какъ Щербина поетъ и. т. д.

Антрепренеръ тоже счастливъ, потому что возьметъ себѣ половину сбора, слѣдовательно окупитъ жалованье актера, да къ тому-же поставитъ въ счетъ и веревки. Трагикъ Р. за такую штуку прилично ругнулъ, а веревки велѣлъ отнести домой: «бѣлье, дескать буду вѣшать».

И такъ, полубенефисъ—великое дѣло. Умирала, напримѣръ съ голоду актриса М. съ дѣтьми,—онъ далъ ей полубенефисъ въ глухой день для сбора; но публика, зная страшное положеніе г-жи М–вой, нахлынула и сборъ былъ полный. Антрепренеръ, разумѣется этого не предвидѣлъ. Другой случай. Захворали у него въ горячее время двѣ актрисы; онъ и пригласи актрису Гейб—овичъ, обѣщая за игру бенефисъ въ лучшую ярмарку. Гейб—овичъ играла изо дня въ день и въ драмѣ, и въ водевилѣ, но пришло время расплаты — бенефисъ и проглотили.

Любовь антрепренера особенно выражалась въ тѣхъ нѣжныхъ попеченіяхъ о труппѣ, которыя онъ имѣлъ о ней во время отъѣзда на ярмарки. По контракту слѣдовали «*приличные экипажи*, онъ и давалъ *жидовскія фуры*, — чѣмъ не приличный экипажъ! Вотъ и ѣдутъ они въ фурахъ, а тамъ, далеко впереди, мчится въ покойномъ экипажѣ *самъ* съ своимъ помощникомъ. Онъ хорошо понимаетъ разницу между собой и какимъ нибудь актеромъ.

— «Фуру нельзя называвать *приличнымъ экипажемъ*, ворчалъ какъ-то уважаемый всѣми ветеранъ сцены Др—снгъ.

— *Для мѣщанина и это хорошо*, замѣтилъ антрепренеръ-дворянинъ. У него зато на все и взглядъ не мѣщанскій — Шекспира, напр. онъ знать не хочетъ. Что Шекспиръ! мясникъ былъ. «Уголино» у него гораздо выше чѣмъ «Король Лиръ», а «жизнь игрока» ни съ какимъ Гамлетомъ нельзя поставить рядомъ.

Хорошо также его сценическое чутье. Игралъ у него извѣстный В—ъ, но скоро поссорился и уѣхалъ.

— Благодарю Бога, кричалъ антрепренеръ на первыхъ порахъ, что В—ъ назвался въ Петербургѣ актеромъ одесскаго театра, а не моего!»

Когда же В—ъ, въ самое короткое время, занялъ почетное мѣсто среди русскихъ артистовъ и, забывъ прошлое, прислалъ ему свой портретъ, онъ при актерахъ поцѣловалъ его и сказалъ:

— Я всегда говорилъ «что онъ «*далеко пойдетъ.*»..

Хуже всего на свѣтѣ для антрепренера было—образованіе въ актерѣ. Онъ скорѣе пьянство, грубость—все проститъ, кромѣ образованности. На бѣду и попалъ въ труппу такой господинъ. Въ университетѣ курсъ кончилъ, службу для сцены бросилъ и обладалъ несомнѣннымъ талантомъ. Вотъ тутъ-то и пошли безпорядки. Новый *образованный* актеръ то помощника отщелкаетъ за дерзкое замѣчаніе, то роль, игранную режиссеромъ, сыграетъ лучше,—бѣда за бѣдой! Бывало, прежде никто въ труппѣ пикнуть не смѣлъ, а тутъ вдругъ резонеръ явился. Вотъ оно, образованіе-то!..

— Посудите сами!—шипѣлъ помощникъ антрепренеру,—что же это у насъ будетъ? Я его эдакъ съ ламповщикомъ издалека сравнилъ, а онъ обѣщаетъ высѣчь меня. Эдакъ онъ и въ отчеты будетъ мѣшаться.

— Какъ же быть? Я ему далъ *честное слово*, что онъ будетъ служить годъ.

— Нѣтъ-съ, какъ угодно, а С—нова нужно вонъ. Со мной говоритъ все съ улыбочкой, съ улыбочкой, да вдругъ и оборветъ.

— Оборветъ?

— Оборветъ. Что же это!

— Но если ему отказать, въ городѣ шуму надѣлаетъ, пожалуй побьетъ. Да и все какъ-то не ловко: я вѣдь, нечего грѣха таить, *пороги у него обилъ, даже въ страстную субботу былъ*, чтобы заманить.

— Если жалѣть, явится столько ихъ, что помилуй Богъ! Да вотъ Григорій Алексѣевичъ обиженъ: роли его лучше играетъ.

— Нужно подумать.

— Я вамъ говорю нужно отказать.

— Но онъ *два мѣсяца игралъ даромъ* въ ожиданіи увольненія изъ службы,—*бенефисъ потребуетъ.*

— По положенію бенефисъ можетъ имѣть только служащій, а у него и документовъ еще нѣтъ.

— Вѣрно. Лучше всего вызвать его на дерзости, онъ не удержится, ну тогда...

— Что жъ, пусть онъ меня обругаетъ... мы оставимъ его безъ куска хлѣба...

Черезъ нѣсколько дней С—нову отказали, и онъ остался теперь дѣйствительно безъ куска хлѣба. При послѣдней тяжелой сценѣ, у двухъ-трехъ актеровъ замѣтно было волненіе, а въ глазахъ бѣгали слезы. Ясно было, что они порывались сказать слово за С—нова, но...

— Или я или онъ! закричалъ помощникъ свирѣпо и вышелъ.

Что́, если онъ представитъ настоящіе отчеты? быстро сообразилъ антрепренеръ.

— Свидѣтелей вѣдь не было, когда онъ васъ оскорбилъ, заговорилъ онъ поспѣшно.

— Нѣтъ, извините, были... Былъ Краминъ, былъ режиссеръ...

Режиссеръ мгновенно исчезъ за женою актера Мил—скаго, а Краминъ публично отрекся отъ засвидѣтельствованія:—«меня тамъ не было,» кричитъ: «знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю».

— Слышите?.. Извините-съ, *можетъ вы и правы, но въ коммерческихъ дѣлахъ я безъ него нуль*, извините-съ... не могу... и антрепренеръ отвернулся отъ С—нова.

Получить прежнее мѣсто С—нову было невозможно; какъ актеръ, онъ только начиналъ, слѣдовательно приглашенія не откуда не могъ получить. Положеніе было безвыходное. А антрепренеръ сталъ распускать подъ-рукою слухъ, что С—новъ по капризу бросилъ его сцену... Помощникъ же торжествовалъ... Власть его простиралась до того, что онъ безнаказанно говаривалъ актрисамъ (актрисѣ К—левской, которую антрепренеръ *умолялъ* поступить на сцену): коли не хотите жить въ этой комнатѣ (на ярморочномъ театрѣ), то можете *убираться совсѣмъ*... Въ эту же ярмарку, актрисѣ Ш. пошелъ отъ

лица товарищей заявить, что они не довольны столомъ. Антрепренеръ созвалъ всѣхъ. Они отвѣчали всѣ: «довольны»... Вотъ до какого униженія все доведено въ этой смрадной сферѣ, вотъ что разыгрываетъ гость за кулисами провинціальныхъ театровъ...

И вспомнился мнѣ теперь невольно образъ другаго милаго губернскаго антрепренера, и я, въ порывѣ теплаго чувства, беру лиру и начинаю пѣть:

ЗАКУЛИСНАЯ ЭЛЕГІЯ.

(Изъ губернскихъ театральн. воспоминаній).

Лысый, свѣжій, ловкій, гибкій,
Всѣхъ плѣнялъ ты очень скоро
Обольщающей улыбкой
И умомъ антрепренёра.
Будто вижу,—какъ межъ креселъ
Руку жмешь съ ужимкой мнѣ ты,
Иль считаешь, гордо веселъ,
Самъ за кассою билеты.

—

Ты отцомъ былъ нѣжнымъ самымъ
Для актрисъ и для актеровъ,
Ладилъ съ трагикомъ упрямымъ,
И терпѣлъ суфлёра норовъ.
Парики свои изъ пакли
И театръ, не внявъ расчетамъ,
Подъ дворянскіе спектакли
Отдавалъ ты по субботамъ.

—

Старичковъ водилъ къ актрисамъ,
И, по мягкости лишь чисто,
Угощалъ пол-бенефисомъ
Неизвѣстнаго артиста.
Объ удобствахъ труппы даже
Мысля—нѣжный по натурѣ—
Ты сулилъ ей экипажи
И возилъ въ жидовской фурѣ.

—

Спалъ и думалъ о театрѣ,
Имъ съ любовью занимался,

И на всѣ, бывало, на—три
Репетиціи являлся.
Какъ знатокъ, терпѣлъ Шекспира,
Въ немъ не видя исполина,
И на сцену вмѣсто «Лира»
Чаще ставилъ «Уголино».

—

Не любилъ ты, очень здраво,
Умъ воспитанный въ актерѣ,
Говоря всегда: вѣдь, право,
Намъ съ такимъ артистомъ горе...
То пальто на немъ не ново,
То на сценѣ дуетъ въ ноги,
То въ Гамлетѣ Полеваго
Критикуетъ монологи.....

—

Хоть терпѣлъ, порой обманъ ты,
Но, всѣ вѣдая лазейки,
Поощрялъ кругомъ таланты...
Не платя имъ ни копѣйки.
Бѣдняка увидя блѣдность,
Нищеты его свидѣтель,
Ты всегда твердилъ, что «бѣдность —
Не порокъ, а добродѣтель»...

Заглянемъ теперь въ другія мѣста... въ Кастратскую губернію хоть... Въ этой губерніи одинъ помѣщикъ купилъ себѣ небольшую деревню и жилъ въ свое удовольствіе въ городѣ. Вдругъ получаетъ изъ деревни неожиданное извѣстіе: деревня, дескать, описана и взята въ опеку. Какъ такъ? что за чудеса! Летитъ помѣщикъ въ уѣздъ и является къ судьѣ. Судья отсылаетъ его къ секретарю.

— Тутъ должно быть недоразумѣніе, спрашиваетъ онъ.

— Деревня ваша описана и взята въ опеку за долги ея прежняго владѣльца.

Вотъ такъ неожиданность... Но вѣдь деревня, говорилъ помѣщикъ, разинувъ ротъ, куплена мною съ публичнаго торга, назначеннаго для удовлетворенія долговъ прежняго владѣльца... Какъ же это?..

У секретаря же на все отвѣты есть.

— Въ дѣлѣ объ этомъ *вѣдомости не имѣется*...

— Какъ не имѣется? Не вы-ли сами дали земской полиціи указъ о вводѣ меня во владѣніе послѣ покупки имѣнія съ публичнаго торга?

— Но дѣло о торгахъ уже кончено и сдано въ архивъ... Впрочемъ, мѣсяца три-четыре подождите... можно будетъ все уладить: время терпитъ.

Но помѣщикъ былъ другаго мнѣнія и вошелъ съ формальною жалобою...

Опеку съ деревни сняли, а посадили-ли подъ опеку секретаря— неизвѣстно...

Помѣщикъ же все-таки поплатился за чужую глупость: съ одной стороны поѣздка за 600 верстъ, съ другой гербовая бумага и... разныя разности...

Вотъ какія дѣла дѣлаются иногда въ Кастратской губерніи!

Въ городѣ Х—ѣ есть губернская типографія, которая своими работами (афиши, объявленія и пр.) приводила въ ужасъ мѣстныхъ жителей. Вдругъ открывается частная типографія *двухъ цивилизаторовъ*, которые начинаютъ добросовѣстно свое дѣло. Всѣ обратились къ нимъ съ своими заказами. Редакторъ губернскихъ вѣдомостей понялъ сильную конкурренцію и рѣшился уничтожить враговъ своихъ.

Началъ онъ резоны представлять начальству.

— Такъ и такъ... казенный интересъ, убытки... нужно ихъ *зарѣзать*...

— Но вѣдь запретить типографію нельзя...

— Нужно-съ другими путями дѣйствовать.

Ну, и начали дѣйствовать... Принесутъ напр. начальству афиши и объявленія для пропуска, онъ возьметъ да и задержитъ у себя. Проходитъ день, другой, въ типографіи требуютъ заказанныхъ бумагъ... Положеніе ужасное. Такимъ образомъ идетъ это преслѣдованіе и новая типографія, несмотря на всѣ свои усилія, не можетъ вести своего дѣла исправно... Вотъ вамъ и свободная конкурренція!

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

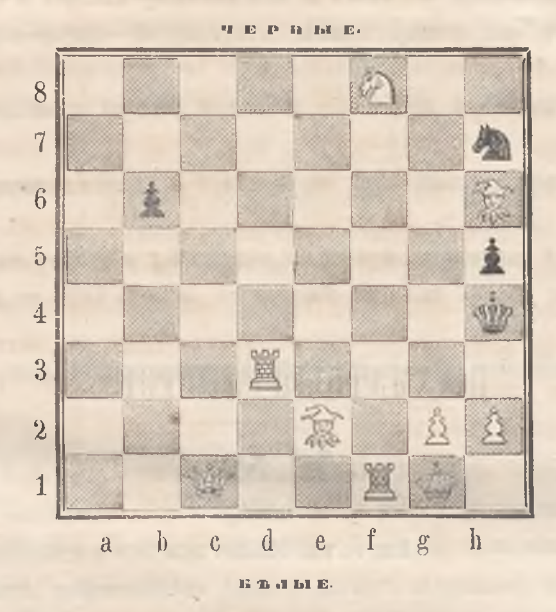
№ 32.

(Августъ 1861 года).

Странный шахматный промахъ.—Еще рѣшеніе кипергаии В. Г. Саговскаго.—Парижское рѣшеніе задачи А. Д. Петрова, посвященной И. Д. Ахшарумову.—Продолженіе матча Колиша съ Андерсеномъ. — Партіи Гиршфельда съ Лазой, Майстомъ и Гофманомъ и Лазы съ Майстомъ.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

Настоящій Листокъ я долженъ начать самымъ тяжелымъ для моего шахматнаго самолюбія образомъ: признаніемъ въ странной, невѣроятной, чудовищной ошибкѣ. Правда ошибка эта притаилась на заднемъ планѣ нашего обозрѣнія—въ отдѣлѣ *рѣшенія задачъ* и, статься можетъ, прошла бы незамѣченною читателями, но все же лучше самому поспѣшить признаніемъ, чѣмъ съ трепетомъ сердца (истинные шахматисты поймутъ, что есть отчего трепетать сердцу) ожидать, что вотъ-вотъ какой нибудь ревностный любитель поборникъ шахматной истины, доберется до несчастной ошибки, доберется—и обличитъ. Нѣтъ, лучше дѣйствовать откровенно, и прямо разсказать читателямъ грустную исторію о томъ, какого я далъ промаха. Повинную голову мечъ не сѣчетъ, говоритъ пословица.

Въ Шахматномъ Листкѣ за мартъ текущаго года помѣщена была слѣдующая составленная В. Г. Саговскимъ кипергань (*).

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 9 ходовъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, когда пришло время печатать рѣшеніе, получаю я письмо изъ Тобольска, въ которомъ одинъ изъ тамошнихъ любителей увѣдомляетъ, что проблема г-на Саговскаго можетъ быть разрѣшена не въ девять ходовъ какъ она предложена авторомъ, а въ семь слѣдующимъ образомъ: 1. $\frac{h6 - g5+}{h7 - g5}$ 2. $\frac{c1 - c4+}{g5 - e4}$ 3. $\frac{d3 - d5}{b6 - b5}$ 4. $\frac{c4 - d4}{b5 - b4}$ 5. $\frac{g1 - h1}{b4 - b3}$ 6. $\frac{f1 - g1}{b3 - b2}$ 7. $\frac{d4 - f2 +}{e4 - f2^{\circ}}$ ⨯.

(*) Сообщая рѣшенія проблемъ, мы не перепечатываемъ изображающія ихъ діаграммы: это заняло бы слишкомъ много мѣста въ журналѣ; но если какая нибудь задача подастъ поводъ къ болѣе или менѣе длинному объясненію, изысканію, разсказу, въ такомъ случаѣ мы считаемъ совершенно необходимымъ помѣщать тутъ же и самое ея положеніе, ибо невозможно предполагать, чтобъ оно сохранилось въ памяти всѣхъ читателей, справляться же съ прежними выпусками и читать такимъ образомъ статью по нѣсколькимъ книжкамъ за разъ всякому неприятно.

Послѣдній мазетта, едва смѣкающій *пастушескій матъ*, ребенокъ, только что начинающій играть въ шахматы, пойметъ конечно, что прописанные ходы вовсе не разрѣшаютъ проблемы. Это какая то фантазія, шутка, мистификація, все что угодно, но ужъ никакъ не рѣшеніе, ибо ясно, что черные ни чуть не обязаны брать седьмымъ ходомъ ферзя, а могутъ заслониться отъ шаха конемъ, съигравъ: 7. e4 — g3 + и тогда бѣлымъ не только нѣтъ мата, но напротивъ того, они сами, тутъ же, принуждены дать матъ противнику, не имѣя другаго средства отразить данный конемъ шахъ, какъ взятіемъ этой шашки, а чѣмъ бы они ее не взяли: пѣшкою или ферземъ—чернымъ матъ. Да, всякій увидитъ это,—а я неувидалъ! На меня нашла какая - то непостижимая галлюсинація и я выдалъ читателямъ (Шахм. Лист. № 31 стр. 183) странную комбинацію тобольскаго любителя за правильное рѣшеніе проблемы **Quos vult perdere Jupiter dementat!**

Само собою разумѣется, что я нисколько не въ претензіи на введшаго меня въ заблужденіе любителя. Всякій вправѣ сообщать мнѣ ошибочныя изысканіе или мистифировать меня невозможными комбинаціями; мое дѣло усматривать ошибки, не поддаваться мистификаціямъ. Однимъ словомъ, я кругомъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ; мнѣ остается только просить читателей вычеркнуть и изъ книги и изъ памяти неудачное тобольское рѣшеніе, а вмѣсто его разсмотрѣть предлагаемое здѣсь новое изысканіе Н. И. Петровскаго надъ тою же проблемою. Уже въ прошломъ Листкѣ мы видѣли, что г-нъ Петровскій нашелъ средство заставить черныхъ сдѣлать матъ совершенно иначе, чѣмъ разрѣшаетъ ее самъ авторъ; теперь онъ убѣдился, что той же цѣли можно достигнуть еще третьимъ способомъ, существенно отличнымъ отъ обоихъ предыдущихъ, а именно:

1) f8 — h7°	b6 — b5
2) h2 — h3	b5 — b4
3) g2 — g3 +	h4 — h3°
4) d3 — d4	h5 — h4 (A,) (B.)
5) h7 — g5 +	h3 — g3°
6) e2 — f3	b4 — b3 (C.)

7) f3 — h1	h3 — h2
8) c1 — b1	h4 — h3
9) d4 — e4	h3 — h2 ✕

(A.)

4)	h3 — g3°
5) d4 — b4°	g3 — h3 (a)
6) h7 — g5 +	h3 — g3
7) e2 — f3	h5 — h4
8) f3 — h1	h4 — h3
8) b4 — d4	h3 — h2 ✕

(a.)

5)	h5 — h4
6) e2 — f3	g3 — h3 (*)
7) f3 — g2 +	h3 — g3
8) b4 — d4	h4 — h3
9) g2 — h1	h3 — h2 ✕

(B.)

4)	h4 — h3
5) h7 — g5 +	h3 — g3°
6) e2 — f3	h3 — h2
7) c1 — b1	h5 — h4
8) d4 — b4	h4 — h3
9) f3 — h1	h3 — h2 ✕

(C.)

Если черные пойдутъ иначе, то это измѣнитъ только порядокъ ходовъ, а въ сущности рѣшенiе останется тоже.

Кстати киперганей, мы еще разъ приглашаемъ всѣхъ любителей этого рода проблемъ серьезно заняться задачею А. Д. Петрова посвященной г-ну Ахшарумову. Вотъ уже болѣе полугода какъ эта киперганъ напечатана въ Петербургѣ, Варшавѣ, Парижѣ и

(*) Если вмѣсто этого 6. $\frac{\quad}{h4 - h}$ то 7. $\frac{f3 - h1}{h3 - h2}$ ✕

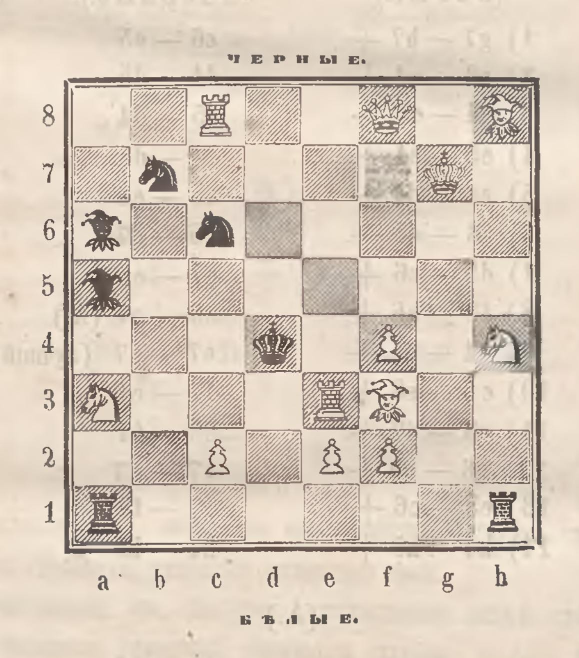
все еще никѣмъ не разрѣшена какъ слѣдуетъ: всѣ найденныя до сихъ поръ рѣшенія требуютъ болѣе тринадцати ходовъ. Редакторъ парижскаго шахматнаго обозрѣнія «**La Nouvelle Régence**» увѣдомляетъ автора проблемы, что лучшіе французскіе игроки напрасно трудились надъ разгадкою непроницаемаго сфинкса; разсматривали задачу со всѣхъ сторонъ, вертѣли и перевертывали ее на тысячу ладовъ, и все таки не достигли желанной цѣли. Всѣхъ болѣе приблизился къ ней извѣстный шахматистъ Лекенъ (**Lequesne**); онъ вынуждаетъ обратный матъ въ четырнадцать ходовъ слѣдующимъ образомъ:

	(Бѣлые.)	(Черные.)
1)	g7 — h7 +	c6 — e5
2)	e3 — e4 +	d4 — d5
3)	e4 — e5°+	d5 — d4
4)	e5 — e4 +	d4 — d5
5)	e4 — d4 +	d5 — e6
6)	f3 — d5 +	e6 — d7
7)	d5 — c6 +	d7 — e6
8)	f8 — h6 +	e6 — e7 (A.)
9)	h4 — g6 +	e7 — f7 (лучшій ходъ)
10)	c6 — e8 +	f7 — e6
11)	e8 — d7 +	e6 — f7
12)	g6 — e5 +	f7 — e7
13)	e5 — c6 +	e7 — f7
14)	h6 — h5 +	h1 — h5° ✕

(A.)

8)		e6 — f7
9)	c6 — e8 +	f7 — e7
10)	h4 — g6 +	e7 — e6
11)	e8 — d7 +	e6 — f7
12)	g6 — e5 +	f7 — e7
13)	e5 — c6 +	e7 — f7
14)	h6 — h5 +	h1 — h5° ✕

Сравнивая это рѣшеніе съ тѣмъ, которое найдено было въ Варшавѣ (см. Шахм. Лист. за апрѣль стр. 87), мы замѣчаемъ значительное между ними различіе въ самомъ способѣ выполненія обратнаго мата. Надлежитъ ли для полной разгадки задачи найти новый третій способъ, или только сократить одинъ изъ предыдущихъ,— вотъ вопросъ, который естественно представляется всякому, кто пожелаетъ вступить въ борьбу съ непобѣжденными доселѣ трудностями мастерскаго созданія русскаго филидора. Надѣемся, что желающихъ найдется не мало; для тѣхъ изъ нихъ которые не имѣютъ при себѣ всѣхъ прошлыхъ выпусковъ нашего журнала, помѣщаемъ здѣсь вновь и самое положеніе проблемы.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 13 ходовъ

ПАРТІЯ № 201.

ДЕБЮТЪ РЮИ-ЛОПЕЦА.

Колишъ. (Бѣлые).	Андерсенъ. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	24) d2 — f2 (6)	c6 — b6
2) g1 — f3	b8 — c6	25) f2 — b6°	b8 — b6°
3) f1 — b5	a7 — a6 (1)	26) h4 — f5	c8 — f5°
4) b5 — a4	g8 — f6	27) e4 — f5°	c7 — c5
5) 0 — 0	f8 — e7	28) a1 — e1	b6 — b7
6) b1 — c3	b7 — b5	29) e1 — e6	d6 — d5
7) a4 — b3	0 — 0	30) f5 — f6	h7 — f6°
8) d2 — d3	d7 — d6	31) e6 — f6°	c5 — c4
9) c1 — e3	h7 — h6	32) d3 — c4°	d5 — c4°
10) d1 — d2	g8 — h8	33) f6 — h6° +	h8 — g8
11) c3 — e2	d8 — e8	34) h6 — a6°	c4 — b3°
12) e2 — g3	f6 — h7 (2)	35) c2 — b3°	b6 — c6
13) b3 — d5	a8 — b8	36) a6 — e6	g8 — f7
14) f3 — e1	e7 — g5	37) e6 — e5	c7 — c1 +
15) f2 — f4	e5 — f4°	38) g1 — f2	c1 — c2 +
16) e3 — f4°	c6 — e7	39) e5 — e2	c2 — c5
17) f4 — g5°	h7 — g5	40) g3 — e4	c5 — d5
18) d5 — b3	f7 — f5	41) f2 — g3	e7 — f5 +
19) e1 — f3	g5 — h7	42) g3 — f2	f7 — g6
20) f3 — h4	f5 — f4 (3)	43) e4 — c3	d5 — c5
21) f1 — f4°	f8 — f4°	44) b3 — b4	c5 — c4
22) d2 — f4°	g7 — g5 (4)	45) e2 — e6 +	g6 — h5
23) f4 — d2	e8 — c6 (5)	46) e6 — e4	и черные послѣ еще нѣсколькихъ ходовъ сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 201.

(1) 3. $\overline{a7 - a6}$ и 3. $\overline{g8 - f6}$ представляютъ лучшія защиты противъ атаки Рюи-Лопеца, но и при нихъ начинающій на долго, и при томъ безъ всякаго матеріяльнаго пожертвованія, сохраняетъ атаку. По этому то дебютъ Лопеца признается въ настоящее время, въ особенности англійскими любителями, однимъ изъ самыхъ сильныхъ.

(2) Вѣроятно съ цѣлію предупредить сильную атаку, которую бѣлые могли бы пріобрѣсти съигравъ e3 — h6°

(3) Это движеніе, какъ сейчасъ увидимъ, основано на ошибочномъ расчетѣ.

(4) На этотъ то ходъ расчитывалъ Андерсенъ жертвуя пѣшку королевскаго слона, но онъ упустилъ изъ виду, что бѣлымъ стоитъ отступить ферземъ такъ, чтобъ имѣть возможность дать слѣдующимъ ходомъ шахъ непріятельскому королю,—и ихъ конь спасенъ.

(5) Ясно, что если вмѣсто этого возьмутъ коня, то бѣлые дадутъ шахъ ферземъ на c3 и выиграютъ.

(6) Стаунтонъ справедливо замѣчаетъ что еще сильнѣе было бы съиграть 24. $\frac{a1 - f1}{\quad}$; если черные возьмутъ коня, то бѣлые играютъ 25. $\frac{d2 - h6}{\quad}$, а потомъ f1 — f7 и выигрываютъ.

ПАРТІЯ № 202.

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

	Колишъ. (Бѣлые).	Андерсенъ. (Черные).			
1)	e2 — e4	c7 — c5	17)	d3 — c2	f8 — d8
2)	g1 — f3	e7 — e6	18)	d4 — e6° (2)	f7 — e6° (3)
3)	d2 — d4	c5 — d4°	19)	e3 — d4	d5 — c3° (4)
4)	f3 — d4°	g8 — f6	20)	d2 — c3°	d8 — d4°
5)	f1 — d3	b8 — c6	21)	a1 — e1 (5)	d4 — c4
6)	c1 — e3	d7 — d5	22)	c3 — e5°	f6 — e5°
7)	e4 — d5°	e6 — d5°	23)	e1 — e5°	c4 — c2°
8)	0 — 0	f8 — d6	24)	e5 — e6°	c2 — a2°
9)	h2 — h3	h7 — h6	25)	e6 — e7	b7 — b5
10)	c2 — c4	0 — 0	26)	f1 — c1	a8 — f8
11)	b1 — c3	d6 — e5	27)	c1 — c7	f8 — f2°
12)	d4 — f3 (1)	e5 — c3°	28)	e7 — g7° +	g8 — f8
13)	b2 — c3°	c8 — e6	29)	c7 — a7°	f2 — g2° +
14)	c4 — d5°	f6 — d5°	30)	g7 — g2°	a2 — a7°
15)	d1 — d2	d8 — f6	31)	g2 — g6	a7 — g7
16)	f3 — d4	c6 — e5		и бѣлые сдаются.	

Примѣчанія къ партіи № 202.

(1) Такъ какъ этотъ ходъ имѣетъ послѣдствіемъ изолированіе пѣшки, то было бы можетъ быть лучше съиграть c3 — e2.

(2) Мы сейчасъ увидимъ, что этотъ ходъ не хорошъ.

(3) Стаунтонъ замѣчаетъ, что лучше было бы не брать теперь коня, а двинуть своего на f4, и разсматриваетъ послѣдствія этого хода такъ:

18) . . . . . .   d5 — f4

19) e3 — d4

Всякій другой ходъ былъ бы гибеленъ бѣлымъ,

19) . . . . . .   e5 — f3 +

Если вмѣсто этого черные возьмутъ слона ладьей, то бѣлымъ надлежитъ играть ферзя на e3, ибо если они возьмутъ ладью конемъ, то черные отвѣтятъ f6—g5 и бѣлые, для отклоненія мата, должны жертвовать ферзя, а если они возьмутъ ладью пѣшкою, то 20. $\frac{\quad}{e5 - f3 +}$ 21. $\frac{g2 - f3^{\circ}}{f7 - e6^{\circ}}$ и черные выигрываютъ.

20) g1 — h1

Если 20. $\frac{g2 - f3^{\circ}}{\quad}$ то 20. $\frac{\quad}{d8 - d4^{\circ}}$ и черные выиграли.

20) . . . . . .   f4 — e6°

21) d4 — f6°   d8 — d2° и черные имѣютъ очевидное превосходство положенія.

(4) Ловкій маневръ; но d5 — f4 было бы покрайней мѣрѣ столь же сильно.

(5) Ясно, что если возьмутъ ладью, то немедленно потеряютъ ферзя.

ПАРТІЯ № 203.

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

	Андерсенъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).			
1)	e2 — e4	c7 — c5	28)	a4 — d7°	e5 — d7°
2)	f1 — c4	e7 — e6	29)	b2 — b4	d7 — e5
3)	b1 — c3	a7 — a6	30)	c4 — e5°	g6 — e5°
4)	a2 — a4	b8 — c6	31)	g1 — g2	h3 — g2° +
5)	d2 — d3	g8 — e7	32)	h1 — g2°	c5 — b4°
6)	c1 — f4	d7 — d5	33)	d2 — b4°	f8 — c8
7)	c4 — a2	e7 — g6	34)	f1 — b1	e5 — c6
8)	f4 — g3	c6 — b4	35)	b4 — d2	c8 — b8
9)	a2 — b3	f8 — d6	36)	b1 — a1	f6 — f8
10)	f1 — e2	0 — 0	37)	f3 — f4 [3]	g7 — g6
11)	0 — 0	d6 — b8	38)	c2 — c4	d4 — c3° (на прох).
12)	f2 — f3 [1]	g8 — h8	39)	d2 — c3° +	h8 — g8
13)	a4 — a5	d5 — d4	40)	g3 — e2	f8 — f7
14)	c3 — b1	f7 — f5	41)	d3 — d4	b8 — f8
15)	b1 — d2	f5 — f4	42)	e4 — e5	f8 — d8
16)	g3 — e1	b8 — c7	43)	e2 — g3	d8 — d5
17)	d2 — c4	b4 — c6	44)	g3 — e4	c7 — a5°
18)	e1 — d2	d8 — g5	45)	c3 — a5°	d5 — a5°
19)	g1 — h1	g5 — h5	46)	a1 — a5°	c6 — a5° [4]
20)	f1 — f2	f8 — f6	47)	e4 — c3	f7 — c7
21)	d1 — g1	c8 — d7 [2]	48)	c3 — a4	c7 — c4
22)	g2 — g3	f4 — g3°	49)	a4 — c5	g8 — f7
23)	e2 — g3°	h5 — h3	50)	f2 — b2	b7 — b5 [5]
24)	g1 — f1	h3 — h4	51)	c5 — a6°	a5 — c6
25)	f1 — g1	a8 — f8	52)	b2 — d2	b5 — b4
26)	a1 — f1	h4 — h3	53)	a6 — c5	c6 — d4
27)	b3 — a4	c6 — e5			

Затѣмъ игра продолжалась еще нѣсколько времени и окончилась розыгрышемъ.

Примѣчанія къ партіи № 203.

(1) Дебютъ игранъ съ обѣихъ сторонъ крайне осторожно, даже трусливо.

(2) g6 — h4 было бы кажется лучше.

(3) Бѣлые мастерски выпутались изъ затруднительнаго положенія, а одно время атака черныхъ была очень сильна и еслибъ они воспользовались ею какъ слѣдуетъ, то одержали бы побѣду.

(4) Теперь черные имѣютъ очевидное превосходство: пять пѣшекъ противъ четырехъ и двѣ изъ нихъ пройденныя, но г. Колишъ въ концѣ этой партіи, равно какъ и въ дебютѣ, рѣшительно не достоинъ самъ себя; онъ играетъ ее хорошо только въ серединѣ.

(5) Стаунтонъ замѣчаетъ, что лучше было бы брать пѣшку d4, а потомъ играть коня на c4.

ПАРТІЯ № 204.

(Играна въ Берлинѣ 18-го мая 1861 года; длилась три часа.)

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

Лаза. (Бѣлые).	Гиршфельдъ. (Черные).		
1) e2 — e4	c7 — c5	15) g5 — f6°	g7 — f6°
2) d2 — d4	c5 — d4°	16) e2 — g3	e8 — d7
3) f1 — c4	e7 — e6	17) c3 — d5	e6 — d5°
4) d1 — d4°	b8 — c6	18) e4 — d5° (3)	c6 — e7
5) d4 — d1	g8 — f6	19) g3 — h5	f6 — f5
6) f2 — f3	f8 — c5 (1)	20) h5 — f6 +	d7 — c7
7) b1 — c3	a7 — a6	21) d3 — f5°	e7 — f5°
8) g1 — e2	b7 — b5	22) g4 — f5°	h7 — h5
9) c4 — d3	d8 — b6	23) h1 — e1	c5 — f2
10) c1 — f4	c5 — f2 +	24) e1 — e2	f2 — h4 (4)
11) e1 — f1	f2 — c5	25) f6 — e4	a8 — g8 +
12) g2 — g4	d7 — d6 (2)	26) g2 — h1	g8 — g7
13) f1 — g2	e6 — e5	27) d1 — d2	h8 — g8
14) f4 — g5	c8 — e6	28) d2 — e3	b6 — e3°

29) e2 — e3°	b5 — b4	35) c6 — a6°	d7 — e7 (5)
30) a2 — a3	h4 — g5	36) f5 — f6 +	e7 — f6°
31) e4 — g5°	g7 — g5°	37) a6 — d6° +	f6 — f5
32) a3 — b4°	g5 — g2	38) d6 — h6	f5 — f4
33) e3 — c3 +	c7 — d7	39) h6 — f6 +	f4 — e3
34) c3 — c6	h5 — h4	40) f6 — f7°	А за тѣмъ черные вынуждаютъ матъ не позже пятаго хода (6).

Примѣчанія къ партіи № 204.

(1) Съ намѣреніемъ пожертвовать коня, взявъ пѣшку e4.

(2) h7 — h6, а потомъ c8 — b7 и 0—0—0 было бы кажется лучше.

(3) Весь этотъ маневръ имѣетъ цѣлію помѣшать чернымъ защитить пѣшку f6 посредствомъ b6 — d8.

(4) Тутъ представляется также слѣдующая любопытная комбинація: 24. $\frac{\quad}{a8-g8+}$ 25. $\frac{f6-g8^{\circ}}{h8-g8^{\circ}+}$ 26. $\frac{g2-h3}{g8-g1}$ 27. $\frac{d1-d2}{g1-a1^{\circ}}$ 28. $\frac{e2-f2^{\circ}}{a1-a2^{\circ}}$ и т. д.

(5) Играя 35. $\frac{\quad}{g2-c2^{\circ}}$, черные, во всякомъ случаѣ, завѣряли себѣ ничью, но они хотятъ выиграть, и дѣйствительно выигрываютъ.

(6) А именно: 40. $\frac{\quad}{e3-f2}$ 41. $\frac{f7-g7}{g8-g7^{\circ}}$ 42. $\frac{h2-h3}{g7-g3}$ 43. $\frac{a1-f1+}{f2-f1^{\circ}}$ 44. $\frac{\text{какъ угодно}}{g3-h3\ \times}$; если же бѣлые не жертвуютъ ладьями, то получаютъ матъ еще скорѣе.

ПАРТІЯ № 205.

(Играна въ Берлинѣ 18-го мая 1861 года.)

ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

Майетъ. (Бѣлые.)	Лаза. (Черные.)		
1) e2 — e4	e7 — e5	4) f3 — g5	d7 — d5
2) g1 — f3	b8 — c6	5) e4 — d5°	c6 — a5
3) f1 — c4	g8 — f6	6) c4 — b5 +	c7 — c6

7)	d5 — c6°	b7 — c6°	14)	b2 — b4 [3]	c5 — d4° [4]
8)	b5 — e2	h7 — h6	15)	d1 — d4°	a5 — c6
9)	g5 — f3	e5 — e4	16)	e5 — c6°	d6 — f4°
10)	f3 — e5	d8 — c7 [1]	17)	b4 — b5	c8 — b7
11)	d2 — d4	f8 — d6	18)	b1 — c3	b7 — c6°
12)	c1 — f4 [2]	0 — 0	19)	b5 — c6°	f8 — d8
13)	c2 — c4	c6 — c5	20)	c3 — b5 [5]	c7 — a5 + и бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 205.

[1] Въ настоящемъ положеніи ферзь играется обыкновенно на d4.

[2] Можно бы также съиграть f2—f4.

[3] Съ цѣлію съиграть c4—c5, если черные возьмутъ пѣшку b4.

[4] Лучшій ходъ; вообще черные мастерски играютъ конецъ этой партіи.

[5] Играть коня на d5 было бы конечно лучше и значительно продлило бы партію, но побѣда всетаки осталась бы за черными.

ПАРТІЯ № 206.

(Играна въ Берлинѣ въ маѣ 1861 года).

ГАМБИТЪ ЛАДЬИ.

	Лаза. (Бѣлые).	Майетъ. (Черные).			
1)	e2 — e4	e7 — e5	11)	c4 — d3	f4 — f3
2)	f2 — f4°	e5 — f4°	12)	g2 — f3°	h6 — c1°
3)	g1 — f3	g7 — g5	13)	a1 — c1°	c7 — c6
4)	h2 — h4	g5 — g4	14)	d5 — e3	d8 — c7
5)	f3 — e5	h7 — h5 [1]	15)	f3 — f4	c7 — a5 +
6)	f1 — c4	h8 — h7	16)	d1 — d2	a5 — a2°
7)	d2 — d4	f8 — h6	17)	c2 — c4	c8 — a6
8)	b1 — c3	b8 — c6	18)	e3 — f5	b5 — c4°
9)	c3 — d5 [2]	c6 — e5°	19)	f5 — d6 +	e8 — f8
10)	d4 — e5°	b7 — b5	20)	d3 — c4°	a6 — c4°

21) d6 — c4°	a2 — b3	27) d4 — d7°	b7 — d7°
22) d2 — d6 +	f8 — g7	28) d1 — d7°	g8 — h6
23) c1 — c3	b3 — b7	29) c4 — d6	a8 — f8
24) 0 — 0	h7 — h6	30) f4 — f5	g6 — g7
25) d6 — d4	g7 — h7	31) f5 — f6 и бѣлые выигрывают.	
26) f1 — d1	h6 — g6 (3)		

Примѣчанія къ партіи № 206.

(1) Долгое время эта защита считалась наилучшею, но теперь отдаютъ преимущество ходу g8—f6.

(2) Можно также e5—f7°, отдавая двухъ мелкихъ офицеровъ за ладью и пѣшку.

(3) Защищать пѣшку ладьей было бы дурно по причинѣ 27. c4—d6 28. d6—f7°.

ПАРТІЯ № 207.

(Играна въ Берлинѣ въ маѣ 1861 года.)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНТРЪ-ГАМБИТЪ.

Майетъ. (Бѣлые).	**Лаза.** (Черные).		
1) e2 — e4	d7 — d5	15) c1 — d2	e7 — e6
2) e4 — d5°	g8 — f6	16) d5 — e6°	f7 — e6°
3) f1 — b5 +	c8 — d7	17) g1 — h1 (1)	c7 — c5
4) b5 — c4	b7 — b5	18) f1 — e1	0—0—0
5) c4 — b3	d7 — g4	19) e2 — g3	f6 — d7
6) f2 — f3	g4 — c8	20) f4 — e4	b5 — c6
7) d1 — e2	a7 — a6	21) e4 — e2	g7 — g5
8) a2 — a4	b5 — b4	22) f3 — f4	g5 — f4°
9) e2 — c4	d8 — d6	23) d2 — f4°	f8 — g7
10) a4 — a5	c8 — d7	24) b1 — d2	d6 — d4
11) d2 — d3	d7 — b5	25) f4 — e5°	g7 — e5°
12) c4 — f4	b8 — d7	26) b3 — e6°	e5 — g3°
13) g1 — e2	d7 — e5	27) h2 — g3°	c8 — b7
14) 0 — 0	h7 — h6	28) c2 — c3	d4 — g7

29) d2 — e4	g7 — e5	34) e4 — e7 +	b7 — a8
30) e6 — d7°	d8 — d7°	35) a1 — e1	h8 — d8
31) e2 — f2	e5 — h5 +	36) f2 — f6	d3 — d6
32) h1 — g1	c6 — e4°	37) f6 — f3 +	h5 — f3°
33) e1 — e4°	d7 — d3°	38) g2 — f3° и партія окончилась выигрышемъ бѣлыхъ.	

Примѣчанія къ партіи № 207.

(1) e2 — d4 было бы кажется сильнѣе.

(2) Неосторожный ходъ.

ПАРТІЯ № 208.

(Играна въ Берлинѣ въ апрѣлѣ 1861 года.)

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

Гиршфельдъ. (Бѣлые).	Майетъ. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	12) f1 — e1	h7 — h6 (1)
2) g1 — f3	b8 — c6	13) c1 — a3	g8 — e7
3) f1 — c4	f8 — c5	14) f3 — d2	d6 — c6
4) b2 — b4	c5 — b4°	15) d2 — e4	d8 — e6
5) c2 — c3	b4 — a5	16) c3 — b4	e7 — g6
6) d2 — d4	e5 — d4°	17) g1 — h1	a7 — a5
7) 0 — 0	d4 — e3°	18) b4 — b3	g6 — e5°
8) d1 — b3	d8 — f6	19) c4 — d5	e6 — d4
9) e4 — e5	f6 — g6	20) b3 — g3	c6 — d5°
10) b1 — c3°	a5 — c3°	21) g3 — g7° и черные сдаются.	
11) b3 — c3°	c6 — d8		

Примѣчаніе къ партіи № 208.

(1) Чтобъ помѣшать коню ступить на клѣтку g5, а оттуда на e4

ПАРТІЯ № 209.

(Играна въ Потсдамѣ въ іюнѣ 1861 года).

ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

Гофманъ. (Бѣлые).	Гиршфельдъ. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	15) c2 — c3	a8 — d8
2) g1 — f3	b8 — c6	16) d1 — g4°	e5 — g4°
3) f1 — c4	g8 — f6	17) c1 — f4	d4 — c3° +
4) d2 — d4 (1)	e5 — d4°	18) g1 — f1	c3 — b2°
5) 0 — 0	f8 — c5	19) a1 — b1	d8 — d4
6) f1 — e1	0 — 0 (2)	20) f4 — c7°	d4 — d2 (5)
7) e4 — e5	d7 — d5	21) e1 — e2	g4 — e3 +
8) c4 — b3 (5)	f6 — e4	22) f1 — e1	d2 — e2° +
9) b1 — d2	c8 — f5	23) e1 — e2°	f8 — e8
10) d2 — e4°	d5 — e4°	24) e2 — d3	e3 — g2°
11) f3 — g5	e4 — e3	25) d3 — c4 (6)	c5 — a3
12) f2 — e3°	d8 — g5°	26) b3 — a4	e8 — e1
13) e3 — e4 (4)	g5 — g4	27) a4 — c2	g2 — e3 +
14) e4 — f5°	c6 — e5°	и черные выигрываютъ.	

Примѣчанія къ партіи № 209.

(1) Обыкновенно тутъ играется f3—g5, впрочемъ и d2 — d4 не дурной ходъ.

(2) Можно бы также сыграть d7—d6.

(5) Лучше было бы отступить этимъ слономъ на d3.

(4) e3 — d4° имѣло бы послѣдствіемъ 13. $\frac{\qquad}{c5 - d4^\circ +}$ 14. $\frac{d1 - d4}{g5 - e1}$ и черные сохраняютъ лишняго офицера.

(5) f8 — c8 было бы едва-ли не сильнѣе.

(6) b1 — b2° тоже не спасло бы партію.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 80.

1)	f7 — e5 +	f5 — e5° (A)
2)	f8 — f3	e5 — d5
3)	f3 — f5 ✕	

(A.)

1)		f5 — g5
2)	f8 — h8	g5 — f5
3)	h8 — h5 ✕	

№ 81.

1)	b3 — b5 +	c4 — d4
2)	f6 — e4 +	d7 — g7
3)	b5 — c5	c7 — c6
4)	c5 — d5 +	c6 — d5°
5)	a2 — b3	d5 — e4° ✕

№ 82.

1)	g4 — e4 +	f3 — e4°
2)	d1 — d7	e5 — f6° (**A, B, C, D, E, F.**)
3)	d7 — e6 ✕	

(A.)

2)		f7 — d7°
3)	b6 — d7° ✕	

(B.)

2)		f7 — e7
3)	d7 — e7° ✕	

(C.)

2)		f7 — f6°
3)	b6 — c4° ✕	

(D.)

2) . . . . . e4 — d5 или на f5
3) d7 — f5 ✕

(E.)

2) . . . . . e2 — d4 или на f4
3) d7 — d4 ✕

(F.)

2) . . . . . c4 — e3°
3) d7 — d4 ✕

Очевидно, что если первымъ ходомъ черные пойдутъ не такъ, какъ показано выше, а 1. c5 — c4° или 1. c5 — [illegible], то получатъ матъ слѣдующимъ ходомъ, въ первомъ случаѣ посредствомъ 2, d1 — d5 ✕, а во второмъ посредствомъ 2. e4 — e6 ✕

№ 83.

1) f7 — f8 f4 — g3 (A)
2) f8 — g8 + g3 — f4 или на h4
3) g8 — g4 ✕

(A.)

1) . . . . . f4 — g5
2) f8 — g8 + g5 — h6
3) g1 — e3 ✕

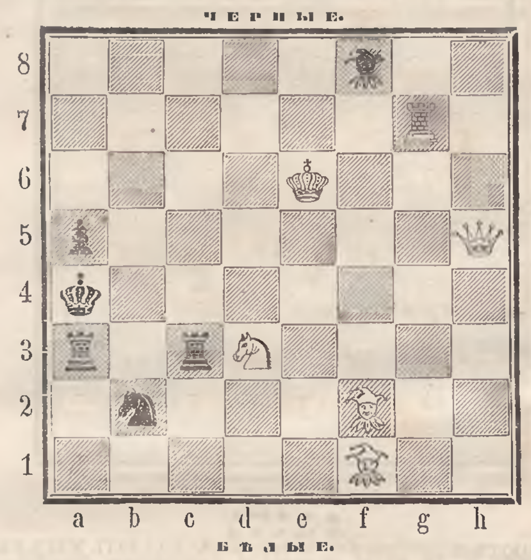
№ 84.

1) a7 — b6 d6 — d5
2) a1 — a8 d5 — d4
3) b6 — a7 король идетъ на a5, a4 или a3
4) a7 — c5 ✕

Задачи.

№ 96.

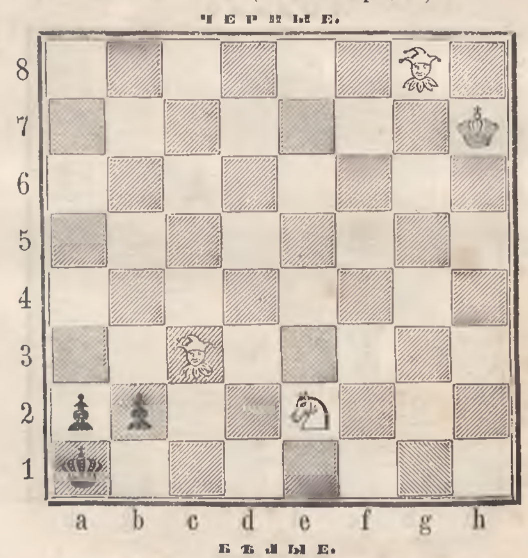
Н. ОСТРОГОРСКАГО (въ Москвѣ).

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 97.

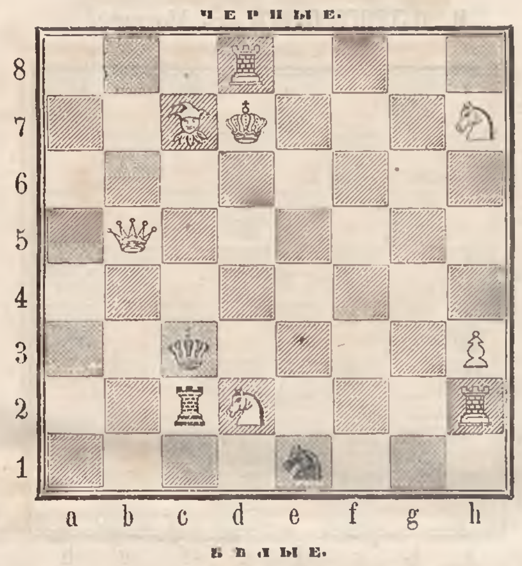
Г-на К. . . . . (въ Новгородѣ.)

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 15 ходовъ.

№ 98.

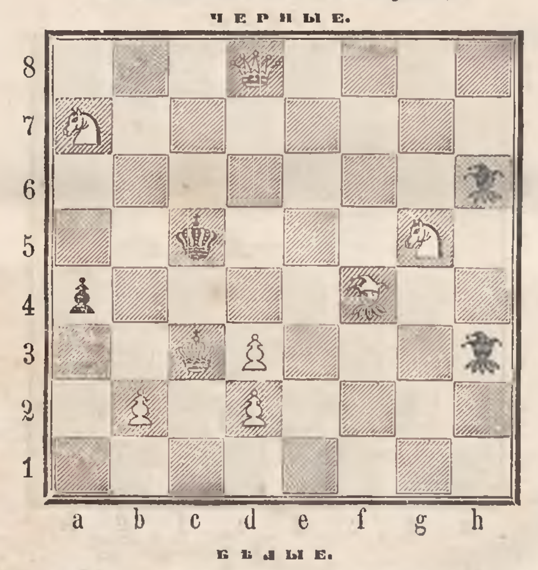
Н. ОСТРОГОРСКАГО (въ Москвѣ).

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 10 ходовъ.

№ 99.

Г-НА К. . . . . . (въ Новгородѣ)

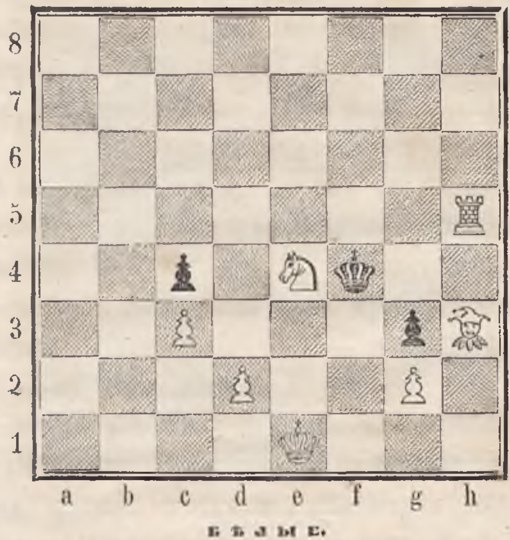

Бѣлые начинютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 4 хода.

№ 100.

К. К. ШПЕЙЕРА (въ Николаевѣ).

ЧЕРНЫЕ.

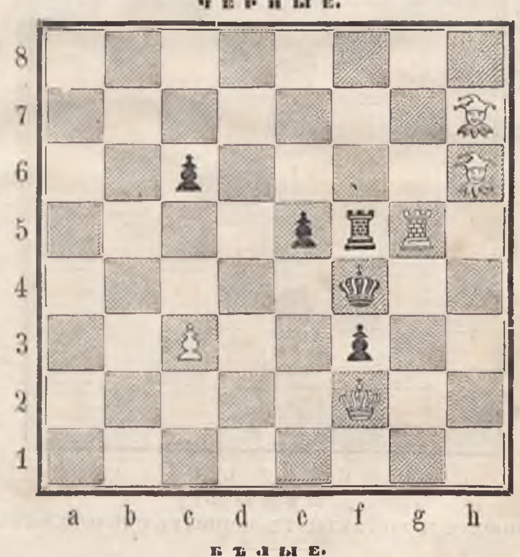
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 101.

Его же.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

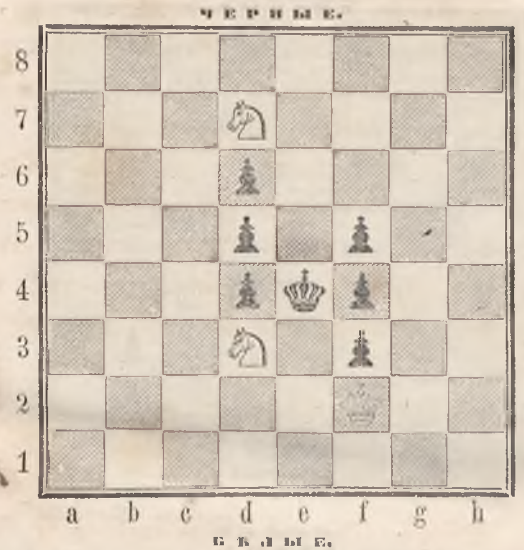
Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 102.

Н. ОСТРОГОРСКАГО.

Карѐ.

ЧЕРНЫЕ.

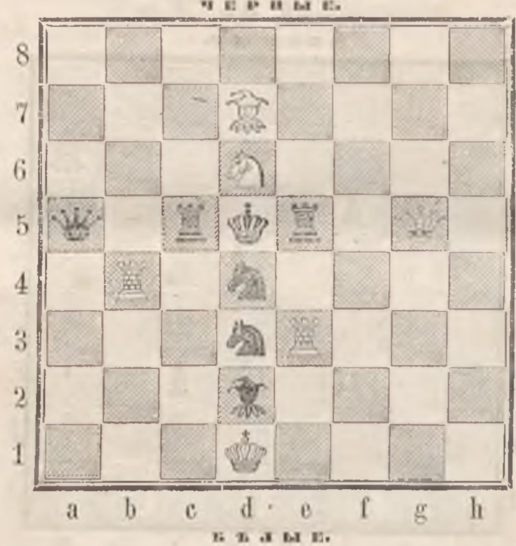
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 103.

Н. И. ПЕТРОВСКАГО (въ С.-П—бургѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 3 хода.

Послѣднія двѣ задачи очень легки, но онѣ довольно красивы и будутъ надѣемся, занимательны для мало-опытныхъ игроковъ.

Корреспонденція. *И. Остр—му* (въ Москвѣ). Признавая, по нѣкоторымъ соображеніямъ, неудобнымъ отвѣчать на Вашъ вопросъ печатно, обращаемся къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою благоволить сообщить Вашъ адресъ въ контору «Русскаго Слова» или Виктору Михайловичу Михайлову въ С.-П—бургѣ, по Моховой, въ домѣ графа Ламздорфа.—Ваши задачи очень хороши.

Н. И. Зел—му. Благодаримъ за присылку проблемъ, но печатать ихъ не будемъ, потому что онѣ ужъ слишкомъ легки. Конечно, помѣщенная въ настоящемъ Листкѣ задача подъ названіемъ «*Каре*» ни чуть не труднѣе, но за то она красива, такъ сказать игрива, тогда какъ сообщенныя Вами проблемы вовсе не имѣютъ этого свойства.

Г-ну Ек—ву. Ваши рѣшенія вѣрны.

Г-ну Ан—ну (въ Тобольскѣ). Вы находитесь въ заблужденіи, полагая, что разрѣшили проблему А. Д. Петрова, посвященную г-ну Ахшарумову: чернымъ стоитъ на тринадцатомъ ходѣ взять давшаго шахъ ферзя не слономъ, а королемъ и мата нѣтъ! Изъ настоящаго Листка Вы изволите усмотрѣть, что сокращеніе, сдѣланное Вами въ рѣшеніи кипергани г-на Саговскаго, также ошибочно.

С. Н. Эн—ну (въ Москвѣ). Извѣстіе о матчѣ Колиша съ Андерсеномъ помѣщено въ прошломъ Листкѣ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
ЖУРНАЛА
УЧИТЕЛЬ
въ 1862 году.

Открывая подписку на второй годъ журнала «Учитель», мы считаемъ излишнимъ распространяться о цѣли и направленіи его, высказанныхъ уже въ прошлогоднемъ объявленіи. Тѣмъ болѣе излишнимъ кажется намъ—хвалиться достоинствами нашего журнала или оправдываться въ недостаткахъ его. Относительно первыхъ лучшіе судьи — сами читатели, которые знаютъ, чего имъ недоставало и насколько мы удовлетворили ихъ потребностямъ. Изъ недостатковъ же нѣкоторые, надѣемся, будутъ, по всей справедливости, отнесены насчетъ новизны дѣла, другіе — насчетъ несовершенства всего человѣческаго. Что касается насъ, то мы можемъ только утѣшать себя тѣмъ, что прилагали, прилагаемъ и будемъ прилагать о журналѣ ту степень стараній и заботливости, которая приличествуетъ дѣлу, составляющему задачу всей нашей жизни. Надѣемся и впередъ доказать, что это не одни *слова;* и думаемъ, что измѣненія и улучшенія, къ которымъ мы намѣрены приступить въ будущемъ году, могутъ служить ручательствомъ за исполненіе нашихъ обѣщаній. Измѣненія и улучшенія эти будутъ состоять въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, чтобы доставить читателямъ нашимъ возможность слѣдить за всѣми существенными новыми явленіями въ отечественной педагогической литературѣ, мы присоединимъ къ библіографическому отдѣлу **педагогическое обозрѣніе**, въ которомъ бу-

демъ давать подробный критическій отчетъ какъ о всѣхъ замѣчательныхъ педагогическихъ статьяхъ, появляющихся въ нашихъ спеціальныхъ журналахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ, такъ и объ отдѣльныхъ новыхъ сочиненіяхъ по части воспитанія и обученія. Начнемъ же мы «обозрѣніе» рядомъ статей, въ которыхъ разсмотримъ приблизительно все, что до настоящаго времени сдѣлано нашею педагогическою литературою. Такимъ образомъ къ концу года отдѣлъ этотъ представитъ полную картину педагогической литературной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ за послѣднее тридцатилѣтіе.

Во-вторыхъ, намѣреваясь сдѣлать журналъ нашъ органомъ, посредствующимъ между родителями, желающими воспитывать своихъ дѣтей, съ одной стороны, и воспитателями, воспитательницами, наставниками, частными учебными и воспитательными заведеніями съ другой, мы съ будущаго года открываемъ въ нашемъ журналѣ новый отдѣлъ: **Педагогическій справочный листокъ,** въ которомъ, за самую умѣренную плату, будутъ помѣщаться **объявленія** какъ о лицахъ, ищущихъ для своихъ дѣтей воспитателя, воспитательницу или учителя, такъ и о воспитателяхъ, воспитательницахъ, учителяхъ, пансіонахъ и частныхъ школахъ, предлагающихъ свои услуги родителямъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, уступая желанію многихъ изъ гг. подписчиковъ нашихъ, мы замѣнимъ нынѣшній форматъ журнала болѣе красивымъ и удобнымъ для чтенія форматомъ, нисколько впрочемъ не уменьшая объема годоваго изданія: вмѣсто 60 нынѣшнихъ листовъ, мы дадимъ слишкомъ 70 листовъ меньшаго формата, которые будутъ содержать тѣ же 120 листовъ въ обыкновенную 8-ую долю.

Сообразно съ упомянутыми измѣненіями, въ журналъ нашъ въ будущемъ году войдутъ слѣдующіе отдѣлы и рубрики:

ОТДѢЛЪ I.

1) **УЧЕНІЕ О ФИЗИЧЕСКОЙ ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢКА:** а) *Анатомія* и *физіологія*, т. е. описаніе человѣческаго организма и его отправленій. б) Процесъ естественнаго развитія организма отъ рожденія до возмужалости. в) *Діететика*: условія здоровья и долгой жизни, вліяніе на организмъ пищи, воздуха, жилища, занятій, и т. д. г) Человѣческій организмъ въ здоровомъ и больномъ состояніи; разсмотрѣніе болѣзней, особенно дѣтскаго возраста.

2) **Опытная психологія:** а) Изслѣдованіе душевныхъ способностей и силъ человѣка; б) Процесъ развитія этихъ способностей въ различныя эпохи жизни.

3) **Популярная, практическая логика.**

4) **Педагогика,** т. е. теорія воспитанія, сообразная съ законами человѣческой природы: а) Воспитаніе *физическое*, *умственное*, *эстетическое*, *нравственно-религіозное* въ примѣненіи къ различному возрасту и полу. б) Воспитаніе *домашнее* и *общественное* (училищевѣдѣніе); очерки воспитанія отдѣльныхъ личностей. в) Личность, значеніе и обязанности учителя какъ человѣка, гражданина и воспитателя.

5) **Исторія воспитанія:** біографіи знаменитыхъ педагоговъ и изображеніе ихъ дѣятельности; описаніе замѣчательныхъ воспит. и учебныхъ заведеній. Дѣтскіе сады, народныя училища, учительскія семинаріи.

6) **Популярное изложеніе различныхъ наукъ:** зоологіи, ботаники, минералогіи, физики, астрономіи и пр., народнаго и сельскаго хозяйствъ, технологіи, математики, географіи, исторіи, литературы и т. д.

ОТДѢЛЪ II.

1) **Дидактика,** т. е. изложеніе общихъ правилъ преподаванія на различныхъ ступеняхъ развитія.

2) **Методика,** т. е. изложеніе различныхъ способовъ и пріемовъ преподаванія по всѣмъ предметамъ.

3) **Примѣненіе различныхъ методъ на практикѣ,** т. е. подробно изложенные уроки по отдѣльнымъ учебнымъ предметамъ, могущіе служить образцами для преподаванія, особенно *элементарнаго*.

4) **Указаніе и объясненіе искусствъ, ремеслъ, а также игръ** и вообще механическихъ занятій, приличныхъ дѣтямъ различнаго возраста.

ОТДѢЛЪ III.

1) **Педагогическое обозрѣніе и библіографія.** Сюда войдутъ: а) рядъ статей о педагогической теоріи, насколько она до настоящаго времени разработана въ нашемъ отечествѣ; б) отчеты обо всѣхъ замѣчательныхъ педагогическихъ статьяхъ и вновь выходящихъ книгахъ

по части воспитанія и обученія; в) разборы учебныхъ пособій, руководствъ и дѣтскихъ книгъ.

2) **ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА И СМѢСЬ.** Въ перепискѣ будутъ помѣщаться отвѣты на всѣ частные вопросы, съ которыми читатели, нуждающіеся въ какомъ–либо свѣдѣніи или совѣтѣ по воспитательной и учебной части, пожелаютъ обратиться къ намъ. Въ смѣсь войдутъ: *замѣтки* различнаго содержанія, относящіяся болѣе или менѣе къ воспитанію и обученію; *вопросы* и *задачи* изъ различныхъ наукъ для размышленія и рѣшенія.

ОТДѢЛЪ IV.

Педагогическій справочный листокъ. Сюда могутъ войти: а) частныя *объявленія* лицъ, ищущихъ для дѣтей своихъ наставника или наставницу, или желающихъ помѣстить дѣтей куда–либо въ пансіонъ или учебное заведеніе; б) *предложенія* лицъ, ищущихъ мѣсто гувернера, гувернантки, домашняго учителя или домашней учительницы; в) *предложенія* семействъ, частныхъ школъ и пансіоновъ, принимающихъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей извѣстнаго возраста и пола; г) *объявленія* авторовъ, издателей и книгопродавцевъ объ учебныхъ пособіяхъ и руководствахъ, педагогическихъ сочиненіяхъ, дѣтскихъ книгахъ и проч.

При этомъ обращаемся ко всѣмъ иногороднымъ содержателямъ частныхъ школъ и пансіоновъ съ покорнѣйшею просьбою присылать намъ объявленія о своихъ заведеніяхъ, съ означеніемъ въ подробности всѣхъ условій пріема, платы и т. д., дабы и тѣ семейства, которыя живутъ въ помѣстьяхъ своихъ, могли чрезъ нашъ журналъ узнавать о воспитательныхъ заведеніяхъ, находящихся въ ближайшихъ отъ нихъ городахъ.

За однократное напечатаніе объявленія мелкимъ шрифтомъ взимается по $1/5$ коп. сер. съ буквы, а за каждую букву въ заголовкѣ по $2/5$ к.

За особыя приложенія, какъ то: программы, каталоги и проч., берется по 3 руб. съ каждой тысячи (изъ этихъ денегъ 2 руб. идутъ въ газетную экспедицію).

Объявленія принимаются: отъ иногородныхъ въ самой редакціи, а отъ жителей Петербурга въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ П. И. Крашенинникова.

Для лицъ, незнакомыхъ еще съ нашимъ журналомъ, не лишнимъ считаемъ поименовать главныя статьи, помѣщенныя въ немъ въ нынѣшнемъ году.

Въ 1-мъ отдѣлѣ: Что такое народное училище, и въ чемъ состоитъ его дѣло?—О томъ, какъ возникли и развивались народныя училища въ Англіи и Германіи.—Значеніе народныхъ училищъ въ народно-хозяйственномъ отношеніи. Есть ли у насъ такія училища и какъ бы намъ учредить первыя учительскія семинаріи для образованія народныхъ учителей?—Совершающееся преобразованіе народныхъ училищъ въ Финляндіи. Проектъ учрежденія народныхъ школъ въ Финляндіи, составленный по порученію Финляндскаго сената. У. Сигнеусомъ. (Статьи Н Весселя.)—Опытная психологія въ примѣненіи къ воспитанію и обученію. Его же.—Дитя въ перные годы жизни (воспитательные очерки).—Бѣлинскій, какъ педагогъ, О. Миллера.—Что всякому нужно знать изъ химіи.—О цвѣтахъ и плодахъ.—Чудеса астрономіи.—Кое-что изъ метеорологіи.—О жизни земли.—Питаніе и пища человѣка. (Статья А. Бернштейна).

Во 2-мъ отдѣлѣ: Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской. Священника Д. Соколова.—Примѣры общенагляднаго обученія.—О первоначальномъ преподаваніи отечественнаго языка. І. Паульсона.—Обученіе письму. Я. Мессера.—Наглядное обученіе ариѳметикѣ.—Элементарная геометрія по Дистервегу (съ 74 чертежами). Обученіе рисованію. Д. Ульянова. (Съ 60-ю чертежами).—Бесѣды о русской исторіи О. Миллера.

Въ *библіографическомъ отдѣлѣ*: разборъ болѣе 200 книгъ для дѣтскаго чтенія Ф. Толля.

Кромѣ того, въ особомъ приложеніи дано сочиненіе д-ра Зигисмунда «Первое ознакомленіе дѣтей съ природой». Съ 48 рисунками въ текстѣ.

Въ заключеніе представляемъ списокъ статей, заготовленныхъ нами для помѣщенія въ будущемъ году.

Устройство одноклассналго народнаго училища. Н. Весселя.

Рядъ статей о женскомъ воспитаніи и объ устройствѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Его же.

Воспитательныя игры и занятія Фрёбеля для дѣтей втораго возраста. Съ рисунками. (Игры для дѣтей перваго возраста будутъ даны еще въ нынѣшнемъ году.)

Дѣтская діететика. Д-ра Бернарда, врача дѣтскихъ болѣзней и профессора при Вѣнскомъ университетѣ.

Педагогическіе эскизы Ф. Толля.

Что можетъ сдѣлать воспитаніе (воспитательный очеркъ). Ф. Бёмера.

Какое значеніе имѣетъ гимнастика въ воспитаніи, и какъ ее устроить въ училищахъ. I Паульсона.

Законы мышленія, изложенные по Бенеке и Дресслеру.

Организмъ человѣка и человѣческое искуство. Физіологическіе очерки. А. Бернштейна.—Объ инстинктѣ животныхъ. Его же.—Сокровенныя силы природы. Его же.

Письма о ботаникѣ. Соч. Линдлея. Съ рисунками.

Жизнь насѣкомыхъ. Съ рисунками.

Опытъ историческаго изложенія русской словесности со временъ Петра I, съ христоматіей, расположенной по авторамъ. Ореста Миллера.

Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской (Новый Завѣтъ). Свящ. Д. Соколова.

Общенаглядное обученіе.

Какой лучшій способъ обученія грамотѣ? (Обзоръ извѣстныхъ способовъ этого обученія будетъ данъ еще въ нынѣшнемъ году).

Первоначальное обученіе отечественному языку. Курсъ третій.

Обученіе письму. Курсы второй и третій Я. Мессера.

Элементарное преподаваніе географіи (отчизновѣдѣніе).

Бесѣды о русской исторіи. Отъ Ярослава до Петра I. (Исторія до Ярослава дается въ нынѣшнемъ году.)

О преподаваніи естественныхъ наукъ въ народныхъ училищахъ.

Ботаническія прогулки съ дѣтьми. И. Нордмана.

О преподаваніи иностранныхъ языковъ. I. Паульсона.

Раціональное преподаваніе женскихъ рукодѣлій въ училищахъ.

Курсъ гимнастики. Съ рисунками.

Уроки рисованія по методѣ Дюпюи. Д. Ульянова.

Обученіе пѣнію въ народныхъ училищахъ. Дир. учил. Св. Петра И. Штейнмана.

Элементарная физика по Крюгеру. Съ 80-ю рисунками. Ф. Бёмера.

Христоматія къ исторіи литературы г. Миллера будетъ дана въ особенномъ приложеніи.

При нынѣшнемъ числѣ подписчиковъ (3065) мы не можемъ дать болѣе одного приложенія въ годъ; но если число подписчиковъ нашихъ увеличится, то мы намѣрены дать въ будущемъ году еще одно приложеніе, выборъ котораго будетъ сдѣланъ, смотря по доставленнымъ намъ средствамъ, изъ слѣдующихъ сочиненій, приготовляемыхъ къ изданію:

1) ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ ДЛЯ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ, составл. по Каппу, Вельтеру и др. Часть I. Древняя исторія.

2) ПОПУЛЯРНАЯ АНАТОМІЯ И ФИЗІОЛОГІЯ. Д-ра Шребера. Съ рисунками. Пер. Ф. Бемера.

3) ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ. Практическое руководство къ изученію химіи. Соч. Штаммера. Съ рисунками. Пер. А. Веригo.

4) РУССКАЯ ФЛОРА. Руководство къ опредѣленію всѣхъ дикорастущихъ въ Россіи явнобрачныхъ растеній, составленное по извѣстнымъ руководствамъ Лангмана, Вейганда, Постеля и др. Д. Михайловымъ, магистромъ ботаники.

5) КОСМОГРАФІЯ, составленная по руководствамъ Дистервега, Медлера и др. В. Воленсомъ. Съ рисунками.

Журналъ «УЧИТЕЛЬ» будетъ выходить, какъ и въ нынѣшнемъ году, два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 16-го числа, выпусками не менѣе 3 листовъ въ большую 8-ую долю и въ два столбца четкой убористой печати.

Подписная цѣна за 24 выпуска въ годъ съ доставкою на домъ или съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи. 4 руб. сер., безъ доставки 3 р. 50 к. с.

Примѣчанія. Полугодовой подписки редакція не принимаетъ; но всѣ лица, кто бы они ни были, затрудняющіяся въ высылкѣ разомъ всей подписной суммы, могутъ присылать ее въ 2 срока: къ 1-му января и къ 1-му іюля.

Училища могутъ высылать деньги въ теченіе года, но не позже 1-го августа. При этомъ мы покорнѣйше просимъ гг. штатныхъ смотрителей, учителей и вообще лицъ, выписывающихъ журналъ для училищъ и требующихъ увѣдомленія о полученіи денегъ, выписывать журналъ чрезъ дирекціи училищъ, или же прилагать *почтовую марку* на высылку имъ квитанціи. Въ послѣднемъ случаѣ мы на квитанціяхъ будемъ расписываться въ полученіи 4 р. 10 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

отъ иногородныхъ *исключительно* въ Редакціи, а отъ жителей С. Петербурга—въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Крашенинникова, на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади, въ домѣ Греффа.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ присылать свои требованія и деньги, адресуя *въ С. Петербургъ, въ редакцію журнала «Учитель», въ Галерной улицѣ № 19.*

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые подписались *непосредственно* въ редакціи.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія заранѣе, дабы можно было заготовить достаточное число экземпляровъ.

Новые подписчики могутъ, если пожелаютъ, имѣть полное изданіе журнала и за нынѣшній годъ.

Редакторы-издатели **I. Паульсонъ.**
Н. Вессель.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ 22 сентября 1861 года.
Ценсоръ *Е. Волковъ.*

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

Дневникъ темнаго человѣка.

Нѣчто о главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Открытія ревизіонной коммисіи. — Маленькія неточности, въ нѣсколько десятковъ тысячъ. — Логика г. Герена и его благопріобрѣтенія. — Приданое г. Дюбронара. — Депеши къ д-цѣ Кларѣ и къ Софьѣ Петровнѣ. — Элегія одного акціонера. — Еще открытіе коммисіи. — Путешествіе г. и г-жи Доманже. — Легетръ и 1 р. 20 к. сер. на водку. — Русскіе за границей и безгранично-щедрые иностранцы въ Россіи. — Дорожные стансы Легетра, переводъ съ французскаго. — Остроумный фарсъ главнаго общества. — Миѳъ о каретѣ г. Гелинга, потерянной въ Псковѣ. — Моя застольная пѣсня по этому поводу. — Роскошь главнаго директора общества и доходы архитектора Бонштедта. — Что такое значитъ меблировать квартиру? — Можно-ли въ Россіи добыть канцелярскіе матеріалы для общества? — Совѣтъ, думающій о благѣ Россіи, и его предложенія. — Перейра и Абаза. — Русскіе Миресы и пѣсня, посвященная имъ. — Что новаго? — *Видимое* затишье въ Петербургѣ. — Надъ Л. Камбекомъ сбирается туча. — Смирдинъ и эпиграмма Пушкина. — Современный нашъ недугъ и два типа редакторовъ. — *Новый сатирикъ*, и господинъ, ищущій *направленія для* своей газеты. — Петербургская начальница и ея антипатія къ русскимъ журналамъ. — Мое обращеніе къ ней. — Школьная дисциплина. — В. В. Ганка и его другъ, академикъ Дубровскій. — Гейне и его другъ г. А. Арсеньевъ. — Слухъ о новомъ романѣ г. Тургенева. — Шарлатанство А. Дюма и французскій прогрессъ. — Первый дебютъ г-жи Струйской въ двухъ комедіяхъ г. Островскаго. — Новый видъ лихоимства. — Лжегенералъ и лже-литераторъ. — Провинціальная хроника. — Нижегородскій самозванецъ. — Вѣсти съ *Чернаго озера* и появленіе всадника въ публичномъ суду. — Курьезное объявленіе. — Педагогъ, берущій взятки цвѣтами. — Закулисный театральный міръ въ провинціи. — Закулисная элегія. — Предупредительность опеки. — Окольные пути. — Г. Солонина и его подвиги.

Шахматный листокъ (за августъ). В. М. МИХАЙЛОВА.

Къ октябрской книжкѣ будутъ приложены остальныя главы исторіи Грота.

Въ разборѣ романа «Униженные и оскорбленные» встрѣчаются опечатки:

стр.	строка	напечатано:	должно быть
На 36	сверх. 8	облегчить	обличить
— 43	14 снизу	запутанность, интрига до того велики	запутанность интриги до того велика